

ANNALES CONTEMPORAINES

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ
и ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ

VII

1921

ПАРИЖЪ

:: Imprimerie ::
«Presse Franco-Russe»
O. Zeluk, Directeur

:: Типографія ::
«Франко-Русск.Печать»
216, Bd Raspail, Paris

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
1. Гр. Алексѣй Н. Толстой. — ХОЖДЕНІЕ ПО МУКАМЪ. (Романъ), (Окончаніе)	1
2. Георгій Гребенщиковъ. — ЧУРАЕВЫ. (Романъ). (Продолженіе).	44
3. Марина Цвѣтаева. — Стихотворенія	93
4. Баталья Крандѣвская — Стихотворенія	104
5. Амари. — НИКОЛАЙ I. (Изъ поэмы «Декабристы»).	106
6. В. Сиринъ. — Стихотворенія.	108
7. К. Д. Бальмонтъ. — БѢЛАЯ НЕВѢСТА. (Повѣсть)	109
8. М. А. Алдановъ. — ДЕВЯТОЕ ТЕРМИДОРА. (Отрывокъ изъ неизданной книги).	130
9. Проф П. Г. Виноградовъ. — ПЕРСПЕКТИВЫ ИСТОРИЧЕСКАГО ПРАВОВѢДѢНІЯ.	154
10. С. В. Лурье. — ДВА ПУТИ. (Философія идеи и философія переживанія).	162
11. Н. М. Минскій. — ОТЪ ДАВТЕ КЪ БЛОКУ	188
12. Дюнео. — ЛИТЕРАТУРА ИРЛАНДСКАГО ВОЗРОЖДЕНІЯ	209
13. И. Бунаковъ. — ПУТИ РОССІИ. (Статья третья)	237
14. Кн. В. Оболенскій. — ВОСПОМИНАНІЯ О 1891 ГОЛОДНОМЪ ГОДѢ	261
15. Ст. Ивановичъ. — ПОГИБЕЛЬ.	286
16. КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ. — Х...: ПИСЬМО ИЗЪ РОССІИ — В. И. Таливъ: ПО ПЕРЕПИСИ. — Б. Шлецеръ: ДВА ПОЛЮСА РУССКОЙ МУЗЫКИ. — Андрей Левинсонъ: СЮАРЭСЪ	322
17. М. В. Вишнякъ. — НА РОДИНѢ. I. Чѣмъ русскіе люди живы? — «Индивидуальное добываніе пищи». — Отъ золота о вѣка къ каменному. — II. Проклятіе прошлаго. — Факторы голода: естественныя и производныя. «Реальный нажимъ» и размѣры голода. — III. Всероссийскій Общественный Комитетъ. Двѣ стороны. — «Реалисты-Общественники». Дѣло «государственное и общественно обязательное». — Общественность зарубежная. — «Россія прежде всего! Народъ прежде всего!» — Капитуляція или трамплинъ? — Ленинъ, Зиновьевъ, Дзержинскій. — Тройной прѣсчетъ. — Ликвидация внутрироссійской помощи. — IV. Помощь, какъ международная проблема. — Голодь и новыя перспективы во внѣшней политикѣ большевиковъ. — „Коминтернъ“ и „Коминдѣлъ“. — Голодь и интересы Европы, Азии, Америки. — Помоць людямъ, но не учрежденіямъ! Хлѣбъ голоднымъ, но не кредиты властямъ!	361

18. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ: — А. Аргуновъ: Г. К. Гинсъ: «Сибирь, Союзники и Колчакъ»: т. II. — Ст. Ивановъ: Г. В. Плехановъ: «Годъ на Родинѣ», 2 т. — Ст. И.: Ив. Наживинъ: «Записки о революціи». — Б. Шледеръ и М. В.: «Знаніе», № 1 и 2; «Временникъ литературы и политики». — В. Р.: Генрихъ Штребель: «Германская революція, ея несчастье и ея спасеніе». — А. Левинсонъ: «Жаръ-Птица», № 1. — Б. Ш.: Шарль Андлеръ, «Молодость Ницше». 393
-

Продолженіе очерковъ С. Р. Минцова «ЗА МЕРТВЫМИ ДУШАМИ»,
намѣчено въ дальнѣйшихъ №№.

ХОЖДЕНИЕ ПО МУКАМЪ.

РОМАНЪ.

О, РУССКАЯ ЗЕМЛЯ...

(Слово о полку Игоревъ).

(Окончаніе*).

XXXIX.

— Граждане, солдаты отнынѣ свободной русской арміи, мнѣ выпала рѣдкая честь поздравить васъ со свѣтлымъ праздникомъ: цѣпи рабства разбиты, въ три дня, безъ единой капли крови, русскій народъ совершилъ величайшую въ исторіи революцію. Кровавый царь Николай отрекся отъ престола, царскіе министры арестованы, Михаилъ, наслѣдникъ престола, самъ отклонилъ отъ себя непосильный вѣнецъ. Нынѣ вся полнота власти передана народу. Во главѣ государства стало Временное Правительство для того, чтобы въ возможно скорѣйшій срокъ произвести выборы во Всероссийское Учредительное Собраніе на основаніи прямого, всеобщаго, равнаго и тайнаго голосованія... Отнынѣ, — да здравствуетъ Русская Революція, да здравствуетъ Учредительное Собраніе, да здравствуетъ Временное Правительство...

— Ураааа, — протяжно заревѣла тысячеголосая толпа солдатъ. Николай Ивановичъ Смоковниковъ вынулъ изъ кармана замшеваго фрэнча большой, защитнаго цвѣта, платокъ и вытеръ шею, лицо и бороду. Говорилъ онъ, стоя на сколоченной изъ досокъ трибунѣ, куда нужно было взбираться

*) См. № № 1, 2, 3, 4, 5 и 6 «Современныхъ Записокъ».

по перекладинамъ. За его спиной стоялъ командиръ полка, Тетькинъ, недавно произведенный въ полковники, — обвѣтренное, съ короткой бородкой, съ мясистымъ носомъ лицо его изображало напряженное вниманіе. Когда раздалось, — ура, — онъ озабоченно поднесъ ладонь ребромъ къ козырьку. Передъ трибуной на ровномъ полѣ съ черными проталинами и грязными пятнами снѣга стояли солдаты, тысячи двѣ человѣкъ, безъ оружія, въ желѣзныхъ шапкахъ, въ распоясанныхъ, мятыхъ шинеляхъ, и слушали, разинувъ рты, удивительныя слова, которыя говорилъ имъ, багровый, какъ индюкъ, баринъ. Вдалекѣ, въ сѣренькой мглѣ, торчали обгорѣвшія трубы деревни. За ней начинались нѣмецкія позиціи. Нѣсколько лохматыхъ воронъ летѣло черезъ это унылое, мертвое поле.

— Солдаты! — вытянувъ передъ собой руку съ растопыренными пальцами, продолжалъ Николай Ивановичъ, и шея его налилась кровью, — еще вчера вы были нижними чинами, безсловеснымъ стадомъ, которое царская Ставка бросала на убой... Васъ не спрашивали, за что вы должны умирать... Васъ сѣкли за провинности и разстрѣливали безъ суда. — (Полковникъ Тетькинъ кашлянулъ, переступилъ съ ноги на ногу, но промолчалъ и вновь нагнулъ голову, внимательно слушая). — Я, назначенный Временнымъ Правительствомъ, комиссаръ армій западнаго фронта, объявляю вамъ, — Николай Ивановичъ стиснулъ пальцы, какъ-бы захватывая узду, — отнынѣ нѣтъ болѣе нижнихъ чиновъ. Названіе отмѣняется. Отнынѣ вы — солдаты, равноправные граждане Государства Россійскаго: разницы больше нѣтъ между солдатомъ и командующимъ арміей. Названія --- ваше благородіе, ваше высокоблагородіе, ваше превосходительство — отмѣняются. Отнынѣ вы говорите, — «здравствуйте, господинъ генераль», или: «нѣтъ, господинъ генераль», «да, господинъ генераль». Унизительные отвѣты: «точно такъ» и «никакъ нѣтъ» — отмѣняются. Отдача чести солдатомъ какому бы то ни было офицерскому чину — отмѣняется навсегда. Вы можете здороваться за руку съ генераломъ, если вамъ охота...

— Го, го, го — весело прокатилось по толпѣ солдатъ. Улыбался и полковникъ Тетькинъ, помаргивая испуганными глазками.

— И, наконецъ, самое главное: солдаты, прежде война велась царскимъ правительствомъ, нынче она ведется народомъ, — вами. Посему, Временное Правительство предлагаетъ вамъ образовать во всѣхъ арміяхъ солдатскіе комитеты, — ротные, батальонные, полковые и т. д., вплоть до армейскихъ... Свободно выбранные комитеты должны вѣдать всѣми дѣлами арміи, начиная отъ веденія хозяйства, вплоть до равноправнаго участія въ разработкѣ военныхъ плановъ. Посылайте въ комитеты товарищей, которымъ вы довѣряете!.. Отнынѣ солдатскій палець будетъ гулять по военной картѣ рядомъ съ карандашемъ главоверха... Солдаты, я поздравляю васъ съ главнѣйшимъ завоеваніемъ революціи...

Криками — урааа — олять зашумѣло все поле. Тетькинъ стоялъ на вытяжку, держа подъ козырекъ. Лицо у него стало сѣрое, и глаза съ покорнымъ ужасомъ были устремлены на Николая Ивановича. Изъ толпы начали кричать:

— А скоро замиряться съ нѣмцами станемъ?

— Мыла сколько выдавать будутъ на человѣка?

— Господинъ комиссаръ, а за воровство комитеты будутъ судить, или судъ?

— У меня жалоба, господинъ...

— Я насчетъ отпуска, у меня животь больной...

— Третій мѣсяць въ окопахъ гнѣмь... Износились...

— Господинъ комиссаръ, какъ-же у насъ теперь, — короля что-ли выбирать стануть въ Петербургъ?..

Чтобы лучше отвѣчать на вопросы, Николай Ивановичъ слѣзъ на землю, и его сейчасъ-же окружили возбужденные, крѣпко пахнушіе, солдаты. Полковникъ Тетькинъ, облокотясь о перила трибуны, глядѣлъ, какъ въ гущѣ желѣзныхъ шапокъ двигалась, крутясь и удаляясь, непокрытая, стриженная голова и жирный затылокъ военного комиссара. Одинъ изъ солдатъ, рыжеватый, радостно злой, въ шинели въ накидку (Тетькинъ хорошо зналъ его, — крикунъ и озорникъ изъ телефонной роты) поймалъ Николая Ивановича

за ремень френча и бѣгая кругомъ глазами, началъ спрашивать:

— Господинъ военный комиссаръ, вы намъ сладко говорили, мы васъ сладко слушали... Теперь вы на мой вопросъ отвѣтите... Можете вы на мой вопросъ отвѣтить, или не можете, — такъ вы мнѣ и скажите...

Солдаты радостно зашумѣли и сдвинулись тѣснѣе. Полковникъ Тетькинъ нахмурился и озабоченно полѣвъ съ трибуны,

— Я вамъ поставлю вопросъ, — говорилъ солдатъ, почти касаясь чернымъ ногтемъ носа Николая Ивановича, — получила я изъ деревни письмо, сломала у меня дома коровешка, самъ я безлошадный, и хозяйка моя съ дѣтьми пошла по міру, просить у людей куски... Значить, теперь имѣете вы право меня разстрѣлывать за дезиртерство? — я васъ спрашиваю?.

— Если личное благополучіе вамъ дороже свободы, — предайте ее, предайте ее, какъ Іуда, и Россія вамъ бросить въ глаза: — вы не достойны быть солдатомъ революціонной арміи... Идите домой! — рѣзко крикнулъ Николай Ивановичъ.

— Да вы на меня не кричите!

— Ты кто такой, чтобъ на насъ кричать!..

— Солдаты, — Николай Ивановичъ поднялся на ципочки, — здѣсь происходитъ недоразумѣніе... Первый завѣтъ революціи, господа, — это вѣрность нашимъ союзникамъ... Свободная, революціонная, русская армія со свѣжей силой должна обрушиться на злѣйшаго врага свободы, на имперялистическую Германію...

— А ты самъ-то кормилъ вшей въ окопахъ? — раздался чей-то грубый голосъ.

— Онъ ихъ средѣ и не видалъ...

— Подари ему тройку на разводку...

— Ты намъ про свободу не говори, ты намъ про войну говори: — три года воюемъ... Это вамъ хорошо въ тылу брюхо растить, а намъ знать надо, какъ войну кончать...

— Солдаты, — воскликнулъ опять Николай Ивановичъ, — знамя революціи поднято: свобода и война до послѣдней побѣды...

— Вотъ, чортъ, дуракъ непонятный...

— А гдѣ она побѣда?.. Мы три года воюемъ, побѣды не видали...

— А зачѣмъ тогда царя скидывали...

— Они нарочно царя скинули, онъ имъ помѣшалъ войну затягивать...

— Что вы на него смотрите, товарищи, онъ подкупленный...

— Подосланный, сразу видно...

Полковникъ Тетькинъ, раздвигая локтями солдатъ, протискивался къ Николаю Ивановичу, и видѣлъ, какъ сутулый, огромный, черный артиллеристъ схватилъ его за грудь и, тряся, кричалъ въ лицо:

— Зачѣмъ ты сюда приѣхалъ?.. Говори — зачѣмъ приѣхалъ?..

Круглый затылокъ Николая Ивановича уходилъ въ шею, вздернутая борода, точно нарисованная на щекахъ, моталась. Отталкивая солдата, онъ разорвалъ ему судорожными пальцами воротъ рубахи. Солдатъ, сморщившись, сдернулъ съ себя желѣзный шлемъ и съ силой ударилъ имъ Николая Ивановича нѣсколько разъ въ голову и лицо..

XL.

На ступенькѣ подъѣзда большого ювелирнаго магазина, «Муравейчикъ и Ко», сидѣли ночной сторожъ въ тулупѣ и милицейскій, тихонькій мужичекъ, въ солдатской шинели и въ картузѣ съ нашитой по околышу красной ленточкой. Покатая улица была пуста, зеркальныя окна конторъ и магазинововъ — темны и закрыты рѣшетками. По улицѣ съ шорохомъ гнало листь смятой газеты. Мартовскій, студеныя вѣтерокъ посвистывалъ въ еще голыхъ акаціяхъ, и черная путаница ихъ тѣней шевелилась на мостовой. Луна, по южному яркая и живая, какъ медуза, высоко стояла надъ городомъ. Сторожъ въ тулупѣ рассказывалъ, не спѣша, въ полъ-голоса:

— ... выскочилъ онъ изъ кабинета и говорить: никогда я этому не повѣрю, покуда мнѣ телеграмму не покажете... Тутъ

ему чиновники и показывают телеграмму: отречение Государя Императора. Прочиталь губернаторъ эту телеграмму, да какъ зальется слезами...

— Ай, ай, ай, — сказалъ милицейскій.

— А черезъ три дня ему и отставка...

— За что?

— Значить за то, что онъ губернаторъ, — нынче ихъ упразднили.

— Такъ.

— Объявили свободу, — значить каждый самъ себя теперь управляетъ...

— Ну, да, — вродѣ, какъ теперь самосудомъ управляемся...

— Ну, хорошо... Пошелъ я давеча на кухню въ губернаторскій дворецъ, тамъ Степанъ, швейцаръ, — кумъ мнѣ, конечно... Медали всѣ, картузь съ галуномъ въ сундукъ спрятали, шапченка на немъ рваная какая-то, увидаль меня: «Ну, что, говорить, дожили?.. Я, говорить, на старости лѣтъ такимъ теперъ людямъ двери отворяю, какиихъ раньше бывало — позовешь городского да и ведешь въ участокъ».

— Ай, ай, ай, — опять сказалъ милицейскій.

— И рассказалъ онъ мнѣ, почему пришлось царю нашему отречься... Жилъ царь объ эту пору въ Могилевѣ, и вдругъ говорятъ ему по прямому телеграфу, что, молъ, такъ и такъ, — народъ въ Петербургѣ бунтуется, солдаты противъ народа идти не хотятъ, а хотятъ они разбѣгаться по домамъ. Ну, думаетъ государь, — это еще поль бѣды. Созвалъ онъ всѣхъ генераловъ, вышелъ къ нимъ и говорить: въ Петербургѣ народъ бунтуеть, царству моему приходитъ опасность, что мнѣ дѣлать? — говорите ваше заключеніе, — и смотреть на генераловъ. А генералы, братецъ ты мой, заключеніе не говорятъ, и всѣ въ сторону отвернулись, какъ волки въ лѣсъ.

— Вотъ бѣда-то...

— Одинъ только изъ нихъ не отвернулся отъ него, — пьяненькій старичекъ генераль. «Ваше величество, говорить, прикажите — и грудью я за васъ сейчасъ лягу». Покачалъ государь головой и горько усмѣхнулся: «Изъ всѣхъ, говорить, вѣрныхъ слугъ одинъ мнѣ вѣрный остался, да и тотъ съ утра

каждый день пьяный. Видно — такъ тому и быть, — одинъ въ полѣ не воинъ»...

По улицѣ, въ это время, мимо подъѣзда прошелъ въ лунномъ свѣту высокій человекъ. Верхняя половина его лица была въ тѣни отъ козырька кепки. Лѣвый, пустой, рукавъ сѣраго пальто былъ засунутъ въ карманъ. Онъ повернулъ лицо къ сидящимъ, и отчетливо заблѣзли его зубы. Онъ прошелъ, оставляя на камняхъ влажные слѣды твердыхъ своихъ, длинныхъ ступней.

— Четвертый разъ человекъ этотъ приходитъ, — сказалъ сторожъ.

Вдали на соборной колокольнѣ медленно пробило два часа, и сейчасъ-же стали слышны крики вторыхъ пѣтуховъ за рѣкой, въ слободѣ.

Сторожъ вынулъ коробокъ спичекъ, осторожно почиркалъ, зажегъ огонекъ, и сильно засопѣлъ трубкой, раскуривъ — сплюнулъ шага на три:

— Откуда только жулики эти берутся, — сказалъ онъ, — объявили свободу, и наѣхало ихъ въ городъ тысячъ пять, не меньше. Изъ «Люкса» швейцаръ мнѣ говорилъ: завѣдомо говорить, у насъ въ гостиницѣ не меньше тридцати душъ стоитъ грабителей, — лучшіе нумера заняли. По мелочамъ не работаютъ, банкъ ограбить — это ихъ дѣло, — артисты... Милицейскій вздохнулъ участливо, попросилъ огоньку. На улицѣ опять появился безрукій; — онъ шелъ прямо къ сторожамъ. Они, замолчавъ, глядѣли на него. Вдругъ сторожъ шепнулъ скороговоркой:

— Пропали мы, Иванъ. Давай свистокъ.

Милицейскій потянулся было за свисткомъ, но безрукій большимъ прыжкомъ подскочилъ къ нему и ударилъ ногой въ грудь. Милицейскій съехалъ бокомъ на тротуаръ. Сторожъ сказалъ тихо, дрожащимъ голосомъ:

— Ваше здоровье, вы поаккуратнѣе, вѣдь мы люди подневольные.

— Молчи, — отвѣтилъ безрукій. Изъ-за угла въ это время вывернулъ безъ шума длинный автомобиль, остановился, изъ него выскочило-шесть человекъ въ солдатскихъ шинеляхъ,

въ австрійскихъ курткахъ, — двое стали на улицѣ, на-сторожѣ, двое, ни говоря ни слова, повалили сторожа и милицейскаго ничкомъ и стали крутить имъ руки, двое зазвѣнѣли отмычками у двери въ ювелирный магазинъ. Безрукій говориль въ полъ голоса:

— Сволочи, тише!

Дверь подалась, безрукій и двое громиль вошли въ магазинъ. Все это дѣлалось молча, безъ шума. Молча, не двигаясь, лежали связанные сторожа. На той сторонѣ улицы, въ тѣни, появился запоздавшій прохожій, но, увидавъ что грабятъ, — молча пустился бѣжать. Спустя недолгое время безрукій съ товарищами вышли изъ магазина, — они держали сверточки чернаго бархата. Одинъ изъ налетчиковъ, караулившій связанныхъ сторожей, спросилъ у безрукаго:

— А съ этими что?..

— Ликвидировать...

Налетчикъ вытянулъ изъ кармана венгерской куртки маузеръ, взглянулъ, любуясь, какъ онъ блеститъ на лунѣ и подошелъ къ лежащимъ сторожамъ. Два выстрѣла гулко прокатились по улицѣ. Автомобиль полнымъ ходомъ помчался въ тѣни акацій и скрылся за поворотомъ.

Елизавета Кіевна ходила по своей комнатѣ въ гостиницѣ «Люксъ», останавливалась у пріоткрытаго окна, прислушивалась и курила. На ней поверхъ тонкой рубашки и кружевной юбки была накинута дорогая шуба. Въ комнатѣ пахло духами и сигарами, повсюду валялась одежда и бѣлье, кровать была не прибрана.

Когда послышался шумъ автомобиля, Елизавета Кіевна высунулась въ окно, но ничего не увидала, — вѣтеръ, пѣвшій въ телеграфныхъ проволокахъ, остудилъ ея тѣло подъ шубкой. Она захлопнула окно, и опять начала ходить и курить. Щека у нея подергивалась. Прошло долгое время, и вдругъ грохнули вдаль два выстрѣла. Елизавета Кіевна выронила папироску и стояла, усмѣхаясь жалобно и кротко. Но выстрѣловъ больше не было. Ея лицо опустилось, напряжение прошло.

Она подняла руки къ растрепанной головѣ, сжала ее, потомъ легла бочкомъ на постель. Но пролежала недолго, — вскочила, сѣла на диванчикъ передъ столомъ, покрытымъ ковровой, залитой пятнами скатертью, сначала пальцами, потомъ зубами вытащила пробку изъ бутылки и, куря и усмѣхаясь, принялась тянуть коньякъ угломъ рта изъ длинной рюмочки.

Вдругъ она сильно, такъ что зазвенѣло стекло на столѣ, вздрогнула и обернулась, — въ дверь скреблись. Она живо соскочила съ дивана и повернула ключъ. Вошелъ Александръ Ивановичъ Жировъ, въ бархатной тужуркѣ, съ мягкимъ, большимъ галстухомъ; вытянутая кверху голова его была обрита; лицо — блѣдное до зелени; влажный ротъ усмѣхался, открывая сбоку гнилой зубъ. Елизавета Кіевна вернулась къ дивану и сѣла, подобравъ ноги, прикрывая кое какъ воротникомъ шубы голыя плечи и грудь.

— Хочешь коньяку, пей, — сказала она. Жировъ сѣлъ напротивъ и налилъ рюмочку. Ввалившіеся глаза его, черные и безъ блеска, усталились въ лицо Елизаветѣ Кіевнѣ.

— Ты что думаешь, — Аркадій двоихъ, все-таки, убилъ, — сказалъ онъ вполголоса. Елизавета Кіевна проглотила слюну и подняла брови. — Я сейчасъ оттуда, Лиза. У магазина — толпа, крикъ, Муравейчикъ — въ подштанникахъ, рветъ на себѣ бороду. Убиты два сторожа, обоимъ — въ затылокъ. — У Жирова затряслись губы. Елизавета Кіевна пододвинула по столу рюмку, онъ наливая, перелилъ черезъ край, и съ длинной усмѣшкой омочилъ палецъ, потеръ за ухомъ. Елизавета Кіевна выпила. — Знаешь, Лиза, что мнѣ странно, — какъ мы хорошо сегодня обѣдали, говорили, было приподнято, я читалъ стихи, ты была весела и хороша, Аркадій милъ... А*потомъ эти два сторожа, ничкомъ, какъ мѣшки, у каждаго отъ головы—черная лужа... Это какъ-то мнѣ смяло нервы. А ты — ничего, а? — Онъ вынулъ изъ кармана тужурки серебряную коробочку, осыпанную алмазами, осторожно приподнялъ крышечку, взялъ щепотъ блага порошку и сильно втянулъ его носомъ, глаза его увлажнились. — Мнѣ часто представляется какой-то огромный пустой городъ... Я брожу по улицамъ. Между камней — трава. Окна пустынь-

ны. Вдали — великолѣпный закатъ. Это городъ моей меланхолии. Въ немъ нѣтъ людей, только въ глубинѣ переулка одинокая женская фигура... Почему то это всегда ты, Лиза.. — Покачиваясь на стулѣ, онъ пустилъ струю дыма подъ люстру. — Да, убійство, конечно, высшее проявленіе воли. Нужно, чтобы въ убійствѣ былъ восторгъ, утвержденеіе меня. Если бы ты знала, Лиза, какія мнѣ приходятъ мысли... Но, убивать ночныхъ сторожей, потомъ не спать всю ночь, трястись отъ отвращенія, — брррь. Аркадій уменъ и смѣлъ, но онъ, все-таки, воришка, убивающій изъ за угла...

— Я тебя выброшу изъ комнаты! — хрипло, вдругъ, проговорила Елизавета Кіевна, — не смѣешь мнѣ такъ говорить! — Она совсѣмъ откинула шубу и, полуголая, облокотилась о столъ, подперла ладонями щеки. — Ты — мразь... Липкій червякъ... Презираю тебя...

Жировъ съ наслажденіемъ зажмурился, придвинулъ стулъ ближе къ Елизаветѣ Кіевнѣ: — Я люблю и высоко цѣню Аркадія, — сказалъ онъ горловымъ басомъ, — я ему многимъ обязанъ... Но, онъ — практикъ... Онъ потерялъ руководящую нить... Помнишь разговоры въ «Шато Кабернэ»?... Тогда у него былъ пафосъ. А что теперь, — за три мѣсяца — двѣнадцать ограбленныхъ магазиновъ да человекъ тридцать убитыхъ. Онъ кончитъ тѣмъ, что уѣдетъ въ Гельсигфорсъ и откроетъ банкирскую контору...

— Подлецъ, подлецъ, — спокойно проговорила Елизавета Кіевна, продолжая подпирать щеки, — живетъ на наши деньги, нюхаетъ кокаинъ цѣлыми днями, все ему мало...

— Да, мнѣ всего этого мало, — грубо сказалъ Жировъ, снялъ съ мизинца перстень съ засверкавшимъ камнемъ и швырнулъ его въ уголь. — Ты кажется забываешь, кто такой — я! — Онъ отбросилъ стулъ и пошелъ къ двери. Елизавета Кіевна спросила тихо, почти жалобно:

— Саша, не уходи...

Послѣ нѣкотораго колебанія, онъ вернулся, выпилъ коньяку, понюхалъ изъ коробочки, и отогнулъ штору на окнѣ: — Свѣтаетъ, — сказалъ онъ. Елизавета Кіевна замотала головой.

— Слушай меня внимательно, — вдруг заговорилъ Жировъ, проводя рукой по лицу, — Аркадій долженъ достать много миллионъ денегъ. Мы, втроемъ, создаемъ центръ, мы называемся, — «Центральный Комитетъ Планетарнаго Переворота». Соціализмъ — къ чорту. мы не желаемъ съ нимъ имѣть ничего общаго... Мы чистые анархисты-планетарны... — Елизавета Кіевна приняла руку и взглянула на Жирова, въ близорукихъ глазахъ ея мелькнули искорки. Онъ продолжалъ, блестя обритымъ, длиннымъ черепомъ подъ люстрой: — Мы должны немедленно же начать создавать цѣлую сеть агентовъ во всѣхъ городахъ міра. Въ этомъ ты окажешь огромную помощь, Лиза... Ты одна умѣешь находить людей съ никогда не уталяемой жадной преступленія... Мы начнемъ взрывать парламенты, дворцы, арсеналы... Начнется паника, грабежи и убійства... Мы взорвемъ вокзалы, желѣзнодорожные мосты, гавани... Будетъ хаосъ и самоистребленіе... Тогда мы овладѣемъ остатками человѣчества... Мы приступимъ къ самому главному: мы сгонимъ миллионы людей къ экватору и тамъ будемъ рыть гигантскую шахту, много верствъ глубины... Она будетъ обложена сталью. Мы опустимъ въ эту пушку огромныя массы динамита и взорвемъ ихъ... Это не бредъ, это возможно... Я справлялся у инженеровъ... Мы сбросимъ землю съ орбиты. Земля, какъ ракета сорвется съ проклятой математической кривой, помчится въ дикое пространство... Космосъ будетъ нарушенъ къ чертямъ... Планеты и звѣзды сойдутъ со своихъ орбитъ... Въ небѣ начнется трескотня, міры будутъ лопаться, какъ орѣхи... Будетъ мигъ божественной гордости... Затѣмъ, мы влетимъ въ какое-то солнце и вспыхнемъ... Лиза, вотъ для чего стоитъ жить...

— Охъ, я не могу больше, — проговорила Елизавета Кіевна, поднимаясь съ дивана и, какъ слѣпая, тыркаясь по комнатамъ... — Поймите вы всѣ, — я съ ума сойду... Съ утра до ночи эти разговоры... Грабежъ, убійства, кровь... я не хочу ничего уничтожать... — Она хрустнула пальцами, взялась за горло, — Саша, уговори Аркадія... У насъ много денегъ, уѣдемте втроемъ куда нибудь... Ну, хоть на годикъ, вѣдь можетъ же быть у меня обыкновенное желаніе — жить... Я не могу

больше не спать по ночамъ, слушать эти выстрѣлы... Давеча взяла чистить костюмъ Аркадія, знаешь — который онъ носилъ въ Кіевѣ, — на пиджакѣ пятна, кровь... Хоть бы на островъ какойнибудь уѣхать, за три тысячи верстъ отъ земли... Лечь на песочекъ... Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ... Такъ и будемъ таскаться изъ города въ городъ, грабить, лгать другъ дружку, — покуда насъ не повѣсятъ, и слава Богу... Уйди, Саша, я спать лягу... Аркадій вернется поздно... Уходи, я тебѣ въ лицо плюну, если не уйдешь...

XLI.

Катя осталась одна. Телѣгинъ и Даша повѣнчались у Николы на Курьихъ Ножкахъ и въ тотъ-же день уѣхали въ Петроградъ. Катя проводила ихъ на вокзалъ, перекрестила обоихъ, поцѣловала на прощанье, — они были до того разсѣянные, какъ неживые, — и вернулась домой въ сумерки.

Въ домѣ было пусто. Марфуша и Лиза ушли на митингъ домашней прислуги «выносить резолюцію протеста». Въ столовой, гдѣ еще остался запахъ папирось и цвѣтовъ, на столѣ среди неубранной посуды стояло цвѣтущее деревцо — вишня. Катя полила ее изъ графина, прибрала посуду, стряхнула крошки со скатерти и, не зажигая свѣта, сѣла у стола, лицомъ къ окну, — за нимъ тускнѣло небо, затянутое облаками, едва были различимы очертанія крышъ. Въ столовой постукивали стѣнные часы, — разорвись отъ тоски сердце, они все такъ-же-бы постукивали. Катя долго сидѣла, не двигаясь, потомъ провела ладонью по глазамъ, поднялась, взяла съ кресла пуховый платокъ, накинула на плечи и пошла въ дашину комнату. Смутно, въ сумеркахъ, былъ различимъ полосатый матрасъ опустѣвшей постели, на стулѣ стояла пустая, шляпная картонка, на полу валялись бумажки и тряпочки. Когда Катя увидѣла, что Даша взяла съ собой всѣ свои вещицы, не оставила, не забыла ничего, ей стало обидно до слезъ. Она сѣла на кровать, на полосатый матрасъ, и здѣсь, такъ-же, какъ въ столовой, сидѣла неподвижно.

Часы въ столовой, медленно и гулко, пробили десять. Катя поправила на плечахъ платокъ и пошла на кухню. Постояла, послушала, — потомъ, поднявшись на цыпочки, достала съ полки кухонную тетрадь, вырвала изъ нея чистый листочекъ и написала карандашемъ: «Лиза и Марфуша, вамъ должно быть стыдно на весь день до самой ночи бросать домъ». На листокъ капнула слеза. Катя положила записку на кухонный столъ и пошла въ спальню. Тамъ поспѣшно раздѣлась, влѣзла въ кровать, подъ одѣяломъ стащила съ себя чулки, легла, поджавъ къ животу колѣни, и затихла.

Въ полночь хлопнула кухонная дверь и, громко топая и громко разговаривая, вошли Лиза и Марфуша, заходили по кухнѣ, затихли и, вдругъ, обѣ засмѣялись, — прочли записку. Катя поморгала глазами, не пошевелилась. Наконецъ, на кухнѣ стало тихо. Часы бессонно и гулко пробили часъ. Катя повернулась на спину, ударомъ ноги сбросила съ себя одѣяло, съ трудомъ вздохнула нѣсколько разъ, точно ей не хватало воздуха, соскочила съ кровати, зажгла электричество и, жмурясь отъ свѣта, подошла къ большому, стоячему зеркалу. Дневная, тоненькая рубашка не доходила ей до колѣнъ. Катя озабоченно и быстро, какъ очень знакомое, оглянула себя, — подбородочекъ у нея дрогнулъ, она близко придвинулась къ зеркалу, подняла съ правой стороны волосы: — Да, да, конечно, — вотъ, вотъ, вотъ еще... — Она оглядѣла все лицо: — Ну, да, — кончено... Черезъ годъ — сѣдая, потомъ старая. — Она потушила электричество и опять легла въ постель, прикрыла глаза локтемъ. «Ни одной минуты радости за всю жизнь. Теперь ужъ кончено... Ни чьи руки не обхватятъ, не сожмутъ, никто не скажетъ, — дорогая моя, милочка моя, радость моя, любовь моя»...

Среди горькихъ думъ и сожалѣній Катя внезапно вспомнила песчаную, мокрую дорожку, кругомъ — поляна, сизая отъ дождя и большія липы... По дорожкѣ идетъ она сама — Катя — въ коричневомъ платьѣ и черномъ фартукѣ. Подъ туфельками хруститъ песокъ, Катя чувствуетъ какая она вся легкая, тоненькая, миленькая, волосы треплетъ вѣтерокъ,

и рядомъ, — не по дорожкѣ, а нарочно по мокрой травѣ, — идетъ, ведя велосипедъ, гимназистъ Алеша. Катя отворачивается, чтобы не засмѣяться... Алеша говоритъ глухимъ голосомъ: «Я знаю — мнѣ нечего надѣяться на взаимность... Я только приѣхалъ для того, чтобы сказать вамъ, Катя, что я хотѣлъ раньше идти въ университетъ, служить народу и просвѣщенію, теперь я смѣюсь надъ этими мечтами... Мнѣ все равно. Окончу живнѣ гдѣ-нибудь на желѣзнодорожной станціи, въ глуши. Прощайте»... Онъ садится на велосипедъ и ѣдетъ по лугу, за нимъ въ травѣ тянется сизый слѣдъ... Сутулая спина его въ сѣрой курткѣ и бѣлый картузь скрываются за зеленью. Катя кричитъ: — «Алеша, вернитесь, можетъ быть, я подумаю — выйду за васъ замужъ». — И больше не можетъ, — хохочетъ, трясетъ головой...

...Неужели она, измученная сейчасъ безсонницей, стояла когда-то на той сырой дорожкѣ, и лѣтній вѣтеръ, пахнущій дождемъ, трепалъ ея черный фартучекъ? Катя съла въ кровати, обхватила голову, оперлась локтями о голыя колѣни, и въ памяти ея появились тусклые огоньки фонарей, снѣжная пыль, вѣтеръ, гудящій въ голыхъ деревьяхъ, визгливый, тоскливый, безнадежный скрипъ санокъ, ледяные, женственные глаза Безсонова, близко у самыхъ глазъ... Сладость безсилія, безволія... Омерзительный холодокъ любопытства... Господи, Господи, — кого она тогда допустила къ себѣ!

Катя опять легла. Въ тишинѣ дома рѣзко затрещалъ звонокъ. Катя похолодѣла. Звонокъ повторился. По корридору, сердито дыша спросонокъ, прошла босикомъ Лиза, зазвякала цѣпочкой парадной двери и черезъ минуту постучала въ спальню: — «Барыня, вамъ телеграмма».

Катя, морщась, взяла узкій конвертикъ, разорвала заклепку, развернула, и сейчасъ-же въ глазахъ стало темно.

— Лиза, — сказала она, глядя на дѣвушку, у которой отъ страха начали трястись губы, — Николай Ивановичъ скончался».

Лиза вскрикнула, перекрестилась и заплакала. Катя сказала ей: — «Уйдите». Потомъ во второй разъ перечла

безобразныя буквы на телеграфной лентѣ: — «Николай Ивановичъ скончался отъ тяжкихъ раненій полученныхъ славномъ посту исполненіи долга точка тѣло перевозимъ Москву средства союза...»

Катѣ стало тошно подъ грудью, ротъ набрался слюной, на глаза сбоковъ поплыла темнота, она потянулась къ подушкѣ и потеряла сознание...

На слѣдующій день къ Катѣ явился тотъ самый румяный и бородатый баринъ, — извѣстный общественный дѣятель и либераль, князь Капустинъ-Унжескій, — котораго она слышала въ первый день революціи въ Юридическомъ клубѣ, — взявъ въ свои руки обѣ ея руки и, прижимая ихъ къ мехнатому жилету, началъ говорить о томъ, что отъ имени организациі, гдѣ онъ работаль вмѣстѣ съ покойнымъ Николаемъ Ивановичемъ, отъ имени города Москвы, товарищемъ комиссара которой онъ сейчасъ состоитъ, отъ имени Россіи и революціи приносить Катѣ неутѣшныя сожалѣнія о безвременно погибшемъ славномъ борцѣ за идею.

Князь Капустинъ-Унжескій былъ весь по природѣ своей до того счастливъ, здоровъ и веселъ, такъ искренно сокрушался, отъ его бороды и жилета такъ уютно пахло сигарами, что Катѣ на минуту стало легче на душѣ, она подняла на него свои, блестявшіе отъ бессоницы, глаза, развѣпила сухія губы и сказала:

— Спасибо, что вы такъ говорите о Николаѣ Ивановичѣ...

Князь вытасилъ огромный платокъ и вытеръ глаза. Онъ исполнилъ тяжелый долгъ и уѣхаль, — машина его, какъ чудовище, заревѣла въ переулкѣ. А Катя снова принялась бродить по комнатѣ, — останавливалась передъ фотографическимъ снимкомъ чужого генерала съ львинымъ лицомъ, брала въ руки альбомъ, книжку, коробочку, — на крышкѣ ея была изображена цапля, схватившая лягушку, — опять ходила, глядѣла на обои, на шторы. Думала: Господи, какъ утомительно — ходить, смотрѣть, трогать вещи... Обѣда она не коснулась, — было омерзительно даже подумать о ѣдѣ. Написала было

Дашѣ коротенькое письмо, но порвала: до писемъ-ли Дашѣ сейчасъ... Глядя въ окно на тусклое, бѣлесое небо, проговорила въ полголоса, непонятно почему вспомнившися, странныя строчки: «... И руки безпріютныя все прячуть мнѣ на грудь, глядѣть глазами смутными, раскосыми чуть-чуть»...

Лечь-бы, заснуть. Но лечь въ постель, — какъ въ гробъ, — страшно послѣ прошедшей ночи... Больнѣе всего была безнадѣжная жалость къ Николаю Ивановичу: — былъ онъ хороший, добрый, безтолковый человекъ... Любить бы его надо такимъ, какой былъ... Она же мучила, не любила... О, Господи, Господи. Оттого онъ такъ рано и посѣдѣлъ. И улыбка у него была милая, беззащитная...

Въ сумерки Катя сѣла на диванъ, подобрала ноги, и долго, молча хрустѣла пальцами...

На слѣдующій день была панихида, а еще черезъ сутки — похороны останковъ Николая Ивановича. На могилѣ говорились прекрасныя рѣчи, покойника сравнивали съ альбатросомъ, погибшимъ въ пучинѣ, съ человекомъ, принесшимъ горящій факель въ лѣсъ, полный дикихъ звѣрей... Запоздавшій на похороны извѣстный партійный дѣятель, низенькій мужчина въ очкахъ, похожій на изображеніе въ вогнутомъ зеркалѣ, въ паноптикумѣ, сердито буркнулъ Катѣ: «Ну-ка, посторонитесь-ка, гражданка», протиснулся къ самой могилѣ и началъ говорить о томъ, что смерть Николая Ивановича лишній разъ подтверждаетъ правильность аграрной политики, проводимой его, оратора, партией. Земля осыпалась изъ подъ его неряшливыхъ башмаковъ и падала съ сухимъ стукомъ на гробъ. У Кати горло сжималось тошной спазмой. Она незамѣтно вышла изъ толпы и поѣхала домой. У ней было одно желаніе — вымыться и заснуть. Но, когда она вошла въ домъ, ее охватилъ ужасъ: полосатыя обои, фотографіи и коробочка съ цаплей, смятая скатерть въ столовой, гробовыя занавѣси, пыльные окна, — какое омерзѣніе, какая тоска! Катя велѣла напустить ванну, и со стономъ легла въ теплую воду. Все тѣло ея почувствовало, наконецъ, смертельную усталость. Она едва доплелась до

спальной, и заснула, не раскрывая постели. Сквозь сонъ ей чудились звонки, шаги, голоса, кто-то постучаль въ дверь, — она не отвѣчала.

Проснулась Катя когда было совсѣмъ темно, — мучительно сжималось сердце. «Что, что?» — испуганно, жалобно спросила она, приподнимаясь на кровати, и съ минутку надѣялась, что, быть можетъ, все это страшное было во снѣ... Потомъ, тоже съ минутку, чувствовала обиду и несправедливость, — зачѣмъ меня мучаютъ? И, уже совсѣмъ проснувшись, поправила волосы, надѣла туфельки на босую ногу, и ясно и покойно подумала: «Больше не хочу».

Не торопясь, Катя достала изъ комода лакированный ящикъ — походную аптеку — и начала читать надписи на пузырькахъ. Слякнку съ морфіемъ она раскрыла, понюхала и отставила въ сторону, а остальные спрятала въ шкапулку, уложила ее на мѣсто въ комодъ, и пошла въ столовую за рюмочкой, но по пути остановилась. — въ гостиной былъ свѣтъ. «Лиза, это вы?» — спросила Катя, пріотворила дверь и увидѣла сидящаго на диванѣ большого человѣка въ военной рубашкѣ, бритая голова его была перевязана чернымъ. Онъ торопливо всталъ. У Кати начали дрожать колѣни, похолодѣло, стало пусто подъ сердцемъ. Человѣкъ глядѣлъ на нее свѣтлыми, расширенными, страшными глазами. Прямой ротъ его былъ сжатъ, на скулахъ надуты желваки. Это былъ Роцинъ, Вадимъ Петровичъ. Катя поднесла обѣ руки къ груди. Роцинъ, не опуская глазъ, сказалъ медленно и твердо:

— Я зашелъ къ вамъ, чтобы засвидѣтельствовать почтеніе. Ваша прислуга рассказала мнѣ о несчастьи. Я остался потому, что счелъ нужнымъ сказать вамъ, что вы можете располагать мной, вплоть до моей жизни.

Голосъ его дрогнулъ, когда онъ выговорилъ послѣднія слова, и крупное лицо залилось коричневымъ румянцемъ. Катя со всей силой прижимала руки къ груди. Роцинъ повялъ по глазамъ ея, что нужно подойти и помочь ей. Когда онъ приблизился, Катя, постукивая зубами, проговорила:

— Здравствуйте, Вадимъ Петровичъ...

Невольно онъ поднялъ руки, чтобы обхватить Катю, —

такъ она была хрупка и несчастна, — едва живой комочекъ, но сейчасъ-же опустили руки, насупился, глаза его налились влагой. Пронзительнымъ чутьемъ женщины Катя поняла, что онъ жалѣетъ ее той единственной любовью, тѣмъ единственнымъ свѣтомъ жизни, который изошелъ, нѣкогда, изъ раскинутыхъ надъ міромъ, пронзенныхъ рукъ... Катя почувствовала, какъ вдругъ, она, несчастная, маленькая, грѣшная, неумѣлая, со всѣми своими невыплаканными слезами, съ жалкимъ пузырьчкомъ морфія, стала нужна и дорога этому человѣку, молча и сурово ждущему — принять ея душу въ свою. Сдерживая слезы, не въ силахъ сказать ничего, разжать зубовъ, Катя схватила руку Вадима Петровича и прижалась къ ней губами и лицомъ

XLII.

— Смотри, а вонъ — островокъ, развалины, заливъ... Какая бездонная, зеленая вода въ заливѣ. Смотри — надъ заливомъ какія-то птицы летятъ, не то крылатые люди...

Положивъ локти на мраморный подоконникъ, Даша глядѣла въ окно. За темными лѣсами, въ концѣ Каменностровскаго, полъ неба было охвачено закатомъ. Въ небѣ были сотворены чудеса. Сбоку Даши сидѣлъ Иванъ Ильичъ, и глядѣлъ на нее, не шевелясь, хотя могъ шевелиться сколько угодно, — Даша все равно бы никуда теперь не исчезла изъ этой комнаты съ синими занавѣсками и съ багровымъ отсвѣтомъ зари на бѣлой стѣнѣ, надъ вышитыми подушками дивана.

— Господи, какъ грустно, какъ хорошо, — сказала Даша, — какъ хорошо, что я съ тобой... Точно мы плывемъ на воздушномъ кораблѣ... Ахъ, Иванъ, я буду ужасно экономить по хозяйству, но нужно-бы взять роаяль.

Иванъ Ильичъ кивнулъ головой и молча пришелъ въ отчаяніе, — накупилъ всякихъ кухонныхъ ведеръ, а объ самомъ главномъ, объ инструментѣ, не подумалъ. Но сейчасъ же его вниманіе было отвлечено тѣмъ, что Даша сняла руки съ подоконника и откинулась въ креслѣ, одернула юбку.

— Сколько времени я не играла, — сказала она, — съ-тѣхъ поръ, какъ началась война... Подумай, все — еще война... А мы... видишь, какъ мы съ тобой...

Эти слова Даша сказала совсѣмъ тихо.. Иванъ Ильичъ пошевелился. Она сейчасъ-же продолжала:

— Когда кончится война — мы съ тобой серьезно зай-мемся музыкой... И еще, Иванъ, мнѣ бы хотѣлось пожить у моря... Помнишь, какъ мы лежали съ тобой и море находило на песокъ. Помнишь — какое было море — выцвѣтшее, голубое.. Мнѣ представляется, Иванъ, что я любила тебя всю жизнь. — Иванъ Ильичъ опять пошевелился, хотѣлъ что то сказать, но Даша спохватилась, — а чайникъ то кипить! — и побѣжала изъ комнаты, но въ дверяхъ остановилась, обернулась... Иванъ Ильичъ видѣлъ въ сумеркахъ только ея лицо, руку, взявшуюся за занавѣсь и ногу въ сѣромъ чулкѣ. Даша скры-лась. У Ивана Ильича опять перехватило дыханіе. Онъ за-кинулъ руки за голову, и закрылъ глаза.

Даша и Телѣгинъ пріѣхали сегодня, въ два часа дня. Всю ночь имъ пришлось сидѣть въ корридорѣ переполнен-наго вагона на чемоданахъ. По пріѣздѣ Даша сейчасъ же начала раскладывать вещи, заглядывать во всѣ углы, выти-рать пыль, восхищалась квартирой, и рѣшила столовую сдѣ-лать тамъ, гдѣ гостиная, гостиную — тамъ, гдѣ спальня Ива-на Ильича, спальню Ивана Ильича — тамъ, гдѣ столовая, въ свою комнату рѣшила часть мебели взять изъ гостиной, а въ гостиную — отъ Ивана Ильича. Все это нужно было сдѣ-лать немедленно. Снизу былъ позванъ швейцаръ, который вмѣстѣ съ Иваномъ Ильичемъ возилъ изъ комнаты въ комна-ту шкафы и диваны. Когда перестановка была кончена и швей-царъ ушелъ, оставивъ послѣ себя запахъ постнаго пирога, Даша сказала Ивану Ильичу открыть повсюду форточки, а сама пошла мыться. Она очень долго пускала воду, что то дѣлала съ лицомъ, съ волосами, и не позволяла вхо-дить то въ одну, то въ другую комнату, хотя главная задача Ивана Ильича за весь этотъ день была — поминутно встрѣ-чать Дашу и глядѣть на нее.

Въ сумерки Даша, наконецъ, уgomонилась. Иванъ Иль-

ичъ, вымытый, побритый, одѣтый тщательно, пришелъ въ гостиную и сѣлъ около Даши. Въ первый разъ послѣ того, какъ у Николая на Курьихъ Ножкахъ Даша и Телѣгиня стали мужемъ и женой, они были одни, въ тишинѣ. Будто опасаясь этой тишины, Даша старалась не молчать. Какъ она потомъ призналась Ивану Ильичу, ей вдругъ стало страшно, что онъ скажетъ ей не своимъ, а «косматымъ» голосомъ: — «Ну что же, Даша?..» Иванъ Ильичъ былъ опечаленъ, замѣтивъ, что Даша — на сторожѣ.

Она ушла посмотрѣть чайникъ. Иванъ Ильичъ сидѣлъ съ закрытыми глазами. Всей своей кожей онъ испытывалъ присутствие Даши и очарованіе этого присутствія. На что бы мысленно онъ не взглядывалъ, эта вещь, какъ маловажная, исчезала, и онъ съ новой остротой чувствовалъ, что въ его домъ поселилось существо съ нѣжнымъ голосомъ, съ милымъ лицомъ, смущенное, тоненькое, легкое, въ ловкомъ, синемъ платьѣ... это его жена... Иванъ Ильичъ раскрывалъ глаза и прислушивался, какъ постукиваютъ на кухнѣ дашины каблучки. Вдругъ тамъ что то зазвенѣло — разбилось, и Дашинъ жалобный голосъ проговорилъ: «Чашка! И сейчасъ же горячая радость залила Ивана Ильича: — «Завтра, когда проснусь — будетъ не обыкновенное утро, а будетъ — Даша». Онъ быстро поднялся, чтобы пойти къ Дашѣ и сказать ей объ этомъ, но она появилась въ дверяхъ:

— Разбила чашку... Иванъ, неужели ты хочешь чаю?..

— Нѣтъ...

— И я не хочу... Зачѣмъ же я чайникъ кипятила?

Она пошла къ Ивану Ильичу, и, такъ какъ въ комнатѣ было совсѣмъ темно, — положила руки ему на плечи:

— О чемъ ты безъ меня думалъ? — спросила она тихо.

— О тебѣ.

— Я знаю, что обо мнѣ... А что обо мнѣ думалъ?

Дашино приподнятое лицо въ сумеркахъ казалось пачмуреннымъ, на самомъ дѣлѣ оно улыбалось. Ея грудь дышала ровно, поднимаясь и опускаясь. Ивану Ильичу было трудно собраться съ мыслями, онъ честно наморщилъ лобъ: — думалъ о томъ, что какъ то плохо у меня связано, — ты, и что

ты — моя жена, — сказалъ онъ, — потому я это вдругъ понялъ, и пошелъ тебѣ сказать, а сейчасъ опять не помню.

— А у меня это связано, — сказала Даша.

— Чѣмъ?

— Нѣжностью къ тебѣ. Точно я шла, шла, и вотъ такъ вотъ прижалась. И еще — довѣрчивостью.. Почему у тебѣ это не связано? Развѣ ты думаешь, что я могу о чемъ-нибудь думать такъ, чего ты не знаешь?

— Ахъ, вотъ что, — Иванъ Ильичъ радостно, коротко засмѣялся, — какъ это просто... Вѣдь я, дѣйствительно, не знаю — о чемъ ты думаешь.

— Ай, ай, — сказала Даша и пошла къ окну, — садись, а я сбоку, — Иванъ Ильичъ сѣлъ въ кресло, Даша присѣла сбоку, на подлокотникъ, — Иванъ, милый, я ни о чемъ скрытномъ не думаю, — поэтому мнѣ такъ и легко съ тобой, поэтому такъ тебя люблю.

— Я сдѣсь сидѣлъ, когда ты была въ кухнѣ, — сказалъ Иванъ Ильичъ, — и думалъ — «у меня въ домѣ поселилась удивительное существо».. Такъ плохо думать?

— Да, — отвѣтила Даша задумчиво, — это очень плохо. Я — жена, а существо — это чужое.

— Ты любишь меня Даша?

— О, — она снизу вверхъ кивнула головой, — люблю до самой березки.

— До какой березки?

— Развѣ не знаешь: — у каждого человѣка въ концѣ жизни стоитъ холмикъ и надъ нимъ плакучая березка.

Иванъ Ильичъ взялъ Дашу за плечи. Она съ нѣжностью дала себя прижать. Такъ же, какъ давнымъ давно на берегу моря, поцѣлуй ихъ былъ дологъ, имъ не хватило дыханія. Даша сказала: — «Ахъ, Иванъ», — и обхватила его за шею. Она слышала, какъ тяжело стучить его сердце, ей стало жалко его. Она вздохнула, поднялась съ кресла и сказала кротко и просто:

— Идемъ, Иванъ.

На пятый день по приѣздѣ Даша получила отъ сестры письмо, Катя писала о сметри Николая Ивановича:

... «Я пережила время унынія и отчаянія. Я съ ясно-стью почувствовала, наконецъ, что я во вѣки вѣковъ — одна. О, какъ это страшно!.. Всѣ законы божескіе и человѣческіе нарушены, когда человѣкъ — одинъ. Отъ отчаянія и тоски моя душа начала тлѣть, какъ на огнѣ. Я хотѣла избавиться отъ этой муки, — невидимая, ледяная рука толкала меня сдѣлать это. Меня спасло чудо: взгляды человѣка... Ахъ, Даша, Даша, мы живемъ долгіе годы, чтобы на одно мгновеніе, быть можетъ, заглянуть въ глаза человѣку, въ эту божественную бездну любви... Мы, неживые призраки, пьемъ эту живую воду, — раскрываются слѣпые глаза, мы видимъ свѣтъ Божій., мы слышимъ голоса жизни. Любовь, любовь... Будь благословенъ человѣкъ, научившій меня этимъ словамъ...»

Извѣстіе о смерти вятя, катино письмо, написанное какъ въ изступленіи, потрясло Дашу. Она немедленно собралась ѣхать въ Москву, но на другой день получилось второе письмо отъ Кати, — она писала, что укладывается и выѣзжаетъ въ Петроградъ, просить прискаты ей недорогую комнату. Въ письмѣ была приписка: «Къ вамъ зайдетъ Вадимъ Петровичъ Рошинъ. Онъ расскажетъ вамъ обо мнѣ все подробно. Онъ мнѣ, какъ братъ, какъ отецъ, какъ другъ жизни моея».

Даша и Телѣгинъ медленно шли по аллеѣ. Было воскресенье, апрѣльскій день. Надъ прозрачно-зелеными сводами листья въ прохладѣ еще по весеннему синяго неба летѣли слабые обрывки, разорваннаго вѣтромъ, тающаго отъ солнца, слоистаго облака. Солнечный свѣтъ, точно сквозь воду, проникалъ въ аллею, ползалъ пузырьчатыми тѣнями по песку, скользилъ по бѣлому платью Даши, по зеленой, военной рубашкѣ Телѣгина. Навстрѣчу двигались мшистые стволы липъ, красновато-сухія мачты сосенъ, — шумѣли ихъ вершины, шелестѣли листья. Даша слушала, какъ кричить неподалеку иволга, — посвистываетъ водянымъ голосомъ въ

двѣ ноты. Даша поглядывала на Ивана Ильича, — онъ снялъ фуражку и опустилъ брови на глаза, улыбаясь. У нея было чувство покоя и наполненности — прелестью дня, радостью того, что такъ хорошо дышать, такъ легко идти, и что такъ покорна душа этому дню и этому, идущему рядомъ, любимому человѣку.

— Иванъ, — сказала Даша и, отвернувшись, усмѣхнулась. Онъ спросилъ съ улыбкой:

— Что, Даша?

— Нѣтъ... подумала.

— О чемъ?

— Нѣтъ, потому.

— Я знаю о чемъ.

У Даши испуганно сморщился лобъ, раскрылись губы:

— Честное слово ты не знаешь...

Они дошли до большой сосны. Иванъ Ильичъ отколупнулъ чешую коры, покрытую мягкими каплями смолы, разломалъ въ пальцахъ и ласково изъ подъ бровей посмотрѣлъ на Дашу:

— Миѣ кажется, — сказалъ онъ, — есть только одно благословеніе на свѣтѣ, — вотъ всему этому, любви, Дашенька, и еще...

У Даши задрожала рука: — Ты понимаешь, — сказала она шопотомъ, — я чувствую, какъ я вся должна перелиться въ какую то еще большую радость... Такъ я люблю... Такъ я вся полна...

Иванъ Ильичъ молча покивалъ головой. Они вышли на поляну, покрытую цыплячье-зеленой травкой и желтыми, треплющимися отъ вѣтра, лютиками. Вѣтеръ, гнавшій въ небѣ остатки разорваннаго облака, подхватилъ Дашино платье. Она, на ходу, озабоченно нѣсколько разъ нагилась, чтобы одергивать юбку, и повторяла:

— Господи, Господи, что за вѣтеръ!

Когда миновали поляну, изъ подъ деревьевъ, гдѣ въ тѣни лежало нѣсколько человѣкъ солдатъ, поднялся одинъ, безъ шапки, съ разорваннымъ воротомъ не подпоясанной

рубашки, и пошел навстрѣчу, четвердой, озорной походкой тяжело обутиѣ ногъ.

— Стойте, — крикнулъ онъ и махнулъ у себя передъ лицомъ вялой рукой, точно отогналъ муху.

Иванъ Ильичъ остановился, подбородокъ его выпятился, на лбу надулась жила. Даша, вцѣпившись ему въ руку, зашептала:

— Умоляю тебя, не порти мнѣ сегодняшняго дня, не связывайся, онъ пьяный.

— Тебѣ что нужно? — спросилъ Иванъ Ильичъ спокойно и холодно. Солдатъ сталъ. Налитые спиртомъ, бѣловатые глаза его уперлись въ Телѣгина.

— Проклаждаетесь, офицеръ? — проговорилъ онъ уже менѣе рѣшительно

Даша ногтями вцѣпилась подъ локоть Ивану Ильичу, онъ угломъ рта улыбнулся показывая, Дашѣ, что понимаетъ ее, и повторилъ: — Я спрашиваю, что тебѣ отъ меня нужно? — Солдатъ закрылъ глаза, сейчасъ же открылъ ихъ, и широкое лицо его съ рѣдкими, пыльными усиками съ расплылось въ улыбку:

— Вижу, идутъ хорошіе люди, думаю, подойду, поздороваюсь...

— Врете, — сказала Телѣгиня, — васъ подговорили товарищи, я слышала, какъ вы смѣялись...

— А и вѣрно, что подговорили, — солдатъ разсмѣялся, видимо — онъ совсѣмъ не былъ такъ пьянъ, какъ прикинулся вначалѣ, — ваше благородіе, да вѣдь — скука... Жрешь эти сѣмячки, заѣшь ихъ мухи съ комарами, скука весь день... Извините, я конечно радъ поговорить съ хорошими людьми, но у васъ свое назначеніе, — прогуливаетесь... Лежимъ тутъ на пузѣ съ семи часовъ, съ утра. Эти мордастые то, — поди, говорятъ, Степанъ, — испужай... — Онъ радостно посмотрѣлъ на Дашу, она засмѣялась, вынула у Ивана Ильича изъ кармана портсигаръ и протянула солдату. Онъ ослорожно, черными ногтями, взявъ папирску, положилъ за ухо и подмигнулъ Дашѣ:

— А строгій у тебя муженекъ... Ну, извините, если потревожилъ, — счастливаго пути...

Послѣ этой встрѣчи Иванъ Ильичъ долго хмурился, разсѣянно слушалъ Дашу, наконецъ съ досадой ударилъ себя по ляшкѣ:

— Три мѣсяца тому назадъ онъ за такія бы штуки попаль подь разстрѣль, онъ это отлично понимаетъ.. Для чего онъ ко мнѣ подошелъ? — чтобы мнѣ на эти погоны наплевать... Ему все равно, какой цѣной мнѣ эти погоны достались... Я офицеръ — значить я врагъ.

— Иванъ, вѣдь онъ же насъ не обидѣлъ.

— Еще бы попробовалъ тебя обидѣть... Не посмѣлъ...

— Нѣтъ, не потому, — сказала Даша, — а потому что, когда онъ подошелъ, онъ увидалъ насъ...

— Ахъ, Даша... Увидѣлъ насъ.. Ты не знаешь этотъ народъ... Страшные люди...

— Почему ты ихъ такъ ненавидишь?

— Я ненавижу, — Иванъ Ильичъ остановился, съ удивленіемъ взглянулъ на Дашу, — нѣтъ, я ихъ не ненавижу!.. Я ихъ знаю хорошо... Въ солдатѣ, изъ мужиковъ, изъ рабочихъ, у каждаго, зарядъ динамита, — ненависти. Это вовсе не значить, что солдатъ тебя ненавидитъ, ничего подобнаго. Онъ ласковъ, вѣжливъ, услужливъ. Если ты захворалъ, онъ съ удивительнымъ душевнымъ вниманіемъ будетъ за тобой ухаживать... — И это не притворство, золотые, милые люди. Я знаю, какъ денщики вытаскивали изъ подь убійственнаго огня своихъ офицеровъ. Этотъ динамитъ въ немъ въ какой-то капсюлѣ. И ужъ если прорветъ эту ненависть, — облика на немъ нѣтъ человѣческаго, звѣрь... Я помню, какъ у насъ рота взбунтовалась на фронтѣ... Ты говоришь — ненавижу. Мнѣ страшно. Вѣдь въ рукахъ этихъ людей сейчасъ весь фронтъ, судьба государства. А что имъ фронтъ, что имъ Россія, — такъ же, вотъ, какъ мои погоны: подойти да плюнуть, — на, молъ, получай за все...

— Все-таки, ты не совсѣмъ правъ, — сказала Даша осторожно, — если у нихъ ненависть къ намъ — значить мы въ чемъ то виноваты... Подожди, не спорь, — Даша крѣпко взя-

ла Ивана Ильича подъ руку и на ходу заглядывала ему въ лицо, — развѣ не грѣшно было жить, какъ мы жили прежде... Катюша это называетъ такъ, — что мы проводили воробьиныя ночи. Ты видалъ когда-нибудь воробьиною ночь: — черная, черная ночь, жарко, тихо, звѣздно, и по всему небу полыхаютъ безшумныя зарницы. Такъ и мы жили, — полыхали безъ толку... Ахъ, Иванъ, знаешь что...

— Даша, вдругъ, покраснѣла и отвернулась. Они вышли на дорогу, вдоль которой тянулась высокая дворцовая рѣшетка, съ потускнѣвшими отъ времени, золочеными копиями. Дашѣ въ туфельку попалъ камушекъ. Она остановилась. Иванъ Ильичъ приисѣлъ, снялъ туфлю съ Дашино теплою ноги въ бѣломъ чулкѣ, и поцѣловалъ ее пониже подъема, около пальцевъ. Согнувъ ногу въ колѣнѣ, Даша надѣла туфлю, потопала ногой и сказала:

— Хочу, чтобы отъ тебя былъ ребенокъ, вотъ что...

Она выговорила, наконецъ, то, что за все время прогулки ей хотѣлось сказать, именно, этими словами. Ей стало жарко. Она помахала на лицо ладонью и глядѣла, какъ по ту сторону рѣшетки, на лужайкѣ, двое людей копаютъ грядку, чернѣющую длиннымъ прямоугольникомъ въ нѣжно-зеленой травѣ. Одинъ изъ копавшихъ былъ старикъ въ опрятномъ, бѣломъ фартукѣ. Не спѣша, онъ налегалъ ступней на лопату и съ усиліемъ, подгибая колѣни, выбрасывалъ землю, отливавшую синевой. Другой былъ въ военной рубашкѣ, собранной въ складки на спинѣ, въ широкополомъ картузѣ, надвинутомъ козырькомъ на глаза. Онъ работалъ торопливо, видимо, — неумѣло, разгибался, вынималъ изъ кармана черныхъ, заправленныхъ въ сапоги рейтузъ, носовой платокъ и отгонялъ мухъ, липнувшихъ къ шеѣ.

— Видишь ты, — ему и съ гуся вода, — проговорилъ чей-то насмѣшливый голосъ. — Телѣгинъ обернулся, рядомъ съ нимъ стоялъ сощуренный, пожилой мѣщанинъ въ новенькомъ картузѣ и въ тепломъ жилетѣ поверхъ вышитой рубашки, — видишь ты, — повторилъ мѣщанинъ, кивая на работающихъ по ту сторону рѣшетки, — капусту изъ грунтовой ямы пересаживаетъ... Вотъ тебѣ и занятіе... Смѣхъ...

Мѣщанинъ невесело засмѣялся, — хе, хе. Даша съ удивленіемъ обернулась на него, взяла Ивана Ильича подъ руку и они отошли отъ рѣшетки, въ то самое время, когда человекъ въ военной рубашкѣ, услыхавъ смѣхъ, обернулся, опираясь на заступъ, — лицо его было опавшее, темное, съ мѣшками подъ глазами, — и знакомымъ всей Россіи движеніемъ, — горстью лѣвой руки, — провелъ по большимъ, рыжеватымъ усамъ.

Мѣщанинъ снялъ картузъ, съ кривой усмѣшкой поклонился бывшему Императору, встряхнулъ длинными волосами и, глубоко надвинувъ картузъ, пошелъ своей дорогой, поднявъ бородку, дробно топая новыми сапожками.

XLIII.

Екатерина Дмитріевна поселилась неподалеку отъ Даши въ деревянномъ домикѣ съ палисадникомъ, у двухъ старушекъ. — Одна изъ нихъ, Клавдія Ивановна, была въ давнія времена пѣвицей, другая, Софья Ивановна, не то камеристкой, не то ея подругой. Клавдія Ивановна, съ утра подрисовавъ себѣ брови и надѣвъ парикъ воронова крыла, садилась раскладывать пасьянсъ. Софья Ивановна вела козьяство, и, когда сердилась, то разговаривала мужскимъ голосомъ. Въ домѣ было чистенько, тѣсновато, по старинному — множество скатерочекъ, ширмочекъ, пожелтѣвшихъ портретовъ изъ невозвратной молодости. Утромъ въ комнатахъ пахло хорошимъ кофе; когда начинали готовить обѣдъ, Клавдія Ивановна страдала отъ запаха съѣстнаго и нюхала соль, а Софья Ивановна кричала мужскимъ голосомъ изъ кухни: «Куда же я эту вонищу дѣну, не на пачулѣ картошку жарить». По вечерамъ зажигали керосиновыя лампы съ матовыми шарами. Старушки заботливо относились къ Катѣ, хотя Клавдія Ивановна и считала, что въ молодой женщинѣ есть что то демоническое.

Катя жила тихо въ этомъ старозавѣтномъ уютѣ, уцѣлѣвшемъ отъ бурь времени. Вставала она рано, сама прибирала

комнату и садилась къ окну — чинить бѣлье, штопать чулки, или передѣлывать изъ своихъ старыхъ, нарядныхъ платьевъ, что нибудь попроще. (Послѣ Парижа она ничего себѣ не покупала и не шила, а теперь денегъ совсѣмъ было въ обрѣзъ). Послѣ завтрака, обычно, Катя шла на острова, брала съ собою книги, или вышиванье и, дойдя до любимаго мѣста садилась на скамью близъ маленькаго озера, и глядѣла на дѣтей, играющихъ на горкѣ песка, на катившіеся между стволовъ, поблескивающіе на солнцѣ экипажи, читала, вышивала, думала. Къ шести часамъ она возвращалась обѣдать къ Дашѣ. Въ одиннадцать Даша и Телѣгинъ провожали ее домой: — сестры шли впереди подъ руку, а Иванъ Ильичъ, въ сдвинутой на затылокъ фуражкѣ и посвистывая, шелъ сзади, «прикрывалъ тылъ», потому что по вечерамъ теперь ходить по улицамъ было не безопасно.

Каждый день Катя писала Вадиму Петровичу Рошину, бывшему все это время въ командировкѣ, на фронтѣ. Внимательно и честно она разсказывала въ письмахъ все что дѣлала за день и что думала: — объ этомъ просилъ ее Рошинъ и подтверждалъ въ отвѣтныхъ письмахъ: «Когда вы мнѣ пишете, Екатерина Дмитриевна, что у васъ горе, — платье, которое вы рассчитывали передѣлать, разлѣзается, или, что сегодня, когда вы переходили Елагинъ мостикъ, началъ накрапывать дождь, у васъ не было зонта и вы пережидали дождь подъ деревьями, и тамъ подъ деревьями рѣшили подарить Дарьѣ Дмитриевнѣ въ день рожденія бѣлый зонтикъ съ вишнями... Мнѣ дороги всѣ эти мелочи, мнѣ кажется, даже, что я бы теперь не смогъ жить безъ этихъ мелочей вашей жизни»...

Краюшкомъ ума Катя понимала, что Рошинъ преувеличиваетъ, и прожить бы, конечно, смогъ безъ ея мелочей, но подумать — остаться хотя бы на одинъ день снова одной, сама съ собою, было такъ страшно, что Катя старалась не раздумывать, а вѣрить — будто вся ея жизнь нужна и дорога Вадиму Петровичу. Поэтому все что она теперь ни дѣлала — получало особый смыслъ: — потеряла наперстокъ, искала цѣлый часъ, а онъ былъ на пальцѣ: — Вадимъ Петровичъ навѣрно ужъ посмѣется, до чего она стала глупая.

Къ самой себѣ Катя теперь относилась, какъ къ чему то не совсѣмъ своему. Однажды, работая у окна и думая, она замѣтила, что дрожать пальцы; она подняла голову и, протыкая иголкою юбку на колѣнѣ, долго глядѣла передъ собой: наконецъ взгляды ея различилъ напротивъ, гдѣ былъ зеркальный шкафъ, худенькое лицо съ большими, грустными глазами, съ волосами, причесанными просто — назадъ, узломъ, — нѣжное, милое лицо... Катя подумала, — неужели — я? Опустила глаза и продолжала шить, но сердце билось, она уколола палець, поднесла его ко рту и опять взглянула въ зеркало, — но теперь уже это была она, и похуже той... Въ тотъ же вечеръ она писала Вадиму Петровичу: «Сегодня весь день думала о васъ. Я по васъ соскучилась, милый мой другъ, — сижу у окна и поджидаю. Что то со мной происходитъ давнымъ давно забытое, какія то дѣвичьи настроенія»...

Даже Даша, разсѣянная и поглощенная своими сложными, какъ ей казалось — единственными съ сотворенія міра, отношеніями съ Иваномъ Ильичемъ, замѣтила въ Катѣ перемену и, однажды, за вечернимъ чаемъ долго доказывала, что Катѣ всегда теперь нужно носить гладкія черныя платья съ глухимъ воротомъ. «Я тебя увѣряю, — говорила она, ударяя себя въ грудь тремя сложенными щепоткой пальцами, — ты себя не видишь, Катюша, тебѣ на видъ ну — девятнадцать лѣтъ... Иванъ, правда она моложе меня?»

— Да... То есть не совсѣмъ, но, пожалуй...

— Ахъ, ты ничего не понимаешь, — говорила Даша, — пойми, пожалуйста, ты, вотъ — мужчина: — нѣтъ ничего молодого, когда женщина на самомъ дѣлѣ девятнадцать лѣтъ.. У женщины молодость наступаетъ совсѣмъ не отъ лѣтъ, совсѣмъ отъ другихъ причинъ, лѣта тутъ совсѣмъ никакой роли не играютъ...

Небольшіе деньги, оставшіеся у Кати послѣ кончины Николая Ивановича, подошли къ концу, Телѣгинъ посоветывалъ ей продать ея старую квартиру на Знаменской, пустовавшую съ марта мѣсяца, — во всякомъ случаѣ это было ра-

зумно. Катя согласилась, и вмѣстѣ съ Дашей поѣхала на Знаменскую — отобрать кое-какія вещи, дорогія по воспоминаніямъ.

Поднявшись во второй этажъ и взглянувъ на памятную ей, дубовую дверь съ мѣдной дощечкой, — «Н. И. Смоковниковъ», — Катя почувствовала, что, словно, замыкается кругъ жизни. Старый, знакомый швейцарь, который, бывало, сердито сопя спросонокъ и прикрывая горло воротникомъ накинутого пальто, отворялъ ей за полночь парадное и гасилъ электричество всегда раньше, чѣмъ Катя успѣвала подняться къ себѣ, — отомкнувъ сейчасъ своимъ ключемъ дверь и снявъ фуражку и, пропуская впередъ Катю и Дашу, сказалъ успокоительно:

— Не сумнѣвайтесь, Екатерина Дмитріевна, крошки отсюда не пропало, день и ночь за жильцами смотрѣлъ. Сынка у нихъ убили во Франціи, а то бы и сейчасъ жили, очень были довольны квартирой...

Въ прихожей было темно и пахло нежилымъ, во всѣхъ комнатахъ — спущены шторы. Катя вошла въ столовую и повернула включатель, — хрустальная люстра ярко вспыхнула надъ покрытымъ сѣрымъ сукномъ столомъ, посрединѣ котораго, все такъ же, стояла фарфоровая корзина для цвѣтовъ, съ давно засохшей вѣткой мимозы. Равнодушные свидѣтели отшумѣвшей здѣсь веселой жизни, — стулья съ высокими спинками и кожанными сидѣньями, стояли вдоль стѣнъ. Одна створка въ огромномъ, какъ органъ, рѣзномъ буфетѣ была пріотворена, виднѣлись перевернутыя бокалы. Овальное, венеціанское зеркало — подернуто пылью, и наверху его, все такъ же, спалъ золотой мальчикъ, протянувъ ручку на завитокъ оканта...

Катя стояла неподвижно у двери: — Господи, — тихо проговорила она, — ты помнишь, Даша!... Подумай, и никого больше нѣтъ...

Потомъ она прошла въ гостиную, зажгла большую люстру, оглянулась и пожала плечами. Кубическія и футуристическія картины, казавшіяся когда то такими дерзкими и жуткими, теперь висѣли на стѣнахъ, жалкія и потускнѣв-

шія, будто брошенные за ненадобностью наряды послѣ карнавала.

— Катюша, а эту помнишь, — сказала Даша, указывая на раскоряченную, съ цвѣткомъ, въ желтомъ углу, футуристическую Венеру, — тогда мнѣ казалось, что она причина всѣхъ бѣдъ, у меня былъ къ ней мистическій ужасъ...

Даша засмѣялась и стала перебирать ноты. Катя пошла въ свою бывшую спальню. Здѣсь все было точно такимъ же, какъ три года тому назадъ, когда она, одѣтая по дорожному, въ вуали, вбѣжала въ эту комнату, чтобы взять съ туалета забытыя перчатки и, уходя оглянулась.

Сейчасъ на всемъ лежала какая то тусклость, все было гораздо меньше размѣромъ, чѣмъ казалось раньше. Катя раскрыла шкафъ, полный остатковъ кружевъ и шелка, тряпочекъ, чулокъ, туфелекъ. Эти вещицы, когда то представлявися ей нужными, все еще слабо пахли духами; Катя безъ цѣли перебирала ихъ, — съ каждой вещицей было связано воспоминаніе навсегда отошедшей жизни..

Вдругъ тишина во всемъ домѣ дрогнула и наполнилась ясными, торжественными звуками музыки, — это Даша играла ту самую сонату, которую разучивала, когда три года тому назадъ готовилась къ экзаменамъ. Катя захлопнула дверцу шкафа, пошла въ гостиную и сѣла около сестры.

— Катя, правда — чудесно? — сказала Даша, полуобернувшись, — вотъ это мѣсто, слушай: — это голось, какъ громъ, звучитъ во вселенной: «Живите всѣ во имя Мое...»

Даша проиграла еще нѣсколько тактовъ, и взяла съ пола другую тетрадь. Катя сказала:

— Идемъ, Даша, у меня голова разболѣлась.

— А какъ же вещи?

— Я ничего не хочу отсюда брать. Вотъ только рояль перевезу къ тебѣ, а остальное — пусть...

Катя пришла къ обѣду, возбужденная отъ быстрой ходьбы, веселая, въ новой шапочкѣ изъ черной соломы, въ синей вуалькѣ.

— Едва успѣла, — сказала она, касаясь теплыми губами дашиной щеки, — а башмаки все-таки промочила, дай мнѣ переобуть, — стаскивая перчатки, она подошла въ гостиной къ окну, дождь, примѣрившійся уже нѣсколько разъ идти, хлынулъ сейчасъ сѣрыми потоками, закрутился въ порывахъ вѣтра, зашумѣлъ въ водосточной трубѣ. Далеко внизу были видны бѣгущіе зонтики. Потемнѣвшій воздухъ мигнулъ передъ окнами бѣлымъ свѣтомъ, и такъ треснуло, что Даша перекрестилась.

— Ты знаешь кто будетъ у васъ сегодня вечеромъ? — спросила Катя, морща губы въ улыбку. Даша спросила, — кто? — но въ прихожей позвонили и она побѣжала отворять. Послышался радостный смѣхъ Ивана Ильича, шарканье его ногъ по половицкѣ, потомъ они съ Дашей, громко разговаривая и смѣясь прошли въ спальню. Катя стащила перчатки, сняла шляпу, вытащивъ изъ узла на затылкѣ гребень, — поправила волосы, и все это время лукавая и нѣжная усмѣшка морщила ея губы.

За обѣдомъ Иванъ Ильичъ, румяный, веселый, съ мокрыми волосами, переодѣтый въ сухое бѣлье и платье, рассказывалъ о событіяхъ. На Обуховскомъ заводѣ, какъ и повсюду сейчасъ на фабрикахъ и заводахъ, рабочіе сходятъ съ ума. Вначалѣ они заявляли, что будутъ работать восемь часовъ, потомъ семь часовъ, наконецъ шесть. Совѣты неизмѣнно поддерживаютъ эти требованія. Частныя предпріятія начали, мало по малу, закрываться, казенныя работаютъ въ убытокъ, но, — теперь война, революція, не до прибылей. Сегодня на заводѣ опять былъ митингъ, выступали большевики, и всѣ въ одинъ голосъ кричали: — никакихъ уступокъ буржуазному правительству, никакихъ соглашеній съ предпринимателями, вся власть совѣтамъ, а ужъ они наведутъ порядокъ...

— Я тоже вылъзъ разговаривать, куда тутъ, — съ трибуны стащили. А говорилъ имъ дѣло, — Иванъ Ильичъ оторвалъ хвостикъ у редиски, омокнулъ ее въ солонку и хрустнулъ зубами, разгрызая, — конечно говорилъ дѣло... Я сказалъ: если вы, товарищи, такимъ манеромъ будете все разво-

рочивать, то заводы стануть, потому что заводы работать въ убытокъ не могутъ, кто бы ни считался ихъ хозяиномъ, предприниматель, или вы — рабочіе. Значить, правительству придется кормить безработныхъ, и, такъ какъ вы всё хотите быть въ правительствѣ, — въ совѣтахъ, — то, значить, вамъ надо кормить самихъ себя, и, такъ какъ вы ничего не производите, то деньги и хлѣбъ вамъ нужно будетъ доставать на сторонѣ, то есть у мужиковъ. И, такъ какъ вы мужикамъ ничего дать не можете за деньги и хлѣбъ, то надо будетъ ихъ отнимать силой то есть воевать. Но мужиковъ въ пятнадцать разъ больше, чѣмъ васъ, у нихъ есть хлѣбъ, у васъ хлѣба нѣтъ... Кончится эта исторія тѣмъ, что мужики васъ одолѣютъ, и желѣзо съ заводовъ расташутъ на подѣлки, и вамъ Христа ради придется вымалывать за корочку работешки, а давать работы ужъ будетъ некому... Понимаешь, Даша, написалъ имъ невѣроятную картину, самому даже стало смѣшно... Слышала бы ты, какой поднялся свистъ и вой... Эти черти горластые большевики, — наемникъ! — кричатъ, — товарищи, не поддавайтесь на провокацію!.. Милліоны трудящихся всего міра съ трепетомъ ждуть вашей побѣды надъ ненавистнымъ строемъ... Капитализмъ долженъ быть стертъ съ лица земли... Но, подумай, Даша, не могу я и осудить нашихъ рабочихъ, — если имъ кричатъ: — долой личные интересы, долой благоразуміе, долой рабскій трудъ, ваше отечество—вселенная, ваша цѣль—завоевать счастье всѣмъ трудящимся, вы не рабочіе Обуховскимъ мастерскихъ, вы — передовой авангардъ міровой революціи... Васька Рублевъ, смотрю, — стоитъ рядомъ со мной, глаза, какъ у звѣря, свѣтятся... Не даль договорить, первый поволокъ меня съ трибуны.. «Вѣдь я, говоритъ, знаю, что ты не врагъ, зачѣмъ же ты такія слова говоришь, молчи лучше, безъ тебя справимся». Потомъ, когда выходили, я ему говорю: — Василий, вѣдь ты человѣкъ умный, какъ же ты не видишь, что большевикамъ на васъ наплевать, имъ важно на вашей шеѣ до власти добратся... «А такъ же, говоритъ, и вижу, товарищъ Телѣгинъ, что къ новому году вся земля, всѣ заводы будутъ трудящимся, буржуя ни одного въ республикѣ не будетъ,

на разводку не оставимъ... И денегъ больше не будетъ... Работай и живи, — все твое»... Такъ это все къ новому году мнѣ и обѣщаль...

Иванъ Ильичъ засмѣялся было, но, покачавъ головой, сталъ собирать пальцемъ крошки на скатерти. Даша сдержанно вдохнула. Катя проговорила, послѣ нѣкотораго молчанія:

— Я увѣрена, что намъ еще предстоятъ большія испытанія.

— Да, — сказалъ Иванъ Ильичъ, — война не кончена, въ этомъ все дѣло... И, какъ то, все у насъ разваливается, расплзается... Хребта нѣтъ... Хотя наши рабочіе увѣрены, что хребетъ — это и есть совѣты...

Даша принесла въ форфоровомъ кофейникѣ кофе, налила мужу первому, взяла щеточку и совокъ и пошла вдоль стола, отряхивая крошки. — Когда она дошла до Ивана Ильича, то, быстро положивъ совокъ и щетку, прижалась къ нему, — лицомъ въ грудь..

— Ну, ну, Даша, не волнуйся, — сказалъ Иванъ Ильичъ, глядя ее по волосамъ, — ничего пока еще не случилось ужаснаго... А мы бывали въ передѣлкахъ и поуже... Вотъ, я помню, — ты послушай меня, — пришли мы на Гнилую Липу...

Онъ сталъ вспоминать про военныя невзгоды. Катя оглянулась на стѣнные часы и вышла изъ столовой. Даша смотрѣла на крѣлкое, съ бѣлыми зубами, румяное лицо мужа, на сѣрые его, смѣжшіеся глаза, и успокаивалась понемногу: — съ такимъ не страшно. Дослушавъ исторію про Гнилую Липу, она вытерла солфеткой глаза и пошла въ спальню припудриться. Передъ туалетнымъ зеркаломъ сидѣла Катя и что то дѣлала съ лицомъ.

— Данюша, — сказала она тоненькимъ голосомъ, — у тебя не осталось тѣхъ духовъ, помнишь — теплыхъ.

Даша присѣла передъ сестрой, — глядѣла на нее въ величайшемъ удивленіи, потомъ спросила шопотомъ:

— Катюша, «крылышки чистишь?»

Катя покраснѣла, усмѣхнулась, кивнула головой.

— Катюша, что съ тобой сегодня?

— Я тебѣ хотѣла сказать, а ты не дослушала, — прого-

ворила Катя, — сегодня вечеромъ прїѣзжаетъ съ воинскимъ поѣздомъ Вадимъ Петровичъ, и съ вокзала заѣдетъ прямо къ вамъ... Ко мнѣ неудобно, поздно...

Въ половина десятого раздался звонокъ, Катя, Даша и Телѣгинъ побѣжали въ прихожую, Телѣгинъ отворилъ, вошелъ Роцинъ, въ измятой шинели въ накидку, въ глубоко надвинутой и фуражкѣ. Его худое, мрачное, темное отъ загара лицо смягчилось улыбкой, когда онъ увидѣлъ Катю. Она растерянно и радостно глядѣла на него. Когда онъ, сбросивъ шинель и фуражку на стулъ и здороваясь, сказалъ сильнымъ и глуховатымъ голосомъ:—«Простите, что такъ поздно врываюсь, — хотѣлось сегодня же увидѣть васъ, Екатерина Дмитриевна, васъ, Дарья Дмитриевна»,—Катины глаза наполнились свѣтомъ:

— Я рада, что вы прїѣхали, Вадимъ Петровичъ, — сказала она, и, когда онъ наклонился къ ея рукѣ, поцѣловала его въ високъ дрожавшими отъ улыбки губами.

— Напрасно безъ вещей прїѣхали, — сказала Иванъ Ильичъ, — все равно васъ ночевать оставимъ...

— Въ гостиной на турецкомъ диванѣ, если будетъ коротко — можно подставить кресло, — сказала Даша, — конечно вы должны остановиться у насъ... ..правда Иванъ?

Роцинъ какъ сквозь сонъ слушалъ, что ему говорятъ эти ласковые, изящные люди. Онъ вошелъ сюда, еще весь ошетиженный, послѣ бессонныхъ ночей въ пути, лазанья въ вагонныя окошки за «довольствіемъ», непереставаемой борьбы за шесть верхковъ мѣста въ купѣ, и матерной, вязнувшей въ ушахъ, ругани. Ему еще было дико, что эти три человѣка, почти невысказанной красоты и чистоты, пахнушіе духами, стоящіе на зеркальномъ паркетѣ въ ярко освѣщенной прихожей, обрадованы, именно, появленіемъ его, Роцина... Точно сквозь сонъ онъ видѣлъ сѣрые, прекрасные глаза Кати, говорившіе: рада, рада, рада... Онъ одернулъ поясъ, расправилъ плечи, вздохнулъ глубоко:

— Спасибо, — сказалъ онъ, — куда прикажете идти?

Его повели въ столовую — кормить. Онъ ѣлъ, не разбирая, что ему подкладывали, быстро насытился и, отодвинувъ тарелку, закурилъ. Его суровое, худое, побритое лицо, испугавшее Катю, когда онъ появился въ прихожей, теперь смягчилось и, казалось еще болѣе усталымъ. Его большія руки, на которыхъ падалъ свѣтъ оранжеваго абажура, дрожали надъ столомъ, когда онъ зажигалъ спичку. Катя, сидя въ тѣни абажура, съ пронзительной жалостью всматривалась въ Валима Петровича, и чувствовала, что любить каждый волосокъ на его рукѣ, каждую пуговочку на его темно-коричневомъ, измятомъ отъ лежанія въ чемоданѣ, френчѣ. Она замѣтила также, что разговаривая онъ иногда сжималъ челюсти и говорилъ сквозь зубы. Его фразы были отрывочны и беспорядочны. Видимо онъ самъ, чувствуя это, старался побороть въ себѣ какое то давно длящееся гнѣвное возбужденіе... Даша, переглянувшись съ сестрой и мужемъ, спросила Рощина, — что, быть можетъ, онъ усталъ и хотѣлъ бы лечь? Онъ неожиданно вспыхнулъ, вытянулся на стулѣ:

— Право, я не для того пріѣхалъ, чтобы заваливаться спать... Нѣтъ... Нѣтъ. — Онъ вышелъ на балконъ и сталъ подъ мелкій, ночной дождь. Даша показала глазами на балконъ и покачала головой. Рощина проговорилъ оттуда:

— Ради Бога, простите, Дарья Дмитриевна... это все четыре бессонныхъ ночи...

Онъ появился, приглаживая ладонью волосы на темени, и сѣлъ на свое мѣсто:

— Я ѣду прямо изъ ставки, — сказалъ онъ, — везу очень неутѣшительныя сообщенія военному министру... Когда я увидѣлъ васъ, мнѣ стало смертельно больно... Позвольте ужъ я все скажу: — ближе васъ, Екатерина Дмитриевна, у меня вѣдь въ мірѣ нѣтъ человѣка. — Катя медленно поблѣднѣла, Иванъ Ильичъ сталъ, заложивъ руки за спину, у стѣны, Даша страшными глазами глядѣла на Рощина. — Если не произойдетъ чуда, — сказалъ онъ, покашлявъ, — то мы погибли. Арміи больше не существуетъ... Фронтъ бѣжитъ... Солдаты уѣзжаютъ на крышахъ вагоновъ... Остановить разрушеніе фронта нѣтъ человѣческой возможности.. Это от-

ливъ океана... Въ солдатъ можно преодолѣть страхъ смерти, я самъ однимъ стѣкомъ останавливалъ полуроту и возвращалъ въ бой. Но сейчасъ русскій солдатъ потерялъ представленіе за что онъ воюетъ, потерялъ уваженіе къ войнѣ, потерялъ уваженіе ко всему съ чѣмъ связана эта война, — къ государству, къ родинѣ, къ Россіи... Солдаты увѣрены, что стоитъ крикнуть, — миръ, — въ тотъ же самый день войнѣ конецъ... И не хотимъ замиряться только мы, господа... Понимаете, — солдатъ плюнулъ на то мѣсто, гдѣ его обманывали три года, бросилъ винтовку, и заставить его возвать больше нельзя... Къ осени, когда хлынуть всѣ десять милліоновъ...

— Но мы не можемъ бросить войну... Когда на фронтѣ 175 нѣмецкихъ дивизій — нельзя обнажить фронтъ, — сперживая дрожь голоса сказалъ Иванъ Ильичъ, и знакомое Дашѣ и всегда страшноватое ей выраженіе появилось въ его посвѣтлѣвшихъ глазахъ, холоднаго упрямства, — я не понимаю этого разговора Вадимъ Петровичъ...

— Я везу планъ военному министру, но не надѣюсь, чтобы его одобрили, — сказалъ Роцинъ, — планъ такой: объявить полную демобилизацію въ быстрые сроки, то есть организовать бѣгство и тѣмъ спасти желѣзные дороги, артиллерию, огневые и продовольственные запасы. Твердо заявить нашимъ созникамъ, что мы войны не прекращаемъ. Въ то же время выставить въ бассейнѣ Волги загражденіе изъ вѣрныхъ частей, таковыя найдутся; въ Заволжьи начать формированіе совершенно новой арміи, ядро которой должно быть изъ добровольческихъ частей; поддерживать и формировать одновременно партизанскіе отряды... Опираясь на Уральскіе заводы, на сибирскій уголь и хлѣбъ, начать войну заново... Другого выхода нѣтъ... Надо понять, какое теперь время... Въ русскомъ народѣ не дѣйствуютъ больше ни разумъ, ни воля, дѣйствуютъ изъ самыхъ темныхъ тайниковъ поднятые инстинкты земляного человѣка. Инстинктъодинъ — вспахать и засеять... И пашней будетъ все русское государство... пройдутъ плугомъ по всей землѣ на подѣ лицо... Такъ пускай ужъ они скорѣе это дѣлаютъ...

— Открыть фронтъ врагу... Отдать родину на потокъ ди-

кимъ ордамъ... Нѣтъ, Вадимъ Петровичъ, на это многіе не согласятся...

— Родины у насъ съ вами больше нѣтъ, — сказалъ Рощинъ, — есть мѣсто, гдѣ была наша родина, — онъ стиснулъ, лежавшіе на скатерти большіе кулаки, такъ что посинѣли пальцы, — великая Россія перестала существовать съ той минуты, когда народъ бросилъ оружіе... Какъ вы не хотите понять, что уже началось... Николай Угодникъ вамъ теперь поможетъ?.. такъ ему и молиться забыли... Великая Россія — теперь: навозъ подъ пашню... Все надо — заново: войско, государство, душу надо другую втиснуть въ насъ... Русскаго народа нѣтъ, есть жители, да такіе вотъ дураки...

Онъ ударилъ себя въ грудь, упалъ головой въ руки на столъ и глухо, собачимъ, труднымъ голосомъ зарыдалъ...

Въ этотъ вечеръ Катя не пошла ночевать домой, — Даша положила ее съ собой въ одну постель; Ивану Ильичу наспѣхъ постлали въ кабинетъ; Рощинъ, послѣ тяжелой для всѣхъ сцены, ушелъ на балконъ, промокъ, и, вернувшись въ столовую, просилъ простить его: — дѣйствительно, самое разумное было — лечь спать. И онъ заснулъ, едва успѣвъ раздѣться. Когда Иванъ Ильичъ на ципочкахъ зашелъ потушить у него лампу, — Рощинъ спалъ на спинѣ, положивъ на грудь большія руки, ладонь на ладонь; его худое лицо съ крѣпко зажмуренными глазами, съ морщинами, рѣзко проступившими отъ утренняго свѣта, было, какъ у человѣка, преодолющаго боль. Иванъ Ильичъ наклонился надъ нимъ, всматриваясь, и перекрестилъ его. Рощинъ, не просыпаясь, вдохнулъ и повернулся на правый бокъ.

Катя и Даша, лежа подъ однимъ одеяломъ, долго разговаривали шепотомъ. Даша, время отъ времени, прислушивалась: Иванъ Ильичъ все еще не могъ угомониться у себя въ кабинетъ. Даша сказала: — «Вотъ, все ходить, а въ семь часовъ надо на заводъ...» Она спустила ноги съ кровати, пошарила ими туфли, не нашла и босикомъ побѣжала къ мужу.

Иванъ Ильичъ, въ однихъ панталонахъ, со спущенными

помочами, сидѣлъ на посланномъ диванѣ и читалъ огромную книгу, держа ее обѣими руками на колѣняхъ.

— Ты еще не спишь? — спросилъ онъ, блестящими и невидящими глазами взглянулъ на Дашу, — сядь... Я нашель.. ты послушай... Онъ перевернулъ назадъ страницу книги и вполголоса сталъ читать: «Триста лѣтъ тому назадъ вѣтеръ вольно гулялъ по лѣсамъ и степнымъ равнинамъ, по огромному кладбищу, называвшемуся Русской землей. Тамъ были обгорѣвшія стѣны городовъ, пепель на мѣстахъ селеній, кресты и кости у заросшихъ травой дорогъ, стаи вороновъ, да волчій вой по ночамъ. Кое гдѣ еще по лѣснымъ тропамъ пробирались послѣднія шайки шишей, давно уже пропившихъ награбленные за десять лѣтъ боярскія шубы, драгоценныя чаши, жемчужные оклады съ иконъ. Теперь все было выграблено, вычищено на Руси. Шиши до казаки въ драныхъ зипунахъ рыскали за послѣдней добычей.

Опустошена и безлюдна была Россія. Даже крымскіе татары не выбѣгали больше на Дикую степь, — грабить было нечего. За десять лѣтъ Великой Смуты самозванцы, воры, казаки и польскіе наѣзники прошли саблей и огнемъ изъ края въ край всю Русскую землю. Былъ страшный голодь, — люди ѣли конскій навозъ и солонину изъ человѣческаго мяса. Ходила черная язва. Остатки народа разбредались за литовскій рубежъ, на сѣверъ къ Бѣлому морю, на Уралъ къ Строгановымъ, въ Сибирь.

Въ эти тяжкіе дни къ обугленнымъ стѣнамъ Москвы, на чисто раззоренной и выпустошенной и съ великими трудами очищенной отъ воровъ, къ огромному этому пепелищу везли на саняхъ по грязной мартовской дорогѣ испуганнаго мальчика, Михаила Романова, избраннаго, по совѣту патріарха, обнищальными боярами, безторжными торговыми гостями и суровыми сѣверныхъ и приволжскихъ земель мужиками въ цари московскіе. Новый царь умѣлъ только плакать и молиться. И онъ молился и плакалъ, въ страхѣ и уныніи глядя въ окно возка на оборваннаго, одичавшія толпы русскихъ людей, вышедшихъ встрѣчать его за московскія заставы. Не было большой вѣры въ новаго царя у русскихъ людей. Но

жить было надо. Начали кое какъ жить. Призаяли денегъ у купцовъ Строгановыхъ. Горожане стали обстраиваться, мужики — запахивать пустую землю. Стали высылать конныхъ и пѣшихъ добрыхъ людей бить воровъ по дорогамъ. Жили бѣдно, сурово. Кланялись низко и Крыму, и Литвѣ, и Шведамъ. Берегли вѣру. Знали, что есть одна только сила — хоть и вороватый временами, но крѣпкій, расторопный, легкій народъ. Надѣялись перетерпѣть, и перетерпѣли. И снова начали заселяться пустоши, поросшіе бурьяномъ...

Иванъ Ильичъ захлопнулъ книгу:

— Ты видишь, что было... И теперь не пропадемъ... Великая Россія пропала! А вотъ внуки этихъ самыхъ драныхъ жужиковъ, которые съ кольями ходили выручать Москву, — разбили Карла Двѣнадцатаго, загнали Татаръ за Перекопъ, Литву прибрали къ рукамъ, и показивали въ лапоткахъ уже по берегу Тихаго океана... А внукъ этого мальчика, котораго силой въ Москву на саняхъ притащили, Петербургъ построилъ... Великая Россія пропала!.. Уѣздъ отъ насъ останется, — и оттуда поидеть русская земля...

Онъ фыркнулъ носомъ и сталъ глядѣть въ окно, за которымъ разсвѣтало сѣренькое утро. Даша прислонилась головой ему къ плечу, онъ погладилъ, поцѣловалъ ее въ волосы:

— Иди спать, трусиха...

Даша засмѣялась, простилась съ нимъ, пошла и обернулась въ дверяхъ:

— Иванъ, а какъ его Катя любитъ...

— Прекрасный же человекъ...

Даша ушла. Иванъ Ильичъ перелисталъ книгу, отложилъ ее, закурилъ папиросу и, откинувшись на кожанную спинку дивана, задумался. Весь сегодняшній вечеръ его беспокоило чувство какой то своей неправоты. Сейчас, когда всѣ въ домѣ спали, онъ ясно и безъ жалости увидѣлъ то, что его мучило: «Я счастливъ, и чтобы жить въ этомъ счастьи, я нарочно не вижу и не слышу всего, что дѣлается вокругъ меня. Я обманываю самого себя и обманываю Дашу. Я сержусь, когда мнѣ говорятъ, что Россія гибнетъ, но ничего, кромѣ этихъ

сердцовъ, не дѣлаю для того, чтобы она не погибла. Теперь я долженъ, либо продолжать жить безчестно, либо...»

Выводы этого «либо» оказались настолько неожиданны, и Иванъ Ильичъ былъ къ нимъ такъ неподготовленъ, что, спустя недолгое время, онъ счелъ за лучшее отложить всѣ выводы и всѣ рѣшенія на завтра, задернулъ штору на окнѣ и легъ спать.

Вечеръ былъ безвѣтренный и жаркій. Въ воздухѣ пахло бензиновой гарью и гудрономъ деревянныхъ мостовыхъ. Пылали зеркальныя стекла оконъ. По Невскому среди испарений, табачнаго дыма и пыли, поднимаемой ногами, двигались пестрыя, беспорядочныя толпы народа. Ухая, крикая, пронеслись съ треплющимися флажками правительственные автомобили. Мальчишескіе, пронзительные голоса газетчиковъ выкрикивали потрясающія новости, которымъ никто не вѣрилъ. Шныряли въ толпѣ продавцы папирсъ, спичекъ, краденыхъ вещей, Въ Екатерининскомъ и Николаевскомъ скверахъ валялись на газонѣ, среди клумбъ, лѣнныя солдаты, грызли сѣмечки, пересмѣивались съ сытыми уличными дѣвками.

Катя возвращалась съ Невского. Вадимъ Петровичъ условился съ ней, что около восьми часовъ будетъ поджидать ее на набережной. Катя свернула на Дворцовую площадь. Огромныя окна во второмъ этажѣ кроваво-краснаго, угрюмаго дворца были освѣщены. У главнаго подъѣзда стояли автомобили, похаживали, смѣялись солдаты и шоферы. Трещя пролетѣлъ мотоциклетъ съ курьеромъ — злымъ и блѣднымъ мальчишкой, въ автомобильной фуражкѣ, въ раздувавшейся рубахѣ, въ обмоткахъ. На угловомъ балконѣ дворца, облокотившись, неподвижно и печально, стоялъ какой то сѣдой чело­вѣкъ въ пиджакѣ. Огибая дворецъ, Катя обернулась, — надъ аркой Генеральнаго Штаба все такъ же взвивались на­естрѣчу закату легкіе, бронзовые кони квадрига. Катя перешла набережную и сѣла у воды на полукруглой, гранитной скамьѣ. Надъ лѣнниво-текущей Невой висѣли мосты голубо-

ватыми, прозрачными очертаніями. Пыльнымъ золотомъ поблескивала вытянутая, какъ мечъ, кровля Петропавловскаго собора. Убогая лодочка двигалась по отблескамъ воды. Налѣво, за крышами, за дымами, въ оранжевое зарево опускался огромный, угасающій шаръ солнца.

Сложивъ на колѣняхъ руки, Катя тихо глядѣла на это угасаніе, ждала смирно и терпѣливо Вадима Петровича. Онъ подошелъ незамѣтно, сзади, и, облокотившись о гранитъ, глядѣлъ сверху на Катю. Она почувствовала его, обернулась, улыбаясь, и встала. Онъ глядѣлъ на нее страннымъ, изумленнымъ взглядомъ. Она поднялась по лѣстницѣ на набережную, взяла Рошина подъ руку. Они пошли. Катя спросила тихо: — Что?

— Ну, что... Иду, смотрю — сидитъ ангелъ небесный.

Катя легонько сжала ему руку, потомъ спросила, какъ сегодня его дѣла. Онъ началъ рассказывать, — утѣшительнаго мало. Они перешли Троицкій мостъ, и въ началѣ Каменно-островскаго Рошинъ остановился и кивнулъ головой на большой, въ глубинѣ садика за рѣшеткой, особнякъ, выложенный изразцами. Широкіе окна и стеклянныя стѣны зимняго сада были ярко освѣщены. У подъѣзда стояло нѣсколько мотоциклетоѣ.

— Вотъ оно змѣиное-то гнѣздо гдѣ, — сказала Рошинъ, — ну, ну...

Это былъ особнякъ знаменитой балерины, гдѣ сейчасъ, выгнавъ хозяйку, помѣшался центральный комитетъ одной изъ борющихся за власть партій, именуемой въ просторѣчій большевиками. Всю ночь здѣсь сыпали горохомъ пишушія машинки, а поутру, когда передъ особнякомъ собирались какія-то бойкія, оборванныя личности и просто ротозѣи — прохожіе, — на балконъ выходилъ глава партіи и говорилъ толпѣ о томъ, что нужно немедленно свергнуть Временное Правительство, передать всю власть Совѣтамъ, заключить съ нѣмцами миръ, уничтожить смертную казнь, собственность, деньги и принудительный трудъ. Все это онъ обѣщалъ слѣлать черезъ посредство своей партіи-.

— На будущей недѣлѣ мы это гнѣздо ликвидируемъ, —

сказаль Рошинъ. Они пошли дальше, не спѣша, по Каменно-островскому. Ихъ перегналъ какой то сутулый человекъ, въ рваномъ пальто, въ старой, съ опущенными полями, мягкой шляпѣ, — въ одной рукѣ онъ держаль ведерко, въ другой — пачку бумаги.

— Я не знаю, — имѣю ли право... Но, кажется, это не важно, — проговорилъ Рошинъ, — главное — это вы. — Катя взглянула на него, подняла брови. — Я не могу васъ покинуть, Екатерина Дмитриевна. — Она сейчасъ же опустила глаза. — Въ такое время нельзя разлучаться.

Катя тихо отвѣтила:

— Я не смѣла этого вамъ сказать... Ну, гдѣ же намъ разставаться, другъ милый...

Они дошли до того мѣста, гдѣ человекъ съ ведромъ только что налѣпилъ на стѣну бѣлую, небольшую афишку, и, такъ какъ оба были взволнованы, то на мгновеніе остановились. При свѣтѣ фонаря можно было прочесть на афишкѣ: «Всѣмъ! Всѣмъ! Всѣмъ! Да здравствуетъ Третій Интернаціональ! Товарищи, революція въ опасности!...»

— Екатерина Дмитриевна, — проговорилъ Рошинъ, беря въ руки ея худенькую руку, и продолжая медленно идти по затихшему въ сумеркахъ широкому проспекту, въ концѣ котораго все еще не могла догорѣть вечерняя заря, — пройдутъ года, утихнутъ войны, отшумятъ революціи, и нетлѣннымъ останется одно только — кроткое, нѣжное, любимое сердце ваше...

Сквозь раскрытыя окна большихъ домовъ лился свѣтъ и доносились то звуки музыки, то безпечные, веселые голоса, смѣхъ, споры... Сутулый человекъ съ ведромъ, перейдя улицу, опять появился впереди Кати и Рошина и, налѣпившая афишку на гранитный выступъ стѣны, обернулся. Подъ тѣнью надвинутой у него на глаза шляпы Катя увидѣла провалившійся носъ и черныя космы бороды.

Августъ, 1921 года.

Гр. Алексѣй Н. Толстой.

ЧУРАЕВЫ

РОМАНЪ

(Продолженіе *)

Часть II-я.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Василій былъ одѣтъ опрятно, строго во все черное. Глухо застегнутая куртка сливалась съ длинными брюками и чернымъ легкимъ пальто. Низкіе простые сапоги были ярко начищены, а на шеѣ изъ подъ стоячаго воротника куртки скромно выглядывала бѣлоснѣжная сорочка. Широкополая мягкая шляпа покрывала продолговатую большую голову, и на черномъ фонѣ костюма особенно льняными казались слегка въспіеся бѣлокुरые волосы. Никогда не стриженная пушистая бородка торчала тремя клочками — одинъ на подбородкѣ, два на щекахъ. Скуластое и бѣлое лицо было окрашено свѣжимъ румянцемъ и освѣщалось крупными и ясными свѣтлосѣрыми глазами.

Онъ былъ не высокъ и гибокъ и неожиданно для Викула показался похожимъ на Ананія, хотя въ глазахъ его, вмѣсто суровой Ананіевой жестокости, свѣтилась мягкая улыбка и ласковая теплота. Голосъ его былъ высокъ и звонокъ.

— А ну-ка, братъ носильщикъ, — расплывалъ онъ, показывая мягкимъ и спокойнымъ жестомъ на узлы Викула, — носи-ка это.

*) См. № 5 и 6 «Современныхъ Записокъ».

И когда носильщикъ подхватилъ тсики, Василий вслѣдъ ему все такъ-же пѣвуче бросилъ:

— На лихача тамъ! Сѣрый, въ яблокахъ.

Викуль, отступивъ на шагъ отъ брата, осмотрѣлъ его еще разъ и сказалъ съ отеческимъ упрекомъ:

— Ты, видать, живешь богато?

Василій не отвѣтилъ и, взявъ брата подъ руку, предупредилъ его, спускаясь въ сумрачную галлерею:

— Не поскользлись, тутъ полъ-то каменный.

— Вакансію, должно, хорошую имѣешь? — допрашивалъ Викуль. — Изъ дому ужъ давно не требуешь. Али спѣсивишься?

Василій отвѣчалъ уклончиво:

— Пора самому зарабатывать.

— Ученье-то окончилъ? Теперь, поди, ужъ всё науки вышель?..

— Ну, гдѣ-же, брателько! — мягко усмѣхался Василій. — Ты вотъ о домашнихъ-то мнѣ расскажи. Всѣ-ли тамъ живы-здоровы?

Но Викулу не удалось рассказывать. По скользкому каменному полу галлерей, какъ по льду рѣки, онъ осторожно шель за братомъ, и вскорѣ новыя ступени вывели ихъ на шумную и звонкую, кишашую людьми и экипажами площадь.

По асфальту къ нимъ беззвучно и безъ зова подкатилъ блестящій черный экипажъ, запряженный рослымъ сѣро-яблочнымъ конемъ, и бородатый кучеръ въ синемъ кафтанѣ и фигурчатой шляпѣ съ пряжкой, широко оскалилъ съѣденные зубы на встрѣчу растерявшемуся Викулу.

— Ну-ка, Викуль Фирсычъ, садись — Москву тебѣ покажемъ, — привѣтливо сильнымъ басомъ проговорилъ лихачъ и, вынувъ какъ перчатки, протянулъ Викулу пухлую и бѣлую, совсѣмъ не кучерскую руку.

Василій объяснилъ:

— Это хозяинъ мой, Корнѣй Сисипатрычъ.

— И однобѣрецъ, можно такъ сказать, — лукаво покоился лихачъ на Василія и съ рокошущей московскою повадкою

добавилъ: Э-эхъ, багажу-то многовато... Укладывайте поплотнѣй, а то фасонъ испортимъ.

Но Василій въ это время сказалъ съ той спокойной простотою и небрежностью, которой не могъ не подчиниться даже старый, дерзкій, избалованный лихачъ:

— А ну-ка трогай!

— Ми-ила-ай! — весело пропѣлъ Сисипатрычъ, подбирая вожжи.

Яблочный прыднулъ ушами, хлопнулъ себя по лоснящимся атласнымъ ляжкамъ короткимъ хвостомъ и зыбкой, легкой рысью зацокалъ мимо Николая Чудотворца къ Земляномувалу.

Въ шумѣ, звонѣ, суетѣ никогда невиданнаго движенія Викуль особенно отчетливо услышалъ подъ собою почти беззвучный, вкрадчивый говорокъ резиновыхъ шинъ съ булыжникомъ мостовой. Какъ-то само собой все собственное въ немъ прилохло, поддавалось этому шуму и гаму, Сисипатрычу и брату, которые, казалось, теперь лучше его знали, куда надо ѣхать и что дѣлать. А Василій, взявши за локоть Викула и нажимая на него рукою въ наиболѣе примѣчательныхъ мѣстахъ, пѣвуче, складно и легко рассказывалъ:

— Ну, вотъ, любуйся на Москву! Вотъ это церковь Воскресенья, а та Введенія. А тамъ — черезъ Покровку, черезъ Срѣтенку, черезъ Рождественку поѣдемъ. Тутъ почти всѣ мѣста, братаникъ, по святому названы.

Но Викулу въ этотъ моментъ съ особенной отчетливостью бросились въ глаза большія бѣлыя буквы на синей вывѣскѣ:

— «Трактиръ».

— А это Чистые Пруды, — полуобернувшись, пробасилъ Корнѣй.

Въ это время солнце выглянуло изъ-за тучъ и заиграло на яркой майской зелени деревьевъ, клумбъ и вензелей, и заблестѣло на водѣ, которую бороздило множество разноцвѣтныхъ лодочекъ, наполненныхъ звонкоголосыми дѣтьми.

И дальше, по желтому песку бульвара, за запряженнымъ осликомъ цѣлой гирляндой пестрыхъ цвѣтовъ тянулись дѣти. Василій негромко и раполагающе спросилъ:

— Ну, а какъ насчетъ женитьбы?

Викуль, неохотно улыбнулся въ бороду, промолчалъ, а Сисипатрычъ, привыкшій полицейскимъ ухомъ улавливать самыя негромкія слова своихъ сіятельствъ, пырнулъ глазами быстро и легко скользившую по бульвару молоденькую гувернантку и протянулъ:

— Мы здѣсь его недорого на эдакой вотъ женимъ!

Когда-же яблочный переметнулъ коляску черезъ Срѣтенку и, спустившись подъ гору, бѣжалъ по Трубной Площади, Сисипатрычъ кивнулъ налѣво, на сѣрый неуклюжій домъ и сладкимъ говоркомъ пролепеталъ:

— Вотъ въ этомъ домѣ я мно-огихъ кой-кого женилъ... И вашенскаго Паль Федотыча неоднова сюда заваживалъ. — Корнѣй Сисипатрычъ гокнулъ на какого-то прохожаго, обернулся къ сѣдокамъ и. плутовато щурясь, таинственно прибавилъ: — ходокъ Минаевъ вашъ по этой части...

Но по лицу Викула, серьезному и почти хмурому, Сисипатрычъ догадался, что ему не по душѣ его слова. Отвернувшись, онъ помолчалъ немного и совсѣмъ почтительно сказалъ:

— Нѣтъ, я васъ лучше на Рогожеское скатаю... Либо къ Преображенью...

Василій исподлобья покосился на Корнѣя и потребовалъ негромко и спокойно:

— А ну-ка, по Тверской теперь!

Коляска повернула со Страстной налѣво, а Василій показалъ направо:

— Это Пушкинъ! Сочинитель былъ у насъ такой, великій... Всю Русь на пѣсни положилъ, а про Москву сказалъ:

— Москва... Какъ много въ этомъ звукѣ
Для сердца русскаго слилось!..

Василій слегка приподнялъ шляпу передъ Пушкинымъ, какъ будто поздоровался съ нимъ, и прибавилъ:

— Еще сказалъ онъ о Москвѣ, когда сравнивалъ съ Питеромъ:

— И передъ младшею столицей
Главой склонилася Москва,
Какъ передъ новою царицей
Порфиросная вдова...

Коляска вдругъ совсѣмъ замолкла, а цоканье подковъ стало глухимъ, и Сосипатрычъ зачистилъ свой молодецкій, дерзкій окрикъ на прохожихъ:

— Го-ой! Гохъ!..

Понеслось, закружилось, смѣшалось и запестрѣло все передъ глазами Викула; онъ почти не различалъ ни лицъ, ни экипажей, ни домовъ... Только изрѣдка отдѣльныя картины выдѣлялись и запоминались навсегда. Вотъ среди площади на чугунномъ возвышеніи, какъ живой, съ обнаженной саблей скачетъ бородатый всадникъ. А на другой, еще болѣе гомонливой площади ему бросается въ глаза уже четверка лошадей. Черныя и дикія, онѣ вздыбились надъ колоннами желтаго огромнаго зданія и вотъ-вотъ прыгнуть съ высоты на суетливый муравейникъ. И только здѣсь Викуль разглядѣлъ, что красные вагоны, жужжа и звеня, и черные, глазастые и мягконогіе самокаты — носятся взадъ и впередъ дѣйствительно какою-то чудесной, дьявольскою, что-ли силой... Все звенить, кричить и идетъ кругомъ, кругомъ, какъ будто люди, лошади, вагоны, самокаты — все это сорное зерно, а площадь — страшный жерновъ, который все смѣшиваетъ, мнетъ и мелеть въ удушливую пыль.

Василій что-то говорилъ и улыбался, показывая рукою на церкви и дома, но Викуль ничего не слышалъ и не понималъ. И только, когда уже остались позади Красная Площадь и Василій Блаженный и многоголовый старый Кремль, а Яблочный стучалъ копытами по Каменному Мосту, Викуль услышалъ слова Василія:

— Москва-рѣка!

И здѣсь на Балчугѣ, потомъ на Ордынкѣ, гдѣ громыкали по булыжнику огромныя, тяжелыя и грязныя телѣги, гдѣ вдоль и поперекъ несли и везли тяжести, мѣшки съ мукой, крупой, овсомъ, тюки сѣна, вороха щепныхъ товаровъ, солдатскихъ одеждъ, рогожъ и кожъ, гдѣ рокотали, продвигаясь, бочки-стояки и бочки-лежаки, гдѣ неуклюжею растяпистой походкою шагаль, ругался и кричалъ возлѣ жирныхъ толстоногихъ и жестоковѣйныхъ лошадей, всѣхъ возрастовъ рабочій людъ въ засаленныхъ чуйкахъ, поддевахъ, вѣпункахъ, жи-

леткахъ, пиджакахъ, рубахахъ и грязныхъ фартукахъ; гдѣ всё дома и домишки, ворота и заборы, двери и окна, такъ-же какъ и на Тверской, такъ-же какъ и во всей Москвѣ, — оголтело кричали своими жирными словами объ обояхъ и мукѣ, краскахъ и лакахъ, о мясѣ и булкахъ, и о прочей обшорной всякой всячинѣ... Гдѣ, какъ нарочно хлѣбомъ и крупами, кавалось, торговали Перловы и Хлѣбниковы, Зерновы и Калачевы, мясомъ — Быковы и Коровины, мѣхами — Лисицины и Волковы, а всякой мелочью какіе нибудь Расторгуевы и Небогатовы. Гдѣ, парикмахеръ и аптека, зубной врачъ и акушерка навязывали себя на каждомъ шагу всѣмъ и каждому, и гдѣ, опять таки настойчивѣе и зазывистѣе всѣхъ лѣзало въ глаза это огромное и наглое слово: «Трактиръ» — Викуль въ первый разъ за всю дорогу отъ вокзала произнесъ съ отчаяніемъ и изумленіемъ:

— Ну, и Москва-а! Вотъ дакъ Москва!..

Василій между тѣмъ все такъ-же гладко и улыбочиво, какъ по книгѣ, говорилъ надъ ухомъ Викула:

— Москва, братаникъ мой, большой базарь-толкучка. Тутъ все найдешь, все купишь, все продашь: старое и новое, дорогое и дешевое, святое и грѣховное... Испокоя въку Москва — живое, никогда не затихающее торжище. Въ старину въ Москвѣ самъ царь главнымъ купцомъ считался, мѣхами дорогими торговалъ, лавки свои имѣлъ. А на Спасскомъ крестцѣ возлѣ Китай-города лопы божественной литургіей торговали, свою духовную биржу съ маклерами содержали. Москва, братаникъ, мужицкая столица. Тутъ погляди только на бороды московскія: не бороды, а бобы камчатскіе.

Василій улыбнулся такъ, что трудно было разобрать: насмѣхается онъ надъ Москвой или хвалить ее. Корнѣй-же Сисилатрычъ, придерживая Яблочнаго и не оборачиваясь, преворчалъ съ насмѣшкою: — ну, насчетъ бороды теперь одинъ конфузъ! Не только бороды, усы-то стали брить, какъ старопрежніе господскіе лакеи. — И, повернувшись къ Викулу, онъ съ искреннимъ огорченіемъ пожаловался: — Облысѣла, слышь, Москва! Другой разъ смотришь: крестится иной

богомольникъ, а шапки не снимаетъ. Такъ и знай — лысину застудить боится...

Сисипатрычъ, показавъ красноватые бѣлки глазъ, отвернулся и поворотилъ Яблочнаго въ кривой и узкій переулочъ, и Викуль почувялъ, что наступила тишина, приятная, располагающая къ отдыху послѣ несмолкаемаго гама въ пестромъ громоздкомъ, непостижимомъ городѣ. И домики здѣсь были низкіе и небольшіе, какъ въ захолустьѣ.

Гдѣ-то недалеко перезванивали старинные колокола, и слышно было только ихъ.

Яблочный пошелъ здѣсь тихимъ шагомъ.

— Вотъ тутъ мы и живемъ! — сказала Василій и, прищурившись, насмѣшливо прибавилъ: — Переулочъ нашъ Спасоболвановскимъ зовется.

Входя въ ворота, Яблочный залиvisto заржалъ. Стукъ копытъ и звонкое ржаніе послышалось въ отвѣтъ изъ глубины двора, а Корнѣй Сисипатрычъ властно, по хозяйски зыкнулъ:

— Андрейко! Степко!..

Изъ конюшни опрометью бросились къ Корнѣю двое молодцовъ въ грязныхъ фартукахъ и сплюсненныхъ картузахъ: одинъ постарше съ метлой въ рукахъ, другой молоденькій, съ ведромъ.

Они бережно и раболѣпно помогли прежде всего сойти хозяину съ козелъ и Сисипатрычъ, очутившись на крыльцѣ, вдругъ весь перемѣнился. Крупный, важный, властный, какъ бояринъ, онъ напомнилъ Викулу отца.

— Отпречь и выводить! — приказалъ онъ конюхамъ. — Да ноги заднія забинтовать! — и сбросивъ свой кафтанъ на руки Андрейки, онъ обернулся къ Викулу.

— Ну, просимъ милости! Входи-ка, гостенекъ, да будь, какъ дома!

Викуль понялъ, что Корнѣй хозяинъ этого двора и дома и конюшень, изъ которыхъ выглядывали стройныя, красивыя, съ веселыми глазами лошади, и проникся къ лихачу малознакомымъ ему чувствомъ уваженія.

Потомъ, когда Василій ввелъ его въ большія хорошо обставленныя комнаты, съ коврами на полу, съ мягкой мебелью,

съ ковровыми занавѣсками на дверяхъ и съ тихими, мерцающими передъ старыми иконами лампадками, — Викуль почувствовалъ себя свободно, просто, хорошо.

А вечеромъ, когда совсѣмъ стемнѣло, и когда всѣ комнаты неожиданно для Викула освѣтились яркимъ бѣлымъ свѣтомъ электричества и наполнились веселой молодежью, невѣдомо откуда взявшейся, Василій вывелъ брата изъ своей комнаты и прежде всего подвелъ его къ скромно, гладко причѣсанной и милостиво улыбавшейся хозяйкѣ Домнѣ Ильинишнѣ.

Она сидѣла за самоваромъ и съ задушевной простотою пригласила Викула:

— Пожалуйте-ка! Чайку!

Эта простота совсѣмъ не городская, привѣтливая, заолустная, улыбка моложаваго лица, непокрытые волосы и темное съ красными цвѣточками простое платьѣ еще болѣе расположили Викула. Потирая руки, онъ издали поочередно кланялся молодымъ людямъ и дѣвушкамъ, стоявшимъ у стола, и повторялъ свое, ясное:

— Добраго здоравлица!.. Добраго здоравлица!..

Василій, стоя правымъ плечомъ къ брату, а лѣвымъ къ публикѣ, звонко называлъ имена дѣтей хозяина:

— Никодимъ Корнѣичъ — будущій инженеръ-технологъ. А это Алексѣй человѣкъ Божій. Семинаристъ и будущій архіерей...

— Митрополить! — церемонно кланяясь, шутя поправилъ Василія черноглазый юноша.

— А это просто Ванюшка! — продолжалъ Василій, указывая на рыженькаго веснушчатого мальчика подростка.

— Разудалая головушка! — мило подхватила Домна Ильинишна.

— Теперь по женской линіи, — подкручивая черный усъ, смѣнилъ Василія студентъ-технологъ, обнимавшій за талию двухъ сестеръ: — сестра Марія и сестрица Лиза. — Онъ произнесъ: «сестра Марія» — важно и басомъ, а «сестрица Лиза» — нѣжно и намѣренно визгливо.

— А это ихъ подруги, — указавъ на двухъ идущихъ изъ

глубины комнаты дѣвушекъ, сказалъ Василій, и опять прочелъ изъ Пушкина:

— У ночи много звѣздъ прелестныхъ,
Красавиць много на Москвѣ...

— Головокружительно! — протянула иронически одна изъ дѣвушекъ, не обращая никакого вниманія на поклоны Викула.

А другая, одновременно съ подругой прозвѣтѣла, обращаясь къ Никодиму:

— Вы подумайте!..

Викуль глядѣлъ на дѣвушекъ и удивлялся вольности и голоса и улыбокъ при старшихъ, и самъ невольно улыбался.

Изъ гостиной доносились звуки піанино, и Василій, постоявъ немного въ столовой, повелъ брата навстрѣчу этимъ звукамъ, которые съ неиспытанной сладостью вливались въ душу Викула и поднимали въ немъ новое, большое, нѣжное чувство, похожее на радость и на жалость вмѣстѣ.

Войдя въ гостиную, они беззвучно остановились, и Викуль увидѣлъ у піанино молодую, туго перехваченную въ поясѣ дѣвушку. Бѣлая и тонкія, почти прозрачныя руки ея легко скользили по бѣлымъ клавишамъ, и казалось, что гдѣли не струны инструмента, а сами чуть-чуть розовые пальцы этихъ рукъ.

Легкая и стройная фигурка дѣвушки въ бѣлой кофточкѣ и черной юбкѣ слегка покачивалась въ тактъ звукамъ, а голова съ мѣдно-русой пышной небрежно скрученной косой, кивала нотнымъ листамъ, развернутымъ на піанино.

Переставъ играть и вмѣстѣ съ табуретомъ круто обернувшись, дѣвушка внезапно увидѣла близко стоящаго возлѣ нея Василія и удивленно развела руками. Потомъ немножко исподлобья упрекающе и въ то-же время нѣжно посмотрѣла на него и протянула:

— Безсо-овѣстный!..

Но увидѣвъ незнакомца, она поспѣшно обѣими руками коснулась своихъ губъ и испуганно осмотрѣла Викула.

— Позвольте познакомиться!.. — учтиво и торжественно сказалъ Василій. — Вотъ долгожданный гостенекъ мой, Викуль Фирсовичъ!

— Да? — какъ по струнѣ ударилъ ея голосъ. Затѣмъ, не торопясь и не вставая съ мѣста, она лѣниво протянула тонкую и розовую, обнаженную до локтя руку въ сторону все еще стоявшаго поодаль Викула и голосомъ, въ которомъ прозвенѣлъ едва сдерживаемый смѣхъ, нетерпѣливо сказала:

— Здравствуйте!

Викуль, раскачиваясь, подошель и крѣпко стиснулъ маленькую, теплую руку.

— Ой! — съ едва замѣтною гримасой боли и усмѣшки про-стонала дѣвушка. И трясла кистью руки, смотря на Викула большими темно-сѣрыми глазами, полными и любопытства, и укора. И совсѣмъ смѣшно прибавила дразнящимъ баскомъ: — У-у!.. Какой...

Викуль неожиданно для самого себя громко засмѣялся, откинувъ голову и потирая руки. Глядя на него, расхохотался и Василій, а потомъ, вскочивъ со стула съ неподдѣльной искренностью залилась и дѣвушка.

Смѣясь, она глядѣла удивленно и въ упоръ въ румяное, слегка растерянное лицо Викула, а переставши хохотать, опять съ упрекомъ покачала головою:

— Хорошъ!.. — и въ глазахъ ея, большихъ и ясныхъ, отгнѣненныхъ длинными рѣсницами, рядомъ съ искорками насмѣшки, теплилась наивная и ласковая грусть. — Ну-у? — повторяла она, издѣваясь надъ смѣющимся сквозь слезы Викуломъ, какъ надъ ребенкомъ, и снова начинала звонко хохотать надъ нимъ.

На шумъ и смѣхъ изъ столовой прибѣжали любопытныя дѣвщины, и въ конецъ смущенный Викуль досталъ изъ кармана поддевки синій платочекъ, протеръ глаза и, не зная, что съ собою дѣлать, просто подошель къ смѣшливой незнакомкѣ и, чтобы одолѣть смущенье, полнымъ голосомъ промолвилъ:

— Н-ну, ловко ты меня! Въ слезу даже ударила!

Дѣвушка приподняла отъ удивленія плечи, оглядѣла всѣхъ большущими глазами и подхватила:

— Л-ловко! Онъ уже со мной на ты! — и впереди всѣхъ побѣжала изъ гостиной

Въ столовой, кромѣ молодежи, за столомъ сидѣлъ высшій,

сухощавый, съ быстрымъ взглядомъ челоуѣкъ въ пиджачной парѣ и въ манишкѣ, съ шуручкомъ вмѣсто галстука. Съ нимъ рядомъ, сверкая англійскимъ проборомъ, сидѣлъ черноволосый, статный молодой челоуѣкъ, курившій сигару, а напротивъ, въ черномъ залоснившемся отъ времени, потертомъ скруткѣ, по-хозяйски размѣщался лысый старикъ съ рыжей бородою.

— Ну, что-же ты, гостенечекъ, къ столу-то не присаживаешься? — обратился онъ къ Викулу, и Викуль не узналъ въ немъ недавняго съ золотистыми кудрями лихача.

Все въ старикѣ было теперь иное: и золотое пенсне, неохотно державшееся на толстомъ носу, и незастегнутый скруткѣ поверхъ лиловой бархатной жилетки, и бѣлый отложной воротничекъ, какъ у попутчика-профессора, и, наконецъ, эта лысая и круглая, какъ рѣпа, голова.

Викуль сѣлъ за столъ и, прислушиваясь къ разговору, опять притихъ и сталъ степеннымъ и суровымъ, какъ всегда.

Онъ только уловилъ изъ разговора молодежи, что ту, веселую, звали: дѣвушки — Наденькой, а Василий — Сергѣвнушкой.

Высокій пожилой челоуѣкъ, размахивая руками, зычно, просто и поспѣшно говорилъ:

— Дыть кабы не было антересу, я не строилъ-бы другую фабрику за полтораста верстъ отъ Москвы... Выдерживаль и я убытки, а такихъ не помню... Восемьдесятъ тысячъ собакъ подъ хвостъ бросили. — При этомъ онъ косился на молодого своего сосѣда, какъ-бы съ упрекомъ или съ жалобой. — И горя-бъ мало, коли-бы мы одни, сами себѣ хозяева... А то, вишь ты, челоуѣка — онъ махнулъ рукой на Сисилатрыча — компаньона вляпали въ убытки!..

— Ничаво-о! — сипло басилъ хозяинъ, — на домахъ отыграёмся... Нонеча квартиры-то вонъ какъ прыгаютъ.

— Дыть обидно эдакъ-то дѣла вести! — горячился фабрикантъ. — А все, вишь, молодыхъ послушался. По новой модѣ дѣло сталъ вести.

Молодой черноголовый господинъ, стряхнувъ съ сигары лепель, спокойно и съ улыбкой возразилъ:

— Да по-олно вамъ, папаша, на молодыхъ-то сваливать! Поймите вы, что самый вашъ торговый шагъ сталъ узокъ. Раньше вы были короли своего дѣла, а теперь у васъ сто конкурентовъ. Раньше купилъ коробку либерти за цѣлковый, продалъ за два, да и пошелъ къ миллионамъ. А теперь-дудки-съ! Теперь промышленность должна творить, бороться, создавать все лучшее. Только тогда у нея почва подъ ногами будетъ. — Молодой человекъ поправилъ бѣлоснѣжную манжетку, сѣлъ прямѣе и заговорилъ почти сердито: — Вы — шляпный фабрикантъ! Да вѣдь это смѣшно! Вы никакого представленія о модахъ не имѣете и даже насъ преслѣдуете за то, что мы прилично одѣваемся. Между тѣмъ, вамъ надо выписывать модели изъ Парижа, а еще лучше тамъ имѣть своимъ корреспондентомъ художника, который-бы вамъ создавалъ фасоны, и даже больше — создавалъ свои русскіе законы модъ! — Молодой человекъ обжегъ глазами всѣхъ присутствующихъ и, указывая на хорошенькую Лизу, продолжалъ: — Ну, скажите мнѣ, папаша, можете вы угодить вотъ этой барышнѣ, сумѣете вы подобрать такой фасонъ, который былъ-бы моднымъ и въ то-же время подошелъ къ ея лицу, къ цвѣту волосъ, къ ея костюму. Конечно, нѣтъ! А вѣдь у васъ болванки-то, небось, стоятъ и примѣняются съ основанія фирмы. Понятно, кто-же будетъ покупать вашу шляпу? Вотъ откуда и убытки! Это такъ понятно. Публика теперь стала разборчивой и требовательной, ей надо дешево, сердито и по послѣдней модѣ!

Викуль слушалъ и дивился:

— «Вотъ оно въ Москвѣ-то какъ: извозчикъ съ фабрикантами компанію ведетъ. О тысячахъ толкуютъ, какъ о трешникахъ. И фабрикантъ ужъ больно и просто. Пожалуй проще будетъ и Чураевыхъ»...

Но больше всего поразило Викула, что сынъ такъ смѣло, такъ свободно осуждаетъ все отцовское, и отецъ не можетъ переспорить сына, не можетъ отстоять свое.

Да и все въ этотъ день и вечеръ было такъ значительно, пестро и громоздко, что утомленный Викуль не въ силахъ былъ обнять и примирить въ себѣ все сложное и удивительное, что онъ увидалъ и услышалъ за одинъ день въ Москвѣ.

Какъ-то быстро наступила ночь, и въ открытыя окна потянуло свѣжей зеленью изъ сада. Молодежь куда-то разбѣжалась. Только Наденька сидѣла въ уголку съ Василемъ и, разговаривая съ нимъ, ни разу больше не взглянула на Викула.

А Сисипатрычъ, проводивъ фабрикантовъ, все еще сидѣлъ у самовара, держалъ на трехъ пальцахъ дымящееся блюдце, швыркалъ оттопыренными губами горячій чай и, строго глядя на Викула, наставительно повѣствовалъ:

— Да нешто ему можно рѣзваго довѣрить, наемному холопу? Онъ запалить, либо изувѣчить, а она полторы да двѣ тысячи... А Яблочный да, вѣшь, моя Боярыня по три съ половиной даденъ. А окромя того, мой золотой, привыкъ я! Телерица, какъ дня два не проѣдусь — скука! Зло какое-то нахлываетъ. А сядешь... — Сисипатрычъ улыбнулся вдругъ свѣтло и ласково. — Особливо на хорошую-то, да при огонькахъ, да по Ямской, туда, къ Петровскому... Люблю! — И далѣе лицо у Сисипатрыча дѣлалось снова дѣловитымъ и строгимъ: — Прокатилъ какогонибудь голоуеика до Стрѣльни либо къ Яру — глядишь въ карманѣ двѣ-три красненькихъ. А поусатѣ кого — полсотки... Конечно, — ставя блюдце на столъ, растягиваетъ Сисипатрычъ, — и безпокойство есть. Безъ этого копейка не достается въ руки. А только что привыкъ ужъ я... Люблю.

Поздно ночью, когда уѣхалъ на свѣжемъ рысакѣ Сисипатрычъ, — его вызвали по телефону изъ театра — и въ домѣ водворилась тишина, Василій уложилъ брата на свою постель, а самъ легъ у открытаго окна на кушетку и съ глубокимъ вздохомъ попросилъ;

— Ну, Виконька, пораскажи теперь о домѣ! Какъ-то тамъ живутъ-поживаютъ? Объ отцѣ сперва, а потомъ о пасѣкѣ и обо всемъ.

Но Викудъ чувствовалъ себя уставшимъ и отвѣчалъ вяло, нехотя, а подъ конецъ совсѣмъ огрызочно:

— У отца перекосердце съ Дашкой зачалось. Изъ-за Самойлы, надо быть. Въ Поморье онъ ушелся. Будто-бы за новой

вѣрой. Видать, грѣхъ выйдетъ затажной. А тутъ Ананій на меня присерживается. Изъ за торговли моеѣ, надо думать. Моя торговля? Какъ тебѣ сказать... — идти-бы хорошо, да какъ-то все выходитъ... — Викуль вдругъ остановился, помолчалъ, зѣвнулъ и какъ-бы нехотя спросилъ: — А эта... какъ ее, Сергѣвнушка-то кто она такая? Которая на музыкѣ-то мастерица?

— Сергѣвнушка-то? — переспросилъ Василій и, приподнявшись, съ любопытствомъ глянулъ въ сторону брата. — А что, поглянулась?

— Поглянулась! — съ хитрой внутренней усмѣшкой сказала Викуль.

— Ишь ты! — коротко промолвилъ Василій и, показавъ на поблѣвшее окно, прибавилъ: — смотри-ка, свѣтъ ужъ брежжитъ. Давай-ка, спи, отдыхай съ дороги-то. Погостишь — наговоримся до-сыта.

Викуль замолчалъ, но изъ подъ одеяла поглядѣлъ на брата.

— Съ хитринкой, ты, я вижу, парень! — весело хихикнулъ Викуль и повернулся лицомъ къ стѣнкѣ.

Скоро въ окно черезъ сѣтку деревьевъ заглянуло погожее утро, и отдаленный гулъ проснувшейся Москвы ворвался въ комнату вмѣстѣ съ звономъ ближней церкви.

Въ головѣ Викула быстро проносились пестрые нелѣпныя и плохо связанные межъ собою думы, и всѣ онѣ казались почему-то окрашенными въ яркіе, то красные и желтые, то синіе и голубые цвѣта. Любуясь ими, онъ потихоньку посмѣивался надъ своимъ вчерашнимъ смѣхомъ и надъ забавной молодою женщиной съ темными и длинными рѣсницами. Онъ хорошо запомнилъ, что на щекахъ у нея были крошечныя крапинки, какъ будто кто-то слегка окропилъ ее мельчайшими брызгами пихтовой смолки, что воалѣ розоваго уха на вискѣ лежала отливающая бронзой завитушка изъ волосъ. А самое главное, что онъ лучше всего запомнилъ это ея шею, тонкую и бѣлую, высокую и нѣжную. Такую нѣжную, что все время такъ-бы и смотрѣлъ на нее, не отрывая глазъ...

Такъ онъ и не уснулъ до поднятаго утра.

Впрочемъ почему-то не могъ уснуть и Василій. Поджимая розовыя губы, онъ думаль про Викула одной и той-же фразой, но на разные лады:

— «Скажи на милость, раскачался!..»

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Викулу необходимо было прежде всего продать свои мѣха. Онъ безпокоился, что наступаетъ лѣто, и мѣха могутъ попортиться. Поэтому наавтра-же они съ Василіемъ направились искать мѣховщиковъ.

Викулу на этотъ разъ бросилось въ глаза обиліе мяса. Оно ярко-красавыми пятнами глядѣло изъ оконъ почти каждой бакалейной лавки и напоминало Викулу о городской грѣховности: стояль Петровскій постъ, а москвичи торгуютъ мясомъ.

Теперь, когда онъ шель пѣшкомъ, Москва казалась ему менѣ нарядной. Отовсюду выпирали грязныя, засаленныя стѣны, двери, вывѣски, ворота. Даже большіе новые дома, съ узорной лѣпкой и покраской, казались запачканными, угрюмыми и подавляли своей молчаливой грузностью. Такъ сильно подавляли, что не только люди, лошади и экипажи были маленькими и ничтожными, но и цѣлыя церкви были задавлены домами, загорожены и утопали среди стѣнъ, какъ на днѣ колодець, напрасно вытягивая къ небу потускнѣлые кресты.

— Экъ мірское-то все божеское задавило!.. — сказалъ Викуль, прервавъ рассказъ Василія о московской старинѣ.

Василій посмотрѣлъ на брата, потомъ на семизэтажный сѣрый домъ, возлѣ котораго въ углу стояла церковка, и, сдержанно вздохнувъ, отвѣтилъ:

— Это еще что за дома! Вотъ въ заморскихъ государствахъ — тамъ есть въ двадцать этажей и болѣе.

— Въ двадцать? — недоувѣрчиво протянулъ Викуль и спросилъ серьезно: — а можетъ это башня Вавилонская?

Василій искренно и звонко разсмѣялся, откинувъ голову назадъ.

— Тамъ башень этихъ, милый мой, десятки тысячъ.

— А рухнуть всё онѣ когда-не-то! — сурово и увѣренно отозвался Викуль и потомъ долго молчалъ, разсѣянно слушая разсказъ Василія объ Америкѣ.

Мысли Викула медленно смѣняли одна другую, и глаза его глядѣли на все окружающее нехотя, но зорко и непривычно-удивленно. Движеніе, суета, походка женщинъ и мужчинъ, ихъ платье, разговоръ, улыбки и рѣжущая пестрота и расфранченность, а главное безпечность, праздное шатаніе, какъ думалъ Викуль обо всѣхъ, кто живетъ въ этомъ необъятномъ городѣ, — помимо удивленія, поднимало въ немъ досаду, почти злобу и тревогу: а вдругъ всё эти люди уже давно не думаютъ о Богѣ, не молятся, не каются, не вѣрують, не почитаютъ старшихъ! О томъ, что здѣсь не почитаютъ старшихъ, онъ уже зналъ, но тутъ закрадывалось въ разумъ совсѣмъ другое: можетъ быть, это не такъ ужъ и грѣшно?

На этой мысли Викуль ловилъ себя и втайнѣ мучился: вотъ она Москва — и его затягиваетъ въ свой грѣховный неводъ.

И врасплохъ допрашивалъ Василія:

— А ты какъ насчетъ Бога-то? Небось, тоже не больно твердъ!

Василій отвѣчалъ полусловами, полусутками и то и дѣло увлекалъ упрямый разумъ Викула куда-либо въ сторону, на разныя попутныя подробности.

Почти незамѣтно очутились они на Кузнецкомъ Мосту, въ роскошномъ магазинѣ мѣховыхъ товаровъ, и здѣсь на предложеніе Василія, упитанный и розовый управляющій съ подозрительной улыбочкой сказалъ:

— Какіе-же теперь могутъ быть мѣха? Молю порченныя? Притомъ-же не сезонъ! Нѣтъ-съ, кому-нибудь на Старой Площади, либо на Сухаревкѣ предложите.

Викуль строго оглядѣлъ щеголеватого, съ брюшкомъ приказчика, кольнуль глазами его гладко-прилизанные воло-

сы съ прямымъ проборомъ посрединѣ и, повернувшись къ выходу, спокойно сказала Василию.

— Пойдемъ — не смыслить онъ ни пѣнаго!

— А вы потише тутъ! — прикрикнулъ управляющій.

Викуль постоялъ немного, исподлобья наблюдая за прилизаннымъ приказчикомъ и, усмѣхнувшись, молча вышелъ вслѣдъ за братомъ.

— Съ своимъ добромъ да кланяйся! — проворчалъ онъ, направляясь вдоль домовъ, и рѣшительно прибавилъ: — Домой увезу!

Они свернули на Петровку и здѣсь у витрины цвѣточного магазина Василій увидѣлъ Наденьку. Онъ даже задержался, какъ-бы пораженный неожиданностью. Наденька стояла въ профиль, лицомъ къ витринѣ и смотрѣла на роскошные цвѣты, яркой, разноцвѣтной и нарядной семьею глядѣвшіе на улицу. Василія поразила въ Наденькѣ едва уловимая покорность, какъ будто она, страстно влюбленная въ цвѣты, не можетъ наглядѣться на нихъ, оторвать отъ нихъ взгляда и не имѣетъ средствъ купить хотя-бы одинъ душистый, свѣжій, восхитившійся ея взглядъ букетъ. Наденька впервые показалась Василію униженной чувствомъ зависти, и онъ невольно вспомнилъ, что Наденькѣ двадцать два года.

Но въ это время Наденьку увидѣлъ Викуль и обрадованно, престо протянулъ:

— Сергѣ-внушка!

Наденька обернулась и въ глазахъ ея засвѣтились зеленоватые огоньки.

— Ф-ирсовичи! — въ тонъ Викулу отвѣтила она и почему-то протянула руку сперва Викулу, хотя Василій стоялъ ближе къ ней.

Она быстро побѣжала вонъ изъ нихъ на Театральную и залепетала, снизу вверхъ разсматривая Викула:

— Ну, какъ ваши дѣла? Довольны вы Москвой? Что вамъ въ ней больше всего нравится? Вы хмуритесь!.. Мѣха?.. Ахъ мѣха-а! Какая проза.

Наденька украдкой взглянула на Василія и снова обратилась къ Викулу:

— А вы при солнышкѣ совсѣмъ не страшный. И вамъ не жарко въ этомъ кафтанѣ? А отчего вы волосы не острижете? Вамъ жалко кудри, да?

Василій чутко вслушивался въ каждое ея слово, и въ немъ внезапно закипала злоба. Почему? Онъ ни за-что не могъ-бы самъ отвѣтить, но то, что Наденька совсѣмъ не говорила съ нимъ, затронуло въ немъ незнакомую до сихъ поръ струнку, которая впервые зазвенѣла въ немъ и съ болью въ одинъ мигъ пролѣла обо всемъ, что было пережито за четыре года, съ тѣхъ поръ, какъ онъ узналъ о Наденькѣ. Но въ душѣ за этой болью почуялось другое: гордость. И Василій съ фальшивымъ равнодушіемъ слушалъ болтовню Наденьки, молчалъ и старался подавить въ себѣ нелѣпое и мелочное раздраженіе.

А Наденька между тѣмъ предлагала Викулу свои услуги по продажѣ его мѣховъ. Она рассказывала, какъ однажды вмѣстѣ съ отцомъ, выбирая для себя на шубу мѣхъ, она познакомилась съ мѣховщикомъ на Старой Площади.

— Онъ такъ много говорилъ тогда о мѣховомъ промыслѣ и о томъ, какъ трудно добывать хорошихъ звѣрей, что, кажется, вась встрѣтить съ распростертыми объятіями.

Наденька потомъ заинтересовалась и мѣхами. Она рѣшила ихъ теперь-же посмотреть и, къ удивленію Василія, пѣшкомъ пошла въ Замоскворѣчье.

Василій весь ушелъ въ себя, притихъ, насторожился и все глубже погружался въ прошлое, совсѣмъ недавнее, безпечное, окрашенное въ яркіе двѣта, и вплоть до дома не сказалъ съ Наденькою ни одного слова.

И только дома, когда Викуль распаковалъ мѣха, а Наденька съ азартомъ любовалась ими и прикидывала ихъ себѣ на плечи, припадала къ пушистымъ и пахучимъ соболямъ раз-румянившейся щекою, — Василій улыбкулся Наденькѣ и спросилъ;

— Позвольте мнѣ подарить вамъ вотъ этихъ двухъ соболей!

— Да они еще не ваши! — вопросительно взглянувъ на Викула, сказала Наденька капризнымъ тономъ. А Василій въ это время подумалъ противъ воли и желанія оскорбительное:

— «Передъ цвѣтами, соболями, а можетъ быть и передъ золотомъ и ты не устоишь!»..

Викуль поглядѣлъ на Наденьку въ упоръ и спокойно вымолвилъ:

— У насъ дѣлежки не было. А для тебя, ежели поглянутъся, — коть всѣ возьми! Тутъ соболей на шубку вдосталь наберется.

Наденька еще разъ посмотрѣла на Василия и Викула и съ обидой въ голосъ спросила:

— Да что это вы, господа?.. Въ умѣ?.. — и она совсѣмъ обиженно взглянула на Василия: — Какъ вамъ не стыдно?..

И къ обидѣ ея примѣшалось недавнее, почти вчерашнее: Наденька написала Василию, прося его придти къ ней, чтобы вмѣстѣ съ нимъ поѣхать на дачу. Она такъ долго ждала этого случая, надѣясь много сказать Василию и многое услышать отъ него. Объ этой поѣздкѣ она думала еще съ зимы и ждала ея, какъ праздника. А онъ не только не пришелъ, но и не отвѣтилъ ей, и она должна была сама итти къ нему... Правда, огорченіе Наденьки смягчило то, что у Василия была уважительная причина — онъ встрѣчалъ брата. Но это что еще за новость: предлагать ей мѣха? Неужели онъ по своему, какъ-нибудь грубо понялъ ея приглашеніе ѣхать съ нею на дачу?

Наденька ушла домой, разстроенной и молчаливой.

Василій золь былъ на себя за то, что не успокоилъ, даже не проводилъ Наденьку, и, вяло отвѣчая на вопросы Викула, припоминалъ подробности знакомства съ ней и провѣрялъ: дѣйствительно-ли Наденька стала близка его душѣ? Изъ разсказовъ Наденьки, всегда интимныхъ и немножко грустныхъ, Василій еще въ первый годъ знакомства узналъ о ея дѣтствѣ, проведенномъ на суеточномъ и пыльномъ Арбатѣ, объ отрочествѣ, когда она узнала самое прекрасное, какъ говорила искренно: поѣздки въ подмосковныя деревни и книжки Пушкина и Диккенса. Всѣ ея разказы о гимназическихъ шалостяхъ, о нянѣ, которая съ девяти лѣтъ замѣняла Наденькѣ умершую мать, о разсѣянности Сергѣя Дмитріевича, ея отца, и даже о первой, робкой и «такой смѣшной-смѣшной», какъ говорила сама Наденька, любви. — Василій слушалъ всегда съ восхи-

ценіемъ и до сихъ поръ не зналъ: что ему больше нравилось: содержаніе-ли разсказа или то, какъ она при этомъ улыбалась, какъ сверкали ея большіе чуть-чуть зеленоватые глаза, шевелились губы и взлетали для нетерпѣливыхъ жестовъ нѣжныя руки.

Василій видѣлъ, что въ восемнадцать лѣтъ Наденька знала уже много сладкаго и горькаго, многое прочла, многое видѣла, путешествовала по Россіи, побывала даже за-границей, и на естественное отдѣленіе высшихъ курсовъ поступила съ опредѣленной цѣлью — сдѣлаться докторомъ ботаники и всю жизнь не разставаться съ природой. Но въ то-же время Василій чувствовалъ, что Наденька теперь, по окончаніи курсовъ, прежде всего женщина и прежде всего хочетъ жить, любить и быть любимой...

Василій цѣнилъ, съ какой необычайной зоркостью и живостью она ловила звуки окружавшей ее жизни, жадно впитывала все, чѣмъ жилъ ея отецъ, талантливый, замѣтный адвокатъ и журналистъ, была душой и радостью кружка студентовъ и курсистокъ, успѣвала брать уроки музыки, читать подпольную литературу, бывать въ аристократическихъ домахъ, участвовать въ переписи коечно-коморочныхъ квартиръ.

Она разсказывала ему, съ какой тревогой часто останавливала ея отецъ, когда она особенно задорно излагала ему кучу своихъ плановъ и проектовъ. Онъ представлялъ, какъ круглое, въ корявинахъ, и бритое, какъ у актера, лицо Сергѣя Дмитріевича озабоченно и упрекающе кивало ей, глаза разсѣянно глядѣли куда-то внутрь себя, быть можетъ на тезисы новой статьи или на схему защитительной рѣчи...

Василія пугала въ Наденькѣ ея порывистая страстность, кипучая жажда жизни. Его пугала женщина, еще невѣдомая ему, влекущая къ себѣ и грѣшная.

И все-таки они сошлись на самомъ главномъ. Оба они были самозабвенно влюблены въ жизнь и переполнены къ ней жаднымъ любопытствомъ.

— Надо десять жизней, чтобы насытить любопытство! — говорилъ Наденька.

Василій горячо подхватывалъ и подтверждалъ:

— Да, скука можетъ быть знакома только лѣнивымъ и тупымъ.

Этими словами они обмѣнялись еще тогда, при первомъ и такомъ смѣшномъ знакомствѣ.

Въ Большомъ театрѣ шла «Снѣгурочка». Наденька съ Василиемъ сидѣли рядомъ на балконѣ. Василий слишкомъ ребячески выражалъ свой восторгъ и передъ мудростью и добротой царя Берендея, и передъ чистою наивностью Снѣгурочки, и передъ пѣсенками Леля, и передъ всею феерическою сказочностью постановки.

— Ну, и хорошо-же!.. Ну, я славно-же!.. — самъ съ собою восклицалъ Василий.

Наконецъ, его слегка кто-то толкнулъ. Василий не замѣтилъ и свѣтлыми, горящими глазами продолжалъ смотрѣть на сцену.

— Послушайте-ка... Вы другимъ мѣшаете! — сказалъ ему надъ самымъ ухомъ насмѣшливый дѣвичій голосъ.

Онъ оглянулся и лицо къ лицу столкнулся съ Наденькой. Они съ минутой пристально глядѣли другъ на друга, пока не разсмѣялись искренно и изумленно.

Отвернувшись, чтобы спрятать смѣхъ, они опять какъ школьники, въ одно и то-же время оглянулись другъ на друга и снова, уже громко, разсмѣялись.

— Тише вы! — приказала наконецъ Наденька и сдѣлала строгую гримасу, но украдкой продолжала выглядывать на розовое, свѣжее, съ пушкомъ на подбородкѣ и большими интересными глазами, лицо Василия.

И можетъ быть потому, что Василий, увлеченный оперой, опять не обращалъ вниманія на сосѣдку и совсѣмъ не замѣчалъ ея кокетливыхъ маневровъ, Наденька въ антрактѣ первая заговорила съ нимъ.

— Послушайте, чудакъ вы этакій, вы съ неба, что-ли, свалились! Никогда не видывали оперы!

— Видывалъ да мало... Снѣгурочку не видывалъ! — сердито отозвался онъ и, продолжая что-то обдумывать, молча шелъ съ нею рядомъ.

— Вы семинаръ? — хотѣла уязвить его Наденька.

— И на томъ спасибо! — подумавши, отвѣтилъ Василій и, сверху внизъ взглянувъ на дѣвушку, прибавилъ: — А вы семинаровъ не любите?

Въ тотъ-же вечеръ дома Наденька скопировала всѣ манеры и слова неловкаго Василія, разсмѣшивъ Сергѣя Дмитріевича, а черезъ два-три дня случайно встрѣтила его на Камергерскомъ и обрадовалась какъ родному. Потомъ просто позвала его къ себѣ и провела прямо въ кабинетъ отца.

— Папа! — звенѣла она еще въ передней. — Я привела сибирскаго ручного медвѣженка...

Василій, щурясь отъ яркаго свѣта, неловко упирался и лепеталъ:

— Я не хотѣлъ итти. Но она меня... Прямо съ улицы...

Первое впечатлѣніе о Василіи Сергѣй Дмитріевичъ составилъ непріятное и разобидѣлъ Наденьку. Но послѣ присмотрѣлся къ робкому и неуклюжему студенту и какъ-то незамѣтно для себя привыкъ къ нему и полюбилъ настолько, что дальнѣйшая шлифовка и развитіе Василія принадлежали, главнымъ образомъ, Сергѣю Дмитріевичу.

И вотъ теперь, спустя четыре съ лишнимъ года, когда Василій развился и возмужалъ и сталъ самостоятельно, хотя и тайно отъ Сергѣя Дмитріевича, давать свои статьи въ ту-же почтенную и старую газету, въ которой состоялъ сотрудникомъ Сергѣй Дмитріевичъ Никитинъ, Наденька какъ будто снизу вверхъ и съ робкой ласкою смотрѣла на Василія, и противъ своей воли и обычаевъ въ домѣ лихача Корнѣя, часто приходила, не скрывая, что приходитъ именно къ Василію.

Четыре года — срокъ большой. Василій даже и не замѣчалъ, что онъ смотритъ на Наденьку немножко снисходительно, хотя и нѣжно. Онъ свысока парировалъ ея дѣвическія разсужденія, не разъ прочитывалъ и забывалъ ея открытки съ приглашеніемъ въ театръ или въ музей, и какъ будто даже тяготился гою нѣжностью и грустью въ ея взглядахъ, съ которыми она не разъ въ молчаніи, съ чуть-чуть дрожавшимъ подбородкомъ, уходила отъ него...

Василій все это пересмотрѣлъ, припомнилъ и почувство-

валь, что трогательная и нѣжная близость Наденьки слишкомъ глубоко вошла въ него.

Но почему сегодняшнее поведеніе Наденьки поселило въ немъ тревогу? Что случилось? Ничего рѣшительно!..

Какъ-бы подтверждая это, Наденька на завтра-же, веселая и прежняя, пріѣхала исполнить обѣщаніе: отправиться съ Викуломъ на Старую Площадь къ знакомому мѣховщику.

Когда они уѣхали, Василиій втайнѣ всетаки рѣшилъ, что Наденька набросилась на Викула съ такимъ-же любопытствомъ съ какимъ тогда, давно, приблизила къ себѣ его, Василия. Однако, онъ былъ тотъ-же — ласковый и сдержанно-порывистый Василиій, искусно маскирующей въ полусловахъ и загадочныхъ усмѣшкахъ новое, доселѣ неиспытанное чувство. Кромѣ того, онъ не переставалъ быть тѣмъ, чѣмъ сдѣлали его происхожденіе, природа, среда и непримиренныя между собой противорѣчія и думы, которыя, откуда-бы онѣ ни исходили, — сходились многочисленными нитями къ одной точкѣ, къ одному запутанному, крѣпкому и неразрывному узлу — чело-вѣческой религіи.

Что-бы онъ ни дѣлалъ, о чемъ-бы ни думалъ, куда-бы ни стремился, — передъ нимъ всегда и прежде всего стоялъ вопросъ:

— Въ чемъ благо человѣка высшее, красивое и сильное?..

Это было сложное, сокровенное и самое большое въ думкахъ Василия. И самое отвѣтственное, потому что это были не тотъ Богъ и не та вѣра, ради утвержденія которыхъ онъ посланъ былъ отцомъ въ Москву. Они остались гдѣ-то далеко позади, почти при первыхъ мѣсяцахъ его пытливаго знакомства съ Бѣлокаменной, семь лѣтъ тому назадъ...

Вотъ почему, рядомъ съ личною досадой, похожей на неиспытанное чувство ревности, передъ Василиемъ впервые встало во весь ростъ различіе между понятіями и настроеніями его и брата Викула.

Василій ужаснулся пропасти, которая лежала между нимъ и Викуломъ, и въ то-же время, смотря на брата, какъ на меньшака, гайно завидовалъ ему, потому что у Викула душа была моложе и свѣтлѣе, чѣмъ искушенная душа Василия.

Викулъ ему показался беззаботнымъ, какъ ребенокъ. Онъ не привязанъ даже къ своему простому дѣлу — торговлѣ. Привезъ свои мѣха и тѣ не могъ безъ посторонней помощи продать. У Викула, какъ у юноши, все впереди — онъ такъ мало тронуть жизнью. И Наденька, какъ пчелка, кружится надъ свѣжей ароматною пылью красиваго лѣснаго человѣка, тогда какъ у Василя отъ непрерывнаго сидѣнья надъ книгами, и въ пыльныхъ архивахъ Андроньева монастыря, и на Преображенскомъ кладбищѣ — запала грудь и одрябли мускулы.

Странно повелъ себя Василій. Захваченный новыми мыслями врасплохъ, онъ вдругъ ушелъ въ себя, отмалчивался, прикрывался ироническими шутками, и все-таки старался чѣмъ нибудь занять брата, по-братски подѣлиться съ нимъ и опытомъ и ласкою и всѣмъ тѣмъ хорошимъ, что накопилъ въ Москвѣ.

Василій чувствовалъ, что въ немъ жива, крѣпка еще любовь къ тому, что тамъ, далеко, при отцѣ, при пасѣкѣ, при всей Чураевской семьѣ, но говорить объ этомъ опасался, потому что въ немъ не во время могло прорваться какое-либо неосторожное обидное для брата, слово.

Проливая на Викула теплоту гостепримства и радушія, онъ все-таки сознавалъ, что нѣту въ немъ той искренности и простоты, съ какими говорить и поступаетъ Викулъ.

И Василій, на зло себѣ, рѣшилъ разыгрывать безпечнаго наблюдателя надъ тѣмъ, что произойдетъ изъ встрѣчи Викула и Наденьки.

Въ немъ даже поселился нѣкій бѣсъ задора:

— «Пусть она немножко позабавится... А я посмотрю, какъ Викулъ ошалѣетъ отъ этой новой браги...»

Между тѣмъ, Наденька каждый день съ утра до вечера водила Викула по Москвѣ, кружила его по заколдованнымъ ея кругамъ, проѣздамъ и посадамъ, по улицамъ и переулкамъ, по заставамъ и тупикамъ, по монастырямъ и паркамъ. Она испытывала большое удовольствіе въ томъ, что вызывала въ Викулѣ искреннее удивленіе передъ диковинками московской старины или культуры, и искренно радовалась, что Викулъ

оказался не такимъ тупымъ и простоватымъ, какъ она думала въ началѣ.

Наконецъ, спустя недѣли двѣ она сказала братьямъ:

— На завтра я назначаю генеральное обзорѣніе Китай-города, и вы извольте сопровождать меня вдвоемъ.

Викулъ испытующе взглянулъ на Наденьку, потомъ на брата, а Василій скромно поклонился и улыбаясь произнесъ:

— Хоть на край свѣта!

Наденькѣ показалась неестественной эта изысканность, она передернула плечами и насмѣшливо прищурилась:

— Скажите, какой князь!..

Василій почуялъ въ тонѣ ея голоса презрѣнье и, поджавъ губы, затаилъ обиду.

На завтра Наденька въ назначенное время не явилась. Пришла двумя часами позже и, показывая Василию номеръ газеты, многозначительно покачала головой.

— Ну, наконецъ то я васъ, кажется, поймала! — она развернула газету, ткнула пальчикомъ въ отмѣченный столбецъ и, бѣгая блестящими глазами по зардѣвшимся щекамъ Василя, спросила: — Скажите: это не вы писали?

Василій, чтобы справиться съ собой и выйти изъ воды сухимъ, сдѣлалъ видъ, что ужасно заинтересованъ содержаниемъ статьи...

— «Осколки древней Руси», — читалъ онъ вслухъ — «Къ лекціи профессора Лаптева?» — и скороговоркой продолжалъ: «Извѣстный сибирскій путешественникъ и этнографъ Лаптевъ, въ послѣдніе годы изучая красивый, отдаленный горный край, обнаружилъ, что тамъ до сихъ поръ сохранились уклады и вѣрованія древне-боярской Руси. Однако, въ предстоящей лекціи, какъ видно изъ ея программы, профессоръ...» Василій прекратилъ чтеніе съ неподдѣльнымъ изумленіемъ посмотрѣлъ на Наденьку и только теперь отвѣтилъ на ея вопросъ:

— Ничего подобаго!

— Нѣтъ, вы! Вѣдь вы-же пишете, пишете! — настаивала Наденька, и глаза ея вспыхнули злыми огоньками.

— Въ чемъ дѣло? — понизивъ тонъ и пожавъ плечами,

улыбнулся Василий. Онъ ни за-что не хотѣлъ при Викулѣ сознаться, что статья его и, разыгрывая совершенно непричастнаго къ газетѣ человѣка повторилъ: — Надежда Сергѣевна! Въ чемъ дѣло?

— Въ томъ, что вы неискренни! А между тѣмъ вотъ ваши истинныя мысли о «Московскомъ царствѣ»!

Это было уже слишкомъ. Наденька намѣренно или по невниманности не понимала, что она разверзала между братьями зияющую пропасть, такъ какъ Викулъ уже тянулся къ газетному листу, заинтересованный, что-же тутъ сказано о горномъ краѣ и о Московскомъ царствѣ.

— Я уже сказалъ вамъ, — холодно и съ разстановкой повторилъ Василий, что это не моя статья.

Наденька сомкнула пальцы рукъ, приподняла плечи, чуть-чуть просвѣчивавшія сквозь тонкую свѣтлую матерію кофточки, и съ глубокимъ сокрушеніемъ сказала:

— Василий Фирсычъ! Вы-ли это? Что это: трусость или двойственность? Изъ глазъ ея струилась грусть, тревожная и нѣжная въ одно и тоже время.

Потомъ она подсѣла къ Викулу и наклонилась вмѣстѣ съ нимъ къ газетѣ.

— Вѣдь это о вашемъ краѣ будетъ лекція... Вы понимаете?... — сказала она Викулу.

А Викулъ перевелъ глаза отъ мелкихъ строчекъ на ея лицо и увидѣлъ ея шею такъ близко, что даже легкія, едва замѣтныя пушинки на нѣжной кожѣ можно было сосчитать... Онъ глубоко вздохнулъ въ себя запахъ этой кожи, сладкій, никогда до сихъ поръ неиспытанный и, не понимая о чемъ его спросили, прошептала ей:

— Не спрашивай ты, Бога ради!

Она повернула къ нему голову и пробѣжала по его лицу глазами.

— Что съ вами? — проговорила она, такъ-же тихо, какъ и онъ, и вся зардѣлась, отклонилась и, поймавъ себя на чемъ-то, оглянулась на Василия, который, отъ заваленнаго книгами стола, исподлобья смотрѣлъ въ икъ сторону и нервно тербилъ свою бородку.

— Во всякомъ случаѣ, — заговорила Наденька, — на лекцію мы всё идемъ.

— Идемъ, — сказала Василій, не отводя отъ нея насмѣшливаго взгляда.

И она, будто осердившись на этотъ взглядъ, многозначительно подчеркнула:

— Ну, да. Идемъ!

— Идемъ, идемъ! — сказалъ Василій и задержалъ глубокий вздохъ.

Наденька хотѣла улыбнуться ему и что-нибудь сказать ласковое, но вмѣсто этого, неожиданно для самой себя, презрительно качнула головой и снова наклонилась къ Викулу. Теперь уже дурачась и шутя, она играла по его лицу глазами и, чтобы подразнить Василія, говорила полушепотомъ:

— Идите въ Китай-городъ безъ него. Я покажу вамъ тамъ одну старинную церквушку. — И громче добавила; — А попутно возьмемъ билеты на лекцію. Вамъ взять? — небрежно спросила она, проходя мимо Василія.

— Возьмите, — криво улыбнулся онъ, и Наденька не утерпѣла, тоже улыбнулась и лукаво покачала головой.

Но Василій вдругъ рѣшительно сказалъ:

— Нѣтъ, я тоже хочу съ вами!

— А я не хочу! — серьезно и послѣшно огрызнулась Наденька.

— Да ладно ужъ, пойдемте!

Но Василій, подавивъ въ себѣ раздраженіе, принужденно улыбнулся и не торопясь проговорилъ:

— Могу и не итти.

— Ну, и не надо! — почти съ обидой въ голосѣ сказала Наденька и строго приказала Викулу: — Идите!..

Викула наблюдалъ за препирательствомъ и ничего не понималъ, а на безхитростномъ лицѣ его явно обозначалось желанье, чтобы Василій и на этотъ разъ остался дома. Ему хотѣлось побыть съ Наденькой вдвоемъ и по душѣ разговориться съ нею.

Когда они вышли на улицу и смѣшались съ публикой, онъ, какъ и въ прошлые дни, потерялъ немногія, приготовлен-

няя зранѣ слова и боялся одного: какъ-бы не отстать и не потерять ее въ толпѣ.

Неловкѣй и большой, онъ едва поспѣвалъ за ея четко-ступающими ножками и любовался всей ея фигурой, хрупкой, тоненькой, которую ничего не стоитъ унести на рукахъ хоть за десятки верстъ.

— «Унести-бы ее куда-нибудь какъ можно дальше и тамъ по совѣсти поговорить - бы съ нею до-сыта». — думалъ Викуль; и ему казалось что онъ сумѣлъ-бы ей сказать такія сильныя слова, передъ которыми непременно распахнулись-бы двери въ какой-то новый и чудесный міръ.

А Наденька, оглядываясь, говорила что-то, торопилась къ конкѣ и, вскочивъ въ нее первой, испуганно смѣялась, тянула къ нему тоненькую руку и звала такъ мило и такъ звонко:

— Скорѣй, скорѣй, а то останетесь!

Онъ заскочилъ въ вагонъ, но теплые и пахнувшіе потомъ и ѣдою люди — москвичи всегда пахнутъ вареною капустой — скученные въ тѣсномъ мѣстѣ площадки, отгородили отъ него Наденьку, мѣшали даже отыскать ея соломенную съ черной лентой шляпу.

Со звономъ, стукомъ, говоромъ неслись по улицѣ вагоны, экипажи, самокаты, бѣжали лошади, спѣша какъ на пожаръ, кишмя кишѣли на площадяхъ и въ переулкахъ и раздражали слишкомъ частными и слишкомъ будничными разговорами о своихъ мелочахъ, будничныхъ сегодняшнихъ дѣлишкахъ и дѣлахъ, и это лишь усиливало желаніе Викула:

— «Скорѣй куда-нибудь въ скромное и тихое мѣстечко!»

Непрерывно-журчащій говорокъ, упитанныя, розоватобѣлыя и какъ будто смазанныя саломъ лица торговаго люда, ихъ довольныя и сытыя улыбки и слова о барышахъ о выгодахъ и о рубляхъ — напоминали Викулу слова Василия:

— «Москвичъ — равнинный человѣкъ: ни ледъ, ни кипятокъ, а теплая водица, въ которой гниль всегда ведется».

Но увидавъ глаза Наденьки, веселые, большіе, ясные, онъ разсердился на Василия и, проталкиваясь къ ней, спросилъ глядя изъ окна вагона на Ивана Великаго:

— А правда-ли — Василий мнѣ болталъ — будто Москва спервоначалу на крови заложена?

Наденька сверкнула глазами и злорадно засмѣявшись, зачастала:

— Ну, конечно-же, статью эту онъ напишетъ!.. Онъ, какъ судебный слѣдователь, все время роется въ архивахъ, выкапываетъ разныя кровавыя бумаги. А потому!..

Она не кончила и заспѣшила къ выходу:

— Здѣсь пересадка на трамвай!.. — сказала она и дернула за рукавъ Викула. — Впрочемъ, пройдетесь такъ, — предложила она, когда они сошли съ вагона конки.

Они шли по Кремлевской набережной, свернули вправо, и потомъ мимо маленькихъ лавчонокъ, пріютившихся въ тѣни облупленной и зубчатой стѣны, направились къ Василию Блаженному.

— Вашъ Вася, — продолжала Наденька, — удивительный господинъ. И я никакъ, вотъ уже четыре года, не могу въ немъ отыскать подлиннаго, настоящаго Василія. Такъ много въ немъ этого вашего скрытническаго, кержацкаго.

— А правда, што царь Грозный выкололъ глаза нѣмцу, который выстроилъ эту церковь? — уклончиво спросилъ опять Викуль, рассматривая слишкомъ пеструю и знакомую, какъ у нихъ въ старомъ домѣ, раскраску храма.

— Конечно и объ этомъ вамъ Василій рассказалъ?.. А почему-же онъ не рассказалъ вамъ обо всемъ хорошемъ, о многомъ хорошемъ; чего болѣе нигдѣ нѣтъ, ни въ одномъ другомъ царствѣ?..

— Нѣтъ, онъ рассказывалъ о многомъ... О боярынѣ Морозовой, объ Аввакумѣ, — уже вступился Викуль за Василія, не какъ за брата, а какъ кержакъ за кержака. — Рассказывалъ — онъ добродушно засмѣялся — какъ царь Петръ на Москвѣ кутиль, по-суху на лодкахъ ѣздилъ...

Наденька не удержалась и, глядя на смѣющагося Викула, тоже размѣялась. Вспомнила его заразительный смѣхъ при первой встрѣчѣ и примиренно заговорила:

— Правда, въ москвичахъ много забавнаго, но я все-таки безумно влюблена въ Москву. — Она остановилась около

Лобнаго мѣста, зачерпнула у старухи изъ корзинки ложечку гороху, бросила прожорливымъ голубямъ и продолжала, глядя на ржавыя орловъ надъ Спаскими воротами: — правда, въ Москвѣ никогда не было героевъ: ни Александра Македонскаго, ни Платона, ни своей Венеры, ни своего Аполлона — говорила Наденька какъ-бы сама съ собой, — мы многое взяли у Запада, еще больше у Азіи; въ могилахъ нашихъ предковъ не найдено ни золота, ни оружія, не обнаружено картинныхъ похоронъ, какъ въ курганѣ Солоха, — въ этомъ я согласна съ Васей, но Гомеръ у насъ свой особенный, чудесный. Викуль Фирсычъ, вы любите русскія пѣсни? — вдругъ спросила она Викула, но не дожидаясь отъ него отвѣта, прислушалась къ бою часовъ на старой башкѣ и смѣшнымъ басомъ, какъ старинный чтець, начала цитировать: — «На всякій-же часъ ударяетъ молотомъ въ колоколо, размѣряя и рѣсчитая часы дневные и ночные, не-бо человѣкомъ ударяніе, но человѣковидно, самозвонно и самодвижно, страннолѣпно нѣкаго сотворено и преимечтано.»

Викуль хотѣлъ отъ всей души, но Наденька уже опять бѣжала впереди его, стуча каблучками по каменной настилкѣ Красной площади, свернула на Никольскую, а потомъ долго кружила по какимъ-то узкимъ и совсѣмъ безлюднымъ переулкамъ, и наконецъ по Ветошной улицѣ пошла къ Ильинкѣ.

— Куда вы такъ торопитесь? — Не поспѣвая за нею взмолился наконецъ Викуль.

Она обернула къ нему лицо и изумленно вскинула брови:

— На вы? Наконецъ то началъ просвѣщаться!

— Посидѣть бы гдѣ не то... Сомлѣлъ я... — признался Викуль.

Но Наденька, не слушая его, опять болтала про Москву:

— Москву нельзя понять и изучить. Она непостижима. Вотъ я уже сколько разъ бывала въ Китай-городѣ и не знала, что здѣсь есть улица Ветошная. Вы понимаете — Москвѣ все къ лицу: и Серебрянный боръ и Никола на Грязяхъ, и Скорбященская Божья Матерь и Разгуляй.

Между тѣмъ они вышли на Варварку, и Наденька, не умолкая говорила:

— Вот видите, эта зелененькая церковка совсѣмъ затоптана домищами... Смотрите, какъ прижалась въ уголокъ, — съ нѣжною улыбкой сожалѣнья говорила Наденька. — Это Максима Исповѣдника.

Но Викуль вдругъ сурово почти возмущенно проворчалъ:

— Только Максимъ вашъ табакомъ торгуетъ! Глядите-ка, возлѣ угла-то...

— И правда! — засмѣялась Наденька. — Я раньше и не замѣчала этой лавочки. А все потому, что Москвѣ все къ лицу. Смотрите сколько здѣсь церквей: вотъ Варвара, а это голубой — Знаменья монастырь, а тамъ Георгій, а тамъ вонъ на Грушинскомъ Михаилъ Архангелъ. И все, вы видите, по разному окрашены, и все старинныя, старинныя.

— А мнѣ это не глянется! — устало отозвался Викуль.

— Что?

— А то, что церквей много... Церквей много, а вѣры крѣпкой нѣту.

Наденька остановилась, какъ-бы вспомнивъ что-то:

— А знаете, мнѣ почти то же самое Василій говорилъ! — и нѣжно улыбнувшись, она прибавила: — Мы съ нимъ здѣсь всѣ, всѣ уголки обошли когда-то. Только онъ не такъ, какъ вы. Онъ все разсказывалъ, все говорилъ, вспоминалъ слова изъ старыхъ книгъ, смѣялся. Такой былъ... — она хотѣла сказать: милый, но сказала: — забавный. А вы все дуетесь. Чего вы дуетесь? Послушайте, Викуль Фирсычъ, вы все таки о чемъ нибудь думаете.

— Когда? Сейчасъ?

— Всегда? И вообще?

— Не знаю. А сейчасъ думаю о васъ.

— Обо мнѣ? А ну-ка, разскажите, какъ вы думаете обо мнѣ? — И опять не дожидаясь отвѣта, спросила: — помните, мы съ вами здѣсь вашихъ соболей продавали? Это Старая Площадь, видите, здѣсь налѣво ХХ вѣкъ, все мраморныя банки да конторы, а направо — несчастныя лавченки мѣховыхъ торговцевъ. И это только въ Москвѣ такъ. Ну, такъ что же вы думаете обо мнѣ?

— Болтунья ты!

— Что-о?!

— На языкѣ у те одно, а на душѣ другое.

Наденька остановилась, въ упоръ взглянула въ большіе и правдивые глаза Викула и поблѣднѣла отъ внезапной внутренней тревоги.

— Вамъ что-нибудь сказалъ Василій?

— Ничего онъ мнѣ не говорилъ. Самъ вижу.

— Да что вы видите? — почти вскричала Наденька.

Но Викуль промолчалъ, испугавшись своихъ можетъ-быть невѣрныхъ догадокъ и, видя, какъ вдругъ призадумалась и помрачнѣла Наденька, сказалъ:

— А жалко мнѣ тебя.

Наденька опять остановилась и пристально побѣгала глазами по его лицу, которое на этотъ разъ ей показалось совершенно новымъ, смѣлымъ и сурово-благороднымъ, какъ у Князя Серебрянаго, какимъ она его запомнила по дѣтскимъ книжкамъ. Она ничего не сказала и, готовая услышать правду о себѣ, ждала.

— Вонъ какая ты пригожая, — началъ съ разстановкой Викуль, — а суетишься, мѣста, какъ я вижу, не находишь. Выйдешь замужъ за какого-нибудь лысаго, либо обритаго молодчика, и даже ребятишекъ у тебя не будетъ отъ него. Рассказывалъ мнѣ братъ о здѣшнихъ муженькахъ. — Викуль помолчалъ и скороговоркой прибавилъ: — А можетъ и совсѣмъ ни за кого не выйдешь. — Онъ сверху внизъ глядѣлъ на Наденьку, и Наденька почувствовала себя передъ нимъ маленькой и хрупкой.

Склонивши голову, она пошла тише, не разбирая дороги и не произнося ни слова. И эта кроткая безпомощность и молчаливость неотразимо влекла Викула къ Наденькѣ. Опять захотѣлось взять ее на руки и унести куда-нибудь далеко, въ синія родныя горы, и еще дальше, въ тихое безлюдье.

А Наденька, какъ будто чувствуя его желанье, усталымъ голосомъ сказала:

— Присѣсть бы гдѣ-нибудь немного.

Черезъ Ильинскія ворота повернули они къ Театральной

площади и въ тѣни древней стѣны, мимо птичьяго музея прошли въ укромный уголокъ возлѣ Думскаго зданія.

Здѣсь пріютилось уцѣлѣвшее какимъ-то чудомъ древнее крыльцо съ низкими и круглыми, толстыми столбами, съ остроконечной пирамидальной башенкой.

— Посмотрите, какая прелесть! — сказала улыбнувшись Наденька. — Пойдемте тамъ присядемъ.

Они ускорили шаги, взошли на стертые за три вѣка каменные ступени и на двери увидѣли мѣдную дощечку съ безукоризненно-каллиграфическою надписью:

— «Тюремная инспекція».

Наденька сконфуженно и быстро скользнула съ крыльца и, попавъ на Воскресенскую площадь, опять заторопила, вспомнивъ:

— А про билеты-то на лекцію мы и забыли. Бѣжимъ скорѣе!

Но возлѣ Охотнаго ряда Наденька увидѣла «Боярыню» Корнѣя Сисипатрыча, ласково прикоснулась къ рукѣ Викула и подняла на него просящіе глаза:

— Викуль Фирсычъ! Миленъкій! Прокатитесь куда-нибудь! Пожалуйста...

Викуль подошелъ къ Корнѣю:

— А ну-ка, услуги по знакомству! — сказалъ онъ лихачу, одѣтому опять по-кучерски и съ золотистыми кудрями подъ полями шляпы.

— Съ нашимъ удовольствіемъ! Куда?

Сисипатрычъ съ легкою хитринкой покосился на Наденьку, а Наденька сказала повелительно:

— Прямо!

Викуль тронулъ за плечо Корнѣя, когда коляска покатила къ Театральному проѣзду:

— Да ты вѣдь лучше знаешь. Вали куда-нибудь въ сады!

Наденька звонко засмѣялась, Сисипатрычъ снова покосился на нее и, неодобрительно трякнувъ кудрями парика, пустилъ «Боярыню» черезъ нарядную и людную Петровку на Цвѣтной бульваръ.

У Викула сладко забилося сердце, не то отъ славной качки на рессорахъ экинажа, не то отъ быстрого бѣга среди яркой

и нарядной зелени, не то отъ близкаго и нѣжнаго прикосновенія къ его плечу юной женщины, которая такъ ласково, такъ хорошо посматривала на него красивыми и благодарными, немножко грустными глазами.

Сисипатрычъ быстро промчалъ ихъ на Оружейную, потомъ свернулъ направо и, тряхнувъ вожжами, лихо крикнулъ на «Боярыню», какъ изъ пѣсни пропѣлъ:

— Эхъ, по Тверской-Ямско-о-й...

Викуль почувствовалъ въ себѣ приливъ огромной силы, вольной и безудержной, какъ буря. Онъ смѣло обнялъ тоненькую талію Наденьки и сильною рукой прижималъ ее къ себѣ.

Наденька не знала, что творится съ нею, она даже забыла, что ихъ везетъ знакомый человѣкъ, отецъ знакомаго семейства. Онъ впервые былъ для нея только слуга и кучеръ, котораго она не замѣчала, и жадно вслушивалась въ твердыя и сильныя слова, которыя такъ просто и почти сурово говорилъ ей Викуль:

— Теперь я ни отца, ни Бога не боюсь!.. Я зачинаю жить! Я бѣлый свѣтъ увидѣлъ... Я зачинаю сиду въ себѣ во-какую чують! Слышишь ли ты?

А Наденька напротивъ, потеряла свои силы, свои мысли и покорная, безвольно прижималась къ Викулу и, какъ далекое лѣсное эхо, отвѣчала:

— Ничего не слышу. Ничего не понимаю. Ничего не знаю!..

Солнечный закатъ ярко зажегъ всѣ золотыя главы Бѣлокаменной, когда «Боярыня» остановилась у подъѣзда Никитинской квартиры.

И какъ четыре года назадъ, Наденька съ звонкимъ смѣхомъ ввела въ отцовскій кабинетъ большого бородатаго сибирскаго медвѣдя, какъ будто это тотъ же прежній медвѣженокъ, только выросшій и одичавшій въ глухихъ лѣсахъ.

Ввела и вдругъ примолкла, растерялась.

Въ полумракѣ большого кабинета, у стола, рядомъ съ Сергѣемъ Дмитриевичемъ сидѣлъ съ перомъ въ рукахъ Василій и, вставъ навстрѣчу Наденькѣ, учтиво поклонился ей, какъ чужой. И въ кроткой его сдержанной улыбкѣ Наденька прочла какой-то страшный приговоръ.

Она вдругъ стала сдержанной въ словахъ, задумчивой и грустной, а вскорѣ затворилась въ своей комнатѣ и не выходила къ чаю.

Василій съ Викуломъ до дома Сисипатрыча шли пѣшкомъ и не проронили другъ другу ни одного слова.

Викуль пряталъ въ себѣ радость, а Василій хоронилъ глубокую, внезапно охватившую его тоску.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Не безъ волненія вошелъ Василій въ залъ политехническаго музея на лекцію профессора Лаптева и не безъ гордости разсматривалъ особенную, избранную, благородно-любопытную публику, передъ которой долженъ развернуться уголокъ знакомой, родной ему жизни.

Онъ слегка стыдился смѣлыхъ и поспѣшныхъ выводовъ въ своей статьѣ, написанной почти задорно-полюемически, но втайнѣ переполненіе аудиторіи приписывалъ тому, что статья заинтересовала публику.

Когда же лекторъ, спокойно и отчетливо, поднимая къ аудиторіи свое лицо убѣленное съдиною, загорѣлое, обвѣянное вѣтрами степей и холодомъ альпійскихъ ледниковъ, заговорилъ, Василій вспыхнулъ до ушей и не осмѣлился глядѣть на своихъ сосѣдей — Наденьку и Сергѣя Дмитріевича. Онъ слышалъ, какъ Викуль по-дѣтски радостно сказалъ:

— Да вѣдь это нашъ!.. Я ѣхалъ съ нимъ въ одномъ вагонѣ!

А Наденька, сидѣвшая между братьями, злорадно прошептала надъ ухомъ Василю:

— Чего вы побагровѣли?

Оказалось, что и лекторъ началъ со статьи:

— Я очень благодаренъ уважаемой газетѣ за предупредительное отношеніе къ моей лекціи, но долженъ все-таки прежде всего устранить одно маленькое недоразумѣніе. Дѣло въ томъ, что статью писалъ, безъ всякаго сомнѣнья, какой-нибудь талантливый сектантъ, который, очевидно, и на науку смотреть, какъ на сектанство, Между тѣмъ, я никогда не

собирался навязывать кому-либо какія-либо новыя религіи. Я только ученый и, какъ ученый, буду совершенно объективно излагать интересующіе меня факты.

Къ счастью Василія, профессоръ не остановился на содержаніи статьи и перешелъ къ своей программѣ.

Онъ взялъ въ руки билліардный кій, отступилъ на шагъ отъ кафедры, и по его сигналу въ залъ воцарилась шелестящая, слегка смѣющаяся, нетерпѣливо-ожидающая темнота, въ которой отчетливѣй послышалось гудѣніе готоваго къ работѣ кинематографическаго аппарата.

По стуку кіемъ въ полъ, аппаратъ отбросилъ на экранъ карту Россіи — густую сѣтку изъ дорогъ, рѣкъ, горныхъ хребтовъ и безконечныхъ точекъ — городовъ и сель.

— Если-бы вы, господа, — звучалъ изъ темноты совсѣмъ молодой высокій голосъ лектора, — сѣли на аэропланъ и полетѣли изъ Москвы въ Китай, то вамъ пришлось-бы летѣть по крайней мѣрѣ двѣ тысячи верстъ равнинами Россіи, пока вашъ путь не былъ-бы отмѣченъ высокимъ Уральскимъ хребтомъ. Переваливъ его, вы снова полетѣли бы надъ гладкими полупустынными пространствами, лишь кое-гдѣ прорѣзанными великими артеріями рѣкъ.

Профессоръ провелъ кіемъ по картѣ по извилистымъ чернымъ бороздкамъ Оби, Иртыша и Енисея и продолжалъ:

— Надъ этими пространствами вамъ пришлось-бы летѣть тысячу, и двѣ, и три верстъ, пока вы, наконецъ, увидали-бы голубое, похожее на кривую казацкую саблю — Байкальское море.

— Но, пролетая на Байкаль и озирая ширь Сибири, вы налѣво, вплоть до Ледовитаго океана увидѣли-бы ту же безконечную равнину лѣсовъ, степей и тундръ, а направо вы не могли-бы не замѣтить большой и синей каменной стѣны, которая тянется съ запада на востокъ около тысячи верстъ и отгораживаетъ Сибирь отъ Китая... Эта-то каменная синяя стѣна и есть тотъ край, по которому я только что закончилъ мое двухлѣтнее путешествіе.

Лекторъ снова стукнулъ кіемъ въ полъ, и на экранъ появилась панорама необъятнаго пейзажа, изрытаго горами и

ущельями, скалистыми утесами и бѣлоснѣжными вершинами далекихъ ледниковъ.

— Вотъ онъ! — ликующе воскликнула Наденька и, испугавшись своего голоса, довѣрчиво схватила за руку Василия.

— Вы видите передъ собою, господа, черты глубокихъ морщинъ на лицѣ угрюмаго Алтая! Время начертало здѣсь небрежными штрихами древнюю прекрасную сказку строенія земли, которую на нашъ языкъ намъ переводятъ геологи. Я же попытаюсь разсказать вамъ вкратцѣ быль о заселеніи этого края русскими людьми.

Почему-то по всему тѣлу Наденьки прошелъ ознобъ, а на рѣсницахъ задрожали слезинки.

— Какая сказочная даль! — съ глубокой грустью еле слышно прошептала Наденька и, чувствуя, что Василий осторожно убралъ свою руку, она закрыла губы, готовая сказать ему ласковое слово.

А лекторъ между тѣмъ, началъ съ Ивана Грознаго, опричники котораго разогнали по дебрямъ и лѣсамъ мирныхъ россиянь, провелъ мимо притихшихъ зрителей неистоваго Аввакума, перваго изгнанника въ далекую Даурію. Потомъ на полотнѣ экрана появился грозный атаманъ Ермакъ, проложившій кровавый путь къ Иртышу, потомъ предсталъ въ напудренномъ парикѣ соратникъ Великаго Петра — Демидовъ, начавшій горный промыселъ въ горахъ Алтая.

И вдругъ, какъ будто полотно исчезло и передъ зрителями распахнулось огромное окно, черезъ которое вдали опять заголубѣли причудливыя посеребренныя вѣчными снѣгами горы, потекли бирюзовые рѣки, заколыхались хвойные кедровые лѣса, и появились люди, живые, настоящіе, во плоти и крови.

Давно оставленные и почти забытые Василиемъ, они теперь опять всё ожили, родные, близкіе, на крылечкахъ и заваленкахъ своихъ хороминъ, на работѣ у зрѣлыхъ полюсь, на молитвѣ у часовенъ, верхомъ на лошадахъ, съ ружьемъ, возлѣ пугливо настороженныхъ дикихъ изюбрей.

Наденька сильно вытянула впередъ шею, впивалась горящимъ взглядомъ въ картины, вслушивалась въ простыя,

почти безстрастные, но трогающія слова профессора, и въ душѣ ея все ярче расцвѣтала греза:

— Побывать бы тамъ! Такое все тамъ новое, такое чистое!.. Какъ будто у царя Берендея.

Василій, всматриваясь въ родныя картины, чувствовалъ, что страстно полюбилъ профессора, кинематографъ, чуткую внимательную публику.

А Викуль удивленно улыбался и тамъ, гдѣ лекторъ развернулъ на полотнѣ знакомое ущелье съ родной рѣкой, онъ даже приподнялся и воскликнулъ:

— Ок-казія! Вѣдь это наше все! Какъ на яву!

Но чародѣй-профессоръ развернулъ на полотнѣ и самую Чураевку и самые дома, всѣ три подрядъ: большой, хоромину, моленную... Настоящіе, Чураевскіе прочные дома со всей оградой.

— Вонъ матушка бредеть къ моленной... — азартнымъ шопотомъ объяснялъ онъ Наденькѣ. — А это Кондря, мой племянникъ. Ишь, снялъ уэду съ Игреньки и прогоняетъ за ворота... Чудно, ей Богу! И Пестря! Смотрите: Пестря грѣтся на солнышкѣ. А это Груничка!.. Груня, сестра наша, помои выливаетъ... Ишь, балуетъ, языкъ кому-то показываетъ... Ок-казія!

— Самъ Фирсъ Чураевъ — говорилъ межъ тѣмъ профессоръ, — въ это время былъ на пасѣкѣ, и мнѣ не удалось снять его а между тѣмъ этотъ патріархъ-старообрядецъ обладаетъ безусловно характерной, показательною внѣшностью.

И профессоръ показалъ сѣдобородыхъ, какъ святители, Марковея Егорыча и Фрола Лукича на ихъ лѣсныхъ заимкахъ среди цвѣтушей зелени, на фонѣ горъ, высокихъ, синихъ четко упирающихся въ бирюзовое небо.

Вспыхнулъ свѣтъ, и лекторъ объявилъ о перерывѣ.

Публика задвигалась, наполняя залъ текучимъ, шумнымъ говоромъ, и Наденька замѣтила, что многія лица обращены въ ихъ сторону на черную фигуру высокаго и волосатаго старообрядца Викула.

Въ противоположной сторонѣ зала рядъ стульевъ занимала

семья Корнѣя Сисипатрыча, и Никодимъ указывалъ товарищамъ-студентамъ на Василю и Викула.

Наденька съ праздничнымъ искрящимся взглядомъ подошла къ Василю, украдкой потрясла его за кисть руки и прошептала:

— Ну, какъ же хорошо! Какъ хорошо! Но почему ты... — она осѣклась и тотчасъ-же поправила себя: — почему вы такой хмурый?

Василій посмотрѣлъ сухо въ ея глаза, и Наденька прочла въ нихъ незнакомую жесткость. Не сказавъ ни слова Наденькѣ, онъ отвернулся отъ нея, разыскивая глазами профессора, съ которымъ хотѣлъ познакомиться. Наденька осталась одна среди зала и стояла, какъ-бы забывъ, куда ей надо итти. Потому она пошла и сѣла на свое мѣсто.

Викулъ пошелъ было искать ее, но по дорогѣ кто-то тронулъ его за плечо и небрежно протянулъ знакомымъ голосомъ, слегка картавя:

— Разбогатѣ-ль. Не узнаетъ!

Онъ оглянулся и узналъ Минаева, пришедшаго на лекцію съ опозданіемъ на цѣлый часъ.

Минаевъ пришелъ сюда во первыхъ потому, что былъ знакомъ съ профессоромъ еще въ Сибири, а во вторыхъ, ему необходимо было спѣшно повидать Сергѣя Дмитріевича, который былъ въ Москвѣ его главнымъ совѣтчикомъ и юрисконсультъ.

Въ великолѣпной, раздѣленной на двѣ части бородѣ, въ тончайшемъ черномъ сюртукѣ, вмѣру холеный, красавецъ и богачъ, Минаевъ держалъ себя, какъ дома, просто и съ непринужденною лѣнцой.

— Ну, какъ проводишь время? — спросилъ онъ Викула и, не дожидаясь отъ него отвѣта, проталкивался къ креслу Никитина, издали раскланиваясь съ какими-то еще знакомыми.

Наденьку Минаевъ раньше видалъ мелькомъ, но не былъ съ нею знакомъ. И теперь разсыпался передъ нею въ сдержанныхъ любезностяхъ и привычно шупающимъ взглядомъ пожиралъ ея глаза, пылающія щеки, вмѣру окрапленные едва

замѣтными веснушками, и бѣлую шею, открытую до чатовыхъ ключицъ.

Присутствіе красивой дѣвушки оживило Минаева, онъ разболтался, много смѣялся, показывая бѣлые мелкіе зубы, мѣшалъ Наденькѣ слушать вторую часть лекціи, то и дѣло перегибаясь къ ней черезъ два кресла и, наконецъ, по окончаніи лекціи, перехватилъ у кафедры профессора, представивъ ему всю компанію и въ вестибюль громко всѣмъ предложилъ:

— Господа, я васъ сегодня приглашаю прокатиться на моей обновѣ. Я приобрѣлъ автомобиль.

Послѣ небольшого совѣщанія было рѣшено: машину вспрыснуть, но Наденька сказала, что устала и поѣдетъ домой.

— Ну, вы тогода всю нашу компанію разстроите! — сказалъ Минаевъ, впереди всѣхъ идя къ выходу, и на небрежный жестъ его руки къ подъѣзду подкатилъ блестящій черный пятимѣстный моторъ, и всѣ мужчины, кромѣ Викула, любезно очищали путь для Наденьки, которая все еще колебалась и медлила, посматривая то на Викула, то на Василия. Но Викулъ первый ввалился въ дверцу, а за нимъ Наденька, и, послѣ взаимнаго препирательства въ любезности, вошли профессоръ и Сергѣй Дмитріевичъ.

Минаевъ, рассчитавъ, что для одного не хватитъ мѣста, толкалъ въ дверцу Василия и фамильярно говорилъ:

— Входи, входи! Я сяду съ шоферомъ.

Но въ это время въ полосѣ свѣта возлѣ машины появилась стройная фигура Яблочнаго, и Василий возразилъ Минаеву:

— Нѣтъ, я на рѣзвомъ!

Минаевъ не настаивалъ и, не захлопывая дверцу, крикнулъ Василию:

— Не перепутай же — къ Яру!

Шоферъ сообразилъ, что больше приказаній ждать не слѣдуетъ, и рывкнулъ въ сигнальный рупоръ на пошедшаго впереди Корнѣя Сосипатрыча.

Василій въ первую минуту очутившись одинокимъ, почувялъ въ сердцѣ щемящую боль и хотѣлъ сказать Корнѣю, чтобы везъ его домой. Но Корнѣй былъ чѣмъ-то раздосадованъ

и, сразу пустивъ коня полнымъ ходомъ впереди автомобиля, бросилъ взадъ вмѣстѣ съ сердитымъ взглядомъ:

— Врешь, песь! Не можеть того быть!

И началъ состязаніе съ машиной.

Яблочный понесъ форсисто, щедро распустивъ короткій хвостъ и весело прядая острыми ушами, но *скоро* позади закрывалъ продолжительный настойчивый сигналъ:

— «Съ дороги!».

— Врешь, сукинъ сынъ! Не дамъ тебѣ дороги! — озлился Сисипатрычъ и шель по самой серединѣ улицы, слегка виляя, чтобы не дать автомобилю обойти себя.

Но автомобиль съ грознымъ ревомъ шель на проломъ, почти цѣпляясь крѣпкими частями за изящный хрупкій экипажъ Корнѣя.

— Гокъ... Го-о-й!.. — въ послѣдній разъ прикрикнулъ Сисипатрычъ и вдругъ грохнулся всюю тушей внизъ, подъ затрепавшій экипажъ къ ногамъ вздыбившаго рысака.

Василій вылетѣлъ изъ экипажа и, помогая подняться Сисипатрычу, не замѣтилъ, какъ исчезъ изъ глазъ блестящій чернѣйшій дьяволъ съ желтыми глазами.

— Значить, не судьба! — сказалъ Василій и пошелъ искать извозчика чтобы помочь доставить домой изуродованный экипажъ и захромавшаго Яблочнаго.

Однако, когда Василій, вмѣстѣ съ ругавшимся и охавшимъ Корнѣемъ Сисипатрычемъ, медленно при помощи захудалаго извозчика, двигались домой, ихъ снова настигла машина и высунувшійся изъ нея Викуль закричалъ:

— Куда же ты?.. Меня послали за тобой!..

Василій постоялъ въ раздумьи, взглянулъ на грузную фигуру Сисипатрыча, грозившаго судомъ шоферу и Минаеву, и сѣлъ въ моторъ, сказавъ Корнѣю:

— Ты не волнуйся... Я переговорю съ Минаевымъ...

Но желаніе переговорить съ Минаевымъ и ближе познакомиться съ профессоромъ у него вскорѣ исчезло, и даже тайная обида притупилась въ немъ, когда онъ съ разсѣянной улыбкою вступилъ въ великолѣпный, пышный, какъ покой сказочнаго Черномора, ресторанъ.

Море мягкаго струящагося сквозь матовыя люстры свѣта, бѣлоснѣжныя ряды столовъ и густо движущіеся на фонѣ бѣлыхъ скатертей черныя смокинги и куртки, звонко смѣющіяся, сверкающія брилліантами разряженныя женщины, звонъ посуды, звуки шпоръ и струннаго оркестра — все это ошеломило не только Викула, но и Василія и Наденьку, впервые попавшихъ въ эту обстановку.

Даже Сергѣй Дмитріевичъ и самъ профессоръ съ притихшими голосами, съ улыбками и полупоклонами выслушивали вопросы расторопныхъ и услужливыхъ официантовъ, похожихъ на откормленныхъ ювелировъ. Только одинъ Минаевъ повысивъ голосъ, обращался къ нимъ на ты и пренебрежительно критиковалъ ихъ предложенія:

— Отвяжись ты со своимъ дурацкимъ растегайчикомъ!.. Консоме де валяй? Самъ ты валяй! А вотъ ты намъ два ростоковскихъ каплуна — это на второе. А на первое матлотъ изъ стерлядей... Крюшону наведи побольше, только со льдомъ. Да позови еще людей: что васъ тутъ всего двое?

И тотчасъ-же у спины каждаго изъ гостей стояло по лакею, которыми распоряжался самъ Минаевъ, учитывая вкусы и желанія прежде всего Наденьки, потомъ профессора и Никитина, и послѣ всѣхъ, съ легкой ироніей, Василія и Викула.

Наденьку и профессора посадили рядомъ на самомъ почетномъ мѣстѣ. Василій сѣлъ справа между Минаевымъ и профессоромъ, а Викулъ возлѣ Наденьки между нею и Сергѣемъ Дмитріевичемъ. Конецъ стола со стороны эстрады оставался свободнымъ.

Наденька сидѣла лицомъ къ эстрадѣ и не знала, смотрѣтъ ли ей на мускулистую дѣвицу, эластично извивавшуюся на позолоченной трапеціи.

Вообще послѣ того, какъ появился Минаевъ, Наденька притихла и, не смотря на усердныя его ухаживанья, была задумчива, хотя и улыбалась горящими отъ свѣта и приподнятаго любопытства глазами.

Минаевъ, несмотря на все изящество его манеръ, на вкрадчивый любезный баритонъ, на холенныя руки и красивые глаза, казался ей слащавымъ и неискреннимъ. Напротивъ, профес-

сорь привлекалъ ее своей серебряною бородой, загаромъ открытаго лица и свѣтлой лысиной, подъ которой такъ гармонично соединены любовь къ природѣ и культуру.

Впрочемъ, въ душѣ у Наденьки былъ хаосъ. Она не могла разобраться во всемъ, что такъ могуче хлынуло къ ней въ душу. И та, и эта жизнь прекрасны, и Викуль, и Василий были близки, дороги, но почему такъ грустно и тоскливо отдаются въ сердцѣ эти купленные пѣсенки и этотъ примитивный, совсѣмъ не совершенный по исполненію, вальсъ...

Ахъ, какъ жадно открывается душа для новыхъ неизвѣданныхъ звуковъ жизни, какъ просится она куда-то далеко, въ сказочный и новый край, на бѣлоснѣжныя вершины, и непременно вмѣстѣ съ сильнымъ человѣкомъ.

Наденька украдкой взглядываетъ на Василя, который тихо и выразительно о чемъ-то говоритъ съ профессоромъ. А Викуль между тѣмъ, какъ-бы нечаянно, но сильно прикасается рукою къ ея рукѣ, и въ этомъ прикосновеніи Наденькѣ передается его трепеть, похожій на требованіе напряженно помнить, что онъ, Викуль, здѣсь, со свѣжей, властной, неизрасходованной силою любви.

На эстрадѣ носится француженка, легко и граціозно, но всѣ ея улыбки и движенія — проданы за деньги, брошены невнимательной, бушующей толпѣ, занятой ѣдою и виномъ. И Наденькѣ жаль бѣдную этуаль.

Официанты, не давая доѣдать закуски, допивать вино, быстро убирали отъ гостей тарелки, подавали новыя кушанья, наполняли бокалы.

Никитинъ говорилъ съ Минаевымъ:

— Мнѣ вашъ шофферъ напоминаетъ остроу, которую сказала одинъ нашъ депутатъ, но которой не пришлось увидѣть свѣтъ... Моторъ — министръ, пассажиръ — российская общественность, а шофферъ — агентъ власти на мѣстахъ... Вотъ современное превращеніе гоголевской тройки. И девизъ: давить прохожихъ и проезжихъ. Никитинъ саркастически смѣялся чисто выбритымъ лицомъ и энергично правою рукою жестикулировалъ.

Но Минаевъ не особенно вникалъ въ смыслъ этихъ словъ,

привѣтливо киваль Наденькѣ, напоминая о недопитомъ околѣб и успѣваль съ обворожительнымъ упрекомъ бросить ей:

— Вѣдь вы единственная среди насъ!

Никитинъ и профессоръ послѣ третьяго бокала чуть-чуть захмелѣли, и Никитинъ поднимая брови и вытягивая губы простодушно возмущался:

— Были среди нихъ и такіе господа, которые...

Но здѣсь Минаевъ сдѣлалъ собесѣднику многозначительный знакъ и, понизивъ голосъ, какъ-бы кстати заговорилъ о безпардонности одного степного губернатора, который тормозилъ его субсидію на пароходство.

Между тѣмъ Василій вкрадчиво и вдохновенно говорилъ профессору:

— Я понимаю вашу проповѣдь! Мнѣ особенно понравились ваши заключительныя слова о томъ, что энергія нашихъ рѣкъ быть можетъ скоро будетъ освѣщать полцарства. Но я хотѣлъ-бы видѣть въ этой проповѣди и другое: чтобы та, другая энергія сила духовная, которую народъ нашъ расходуетъ теперь на суевѣріе и предрасудки, — была иначе понята и призвана для служенія истинной національной красотѣ. А то вѣдь вы подумайте: отнять насильственно свое, рожденное вѣками, и навязать тоже насильственно чужое, хотя-бы и хорошее, но все-таки чужое, европейское... Вѣдь мы же не такъ бѣдны, чтобы все заимствовать, заимствовать...

Профессоръ слушалъ Василія разсѣянно и снисходительно, какъ студента. Онъ и не думалъ, что передъ нимъ его коварный критикъ, чувствительно задѣвшій его своей статьею. Кромѣ того, Лаптеву, немножко выпившему, самому хотѣлось говорить. Присутствіе и милое вниманіе хорошенькой курсистки вдохновили старика, и вскорѣ онъ, поймавъ всего два слова изъ рѣчи Василія, все горячѣй и громче началъ говорить:

— Это вы хорошо сказали: «национальная красота». У насъ пока только композиторы поняли и оцѣнили ее. Чайковскій, напримѣръ. Затѣмъ я вспоминаю Римскаго-Корсакова, моего товарища по школѣ и большого друга... Ахъ, что это за чуткая — я сказалъ-бы: обожествленная душа!

И профессоръ повернулся къ Наденькѣ:

— Лучшею изъ его оперъ я считаю ту, которую еще никто-о не знаетъ! — хитро улыбался Лаптевъ. — Но я ее знаю хорошо: всю партитуру не разъ еще въ эскизахъ слышалъ. Ахъ, что за красота! Какая глубина, сколько истинной поэзіи! — восторженно и молодо рассказывалъ профессоръ уже всѣмъ, какъ съ кафедры. Въ основу этой оперы — вы ее навѣрное скоро услышите — композиторъ положилъ красивѣйшее русское сказаніе о невидимомъ градѣ Китежѣ... Слыхали вы, конечно, эту легенду... О, это надо видѣть и слышать, чтобы насладиться всею красотой легенды, облеченной въ музыку. Коровинъ уже и декорации пишетъ, — потихоньку прибавилъ Лаптевъ и подчеркнулъ, строго поднявъ палець: — Коровинъ!

Наденька глотнула изъ чашки дымящагося кофе, въ которое Минаевъ незамѣтно подливалъ ликеру, сверкнула глазами по гудящей публикѣ и, увидѣвъ на эстрадѣ розовенькую бебешку, визгливо и развязно лепетавшую послѣднюю новинку-пѣсенку, отъ которой сыто хохотали многіе мужчины, и съ сокрушеніемъ спросила профессора:

— Ахъ, почему, профессоръ, дѣйствительная красота бываетъ только въ книгахъ, въ операхъ, въ картинахъ?.. Гдѣ же въ жизни эта красота?.. — она широко-открытыми, немного грустными, и потемнѣвшими глазами, какъ-бы съ упрекомъ посмотрѣла на Василія.

— И въ жизни много красоты, но мы ее не замѣчаемъ, — наставительно сказалъ профессоръ, и потянулся чокнуться съ Минаевымъ.

Минаевъ, порядочно подвыпившій, не разобравъ въ чемъ дѣло, поднялъ бокаль и, приглашая всѣхъ съ нимъ чокнуться, громко сказалъ:

— За красоту, Надежда Сергѣевна!.. За вашу красоту!..

Всѣ вразъ заговорили, выпили. Бокалы вновь наполнились. Никитинъ поднялъ бокаль и съ преувеличенной торжественностью провозгласилъ:

— За красоту свободной мысли, господа!

У Наденьки все ярче разгорались глаза. Она пила всѣ

тосты и сладко волновалась, потому что собирался и видимо не могъ осмѣлиться сказать свой тостъ Василій. Ей казалось, что онъ непременно долженъ что-нибудь сказать большое и рѣшительное, такъ какъ слишкомъ долго за послѣднее время молчалъ и что-то въ себѣ вынашивалъ.

Но въ это время поднялъ свой бокаль профессоръ:

Предлагаю, господа, мой тостъ за красоту природы, за красоту ея познанія, за красоту просвѣтленной будущей Россіи, на торжество которой пусть больше явится ея подлинныхъ сильныхъ и простыхъ сыновъ, какъ здѣсь присутствующіе Чураевы!

Василій смущенно опустилъ глаза, а Викуль гордо посмотрѣлъ на Наденьку.

А Наденька, увидѣвъ, что Василій какъ-то стушевался, сама наполнила свой бокаль и чуть расплескивая вино на скатерть, откинула назадъ головку и голосъ ея зазвенѣлъ задорно и почти капризно:

— А я пью за любовь!.. За красивую любовь, готовую на жертвы и на подвиги! — Въ ея глазахъ и голосѣ былъ вызовъ, почти внезапная истерика.

Сергѣй Дмитріевичъ задержалъ свой бокаль и, изумленно улыбаясь, посмотрѣлъ на Наденьку:

— Наденька! Голубчикъ, это не на тему!

— Нѣтъ, это всегда на тему, — вступился Минаевъ и поднялъ свой бокаль. — Да здравствуетъ любовь и женщины!..

— Да погодите вы! — звонко закричала Наденька Минаеву. — Я еще не кончила... — Но, помолчавъ, она безпомощно опустила руку съ бокаломъ, будто не могла сдержать его тяжести и какъ-то забавно мелко засмѣялась... — Папа!.. Ты прости меня: я пьяна... — созналась она съ усталой грустью. — Но я пьяна не отъ вина, а отъ любви!.. — опять зазвенѣла Наденька.

— Наденька! — взмолился Сергѣй Дмитріевичъ, нѣжно улыбаясь ей явно пьяными глазами.

— Да, отъ любви! — упрямо повторила Наденька и снова загадочно рассыпала серебристый смѣхъ. — Угадайте, кого

я люблю? — и Наденька скользнула взглядомъ по всѣмъ мужчинамъ.

Василій до сихъ поръ не поднимавшій глазъ, только теперь выпрямился и смотрѣлъ куда-то мимо публики сухимъ и жесткимъ, непріятнымъ взглядомъ.

— Кто не откажется пойти со мною на край свѣта? — уже не спросила, а потребовала Наденька.

Викуль, всталъ на ноги, громко, просто и поспѣшно заявилъ:

— Я!

Взявъ свой бокаль, встала и Наденька и съ тою-же усталюю покорностью сказала, стараясь не глядѣть на Викула:

— Да, ты... — и чувствуя, что этой фразой завершила все, спросила у Сергѣя Дмитріевича: — Отець, ты слышишь?..

Наступила долгая мучительная пауза, послѣ которой Минаевъ всталъ съ мѣста и совершенно серьезно объявилъ:

— Я отъ всей души радъ этому сюрпризу!.. Надежда Сергѣевна! Викуль! Поздравляю!.. — и, многозначительно взглянувъ въ растерянное лицо Сергѣя Дмитріевича, Минаевъ пожалъ плечами и прибавилъ, не скрывая удивленія: Ай да Викуль! Тихій омутъ!..

И Минаевъ вдругъ свирѣпо набросился на привыкшихъ ко всему официантовъ:

— Чего-жь вы, дурачье, столбами стоите?..

— Чего изволите? — заискивающе склонились къ нему всѣ шестеро.

— Шампанскаго, конечно! — заревѣлъ Минаевъ.

На сценѣ въ это время грянулъ хоръ.

Всѣмъ стало страшно весело. Всѣхъ громче хохоталъ Василій, который вдругъ преобразился изъ застѣнчиваго юноши въ задорнаго кутилу и, пожимая руку Викулу, кричалъ:

— Люблю, братань! Люблю за смѣлость и за прямоту! Дай Богъ на счастье, на совѣтъ да на любовь!.. Молодчинище!.

А Наденька, вся розовая отъ вина и возбужденія, потемнѣвшими глазами бѣгала по лицу Василія и говорила:

— Да, Викуль сильный!.. Викуль смѣлый!.. Не то, что вы! Вы слышите? — спрашивала она у Василя, а Викулу уже приказывала: — А ты мнѣ купишь обязательно моторъ! Только не сухопутный, а для рѣки. Пусть вашъ Минаевъ не кичится своимъ автомобилемъ!.. — И она торжественно по-смотрѣла черезъ тяжелыя, лѣпныя стѣны ресторана куда-то страшно далеко и заговорила, какъ сама съ собою: — Я обязательно хочу по вашимъ бирюзовымъ рѣкамъ плыть все дальше, дальше... На край свѣта!..

Викуль слушалъ Наденьку и не сводилъ съ нея большихъ серьезныхъ, ослѣпленныхъ счастьемъ глазъ.

А Минаевъ, бросивъ деньги по счетамъ, тормозилъ меланхолически притихшаго Никитина и требовалъ капризнымъ голосомъ:

— Какого черта, господи!.. Была на пятерыхъ одна, и ту челдонъ заангажировалъ... Я хочу къ женщинамъ!.. Въ Стрѣльну, господи!.. Къ цыганкамъ!.. Къ женщинамъ!..

У всѣхъ другихъ столовъ поужинавшіе гости кричали такъ-же бурно, и въ общемъ угарѣ первокласснаго ресторана тонулъ задоръ подвыпившей компаніи.

Георгій Гребеншиковъ,

(Продолженіе слѣдуетъ)

МАРИНА ЦВѢТАЕВА.

Наряду съ Анной Ахматовой, Марина Цвѣтаева занимает въ данное время первенствующее мѣсто среди русскихъ поэтессъ. Ея своеобразный стихъ, полная внутренняя свобода, лирическая сила, неподдѣльная искренность, и настоящая женственность настроеній — качества, никогда ей не измѣняющія.

Вспоминая свою мучительную жизнь въ Москвѣ, я вспомнилъ также цѣлый рядъ ея чарующихъ стихотвореній и изумительныхъ стихотвореній ея семилѣтней дѣвочки Али. Эти строки должны быть напечатаны, и несомнѣнно онѣ найдутъ откликъ во всѣхъ, кто чувствуетъ поэзію.

Вспоминая тѣ, уже далекіе, дни въ Москвѣ, и не зная, гдѣ сейчасъ Марина Цвѣтаева, и жива-ли она, я не могу не сказать, что двѣ эти поэтическія души, мать и дочь, болѣе похожія на двухъ сестеръ, являли изъ себя самое трогательное видѣніе полной отрѣшенности отъ дѣйствительности и вольной жизни среди грёзъ, — при такихъ условіяхъ, при которыхъ другіе только стонуть, болѣютъ и умираютъ. Душевная сила любви къ любви и любви къ красотѣ какъ бы освобождала двѣ эти человѣческія птицы отъ боли и тоски. Голодь, холодъ, полная обреченность, — и вѣчно щебетанье, и всегда бодрая походка и улыбочное лицо. Это были двѣ подвижницы, и, глядя на нихъ, я не разъ вновь ощущалъ въ себѣ силу, которая вотъ уже погасла совсѣмъ.

Въ голодные дни Марина, если у ней было шесть картофелинъ, приносила три мнѣ. Когда я тяжко захворалъ изъ-за невозможности достать крѣпкую обувь, она откуда-то раздобыла нѣсколько щепотокъ настоящаго чая...

Да пошлетъ ей Судьба тѣ лучезарные сны и тѣ побѣдительные напѣвы, которые составляютъ душевную сущность Марины Цвѣтаевой и этого божественнаго дитяти, Али, въ шесть и семь лѣтъ узнавшей, что мудрость умѣетъ расцвѣтать золотыми цвѣтами.

К. Бальмонтъ.

* * *

Мое убѣжище отъ дикихъ ордъ,
Мой щитъ и панцырь, мой послѣдній форть
Отъ злобы добрыхъ и отъ злобы злыхъ, —
Ты, въ самыхъ ребрахъ мнѣ засѣвшій стихъ!

* * *

Закинувъ голову и опустивъ глаза,
Предъ ликомъ Господа и всѣхъ святыхъ — стою.
Сегодня праздникъ мой, сегодня — Судъ.

Сонмъ юныхъ ангеловъ смущенъ до слезъ.
Угрюмы праведники. Только то,
На тронномъ облакѣ, глядитъ какъ другъ.

Что хочешь — спрашивай. Ты добръ и старъ,
И ты поймешь, что съ этимъ въ груди
Кремлевскимъ колоколомъ — лгать нельзя.

И ты поймешь, какъ страстно день и ночь
Боролись Промыселъ и Произволь
Въ вращающей жернова — груди.

Такъ, смертной женщиной — опущенъ взоръ,
Такъ, гнѣвнымъ ангеломъ — закинуть лобъ,
Въ день Благовѣщенья, у Царскихъ вратъ.

Передъ лицомъ Твоимъ — гляди! — стою.
А голосъ — голубемъ покинувъ грудь —
Въ червонномъ куполѣ обводитъ кругъ.

* * *

* * *

У первой бабки четыре сына,
Четыре сына — одна лучина.

Кожухъ овчинный, мѣшокъ пеньки, —
Четыре сына — да двѣ руки!

Какъ ни навалишь имъ чашку — чисто!
Чай не барчата, — семинаристы!

А у другой — по иному тракту:
У той тоскуеѣтъ въ ногахъ вся шляхта.

И вотъ, смѣется у камелька:
—>Сто принцевъ крови, — одна рука!>

И зацѣлованными руками
Чудить надъ клавишами, шелками...

Объимъ бабкамъ я вышла внучка:
Чернорабочій — и бѣлоручка!

ТЕБЪ — ЧЕРЕЗЪ СТО ЛѢТЪ.

Къ тебѣ, имѣющему быть рожденнымъ
 Столѣтіе спустя какъ отдышу —
 Изъ самыхъ нѣдръ — какъ на смерть осужденный —
 Своей рукой пишу:

Другъ! Не ищи меня! Другая мода!
 Меня забыли даже старики!
 — Ртомъ не достать! — Черезъ летейски воды
 Протягиваю двѣ руки.

Какъ два костра глаза твои я вижу,
 Плающіе мнѣ въ могилу — въ адъ, —
 Ту видящіе, что рукой не движеть,
 Умершую сто лѣтъ назадъ.

Со мной въ рукѣ — (почти что горстка пыли
 Мои стихи!) — я вижу: на вѣтру
 Ты ищешь домъ, въ которомъ родилась я — или
 Въ которомъ я умру.

Твоя ладонь нѣжна — но сколь нѣжнѣе
 Сія ладонь — держу ее! — была-бъ,
 Когда-бъ сейчасъ — вотъ такъ — ко мнѣ на шею
 Тихонечко легла-бъ!

(Прости за повторенья и длинноты, —
 Вѣдъ женщина, дружокъ! — И потому —
 Что столько мнѣ сказать Вамъ нужно — кто ты?! —
 Какъ здѣсь — ни одному!)

На встрѣчныхъ женщинъ — тѣхъ — живыхъ — счастливыхъ —
 Горжусь какъ смотришь и ловлю слова:
 — «Сборище самозванокъ! Всѣ мертвы вы!
 Она одна — жива!

Идите, старьтесь надъ считаньемъ петель,
И жалуйтесь на ростъ дороговизнѣ!
Ея могильный холмъ, гдѣ прахъ и пещель! —
Живѣй, чѣмъ ваша жизнь.

Служанками вокругъ Самованки Польской
Я-бъ распротеръ васъ, собирае тѣней!
Грабительницы мертвыхъ! — Эти кольца
Украдены у ней!»

— О сто моихъ колецъ! — Миѣ тянеть жилы, —
— Раскаиваюсь въ первый разъ! —
Что столько ихъ я вкривъ и вкось дарила, —
Тебя не дождалась!

И грустно мнѣ еще, что въ этотъ вечеръ
Сегодняшній — какъ долго шла я вслѣдъ
Садящемуся солнцу — и навстрѣчу
Тебѣ — черезъ сто лѣтъ.

Бьюсь объ закладъ, что бросишь ты проклятье
Моимъ друзьямъ, во мглу могиль:
— «Всѣ восхваляли! — Розоваго платья
Никто не подарилъ!

Кто безкорыстнѣй былъ!..» Нѣтъ, я корытна!
Разъ не убьешь, — корысти нѣтъ скрывать,
Что я у всѣхъ вымаливала письма,
Чтобъ ночью цѣловать.

Сказать? Скажу! — Небытіе — условность.
Ты мнѣ сейчасъ — страстнѣйшій изъ гостей,
И ты откажешь перлу всѣхъ любовницъ —
Во имя тѣхъ — костей.

А Л Ъ .

Молодой колоколенкой
 Ты лбуешься въ воздухѣ.
 Голосокъ у ней тоненькій,
 Въ ясномъ куполѣ — звѣздочки.

Куполокъ твой золотенькій,
 Ясны звѣзды — подь лобикомъ.
 Голосокъ твой — тоненькій, —
 Ты сама — колоколенка!

* * *

— «Марина, спасибо за мѣръ!» —
 Дочернее странное слово.
 И вотъ — разстунился эфиръ
 Надъ женщиной свѣтлоголовой.

Но ротъ напряжень и суровъ.
 Умру, а восторга не выдамъ!
 — Такъ съ неба Господь Саваоѣ
 Внималъ молодому Давиду.

* * *

Я не танцую, — безъ моей вины
 Пошло волнами розовое платье.
 Но вотъ — обѣими руками — вдругъ —
 Подстережень — накрыть и пойманъ — вѣтеръ.

Молчить, хитрецъ. — Лишь тамъ, внизу колѣнъ,
 Чуть-чуть въ краяхъ подрагиваетъ. — Пойманъ!
 — О, еслибъ Прихоть я сдержатъ могла,
 Какъ разволнованное вѣтромъ платье!

* * *

Развела тебѣ въ стаканѣ
Горстку жженныхъ волосъ.
Чтобъ не ѣлось, чтобъ не пѣлось,
Не пилося, не спалось.

Чтобы молодость — не въ радость,
Чтобы сахаръ — не въ сладость,
Чтобъ не ладилъ въ тѣмѣ ночной
Съ молодой женой.

Какъ власы мои златыя
Стали сѣрой золой,
Такъ года твои младые
Станутъ бѣлой зимой.

Чтобъ ослѣпъ — оглохъ,
Чтобъ высохъ, какъ мохъ,
Чтобъ ушелъ, какъ вздохъ.

* * *

Я — страница твоему перу.
Все приму: я бѣлая страница.
Я — хранитель твоему добру:
Возращу и возвращу сторицей.

Я деревня, черная земля.
Ты мой лучъ и дождевая влага .
Ты — Господь и Господинъ, — а я —
Черноземъ — и бѣлая бумага!

БАБУШКА.

Когда я буду бабушкой
 — Годовъ черезъ десятичекъ *) —
 Причудвицей — забавницей —
 Вихрь съ головы до пятчекъ!

И внукъ — кудряпъ — Егорушка
 Вареветь: — «Давай ружье!» —
 Я брошу листъ и перышко:
 — Сокровище мое! —

Мать плачетъ: «Годъ три мѣсяца.
 А ужъ гляди какъ золь!»
 А я скажу: «Пусть бѣсится!
 Знать въ бабушку пошелъ!»

Егоръ, моя утробушка!
 Егоръ, ребро отъ ребрушка!
 Егорушка, Егорушка,
 Егорій — свѣтъ — храбрець!

Когда я буду бабушкой:
 — Сѣдой каргой съ трубкою —
 И внучка въ полночь крадучись
 Шепнеть, взметнувши юбками:

— «Кого, скажите, бабушка,
 Мнѣ взять изъ семерыхъ?» —
 Я опрокину лавочку,
 Я закружусь какъ вихрь.

*) 26 лѣтъ. Алѣ — 6 л.

Мать: «Ни стыда, ни совѣсти!
И въ гробъ пойдешь, пляша!»
А я-то: «На здоровице!
Знать въ бабушку пошла!»

Въ чьемъ домѣ ни сориночка,
Тотъ скушенъ — на перинушкѣ!
Маринушка, Маринушка,
Марина — синь-моря!

— «А цѣловались, бабушка —
Голубушка, со сколькими?»
— «Я дань платила — пѣснями,
Я дань взикала — кольцами!»

Ни ночки — даромъ — проспавной:
Все въ райскомъ во саду!»
— «А какъ ты, баба, Господу
Предстанешь на суду?»

— «Свистять скворцы въ скворешницѣ,
Весна-то — глянть! — бѣла...
Скажу: родимый, — грѣшница...
Счастливая была!»

Вы-жь, ребрушка отъ ребрушка,
Маринушка съ Егорунькой,
Моей землицы горсточку
Возьмите въ узелокъ.

2.

А какъ бабушкѣ
Помирать, помирать,
Стали голуби —
Ворковать, ворковать.

— «Что ты, старая,
Такъ лихуешься?»
А она въ отвѣтъ:
— «Что воркуете?»

— «А воркуемъ мы
Про твою весну!»
— «А лихуюсь я,
Что идти во сну.

Что на вѣкъ усну
Сномъ закованнымъ —
Я, бессонная,
Я, фартовая.

Что луга мои яичіе не скошены,
Жемчуга мои бурмицкіе не сношены,
Что дѣса мои волынскіе не срублены,
На Руси не все мальчишки передюблены!»

А какъ бабушкѣ
Отходить, отходить —
Стали голуби
Въ окна крыльями бить.

— «Что ужъ страшенъ такъ,
Бабка, голосъ твой?»
— «Не хочу отдать
Дѣвкамъ молодець!»

— «Нагулялась ты, —
Пора знать и стыдъ!»
— «Этой малостью
Развѣ будешь сытъ?»

Что надъ тѣмъ костромъ
Я — холодная,
Что за тѣмъ столомъ
Я — голодная.»

А какъ бабушку
Понесли, понесли —
Всѣ-то голуби
Полегли, полегли:

Книзу — крылышкомъ,
Кверху — лапochкой.
— Помолитесь, внучки юныя, за бабушку!

Восхищенной и восхищенной,
Сны видящей средь бѣла дня —
Всѣ спящей видѣли меня.
Никто меня не видѣлъ сонной.

И оттого, что цѣлый день
Сны проплываютъ предъ глазами —
Ужъ ночью мнѣ ложиться — дѣнь.
И вотъ, тоскующая тѣмъ,
Стою надъ спящими друзьями.

* * *

Поступь легкая моя,
— Чистой совѣсти примѣта, —
Поступь легкая моя,
Пѣсня звонкая моя.

Богъ меня одну поставилъ
Посреди большого свѣта.
— Ты не женщина, а птица.
Посему — летай и пой!

Марина Цвѣтаева.

Миѣ воли не давай. Какъ дикую козу
 Держи на привязи бунтующее сердце.
 Чтобы стогать меня — сломай въ поляхъ лозу,
 Чтобы кормить меня — дай травъ острѣ перца.
 Веревку у колѣвъ затыгивай узломъ,
 Не то, — неровень часъ, — взмахнуть мои копытца,
 И золотомъ сверкнуть. И въ небо — напроломъ...
 Преступи любовь!.. Ты будешь сердцу снится...

* *

Мохъ почей безсонный жаръ,
 Стиховъ веселыя тревоги,
 И тѣла солнечный загаръ,
 И сердца дунные ожоги, —
 Сложило время на вѣсы,
 И чаша легкая испарила.
 Жизнь встала стражемъ на часы,
 И камень рядомъ положила.
 Пусть такъ. Бороться не хочу.
 Живи вторая половина!
 По бабы вѣрую. Молчу.
 Рощу для будущаго сына.

* *

Яблоко, протянутое Евѣ,
 Было вкуса — мѣди, соли, желчи,
 Запаха — земли и дикихъ плевель,
 Цвѣта бузины — и ягодъ волчьихъ.

Ядъ слюною пѣнной и зловонной
 Ротъ обжегъ проматерн, и новью
 Побѣжалъ по жиламъ воспаленнымъ,
 И въ обидѣ Божьей названъ — кровью.

ГАДАНИЕ.

Горить свѣча. Ложатся карты.
Смущенныхъ глазъ не подниму.
Прижму, какъ мальчикъ древней Спарты,
Ляспицу къ сердцу своему.

Межъ черныхъ пикъ девятойъ красной,
Упавшей дерзко съ высоты,
Какъ запоздало, какъ напрасно,
Моей судьбѣ предсказать ты!

На краткій мигъ, на мигъ единый,
Скрестили карты два пути.
А путь нашъ длинный, длинный, длинный,
И жизнь торопить насъ жтти.

Чуть запылавъ, остынуть угли,
И стороной пройдетъ гроза...
Зачѣмъ же, вѣще, какъ хоругви,
Четыре падаеть туза?

1921 г. Июль.

Наталья Крандіевская.

НИКОЛАИ I.

(Изъ поэмы «Декабристы».)

Какъ медленно течеть по жиламъ крови,
Какъ холодно-неторопливо.
Не высѣкала искръ въ душѣ твоей любовь:
Ты — какъ камень, и нѣтъ огнива!

Какъ вяло тянутся холодной прозой дни:
Ни словъ, ни мукъ, ни слезъ, ни страсти.
Душа полна однимъ, знакомымъ искони
Холоднымъ сладострастьемъ власти.

Повсюду въ зеркалахъ красивое лицо
И станъ величественно стройный.
Упругой воли узкое кольцо
Смирять нервовъ трепеть безпокойный.

Но все-жь порою сонъ медлительный души
Прорѣжетъ ихъ внезапный скрежетъ.
Какъ будто мышь грызеть, скребеть въ ночной тиши,
Иль кто-то по стеклу визгливо рѣжетъ...

Амарии.

Пока въ туманѣ странныхъ дней
Еще грядущаго не видно,
Пока здѣсь говорятъ о ней
Краспорѣчиво и обидно, —

Сторонкой, молча, проберусь
И, уповав неизмѣнно,
Мою невѣдомую Русь
Пойду отыскивать смиренно, —

По чернымъ, сказочнымъ лѣсамъ,
Вдоль рѣкъ, да по болотамъ соннымъ,
По темнымъ пашнямъ, къ небесамъ
Безплодной грудью обращеннымъ!

Такъ побываю я вездѣ,
Въ деревню каждую войду я...
Гдѣ-жъ цѣль завѣтная, о гдѣ
Непостижимую найду я?

Въ лѣсу ли, — сумракомъ глухимъ
Сыраго ельника сокрытой, —
Нагой, разбойникомъ лихимъ
Поруганною и убитой?

Иль поутру, въ селѣ пустомъ,
О,жданная! — пройдешь ты мимо,
Съ улыбкой на лицѣ простомъ
Задумчиво неуловимой?

Или старушкой встанешь ты,
И въ голубой струѣ кадиальной,
Кладя дрожащіе кресты,
Къ иконѣ припадешь бессильно?

Гдѣ-жь просіяеть берегъ мой?
Гдѣ-жь угадаю ликъ любимый?
Русь! Иль во мнѣ, въ душѣ самой —
Ужъ расплѣтаешь ты незримо?

* * *

Давно-ль — по набережной свѣжной,
въ пыли морозко-голубой,
шута и нѣжно, и небрежно, —
— мы звонко рѣjali съ тобой?

Конь вороной подъ свѣткой синей,
метели плескъ, метели зовъ,
глаза, горящіе сквозь ипей,
и влажность облачныхъ мѣховъ,

и огонекъ блѣдно-яловый,
скользящій по мосту, шурша,
и смѣхъ любви, и цокъ подковы,
и наша вольная душа, —
все это въ памяти хрустальной,
какъ лунный дуть, заключено...
«Давно-ль?» — и вторить мнѣ печально
лишь эхо дальнее: «давно...»

В. Сиринъ.

Бѣлая Невѣста.

ПОВѢСТЬ.

1.

Внутренній опытъ одного человѣка непохожъ на внутренній опытъ другого человѣка. Мы проходимъ тѣ же самыя полюсы свѣта и тѣни не одновременно, и потому тѣ же самыя горы, лѣса, и поля, и моря отражаются въ разныхъ цушахъ по-разному. Зрачки отдѣльныхъ душъ — неповторны, это единственные зеркала, отражающія единственную движущуюся картину міра, хотя всемірное равенство душъ не выдумка, а точная истина. Каждая душа пройдетъ свой исчерпывающій опытъ, который сравняетъ ее съ другой душой, въ свой часъ и на своемъ мѣстѣ. Не сказалъ-ли ты свое первое «Люблю», когда тебѣ было семнадцать лѣтъ? Но я могъ сказать, и, быть можетъ, сказалъ, свое первое «Люблю», когда мнѣ было девять или пять лѣтъ. А наши «Люблю» пришли изъ одного источника, изъ одного первоуроднаго жерла, у котораго, въ его щедромъ изобиліи, есть одна первоосновная прикоть. Именно въ силу своего безграничнаго изобилія, оно хочетъ, чтобы каждое живое существо прошло черезъ все, чтобы узнать все, и этимъ еще, и еще, обогатить все.

Мы воплощаемся безконечно, и смерти нѣтъ. Въ междупланетныхъ нашихъ скитаніяхъ мы по-разному восходимъ на тѣ же ступени, и въ разный часъ. Вотъ почему есть люди, весьма умные, которые могутъ себѣ внутренню нарисовать только безконечность, и есть другіе, не менѣе умные, быть можетъ, которые могутъ вообразить только конечное. И первые нерѣдко думаютъ о вторыхъ, что они, говоря о конечномъ, только притворяются, а другіе, вторые, думаютъ о первыхъ, что, говоря

о безконечности, они только выдумываютъ. А объясненіе ихъ разногласія лишь въ томъ, что они одновременно смотрятъ на Міровые Часы съ двухъ разныхъ точекъ внутренняго опыта, какъ бы съ двухъ разныхъ точекъ времени и мѣста. И одинъ правильно видитъ шесть часовъ дня, а другой половину двѣнадцатаго ночи.

Не будемъ спорить другъ съ другомъ, а будемъ слушать другъ друга. Это гораздо любопытнѣе. Мы узнаемъ много новыхъ граней, или хотъ одну новую грань, въ нашемъ собственномъ многогранникѣ, называемомъ душой. Я буду слушать каждаго. Но послушайте сейчасъ меня. И вѣрьте, что, если я что-нибудь утверждаю, я вижу въ душѣ свое утвержденіе такъ четко, какъ видятъ на горизонтѣ восходящее Солнце, и, совсѣмъ близко, затрепетавшіе въ утреннемъ вѣтеркѣ, серебристые листья тополя.

2.

Когда въ человѣкѣ проснется его настоящее внутреннее я, оно можетъ снова покидать его на большіе или меньшіе сроки времени, но оно будетъ властно возникать въ немъ снова. Оно можетъ и не покидать человѣка, однажды проснувшись въ чувственномъ цвѣтномъ туманѣ. То истинное мое я, которое не покидаетъ меня уже давно, проснулось во мнѣ ровно полстолѣтія тому назадъ, когда мнѣ было четыре года. Оно меня покидало, или было во мнѣ въ скрытомъ ликѣ, позднѣй, когда я узналъ первые торопливые праздники страсти. Въ юности, когда я искалъ разной правды, и когда я столько тосковалъ и цѣловался, и позднѣй, когда я узналъ ревность и гнѣвъ, я часто бывалъ совсѣмъ инымъ, чѣмъ мое настоящее я, которое, какъ самый вѣрный, никогда не обманывающій, другъ, ведетъ со мной сейчасъ постоянно свою внутреннюю бесѣду. Это необманывающее я, лучезарно изъяснившее мнѣ міръ и меня самого, проснулось во мнѣ, когда мнѣ было всего четыре года, въ яркій лѣтній день, въ моей родной усадьбѣ, гдѣ я навсегда научился любить Солнце и зеленые просторы Природы.

Въ нашемъ двухэтажномъ деревянномъ домѣ, гдѣ всегда было много родныхъ, и много гостей, и много прислуги, кото-

рая болѣе или менѣе ничего не дѣлала, мнѣ была особенно мила старая ласковая няня, когда-то вынянчившая моего старшаго брата и жившая у насъ какъ членъ нашей семьи. Мнѣ всегда нравились въ этомъ обветшавшемъ морщинистомъ лицѣ лучистые глаза, въ которыхъ неизмѣнно свѣтилась только одна ласка. Я вспоминалъ ее позднѣе, какъ благое видѣніе, когда я читалъ страшныя сказки, или предо мной разсказывали что-нибудь жуткое. Ни брюзжанья, ни воркотни, ничего, что такъ естественно связано со старостью. Она была воплощеніемъ тишины и ласковости.

Однажды въ лѣтній день, когда Солнце озаряетъ такъ обворожительно розовые гроздья Китайской рябинки и липкіе листья трепетныхъ тополей, я замѣтилъ, что въ домѣ какое-то особое настроеніе среди старшихъ, совершенно несогласное съ этими золотыми полосами солнечныхъ лучей. Когда мнѣ что-нибудь не нравилось, я всегда, и въ эти ранніе годы, и потомъ, молча уходилъ отъ того мѣста, и обычно попадалъ въ садъ. И этотъ разъ я вышелъ изъ дому, но, прежде, чѣмъ я попалъ въ это утро въ садъ, со мной случилось то, что я называю моимъ внутреннимъ пробужденіемъ. На дворѣ, между погребомъ и амбаромъ, была пустая избушка. Въ ней никто не жилъ. Почему, я этого никогда не спрашивалъ, и никогда, позднѣе, мнѣ никто ничего о ней не разсказывалъ. Въ то утро, выйдя на дворъ, я замѣтилъ, что около пустой избушки въ какомъ-то недоумѣніи стоятъ мои братья и нѣсколько деревенскихъ мальчишекъ. Я подошелъ къ нимъ, и что-то спросилъ. Не помню кто изъ мальчиковъ мнѣ сказалъ тихимъ и таинственнымъ голосомъ: «Тамъ старая няня». Я спросилъ удивленно: «Зачѣмъ она тамъ?» Всѣ кругомъ посмотрѣли на меня молча, и я видѣлъ по лицамъ, что мнѣ ничего не хотятъ говорить, потому что я чего-то не смогу понять. Я молча подошелъ тогда къ низкому окну избушки. Оно было неплотно прикрыто. Я заглянулъ въ щель и увидѣлъ. Няня лежала неподвижно, вся почернѣвшая и распухшая. Ея глаза, которые я такъ любилъ, были закрыты. Ласковаго взгляда не было. Не было того, что была она сама. Это лицо было чужое. Это была не она. Это было что-то тяжелое, душное, что-то напоми-

навшее о ней, но невѣрно напоминавшее о ней, потому что вся она была одна живая улыбка и тихая ласка. Мнѣ сдѣлалось такъ душно и невыносимо, какъ будто на меня налегла огромная тяжесть. И я понялъ.

Но я понялъ это жуткое новое совсѣмъ не такъ, какъ понимали его тѣ мальчики, которые были старше меня. Я пошелъ отъ нихъ прочь, я пошелъ прочь отъ этой избушки, и кто-то втогонку мнѣ сказалъ тихимъ голосомъ: «Умерла».

Я шелъ по своей любимой садовой дорожкѣ, и чувствовалъ, что Солнце жарко грѣеть, и бронзовки въ гроздьяхъ Китайской рябинки особенно зеленаго цвѣта, и пчелы, осы и шмели жужжать особенно громко, не такъ, какъ всегда. Мнѣ казалось, что я въ первый разъ увидѣлъ, какъ красивы желтыя и бѣлыя бабочки. Я въ первый разъ чувствовалъ, какъ красивъ и ласковъ міръ, какъ все въ немъ слито въ одно связанное празднество. Конечно, я не говорилъ себѣ тогда вотъ этихъ словъ, но чувство это помню съ четкостью совершенной. Я былъ въ эти мгновенія одинъ въ мірѣ, сіяющемъ, звонкомъ, стройномъ и цѣльномъ, въ которомъ смерти нѣтъ, а есть одна только, вѣчно торжествующая, жизнь. Между мною и тѣми другими, безпомощно стоявшими около маленькой избушки, была прозрачная хрустальная стѣна, дѣлавшая насъ другъ для друга недосыжимыми. Такъ я чувствовала тогда, и такъ я чувствую себя теперь, черезъ пятьдесятъ лѣтъ, когда кто-нибудь передо мной говоритъ о смерти, какъ о смерти, какъ о чемъ-то конечно и непоправимомъ. Нѣтъ, нѣтъ, я-то зналъ хорошо тогда, что няня вовсе не умерла. Она ушла куда-то далеко, а то, что осталось въ маленькой избушкѣ, было нѣчто другое, совсѣмъ не она. Далеко и близко была она, совсѣмъ тутъ рядомъ. Не могла умереть и не умерла эта ласковость взгляда, который не зналъ ничего, кромѣ любви. И гдѣ она сейчасъ, я не знаю, но существо, которое давно прошло всѣ дороги гнѣва и ненависти, въ стройномъ лмкѣ свершаетъ гдѣ-то новую свѣтлую дорогу. Я это знаю такъ-же твердо, какъ знаю, что завтра взойдетъ Солнце.

3.

Слыша такое мое утверженіе, или подобное, собесѣдники не однажды говорили мнѣ, что или я не люблю жизнь, и оттого такъ говорю, или я никогда не видѣлъ приближенія смерти, и оттого такъ говорю. Невѣрно и то, и другое. Я люблю жизнь, какъ птица любить воздухъ, разсѣкаемый ея легкими крыльями. Я люблю жизнь, какъ цвѣтокъ любить солнечный лучъ, каплю росы, брызги дождя, и собственную душистую цвѣточную чашечку. Я люблю жизнь, какъ тотъ, кого любятъ. мучаютъ, но любятъ, любятъ. И втеченіе жизни, которая знала величайшія трудности, я не разъ испыталъ предѣльную боль, тѣлесную и душевную, но никогда я не могъ разлюбить жизнь, и ощущаю ее, какъ нѣчто глубокое, красивое и предназначенное. И смерть была близко около меня нѣсколько разъ въ жизни, но она прошла лишь коснувшись меня и не задѣвъ.

Я хочу припомнить всѣ тѣ случаи, когда смерть подкочнула ко мнѣ, въ разныхъ видахъ, отъ самаго незначительнаго до самаго грознаго.

Черезъ годъ послѣ того праздника сознанія, о которомъ я рассказывалъ, лѣтомъ, когда мнѣ было пять лѣтъ, я дважды могъ лишиться жизни. И отъ первой встрѣчи съ той, кого боюсь, у меня осталось лишь воспоминаніе о нѣжно-изумрудномъ свѣтѣ, а отъ пережитой второй встрѣчи — ощущение жуткаго и завлекательнаго полета въ вихрѣ.

Въ моихъ родныхъ мѣстахъ встрѣчаются бочаги, овальные, продолговатые прудки, вырытые самою Природой. Около нихъ всегда цвѣтутъ незабудки и растетъ осока, а на зеленоватой влагѣ качаются желтыя и бѣлыя кувшинки. Золотые бубенчики дѣлаютъ самое приближеніе къ нимъ торжествующимъ праздникомъ. Когда я разъ пришелъ къ одному изъ такихъ бочаговъ, въ немъ купались деревенскіе мальчишки. Найдя, что это соблазнительно, я раздѣлся и присоединился къ нимъ. Пожалуй, точнѣе было-бы сказать, что присоединиться къ нимъ мнѣ не удалось этотъ разъ. Бочаги эти не глубокіе, но для меня тотъ прудокъ съ покатымъ дномъ былъ вполне достаточной глубиной. Я въ одно мгновеніе куда-то скатился, и,

не умѣя плавать, очутился на днѣ, вверхъ лицомъ. То краткое время, которое я, захлебнувшись, былъ въ этой малой глубинѣ, показалось мнѣ какимъ-то волшебствомъ. Глаза мои были открыты, и я увидалъ зеленое подводное царство. Сверху надъ этимъ влажнымъ изумрудомъ чувствовалось что-то другое, огромное, иного цвѣта и уже недосыжимое. Все это длилось конечно лишь нѣсколько секундъ, и мое зеленое видѣніе кончилось тѣмъ, что какой-то мальчишка сильной рукой выбросилъ меня на берегъ. Я видѣлъ съ тѣхъ поръ зеленые просторы всѣхъ пяти частей свѣта, и даже шестой, Океаніи, но такого странно-воздушнаго волшебнаго изумруда, который я на мгновенье увидалъ, когда я былъ въ полной близости къ потопленію, я, пожалуй, не увижу больше никогда.

Другой случай произошелъ такъ. Мой отецъ былъ страстный охотникъ, и, когда онъ возвращался домой, это было настоящимъ праздникомъ для насъ, мальчиковъ. Когда его плетушка вѣзжала въ ворота, мы ужъ знали, что вся она до краевъ полна дичи, такъ что ему почти негдѣ сидѣть. И у кучера на козлахъ, который тоже былъ лихой охотникъ, лицо всегда свѣтилось торжествомъ побѣдителя. Когда экипажъ останавливался, мы весело бросались къ отцу, цѣловали его и тотчасъ каждый выбиралъ себѣ птицу понаряднѣе, каждому предоставлялось взять птицу, чтобы поиграть ей. Братья мои были существа нетерпѣливыя, да можетъ быть и художественный вкусъ ихъ былъ менѣе разборчивый, чѣмъ мой. Быстро схвативъ кто тетерева, кто куропатку, они разбѣгались по своимъ угламъ. Такъ было и въ этотъ день. Но птицы вѣдь бываютъ весьма разныя. И, забравшись въ плетушку, я не торопился съ выборомъ. Отецъ уже ушелъ въ домъ. Кучеръ Андрей прикрутилъ возжи къ закраинѣ козелъ, и тоже куда-то отлучился. Я сидѣлъ въ плетушкѣ, среди множество убитыхъ дичинъ, любовался на перья съ отливомъ, и не зналъ, какую выбрать птицу. Лошадь, которая была въ упряжи, прозывалась, за вздорный нравъ, Козломъ. И вотъ, въ то время когда я предавался художественной нерѣшительности, другая лошадь, старая и бѣлая, неподалеку шипавшая траву, сзади плетушки, нѣсколько сбоку, вздумала покататься по травѣ.

Нашель-ли на Козла обычный стихъ своенравія, или краешкомъ глаза онъ плохо разсмотрѣлъ, что это за бѣлое движеніе сзади него, но только онъ рванулся, помчался по двору, и, въ одну минуту вымахнувъ изъ воротъ, пронесся вдоль пруда по деревнѣ, и уже мчался во весь опоръ по дорогѣ къ лѣсу. Я держался за что-то и каждую минуту могъ вылетѣть на дорогу. Козель мчался. Быть можетъ, онъ въ концѣ концовъ усталъ бы, успокоился, и тѣмъ дѣло кончилось бы. Но на бѣду узель, прикручивавшій возжи къ плетушкѣ, распутался, онъ соскользнулъ внизъ, конецъ ихъ запутался около оси, и, какъ мнѣ объясняли потомъ старшіе, онъ быстро должны были дернуть лошадь, такъ, что она сдѣлала-бы рѣзкій поворотъ вправо, экипажъ опрокинулся-бы, и я конечно былъ-бы убитъ на мѣстѣ. Я этого не понималъ такъ ясно, какъ мнѣ потомъ рассказывали, но чувствовалъ, что дѣло совсѣмъ не ладно. Однако роковой поворотъ швыркомъ не совершился, и спасъ меня отъ него человѣкъ съ страннымъ именемъ И-ро-ро.

Откуда въ нашихъ глухихъ мѣстахъ былъ человѣкъ съ такимъ экзотическимъ именемъ? Былъ у насъ честный пастухъ Родіонъ. Какъ свойственно многимъ Русскимъ людямъ, онъ иногда запивалъ. Тогда онъ бросалъ свое стадо, разгуливалъ по лѣсамъ и полямъ, радовался на свои могучія плечи, и, если видѣлъ какую душу живую, показывалъ изъ дали свою увѣсистую длань, и громко возглашалъ ликующее «И-ро-ро». Мужики во многихъ мѣстностяхъ относятся къ пастухамъ съ насмѣшливостью и иронической покровительственностью. Пользуясь такимъ хорошимъ предлогомъ, наши мужики прогнали Родіона И-ро-ро. И вотъ на мое счастье этотъ И-ро-ро такъ во-время для меня загулялъ и такъ удачно со мной встрѣтился. Онъ шелъ навстрѣчу мчавшейся лошади, возглашалъ свой вакхическій кликъ, и какъ разъ въ то мгновеніе, когда возжи начали закручиваться роковымъ образомъ, онъ на полномъ скаку схватилъ лошадь подъ уздцы; она два-три раза рванулась и стала. Торжествуя горланя, мой спаситель отвелъ лошадь обратно въ усадьбу, а я сидѣлъ ни живъ, ни мертвъ, чувствуя себя въ чемъ-то очень виноватымъ. Мать объяснила мнѣ дома, въ какой я былъ опасности, и сказала мнѣ,

что я самъ во всемъ виноватъ. Отецъ взглянулъ на дѣло иначе. Онъ велѣлъ отпречь Козла, его заперли въ конюшнѣ, и мой кроткій отецъ, всегда такой добрый, собственноручно отхлесталъ несчастную лошадь арапникомъ. Я слышалъ жалобное ржанье лошади. Я опять скрылся въ свой садъ, но этотъ разъ вовсе не чувствовалъ гармоніи міра. Я дивился недоумѣнно на несправедливость старшихъ, и размышлялъ, какъ было интересно то, что со мной только-что случилось. Мнѣ казалось, что я качался на жуткихъ качеляхъ, и съ замирающимъ радостнымъ сердцемъ возносился высоко-высоко.

4.

Если ребенокъ не размышлялъ о смерти, когда она прошла около него и могла увести его въ новое невѣдомое, быть можетъ, это не только не странно, но такъ и должно было быть. Въ дѣтствѣ мы полны еще тѣхъ неувловимыхъ и облакающихъ душу тайнъ Вѣчности, изъ которыхъ мы только-что вышли для этой жизни, какъ звѣзда, совершившая круговоротъ, возвращается въ свое первичное лоно. Въ дѣтствѣ мы безъ словъ знаемъ многое изъ того, къ чему потомъ, цѣлую жизнь мы пытаемся, и часто напрасно, приблизиться лабиринтной дорогой словъ. Въ дѣтской душѣ есть много великаго довѣрія къ тому Отчему Лону, связь съ которымъ она чувствуетъ кротко и полно, когда она нѣжно любитъ первую травку, первую весеннюю муху, весь зеленый кругомъ міра, свой родной домъ, своего отца, свою мать, — любитъ такъ, какъ можно любить только въ дѣтствѣ.

Труднѣе съ довѣріемъ спокойствія думать о Запредѣльномъ въ юности, которая полна взметенности мятежа. Еще труднѣе, и какъ жутко-трудно, думать о самовольномъ уходѣ въ невѣдомое. Если есть что-нибудь дѣйствительно жуткое, это мысль о посягновеніи на живое существо, и, быть можетъ, въ какомъ-то смыслѣ, убить себя еще болѣе преступно, чѣмъ убить другого, хотя убить другого самое большое преступленіе. Въ моихъ словахъ противорѣчіе, я не умѣю ихъ объяснить, но я чувствую такъ, какъ я говорю.

Когда мнѣ было лѣтъ шестнадцать, я разсуждалъ однажды съ своимъ товарищемъ, Косаревымъ, о безсмертіи души и достовѣрномъ характерѣ Вѣчности. Мы погружались и погружались съ нимъ въ мыслительные полеты. Вдругъ лицо его, поблѣднѣло отъ внутренняго волненія, глаза засіяли какимъ-то неуютнымъ блескомъ, и онъ воскликнулъ: — «Но зачѣмъ же тогда жить? Нужно поскорѣе уйти туда!» Я почувствовалъ тогда невыразимую жуть отъ его словъ. Эта мысль увела его Кончивъ гимназію, онъ поступилъ на филологическій факультетъ и отдался изученію философіи. Всѣ дни онъ читаль, всѣ ночи предавался разгулу. Черезъ годъ онъ отравился ціанистымъ калиемъ.

Другой мой товарищъ, Рубачевъ, умные глаза котораго я сейчасъ вижу черезъ десятки лѣтъ, и который напоминалъ мнѣ всегда Базарова, полюбилъ свою двоюродную сестру, которая тоже полюбила его, но, когда онъ сказалъ ей о своей любви, въ дѣвической своей застѣнчивости она что-то отвѣтила ему такъ неявственно, что произошло роковое недоразумѣніе. Онъ понялъ, что онъ нелюбимъ. Будучи необыкновенно сильнымъ и крѣпкимъ, онъ досталъ огромную дозу сулемы, и совершилось непоправимое. Но сулема, если ее принять слишкомъ много, причиняетъ лишь внутреннія пораненія и вызываетъ рвоту, а не убиваетъ. Онъ тяжело захворалъ, и тогда узналъ, что онъ любимъ. Онъ молилъ врачей спасти его. Нѣсколько дней онъ былъ между жизнью и смертью, и послѣ невѣрно примѣненной ванны умеръ отъ разрыва сердца. Дѣвушка сошла съ ума.

Юность часто знаетъ самовольную смерть. Бѣлая Невѣста любитъ юныхъ жениховъ.

Она посѣтила и меня, когда мнѣ было двадцать два года, но не увела меня, а только открыла мнѣ часть своей тайны. И, если я дорожу этимъ внутреннимъ знаніемъ, оно и досталось мнѣ достаточно дорого, если припомнить эти давнишнія, тѣлесныя и душевныя, пытки.

Кто посмотритъ на меня, хотя-бы внимательно, онъ не замѣтитъ ничего особеннаго въ моемъ внѣшнемъ ликѣ. Развѣ обратитъ вниманіе на косвенный шрамъ на лѣвомъ вискѣ, и,

быть можетъ, найдеть, что походка моя нѣсколько странная, улетающая, какъ сказала одинъ мой пріятель. Никто не сможетъ рассмотреть, что я раненъ жизнью. Обѣ ноги мои были сломаны въ бедра, кисть лѣвой руки разбита, правая рука сломана въ локтѣ, лѣвый високъ пробить. Юныя силы и искусныя руки хирурга побѣдили все это. И далекое событіе, жуткое и грозное, кажется мнѣ неправдоподобнымъ страшнымъ сномъ. Неправдоподобенъ и однако таинственно-необходимъ былъ мой поступокъ. Чтобы убить себя, я бросился въ окно съ третьяго этажа. Неправдоподобнымъ и таинственно-необходимымъ было душевное побужденіе, вызвавшее этотъ поступокъ, сопровождавшійся полной душевной ясностью. Только великодушная юность способна на такое разумное безуміе. Я любилъ красивую женщину, и она любила меня. Мы связали наши жизни, она была моей женой. Нѣжная и любящая, съ нѣжнымъ именемъ Лариса, она любила меня и была любима. Но она постоянно терзалась ревностью, хотя для этого не было никакихъ основаній. И жизнь наша слишкомъ часто была пыткой. Это было не все. У меня было сильное нервное расстройство, лишавшее меня способности работать. Я не могъ ни читать, ни писать, отъ непрекращавшейся головной боли. И это была пытка для насъ обоихъ. Если-бъ я былъ старше, и спокойнѣе, я вѣрно понялъ-бы, что намъ нужно разстаться, что разстаться гораздо проще, чѣмъ то, что я замыслилъ. Въмѣсто того, чтобы уйти отъ любви, которая была пыткой, я рѣшилъ совсѣмъ уйти изъ жизни, и не мучить болѣе собою ту, которая меня любила и мучила меня своей любовью.

«Весна, выставляется первая рама,

И въ комнату шумъ ворвался...»

Въ тотъ день, когда выставлена была первая рама, въ то солнечное утро, когда въ коридорѣ гостиницы, гдѣ я жилъ, была выставлена зимняя рама и раскрыта весенняя, этотъ ликующій солнечный весенній шумъ и свѣтъ позвали меня и побуждали къ поступку, который, въ концѣ концовъ, быть можетъ, былъ самымъ великодушнымъ и самымъ безумнымъ и самымъ творческимъ по своимъ неожиданнымъ послѣдствіямъ. Я

бросился въ окно съ разбѣга, и только въ самую послѣднюю секунду, передъ окномъ, я въ молниеносный мигъ почувствовалъ, какъ много порывается въ душѣ человѣка въ минуту прощанья съ жизнью, и какъ трудно, добровольно или недобровольно, отдать свою жизнь.

За полчаса передъ этимъ, когда рѣшеніе было уже принято мной, я спокойно стоялъ у того рокового окна и смотрѣлъ на весеннее небо. Хотя утро было яркое, небо скорѣе было блѣдное, блѣдно-голубое, мѣстами совершенно бѣлесоватое. Я смотрѣлъ на небо, и чего-то внутренно искалъ. Но безглазое небо не давало мнѣ никакого отвѣта, не подавало никакого знака. Безмѣрная непроницаемая бѣлесоватость внушала мнѣ только, что я самъ долженъ распутать тотъ узелъ, который завязался, а если распутать его нельзя, я долженъ разорвать его безъ колебаній. И я разорвалъ свой узелъ.

Когда, весь изломанный и разбитый, я лежалъ, очнувшись, на холодной весенней землѣ, я увидѣлъ небо безгранично высокимъ и недоступнымъ. Я понялъ въ тѣ минуты, что моя ошибка—двойная, что жизнь безконечна, и что, если-бы смерть пришла ко мнѣ, я все равно очутился-бы на томъ-же самомъ мѣстѣ, въ такой-же трудности, въ необходимости распутать тотъ-же узелъ, или разорвать его, но распутать или разорвать — совершенно иначе. Въ долгій годъ, когда я, лежа въ постели, уже не чаялъ, что я когда-нибудь встану, я научился отъ предутренняго чириканья воробьевъ за окномъ, и отъ лунныхъ лучей, проходившихъ черезъ окно въ мою комнату, и отъ всѣхъ шаговъ, достигавшихъ до моего слуха, великой сказкѣ жизни, понялъ святую неприкосновенность жизни. И когда наконецъ я всталъ, душа моя стала вольной, какъ вѣтеръ въ полѣ, никто уже болѣе не былъ надъ ней властенъ, кромѣ творческой мечты, а творчество расцвѣло буйнымъ цвѣтомъ.

Нѣтъ, я недорого заплатилъ за это свиданье съ Бѣлой Невѣстой.

5.

Странное существо человѣкъ. Я знаю, что послѣ той полнсты переживанія, которая была мнѣ суждена въ юности, я никогда болѣе не посягну на свою жизнь. Но игралъ я жизнью и смертью послѣ этого неоднократно. Послѣ того какъ я трагически узналъ высоту и ощущеніе собственнаго тѣла, перевертывающагося въ воздушномъ полетѣ внизъ, у меня естественно развилось то чувство, которое называется страхомъ высоты. Когда я въ первый разъ послѣ годового лежанья въ постели пошелъ съ товарищами въ театръ, мы, не располагая деньгами, взяли конечно мѣста на галеркѣ. Едва я сѣлъ на свое мѣсто и увидѣлъ большую освѣщенную и переполненную зрителями залу, внизу мной овладѣло какое-то паническое чувство. Ясно понимая вздорность своего пыточного чувства, я не могъ освободиться отъ ощущенія, что всѣ ярусы, кончающіеся вверху галеркой, сейчасъ обрушатся, увлекая меня въ своемъ паденіи внизъ. Я четко ощущалъ воздушное пространство какъ коварную, враждебную, подстерегающую сущность. Я думаю, что въ этомъ мучительномъ и жалкомъ чувствѣ есть нѣчто общее съ тѣмъ зловражески заколдованнымъ внушеніемъ, которымъ облекается все существо птицы или кролика, когда они неудержимо тянутся къ готовой ихъ пожрать пасти змѣи. Это чувство, въ ослабленной степени, но достаточно выразительное, возникаетъ во мнѣ и теперь, когда мнѣ приходится стоять на обрывѣ или спускаться по узкой горной тропинкѣ. Но, съ дѣтства привыкши думать, что человѣкъ, уважающій себя, не долженъ имѣть ни перепахъ чѣмъ чувства страха, я много разъ заставлялъ себя всходить на высоту, съ которой мнѣ было трудно сойти, и нѣсколько разъ во время своихъ путешествій, въ Египтѣ, въ Мексикѣ, въ Индіи, могъ упасть въ пропасть. Каждый разъ я испытывалъ такую острую душевную пытку, что каждый разъ я давалъ себѣ внутренне клятву: «Больше никогда». Но я забывалъ свою клятву при каждомъ новомъ случаѣ. И каждый разъ, — было ли это на узкихъ ступенькахъ полуразрушенной пирамиды Уксмаль, увѣнчанной внесеннымъ стеблемъ агавы, или на

осыпающемся горномъ срывѣ надъ храмомъ Дэйръ-эль-Бахари гдѣ ворожатъ имена Изисъ и Озириса,—думая, что мнѣ не досягнуть уже вотъ этой сіяющей картины внизу, я чувствовалъ всю зеленую и золотую плѣнительность нашего міра, всю желанность жизни въ этомъ стройномъ связаномъ мірозданіи, я чувствовалъ острое отчаяніе разлуки, но только разлуки, только преждевременнаго отлученья, слишкомъ скорого разстанья, но не смерти, ибо смерти нѣтъ.

Я неразъ уплывалъ также въ открытое Море, слишкомъ далеко, дальше, чѣмъ могли вынести мои силы. Я чувствовалъ грозную жуткую силу глубины подо мной, но я ощущалъ ее въ любую минуту, какъ силу уволяющую, увлекающую, бросающую меня во что-го невѣдомое новое, но не какъ силу, истребляющую меня. Одинъ разъ, во время бури на Океанѣ, я спасся лишь чудомъ. Я расскажу объ этомъ, но сейчасъ мнѣ вспоминается другое, совсѣмъ маленькое по стеченью неуволвимыхъ причинъ, и однако почти кончившееся отравленіемъ белладонной.

Я жилъ тогда въ Брюсселѣ, и въ душѣ у меня было очень смутно. Сердце мое влеклось къ той, которая была со мною, и влеклось къ другой, которая была въ Парижѣ и ждала меня. Я былъ все время, своей душою, и тутъ и тамъ, и тамъ и тутъ. Это было невыносимо, но и мучительно-сладостно. Я былъ въ жизни и внѣ жизни. Однако я былъ совсѣмъ живой, и вовсе не хотѣлъ разставаться съ жизнью. Не помню, по какому случаю, мой знакомый Бельгійскій врачъ, за нѣсколько дней передъ этимъ, прописалъ мнѣ пилюли изъ белладонны, по двѣ пилюли въ день. У меня къ врачамъ нѣтъ никакого почтенія, никогда не было, потому-что въ жизни я видѣлъ гораздо больше ихъ неумѣнья, чѣмъ умѣнья, и потому, что у врачей очень непріятная манера разговаривать, составляющая обычное свойство людей умственно ограниченныхъ. И вотъ ночью, когда я не могъ спать отъ настойчивыхъ и неразрѣшимыхъ мыслей, мнѣ вспомнилось почему-то, какъ мой толстоватый Бельгійскій врачъ, прописывая белладонну, усиленно подчеркивалъ ядовитый характеръ этого снадобья, и говорилъ внушительно, чтобъ я никакъ не болѣе его принималъ, чѣмъ

по двѣ пилюли въ день. Я насмѣшливо подумалъ про себя: «Тамъ полкоробки. Что, если я проглочу все это сразу? Любопытно». Я согласенъ, что, какъ ни ограниченъ былъ мой врачъ, а, можетъ быть, и любой врачъ, кромѣ искусныхъ хирурговъ, моя мысль въ ту минуту была вздорной, преступной и совершенно глупой. Белладонна была проглочена, и весьма скоро я почувствовалъ, что я холодѣю и засыпаю. Я мгновенно понялъ, что, если я засну, я больше не проснусь. Только не спать. Это я чувствовалъ отчетливо. Тревожнымъ стукомъ въ стѣну сосѣдней комнаты я разбудилъ ту, которая была со мной. Она пришла въ ужасъ отъ моего вида, и въ еще большій ужасъ, когда я ей сказалъ, въ чемъ дѣло. Она стала немедленно отпаивать меня чаемъ, кофе, виномъ. Но я продолжалъ чувствовать, что я холодѣю, что руки мои уже охвачены онѣмѣніемъ и стали чужія. Мнѣ явственно казалось, что, когда эта ползущая волна охлажденія, уже захватившая мои плечи, дойдетъ до сердца, оно остановится. Но я чувствовалъ въ то-же время, что мое тѣло не есть я, что душа моя все-таки свободна отъ него. — и что-бы со мной ни случилось, не есть мое внутреннее я это холодѣющее мое тѣло. Это состояніе продолжалось часа три, пока искали доктора, будили его и пытались ему внушить, что случай очень серьезный. Спать и выспаться тоже дѣло очень серьезное. Когда наконецъ мой Бельгійскій врачъ окончательно проснулся и былъ въ полномъ обладаніи своими пятью чувствами, онъ пришелъ ко мнѣ и далъ мнѣ какое-то исцѣлившее меня зелье. Но раньше онъ успѣлъ сказать классическую формулу, которая, быть можетъ, является самымъ интереснымъ во всемъ этомъ приключеніи. Когда посланная служанка рассказала ему, въ чемъ дѣло, онъ спросилъ, сколько времени тому назадъ это случилось. Узнавъ о часѣ, онъ философически сказалъ: «Ну, если онъ еще не умеръ, то теперь уже не умретъ». И онъ поспалъ еще добрый часъ.

6.

То, что я рассказалъ сейчасъ, есть лишь маленькая случайность, не вполне понятная для меня самого, мгновенная причуда сердца, которая могла разрѣшиться непоправимостью.

Такая причуда, или подобная, можетъ возникнуть и въ иномъ сердцѣ, и мы можемъ совсѣмъ не подозрѣвать, гдѣ она насъ подстерегаетъ. Но внезапное возникновеніе крайней опасности вызываетъ во мнѣ не испугъ или растерянность, а спокойную радость самообладанія. Это странно, потому что, вообще говоря, я часто бываю очень несдержаннымъ.

Много лѣтъ тому назадъ, помню, я бродилъ по ночному Парижу вмѣстѣ съ моимъ другомъ, Максимилианомъ Волошинымъ. Мы были въ Halles'ахъ и между прочимъ зашли въ тотъ извѣстный погребокъ, который называется «Cafaret des Innocents», а также «Au rendez-vous des Assassins». Онъ, говорятъ, недаромъ называется «Мѣстномъ свиданія убійцъ». Туда, кромѣ обычной публики, приходятъ и разные темные персонажи, вродѣ апашей, у котрыхъ на совѣсти достаточно разныхъ дѣяній подсуднаго разряда. Во всякомъ случаѣ, рядомъ съ той главной комнатою, гдѣ поютъ и пьютъ, имѣется всегда на готовѣ полицейскій сержантъ. Мы сидѣли въ душномъ накуренномъ погребкѣ, и, весело болтая, угощали подсѣвшихъ къ намъ женщинъ. Я поставилъ около себя бутылку съ виномъ, и съ особеннымъ удовольствіемъ наливалъ стаканы направо и налево, — я люблю, чтобы около меня веселились, когда я веселюсь. Нѣсколько поодаль, но не далеко отъ меня, въ полномъ одиночествѣ, сидѣлъ молодой апашъ. Когда знаешь ночной Парижъ, узнать апаша очень легко. Впрочемъ, онъ очень скоро ни у кого не оставилъ сомнѣній относительно того, кто онъ. Онъ не былъ пьянъ, но притворился, для какихъ-то цѣлей, захмѣлѣвшимъ. Онъ сидѣлъ, опершись на обѣ руки, и почти совсѣмъ закрывъ глаза. Онъ мнѣ казался любопытнымъ, но что-то меня удерживало отъ того, чтобы предложить ему стаканъ вина. Въ немъ что-то происходило. Я это безошибочно чувствовалъ по неуловимому магнетическому току. Вдругъ, когда я только-что налилъ повторные стаканы ночнымъ красавицамъ, онъ пріоткрылъ глаза, быстро протянулъ руку къ моей бутылкѣ и, звякнувъ своимъ пустымъ стаканомъ, налилъ его до краевъ. Я молча посмотрѣлъ на него и, сдѣлавъ неторопливое движеніе рукой, отставилъ бутылку. Мгновенно, въ припадкѣ самой бѣлой ярости, онъ схватилъ бутылку и,

размахнувъ ей какъ томагавкомъ, изо всей силы швырнулъ мнѣ ее въ голову. Не задѣвъ меня, она пролетѣла около самага моего виска, и съ трескомъ разбилась о стѣну. Всѣ присутствующіе застыли въ ужасъ. Въ ту-же минуту передъ нами стояли сержантъ и гарсонъ, прибѣжавшіе изъ сосѣдней комнаты. «Что случилось? Что случилось?» лепеталъ испуганный гарсонъ. «Что случилось?» отвѣтилъ я. «Совершенно ничего. Бутылка разбилась. Подайте мнѣ другую». Лица кругомъ прояснились. Въ то же мгновение я быстро опустилъ руку въ карманъ, и апашъ отшатнулся, думая, что я потянулся за револьверомъ или ножомъ. Это было не такъ. Я молча вынулъ портсигаръ, и молча, съ учтивостью безукоризненной, предложилъ ему папиросу. Ошеломленный, онъ взялъ папиросу и неловко ее закурилъ. Въ это время служитель подаль новую бутылку вина. «Я отставилъ бутылку, потому что я имѣлъ намѣреніе самъ вамъ налить», сказалъ я, обращаясь къ апашу и подливая вина въ его расплескавшійся стаканъ. Апашъ всталъ, и, едва прикоснувшись къ стакану, притворно или искренно пошатываясь, вышелъ вонъ. Французы, бывшіе около, начали говорить мнѣ какіе-то комплименты. Французы, какъ извѣстно, любятъ законченность движеній. Но мой другъ Максъ, мудро воспринявъ, что достаточно въ свой часъ искутить Судьбу однажды, сказалъ мнѣ: «Пойдемъ отсюда». И мы ушли. «Я бы на твоёмъ мѣстѣ радовался, что моя голова не проломлена», сказалъ мнѣ Максъ. Но я радовался на другое. Я не могъ допустить, чтобы апашъ на такомъ близкомъ разстояніи могъ промахнуться. Навѣрно онъ не хотѣлъ меня убить, а лишь хотѣлъ увидѣть малодушный страхъ этого красовавшагося передъ нимъ иностранца. Но страха не было. Это, кажется, была нѣкоторая, довольно своеобразная, дуэль, и я не чувствовалъ себя побѣжденнымъ. Конечно онъ не промахнулся, промахнувшись. Онъ могъ однако по-настоящему промахнуться, и врядъ-ли тогда мнѣ удалось бы рассказывать то, что я рассказываю.

7.

Нѣсколько похожій случай былъ со мной совсѣмъ недавно въ Москвѣ. Послѣ большевистскаго переворота, разумные жильцы того дома, гдѣ я жилъ, въ одномъ изъ арбатскихъ переулковъ, соорудили, въ складчину, желѣзный занавѣсъ для воротъ, чтобы можно было, заперевъ ворота, замкнуться какъ въ крѣпости. Въ желѣзномъ занавѣсѣ была лишь узкая калитка съ опускаемымъ оконцемъ, ворота были наглухо замкнуты. Однажды вечеромъ, уже успѣвъ позабыть, сколько разъ въ недѣлю обстрѣла Москвы мнѣ пришлось побывать подъ ружейнымъ и орудійнымъ огнемъ, я подходилъ къ своимъ желѣзнымъ воротамъ, и запримѣтилъ, что противъ нихъ стоятъ двое молодцовъ товарищескаго лика, одинъ—солдатъ съ разбойничьимъ лицомъ, другой — не костюмированный разбойникъ. Они стояли, препирались и оскверняли цѣлый мѣръ неистовыми ругательствами. Я пришелъ въ неосновательный гнѣвъ, и, проходя мимо нихъ, уже подходя къ калиткѣ, произнесъ неосторожное и совершенно бесполезное слово: — «Проклятые ругатели», сказала я, «придетъ часъ, и будетъ для каждаго изъ васъ петля». Въ эту-же самую минуту за мной послышался выстрѣлъ, и револьверная пуля звякнула надъ моей головой о желѣзные ворота. Я шагнулъ въ калитку и пошелъ по длинному двору, не ускоряя шага и ожидая второго выстрѣла. Его не послѣдовало. Я улыбнулся и потрогалъ рукой свое сердце. Оно билось совершенно ровно. «Мы кое-чему научились за недѣлю большевистскаго звѣрства», подумалъ я. Нѣтъ сомнѣнiя, очень многіе научились совершенно не бояться пули, съ тѣхъ поръ какъ она стала ежеминутнымъ устрашеніемъ.

8.

Я хочу вспомнить еще одинъ случай, когда я совсѣмъ близко былъ отъ ухода изъ этой жизни, въ гулъ и грохотъ грозового Океана. Это было въ полосѣ Атлантики, въ Soulac-sur-Mer, гдѣ всегда такой сильный красивый приливъ. Вилла, въ которой я проводилъ лѣто вмѣстѣ съ моей женой, дѣвочкой,

и подругой моей жены, находилась у самаго Моря, въ пустынномъ мѣстѣ, и называлась пѣвучимъ именемъ «Ave Maria». Намъ неоднократно говорили, что купаться противъ нашей виллы нельзя, даже запрещено. Никто однако ни разу не могъ объяснить мнѣ, почему нельзя, и мы купались, впрочемъ никогда не заплывая далеко.

Было грозное утро, когда Океанъ былъ особенно красивъ, съ своими исполинскими всплѣнными волнами. Несмотря на то, что мои домашніе удерживали меня, говоря, что въ такую бурю опасно купаться, я пошелъ, одинъ, на радостное свиданье съ волнами. Подруга моей жены пошла въ тревогѣ смотрѣть на мое купанье. Я далъ слово, что я не заплыву дальше, чѣмъ наше обычное, крайнее мѣсто, гдѣ, послѣ довольно значительной глубины, было сравнительное мелководье. Эта милая Таня П., меня провожавшая! Она шла какъ осужденная, а я весело шутилъ. Она была дорога мнѣ, и я былъ ей дорогъ. Видя ея несчастное встревоженное лицо, я повторилъ, что я не уплыву слишкомъ далеко, и что я умѣю хорошо плавать. Волны ударили меня, но я удачно ихъ разсѣкалъ, и, уплывая, нѣсколько разъ опускался въ воду совсѣмъ, нырялъ, чтобъ попробовать, не доплылъ-ли я до мелководья. Не знаю, какое странное затменіе могло внушить мнѣ и моимъ наивную мысль, что въ этой бурной приливной водѣ я смогу найти мелководье. Весь уровень океанской воды вѣдь передвинулся. Я почувствовалъ, что мнѣ пора возвращаться. Я повернулъ и сталъ плыть къ берегу. Волны возрастали съ непостижимой быстротой, это были уже огромные валы, и они меня захлестывали. Время отъ времени, за высотой пробѣжавшаго вала, меня не видно было съ берега. Провожавшая меня была одна на всемъ пустынномъ побережьи. Въ грохотъ волнъ и свистъ вѣтра я услышалъ пронзительный женскій крикъ. Мнѣ показалось, что все побережье есть одинъ женскій крикъ. Въ то же мгновеніе я почувствовалъ что-то странное. Несмотря на всѣ мои усилія плыть скорѣе, я увидалъ, что медленно и неуклонно линія берега не приближается, а отдалается отъ меня. Я подумалъ, что это ошибка зрѣнія, утомившагося отъ вѣтра и безконечныхъ брызгъ. Нѣтъ, медленно и неуклонно, линія

берега уходила. Тогда я вдругъ вспомнилъ и догадался, почему въ этомъ мѣстѣ опасно было купаться. На извѣстномъ разстояніи отъ берега было боковое теченіе, которое уносило меня теперь въ открытое Море. Я понялъ, что я потерялъ, что жизнь кончилась. Я не испытывалъ ни страха, ни горя. Это была глубокая спокойная грусть, но только грусть. Женскій голосъ, полный отчаянія, доходилъ до меня какъ будто изъ далекой дали черезъ грохотъ Океана. Чувствуя бесполезность усилій, я все-таки плыль, или вѣрнѣе старался плыть. Я смотрѣлъ на уходящую виллу, и въ первый разъ подумалъ съ пронзительной ясностью, что ея названіе «Ave Maria» — слово молитвы. Мнѣ это показалось вѣщимъ и прощальнымъ. Я подумалъ съ сожалѣніемъ, что моя жена, эта стройная черноглазая Катя, сидитъ сейчасъ за столомъ и пьетъ чай. Я не выпью этого чаю. Я вспомнилъ, что въ моей комнатѣ, на ночномъ столикѣ, лежитъ раскрытый, лишь до половины прочитанный, Англійскій томикъ, сказочный романъ Райдера Хаггарда. Я не дочитаю этого романа. Я подумалъ о далекой любимой, о другихъ далекихъ любимыхъ. Я ихъ больше не увижу здѣсь.

Вдругъ, среди гула и грохота, я услышалъ шорохъ, около меня, сзади, неземного свойства огромный шорохъ. Я оглянулся, и сердце мое на секунду остановилось отъ ощущенія жутки и восторга. Какъ разъ надо мной, исполинскій валъ, вспѣнясь, ломался. Его верхушка подъ пѣной была зеленаго сверкающаго цвѣта, и весь онъ походилъ на огромнаго морского змѣя. Это оттого, что онъ ломался, былъ тотъ изумившій меня шорохъ, заставившій меня обернуться. Я мгновенно понялъ, что мнѣ нужно вобрать въ себя столько воздуха, сколько только можетъ помѣститься въ легкихъ. Едва я успѣлъ это сдѣлать, какъ сломившійся валъ ударилъ меня въ затылокъ и въ спину, и, погрузивъ въ глубину, завертѣлъ меня какъ кубарь, и дугообразнымъ взмахомъ выметнулъ меня снова на океанскую поверхность. Я успѣлъ опять вздохнуть, и новый валъ ударилъ меня и дугою выбросилъ къ верхнимъ волнамъ. Ошеломленный, ослѣпленный, я нѣсколько разъ, подъ повторными валами, уже не столько набирая въ себя

воздуха, сколько хлебная соленую воду, завертѣлся кубаремъ, и вдругъ увидаль, что берегъ недалеко. Мнѣ не пришлось долго изображать изъ себя пловца. Еще нѣсколько мгновений, и вспѣнные широкіе валы выбросили меня на побережье. Я едва могъ дойти домой, и нѣсколько дней былъ въ полубреду.

9.

И все-таки смерти нѣтъ. Она есть, но она не то, что о ней думаютъ. Ее не нужно искать, но ея и не нужно бояться. Когда ее зовешь, она не приходитъ. Когда отъ нея бѣжишь, она настигаетъ. Кажется, что за бѣглецомъ образуется вертящійся токъ вѣтра, который ее привлекаетъ. Она приходитъ внезапно. Она всегда приходитъ неожиданно.

Мнѣ очень нравится одно Арабское преданіе. Соломонъ сидѣлъ въ своей царственной пышности на царскомъ своемъ престолѣ. Около него сидѣлъ его любимый приближенный. Вдругъ, среди всей этой пестрой толпы, которая была вокругъ, выдѣлился одинъ человекъ, вида чужеземнаго, съ очень пронзительнымъ взглядомъ. Онъ сталъ приближаться къ престолу, неотступно смотря на приближеннаго. Тотъ встревожился и спросилъ царя Соломона: «Кто этотъ человекъ, который смотритъ на меня?» — «Это не человекъ», со спокойной усмѣшкой сказалъ Соломонъ. «Это Ангель Смерти, и когда онъ приходитъ, онъ всегда приходитъ за кѣмъ-нибудь». — «Молю, молю тебя», въ торопливомъ испугѣ воскликнулъ приближенный. «Почаруй своимъ волшебнымъ перстнемъ, и сдѣлай такъ, чтобъ я очутился въ Индіи». Соломонъ кругообразно повернулъ свой перстень, и приближенный исчезъ, онъ очутился въ Индіи. Когда Ангель Смерти подошелъ къ престолу вплотъ, Соломонъ спросилъ его: «Зачѣмъ ты здѣсь, и почему ты такъ строго смотрѣлъ на моего слугу?» — «Я здѣсь», отвѣчалъ Ангель Смерти, «потому, что, много прослышавъ о твоёмъ великолѣпїи, я хотѣлъ по-пути взглянуть на тебя. А на слугу твоего я смотрѣлъ не строго. Я только дивился, какъ-же это онъ здѣсь. Ибо свыше я получилъ повелѣніе вынуть изъ него душу — въ Индіи».

10.

Не вода, не огонь, не гроза, не пропасть — приближаютъ къ Бѣлой Невѣстѣ, и не оружіе, скованное рукою человѣка. И огонь, и гроза, и вода, и пропасть только сказали мнѣ, что она есть. Но не высота, обѣщавшая срывъ, и не горою идущій грозовой Океанъ, облекшій меня всей своей властью, дали мнѣ почувствовать, что она тутъ рядомъ. Не единственное въ своемъ волшебствѣ явленіе грома и молніи говоритъ мнѣ о ней. Все это только показываетъ свѣжую красоту мірсданія, или, оборотившись враждебнымъ чарованіемъ, являетъ дрогнувшій ликъ міра. Я чувствую Бѣлую Невѣсту, когда одинъ, въ великой безглагольности глубокой ночи, я смотрю на Млечный Путь. Я знаю тогда, что она обворожительна, тихая освободительница, и все мнѣ ясно. Она шепчетъ мнѣ, что она не обманетъ, только она одна. Она увелетъ меня къ новому неиспытанному, и къ свѣжей встрѣчѣ съ тѣми, съ которыми, хоть прѣщался, не успѣлъ проститься, потому что и нельзя простаться съ тѣми, съ кѣмъ связанъ внутренней тайной любви, повинующейся снова привести любимыхъ лицо къ лицу.

Когда всѣ спать, я смотрю на безграничность Млечной Дороги, я смотрю на родныя звѣзды, раскинувшіяся дружными свѣтоносными водоворотами на Сѣверъ и на Югъ и на другія стороны свѣта. Безтѣлесная рука нѣжнымъ освѣженіемъ ложится тогда на мой разгоряченный лобъ, и я слышу явственно, тамъ въ звѣздной тишинѣ моей души: — «Я приду. Я не обману тебя. Но это я говорю тебѣ: Живи».

1921. Августъ. Бретань.

К. Вальмонтъ.

ДЕВЯТОЕ ТЕРМИДОРА.

(Отрывокъ изъ неизданной книги *).

Въ началѣ 1793 года былъ посланъ генераль-лейтенантомъ Зоричемъ изъ его Шкловскаго имѣнія въ Петербургъ съ важной миссіей одинъ очень молодой человѣкъ, по имени Штааль.

Графъ Семень Гавриловичъ Зоричъ, отставной фаворитъ Екатерины, былъ сербъ по происхожденію. Настоящая фамилія его была Неранчичевъ. Усыновленный своимъ дядей, Максимомъ Федоровичемъ Зоричемъ, переселившимся изъ Сербіи въ Россію, онъ въ рядахъ русской арміи храбро сражался въ Семилѣтнюю и въ Турецкую войны. Подъ Рябой Могилой его взяли въ плѣнъ турки, увезли въ Константинополь и тамъ заключили въ Еди-Куле, — учрежденіе, которое у франковъ называлось Ссмибашеннымъ Замкомъ, хотя башень въ этомъ замкѣ не имѣлось, да собственно и замка не было никакого, а была большая, грязная и скверная тюрьма. Много испытаній выпало на долю Зорича въ его бурной молодости, — въ Сербіи, въ походахъ, въ каторжномъ турецкомъ плѣну. Выпущенный на свободу и награжденный, одинъ изъ первыхъ, Георгіевскимъ крестомъ, онъ какъ-то случайно попался на глаза Потемкину, который обратилъ вниманіе на необычайную красоту молодого серба. Въ то время князь Григорій Александровичъ уже не занималъ должности фаворита императрицы. Его замѣстителемъ на этомъ посту былъ Завадовскій. Потемкинъ терпѣть не могъ Завадовскаго; онъ вообще очень не любилъ своихъ преемни-

1) Печатаемая ниже главы, какъ и «Святая Елена, маленький островъ» («Совр. Зап.» № 3 и 4), представляютъ собой часть исторической трилогіи автора: «Четверть вѣка».

ковъ, пытавшихся, по его примѣру, заниматься государственными дѣлами. И при видѣ Зорича у князя — внезапно, какъ всегда, — явилась понравившаяся ему мысль: выдвинуть на первый въ Россійской Имперіи постъ кандидатуру молодого сербскаго офицера. Немедленно было сдѣлано все необходимое, посланы соответствующія инструкціи графинѣ Брюсъ, — и очень скоро Семенъ Гавриловичъ Зоричъ сталъ официальнымъ любовникомъ императрицы Екатерины, въ промежуткѣ между бывшимъ театральнымъ суфлеромъ Завадовскимъ и отставнымъ польскимъ телюромъ Корсакомъ. На него полился дождь отличій. Въ день коронаціи Зоричъ былъ награжденъ чиномъ генералъ-майора и произведенъ въ корнеты кавалергардскаго корпуса; затѣмъ получилъ украшенную брилліантами звѣзду, эксельбанты, саблю, плюмажъ, запонки и пряжку; потомъ мальтійскій орденъ св. Іоанна, огромный домъ вблизи Зимняго Дворца, Сесвегенскую мызу послѣдниковъ Бутурлина, триста тысячъ наличными деньгами, великолѣпное Шкловское имѣніе съ 16-ю тысячами душъ, принадлежавшее князьямъ Чарторыйскимъ, и Велижское староство Витебской провинціи Полоцкой губерніи. Кромѣ того онъ былъ назначенъ президентомъ Вольно-Экономическаго Общества. Не оставили безъ вниманія заслугъ Семена Гавриловича и иностранные монархи: польскій король наградилъ его Бѣлымъ Орломъ, а шведскій — орденомъ Меча.

Мелость Зорича продолжалась однако не болѣе года. Забѣтивъ охлажденіе императрицы, онъ пришелъ въ ужасъ и отчаяніе, приписавъ все интригамъ Потемкина, вызвалъ было даже послѣдняго на дуэль, но въ концѣ концовъ смирился, оставилъ опостылѣвшее Сарское Село и Петербургъ, и отбылъ на постоянное жительство въ свое Шкловское имѣніе. Первое время — впрочемъ, весьма недолго — онъ былъ чрезвычайно разстроены крушеніемъ своей государственной карьеры. Постъ, который онъ занималъ, очень ему нравился. Кромѣ того онъ находилъ, что при оставленіи его нѣсколько обидѣли. Правда, полученные имъ алмазная табакерка квадратикомъ и особенно поясъ въ фунтъ золота, съ 1875 брилліантами и 239 смарагдами, были хороши. Но пожалованное Семену Гавриловичу графское достоинство отнюдь его не удо-

влетворяло. Онъ знаетъ, что родовая русская знать проинически относится къ смѣшному нѣмецкому титулу графа, совершенно неизвѣстному въ старину на Руси, и въ свое время очень посмѣивалась надъ Борисомъ Шереметевымъ, который, происходя отъ Андрея Кобылы, не уступая въ знатности старѣйшимъ княжескимъ родамъ, тѣмъ не менѣе первый согласился испортить свое древнее имя этою Петровскою кличкою, еще вдобавокъ всякій разъ подлежащей утвержденію германскаго императора.

Денегъ и имущества Зоричъ получалъ также гораздо меньше, чѣмъ Орловы или Потемкины. Но это обстоятельство не такъ огорчало Семена Гавриловича. Онъ не былъ корыстолюбивъ и совершенно не зналъ цѣны деньгамъ. Безмѣрно щедрый и расточительный, онъ при всемъ своемъ богатствѣ почти всегда нуждался и имѣлъ множество долговъ.

Графъ Зоричъ, умомъ вообще довольно плохо постигавшій разницу между добромъ и зломъ, былъ по природѣ своей чрезвычайно добрый человекъ. Онъ очень любилъ Россію — той особенной любовью, какою ее любятъ нѣкоторые изъ русскихъ инородцевъ. Преуслѣвъ на поприщѣ государственной службы и добившись высокихъ степеней, онъ чувствовалъ потребность засвидѣтельствовать свою благодарность новой родинѣ. А такъ какъ Зоричъ любилъ молодежь и кромѣ того сильно скучалъ въ Шеловѣ, то въ одно радостное лѣтнее утро онъ принялъ рѣшеніе — не останавливаясь ни передъ какими затратами, основать въ своемъ помѣстьи образцовое учебное заведеніе для дѣтей бѣдныхъ дворянъ и служилыхъ людей. Такое училище (изъ него впоследствии вышелъ московскій кадетскій корпусъ) дѣйствительно было имъ открыто въ 1778 году, 24 ноября, въ день именина государыни. Обставилъ его Зоричъ съ роскошью необычайной. Имѣлись при училищѣ и манежъ, и большой зоологическій музей, библиотека, купленная у Самойлова за баснословно высокую цѣну — восемь тысячъ рублей, и даже картинная галлерей, съ произведеніями Рубенса, Теньера, Веронеза. Главнымъ своимъ помощникомъ по управленію училищемъ Зоричъ пригласилъ француза Тимофея Альфонса Гальена де-Сальморона; преподаватели тоже были больше иностранцы. Училище скоро приобрѣло

немалую славу. Въ ту пору, когда у Зорича были деньги, онъ ничего не жалѣлъ для своихъ питомцевъ. Если-же Семень Гавриловичъ проигрывался въ карты, то воспитанники сидѣли безъ сластей и карманныхъ денегъ, а воспитатели безъ жалованья. Но ни тѣ, ни другіе на графа не сердились. Этотъ безпутный челоувѣкъ былъ такъ красивъ собой и такъ обезоруживающе добръ, что ему вообще прощались всѣ грѣхи. Впрочемъ, обстоятельства его карьеры по тѣмъ временамъ чрезмѣрнаго осужденія и не вызывали.

Особенно пышно отпраздновалъ Семень Гавриловичъ выпускъ 1792 года. Къ тому времени было почти отстроено и раскинулось овальнымъ полукругомъ, въ 60 сажень длины, на правомъ возвышенномъ берегу Дибпра новое трехэтажное каменное зданіе училища. Нота-Ноткинъ, министръ финансовъ Зорича, раздобылъ для графа большую сумму денегъ, и воспитанникамъ была спита новая, парадная обмундировка. На огромномъ школьномъ дворѣ, гдѣ по средамъ и субботамъ производилась военная экзерсиція, выстроились всѣ четыре эскадрона училища: кирасиры въ палевыхъ колетахъ, гусары въ свѣтло-голубыхъ мундирахъ, гренадеры въ темно-синихъ и егеря въ свѣтло-зеленыхъ курткахъ. Красиво развѣвались знамена съ рисованными по атласу значками шлеовскаго графства; а въ моментъ появленія на фронтѣ Зорича былъ даже троекратно произведенъ залпъ изъ четырехъ двухфунтовыхъ единороговъ. Многочисленные гости, съѣхавшіеся на праздникъ со всей округи, были въ восхищеніи. Больше всѣхъ сіялъ самъ Семень Гавриловичъ Зоричъ.

Въ числѣ воспитанниковъ выпуска 1792 г. былъ одинъ, котораго графъ особенно любилъ и на котораго возлагалъ большія надежды. Звали этого молодого челоувѣка Штааль. Происхожденія онъ былъ не русскаго, темнаго, какъ самъ Зоричъ, и подобно послѣднему, отличался рѣдкой красотой.

Графъ Семень Гавриловичъ очень желалъ устроить своему любимому питомцу самое блестящее будущее. Какъ-то разъ ему пришелъ въ голову странный проектъ. Раздумывая надъ вопросомъ о наиболѣе счастливой участи, могущей выпасть на долю Штааля, онъ естественно сдѣлалъ выводъ, который подска-

ывался всёми опытомъ его собственной жизни: самая счастливая и блестящая судьба ждала бы молодого человѣка въ томъ случаѣ, если бы ему удалось стать любовникомъ императрицы Екатерины.

Мыслей вообще у графа Зорича было не такъ много, и они ими повтому особенно дорожилъ: его долгъ, его обязанность съ той поры представлялись ему совершенно ясными: они заключались въ томъ, чтобы оказать Штаалу услугу, которую когда-то Потемкинъ оказалъ ему самому. Къ тому же онъ, Зоричъ, могъ бы въ случаѣ успѣха сдѣлаться хозяиномъ судебъ Россійской имперіи— въ качествѣ наставника и руководителя фаворита Государыни— и уязъ тогда навѣрное получилъ бы княжескій титулъ.

Въ подобномъ планѣ не было ничего невозможнаго. Семей Гавриловичъ имѣлъ на своемъ вѣку нѣсколько сотъ любовницъ— отъ русской императрицы до сербскихъ и Шкловскихъ бабъ,—а потому былъ убѣжденъ, что хорошо знаетъ женскую натуру. Екатерину же онъ зналъ особенно хорошо. Ему было ясно, что для старой государыни прошло время гигантовъ-атлетовъ, какъ Орловы и Потемкинъ, или скульптурно-красивыхъ людей, какъ онъ самъ либо Корсаковъ. Наставала пора мальчишекъ. Ланскому было въ день его смерти 26 лѣтъ; Платону Зубову при вступленіи въ должность шель 22-ой годъ; брату Платона Валеріану едва минуло 18. Юный Штааль въ этомъ отношеніи подходилъ какъ нельзя лучше. Его темное происхожденіе не могло служить препятствіемъ къ осуществленію проекта. Зоричъ зналъ, что Екатерина, подобно большинству русскихъ монарховъ и Романовской, и еще болѣе Гольштейнъ-Готторпской династіи, побаивается родовой русской знати, хотя нѣсколько передъ ней заискиваетъ. Изъ всѣхъ безчисленныхъ фаворитовъ императрицы только Васильчиковъ могъ считаться Рюриковичемъ, да еще Мамоновъ былъ человѣкомъ хорошаго русскаго рода. Хуже было то, что Штааль носилъ иностранное имя. Екатерина II, какъ нѣмка, на виднѣйшія государственныя должности старалась выдвигать коренныхъ русскихъ. Но и здѣсь имѣлись утѣшительные прецеденты: Понятовскій и Корсакъ были поляки; самъ онъ, Зоричъ, родился въ Сербіи; а одно время въ качествѣ серьезнаго кандидата на постъ фаворита назы-

валя пѣмца Мантейфеля, который будто бы самъ уклонился: «была бы честь предложена», — изумленно говорили объ этомъ случаѣ въ Эрмитажѣ.

Зоричъ, благодаря своимъ петербургскимъ и саркосельскимъ связямъ, былъ въ курсѣ всѣхъ придворныхъ дѣлъ и интригъ. По старому знакомству, почтъ-директоръ И. Б. Пестель доставлялъ ему даже копии наиболѣе занимательныхъ писемъ, перлюстрированныхъ въ черномъ кабинетѣ. Эти копии, присылавшіяся на листахъ сѣровой золотообрѣзной бумаги съ водянымъ знакомъ, изображавшимъ льва, рыцаря и девизъ *pro patria*, были очень полезны Зоричу. Общая картина придворныхъ отношеній оказывалась довольно благопріятной: нѣкоторыя вліятельныя лица, находившіяся въ дурныхъ отношеніяхъ съ Зубовымъ, очень охотно поддерживали-бы всякую кандидатуру, идущую на смѣну надменному мальчишкѣ. Семенъ Гавриловичъ послалъ съ вѣрной оказіей нѣсколько запросовъ свѣдущимъ людямъ въ Петербургъ. Отвѣты были тоже благопріятны. Друзья предупреждали однако Зорича, что предварительный экзаменъ на должность становится въ Эрмитажѣ все труднѣе. Ни для кого не было тайной, отъ какой болѣзни умеръ 26 лѣтъ отроду графъ Ланской; по крайней мѣрѣ докторъ Вейкардъ, изготовлявшій для него разные напитки, охотно сообщалъ объ этомъ всевозможныя подробности. Экзаменъ, о которомъ друзья писали Зоричу, сдавался теперь уже не у графини Брюсъ, а у госпожи Протасовой. Ея постъ былъ хорошо извѣстенъ всѣмъ придворнымъ, но названія для него никто никогда не могъ придумать. (Самъ Байронъ впоследствии, въ знаменитой строфѣ «Донъ-Жуана», не рѣшившись назвать должность госпожи Протасовой на грубомъ англійскомъ языкѣ, воспользовался французскимъ словомъ «*érouveuse*»). Въ общемъ друзья совѣтовали попытать счастье, намѣчали Зоричу планъ и обѣщали съ своей стороны всяческое содѣйствіе. Получивъ эти свѣдѣнія, графъ Семенъ Гавриловичъ твердо рѣшилъ съ наступленіемъ зимы послать Штаалъ въ Петербургъ.

II.

Нелегко разобрать путаницу въ головѣ и въ душѣ молодого человѣка восемнадцати лѣтъ, особенно если этотъ молодой чел-

вѣкъ уменъ, гордѣ, самолюбія и не находить удовлетворенія гордости и самолюбію въ той обстановкѣ, которая обыкновенно окружаетъ молодыхъ людей, выходящихъ изъ дѣтскаго возраста. Свобода близка, но ея еще нѣтъ — и близость свободы лишь пылнить и туманить душу. Выборъ будущаго еще не сдѣланъ, а сдѣлать его надо — и не когда-нибудь, а сейчасъ, и не на срокъ, а навсегда.

Въ эти счастливые и мучительные годы ясно лишь очень немногое. Вполнѣ ясно то, что жизнь текущаго дня не есть настоящая жизнь: она *такъ*, она временна, она скоро пройдетъ. Настоящая, новая, совсѣмъ не такая какъ теперь, не будничная, а необыкновенная и прекрасная или, хотя несчастная, но трагическая жизнь — вся впереди. Невѣстно только, придетъ ли она сама собой или нужно что то дѣлать для ея приближенія; и если нужно, то что же именно?... Эта блаженная вѣра въ какую-то новую, другую жизнь, заполняющая всю душу очень молодыхъ людей и со всѣмъ ихъ мирящая, держится, понемногу уменьшаясь, довольно долго. У большинства она исчезаетъ къ концу третьяго десятка. Но есть счастливые люди, доживающіе съ такою вѣрой до старости и сходящіе съ ней въ могилу.

Подавляемый величіемъ роли, которая несомнѣнно должна выпасть на его долю въ жизни, и вмѣстѣ съ тѣмъ смущенный крайней неуверенностью насчетъ того, какова собственно будетъ эта роль, преисполненный сознанія своей отвѣтственности за собственное будущее, молодой Юлія Штааль кончалъ курсъ въ училищѣ графа Зорича.

Его свобода была не за горами. И съ ней конечно должны были открыться безконечныя возможности необыкновенной жизни: онъ, Штааль, не могъ быть такимъ какъ всѣ, ибо быть такимъ какъ всѣ — пошло и ужасно. Въ военномъ училищѣ однако очень трудно проявлять индивидуальность, да еще индивидуальность необычайную. Кое-кто изъ товарищей Штаала вывѣлялъ свою личность въ кутежахъ. Но это была проторенная дорожка. Вдобавокъ и начальство не баловало за кутежи, и денегъ для нихъ у Штаала не было. А главное — ужъ очень эти шкловскіе кутежи были непохожи на то, что рассказывалось во французскихъ книгахъ о по-

хожденіяхъ герцога Лозена или герцога Ларошфуко. И мѣстныя дамы, которыя иногда, по воскресеньямъ, въ величайшемъ секретѣ отъ надзирателей, привлекались къ участию въ курежахъ, тоже мало походили на Нинонь де Ланкло и на Діану де Пуатье.

Временно, въ ожиданіи лучшаго, Юлій Штааль избралъ для себя стиль кабинетной науки и проводилъ почти все свободное время въ школьной библіотекѣ, въ которой имѣлось 178 русскихъ, 743 французскихъ и 70 нѣмецкихъ томовъ всевозможнаго содержанія. Ко времени выпуска своего изъ училища, онъ прочелъ большую часть этихъ книгъ, вслѣдствіе чего туманъ въ его головѣ сдѣлался почти безпроезжимъ.

Мосье Дюкро, учитель-французъ, очень благосклонно относившійся къ Штаалу, разъяснилъ ему секретъ подлиннаго знанія. Истина, вся истина, такимъ огромнымъ трудомъ пріобрѣтенная, политая кровью благороднѣйшихъ людей міра, горѣвшая на кострѣ съ Джордано Бруно, подвергавшаяся пытке съ Галилеемъ, стала, наконецъ, достояніемъ мыслящаго человѣчества, несмотря на происки тирановъ, глупцовъ и монаховъ. Мосье Дюкро благоговѣйно снялъ съ полки библіотеки огромную толстую книгу въ красномъ сафьяновомъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ и обрѣзомъ. У книги этой, въ которой содержалась истина, было очень длинное заглавіе. Она называлась «Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers, par une Société de gens de lettres. Mis en ordre et publié par M. Diderot de l'Académie Royale des sciences et des Belles-Lettres de Prusse; et quant à la Partie Mathématique par M. D'Alembert, de l'Académie Royale de sciences de Paris, de celle de Prusse, et de la Société Royale de Londres». Издана была книга въ Парижѣ, въ 1751 году, у Бриассона, Давида-старшаго, Ле-Бретона и Дюрана, «avec approbation et privilège du Roy» — мосье Дюкро многозначительно улыбнулся, читая послѣднія слова. На первой страницѣ книги красовалась виньетка, изображавшая какого то ангела, обвѣяннаго клубами дыма и шагающаго босыми ногами по глобусамъ, картамъ, книгамъ, оружію и чему то еще. Имѣлся и эпиграфъ изъ Горация: *Tantum series juncturaque pollet, tantum de medio sumptis accedit honoris.*

Штаалу было очень совѣстно, что, плохо зная по латини, онъ не разобралъ смысла этого эпиграфа.

Мосье Дюэро объяснилъ своему ученику, что въ «Энциклопедіи», считая съ дополненіями 1777 г., есть почти три десятка такъ толстыхъ книгъ. Зато стоитъ изучить ихъ какъ слѣдуетъ, — и тогда разъ навсегда освобождаешься отъ всѣхъ предрассудковъ, порожденныхъ вѣковыми невѣжествомъ и чернымъ фанатизмомъ.

Штааль съ благоговѣніемъ прочелъ длинное предисловіе Даламбера. Онъ многого не понималъ, но мосье Дюэро помогалъ ему разъясненіями, а одинокъ отрывокъ прочелъ даже самъ вслухъ, съ чувствомъ и чрезвычайно выразительно: «*Car tout a des révolutions réglées, et l'obscurité se terminera par un nouveau siècle de lumière. Nous serons plus frappés du grand jour, après avoir été quelques temps dans les ténébrès. Elles seront comme une espèce d'anarchie très funeste par elle même, mais quelquefois utile par ses suites.*» По интонаціямъ мосье Дюэро Штааль понялъ, что въ этомъ отрывкѣ заключается сокровенный смыслъ Энциклопедіи. Онъ попробовалъ читать и дальше предисловія: прочелъ длинную статью о буквѣ А, затѣмъ объ Аа, *s. f.*, rivière de France, Ab, *s. m.*, onzième mois de l'année civile des Hébreux — и нѣсколько остылъ, — не почувствовалъ освобождающаго вліянія великой книги: ни съ буквой А, ни съ Аа, *s. f.*, ни съ Ab, *s. m.* у него не связывалось предрассудковъ, порожденныхъ невѣжествомъ и фанатизмомъ. Штааль со вздохомъ отложилъ въ сторону томы «Энциклопедіи», придя къ выводу, что трудно научиться мудрости изъ словаря, хотя бы самаго замѣчательнаго, и принялся читать книги безъ руководства и безъ разбора. Прочелъ «*Système de la Nature*», заглянулъ въ «*Dictionnaire Philosophique*», одолѣлъ «*L'homme machine.*» Одновременно прочелъ также и «*Natargesetzmaessige Untersuchung des Physischen Nichts*» нѣкоего Георга фонъ-Лангенгейма, и рядъ изданій московской типографической кампаніи, и «Древнюю Россійскую Вивлиоіку, и «Скисскую исторію изъ разныхъ иностранныхъ исторіковъ, паче же изъ Россійскихъ вѣрныхъ исторій и повѣстей», и «Ноци», Юнга, и даже старыя номера издававшагося Новиковымъ «Повоиздагося

трудолюбца». Попадались ему въ библіотекѣ и книги другого содержанія. Проглотилъ онъ однимъ духомъ только что получившій мировое распространеніе романъ Бернарденъ де Сенъ-Пьера—и былъ немного влюбленъ въ Виргинію и чуть-чуть ревновалъ ее къ Павлу. А затѣмъ ему попало въ руки «Модной ежемѣсячное сочиненіе или библіотека для дамскаго туалета, съ гравюрами: «А ля белль пюль», «Раскрытія прелести», «Расцвѣтающая пріятность» и «Прелестная простота». Прочелъ Штааль и «Исповѣдь» Руссо, но въ ней онъ многого не понялъ, а изъ того, что онъ понималъ, кое-что показалось ему противнымъ, — и онъ не могъ постигнуть, какимъ образомъ этотъ порочный чело́вѣкъ почитался міромъ въ качествѣ мудреца и учителя добродѣтеля. Путаница въ головѣ молодого чело́вѣка становилась все гуще. Но онъ не терялъ надежды найти нѣсколько повдѣе такую *собственную* философскую точку зрѣнія, которая примиритъ Новикова съ Вольтеромъ и «Naturgesetzmässige Untersuchung» съ «Système de la Nature».

Самое сильное впечатлѣніе произвело на него одно сочиненіе неизвѣстнаго автора, только что присланное въ библіотеку училища книжной лавкой Зото́на и называвшееся «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву». Штааль съ волненіемъ читалъ вслухъ отрывокъ, который начинался словами: «Я взглянулъ окрестъ меня — душа моя страданіями чело́вѣческими узвлена стала»...

Эта книга дала направленіе его мыслямъ. Еще до ея выхода въ свѣтъ въ училищѣ стало извѣстно, что во Франціи происходятъ великія событія. Первые слухи о французской революціи были встрѣчены въ Шкловѣ восторженно и воспитанниками, и учителями, и даже самимъ Семеномъ Гавриловичемъ Зоричемъ, которому тоже почему-то очень понравилось, что французскіе депутаты о чемъ-то присягали въ Jeu de Paume — и какъ-то тамъ при этомъ, кажется, играла музыка и вообще все, какъ всегда въ Версалѣ, было очень весело и благородно. Но вскорѣ спустя было получено извѣстіе о взятіи Бастиліи; въ правительственной газетѣ появилась объ этомъ событіи громовая статья, авторство которой приписывали самой императрицѣ. Революціонный пылъ Зорича утихъ; онъ даже запретилъ давать воспитанникамъ иностранныя газеты. Но они тѣмъ не менѣе узнавали кое-что о происхо-

дившемъ во Франціи отъ учителей. Мосье Дюкро становился все мрачнѣе и сосредоточеннѣе: былъ сухъ съ Зоричемъ, холодно кланялся начальству, разъ даже вовсе не поклонился мѣстному полицеймейстеру, и все грозилъ, что скоро уѣдетъ *совсѣмъ* во Францію. Отъ него Штааль узналъ имена и краткія характеристики главныхъ революціонныхъ героевъ; по примѣру мосье Дюкро, онъ послѣдовательно увлекался Лафайетомъ, Балли, Мирабо. Однажды, въ минуту откровенности, заговоривъ съ Штаалемъ наединѣ объ императрицѣ Екатеринѣ, мосье Дюкро потрясъ кулаками въ воздухъ и произнесъ нѣсколько словъ, которыя восемнадцатилѣтній Штааль не совсѣмъ понималъ, хотя хорошо владѣлъ французскимъ языкомъ. Онъ попросилъ объясненій, но мосье Дюкро поспѣшно замолчалъ, оглянулся на дверь и перевелъ разговоръ на другой предметъ. Штааль понималъ только, что мосье Дюкро не любитъ императрицу. Это очень его огорчило, ибо самъ онъ, какъ всѣ его сверстники, боготворилъ заочно Екатерину II и едва-ли не былъ влюбленъ въ ея портретъ, висѣвшій въ кабинетѣ графа Семена Гавриловича. Въ другой разъ, тоже въ минуту откровенности, мосье Дюкро сказалъ, что его положеніе въ Россіи становится очень тяжелымъ, ибо между Франціей и Европой можетъ ежеминутно вспыхнуть война, какъ этого домогаются проклятые кобленцкіе эмигранты. Онъ объяснилъ Штаалу, что во Франціи образовалась большая партія бриссотинцевъ или, какъ ихъ еще называютъ, жирондистовъ, которая хочетъ объявить войну всѣмъ тиранамъ. Во главѣ этой партіи стоитъ Верньо, величайшій ораторъ въ мірѣ послѣ смерти Мирабо и совершенно изумительный человѣкъ. При этомъ глаза у мосье Дюкро заблистали и голосъ его задрожалъ. Штааль сразу почувствовалъ горячую любовь къ бриссотинцамъ и особенно къ Верньо; но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ нѣсколько смущенъ. Неужели-же великая просвѣщенная Екатерина, другъ и покровительница Вольтера и Дидро, тоже принадлежитъ къ числу тирановъ? И если между Франціей и Россіей вспыхнетъ война, то какъ-же тогда быть, — что дѣлать ему, Штаалу, и кому желать побѣды? Воевать съ тиранами противъ страны философовъ, революціи и мосье Дюкро было очевидно невозможно. Но, какъ русскій патріотъ и вѣрнопопдаанный великой Екатерины,

юный Штааль естественно считалъ себя обязаннымъ — въ первый-же день по объявленіи войны выпросить у Зорича разрѣшеніе записаться въ волонтеры. Къ тому-же можно было думать (прियाвъ во вниманіе преклонный возрастъ и дряхлость Задунайскаго), что въ случаѣ объявленія войны самъ Суворовъ станетъ во главѣ русской арміи; а Штааль естественно боготворилъ Суворова.

Москье Джиро привелъ въ исполненіе свою угрозу и въ 1792 г., тайно покинувъ училище, уѣхалъ къ себѣ на мятежную родину. Послѣ его отъѣзда Штаалю стало особенно тоскливо. Училище ему надобно смертельно. Въ свои восемнадцать лѣтъ онъ еще ничего не сдѣлалъ замѣчательнаго и очень боялся опоздать. Правда, Зоричъ обѣщалъ послать его немедленно послѣ выпуска на службу въ Петербургъ и при этомъ неопредѣленно говорилъ, что ему, Штаалю, съ его умомъ и молодостью, стыдно было-бы не сдѣлать блестящей карьеры. Штааль очень хотѣлъ сдѣлать блестящую карьеру — и всей душой жаждалъ окончанія курса.

Какъ-то разъ, передъ самымъ выпускомъ, онъ вечеромъ зашелъ въ бібліотеку и по привычкѣ, почти машинально, взялъ съ полки первое, что попалось подъ руку. Это была крошечная книжка, написанная нѣкимъ Байе: «*La vie de M. Des-Cartes contenant l'histoire de sa philosophie et de ses autres ouvrages. Et aussi ce qui luy est arrivé de plus remarquable pendant le cours de sa vie. A Paris, chez la veuve Mabre Cramoysi, 1693, avec privilège du Roy*». Штааль почти ничего не зналъ о Декартѣ, кромѣ похвалъ, расточенныхъ ему въ предисловіи Даламбера къ «Энциклопедіи». Зналъ впрочемъ, что Декартъ — великій философъ, который сказалъ «*cogito ergo sum*», и что фраза эта знаменита своимъ глубокомысліемъ на весь міръ (Штааль не совсемъ понималъ — почему)... Онъ съ зѣвномъ принялся читать — и прочелъ книжку однимъ духомъ: такой волшебной, и вмѣстѣ близкой, и безконечно важной для него самого показалась ему біографія философа Декарта:

Наука, тоска, свѣтъ, кутежи, игра, войны, путешествія, приключенія, розенкрейцеры. — и затѣмъ снова наука, гениальныя

открытія, глубокія вдохновенныя мысли... Такъ вотъ что такое жизнь, вотъ что такое мудрость!

Штаалъ взволнованно отыскалъ въ библиотекѣ сочиненія самаго Декарта. Онъ открылъ « Discours de la méthode » и черезъ минуту былъ во власти чаръ этой единственной въ мірѣ книги. А на томъ мѣстѣ разсказа, гдѣ старый мудрецъ описываетъ свой выходъ изъ школы и погруженіе «въ великую книгу міра», слезы волненія и счастья брызнули изъ глазъ восемнадцатилѣтняго Штаала:

« C'est pourquoi sitost que l'age me permit de sortir de la sujétion de mes Précepteurs, je quittay entièrement l'estude des lettres. Et me resolvant de ne chercher plus d'autre science, que celle qui se pourroit trouver en moy mesme, ou bien dans le grand livre du monde, j'employay le reste de ma jeunesse à voyager, à voir des cours, et des armées, à fréquenter des gens de diverses humeurs et conditions, à recueillir diverses expériences, à m'esprouver moymesme dans les rencontrés que la fortune me proposoit, et partout à faire telle reflexion sur les choses qui se présentoient que j'en pusse tirer quelque profit... Et j'avois toujours un extreme désir d'apprendre à distinguer le vray d'avec le faux, pour voir clair en mes actions, et marcher avec assurance dans cette vie. »

Эти слова открыли Штаалу значеніе его собственной жизни, указавъ ему новый путь. Онъ твердо рѣшилъ послѣдовать по стопамъ Декарта: нужно сначала увидѣть міръ и людей, испытать *все*, пройти черезъ *все*, — а потомъ *смыслъ* придетъ самъ собою...

Въ январѣ 1793 года, блестяще окончивъ училище, онъ отправился въ Петербургъ, щедро снабженный Зоричемъ деньгами и рекомендательными письмами. Графъ Семенъ Гавриловичъ не далъ Штаалу точныхъ указаній относительно предстоящей ему карьеры. Онъ говорилъ неопредѣленно о блескѣ петербургскаго двора, о величій матушки-императрицы, объ ея славѣ и красотѣ — и все попрежнему подчеркивалъ, что ждетъ отъ своего юнаго питомца сказочныхъ успѣховъ, на которые даютъ несомнѣнныя права его умъ, способности и разныя другія достоинства.

ГЛАВА III.

Почти полвѣка прошло съ той поры, какъ Фридрихъ II, желая насолить саксонскому двору, который разсчитывалъ выдать свою принцессу Марію-Анну за наследника русскаго престола, Петра-Карла-Ульриха Гольштейнскаго, внезапно ставшаго великимъ княземъ Петромъ Федоровичемъ, принялся съѣздно подыскивать для великаго князя другую невѣсту. Были у прусскаго короля для этой цѣли на примѣтѣ три нѣмецкія принцессы: двѣ гессенъ-дармштадтскія и одна цербстская. Последняя наиболѣе подходила по возрасту, но ужь очень непріятной представлялась эта побочная цербсть-дорибургская линія одной изъ восьми вѣтвей анталтскаго дома, нищая и захудалая даже среди нищихъ и захудалыхъ нѣмецкихъ князьковъ. О самой пятнадцати-лѣтней невѣстѣ Фридрихъ ничего не зналъ. Говорили только, что мать ея, Юганна-Елизавета, вела очень легкомысленный образъ жизни и что врядъ-ли маленькая Фике дѣйствительно дочь цербстскаго князя Христіана-Августа, занимавшаго должность губернатора въ Штетинѣ.

Послѣ непродолжительныхъ колебаній, выборъ русскаго двора остановился именно на принцессѣ Фике. Императрица Елизавета, дочь Петра Великаго, въ память своей умершей сестры Анны, вышедшей замужъ за герцога Гольштейнскаго, избрала для племянника невѣстой цербстскую принцессу, бывшую въ родствѣ съ гольштейнскимъ домомъ. Но еще задолго до окончательнаго рѣшенія, зимою 1742 года, въ крошечный Цербсть неожиданно пришла слѣдующая грамота:

«Свѣтлѣйшая княгиня, дружелюбно-любезная племянница,

Вашей любви писаніе отъ 27 минушаго декабря и содержанія въ ономъ доброжелательныя поздравленія мнѣ не иначе, какъ пріятны быть могутъ. Понезке ваша любовь портретъ мой въ Бозѣ усопшей государыни сестры герцогини Гольштейнской, которой портретъ бывшій здѣсь въ прежнія времена королевской Пруссіи министръ баронъ Мардефельдъ писалъ, у себя имѣете; того ради мнѣ особливая угодность показана будетъ, ежели Ваша любовь мнѣ оной, яко иного хорошаго такого портрета здѣсь не

находится, уступить и ко мнѣ прислать изволите; я сію удобность во всякихъ случаяхъ взаимодействовать сходна буду.

Вашей любви дружески охотная

«Елисаветъ».

Фике, будущая императрица Екатерина II, живо помнила, какъ собралась въ гостиную ихъ квартиры вся семья и ближайшіе друзья дома: баронесса фонъ-Принцель, пасторъ Дове, der dumme Вагнеръ и другіе; какъ переводчикъ, долго ломая голову надъ каждою фразой, взволнованно-радостно переводилъ письмо русской царицы; какъ все жадно ловили его слова, переспрашивая по десяти разъ и требуя ежеминутно поясненій смысла, которыхъ онъ очевидно дать не могъ. Сама четырнадцатилѣтняя Фике не совсѣмъ понимала причину общаго радостнаго возбужденія, хотя и видѣла, что письмо имѣетъ какое-то очень важное отношеніе именно къ ней. Когда-же всѣ фразы письма были разобраны и наскоро прокомментированы (ихъ потомъ комментировали ежедневно въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ), испанская Юганна-Елисавета бросилась дочери на шею и, закативъ глаза, взволнованно зашептала:

— Фикхень! Молись Богу!

Фикхень была этимъ очень довольна: мать вообще не баловала ее ласками и нещадно колотила за каждую провинность.

Портретъ Анны Петровны былъ, разумѣется, немедленно отправленъ царицѣ. Вскорѣ послѣ того оицель Августъ повезъ въ Петербургъ и портретъ самой Фике, очень скверно написанный живописцемъ Антуаномъ Пэномъ. А еще нѣсколько позже пришло отъ ихъ друга Брюммера, воспитателя великаго князя, другое письмо — уже на нѣмецкомъ языкѣ, — приглашавшее, отъ имени царицы, Юганну-Елисавету съ дочерью прибыть немедленно въ Россію.

«Ваша Свѣтлость, — писалъ многозначительно Брюммеръ, — слишкомъ просвѣщенны, чтобы не понять истиннаго смысла того нетерпѣнія, съ которымъ Ея Императорское Величество желаетъ скорѣе увидѣть здѣсь Васъ, равно какъ и принцессу Вашу дочь, о которой молва сообщила намъ такъ много хорошаго. Бываютъ случаи, когда гласъ народа есть именно гласъ Божій.

«Въ то же время, наша несравненная монархиня мнѣ указала предварить Вашу Свѣтлость, чтобы принцъ сунругъ Вашъ не прѣвѣжалъ вмѣстѣ съ Вами; Ея Императорское Величество имѣетъ весьма уважительныя причины желать этого. Полагаю, Вашей Свѣтлости достаточно одного слова, чтобы воля нашей божественной государыни была исполнена.

«Чтобы Ваша Свѣтлость не были ничѣмъ затруднены, чтобы Вы могли сдѣлать нѣсколько платьевъ для себя и для принцессы Вашей дочери и могли, не теряя времени, предпринять путешествіе, имѣю честь приложить къ настоящему письму рексель, по которому Вы получите деньги немедленно по предъявленіи... Осмѣливаюсь ручаться Вашей Свѣтлости, что по благополучномъ прибытіи сюда Вы не будете уже нуждаться ни въ чемъ. Ваша Свѣтлость найдеть здѣсь покровительницу, которая позаботится обо всемъ, что Вамъ необходимо, чтобы достойнымъ образомъ появиться въ обществѣ. Приняты такія мѣры, что Ваша Свѣтлость останетесь вполне довольны».

Въ тотъ же день было получено въ Цербстѣ и письмо отъ Фридриха II. Прусскій король, сообщая съ своей стороны радостное извѣстіе, настоячиво совѣтовалъ ѣхать и держать поѣздку въ строгомъ секретѣ (чтобы, Боже упаси, не узнали раньше времени саксонцы и графъ Чернышевъ).

Но торопить Юганну-Елизавету не требовалось. Черезъ нѣсколько дней вся цербстская семья примчалась въ Берлинъ. Фридрихъ былъ очень ласковъ, потрениалъ Фикхенъ по щеглѣ, радостно представляя себѣ, какъ будутъ разстроены этимъ бракомъ саксонцы и графъ Бестужевъ-Рюминъ, — и благословилъ принцессу въ долгій путь.

Затѣмъ Фике навсегда простилась съ отцомъ, отъ котораго получила при этомъ случаѣ пространное письменное напутствіе. На языкѣ, считавшемся въ ту пору нѣмецкимъ, авгальтъ-цербстскій принцъ рекомендовалъ дочери: «Nicht in familiarité oder badinage zu entriren, sondern allezeit einigen égard sich moeglichts conserviren... In keine Regierungssachen zu entriren um den Senat nicht aigriren»... Совѣтовалъ также беречь деньги, провѣрять счета прислуги и ни

лъ коемъ случаѣ не играть въ карты. Читая отцовское наставленіе, Фикхентъ плакала горькими слезами. Затѣмъ она вышла къ матери въ Россію, останавливаясь для ночевки на постоялыхъ дворахъ, «so einem honetten Schweinestalle nicht sehr unaehnlich».

По дорогѣ Юганна-Елизавета занимала Фике разсказами о Россіи. Но она сама почти ничего не знала объ этой странѣ, кромѣ разныхъ анекдотовъ о великомъ Петерѣ. Императоръ Петръ I любилъ нѣмцевъ и нѣмцы тоже его любили. По Германіи ходили всякіе разсказы о московскомъ царѣ, который былъ на двѣ головы выше средняго человѣческаго роста, работалъ и пилъ вдвое больше, чѣмъ обыкновенные люди, и въ одинъ присѣсть съѣдалъ цѣлаго гуся. При этомъ воображеніе нѣмцевъ поражалъ не столько аппетитъ русскаго монарха — по аппетиту многіе изъ нихъ ему бы никакъ не уступили, — сколько то обстоятельство, что одинъ человекъ, хотя-бы и кайзеръ, позволялъ себѣ потреблять сразу такое количество дорогого гэнзебрата. Нѣсколько шокировали нѣмцевъ демократическія привычки московскаго царя. Онъ бражничалъ съ моряками, легко перепивалъ ихъ и на голландско-нѣмецкомъ языкѣ горько жаловался на судьбу, которая поставила его царемъ надъ этою скверною страной. «Народъ хитрый, умный,» — всхлиывая говорилъ онъ: «русскій мужикъ по уму трехъ жидовъ стоитъ. Да учиться, подлецы, не хотятъ!..» Разсказывали также съ нѣкоторымъ ужасомъ, что въ Виттенбергѣ, когда Петру показали палату, гдѣ Мартинъ Лютеръ бросилъ въ дьявола чернильницей, царь внимательно осмотрѣлъ оставшееся на стѣнѣ отъ этого чудеснаго случая пятно, а затѣмъ сердито написалъ въ книжкѣ, предназначенной для почетныхъ гостей: «Чернила новыя и совершенно сіе неправда».

Въ промежуткахъ между разсказами о странномъ московскомъ царѣ, Юганна-Елизавета наставительно говорила дочери о томъ, какое счастье выпадетъ ей на долю, если удастся обворожить великаго князя и благополучно довести дѣло до конца. Фике внимательно ее слушала и всей душой была рада стать царицей, Kaiserin. Правда, ей не очень улыбалось выйти замужъ за шестнадцатилѣтняго мальчишку; но, когда она дала понять это

матери, та назвала ее глупенькой дѣвочкой и намекнула, что у монархини есть, правда, великія, священныя обязанности, но есть и такія права, которыхъ не имѣютъ обыкновенныя замужнія дамы. Этотъ прозрачный намекъ очень утѣшилъ Фике.

Настоящее свое счастье она стала понимать только тогда, когда ихъ скромный экипажъ подошелъ къ русской границѣ. Подъ Ригой принцессъ встрѣтилъ камергеръ Семень Кирилловичъ Нарышкинъ, князь Долгоруковъ, генералъ-аншефъ Салтыковъ, кирасиры полка великаго князя, преображенцы, измайловцы, представители дворянства и магистрата. Тамъ же ихъ ждали первые подарки царицы, — великолѣпныя собольи шубы, крытыя парчой. Юлиана-Елизавета вскрикнула: « Wunderschcen! Aber Wunderschcen! » и объявила во всеуслышанье, что, хотя ее удивить очень трудно, ибо ей въ Гамбургѣ у мама приходилось видѣть самыя дорогіе мѣха, но ничего подобнаго этимъ шубамъ она все-таки не видала.

Въ Ригѣ принцессы пересѣли изъ своего возка въ императорскія сани, длинныя съ кузовомъ, обшитыя изнутри собольями, выложенныя шелковыми матрасами, запряженныя десятью лошадьми, по двѣ въ рядъ. На передкѣ саней сѣлъ камергеръ Нарышкинъ. Это былъ такой важный и осанистый человѣкъ, и одѣтъ онъ былъ такъ богато, и кричалъ онъ на прислугу такимъ страшнымъ голосомъ, что Фике при первой встрѣчѣ уже было собралась поцѣловать ему руку, какъ ей полагалось дѣлать съ почетными гостями въ Цербстѣ и Штетинѣ. Но мать толкнула ее въ бокъ — и она вспомнила, что Нарышкинъ станеть, быть можетъ, ей поданнымъ.

Свита принцессы размѣстилась во множествѣ другихъ саней. эскадронъ кирасиръ великаго князя выстроился вокругъ поѣзда. и поѣздъ повесся въ Петербургъ. Эта поѣздка осталась въ воспоминаніи Фике, какъ длинный чудесный сонъ. Все было здѣсь не похоже на ея родину: и необычайный просторъ земли; и роскошь высокопоставленныхъ людей; и странныя, неправильныя, азіатскія черты лицъ попадавшихся прохожихъ; и непривычная развѣсистая походка пѣшеходовъ; а главное — необычайный размахъ, ширь во всемъ. раздолье, о которомъ у нихъ никто не имѣлъ поня-

тія. Она все больше и лучше понимала, какое неслыханное, небывалое счастье спадаетъ ей на голову, и странныя, честолюбивыя мысли впервые пришли пятнадцатилѣтней дѣвочкѣ...

Успѣла она также въ дорогѣ обратить вниманіе на всѣхъ сопровождавшихъ ее мужчинъ — отъ высшихъ лицъ свиты до простыхъ кирасиръ, — при чемъ быстро отмѣтила и выдѣлила красивыхъ. Выдавшій виды камергеръ Нарынкинъ искоса поглядывалъ на дѣвочку, на ея неправильныя черты, на голубые глаза, оттѣненные черными рѣсницами, на пухлый ротъ и выдающійся подбородокъ и думалъ про себя, что изъ маленской нѣмки будетъ токъ.

Неслыханныя почести ждали принцессъ Ангальтъ-Цербстскихъ въ Петербургѣ, а затѣмъ въ Москвѣ, гдѣ тогда временно находился дворъ. Императрица и великій князь приняли ихъ «auf tendreste». Въ день ихъ пріѣзда, вечеромъ, въ отведенные имъ апартаменты Головинскаго дворца торжественно явился старый другъ Брюммеръ, воспитатель великаго князя. Иоганна-Елизавета и Фике сразу замѣтили, что der alte Kerl строго выдерживаетъ новый тонъ. Россію онъ называлъ «нашимъ славнымъ отечествомъ», а императрицу Елизавету «нашей великой государыней». Принявъ во вниманіе, что поданнымъ императрицы и русскимъ человекомъ Брюммеръ сдѣлался два года тому назадъ, Фике порѣшила, что она еще скорѣе станетъ русской женщиной и великой княгиней. Брюммеръ много рассказывалъ о великолѣпіи петербургскаго двора, ни въ чемъ не уступающаго версальскому; о размѣрахъ русскихъ дворцовъ; а также о мудрости, добротѣ и добродѣтели императрицы Елизаветы, которая навсегда отмѣнила въ Россіи смертную казнь, въ чемъ поклялась на образъ нѣкого чудотворца Николая. Больше однако поразило нѣмецкихъ принцессъ то, что у Елизаветы въ гардеробѣ имѣется пятнадцать тысячъ платьевъ, пять тысячъ паръ башмаковъ и два сундука шелковыхъ чулокъ. Какъ ни много удивительныхъ вещей видѣли въ послѣднее время принцессы въ Петербургѣ и Москвѣ, эти цифры совершенно поразили ихъ воображеніе: сами онѣ привезли изъ Германіи по три платья и по одной дюжинѣ бѣлья. Нагналъ на нихъ робость и общій тонъ рѣчи Брюммера. Впрочемъ, нѣ-

сколько позже, когда онъ робко вынули привезенныя ими ему подарки: пять фунтовъ настоящей, не портящейся штетинской колбасы, двѣ бутылки настоящаго, стараго юганнисбергера, шелковый кошелекъ и кисеть для табаку, Брюммеръ расчувствовался, вспомнилъ Цербстъ, Штетинъ, Киль, госпожу Брандорфъ, старый Рейнъ, прослезился и пересталъ называть Россію нашимъ славнымъ отечествомъ. Они тутъ-же втроемъ распили бутылку настоящаго, стараго юганнисбергера, закусили настоящей, непортящейся штетинской колбасой, послѣ чего у Брюммера развязался языкъ и характеръ его сообщеній сталъ нѣсколько иной. Оказалось, что хотя въ гардеробѣ Елизаветы есть пятнадцать тысячъ платьевъ, но денегъ въ русской казнѣ нѣтъ, и кромѣ какъ на содержаніе двора, да еще на армію, ничего ни на что расходовать нельзя. И дворецъ императрицы, хотя въ окружности онъ будетъ больше трехъ верстъ, но выстроенъ изъ дерева, такъ что въ полчаса можетъ сгорѣть отъ первой залетѣвшей искры. И хотя смертная казнь въ Россіи навсегда отмѣнена, — согласно обычаю, по которому всякое новое русское правительство первымъ дѣломъ навсегда отмѣняетъ смертную казнь, — но языки и уши рѣжутъ людямъ, часто большими партиями, что ни день. И хотя сама императрица образецъ монархини, но все-таки нехорошо, что она частенько напивается водкой до безчувствія, какъ кильскій извозчикъ. И хотя она дочь великаго Петра, но мать ея была по профессіи такое, что и сказать при барышнѣ невозможно; а дядя, графъ Федоръ Сказронскій, еще совѣмъ недавно былъ ямщикомъ, ein Kutscher !. И хотя императрица набожна, какъ ангель, но очень странно, что она, простаивая часы на колѣняхъ передъ образомъ Господа, вслухъ проситъ его подсказать ей, изъ какой гвардейской роты взять очереднаго любовника... Правда, знатныя дамы могутъ иногда позволять себѣ вольности — тутъ Брюммеръ подозрительно поглядѣлъ на Юганну-Елизавету, — однако нужно знать, съ кѣмъ можно ихъ себѣ позволять и съ кѣмъ нельзя. Противъ благородныхъ риттеровъ, какъ Herr von Schvalow или Herr von Buturlin, онъ, Брюммеръ, не говорить ни слова, но путаться императрицѣ, einer Kaiserin, съ конюхомъ, какъ verfluchter Вожжинскій, повстинѣ unerhertt

Что касается нашего Карла-Ульриха, то это былъ шелковый мальчикъ въ Килѣ, гдѣ онъ, Брюкмеръ, держалъ его въ рукахъ и всего еще два года тому назадъ основательно поролъ за шалости; а съ тѣхъ поръ, какъ Карлъ-Ульрихъ сталъ въ Россіи великимъ княземъ Петромъ Федоровичемъ, къ нему подступиться нельзя: совершенно испортился и, чего добраго, плохо кончить. А вообще, хотя Россія, конечно, великая страна, имѣющая громадное будущее, но понять въ ней и въ этихъ москвитяхъ рѣшительно ничего нельзя. И если говорить правду — ему хорошо известна дискреціонъ обѣихъ принцессъ, — то Цербстъ, не говоря уже о Килѣ, много лучше Россіи. Вотъ только жалованья въ Цербстѣ и въ Килѣ, къ сожалѣнію, платять мало и никакой серьезной карьеры тамъ сдѣлать нельзя; а то и уѣзжать отсюда было-бы совершенно ненужно...

ГЛАВА IV.

Все это было очень, очень давно. Пятнадцатилѣтняя дѣвочка превратилась въ старуху: Фикхенъ стала императрицей Екатериной Великой. Позади были бурныя, кровавыя вѣхи длиннаго пути, удача, неудача, страшные дни «Петербургскаго дѣйства» и пугачевщина, очень было перепугавшая царицу. Позади были и сотни ея любовниковъ — отъ первыѣхъ: Чернышева, Нарышкина, Салтыкова, одинъ изъ которыхъ былъ отцомъ ея сына Павла, до Орловыхъ (отъ каждаго изъ двухъ братьевъ она тоже имѣла по сыну), Потемкина, Мамонова и Ланскаго. Она свою жизнь считала по фаворитамъ; по нимъ-же считала свою исторію Россіи. И чѣмъ старѣе становилась императрица, тѣмъ больше мѣста въ ея жизни занимала любовь, подъ старость превратившаяся въ болѣзненный, чудовищный развратъ.

Царствованіе ея было или казалось удачнымъ. Какъ добросовѣстная нѣмка, Екатерина старательно работала для страны, которая дала ей такую хорошую и выгодную должность. Счастье Россіи она естественно видѣла въ возможно большемъ расширеніи предѣловъ русскаго государства. Отъ природы она была умна

и хитра. Нелегко доставшійся престолъ тоже научилъ ее многому. Она прекрасно разбиралась въ интригахъ европейской дипломатіи. Хитрость и гибкость были основой того, что въ Европѣ, смотря по обстоятельствамъ, называлось политикой Сѣверной Семирамиды или преступленіями московской Мессалины...

Но несмотря на огромный промежутокъ времени, отдѣлявшій старую императрицу отъ нѣмецкаго періода ея жизни, несмотря на то, что въ теченіе тридцати съ лишнимъ лѣтъ она была самодержавной царицей Россіи, прошлое Цербста и Штетина въ значительной мѣрѣ опредѣляло всю психологію Екатерины. Какіе успѣхи ни выпадали на ея долю, какъ ни привыкла она ко всеобщей, безмѣрной лести, императрица все еще не могла совершенно оправиться, въ глубинѣ души, отъ того необычлагаго, случайнаго и сказочнаго счастья, которое выпало ей на долю. Екатерина прекрасно знала, что ни по какимъ законамъ не имѣетъ ни малѣйшихъ правъ на императорскій престолъ Россіи. Тотъ, кто могъ себя считать законнымъ русскимъ монархомъ, несчастный Іоаннъ Антоновичъ, старшій въ родѣ царя Алексѣя Михайловича, съ двухлѣтнаго возраста заключенный въ Шлиссельбургскую крѣпость, былъ убитъ «при попыткѣ къ побѣгу», а поручика Мировича, устроившаго эту попытку, казнили съ соизволенія Екатерины. Слѣдующій за Іоанномъ Антоновичемъ былъ старшій въ родѣ Петра Великаго (по женской линіи), императоръ Петръ Федоровичъ. Онъ былъ низвергнутъ Екатериной и задушенъ въ Ропшинскомъ замкѣ ея любовникомъ Алексѣемъ Орловымъ. Послѣ-же смерти обоихъ императоровъ, Іоанна и Петра, законнымъ наследникомъ былъ сынъ Екатерины, великій князь Павелъ Петровичъ. Онъ былъ устраненъ ею, вопреки смыслу и духу закона. Русский престолъ она, цербстская нѣмка, занимала только благодаря захвату, осуществленному тридцать лѣтъ тому назадъ кучкой шальныхъ гвардейскихъ офицеровъ. Иногда Екатерина во снѣ съ ужасомъ видѣла, какъ ее внезапно лишаютъ трона и душатъ, либо заключаютъ въ монастырь, либо отправляютъ на родину, туда въ Цербстъ.

Она хорошо понимала, что можетъ держаться на престолѣ лишь всячески угождая дворянству и офицерамъ — съ тѣмъ, что-

бы предотвратить или хотя уменьшить опасность новаго дворцоваго заговора. Это Екатерина и дѣлала. Вся ея внутренняя политика сводилась къ тому, чтобы жизнь офицеровъ при ея дворѣ и въ гвардейскихъ частяхъ была возможно болѣе выгодной и пріятной. Народъ-же, какъ она основательно думала, ничего дурного ей сдѣлать не могъ, ибо народъ заговорить не устранивалъ. Поэтому для него она не дѣлала ничего; лишь «прикрѣпила къ землѣ», т. е. отдала въ рабство, все украинское крестьянство. О народѣ она ненадолго вспомнила только въ пору пугачевщины. Но и тогда офицеры и дворяне быстро укротили этотъ страшный бунтъ. Все кончилось благополучно. Да еще подъ конецъ своего царствованія, напуганная французской революціей, она подвергла жесточайшимъ преслѣдованіямъ людей, которые казались ей мятежниками и вмѣстѣ съ тѣмъ явно не годились для устройства дворцовыхъ переворотовъ: масоновъ, волтерьянцевъ, мартинистовъ. Въ застѣнкахъ Шешковского ихъ кровь полилась ручьями.

Екатерина, по природѣ своей, не была ни зла, ни жестока. Напротивъ, она была даже скорѣе добра — и охотно благодѣтельствовала людямъ, если ей это ничего не стоило или стоило не очень дорого. Честолюбіе ея, вполнѣ женское, т. е. въ корнѣ отличное отъ мужского, сильно уменьшалось съ годами. Екатерина не была и чрезмѣрно властолюбива: всю жизнь неизмѣнно находилась подъ вліяніемъ смѣняющихся другъ друга любовниковъ, которымъ съ радостью уступала свою власть, вмѣшиваясь въ ихъ распоряженія страной только тогда, когда ужь очень ясно они показывали свою неопытность, неспособность или глупость: она была ужнѣе и опытнѣе въ дѣлахъ, чѣмъ всѣ ея любовники, за исключеніемъ князя Потемкина...

Въ натурѣ Екатерины не было ничего чрезмѣрнаго, кромѣ странной смѣси самой грубой и все усиливающейся съ годами чувственности съ чисто нѣмецкой, практической септимальностью. Въ ея дворцѣ были двѣ комнаты, сплошь переполненныя непристойными изображеніями. Но въ то же время она, въ свои шестьдесятъ пять лѣтъ, какъ дѣвочка, влюблялась въ двадцатилѣтнихъ офицеровъ и искренно вѣрила тому, что они также въ нее влюблены. На седьмомъ десяткѣ лѣтъ она плакала горькими сле-

зами, когда ей казалось, будто Платонъ Зубовъ былъ съ ней сдержаннѣе, чѣмъ обыкновенно. Екатерина не замѣчала холоднаго отвращенія, которое она внушала Зубову, какъ прежде другимъ своимъ фаворитамъ; и замирала отъ счастья любви, когда, онъ, получивъ отъ нея новыя богатства, новыя награды, новыя тысячи крестьянъ, новыя земли, отобранныя у польскихъ помѣщиковъ, заключалъ ее въ объятія, стиснувъ отъ отвращенія зубы...

М. А. Алдановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Перспективы Исторического Правовѣдѣнія.

Юристы и историки не всегда живутъ въ мирѣ и не всегда работаютъ согласно. Каждая изъ этихъ ученыхъ группъ смотритъ съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ на другую. Юристамъ кажется что историки работаютъ довольно случайно, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что важно и что не важно въ событіяхъ и отношеніяхъ, которымъ они посвящаютъ свои кропотливыя изысканія. Историкамъ же сомнительны диалектическіе приемы юристовъ въ толкованіи текстовъ и проектированіи доктринъ: они требуютъ болѣе интенсивной критики источниковъ и болѣе широкаго примѣненія народно-психологическаго анализа.

Между тѣмъ обѣ школы призваны какъ разъ пополнять другъ друга въ общей работѣ надъ матеріаломъ обществовѣдѣнія. Въ частности хотя адвокату или судѣ приходится часто ограничиваться толкованіемъ отдѣльныхъ законоположеній и примѣненіемъ отдѣльныхъ нормъ права къ данной дѣйствительности, всякій разъ когда заходитъ рѣчь о *духѣ* тѣхъ или иныхъ постановленій, о *смыслѣ* тѣхъ или другихъ правовыхъ нормъ, юридическій вопросъ по необходимости становится социологическимъ, оказывается какъ-бы въ рамкѣ условій общественности и притомъ общественности исторической. Исторической потому, что нѣтъ возможности провести точную границу между *догмой* настоящаго и *условіями* вчерашней жизни. Все что живетъ во времени составляетъ достояніе исторіи. Настоящій моментъ принадлежитъ ея наблюденію не менѣе вчерашняго или третьегодняшняго, поскольку онъ есть звено въ цѣпи развитія.

Поэтому главнѣйшія методическія задачи историческаго знанія по необходимости обнимаютъ область права, и юристы не могутъ пройти мимо главныхъ контроверзъ, раздѣляющихъ историковъ. Одна изъ этихъ контроверзъ какъ разъ находить

себѣ наилучшее отраженіе въ области права. Я разумѣю споръ о границахъ примѣненія естественно-научныхъ методовъ въ наукахъ общественныхъ. Виндельбандъ и Риккертъ подчеркиваютъ радикальную разницу между этими двумя группами наукъ и сводятъ ее къ противоположности между категориями *причинности* и *цѣнности*. Очевидно, конечно, что изученіе движенія свѣтила или условій кровообращенія направлено исключительно на выясненіе фактовъ, ихъ послѣдовательности и взаимной зависимости. Если и входятъ соображенія о пользѣ, которую можно извлечь изъ этихъ знаній, то соображенія эти только прикладываются къ научнымъ результатамъ, а не вліяютъ на нихъ по существу. Иное дѣло въ наукахъ, занимающихся духовнымъ достояніемъ человѣка, его культурой. Тутъ существеннымъ является оцѣнка поставленной цѣли и степени ея достиженія. Люди стремятся подчинить природу, продлить жизнь, разумно строить свои отношенія, создать культуру, т. е. обрабатываютъ данныя съ точки зрѣнія тѣхъ или иныхъ цѣлей и идеаловъ. Для Риккерта «культурныя науки» ориентируются сообразно мѣриламъ цѣнности, потому что смотрятъ на вещи съ точки зрѣнія цѣлей и средствъ, а не причинъ и слѣдствій. Едва ли нужно объяснять, что Риккертъ и его послѣдователи сильно преувеличиваютъ отмѣченную ими противоположность. Чтобы избѣжать детерминизма голой причинности и однообразія естественныхъ законовъ, они понимаютъ, что историческія явленія исключительно какъ рядъ удачныхъ и неудачныхъ попытокъ разрѣшить постоянно измѣняющіяся задачи обществѣнности. Стоитъ, однако, обратиться къ любой конкретной наукѣ культурнаго типа, чтобы тотчасъ замѣтить какое огромное значеніе имѣютъ въ ней изслѣдованіе причинъ и установленіе нѣкоторыхъ однообразій. Можно-ли экономистамъ говорить объ условіяхъ обмѣна не справившись съ формами вліянія географическихъ факторовъ, средствъ сообщенія, развитія потребностей, государственнаго покровительства, и т. д? Можно-ли судить о развитіи какой-нибудь религіи, напр., ислама, не взвѣсивъ причиннаго воздѣйствія восточной природы, расовой психологіи, сцѣпленія личныхъ и политическихъ факторовъ и т. д? Несомнѣнно, что сравнительныя наблюденія въ области культуры складываются въ цѣлый рядъ эмпирическихъ однообразій примѣнительно къ почвѣ, климату, расѣ, условіямъ господства и подчиненія, исключительности и смѣшенію классовъ и національностей, и т. п. Конечно, на всѣхъ этихъ положеніяхъ отражается, по выраженію Ренана, «малая научность» исторіи, случайность и субъективность ея наблюденій, но такъ или иначе, историкамъ

такъ же мало можно обойтись безъ причинности и законосообразности, какъ и безъ цѣлесообразности и идеальныхъ мѣриль.

Тѣмъ не менѣ взгляды Виндельбанда и Риккертъ имѣютъ симптоматическое значеніе. Если гдѣ либо примѣнимо понятіе «творческой эволюціи», выдвинутое Бергсономъ, то именно въ области культуры. Суть послѣдней въ сознательномъ и безсознательномъ стремленіи къ цѣлямъ, причѣмъ хотя цѣли эти появляются, усваиваются и проводятся не безъ причинъ, но разумно и необходимо разсматривать ихъ энергію и работу съ точки зрѣнія цѣнности, а не только причинности. Это тѣмъ болѣе необходимо, что въ этомъ отношеніи возможны самыя крупныя расхожденія и весь ходъ мысли будетъ зависѣть отъ поставленной цѣли. Культурное развитіе представляется совершенно иначе послѣдователю Бентама, признающему, что цѣль общества есть максимальное благосостояніе для наибольшаго числа людей и послѣдователю Аристотеля, увѣренному, что разумное устройство общества невозможно безъ отбора руководителей способныхъ на мудрость и добродѣтель, я служителей, поглощенныхъ матеріальными заботами и интересами. Много было на свѣтѣ и иныхъ идеаловъ — идеаль художника своей жизни въ эпоху возрожденія, идеаль іезуита, оправдывающаго преступныя средства святою цѣлью и т. д. Важно, что безъ проникновенія въ сферу идеаловъ не можетъ быть и рѣчи о научномъ изученіи человѣчества.

Хотя каждое стремленіе, каждый волевой актъ имѣтъ свой причины и можетъ быть разсматриваемъ какъ необходимое слѣдствіе, причинный механизмъ, который приводитъ ихъ въ движеніе, часто остается скрытымъ или недостаточно выясненнымъ, между тѣмъ какъ связь между средствами и цѣлями выступаетъ на поверхность и легче поддается наблюденію. Мало того, разъ сложившійся планъ, разъ установленная цѣль, сами по себѣ пріобрѣтаютъ значеніе причины, направляютъ энергію въ извѣстномъ смыслѣ, вступаютъ въ конкуренцію съ естественными условіями и вліяютъ на конечный результатъ. Эта активная роль цѣлей не ограничена сферой сознательной дѣятельности. Безсознательный или полусознательный жизненный порывъ (*élan vital*) есть также творческая сила, поскольку онъ является не простымъ отраженіемъ внѣшнихъ факторовъ, а исходитъ отъ жизненнаго процесса, этого таинственнаго фактора самостоятельной индивидуальности. Гдѣ есть духъ и есть жизнь, тамъ находятъ себѣ примѣненіе категорія цѣли.

Съ этой современной точки зрѣнія, надѣлавшій столько

шума экономической матеріализмъ есть искаженіе истины. Въ литературной послѣдовательности онъ представляется противоположнымъ полюсомъ идеалистическаго монизма, который провозгласилъ Гегель. Тамъ все дѣйствительное вытекаетъ изъ состояній Божественнаго разума; въ Марксовскомъ матеріализмѣ всѣ духовныя проявленія общественной жизни производятся изъ эволюцій экономическаго фактора, изъ прямыхъ или производныхъ измѣненій въ формахъ производства. Государство, право, религія, даже наука, возникаютъ какъ надстройки надъ дѣйствительными силами капитализма и пролетарскаго сознанія. Въ настоящее время, однако, мало осталось непримиримыхъ приверженцевъ этой монистической доктрины. Даже съ точки зрѣнія чистой причинности не трудно показать ея несостоятельность.

Конечно, условія хозяйственной дѣятельности имѣютъ огромное вліяніе на весь складъ жизни — бродячіе промыслы, скотоводство, земледѣліе, торговый обмѣнъ, машинное производство — все это факторы первостепенной важности, и проще всего начинать съ нихъ при разборѣ тѣхъ или иныхъ историческихъ положеній или процессовъ. Но развѣ конечный результатъ зависитъ лишь отъ нихъ? Развѣ на ходъ хозяйственной дѣятельности не имѣетъ вліянія характеръ и способности людей, которые призваны оперировать въ той или другой обстановкѣ? Китайцы подходятъ къ своимъ земледѣльческимъ занятіямъ иначе нежели русскіе; англичане ведутъ торговлю иначе чѣмъ нѣмцы. А развѣ въ организаціи рабочихъ классовъ не играли важной роли взгляды на человеческую личность, на трудъ, на досугъ? А какъ фальшиво звучатъ объясненія религиозныхъ процессовъ въ твореніяхъ марксистовъ. Характеристику кальвинизма, у Энгельса напр., трудно читать безъ улыбки: «Вѣроученіе Кальвина соотвѣтствовало настроенію передовой буржуазіи того времени. Его ученіе о предопредѣленіи было религиознымъ выраженіемъ того факта, что въ мірѣ коммерческой конкуренціи успѣхъ и неуспѣхъ зависятъ не отъ личной энергіи или талантности человѣка, а отъ обстоятельствъ, которыми онъ не управляетъ. Все равно, кто что хочетъ и кто какъ поступаетъ — рѣшаютъ неизвѣстныя высшія силы. Это было особенно справедливо въ революціонную эпоху, когда всѣ прежніе торговые пути и центры были замѣнены новыми, когда открылась дорога въ Индію и Америку, и когда устои хозяйственныхъ вѣрваній — цѣнность золота и серебра — пошатнулись и пришли въ упадокъ». (Engels, *Socialism: Utopian and Scientific*, p. XXI). Главное же недомысліе экономическаго матеріализма состоитъ въ игнорированіи цѣлесообразности, какъ

мѣрила цѣнности. Отсюда кельное отрицаніе права, какъ общественной необходимости и какъ науки. Разъ все сводится въ теоріи къ фатальному вліянію экономическихъ условій, правовыя нормы ненужны или вредны: въ лучшемъ случаѣ онѣ лишь облакаютъ фактически сложившіяся отношенія въ болѣе или менѣе прочныя формы, въ худшемъ случаѣ онѣ тормозятъ движеніе, создаютъ преграды, которыя приходится разбивать съ затратой энергіи, нужной для разрѣшенія положительныхъ задачъ. Эти абсурды дорого обходятся обществу, надъ которыми оперируютъ экономическіе матеріалисты. Но наука должна быть отъ нихъ свободна.

Въ серьезной общественной наукѣ достаточно установлена роль права, какъ самаго характернаго проявленія сознательной политики. Въ теоріи право есть проявленіе общественной воли: направляясь къ тѣмъ или инымъ цѣлямъ, оно подчиняетъ себѣ индивидуальныя стремленія. Такъ какъ дѣло идетъ въ данномъ случаѣ о постоянныхъ правилахъ, а не объ отдѣльныхъ распоряженіяхъ, то проявленіе законодательной власти обставляется обыкновенно особыми гарантіями обдуманности и предосторожности, каковы бы ни были государственный строй, который ихъ санкціонируетъ. Объ отклоненіяхъ въ сторону произвольныхъ актовъ деспотовъ и диктаторовъ нѣтъ надобности распространяться въ виду ихъ насильственнаго характера. Правообразованія, исходящія не отъ рѣшеній законодательной власти, а отъ юридическихъ обычаевъ или отъ принциповъ, установленныхъ профессиональной практикой и теоріей, не составляютъ исключенія по существу. И тѣ и другія направлены къ замѣнѣ индивидуальнаго произвола опредѣленными нормами, хотя процессъ выработки этихъ нормъ имѣетъ особенности: въ одномъ случаѣ норма возникаетъ въ результатъ цѣлаго ряда повторяющихся юридическихъ актовъ, признанныхъ общественнымъ мнѣніемъ справедливыми, т. е. отвѣчающими народному сознанію права. Въ другомъ случаѣ правовая норма изъясняется юристами, — судьями, юрисконсультами, учеными, — изъ разрѣшенія возникающихъ споровъ. Но во всѣхъ случаяхъ право слагается и санкціонируется съ цѣлью утвержденія общественного порядка, соглашенія интересовъ, предупрежденія и разрѣшенія столкновений. Такимъ образомъ, надъ правомъ господствуетъ идея цѣлесообразности, хотя, какъ всѣ явленія природы, оно несомнѣнно можетъ разсматриваться и съ точки зрѣнія причинности.

Довольно распространено мнѣніе, что право ограничивается установленіемъ формъ, тогда какъ существо отношеній зависитъ отъ сотрудничества личностей и отъ дѣйствія экс-

номическихъ условій. Въ этомъ духѣ написана, напримѣръ, книга Штамлера — «Хозяйство и право» (*Wirtschaft und Recht*). Такое рѣзкое противоположеніе правовой формы и экономического содержанія основано, однако, на недоразумѣніи. Безъ сомнѣнія, если люди заключаютъ какой-нибудь договоръ или составляютъ завѣщаніе, то можно легко отличить формальныя требованія права и существо сдѣлки или распоряженія. Но даже въ этихъ простѣйшихъ случаяхъ право далеко не всегда ограничивается поверхностью отношеній. Когда, напримѣръ, императоры III вѣка допустили оспариваніе договоровъ въ виду грубаго нарушенія справедливости (*laesio enormis*), открылась возможность для судебной власти оцѣнивать договоры по существу. Когда афинскіе присяжные или римскіе магистраты кассировали завѣщаніе, составленное съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей, въ виду того что завѣщатель пренебрегъ нравственнымъ долгомъ по отношенію къ своимъ близкимъ, то право шло гораздо дальше чисто формальной провѣрки. Вообще во всѣхъ проявленіяхъ начала справедливости (*aequitas*) буквальное примѣненіе нормы отступало на задній планъ передъ соображеніями нравственности и общественнаго интереса. Притомъ были и есть цѣлыя сферы права, въ которыхъ законодатели и бытовая практика ставятъ себѣ опредѣленно творческія цѣли въ смыслѣ направленія отношеній по тому или другому руслу. Возьмемъ, напримѣръ, наследованіе по закону. Въ этой области мы встречаемся съ двумя рѣзко противоположными теченіями — съ политикой раздробленія наследства ради созданія мелкой собственности въ французскомъ и бельгійскомъ правѣ и съ объединеніемъ земли ради поддержки крѣпкихъ хозяйствъ въ норвежскомъ и англійскомъ правѣ. Въ земельномъ, семейномъ, брачномъ правѣ это начало положительнаго вмѣшательства права въ направленіе отношеній сказывается вообще очень сильно. Въ уголовномъ правѣ то же начало лежитъ въ основѣ теоріи наказанія, разъ послѣднее перестало быть простымъ выраженіемъ мести. Самые современные криминалисты задаются опредѣленнымъ вопросомъ о «цѣляхъ наказанія» (*Zweck der Strafe*, у Листа). Однимъ словомъ, нигдѣ категорія «цѣлесообразности» не выступаетъ съ такой ясностью и силой, какъ въ правѣ. По этому самому, ни въ одной области оцѣнка явленій по мѣрилу цѣлесообразности не находитъ себѣ такого удобнаго примѣненія, какъ въ области права. Методическая разработка въ этомъ направленіи облегчается тѣмъ, что право по природѣ своей стремится къ логической послѣдовательности. Ни одинъ судебный споръ не можетъ быть рѣшенъ иначе какъ путемъ подведенія его

подъ дѣйствіе того или другого общаго положенія. Какъ бы ни были разнохарактерны по своему происхожденію господствующіе правовые принципы, сколько-нибудь культурное право по необходимости стремится выравнять ихъ въ систему. Неизбѣжные пробѣлы и противорѣчія устраняются такъ или иначе путемъ юридическихъ конструкций, въ которыхъ главную роль играетъ опять таки діалектика.

Все это объясняетъ и облегчаетъ своеобразную разработку правовѣднія въ смыслѣ систематизированія такъ называемаго догматическаго матеріала. Но все это было бы мертвой схоластикой, если бы догматика оставалась въ воздухѣ и не приводилась во всѣхъ своихъ частяхъ къ вопросу о цѣлесообразности нормъ и доктринъ. Геніальный Герингъ, такъ остроумно трактовавшій задачи догматики, недаромъ посвятилъ двѣ главныя свои работы «Духу римскаго права», и «Цѣлямъ въ правѣ». Обѣ эти работы опираются на историческое изученіе нормъ права, и именно поэтому онѣ являются гораздо болѣе существеннымъ вкладомъ въ социологическую теорію права, чѣмъ, напр., почтенная книга Эрлиха (*Grundlagen der Soziologie des Rechts*), которая разрабатываетъ въ сущности лишь одну идею о зависимости закона отъ практики и обычаевъ данной среды.

Однако, задавшись цѣлью изслѣдовать цѣлесообразность въ общественной жизни, мы становимся лицомъ къ лицу съ задачей опредѣлить, въ чемъ должна состоять эта цѣлесообразность. Во всемъ объемѣ своемъ эта задача можетъ быть разрѣшена лишь въ связи съ философскимъ движеніемъ. Но въ своемъ практическомъ примѣненіи къ праву она представляется въ значительно упрощенномъ видѣ. Въ главныхъ чертахъ она сводится къ характеристикѣ того общественнаго типа, которому служить данная система права. Разрѣшеніе это было бы слишкомъ простымъ и скуднымъ, если бы типъ этотъ можно было ограничить наблюденіемъ надъ стадіей или формой экономическаго процесса. Типичныя черты правовыхъ системъ зависятъ не отъ одного преобладанія земледѣлія или появленія фабричнаго капитализма. Эти условія входятъ въ комбинацію, но лишь какъ факторы. Ихъ дѣйствіе можно съ пользою изучать въ раздѣльности, если не забывать необходимости включить ихъ въ болѣе обширное цѣлое. Въ каждомъ соединеніи общественныхъ элементовъ преобладаетъ какая-нибудь форма ассоціаціи: свободно-договорный типъ, или родовой союзъ, или городская община, или церковное правленіе, или социалистическое соединеніе. Каждый изъ этихъ типовъ въ свою очередь развѣтвляется, варьируется смотря по обстоятельствамъ и переживаетъ переходныя и

компромиссныя формы. Но точка отправленія и цѣль правовыхъ нормъ въ каждомъ изъ этихъ типовъ зависитъ отъ общаго характера ассоціаціи, и сообразно съ болѣе или менѣе успѣшнымъ проведеніемъ этихъ основныхъ опредѣленій оцѣнивается и значеніе той или иной правовой системы. Аристотель не даромъ сгруппировалъ свои формы государственнаго строя по признакамъ нормальности и искаженія. Нормальны царская власть, олигархія и демократія, когда онѣ достигаютъ общаго блага, понятаго согласно ихъ принципамъ. И въ предѣлахъ каждой формы отклоненія располагаются въ извѣстномъ порядкѣ, начиная съ незначительныхъ отступленій и кончая формами вырожденія. Съ подобной точки зрѣнія можно прослѣдить въ правовыхъ системахъ направляющее вліяніе началъ ассоціаціи, положенныхъ въ ихъ основу. Мы привыкли къ свободно-договорному типу и иногда придаемъ его опредѣленіямъ собственности, юридическихъ сдѣлокъ, государственности чуть-ли не безусловное значеніе. Но стоитъ только взглянуть на аналогичныя опредѣленія въ теократіяхъ, въ городскихъ республикахъ, въ племенахъ, составленныхъ на родовомъ началѣ, чтобы убѣдиться насколько эти нормы относительны и измѣнчивы.

Чтобы разбраться въ этомъ многообразіи, необходимо наблюдать, такъ сказать съ господствующихъ высотъ, и всего лучше ориентироваться въ этомъ отношеніи по типамъ общественныхъ союзовъ. Каждый изъ этихъ типовъ представляетъ изъ себя сложное цѣлое, въ которомъ комбинируются политическія, экономическія, моральныя и религіозно-философскія доктрины. Каждый подлежитъ поэтому *анализу* въ своихъ элементахъ. Но въ то же время каждый общественный типъ обнаруживаетъ жизненность, какъ *синтетическое* цѣлое. Только благодаря этому синтезу, родъ, народъ, церковь, индивидуалистическое государство, социалистическое государство способны устранять человѣческія отношенія на началахъ права. И изученіе этихъ жизненныхъ цѣлесообразностей представляется, несомнѣнно, одной изъ наиболѣе интересныхъ задачъ для историковъ и юристовъ.

Павелъ Виноградовъ.

ДВА ПУТИ.

(Философія идеи и философія переживанія).

Въ общемъ строеѣ русской духовной культуры философія занимаетъ скромное мѣсто. При всей талантливости отдѣльныхъ представителей русской философіи, они не внесли въ философскую сокровищницу челоуѣчества того вклада, который былъ бы достоинъ великаго народа. Мы не можемъ назвать ни одного русскаго имени, которое символизировало бы этапъ философской мысли. То, что было сдѣлано русскими философами, не выходитъ за предѣлы частичнаго углубленія, а то и просто перепѣвовать того, что давалось философскимъ гениемъ Запада. Воспринимчивая, но не творческая мысль быстро и легко — иногда чрезмерно легко — схватывала системы западной философіи; онѣ получали распространеніе въ сравнительно ограниченномъ кругу образованной публики, но, не связанные съ корнями русской души, очевидно не отвѣчая на ея глубокіе запросы, оставались тепличнымъ растеніемъ, не дававшимъ плодовъ. Гегелианство, шеллингианство, позитивизмъ, материализмъ, кантианство въ разныхъ формахъ и видахъ, почти безболѣзненно смѣнялись другъ друга, оставляя лишь слабый слѣдъ на нивѣ русской культуры. Часто философскія направленія распространялись и отмирали въ зависимости отъ общественныхъ и политическихъ теченій; продолжительность жизни той или иной философіи зависѣла не отъ ея внутренней значительности, а отъ того, въ какой мѣрѣ она служила временнымъ цѣлямъ общественности и политики.

Корни философіи — въ стремленія углубить обыденное суще-

ствование, раздвинуть его рамки, проникнуть за пределы того, что дается повседневнымъ и научнымъ опытомъ; творчество въ области философіи есть слѣдованіе безошибочному инстинктивному чувству, что жизнью, которою мы живемъ, не ограничивается жизнь вообще, а видимымъ міромъ не исчерпывается интенсивная и экстенсивная безконечность существованія. Что эти корни философіи живы и глубоко сидятъ въ русской душѣ,—очевидно для всякаго, не только живущаго русскою культурою, но и наблюдающаго ее со стороны. Почему же то, что по видимому произросло изъ этихъ корней, худосочно, не жизненно, лишено яркости и оригинальности, свойственныхъ всякому истинному творчеству? Философскій инстинктъ подчиняется по видимому своеобразному закону специфической энергии. Подобно тому, какъ одинъ и тотъ же нервъ является проводникомъ звуковъ или образовъ въ зависимости отъ аппарата, въ который онъ включенъ, такъ и стремленіе къ осознанію и углубленію міроощущенія можетъ вылиться въ разнообразныя формы въ зависимости отъ общаго склада душевной жизни расы или индивидуума. Творчество пророковъ, Гете и Аристотеля едино въ своихъ послѣднихъ импульсахъ, но въ формахъ выявленія существенно различно. Такъ, въ Россіи корни философіи срослись съ соседнимъ стволомъ и отдали ему всѣ свои жизненные соки. Тотъ, кто ищетъ русской философіи, найдетъ ее не въ творческомъ напряженіи дискурсивнаго мышленія великихъ философовъ, которыхъ у насъ не было, а въ несравненномъ по глубинѣ и силѣ творческомъ напряженіи великихъ писателей-художниковъ. Въ форму художественныхъ произведеній русская философія воплотила энтузіазмъ и муки созданія и отчаяніе проваловъ. «Систематическая философія» осталась искусственною прививкою на почвѣ русской культуры, и жизнь ея оттого оказалась столь хрупкой и ненадежною. Фактъ претворенія философскаго инстинкта въ форму религіознаго или художественнаго творчества не представляетъ ничего необычнаго и на Западѣ. Достаточно вспомнить столь различныя по характеру и значительности фигуры, какъ Лютеръ, Гете, Гофманъ, Ибсень... Но нигдѣ оно не было такимъ исключительнымъ, какъ у насъ.

Уже à priori можно сказать, что не случайно связь между тенденцией философии и искусства и не случайно философы, как Платонъ и Ницше, въ моменты наибольшаго напряженія мысли начинают говорить языкомъ поэтовъ, а Шеллингъ, Гете, Толстой языкомъ философовъ. Тѣснѣйшее родство между этими двумя проявленіями человѣческаго исканія и не менѣе глубокое расхожденіе ихъ путей представляетъ не только психологическій интересъ, но бросаетъ свѣтъ на самую сущность тѣхъ проблемъ, которыя составляютъ предметъ ихъ исканій. Въ дальнѣйшемъ я попытаюсь намѣтить основныя черты отношенія систематической философіи къ философіи переживанія.

Съ тѣхъ поръ какъ философія впервые попыталась евести къ единству и осмыслить разнообразіе міра, и вплоть до настоящаго времени, орудіемъ ея творчества и вмѣстѣ съ тѣмъ конечнымъ устремленіемъ этого творчества была идея или общее понятіе. Идея противопоставалась конкретному представленію, которое по самому существу своему не могло занимать философа. Философія искала истиннаго, абсолютнаго, общеобязательнаго, вѣвременнонаго и необходимаго, и единичное, конкретное она сознательно устраняла изъ поля своего зрѣнія. Ученія, утверждавшія истинное и абсолютное или сомнѣвавшіяся въ возможности его постиженія, одинаково формулировали свои положенія въ терминахъ общихъ понятій. Общими идеями мы неизмѣнно и неизбежно пользуемся въ жизни, но для философіи они и единственный объектъ ея напряженныхъ исканій и единственное орудіе изслѣдованія. Идеи, или общія понятія, поэтому всегда останавливали на себѣ вниманіе философовъ, и споръ о томъ, присуще ли идеямъ объективное бытіе или онѣ являются лишь фактомъ нашего сознанія, проходитъ черезъ всю исторію человѣческой мысли. Въ новое время нѣмецкая неокантианская философія въ связи съ общимъ своимъ ученіемъ замѣнила для идей предикатъ бытія предикатомъ значимости (*Geltung*), но въ общемъ проблема «идеи» осталась въ той же плоскости изслѣдованія. Философы инстинктивно отворачивались отъ *психологической* постановки вопроса о происхожденіи идей. Логи-

ческое исследование привлекало их неизменно от Аристотеля до нашего времени; оно и понятно, так как логика была основанием философии, гарантией ее истинности и общеобязательности. Психологическое же исследование несомненно таило в себе опасность для философии, ибо легко могло расшатать основания объективной достоверности логики; De omnibus dubitandum в сущности всегда покоилось на вѣрѣ в логику и в идеи.

Изъ двухъ противоположныхъ ученій объ идеяхъ, или общихъ понятіяхъ, только реализмъ (въ средневѣковомъ смыслѣ), признающій за идеей объективное бытіе, формально даетъ законченную теорію. Въ самомъ дѣлѣ, индивидуальное и конкретное даетъ непосредственное воспріятіе, — непрочное колеблющееся и измѣнчивое, какъ само индивидуальное. Помимо него непосредственно «интеллектуальной интуиціей» или путемъ сложнаго мыслительнаго процесса, познается то объективное «общее», неизмѣнное, безначальное и безконечное, которое является сущностью вещи. Идея есть въ нашемъ познаніи отображеніе общаго. Реалистическія ученія всѣхъ временъ — Платонъ, средневѣковые реалисты, своеобразный реализмъ Гуссерля въ новѣйшее время — даютъ гамму отбѣнокъ по существу одной и той же мысли. Объективность общаго есть объясненіе и оправданіе идеи.

Номинализмъ, начиная съ Аристотеля, средневѣковыхъ номиналистовъ, и кончая критицизмомъ и кантовскими категоріями, въ вопросѣ объ идеяхъ останавливается на полпути и скрывается отъ опасныхъ выводовъ за непроницаемую броню логики. Если идея объективно не соответствуетъ реальному общему, то въ чемъ ее тайна? Какимъ образомъ знаніе въ терминахъ общихъ идей, т. е. знаніе того, что не имѣетъ реального бытія, почитается знаніемъ истиннымъ и расцѣпляется неизмѣримо выше знанія конкретнаго, т. е. знанія того, что дѣйствительно существуетъ? Какимъ образомъ положительная наука, реальныя достиженія которой ничѣмъ не могутъ быть оспариваемы, всѣми своими завоеваніями обязана своему методу оперированія

идеями? Как могло случиться то, что идеи без реального эквивалента въ общемъ комплексѣ душевныхъ состояній получили высокое признаніе и окружены ореоломъ интеллектуальной и моральной значительности. Универсальность или общность идей не можетъ служить основаніемъ для ихъ возведенія, потому что съ универсальностью онѣ обѣдняются содержаніемъ. Если понятію обаяніе идей въ реалистическихъ ученіяхъ, въ номинализмѣ всегда есть недоговоренность или непослѣдовательность. Номинализмъ не пошелъ дальше неяснаго и противорѣчиваго утвержденія Аристотеля, что «общее» не имѣетъ отдѣльнаго бытія и при- суща индивидуальному.

Я думаю, что только *психологическое* изслѣдованіе вопроса о происхожденіи идей можетъ пролить свѣтъ на эту важнѣйшую проблему философіи.

Формальная логика противопоставляетъ идеи, или общее понятіе, конкретному представленію. Идея обнимаетъ «существенные» признаки предметовъ въ то время какъ представленіе даетъ совокупность признаковъ опредѣленнаго индивидуальнаго предмета. Мы говоримъ, что идея тѣмъ общѣе, чѣмъ большее число индивидуальностей она включаетъ, а это возможно лишь въ томъ случаѣ, если число «существенныхъ» признаковъ соответственно сокращается, другими словами, положеніе объ обратномъ отношеніи объема и содержанія идеи входитъ въ самое ея опредѣленіе. На этомъ формальная логика останавливается, считая свой анализъ законченнымъ. Вопросы о томъ, по какому основанію одни признаки признаются существенными, а другіе несущественными, она не касается, между тѣмъ какъ въ этомъ и заключается существо проблемы.

На первый взглядъ, казалось бы, отвѣтъ необычайно простъ. Существенны тѣ признаки вещи, безъ коихъ она перестаетъ быть тѣмъ, что она есть. Нетрудно, однако, видѣть, что отвѣтъ этотъ крайне неудовлетворителенъ. Мы классифицируемъ вещи по известнымъ признакамъ, поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что безъ признака, принятаго нами за существенный, или за основаніе классификаціи, вещь въ нашемъ представленіи уже является другой. Но вѣдь вопросъ въ томъ и

заключается, чтобы выяснить, почему мы за основание классификации берем одинъ признакъ, а не другой. Въ приведенномъ выше отвѣтѣ скрыто наивно-реалистическое предположеніе, что извѣстный признакъ, какъ существенный, присущъ предмету совершенно независимо отъ нашего отношенія къ нему, и что та классификація вещей по ихъ существеннымъ признакамъ, которая кажется намъ обычной, есть единственно возможная и объективно истинная.

На какомъ бы мы ни остановились конкретномъ явленіи въ предѣлахъ нашего опыта, его свойства настолько многообразны, его связи съ общимъ строемъ жизни настолько неисчерпаемы, что никакое индивидуальное явленіе не можетъ быть воспринято нами во всей его абсолютной полнотѣ. Въ полѣ нашего вниманія, какъ въ полѣ нашего зрѣнія, мы отчетливо видимъ или воспринимаемъ лишь нѣкоторую часть явленія, все же остальное остается въ т.н. полѣ неяснаго зрѣнія или не воспринимается нами вовсе. Въ полѣ сосредоточеннаго вниманія оказывается то, что для наблюдателя представляетъ въ явленіи наибольшій *интересъ*. То, что намъ въ вещи не нужно, для насъ и несущественно въ ней. Найдя въ явленіи нужное, мы по этому нужному и конструируемъ идею о ней. *Объективныхъ основаній* для выдѣленія однихъ признаковъ и оставленія въ тѣни другихъ очевидно нѣтъ и не можетъ быть, и предметъ въ нашемъ воспріятіи не есть отображеніе дѣйствительнаго предмета, а преломленіе его въ нашемъ отношеніи, т.е. въ нашемъ *интересѣ* къ нему. Элементарные факты повседневности съ несомнѣнностью это показываютъ. Если предметъ наблюденія цвѣты, а сужденіе о нихъ будетъ предоставлено ботанику, научно ихъ изслѣдующему, художнику, пишущему съ нихъ *nature morte*, и актрисѣ, принимающей ихъ какъ подношеніе подъ звуки аплодисментовъ, то совершенно очевидно, что каждый изъ этихъ наблюдателей, имѣя совершенно различный интересъ къ цвѣтамъ, будетъ воспринимать ихъ по-своему. Ихъ воля къ предмету усреднена различно, въ полѣ ихъ сосредоточеннаго вниманія будутъ разные его признаки, и поэтому при всемъ тождествѣ изображенія на свѣтлой оболочкѣ наблюдающихъ глазъ, самыя вос-

пріятія, какъ элементъ душевной жизни, будутъ разныя. Если запросить нашихъ наблюдателей, что въ цвѣтахъ существенно для нихъ, мы получимъ три разныхъ отвѣта, и всѣ они будутъ при всемъ различіи одинаково вѣрны и одинаково не исчерпаютъ всѣхъ признаковъ цвѣтовъ. Если бы Фрина попала въ плѣнь къ каллибаламъ, то они признали бы существеннымъ въ ея божественномъ тѣлѣ не то, что открылось восхищеннымъ взорамъ древнихъ грековъ. То разграниченіе между общимъ понятіемъ и конкретнымъ представленіемъ, которое логически правильно устанавливается формальной логикой, психологически лишено всякаго значенія. Воспріятіе общаго какъ фактъ психологическій не есть процессъ обобщенія въ смыслѣ логическомъ. Мы воспринимаемъ общее такъ же, какъ и конкретное, непосредственно. Индивидуальное, какъ уже сказано выше, никогда не воспринимается и не можетъ нами быть воспріято во всей его цѣлостности и полнотѣ; и въ индивидуальномъ мы воспринимаемъ лишь то, что представляетъ для насъ дѣйственный интересъ, и проходимъ совершенно мимо того, что при другихъ условіяхъ, т. е. при наличіи другихъ интересовъ, попало бы въ поле нашего сосредоточеннаго вниманія. Такъ, европейцы, рѣдко выдающіе людей черной или желтой расы, видятъ въ негрѣ или въ китайцѣ не то, что видятъ ихъ единоплеменники. Европейецъ видитъ въ нихъ то, что отличаетъ ихъ отъ бѣлыхъ людей, — черный или желтый цвѣтъ кожи, косые глаза, выдающіяся скулы и т. д. Индивидуальное ускользаетъ отъ его вниманія, и въ памяти своей онъ рѣдко можетъ воскресить образъ двухъ негровъ одного и того же племени, если ему не приходилось быть съ ними въ близкомъ общеніи. Грань между нашимъ воспріятіемъ индивидуальнаго и общаго неустойчива и подвижна и зависитъ отъ условій воспринимающаго субъекта. Самъ по себѣ этотъ фактъ не возбуждаетъ сомнѣнія; но недостаточно обращено было вниманія на то, что условіями воспринимающаго субъекта являются интересъ къ явленію и степень и характеръ волевого устремленія къ нему. Безконечныя грани явленія неуловимы для человѣческаго взора, и онъ останавливается на тѣхъ изъ нихъ, на которыя направляется его воля, которыя ему поче-

му-либо интересны и нужны. Въ предѣлахъ удовлетворенія элементарныхъ человѣческихъ потребностей воля людей, направляемая инстинктомъ самосохраненія, однообразна, и въ этой области и воспріятія однородны и взаимное пониманіе людей достаточно полное. Но по мѣрѣ перехода къ высшимъ формамъ душевной жизни, различія интересовъ начинаютъ сказываться и вмѣстѣ съ тѣмъ является различіе въ воспріятіи и въ оцѣнкѣ явленій, учащается взаимное непониманіе и отчужденность между людьми. Чѣмъ выше мы строимъ Вавилонскую башню нашей культуры въ стихійномъ порывѣ удовлетворенія интересовъ, тѣмъ сильнѣе поражаетъ насъ роковая кара взаимнаго непониманія. Душевная жизнь людей была бы невозможна, если бы ей приходилось всегда оперировать матеріаломъ, даннымъ непосредственнымъ воспріятіемъ. Инстинктивное соблюденіе экономіи душевныхъ силъ приводитъ къ тому, что та грань явленія или та его часть, которая фиксируется въ полѣ сосредоточеннаго вниманія, удерживается и даетъ такимъ образомъ нѣкоторое стилизованное представленіе о предметѣ. Этотъ процессъ стилизаціи, или упрощенія, происходитъ въ мѣрѣ того, какъ волевой интересъ, опредѣляющій прежнія представленія, находитъ удовлетвореніе въ новомъ воспріятіи; поле сосредоточеннаго вниманія все болѣе суживается, и такимъ образомъ получается въ результатъ то, что мы называемъ идеей, или общимъ понятіемъ. Волевой моментъ въ воспріятіи, опредѣляющій образованіе идеи, непроизволенъ и обуславливается тѣми отношеніями, которыя устанавливаются между познающимъ и дѣйствующимъ субъектомъ и міромъ, въ которомъ онъ познаетъ и дѣйствуетъ. Принудительнымъ моментомъ въ образованіи идей является не объективная сущность познаваемыхъ вещей, а субъективный интересъ познающаго. Этотъ интересъ опредѣляется жизненнымъ инстинктомъ въ первоначальныхъ стадіяхъ, и стремленіемъ къ расширенной и полной жизни въ дальнѣйшихъ. Противоположеніе между общимъ и частнымъ, и въ частности возведеніе общаго и частнаго въ степень категорій мышленія, психологически лишено всякаго значенія и отнюдь не имѣетъ характера всеобщности и необходимости. Есть область познанія, въ которой даже

формально логическое противоположеніе общаго и частнаго и не примѣнимо совершенно. Это область искусства. Художественный образъ не есть обобщеніе, ибо будь онъ «общимъ» (въ смыслѣ логическомъ), отвлеченностью или схемою, въ немъ не было бы жизни, слѣдовательно и художественной цѣнности. Съ другой стороны, онъ и не есть частное, индивидуальное, ибо фотографическое изображеніе не есть искусство. Сказать, какъ это иногда дѣлается, что искусство есть высшій синтезъ общаго и индивидуальнаго, значить ничего не сказать, ибо въ этомъ словесномъ утвержденіи нѣтъ смысла. Вѣрно то, что въ художественномъ познаніи категоріи общаго и частнаго не играютъ никакой роли, они къ этому роду познанія непримѣнны и ему не нужны.

Мы приходимъ такимъ образомъ къ нѣкоторымъ основнымъ положеніямъ, устанавливающимъ существо и значеніе идей.

1. Идеи имѣютъ лишь инструментальное значеніе въ познаніи; онѣ истинны или ложны (пригодны или не пригодны) въ зависимости отъ того, удовлетворяютъ ли онѣ или не удовлетворяютъ активному моменту (интересу) познанія, которому онѣ обязаны своимъ существованіемъ. Онѣ всегда ложны, когда претендуютъ на объективную истинность. Такъ мы говоримъ о гѣсахъ, необходимыхъ при постройкѣ зданія, что они пригодны или не пригодны, но не смѣшаемъ никогда гѣсовъ съ самимъ зданіемъ.

2. Критеріемъ истинности идей, равно какъ сужденій, образованныхъ въ терминахъ идей, не является ихъ логическое совершенство. Самыя идеи логичны того же происхожденія, что и идеи вообще, и уже поэтому одному не могутъ быть абсолютнымъ критеріемъ. Если принять то, что было сказано о происхожденіи идей, то вопросъ о критеріи ихъ истинности, или ихъ цѣнности долженъ быть поставленъ въ иной плоскости, чѣмъ онъ ставится обычно. Истинность идеи не въ *conformitas intellectus et rei*, а въ соответствіи идеи съ душевнымъ состояніемъ — волевымъ устремленіемъ, подъ давленіемъ котораго идея создавалась.

3. Научный опытъ состоитъ въ искусственномъ изолированіи явленій и въ направленіи «сосредоточеннаго вниманія» изслѣ-

дователя на определенную его грань. Научный опыт слѣдует психологическому пути образованія идей, и поэтому съ тѣми ограниченіями, какія должны быть сдѣланы для самихъ идей, онъ прагматически истиненъ. Повседневный опытъ есть зачастую опыта научнаго, и этимъ объясняется его пригодность въ предѣлахъ, имъ-же самимъ себѣ поставленныхъ. Но по мѣрѣ того, какъ опытъ удаляется отъ непосредственныхъ нуждъ быденности, т.е. по мѣрѣ того какъ усложняются явленія, усложняется интересъ къ нимъ, самыя идеи теряютъ свою определенную челанность и все болѣе принимаютъ форму сосуда, ихъ включающаго. Онѣ приобретаютъ печать познающаго субъекта и изъ символовъ определенныхъ дѣлаются символами неопределенными, колеблющимися и условными. Идеи треугольника, дерева, звѣзды и т. д. достаточно определенны для того, чтобы люди въ общеніи между собою пользовались этими символами безъ риска вызвать взаимныя недоразумѣнія. Идеи науки, государства, націи и т. п. сложнѣе въ томъ отношеніи, что интересъ къ тѣмъ явленіямъ, которыя кроются подъ этими идеями, сложнѣе и разнообразнѣе. Здѣсь соглашеніе между людьми возможно лишь путемъ сложной предварительной работы соглашенія ихъ воли и устремленій. Идеи политики, религіи, искусства, морали затрагиваютъ наиболѣе сложные интересы людей, и въ этихъ областяхъ соглашеніе наиболѣе трудно осуществимо...

Такимъ образомъ, если мы возьмемъ въ цѣломъ комплексъ идей, опредѣляющій душевную жизнь человѣка, онъ дастъ намъ тотъ разрѣзъ дѣйствительности, который открывается человѣку подъ напоромъ его волевого устремленія къ жизни, и дастъ вмѣстѣ съ тѣмъ самый образъ и характеръ этого устремленія.

Эти предварительныя замѣчанія сдѣланы не для того, чтобы дать полную теорію общихъ идей, а для того лишь, чтобы наметить точку зрѣнія, съ которой могутъ быть разсматриваемы и оцѣнваемы пути философіи.

Если идеи для познанія имѣютъ инструментальное значеніе, если роль ихъ въ томъ, чтобы овладѣть съ ихъ помощью отдѣльными гранями непознаваемаго въ цѣломъ, то какъ случилось то,

что изъ средствъ оныхъ обратились въ цѣль, какъ случилось то, что люди, возведя гѣса вокругъ вѣдѣнія жизни, чтобы владѣть имъ, рѣшили, что гѣса и есть главная цѣль и смыслъ ихъ работы, а самое вѣдѣние нужно лишь для того, чтобы вокругъ него возводить и укрѣпить гѣса?

Психологія идей даетъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Въ самомъ дѣлѣ, цѣли познания, т. е. прежде всего цѣлесообразное волевое устремленіе возможно лишь при искусственномъ ограниченіи знанія конкретнаго, т. е. въ цѣлесообразномъ выдѣленіи однихъ граней предмета и въ устраненіи изъ поля зрѣнія другихъ, не нужныхъ для познания, а следовательно мѣшающихъ ему. Это ограниченіе знанія, т. е. образованіе идей, оказалось настолько необходимымъ и практически полезнымъ, что называя и представляя себѣ человеческой жизни внѣ этого процесса обобщенія. «Общая идея» практически оправдала бы себя въ наивысшей степени, и главнымъ образомъ благодаря тому фактору, что, не будучи адекватною дѣйствительности ни въ одномъ случаѣ, она оказывается практически пригодной для всѣхъ или почти всѣхъ случаевъ, когда интересъ къ этой дѣйствительности однороденъ.

Идея выведена практической необходимостью и въ структурѣ своей подчинена ей. Самый процессъ образованія идей есть процессъ приспособленія къ жизни по линіи наименьшаго сопротивленія, и она создаетъ необходимую экономію психики: дѣйственная реакція на вещь внѣшняго міра происходитъ не каждый разъ въ отвѣтъ на индивидуальное явленіе, а заранѣе готова для цѣлага ряда явленій въ настоящемъ и въ будущемъ, гдѣ интересъ къ явленію однороденъ; она даетъ повседневно и научное предвидѣніе. Явленіе тедуче, измѣнчиво, непостоянно, оно непрерывно рождается и умираетъ, оно обусловлено и относительно, ибо безконечными нитями своими связано съ космосомъ. Идея, за которой нѣтъ реальнаго существованія, неподвижна, неизмѣнна и постоянна и, однажды рожденная, не знаетъ смерти и глѣна. Въ глазахъ философовъ, поскольку они отрывались отъ жизни размышленіемъ надъ ней, подъ влияніемъ ложно истолкованнаго житейскаго и научнаго опыта, предлага-

ты универсальности, неизмѣнности и негнѣности связались съ предикатами значительности и цѣнности; отъ этого только шагъ остался къ предикату высшей истинности.

Шагъ былъ сдѣланъ, и въ сознании людей получило обратное отображеніе отношенія идеи и явленія. Идея оказалась въ области желанія и необходимости, явленіе въ области кажущагося и случайнаго.

На известной ступени сознанія то, что въ жизни привычно, ясно и несомнѣнно, теряетъ эти свойства, обволакивается туманомъ, оказывается насквозь мроцатавнымъ тайною и начинаетъ вызывать безпокойство и тревогу. Рождается смутное чувство, что простота и ясность въ видимой жизни только оболочка ея, что истина не исчерпывается видимымъ и «естественнымъ», что дѣйствительная сущность вещи такъ же мало похожа на ея видимость, какъ ядро на скорлупу. Въ обыденномъ знаніи нѣтъ разгадки тайны. Рождается любовь къ мудрости — философія. Свои приемы и методы мышленія философія заимствовала у повседневнаго опыта и пошла по его пути. Она осознала различіе между общимъ и частнымъ и поддалась соблазну устойчивости идей по ихъ независимости отъ преходящей вещи. Преходящее было «мнѣнимъ» («докса»), вѣчное — сущностью («узіа»); вѣчной сущности нѣтъ въ мірѣ явленій, и исанія были естественно направлены въ область идей. Жизнь съ ея многообразіемъ, неуловимостью и тайною стала укладываться въ логически стройную форму системы идей, и разумъ изъ жизненнаго орудія сталъ источникомъ истины. Несомнѣнно, однако, что какъ-бы «идеалистичны» ни были философскія системы, какъ-бы отвлеченны ни были образованія ихъ идей, въ основѣ философій всегда лежитъ психологическій фактъ интереса къ міру и жизненнаго устремленія философа. Платонъ и Аристотель, стоики и эпикурейцы, Лейбницъ, Кантъ, Гегель, Шопенгауеръ не потому расходились въ своихъ воззрѣніяхъ, что одни мыслили истинно, а другіе ложно. Разумъ, т. е. способность комбинировать идеи, у всѣхъ упомянутыхъ философовъ былъ достаточно изощренный, чтобы не допускать ошибокъ. Они расходились потому, что самая основа душевнаго процесса, который полу-

чить отраженіе въ системѣ, основа сознательная или подсознательная, была разная. Различень былъ интересъ къ міру, различны были ихъ жизненные устремленія, различнымъ поэтому оказался удѣльный вѣсъ идей, которыя часто по несовершенству человѣческаго языка обозначались философіями однимъ и тѣмъ-же словомъ, но по существу были разнаго происхожденія, различными и разноцѣнными. Въ основѣ философіи лежитъ міроопущеніе, и какъ-бы отвлеченіе ни уходило далеко вглубь и ввысь отъ своего эмоціонально-волевого основанія, оно остается неизмѣнно съ нимъ связаннымъ.

Эту первоначальную неразрывную связь между философіей, вѣрнѣе, между философскою системою и міроопущеніемъ, философія игнорируетъ или отвергаетъ. Идея, слѣдовательно всякая комбинація идей, совершающаяся согласно законамъ логики, истинна и предикатъ истины присущъ ей, конечно, независимо отъ психологіи мыслящаго субъекта. Признать свою связь съ міроопущеніемъ, т. е. съ душевнымъ состояніемъ, не выраженнымъ въ формѣ неизмѣнныхъ идей, а слѣдовательно остающимся въ предѣлахъ индивидуальнаго и преходящаго, признать эту связь философіи кажется величайшею *capitis deminutio*, ибо тогда исчезаетъ основное требованіе, предъявляемое ею къ себѣ, — объективная общеобязательность и абсолютность добываемыхъ ею истинъ. Для того, чтобы логически обосновать себя, философія должна порвать свои связи съ психологіей, съ субъективнымъ міроопущеніемъ, которое не можетъ быть отправною точкою для объективно истинныхъ и общеобязательныхъ сужденій. Обезвредить индивидуальное сознаніе возможно было лишь созданіемъ идеи сознанія, независимаго отъ случайнаго, непредвидимаго, столь опаснаго для идей сознанія индивидуальнаго. Идея сознанія вообще (*Bewusstsein überhaupt*) и явилась этимъ предолѣніемъ субъективизма и психологизма. «Сознаніе вообще» есть нѣчто реальное и общезначимое, и законы его, т. е. логика, отрываютъ истинное и общеобязательное. Психологія низводится на степень научной дисциплины, и ея данныя ни въ малой степени не вліяютъ на философію, ибо область ея эмпирична, а область философіи идеалична. Но идея «сознанія вообще» шатка и ненадежна. Принять

въ сознаниі одни признаки за существенные и отбросить другіе, какъ несущественные, можно только исходя изъ предпосылокъ, которыя не могутъ быть доказаны. Такъ, Кантъ построилъ свою теорію познанія не по «сознанію вообще», а самую идею «сознанія вообще» создалъ, исходя изъ данныхъ своей теоріи познанія достовѣрности. Самый споръ между психологизмомъ и логизмомъ весьма поучителенъ. Онъ повидимому, какъ и всѣ основныя философскія контроверзы, неразрѣшимъ. На протяженіи всей исторіи философіи та и другая сторона использовала всю свою аргументацію, не убѣдивши противника. Повидимому, дѣло не въ аргументаціи, а въ томъ, что глубже и сильнѣе всякой аргументаціи, т. е. въ міроощущеніи, которое диктуетъ то или иное воззрѣніе и рождаетъ тотъ или иной кругъ идей. Очевидно, что идея сознанія вообще, какъ и всякая идея, не можетъ служить основаніемъ философской достовѣрности.

Философія, какъ система идей, не есть единственный путь расширенія и углубленія жизни. Основной импульсъ къ философствованію — выявленіе міроощущенія — находитъ для себя и иные пути. Одинъ изъ этихъ путей — путь, излюбленный русскимъ геніемъ, путь искусства.

То, что для философа идея, для художника — образъ. Созданіе того и другого символа есть актъ познанія, но оба эти акта глубоко различны и по процессу ихъ образованія, и по ихъ достиженіямъ. Въ символѣ-идеѣ принудительность въ самомъ зачатіи ея, въ моментѣ цѣли; въ символѣ-образѣ нѣтъ момента цѣли, если не злоупотребляя словами, не считать цѣлью само познаніе. Вода, бьющая изъ родника жизни, частью уходитъ въ русло, заранѣе назначенное, и для нея уклоненіе отъ предопредѣленнаго теченія невозможно; частью же, не вмѣщаясь въ русло, она пробиваетъ свои пути, направленія которыхъ по руслу нельзя ни опредѣлить, ни предвидѣть. Великіе художники говорятъ о томъ же, о чемъ говорятъ философы, но, не стѣсненные въ своемъ методѣ, не подчиненные предуставленной логикѣ идей, они въ своемъ творчествѣ даютъ образъ жизни, не продиктованный практическимъ интересомъ, лежащимъ въ основѣ идеи. Быть можетъ на первый взглядъ покажется парадоксальнымъ утвержде-

ние, что в художественном познании жизнь отображает «объективнее», чем в философском; между тем, если верно, что образование идей подчинено практическому моменту познания, вывод этот напрашивается самъ собою. Шиллеръ, опредѣляя искусство, какъ игру, т. е. какъ дѣятельность духа, практически бесполезную, истинно почувствовалъ сущность расхожденія путей науки и философіи съ одной стороны и искусства съ другой. «Полезнымъ» можетъ быть только то знаніе, которое вызвано интересомъ и волевымъ устремленіемъ, слѣдовательно знаніе, добытое посредствомъ идей. Искусство безкорыстно; оно даетъ знаніе, изъ котораго нельзя сдѣлать никакого практическаго употребленія, но оно даетъ непосредственное удовлетвореніе стремленію человеческого духа проникнуть за предѣлы обыденнаго опыта. Философія служитъ тому же стремленію, но методъ ея, заимствованный у знанія практически полезнаго, ведетъ ее по пути нѣкотораго приближенія къ жизни, но не допускаетъ непосредственнаго прикосновенія къ ней. Греческая философія въ своемъ стремленіи проникнуть въ сущность вещей полагала, что прежде всего нужно открыть «архэ», т. е. невидимое ихъ начало. Идея «архэ» дана опытомъ; философъ знаетъ, что знаніе вещи для цѣлесообразнаго воздѣйствія на нее возможно тогда, когда извѣстно ея начало. Допустивъ предположеніе, что въ области за-опытной дѣйствительны законы опыта, онъ перенесъ въ нее свой обычный методъ и получилъ проекцію міра въ разумѣ. Каковы-бы ни были найденныя греками «начала» — вода, воздухъ, добро, идея, логосъ, на нихъ всегда и неизмѣнно виденъ слѣдъ замаскированнаго субъективнаго интереса». Трагика и ваятели безкорыстно творили, и мы на разстояніи вѣковъ легко можемъ судить о степени объективности ихъ достиженій.

Художникъ исходитъ не изъ идеи, а изъ непосредственнаго переживанія. Это освобождаетъ его отъ принужденія, навлагаемаго идеями на философа. Въ мышленіи не можетъ быть произвола, какъ не можетъ быть произвола въ игрѣ, а правилахъ которой между партнерами существуетъ опредѣленное соглашеніе. Можно, конечно, нарушить правила игры, но тогда не будетъ игры, какъ можно нарушить законы мышленія, но не будетъ тог-

да мышления. Эти законы для художника не писаны и применяя их ему не къ чему въ процессѣ творчества. Его мироощущение сдѣляется непосредственно съ живымъ явленіемъ, въ то время какъ мироощущеніе философа сдѣляется съ системой идей, преломляющей его согласно своимъ законамъ. Въ глубинахъ духа сходятся оба ствола философіи и искусства, питающіеся тѣми же корнями, и этимъ объясняется то, что искусство, достигающее известной степени творческаго напряженія, ровнымъ образомъ выходитъ за предѣлы того искусства, задачи котораго по общепринятому взгляду вызываютъ художественныя эмоціи.

Въ мою задачу не входитъ анализъ философіи великихъ русскихъ писателей. Многое въ этомъ направленіи сдѣлано въ большой критической работѣ о Толстомъ и Достоевскомъ Д. С. Мережковскимъ. Совершенно исключительную цѣнность въ этомъ отношеніи представляютъ труды Л. И. Шестова. Онъ вскрываетъ съ ему одному присущимъ мастерствомъ философію Толстого и Достоевскаго, но дѣлаетъ это попутно, не какъ историкъ русской философіи, а какъ философъ, пользующійся критикою для своихъ собственныхъ цѣлей. Русская философія ждетъ еще своего изслѣдователя.

Я ограничусь лишь нѣсколькими примѣрами для выясненія своей основной мысли.

Л. Толстой развернулъ въ «Войнѣ и Мирѣ» картину жизни, не имѣющую равной въ мировой литературѣ по глубинѣ захвата и мастерству исполненія. Для самого Толстого его эпопея, какъ и все, что онъ писалъ, была не только художественнымъ произведеніемъ, но выраженіемъ всего его мирозерканія. Въ своемъ стремленіи выявить его со всею возможною полнотою онъ не стѣснялся формою художественнаго произведенія и хотѣлъ усилить свои образы переводомъ ихъ на языкъ идей. Нужно сказать, что переводъ въ философскомъ смыслѣ вышелъ крайне неудачнымъ — неубѣдительнымъ и противорѣчимымъ. Академическимъ философамъ, конечно, ничего не стоило опровергнуть философію Толстого. Они это дѣлали въ статьяхъ и въ книгахъ, упуская совершенно изъ виду глубокую связь между его

образами и философией, еще чаще опровергали его в устных беседах с Толстым и всегда недоумевали по поводу того, что их безукоризненная аргументация, понятная для среднего студента, не производила никакого впечатления на великого писателя. Между тем постоянная недоразумения между Толстым и его критиками и собеседниками не только понятны, но кажутся почти неизбежными. Толстой, высказывая свою истину, хотел облечь в форму идей то, для чего у него не только не было слов, но не было и мыслей, ибо мысль не создала идей, адекватных тому, что думать, и чего хотел Толстой. Он думал: Болконский, Пьер, Ростов, Наполеон, Каратаев, сражение при Аустерлице, а говорил: свобода, необходимость, дифференциал истории, влияние личности, сущность власти и т. д. Эти два ряда мыслей не только не покрывают друг друга, но между ними нет того параллелизма, которым могло бы быть установлено между ними некоторое постоянное соотношение. Истина Толстого, которую никакая академическая философия не могла бы опровергать в ее природной форме, оказалась легко уязвимой в несвойственном ей рационалистическом облачении. Было и иное. Толстой находил иногда философское выражение, которое может служить верным ключом к его образам, но это было именно тогда, когда он подчеркивал пропасть между рациональным мышлением и интуитивным созиданием. В этом отношении особенно замечательно одно место в «Войне и Мире», на которое, насколько мне известно, никто из критиков не было обращено внимание. В начале 3 ч. третьего тома он говорит: «Для человеческого ума непонятна абсолютная непрерывность движения. Человеку становятся понятны законы какого бы то ни было движения только тогда, когда он рассматривает произвольно взятые единицы этого движения. Но вместе с тем из этого-то произвольного деления непрерывного движения на прерывные единицы проистекает большая часть человеческих заблуждений». Далее следует анализ и объяснение известного софизма об Ахиллесе и черепахе. В этих немногих строках Толстой за несколько десятков лет до Бергсона предвосхитил основную

мысль его «Essai sur les données immédiates de la conscience», предвосхитил почти въ одинаковыхъ выраженіяхъ и пояснилъ тѣмъ же примѣромъ, который приводится Бергсономъ. Разумѣется, не въ этихъ отдѣльныхъ выпискахъ чисто философскаго прозрѣнія сила философіи Толстого. Но онъ въ высшей степени интересны и показательны для занимающаго насъ вопроса объ отношеніи философіи идей къ философіи переживанія, для уясненія путей, великихъ и цѣннѣйшихъ достиженій философіи. Еще одинъ примѣръ не будетъ излишнимъ для полной ясности дальнѣйшихъ выводовъ. Вопросъ о томъ, гдѣ граница между нормальнымъ и ненормальнымъ опытомъ, т. е. когда человѣческій опытъ даетъ матеріалъ для истиннаго сужденія, и когда его данныя иллюзорны и ложны, крайне рѣдко поднимался философіей. Между тѣмъ этотъ вопросъ волновалъ и тревожилъ философовъ всегда, и то, что онъ не ставился съ полною и опредѣленною ясностью, я могу объяснить лишь инстинктивнымъ страхомъ философовъ передъ тѣмъ, что удовлетворительный отвѣтъ не будетъ найденъ. Это обычный страхъ философіи передъ психологіей. Философія подходила къ этому вопросу не прямо, скорѣе обходила его, тѣмъ рѣшала. Кантовскія формы познанія, — синтетическія сужденія а priori, категоріи разсудка, идеи разума, — являются философскимъ обоснованіемъ «нормальнаго» опыта. На самомъ дѣлѣ, однако, трансцендентальная эстетика не устанавливаетъ никакой грани между нормальнымъ (истиннымъ) опытомъ и ненормальнымъ (ложнымъ), а исходитъ изъ того, что такая грань есть, и стремится лишь объяснить и обосновать то, что находится по сію сторону нормальнаго. Но какими объективными доказательствами (объективными, т. е. общеобязательными и принудительными, доказательствами больше всего дорожатъ философы) обладаетъ философія для того, чтобы доказать, что внутренний и внѣшній опытъ душевно-больнаго, совершающійся внѣ формъ воспріятія и мышленія, установленныхъ критической философіей, есть опытъ ложный? Такихъ доказательствъ нѣтъ, ибо то, что т. н. здоровый опытъ есть явленіе общее, а ненормальный, или больной опытъ явленіе рѣдкое, ничего не доказываетъ, ибо философскія истины очевидно не могутъ рѣшаться большинствомъ

голосовъ. «Сознаніе вообще», о которомъ было сказано выше, не можетъ служить обоснованіемъ нормальнаго опыта, ибо это идея формулируетъ основу критицизма, а не доказываетъ его. Логика и дискурсивное мышленіе безсильны предъ проблемой опыта, т. е. предъ проблемой, рѣшеніе коей должно служить, какъ это ясно понималъ Кантъ, основой всякой философіи. Но если легко было философіи отмахнуться отъ «проклятаго вопроса», то это оказалось невозможнымъ для художника, когда этотъ вопросъ предсталъ предъ нимъ не какъ теоретическая проблема, а какъ непосредственный фактъ внутренняго переживанія. У Достоевскаго вся внутренняя жизнь была сплетеніемъ и нормальнаго и аномальнаго опыта и уже въ «Преступленіи и наказаніи» устами Свидригайлова онъ прямо и рѣзко рѣшаетъ вопросъ.

...Я васъ не про то спросилъ, — говоритъ Свидригайловъ, — вѣрите-ли вы или нѣтъ, что привидѣнія являются? Я васъ спросилъ: вѣрите-ли вы, что есть привидѣнія?

— Нѣтъ, ни за что не повѣрю! — съ какою-то даже злобою вскричалъ Раскольниковъ.

— Вѣдь обыкновенно такъ говорятъ? — бормоталъ Свидригайловъ, какъ бы про себя, смотря въ сторону и наклонивъ нѣсколько голову. — Они говорятъ: «ты боленъ, стало быть, то, что тебѣ представляется, есть одинъ только несуществующій бредъ. А вѣдь тутъ нѣтъ строгой логики. Я согласенъ, что привидѣнія являются только больнымъ; но вѣдь это только доказываетъ, что привидѣнія могутъ являться только больнымъ, а не то, что ихъ нѣтъ, самихъ по себѣ.

— Конечно, нѣтъ! — раздражительно настаивалъ Раскольниковъ.

— Нѣтъ? Вы такъ думаете? — продолжалъ Свидригайловъ, медленно посмотрѣвъ на него. — Ну, а что, если такъ разсудить (вотъ помогите-ка): «Привидѣнія — это, такъ сказать, клочки и отрывки другихъ міровъ, ихъ начало. Здоровому человѣку, разумѣется, ихъ незачѣмъ видѣть, потому что здоровый человѣкъ есть наиболѣе земной человѣкъ, а, стало быть, долженъ жить одною здѣшнюю жизнью, для полноты и порядка. Ну, а чуть заболѣть, чуть нарушился нормальный земной порядокъ въ организмѣ, тотчасъ и начинается сказываться возможность другого міра, и чѣмъ больше боленъ, тѣмъ и соприкосновеній съ другимъ міромъ больше, такъ что, когда умретъ человѣкъ, то прямо и перейдетъ въ другой міръ». Я надъ этимъ давно разсуждаю, и т. д.

Пятьдесятъ лѣтъ спустя, американскій философъ Вильямъ Джемсъ мысль Свидригайлова-Достоевскаго положилъ въ основаніе своей замѣчательной книги: «Многообразіе религіознаго опыта».

Мы не будем останавливаться на тех выводах, к которым пришел Джемс. Заметим только, что позитивисты и эмпирики Джемс изнутри взорвали традиционный позитивизм и эмпиризм; они разрушили его прочнейший фундамент — идею верховенства разумного опыта. Мысль Свидригайлова-Джемса является роковой не только для позитивизма, но и для всякой рационалистической системы. Недаром Достоевский подчеркивает злобу и раздражение рационалиста Раскольникова в его репликах Свидригайлову. Это раздражение рационализма, вызванное бессилием противопоставить что-либо непроверяемому положению Свидригайлова, страх перед тем, что рухнет опора в жизни и ускользает твердая почва уверенности в истинном и ложном..

При уничтожении грани между нормальным и аномальным опытом с особенною остротою возникает вопрос о некоем критерии опыта. Философия идеи здесь бессильна, ибо противоположение нормального, т. е. истинного, и аномального, т. е. ложного, составляет необходимую ее предпосылку. Если какое либо решение вопроса о критерии опыта возможно, то его повиному может дать лишь философия переживания. Это решение не может претендовать на признание его дискурсивным мышлением, — каково бы оно ни было, оно является независимо от законов логики и ее предпосылок. Оно неизбежно останется в области философии, которая по мысли Шестова есть учение об истинах не обязательных; истина же не обязательная есть не что иное, как непосредственное данное сознания, или непосредственное переживание.

Бергсона критики часто упрекают в непослѣдовательности. Въ «Непосредственныхъ данныхъ сознанія» онъ устанавливаетъ тотъ фактъ, что дискурсивное мышленіе, строящее непрерывное и неразложимое теченіе жизни въ терминахъ дѣлимаго и прерывнаго пространства и пространства-времени, не даетъ истиннаго образа міра. Объективная дѣйствительность постижима только въ непосредственномъ соприсосновеніи съ нею въ единомъ процессѣ длительности. Всякая система идей потому извращаетъ жизнь, можетъ быть годна для какихъ-либо

практических целей, но не для истинного знания. Между тем сам Бергсон соблазнился и дал систему в «*Evolution créatrice*»; он изменил себя таким образом в самом основном и важном. Смысл интуитивизма Бергсона заключается в том, что он допускает лишь один способ проникновения в объективное бытие — непосредственное сопереживание с ним. Другими словами, только переживание может удовлетворить тот инстинкт, который является в человеческом существе источником всякой философии. Философия поэтому есть молчание, и, нарушив в «*Evolutions créatrice*» это молчание, Бергсон стал в противоречие с самим собой. Мне кажется, что это возражение, слишком упрощающее философию Бергсона, принципиально неверно. Если истина в переживании и «систематическая философия» дает извращение действительности, то из этого отнюдь не следует еще осуждение *всякого познания*. Почему не допустить возможности познания, не следующего обычному методу оперирования идеями, познания, тип которого предугадан искусством, и могущего служить осознанию того, что непосредственно воспринимается и переживается, как подлинная реальность? Никакое познание или осознание невозможно без инструмента познания, т. е. без символов — идей; но значение этих идей, когда они не представляются своему свободному логическому течению, а находятся под постоянным контролем переживания, существенно отличается от того значения, которое они имеют в систематическом философском построении. В последнем они приобретают характер самодовлеющего начала, становятся конечной целью и последним критерием истины. В интуитивной философии они остаются всегда лишь тем, что они есть на самом деле — орудием знания, и пользование ими поэтому не представляет опасности возвращения к догматическому идеализму или рационализму. Если идея перестает служить критерием, а сама живет лишь постольку, поскольку она выдерживает пробу жизни и переживания, она может дать то знание, к которому стремится философия. Этот путь возвращения или к ее первоначальному источнику и пользование ею в пера-

рывной связи съ переживаніемъ есть путь художниковъ, которые столь же художники, сколько и философы, ибо грани между этими двумя областями человѣческаго творчества, столь замѣтныя на поверхности, исчезаютъ безслѣдно въ глубинѣ творчески познающей души. Если у Толстого, Достоевскаго, Гете, Ибсена и другихъ творцовъ мы находимъ «идеи», то эти идеи качественно отличны отъ идей систематической философіи. Если, какъ въ приведенныхъ примѣрахъ, онѣ совпадаютъ съ идеями философіи, то это указываетъ лишь на то, въ чемъ не могло быть и сомнѣнія, что философія, несмотря на всѣ отрывы отъ своихъ корней и безчисленныя блужданія, въ послѣднемъ счетѣ есть та же работа духа, что и художественное творчество. Оба пути философіи при всѣхъ своихъ расхожденіяхъ, сливаясь въ своемъ началѣ, тяготеютъ къ сліянію въ своихъ конечныхъ точкахъ.

Post-scriptum. Эта статья была написана, когда появилась въ VI кн. «Современныхъ Записокъ» замѣтка Н. М. Минскаго «Единственный свѣточъ», посвященная критикѣ «Тысячи и одной ночи» Л. И. Шестова. Н. М. Минскій касается круга вопросовъ, поставленныхъ въ настоящей статьѣ, и не для защиты Шестова, а для предупрежденія возможныхъ, судя по статьѣ Н. М. Минскаго, даже весьма вѣроятныхъ, недоразумѣній, я считаю нужнымъ добавить настоящее послѣсловіе.

Шестовъ, говоритъ Минскій, отрицаетъ разумъ, и въ этомъ собственно тягчайшее обвиненіе, которое противъ Шестова выдвигаетъ его критикъ. Правда, отрицали разумъ и другіе философы, но тѣ отрицали разумъ во имя своихъ системъ (разумомъ же созданныхъ!), а Шестовъ «только отрицаетъ, но ничего не создаетъ». Подумалъ ли Минскій о томъ, что обвинять ему слѣдовало бы не Шестова, который послѣдователенъ въ своемъ отрицаніи (съ точки зрѣнія «единственного свѣточа» послѣдовательность есть заслуга и добродѣтель), а философовъ, — Шопенгауэра, Ницше, Бергсона, на которыхъ онъ ссылается, и которые, отрицая разумъ, разумомъ же создавали свои системы. Далѣе, Шестовъ характеризуется, какъ скептикъ, отрицающій науку и ея обобщающіе методы, — скептикъ, который внезапно превра-

тился въ обыденнаго, запуганнаго вѣрующаго; философское отрицаніе разума вылилось у него въ борьбу съ разумомъ во имя вѣры.

Что касается до отрицанія науки и ея методовъ, то изъ дальнѣйшаго будетъ ясно, что мы имѣемъ дѣло здѣсь съ недоразумѣніемъ, вызваннымъ непониманіемъ проблемы. Съ такимъ же основаніемъ можно было бы упрекать Лобачевского и Римана въ томъ, что они отрицаютъ геометрію, и приводить въ пользу этихъ упрековъ аргументы изъ учебника Евклида. Съ такимъ же основаніемъ можно упрекать Минковского и Эйнштейна въ томъ, что они отрицаютъ механику и аргументировать законами Ньютона. Но вѣдь все дѣло въ томъ, что реформаторы геометріи и механики исходятъ изъ совершенно иныхъ предпосылокъ въ своихъ построеніяхъ и показываютъ, что Евклидова геометрія, какъ и Ньютонова механика являются лишь частнымъ случаемъ пангеометріи и панмеханики, частнымъ случаемъ, вѣрнымъ для ограниченныхъ пространствъ и массъ.

Шестовъ, и это открытіе отнюдь не принадлежитъ ему лично, полагаетъ, что обыденное познаніе есть лишь частный случай познанія, превосходно обслуживающій нужды человѣчества въ его ограниченной практической или обыденной жизни. Если бы сторонникамъ новой механики пришлось строить мосты или зданія, то они, конечно, это дѣлали бы такъ же, какъ это дѣлали инженеры и строители до нихъ. Если бы Шестовъ или Бергсонъ вздумали заниматься зоологіей, на которую Минскій ссылается, то они, конечно, дѣлали бы это такъ, какъ дѣлали биологи Н. М. Минскій ломится въ открытую дверь и перажаетъ своимъ тяжеловѣснымъ критическимъ орудіемъ лишь пустое пространство. Такого же характера и упрекъ Минскаго Шестову въ скептицизмѣ. Слишкомъ двадцать лѣтъ тому назадъ Шестовъ закончилъ свою книгу о Ницше и Толстомъ словами: «нужно искать Бога». Вся дальнѣйшая работа его была однимъ сплошнымъ исканіемъ... Правда, пути его исканій лежали въ сторонѣ отъ большой дороги русскаго богоискательства, и я этимъ объясняю то, что его критикъ, ослѣпленный своимъ свѣточемъ, запутался при первой же попыткѣ слѣдовать за Шестовымъ. Отсюда и всё недоумѣніа Минска-

го: онъ не подѣрываетъ проблемы, поставленной Шестовымъ, и всѣ его возраженія направлены противъ призрака, созданнаго воображеніемъ, боящимся всего необычнаго и непонятнаго.

Шестовъ утверждаетъ, что разумъ не есть единственный источникъ знанія. Въ предѣлахъ, ему положенныхъ, разумъ есть великое жизненное орудіе — это предѣлы обыденности, т. е. науки и матеріальной культуры. Здѣсь права разума неоспоримо суверенны. Но обыденностью жизнь не исчерпывается; объ этомъ свидѣлствуетъ опытъ, — правда опытъ не всѣхъ людей, свидѣлствуютъ виднѣя великихъ творцовъ-художниковъ и философовъ. Эта область за-обыденнаго влечетъ къ себѣ мысли Шестова. Впервые онъ сталкивается съ нею въ трагедіи. Въ «Философической трагедіи» онъ показываетъ на образахъ и живыхъ творцахъ ихъ, какъ невѣренъ и обманчивъ «единственный» свѣточъ въ тѣхъ случаяхъ, когда явленія выходятъ изъ рамокъ обыденной нормы. Онъ показываетъ, что разумъ и его законы оказываются безсильными познать что либо тамъ, гдѣ безнадежность и отчаяніе становятся на мѣсто разумнаго порядка и обыденной нормы и даютъ тѣкое иное знаніе, внѣ разума и его законовъ. Въ среднихъ линіяхъ жизни разумъ — прочная и надежная почва, и горе тому, кто пренебрежетъ имъ и его законами. Но на окраинахъ жизни исчезаетъ эта почва, и тому, кто вольно или невольнo попалъ на эти окраины, кто по тѣмъ или инымъ причинамъ очутился лицомъ къ лицу съ трагическимъ, остается лишь одно: оттолкнуть отъ себя колеблющуюся и потому опасную почву и искать познанія и жизни внѣ ея. «Апофеозъ беспочвенности» не есть прославленіе беспочвенности ради нея самой. Это стремленіе оторваться отъ почвы тогда, когда корни сгнили, питанія нѣтъ, а жизнь еще не изсякла. Беспочвенность Шестова есть освобожденіе отъ цѣпей, налагаемыхъ разумомъ и его сателлитами: логикой, навыками, догмою; беспочвенность не земля обѣтованная, а возможность, вѣрнѣе, — устраненіе препятствій къ ея достиженію.

Представьте себѣ фантастическій случай, когда въ благоустроенномъ питомникѣ въ нѣкоемъ кустѣ какимъ-то чудомъ пробуждается инстинктъ животнаго. Первымъ его движеніемъ было бы стремленіе сдвинуться съ мѣста, освобожденіе отъ почвы; его

прежняя жизнь показалась бы ему жалким прозябаніем и тюрьмою. Сосѣдніе кусты, подобно Н.М.Минскому, не понимали бы, что ихъ собрату собственно нужно, удивлялись бы безумной фантазіи сдвинуться съ почвы, упрекали бы его въ томъ, что онъ отрицаетъ почву, т.е. разумъ, неизвѣстно во имя чего, что онъ безнадежный скептикъ, ибо сомнѣвается въ абсолютности этой милой, жирной, уваженной земли...

Въ дальнѣйшемъ исканіи Шестовъ нашелъ другое. Не только безнадежность и отчаяніе являются источникомъ знанія. Имъ можетъ оказаться и вѣра, когда напряженіе ея доходитъ до такой степени, что съ корнями вырываетъ человѣка изъ почвы обыденности. Въ крикъ «*de profundis*» Шестовъ слышитъ нѣкое познаніе, отличное отъ того, которое столь обстоятельно упорядочено разумомъ. Шестовъ знаетъ, что этотъ иррациональный крикъ ни въ чему рациональному привести не можетъ, знаетъ это такъ же твердо, какъ его критикъ, какъ знаемъ мы всё по нашему нормальному человѣческому опыту. Но псалмопѣвецъ не ищетъ рациональнаго отвѣта на призывъ свой, и «вѣра» философъ ему чужда и ненужна. Его вѣра не имѣетъ ничего общаго съ признаніемъ разумомъ истинности тѣхъ или иныхъ идей, и вѣру, основанную на разумѣ, тщательно очищенную отъ всего, что съ разумомъ и его законами несовмѣстимо, онъ за вѣру не признаетъ. Это будетъ обычное *знаніе*, истинное или ложное, будетъ быть можетъ пригодно для практическихъ цѣлей человѣческаго общежитія, но никакими ухищреніями нельзя превратить этого знанія въ религиозную вѣру. Философъ можетъ вѣрить или не вѣрить въ Бога, какъ вѣрятъ или не вѣрятъ и не философы. Но въ *качество философа* вѣрить ему, въ смыслѣ псалмопѣвца или Св.Терезы, и нельзя. Онъ путемъ разума можетъ притти къ тому, что Богъ есть или Бога нѣтъ, можетъ притти къ тому, что *идея* Бога истинная или ложная, и весьма вѣроятно, что зародись въ груди его пламень вѣры (такіе примѣры мы знаемъ), и онъ испепелить все философское его построеніе.

Вѣра въ смыслѣ философъ или положительнаго вѣроученія не занимаетъ Шестова, — это, какъ онъ гдѣ то выразился «соци-

альная субстанція», вѣра куста въ божественность и необходимость унавоженной почвы...

Читатель, знакомый съ работами Шестова, легко замѣтитъ, въ чемъ основное расхожденіе между тѣмъ, что я пытался установить въ настоящей статьѣ и той тенденціей, которая проникаетъ философію Шестова. Для Шестова случайное, внезапное и хаотическое есть тотъ прорывъ проволочнаго загражденія разума, которымъ онъ окружилъ и укрѣпилъ свое царство обиденнаго. Психологія идеи приводитъ меня къ тому, что прорывъ ведетъ не къ хаосу и случайному. Хаосъ и случайное такъ же, какъ порядокъ и законмѣрность, идеи разума. Познаніе презреваніемъ столь же мало допускаетъ хаосъ и случайное, какъ и разумъ; это познаніе только разуму кажется хаосомъ, случайностью и внезапностью. Для познанія, непосредственно соприкасающагося съ бытіемъ безъ посредства идей, нѣтъ разумныхъ категорій, нѣтъ ни порядка, ни хаоса, ни необходимаго, ни случайнаго.

С. В. Лурье.

Отъ Данте къ Блоку.

Два событія случайно встрѣтились въ безконечной перспективѣ времени, какъ двѣ звѣзды сходятся для нашего взора въ пустыняхъ пространства. Одно событіе огромное, но далекое отъ насъ и кажущееся намъ даже не событіемъ, а простой календарной вѣхой на пути исторіи, а другое — близкое намъ, яркое, жгучее. Я говорю о шестисотлѣтней годовщинѣ смерти Данте и о тризнѣ, которую Россія справляетъ надъ свѣжей могилой безвременно ушедшаго отъ насъ Блока. И какъ часто бываетъ въ жизни, то, что на первый взглядъ казалось случайнымъ, вдругъ загорается внутреннимъ свѣтомъ. Эти два событія не только встрѣтились, но какъ будто, по выраженію поэта, обмѣнялись улыбкой ласковой привѣта. Намъ кажется, что Муза Данте, давно увѣнчанная безсмертіемъ, благосклонно глядитъ съ десятаго неба на Музу Блока, только что робко выступающую на загадочный судъ потомства. И хотя обѣ онѣ выросли подъ разными небесами, и разный имъ выпалъ жребій, но пристальный взглядъ открываетъ въ ихъ чертахъ печать какого-то родства. Кто захотѣлъ-бы въ Россіи говорить о пѣвцѣ Беатриче, не могъ-бы обойти молчаніемъ пѣвца Прекрасной Дамы, и чтобы понять человѣческую трагедію, пережитую Блокомъ, необходимо, быть можетъ, освѣтить ее лучемъ, идущимъ издалека — изъ Божественной Комедіи флорентинскаго «рифмача», какъ себя называлъ Данте, въ отличіе отъ «поэтовъ», писавшихъ по латыни и безъ рифмъ.

Поговоримъ сперва о Данте.

О немъ столько написано — на всѣхъ языкахъ — изслѣдованій, коментаріевъ, монографій, что новымъ изслѣдователямъ, казалось-бы, остается только разработка деталей. Къ общей-же оцѣнкѣ поэта ничего, кажется, не прибавишь и ничего въ ней не измѣнишь. Но уже въ такое мы живемъ свое-

вольное, бунтарское время, до того насъ обуяль острый духъ индивидуализма, что традиціи и приговоры прошлаго насъ не удовлетворяють. Мы вынуждены — хотимъ или не хотимъ — все пересмотрѣть по-своему, заново перечувствовать, пересудить, словомъ, переоцѣнивать всѣ цѣнности. И тотъ-же великій бунтарь Ницше, который завѣщаль намъ эту новую заповѣдь переоцѣнки цѣнностей, далъ намъ въ то-же время и мѣрило для такой переоцѣнки, именно идею сверхъ-человѣка, абсолютной личности. Эта заповѣдь велить намъ всякій разъ, когда мы приступаемъ къ оцѣнкѣ какого-либо вѣчнаго произведенія искусства, философіи или религіи, ставить вопросъ: при чемъ тутъ личность? Т.е. какую роль сыграло это произведеніе въ борьбѣ, которую личность, со времени Прометея, ведетъ за свое освобожденіе отъ двухъ пожирающихъ ее коршуновъ—власти земной и небесной. И, ставя этотъ вопросъ, мы часто бросаемъ на произведеніе новый свѣтъ и заново его переоцѣниваемъ.

Приведу для наглядности яркій примѣръ.

Античный міръ оставилъ намъ двѣ героическія поэмы — Илліаду и Энеиду, возвелъ на высоту для всеобщаго удивленія и подражанія двухъ безупречныхъ героев — быстроногаго Ахиллеса и благочестиваго Энея. Въ теченіе всего средне-вѣковья обѣ поэмы считались равноцѣнными, и находились цѣнители искусства, которые римскому поэту отдавали предпочтеніе передъ греческимъ находя его слогъ болѣе сжатымъ, описанія — болѣе яркими, дѣйствіе болѣе увлекательнымъ. И въ самомъ дѣлѣ, если примѣнить къ обѣмъ поэмамъ критерій объективный, то сравненіе и предпочтеніе той или другой вполнѣ возможны. Но вотъ мы ставимъ ницшеанскій вопросъ: причемъ тутъ личность? И Ахиллесъ и Эней предстоятъ намъ въ новомъ свѣтѣ. Греція дерзнула въ своей національной поэмѣ воспѣть абсолютную личность, «врага народа», героя, который свой личный гнѣвъ, свое оскорбленное чувство ставитъ выше блага и спасенія народа и государства. Греческія войска гибнуть подъ напоромъ ликующихъ троянцевъ, Гекторъ уже зажигаетъ суда, чтобы отрѣзать врагу путь къ отступленію, Агамемнонъ униженно черезъ пословъ проситъ прощенія за нанесенную обиду, предлагая несчетные дары. Но герой, отъ котораго зависитъ спасеніе народа, остается непреклоненъ. Онъ беретъ за оружіе лишь тогда, когда его личное чувство задѣто, и гнѣвъ друга взываетъ о мщеніи. Рядомъ съ этимъ богоподобнымъ сверхъ-человѣкомъ Эней кажется маленькимъ покорнымъ, благочестивымъ семьяниномъ и гражданиномъ. Тутъ нѣтъ сравненія, тутъ рожденіе двухъ

силъ, порабощающей и освобождающей. Отъ Энея два Рима, два меча, два коршуна терзавшихъ сердце челоувѣчества — императоръ и папа. Отъ Ахиллеса — вольный вихрь Возрожденія, бунтъ Реформаціи, очищающій ураганъ Революціи. Произошла переоцѣнка цѣнностей, ставшая возможной только въ эпоху абсолютнаго индивидуализма.

Читателю нашихъ дней придется кое-что переоцѣнить и въ творчествѣ Данте.

Изъ двухъ поэмъ Данте — Комедіи (уже послѣ его смерти названной Божественной) и Новой Жизни, принято считать наиболѣе важной трилогію Комедіи, а въ самой трилогіи первую часть, изображающую адъ. Новая Жизнь, долгое время находившаяся въ забвеніи, признается второстепеннымъ юношескимъ трудомъ Данте, чѣмъ-то вродѣ небольшого палаццо, выстроеннаго рядомъ съ огромнымъ готическимъ соборомъ. Но, посѣтивъ соборъ и палаццо, современный читатель вынесетъ впечатлѣніе, не совсѣмъ тождественное съ тѣмъ, какое испытывали поклонники дантовской поэзіи въ теченіе шести вѣковъ.

Что такое Комедія, по намѣренію автора и объясненію комментаторовъ? Данте въ одномъ изъ своихъ писемъ объясняетъ, что Комедія — произведеніе нравоучительное, «доктринальное», цѣль котораго — отпугивать людей отъ зла и привлекать ихъ къ добру. Итальянскіе критики цѣнятъ въ Комедіи прежде всего первый чистѣйшій источникъ ихъ языка, — ибо Данте самъ былъ главнымъ творцомъ того *dolce stilo*, на которомъ написана поэма и который онъ подслушалъ у женщинъ престоляродья, какъ нашъ Пушкинъ — у своей няни. Сверхъ того они цѣнятъ въ Комедіи энциклопедію ранней итальянской культуры, — географіи, астрономіи, философіи, теологіи. Они почитаютъ Данте, какъ перваго историка Италіи (Вико), какъ великаго гражданина, пламеннаго патріота, предвозвѣстника итальянскаго единства. Во Франціи Комедія долго была неизвѣстна. Ни Монтень, ни Буало, ни Вольтеръ о ней не упоминаютъ. Новые изслѣдователи французскіе и нѣмецкіе всего больше цѣнятъ въ Комедіи ея поэтическія достоинства, могущество воображенія, точность языка, чеканность образовъ, близость къ природѣ.

Очень возможно, что всѣ эти оцѣнки вѣрны, и что Комедію слѣдуетъ считать и нравоучительнымъ рассказомъ, и энциклопедіей знаній, и гражданскимъ подвигомъ, и поэтическимъ вымысломъ. Но всѣми этими достоинствами Комедія едва-ли могла-бы увлечь и зажечь насъ такъ, какъ она увлекла и зажгала современниковъ Данте. Какъ поучительный

разсказъ, Комедія не тронула-бы насъ не только потому, что мы больше не боимся ада, но, главнымъ образомъ, потому что вдохновлявшій Данте пафосъ возмездія и мести намъ нуждъ, и зрѣлище пытокъ невыносимо. Мы съ восторгомъ прочли-бы нѣсколько пѣсень, какъ разъ тѣ, въ которыхъ Данте не казнить, а жалѣть; — разсказъ Франчески, Уголино, Пьера де Винь, — и прошли-бы мимо раскаленныхъ гробницъ, озеръ съ кипящей смолой и рогатыхъ чертей съ вилами. Какъ энциклопедія всѣхъ наукъ и какъ политическій памфлетъ, Комедія вообще находится внѣ поэзіи, а какъ произведеніе поэтическаго вымысла, она тоже не вполнѣ удовлетворила-бы насъ, потому что яркія краски ада, по мѣрѣ восхожденія въ Чистилище, блѣднѣютъ, а въ Раю переходять въ блистательное однообразіе. Даже воображеніе Данте оказалось безсильнымъ рисовать десять восходящихъ ступеней блаженства.

Если-же все-таки Комедія остается и для насъ произведеніемъ вѣчно юнымъ, если она близка нашей душѣ не менѣе чѣмъ была современникамъ Данте, и даже, быть можетъ, ближе и болѣе понятна, то это потому что она не только урокъ морали, не только сокровищница знаній, не только игра воображенія, а еще мистерія обожествленной личности или, вѣрнѣе, мистерія самообожествленія.

Личность поставлена въ Комедіи такимъ острымъ ребромъ, что не замѣтить ея было нельзя. Данте не только дерзнулъ помѣстить свое Я въ центрѣ Комедіи, но сдѣлалъ себя ея героемъ, такъ что одинъ изъ критиковъ (Гоцци) вполнѣ вѣрно замѣтилъ, что если Виргилій назвалъ свою поэму по имени героя Энеидой, то Божественная Комедія можетъ быть названа Дантеидой. Точно также и французскій изслѣдователь Родъ находитъ, что Данте «сдѣлалъ открытіе человѣческаго Я», а историкъ Ренессанса Буркардтъ пишетъ: «Данте, первый изслѣдовавшій глубины своего Я, однимъ этимъ провель раздѣльную черту между средними вѣками и новой исторіей». Все это вѣрно, но все это лишь намекъ на правду, которая и ярче, и ближе намъ.

Nel mezzo del camin — по срединѣ жизненнаго пути, въ 35-лѣтнемъ возрастѣ, на вершинѣ физической и умственной силы, Данте, пламенный патриотъ, ораторъ, дипломатъ, пріоръ Флоренціи, внезапно увлеченный политическимъ вихремъ, очутился изгнанникомъ, нищимъ, одинокимъ, покинутымъ семьей, обезщеченнымъ, клеветнически обвиненнымъ въ растратѣ общественныхъ денегъ, осужденнымъ, въ случаѣ добровольнаго возвращенія, на сожженіе живьемъ.

На мѣстѣ Данте всякій вѣрующій сказалъ-бы себѣ: здѣсь на землѣ я невинно страдаю, и злодѣи ликуютъ. Но дрожите! Есть божій судъ! На страшномъ Судѣ Сынъ Божій придетъ во славу, разсудитъ меня и моихъ враговъ и воздастъ каждому по заслугамъ, прежде чѣмъ вознести въ Эмпирей. Можетъ быть, и Данте говорилъ себѣ нѣчто подобное, но, сознавая свою абсолютную личность, онъ не могъ успокоиться на загробномъ утѣшеніи. Онъ какъ будто превосхитилъ мысль Ницше: «Если-бы Богъ существовалъ, то какъ-бы я не былъ Богомъ». Если Сынъ Божій придетъ судить живыхъ и мертвыхъ, и потомъ вознесется въ вѣчной славу къ Отцу, то почему Я — божественная личность — не могу совершить того-же. Конечно, Данте не въ этихъ словахъ выражалъ охватившій его порывъ. Въ его устремленіи не было вообще ничего нарочнаго, надуманнаго, демоническаго. Онъ наивно и стихійно осозналъ свою сверхъ-человѣчность и осуществилъ ее. Та мечта о человѣкѣ-богѣ, которая теперь въ наши дни стала достояніемъ толпы и даже грозитъ выродиться въ духовное хулиганство, впервые проснулась въ страстномъ, ненасытномъ, чистомъ и праведномъ сердцѣ Данте, — этомъ третьемъ вулканѣ Италіи, болѣе пламенномъ, чѣмъ Везувій и Этна.

И если это такъ, то мѣняется сравнительная оцѣнка отдѣльныхъ частей Комедіи. Ея центромъ является не Адъ, какъ думали донынѣ, но Рай. Вдохновляющимъ импульсомъ гигантскаго труда Данте было не суетное стремленіе карать человѣчество, но безпорочное желаніе возложить на себя передъ лицомъ человѣчества ореолъ божества, вознестись при жизни туда, куда еще не достигалъ ни одинъ изъ смертныхъ, ни пророкъ, ни апостолъ, стать могуществомъ, слова, лицомъ къ лицу со Словомъ, какъ равный съ равнымъ, стать богомъ. Картины ада и рая рисовали и раньше Данте другіе поэты и живописцы, но всегда объективно, безъ отношенія къ собственной личности. Исслѣдователи Данте примѣняли къ нему всевозможные эпитеты, называли романтикомъ, республиканцемъ, карбонаріемъ, еретикомъ, революціонеромъ, даже социалистомъ (Ару), забывая только главный — обожествленной личности.

Но проявить свою абсолютную личность Данте могъ только сравнительно — на фонѣ человѣческихъ паденій и несовершенствъ. Отсюда необходимость пройти всѣ ступени бытія. Сперва *Preinferno*, — прихожую ада, кишашую человѣческой червой, толпой, единственный порокъ которой — *viltà* — ничтожество, отсутствіе личности. Затѣмъ Адъ, который

Данте пробѣгаетъ съ тѣмъ-же двойственнымъ чувствомъ вниманія и отчужденія, съ какимъ мы теперь читаемъ эти пѣсни. Мимоходомъ онъ даетъ волю своему гражданскому гнѣву и расправляется со своими партійными врагами. Данте несомнѣнно пристрастенъ въ своемъ судѣ. Онъ бѣднаго Филиппо Арженти казнить съ такою яростью («оставайся, проклятый, средь слезъ и горя»), которая нисколько не соотвѣствуетъ грѣху осужденнаго — гордости, тѣмъ болѣе что нѣсколькими стихами раньше Виргилій называетъ самого Данте *alma sdegnosa*. Но мы понимаемъ эту ярость, когда узнаемъ, что семья Арженти принадлежала къ Гвельфамъ и личнымъ врагамъ поэта. Ненависть Данте, въ качествѣ Гибеллина, къ папамъ и его снисходительное отношеніе къ императорамъ доходить до того, что онъ сажаетъ въ раскаленную гробницу неповиннаго папу Анастасія, вмѣсто еретика императора того-же имени. Если-бы считать Комедію произведеніемъ доктринальнымъ, то такое пристрастіе превратило-бы ее въ нашия глаза въ какую-то политическую Чрезвычайку. Но мы слѣдимъ въ Комедіи за проявленіемъ личности Данте, и его пристрастіе не только не вредитъ поэмѣ, но, наоборотъ, вливаетъ въ каждый стихъ жгучую кровь личного гнѣва или личной любви.

Впрочемъ, раздѣлавшись съ политическими врагами, Данте считаетъ себя выше партій. Онъ жариваетъ въ аду семь гибеллиновъ, четырехъ казнить въ Чистилищѣ, за то въ Рай не впускаетъ ни одного политика. Самъ онъ занималъ въ политикѣ позицію крайне неопредѣленную. Происходя отъ Гвельфовъ, онъ вначалѣ былъ пламеннымъ гвельфомъ-демократомъ. Когда Гвельфы разбились на Бѣлыхъ — аристократовъ и Черныхъ — демократовъ, онъ присталъ къ Бѣлымъ вмѣстѣ съ гибеллинами. Но Бѣлые въ свою очередь распались на Зеленыхъ — демократовъ и Сухихъ — аристократовъ. Данте вошелъ въ составъ Зеленыхъ, такъ что его можно назвать демократо-аристократо-демократомъ. И такое названіе, кажется, соотвѣтствуетъ истинѣ. Какъ поэтъ, Данте не могъ не быть демократомъ, не любить свободу. Какъ поэтъ, онъ не могъ не быть аристократомъ, не любить изысканное. Одно время Данте поневолѣ очутился въ станѣ большевиковъ, когда неистовый Бела (не смѣшивать съ Бела Кунъ), избранный пріоромъ Флоренціи, ввелъ *Ordinamento di giustizia*, заставивъ всѣхъ гражданъ приписаться къ одному изъ рабочихъ синдикатовъ. Данте приписался къ синдикату врачей-аптекарей. Всего вѣрнѣе онъ самъ опредѣлилъ свою политическую фізіономію, заставивъ одного изъ своихъ пред-

ковъ въ раю сказать ему, что «къ твоей похвалѣ послужить *averti fatta parte per te stesso*, — «то, что ты образовалъ партію, состоящую изъ тебя одного».

Можетъ показаться непонятнымъ, какимъ образомъ Данте осуществилъ свое обожествленіе передъ лицомъ церкви и всего католическаго міра, не будучи обвиненъ въ ереси и преданъ костру. Вопросъ о ереси Данте часто поднимался въ литературѣ. Клерикальный писатель Ару видитъ въ Беатриче воплощеніе альбигойскаго франкмассонства, къ которому Данте былъ причастенъ. И при жизни поэта его обвиняли въ ереси. Въ молодости онъ нѣкоторое время состоялъ послушникомъ у доминиканцевъ. Доминиканцы и обвинили его передъ святой Коллегіей въ ереси, и поэтъ долженъ былъ оправдываться, письменно излагать свое «Вѣрую», что все-таки не спасло отъ инквизиціонной цензуры тѣ пѣсни Ада, въ которыхъ онъ поджариваетъ папъ-лихоимцевъ. Чуткая инквизиція не могла не почуять ереси въ смѣломъ полетѣ Комедіи, но придратъся къ поэту нельзя было. Въ томъ смыслѣ, какъ тогда понималась ересь, онъ не былъ виновенъ. Онъ искренно признавалъ всѣ догматы и всѣ постановленія церкви. Той-же ереси, которую онъ изъ первыхъ былъ одержимъ — сознанію своей абсолютной личности — въ то время еще не было названія. Данте спасло то, что онъ позналъ свою божественность, не мудрствуя, не черезъ разсудокъ и рефлексію, а, какъ мы уже сказали, въ наивномъ и цѣлостномъ порывѣ всей своей пламенной природы. Къ тому-же тутъ огромную роль сыграла магія слова. Комедія съ начала до конца является сплошнымъ славословіемъ и превознесеніемъ Данте, но его славословятъ другіе, а онъ самъ смиренно внимаетъ имъ, какъ бы сокрушенный своимъ величіемъ. Чуть вступивъ въ первый кругъ ада, онъ встрѣчаетъ Гомера, Овидія, Горация, Лукіана, которые принимаютъ его въ свой кругъ шестымъ — считая *Виргилія*. Онъ смущенъ такой неожиданной честью — быть при жизни признаннымъ равнымъ Гомеру. И это смущеніе не притворное, а глубоко искреннее. Данте въ самомъ дѣлѣ подавленъ своей божественностью. Отъ Гомера-же онъ узнаетъ, что до него одинъ только разъ Нѣкто уже спустился въ адъ. Новое сопоставленіе себя съ Христомъ, но сдѣланное не имъ, а другимъ. *Виргилій* цѣлуетъ его въ уста, говоря «Благословенна мать, родившая тебя, гордая душа». Но это говоритъ *Виргилій*. И вообще не Данте судить и казнить людей, а высшая сила. Онъ-же только пассивный зритель и писмоводитель божьяго суда. И не онъ предпринялъ этотъ путь отъ чужихъ паденій къ собственному преображенію, а его ве-

дуть — *Виргилій, Стацій, Св. Матильда, Св. Бернаръ* и потомъ *Беатриче*. Мы, конечно, знаемъ, что не они ведутъ его, а онъ ихъ ведетъ, ведомый самъ жаждой самообожествленія. Но такъ велика изобразительная сила слова, что ему нельзя не вѣрить. Мы знаемъ, что *Беатриче* это самъ Данте, его любовь, его мечта, его просвѣтленная душа, и что не возлюбленная Данте садится у престола Святой Троицы, а самовѣнчаный духъ поэта пріобщается къ Божеству. И все-же мы не можемъ не поддаться силѣ поэтического гипноза. И, можетъ быть, самъ Данте находился подъ гипнозомъ своего собственного духа, искавшего обожествиться. Можетъ быть, онъ самъ слышалъ тѣ слова и созерцалъ тѣ видѣнія, которыя изображаетъ. Но это не вліяетъ на нашу оцѣнку *Комедіи*. Ея цѣль, ея экстазъ въ томъ ослѣпляющемъ, прожигающемъ насквозь душу чувствѣ своей полноты, своей божественной эссенціи, которое испытывалъ поэтъ, когда задумывалъ пѣсни *Рая* и которое мы отраженно испытываемъ, читая эти пѣсни, несмотря на внѣшнее однообразіе и нѣкоторую условность символовъ. Въ этой мистеріи торжествующаго индивидуализма мы созерцаемъ въ первичномъ чистѣйшемъ источникѣ ту волю къ обожествленію, которая всѣхъ насъ соблазняетъ и мучить.

Но гдѣ источникъ, изъ котораго черпалъ Данте свой экстазъ? Въ *Комедіи* на этотъ вопросъ нѣтъ отвѣта, но въ поэзій Данте отвѣтъ данъ. И вотъ подобно тому какъ Данте искупавшись въ струяхъ *Эвнэ*, счелъ себя приготовленнымъ для путешествія по раю, такъ и мы, понявъ экстазъ, вдохновляющій *Комедію*, можемъ вступить въ истинное святилище дантовскаго генія — въ поэму о «*Новой Жизни*».

Новая Жизнь — небольшой автобіографическій романъ поэта въ прозѣ и стихахъ. Въ прозѣ подробно излагаются событія, которыя воспѣваются въ стихахъ. Въ самомъ началѣ романа рассказывается событіе, съ виду маловажное, но имѣвшее для челоуѣчества не меньшее значеніе, чѣмъ то событіе, которое произошло за тринадцать вѣковъ до Данте, въ *Вилеємѣ* *Иудейскомъ*. Тамъ, въ *Вилеємѣ*, родилось челоуѣчеству божество. Во *Флоренціи* 1-го мая 1274 года девятилѣтній Данте, приведенный своимъ отцомъ — благороднымъ небогатымъ *гвельфомъ* *Алигьери* — на дѣтскій праздникъ къ богатому сосѣду — *гвельфу* *Портинари* — увидѣлъ восьмилѣтнюю *Беатриче*, дочь хозяина, и на всю жизнь полюбилъ земную красоту небесной любовью. Въ это мгновеніе, говоритъ Данте, богъ любви овладѣлъ моею душой, которая тотчасъ обручилась съ нимъ. Въ минуту встрѣчи, говоритъ

онъ дальше, духъ высшихъ мсихъ способностей произнесъ: «Вотъ явился богъ сильнѣйшій, чѣмъ ты, дабы владѣть тобою». Духъ жизненныхъ силъ, обращаясь къ духу зрѣнія, произнесъ: «Вотъ уже въявь пришло твое блаженство». Духъ низшей природы воскликнулъ: «Увы, отнынѣ навѣки я буду связанъ». Въ эту минуту, прибавимъ мы, раздался еще одинъ голосъ, котораго Данте не услышалъ, но который мы слышимъ явственно: «Человѣкъ обрѣлъ на землѣ божество, и вся религиозная жизнь души потрясена и преображена».

Въ самомъ дѣлѣ, въ чѣмъ заключается религиозный феноменъ души? Онъ состоитъ изъ двухъ элементовъ. Прежде всего человѣкъ ищетъ въ религіи свою корысть. Богъ — подаватель благъ, Богъ — судья. Отсюда потребность молитвы и страхъ божій. Но подъ этимъ поверхностнымъ слоемъ скрываются истинныя сокровища религиознаго переживанія — безкорыстная чистая любовь къ началу, высшему чѣмъ мы, и живущему въ насъ, ни съ чѣмъ несравнимое блаженство, полное не страха, но радостнаго трепета, при ощущеніи близости святыни или даже, на высшей степени экстаза, при сліяніи съ нею. Но для того, чтобы испытывать это огненное ощущеніе святыни, необходима независящая отъ нашей воли благодать вѣры. Съ утратой вѣры, человѣкъ безвозвратно бѣднѣетъ не потому что онъ лишился небснаго покровителя, а потому, что потерялъ органъ высшей радости, сталъ невоспримчивъ къ тончайшему аромату духовности. Оттого чувство, испытанное Данте при видѣ Беатриче, такъ глубоко преобразило нашу духовную жизнь. Откровеніе земной женской красоты наполнило его религиозно настроенную душу такимъ безкорыстнымъ блаженствомъ, такимъ священнымъ чисто религиознымъ трепетомъ, что въ ней уже не оставалось мѣста для другихъ чувствъ. Человѣкъ обрѣлъ божество не на десятомъ небѣ, а тутъ-же, въ сосѣднемъ домѣ, черезъ улыцу, божество, для познанія котораго не надо вѣрить въ невидимое, какъ-бы въ видимое подъ вѣчной угрозой сомнѣній, но которое, наоборотъ, достаточно увидѣть, повѣривъ несомнѣнному свидѣтельству глазъ. Ибо черезъ глаза нисходитъ въ сердце небсная любовь къ земной красотѣ. Вопросъ о томъ, начинается-ли любовь какъ феноменъ зрѣнія или какъ влеченіе сердца, былъ поднятъ однимъ изъ «Вѣрныхъ любви» Гвидо Орланди: *E sargon d'occhi o è voler di cuore?*

Теосетикъ кружка Кавальканти далъ опредѣленный отвѣтъ:

*Pegli occhi miei una donna ed amore
Passer correndo e guinser nella mente.*

Флорентинскіе поэты понимали всю важность этого воп-

роса, ибо сердцемъ можно любить и невидимое. Тутъ граница между философией и поэзией, между мистикой и эстетикой, между очеловѣченіемъ божества и обожествленіемъ человѣка. Данте высказался въ томъ-же смыслѣ, какъ его «первый другъ» Кавальканти.

E se io levo gli occhi per guardare.
Nel cor mi si comincia uno tremoto:

Читателю мои слова могутъ показаться преувеличенными. Развѣ, спросить онъ, обоготвореніе любимой женщины не свойственно всякому, кто испыталъ чувство любви? Да, въ наше время многіе воспринимаютъ любовь какъ чувство неземное, молитвенное. Существуетъ даже слово, которое отъ частаго употребленія стерлось и обезцвѣтилось: обожать. Но если каждому изъ насъ дано согрѣть нашу невѣрующую душу лучемъ истинной божественности, и познать внѣ религіи радость и трепеть молитвы, то этимъ мы обязаны тому, что шесть сотъ слишкомъ лѣтъ тому назадъ девятилѣтній Данте полюбилъ неземной любовью земную красоту восьмилѣтней Беатриче. До Данте, или, что все равно, до кружка флорентинскихъ поэтовъ «Вѣрныхъ любви», которые, забросивъ латынь, стали рифмовать на *volgare*, и которыхъ Данте является самымъ гениальнымъ представителемъ, обожествленія любимой женщины было невѣдомо людямъ. Раньше христіанства это чувство вообще не могло возникнуть. Для того чтобы человѣкъ могъ обожествлять любимаго человѣка, нужно было, чтобы произошелъ контактъ между человѣкомъ и Богомъ, а этотъ контактъ произошелъ лишь въ Виелеемѣ Иудейскомъ. Евреи хотя и знали чувство религіознаго блаженства и трепета, но для нихъ человѣкъ и Богъ находились въ параллельныхъ плоскостяхъ, никогда не прикасавшихся. Отсюда запретъ «не сотворить себѣ кумира», а вѣдь обожествленная женщина и есть живой кумирь. Красота изгнана изъ религіознаго ощущенія, и вмѣстѣ съ красотой безкорыстное горѣніе любви. У евреевъ личность растворена въ народѣ, и цѣль любви — «роды». Въ Пѣснѣ Пѣсней воспѣвается любовь-обладаніе, а не любовь-святыня. Поэтъ упивается описаніемъ любимаго тѣла. У Данте и намекъ нѣтъ на цвѣтъ глазъ или волосъ Беатриче, на форму ея шеи или груди. Слова — тѣ-же прикосновенія; а святыня неприкосновенна. Но за то Пѣсня Пѣсней дала символизацию любви, и ею широко пользовались средніе вѣка, понимая подъ Возлюбленнымъ — Христа, а подъ Суламиею — церковь или душу вѣрующаго.

Греки боготворили красоту и личность у нихъ преобладала надъ народомъ, но ощущеніе святыни было имъ невѣдо-

мо. Слишкомъ много въ Греціи было боговъ, а религиозное ощущение немислимо безъ сознанія Единого, Единственнаго, Непреходящаго. Однако въ Греціи мы уже находимъ намеки на обожествленіе женщины. Мудрый Элипъ, въ собственной трагической судьбѣ узнаетъ, что женщина дѣлаясь матерью, становится святыней, неприкосновенной дѣвой для своего сына. Первый смутный намекъ на Богоматерь, которая станетъ Приснодѣвой для всѣхъ людей.

Греческая философія уже различаетъ между любовью земною и небесною. Для Платона земная любовь была желаніемъ рождать въ красотѣ. Въ его Пирѣ Діотима объясняетъ Сократу сущность небесной любви. Она заключается въ томъ, что любовь къ одному прекрасному переходитъ въ любовь ко всему прекрасному и любовь къ прекрасной душѣ переходитъ въ любовь къ вѣчному добру, къ вѣчной божественной красотѣ. Слова возвышенныя, но говорящія больше разсудку и нравственному чувству, чѣмъ непосредственному ощущенію святости въ земной красотѣ. Отъ Платона небесная любовь, какъ понятіе, перешла къ александринскимъ мистикамъ и сдѣлалась Софіей, премудростью Божіей. Между Софіей и Беатриче то различіе, что Софія — идея, объектъ философскаго созерцанія, а Беатриче — живая дѣвушка. Софія ведетъ мудреца къ божеству, Беатриче становится для полюбившаго ее божествомъ. Софія для избранныхъ, Беатриче — для всякаго, кто любитъ.

У христіанскихъ мыслителей объ идеальной любви — опять-таки въ нравственномъ смыслѣ, а не въ поэтическомъ воспріятіи — говорится въ Пастырѣ Герма (книгѣ неизвѣстнаго автора 2-го вѣка апокалипсическаго содержанія), въ Блаженной жизни Августина, въ Утѣшеніи Боэція (философа и математика, жившаго въ Римѣ въ 6-мъ вѣкѣ). Изъ философскаго трактата Данте (вполнѣ безцвѣтнаго) мы узнаемъ, что онъ читалъ Герма, Боэція и Бл. Августина, но читалъ ихъ потомъ, а не въ девятилѣтнемъ возрастѣ, когда поэтъ въ первый разъ увидѣлъ ту, которой онъ остался вѣренъ всю жизнь.

Ближе подводятъ насъ къ флорентинскому кружку «Вѣрныхъ любви» провансальскіе трубадуры, задолго до Данте воспѣвавшіе Даму сердца. Но трубадуры пѣли о земной любви къ земной красотѣ. Дама внушала имъ не священный трепетъ, а трепетъ желанія. Рыцарь зоветъ свою Даму шатленшей, королевой, но не богиней. Любить позволялось только замужнюю женщину, а не дѣвушку, и только чужую жену. Бракъ (какъ постановилъ судъ любви графини де-Шампань въ 1174 г.) былъ признанъ несомвѣстимымъ съ любовью. Это

объясняютъ тѣмъ, что жена, по римскому праву, была подчинена мужу, а рыцарь самъ признавалъ надъ собою власть своей Дамы. Но разъ полюбивъ, рыцарь и Дама уже обязаны были оставаться вѣрными другъ другу, подъ угрозой быть лишенными, по приговору суда любви, всѣхъ любовныхъ правъ и преимуществъ. Такую любовь изслѣдователи справедливо называютъ вѣрностью въ адюльтерѣ. Неизвѣстно, какъ относился къ любви рыцаря мужъ избранной Дамы. Вѣроятно, пылалъ вѣчной любовью къ женѣ сосѣда.

Все мѣняется, когда отъ ритуриелей трубадууровъ мы переходимъ къ сонетамъ и канционамъ «Вѣрныхъ любви». Многовѣковый культъ Мадонны принесъ свои плоды. «Вѣрные» еще проникнуты восторгомъ церковнаго служенія, но этого имъ мало. Они — божественные еретики. Они вѣруютъ въ Мадонну, но они «вѣрны» не замужней Дамѣ, а *giovinetta*, мадоннизированной дѣвушкѣ, которой повторяютъ молитвы, подслушанныя въ церкви. Сонеты, посвященные любимой дѣвушкѣ, представляютъ иногда простой перифразъ молитвы. «Въ руку Твою, Господи, полагаю животь мой», поется въ церкви.

*Nelle man vostre, dolce donna mia,
Recomando mi spirito, —*

поэтъ Сино изъ Пистойи въ своей канционѣ «*L'Alta Speranza*».

Особенности этой новой любви слѣдующія.

Любовь совершенно безкорыстна. Любящій не ищетъ взаимности, а довольствуется блаженствомъ своего чувства. Данте идетъ дальше. Въ одномъ изъ видѣній богъ любви запрящаетъ ему искать случая говорить съ Беатриче. Довольствуется Данте тѣмъ, что иногда видитъ на улицѣ свою богиню. Девять лѣтъ послѣ первой дѣтской встрѣчи онъ впервые слышитъ ея голосъ, отвѣчающій на его привѣтствіе. Поэтъ бѣжитъ домой, падаетъ полумертвый отъ экстаза и видитъ сонъ. Богъ любви держитъ на одной рукѣ голую подъ легкимъ краснымъ покровомъ Беатриче, а въ другой — сердце поэта. Онъ даетъ сердце Беатриче, которая его съѣдаетъ, и видѣніе исчезаетъ. Данте пишетъ свой первый сонетъ, и съ этого дня «*incipit vita nova*» не для него одного, а для всѣхъ насъ.

Любовь едина. Можно увлекаться другими женщинами, но любовь не повторяется. Біографы Данте перечисляютъ имена женщинъ, которыми онъ увлекался, въ послѣдній разъ въ пятьдесятъ лѣтъ отъ роду. Но любилъ онъ одинъ разъ, т.е. обожествлялъ одну женщину, ибо Богъ одинъ.

Любовь тайна. Когда Данте спрашивали, отъ любви къ

кому онъ блѣднѣеть и худѣеть, онъ молча улыбался. Многие изъ «Вѣрныхъ» выбирали для своей Донны псевдонимъ, такъ называемый у трубадуровъ *senhal*. Трубадуры прибѣгали къ псевдониму, опасаясь мужа Дамы. «Вѣрные» просто боялись произносить имя Возлюбленной, какъ до сихъ поръ евреи боялись произносить имя Иеговы. Возможно, что и Беатриче — псевдонимъ. *Donna beata* преаратилась въ Беатриче. Чтобы скрыть свою любовь, Данте дважды прибѣгалъ къ ширмамъ, дѣлалъ видъ, что любитъ другую. Но эта хитрость имѣла роковыя послѣдствія. Беатриче по-женски приревновала его и перестала отвѣчать на его привѣтъ. Последняя связь порвана. Поэтъ въ отчаяніи, но вскорѣ утѣшается. Отнынѣ, говоритъ онъ, цѣлью моей любви будетъ прославленіе совершенствъ моей Донны. Но тутъ происходитъ переломъ въ поэзіи Данте. Беатриче больше не живая женщина, но она также не отвлеченный символъ, какъ думаютъ комментаторы, видя въ ней воплощеніе мудрости (Бисціоне, Перець), или даже императорской власти (Россети). Не забудемъ, что слово *nuovo* означаетъ у Данте не только новый, но еще молодой. «Новая Жизнь» — это молодая жизнь, при видѣ красоты зажегшаяся чувствомъ, большимъ, чѣмъ сама душа. Чистѣйшая страсть, не имѣя пищи, погасла. Но ее замѣняетъ не идея, а иная страсть. Та *seconda bellezza* Беатриче, о которой говоритъ Данте, означаетъ не философію и не добро, и вообще не какой-бы то ни было безплотный идеалъ, а живую личность самого поэта, ищущую обожествленія.

Въ концѣ Новой Жизни, по смерти Беатриче (вышедшей замужъ за богатаго негоціанта) Данте сообщаетъ, что задумываетъ новый трудъ, *materia nuova e piu nobile che la passata*. Мы теперь знаемъ, какова была эта иная матерія. Данте не могъ не сознавать, что если красота Беатриче оказалась ему *una cosa venuta di cielo in terra*, то это произошло потому, что источникъ любви, ея первый двигатель жилъ въ немъ самомъ, и такимъ образомъ произошелъ естественный переходъ отъ Новой Жизни къ Комедіи, отъ обожествленія красоты къ самообожествленію. Въ той и другой поэмѣ Данте возвелъ человѣческую личность на высшую ступень идеализаціи, и шесть сотъ лѣтъ тому назадъ явился предвозвѣстникомъ чувствъ и настроеній, которыя еще и теперь кажутся намъ слишкомъ новыми и смѣлыми.

Новое — сверхъ-человѣческое отношеніе Данте къ живой любимой женщинѣ не вскорѣ стало достояніемъ человѣчества. Тотъ, теперь видимый намъ, небесно-земной лучъ, который заключенъ въ поэзіи Данте, мимолетно отразился въ

сонетахъ Петрарки и какъ будто погасъ. Мистическая чувственность среднихъ вѣковъ шла путемъ противоположнымъ пути Данте. вмѣсто того чтобы обожествлять земное, искать на небѣ образы для выраженія земной страсти, средневѣковые мистики вернулись къ культу Христа и Мадонны и стали искать на землѣ, главнымъ образомъ, въ «Пѣснѣ Пѣсней» образы и подобія для выраженія своей безплотной любви къ Богу. Личность вмѣсто того чтобы утвердить свою божественность, стремилась слиться съ божествомъ и экстатически исчезнуть въ немъ. Возможно, что тутъ играли большую роль историческія условія. Находясь между молотомъ и наковальней, между произволомъ Инквизиціи и насиліемъ императорской власти, личность вынуждена была искать убѣжища во внутреннемъ созерцаніи. Этотъ порывъ извнѣ во внутрь мы встречаемъ у всѣхъ духовныхъ и свѣтскихъ мистиковъ средневѣковья, начиная со Св.Бонавентуры, Раймонда Люлля (въ его поэмѣ «L'Amig et L'Amat»), Уго Сень-Виктора, и кончая сѣверными мистиками — Рюисбрекомъ, Эккартомъ, Сузо (прозваннымъ миннезингеромъ любви къ Иисусу), Томой Кемпійскимъ и Яковомъ Беме. Всѣ они были избранные для избранныхъ. Толпа, по-прежнему, продолжала любить земное по-земному, и для нея Романъ Розы вполне замѣнилъ «Пѣсню пѣсней». Только послѣ революціи, когда личность освободилась отъ гнета церкви и автократіи, любовь у романтиковъ начала 19 вѣка опять становится земною мистеріей, любима женщина воспѣвается какъ Божество, въ Страданіяхъ Вертера, у Шиллера, у Гюго, у Шелли. Всѣ великіе поэты романтизма — язычники. Ихъ религія — божественная любовь къ красотѣ и, главнымъ образомъ, къ женской красотѣ. Въ романѣ, въ театрѣ, въ лирикѣ любовь становится всемогущимъ божествомъ и рокомъ. Она управляетъ судьбой людей, она вдохновляетъ на подвиги, она оправдываетъ преступленія. Объясненіе въ любви становится молитвой всѣхъ и каждого, и когда на сценѣ въ любой пьесѣ герой начинаетъ объясняться въ любви героинѣ, толпа замираетъ и театръ превращается въ храмъ.

Воскресла Беатриче Данте, однако, съ измѣненными чертами лица. Дѣло въ томъ, что революція освободила не только мужчину, но и женщину, и новая Беатриче не захотѣла-бы довольствоваться пассивной и безсловесной ролью въ мистеріи любви. Вѣдь нужно сознаться, что Данте, воспѣвая Беатриче, прислушивался только къ собственному трепету, къ собственному блаженству, а до того, что испытывала и какъ жила Беатриче ему, и дѣла не было. Говоря грубо, Беатриче была для Данте прекраснымъ манекеномъ, на который онъ

возлагаль божественный вѣнецъ. Счастливый Данте! Его возлюбленная рано умерла и онъ былъ избавленъ отъ величайшаго страданія — видѣть разрушеніе нѣкогда любимой красоты. Любовь къ новой Беатриче, самая романтическая, не могла не вести къ союзу. Уста шептали молитву, руки искали прикосновеній, тѣло жаждало обладанія. Но обладаніе — конецъ обожествленія. Любящій видитъ гибель своей мечты, «кумиръ низведенъ съ пьедестала». Слабый мирится съ этимъ проваломъ, какъ умѣетъ. Сильный возмущается и мститъ. Мадонизація ведетъ къ демонизму, молитва переходитъ въ проклятіе, черты Данте сливаются съ чертами Донъ-Жуана, и весь феноменъ любви пріобрѣтаетъ роковой характеръ. Если вся романтическая поэзія завершилась пессимизмомъ, міровой скорбью, самобичеваніемъ, то это произошло отъ того, что въ эпоху романтизма каждый, причастный къ культурной жизни, носилъ въ своей душѣ раны отъ неизбежнаго провала. Въ послѣднюю четверть минувшаго столѣтія наступаетъ реакція, и въ литературѣ, какъ и въ философіи, организуется походъ противъ романтической любви. И если не ошибаюсь, повторяется процессъ, пережитый Данте. Отъ обожествленія любимой красоты современный человѣкъ идетъ къ самообожествленію. Ибсень, развѣнчавъ любовь въ «Комедіи Любви», утверждаетъ въ Штокманѣ и Норѣ абсолютную личность. Ницше, апостоль сверхъ-человѣчества, отправляясь къ жемчужинѣ, беретъ съ собою хлысть. Футуризмъ ввелъ въ свои манифесты отрицаніе любви, какъ одинъ изъ основныхъ догматовъ. А модернистское искусство вообще отвернулось отъ красоты, отъ всякой красоты, какъ соблазна, усыпляющаго чувство личности.

Русская литература пережила, въ быстромъ темпѣ, всѣ эти подъемы и паденія. Начинается съ идеализаціи.

Тебя, моя Мадонна,
Чистѣйшей прелести чистѣйшій образецъ.

Рукою Татьяны Пушкинъ пишетъ одинъ изъ вдохновеннѣйшихъ акафистовъ во славу идеальной любви (хотя сами женщины, отъ Сафо до нашей Мирры Лохвицкой, воспѣвали любовь только земную, можетъ быть потому, что, какъ говоритъ Данте, «для женщины сила то же, что для мужчины красота»).

Лермонтовъ въ образѣ Тамары возвелъ любимую женщину еще на большую высоту. «Онѣ не созданы для міра, и міръ былъ созданъ не для нихъ».

Тѣмъ болѣзненнымъ былъ неизбежный провалъ. «Я пережилъ свои желанья, я разлюбилъ свои мечты». И тяжелый, какъ комъ земли на крышку гроба, приговоръ Лермонтова: «Любить? Но на время не стоитъ труда. А вѣчно любить невозможно».

Походъ противъ романтической любви становится неизбежнымъ и у насъ. Этотъ походъ ведется Толстымъ сперва въ Аннѣ Карениной, а потомъ въ Крейцерой Сонатѣ, въ которой рядомъ съ романтической любовью осуждается и предается казни всякая любовь. Спасеніе въ отреченіи, по совѣту Сократа, во имя добра.

Но должно быть эстетическое ощущеніе еще не изжито у насъ. Противъ Толстого или рядомъ съ Толстымъ встаетъ Владиміръ Соловьевъ. Онъ тоже проповѣдуетъ отреченіе, но не внѣ чувственной любви, а въ любви. Онъ любить и цѣломудренъ. Онъ признаетъ женственность божества. Но признаетъ-ли онъ божественность женщины? Онъ хочетъ слить два идеала несомнѣжимыхъ мистической — идеаль Софіи и эстетической — идеаль Беатриче: Но, по натурѣ онъ ближе къ неоплатоникамъ, чѣмъ къ Данте. Въ его стихахъ не чувствуется смертельнаго ожога красоты.

Подъ непосредственнымъ вліяніемъ Соловьева выросъ и расцвѣлъ поэтъ, и только поэтъ Александръ Блокъ, который первый сборникъ своихъ стихотвореній назвалъ «Стихами о Прекрасной Дамѣ», выступивъ въ литературѣ, какъ рыцарь въ защиту поруганной идеальной любви.

Въ отличіе отъ всѣхъ начинающихъ поэтовъ Блокъ не ищетъ путей. Онъ является сразу съ готовой темой, болѣя тѣмъ, что самъ потомъ назвалъ «тяжкимъ однодумьемъ». Онъ боленъ нестерпимымъ, неземнымъ восторгомъ при видѣ земной красоты. Его Дама не символъ, не аллегорія, не мечта внутренняго созерцанія, а живая, осязаемая и въ то же время «непостижимая» красота. Его чувство — тайна для него самого. А тайна заключается въ томъ, что онъ еще вѣрить и уже не вѣрить. Онъ стоитъ на перепутьи между земнымъ и небеснымъ. Его душа изнемогаетъ отъ потребности молиться, но молиться онъ можетъ не передъ идеей, а передъ жизнью. Онъ упивается музыкой Ея именъ. «Дѣва, Заря, Купина», «Солнце Завѣта», «Владычица вселенной», «Величавая вѣчная Жена», «Ласковая Жена». Всѣ пѣсни — одна эвхаристическая молитва, столь-же взволнованная, какъ у Данте и «Вѣрныхъ любви», и, можетъ быть, еще болѣе окрыленная, болѣе близ-

кая къ небу. Блокъ еще чаще, чѣмъ Данте, забываетъ, кому онъ молится, Возлюбленной или Богородице. «Навѣки преданный Святынь, во всемъ послушаюсь Тебя». «Непостижнато свѣта задрожали струны. Вѣрю въ Солнце Завѣта, Вижу очи твои». Для Блока любовь — подвигъ, служеніе, миссія. Онъ сознаетъ себя пророкомъ любви. «Я — безумецъ. Мнѣ въ сердце вонзили Красноватый уголь пророка». «Я здѣсь одинъ хранилъ и теплилъ свѣчи, одинъ — пророкъ — дрожаль въ дыму кадилъ».

Да, пророкъ и вмѣстѣ съ тѣмъ жертва, ибс въ отличіе отъ Данте, онъ, какъ и всѣ герои романтизма, мечтаетъ о взаимности, ищетъ, ждетъ близости. Среди чистыхъ «бѣлыхъ звуковъ» его молитвъ вдругъ начинается звучать нота тревожная и дерзостная. Поэтъ предчувствуетъ неизбежное паденіе. «Весь горизонтъ въ огнѣ, и близко появленіе. Но страшно мнѣ: измѣнишь обликъ ты... О, какъ паду и горестно и низко». «Галай и жди. Среди полночи твоимъ окошкѣ, милый другъ, зажгутся дерзостныя очи, послышится условный стукъ». Онъ ждетъ взаимной любви съ радостью и со страхомъ. «Но Владычицей вселенной, Красотой неизреченной случайный, бѣдный, тлѣнный, можетъ быть любимъ». Сама любовь начинается ему казаться случайной. «Межъ насъ случайное волненіе. Случайно сладостный обманъ меня обрекъ на поклоненіе, Тебя призвалъ изъ бѣлыхъ странъ». Онъ боится мгновенья, когда «окутанныя тѣнью» его «погаснутъ небеса». Но онъ самъ торопитъ этотъ мигъ. «Проброжу весь день, ради Бога, Вечеру постучусь въ оконце. И откроетъ бѣлой рукою Потайную дверь предо мною Молодая, съ золотой косяку»...

Условный стукъ раздался, дверь открылась, земное стало земнымъ и небеса погасли. Но не погасъ пламень сердечный. И тотъ, кто потерялъ святыню любви, — какъ это мы видимъ на судьбѣ Байрона, Мюссе, Лермонтова, — продолжаетъ искать и ждать, какъ будто можно любить безъ любви и дважды обрѣсти Единое. Тутъ дорога двоится: либо по-печорински, стать палачемъ, либо стать жертвой. Блокъ — обреченный. Онъ проходитъ свой скорбный путь до конца и проходить его въ условіяхъ русской дѣйствительности, что придаетъ его поэзіи такую свѣжесть и силу.

«Очарованный уличнымъ крикомъ», онъ заглядываетъ въ лица проходящихъ женщинъ, — не Она-ли? «Тамъ, безсмертною волей томима, Можетъ быть, призывала Сама. Я бѣжалъ переулками мимо, И меня поглотили дома».

Дома эти изъ тѣхъ, о которыхъ поэтъ говоритъ: «Тамъ, въ улицѣ, стоялъ какой-то домъ». Поэтъ и въ этомъ домѣ ищетъ, не увидитъ-ли ее. Хотя онъ замѣчаетъ, что «у женщины взоръ былъ тусклъ и тупъ». Тѣмъ не менѣе онъ взываетъ: «Ты — безымянная — волхва невѣдомая дочь». Изъ дома въ улицѣ онъ идетъ въ ресторанъ, гдѣ вмѣсто Дѣвы-Купины и Владычицы вселенной ему является Незнакомка, уже явно съ печатью демонизма «въ бездонныхъ синихъ очахъ», «дышащая духами и туманами» и заковавшая поэта «странной близостью». Очевидно, поэтъ не замедлитъ свести знакомство съ Незнакомкой, съ ней или съ ея подругой, за стаканомъ «чудодейственно-терпкого напитка — красного вина». Третья книга стиховъ — Снѣжная Маска — уже прямо посвящена роковой демонической «Тебѣ, высокая женщина въ черномъ съ глазами крылатыми и влюбленными въ огни и мглу моего снѣжнаго города».

Все измѣнилось, и отъ прежняго остался только бѣлый цвѣтъ, любимый цвѣтъ хрустально-чистой души поэта. Но это уже не «бѣлый намекъ», «не бѣлые звуки», не «бѣлые цвѣты», не бѣлое весеннее, а бѣлое зимнее, бѣлый снѣжный саванъ.

Паденіе совершается стремительно. У поэта выходъ либо въ забвеніи, въ оргіи снѣжной мятели, въ любви безъ любви, либо въ самоосмѣяніи. Пѣсни о снѣжномъ вихрѣ — лучшее, что написалъ Блокъ. Слова проклятія, голось молитвенный. Гибель непорочной жертвы.

«Опрокинутый въ темныхъ струяхъ» (вина), онъ вдыхаетъ, «не любя, забытый сонъ о поцѣлуяхъ». Онъ знаетъ, что летитъ «въ миллионы безднъ», но когда съ нимъ встрѣчаются «эти черные (уже не бездонно-синіе) глаза, неизбежные глаза, — Глуби снѣжныя вскрываются, Открываются уста, Приближаются уста». Поэтъ больше не смѣетъ молиться. «Не о спасеніи, не о Словѣ... И мнѣ-ли, падшему въ пыли». Надъ его душой стоитъ уже не Она, не «Ласковая Жена» (*gentil Donna*), но Онъ — «грозный Судія». «Онъ видитъ всѣ мои измѣны». «Онъ стережетъ всѣ поцѣлуи, паденья, клятвы и позоръ». Поэтъ безнадежно взываетъ къ своей нелюбимой возлюбленной: «Возврати мнѣ, маска, душу». Но мольбы напрасны. Не только она — «дѣва лучины звѣздной, рада гибели», но сама жертва рада погибнуть въ забвеніи. «И въ какой иной обители Мнѣ влачиться суждено, Если сердце хочетъ гибели, Тайно просится на дно». И вотъ послѣдній вопль изъ бездны. «И женщину жалкія объятія Знакомы мнѣ, — я къ нимъ привыкъ. И всѣмъ странамъ я шлю проклятыя... Да будетъ это первый крикъ».

Первый крикъ и второе крещенье. «Весны не будетъ и не надо: Крещеньемъ третьимъ будетъ — Смерть».

Второй исходъ — самоосмѣяніе. Міръ ничто иное, какъ позорище, балаганчикъ, и тотъ, кто страдаетъ, полюбивъ міръ, — паяцъ, «истекающій клюквеннымъ сокомъ».

Новая, молодая жизнь, начавшаяся, какъ у Данте, изжита въ другихъ условіяхъ. И вотъ опять совпаденіе, какъ будто случайное, какъ будто внутренне необходимое. Nel mezzo del camin, — по срединѣ жизненной дороги, въ тридцать пять лѣтъ, Блокъ, какъ и Данте, очутился «въ темномъ лѣсу», у входа въ Адъ, но не вымышленный, а дѣйствительный, въ адъ русской Революціи. И что поразительно, Блокъ вступаетъ въ адъ, съ тѣмъ-же чувствомъ, какъ Данте — съ знаніемъ необходимости и справедливости совершающейся мести. И у Блока двое вожатыхъ — Вергилій, т. е. неумолимый римскій законъ суда и возмездія, и преобразенная Прекрасная Дама, обожествленная Россія. Любовь Блока къ Россіи такая-же «непомѣрная», «непостижимая», какой была его любовь къ Дѣвѣ-Купинѣ. Но любить онъ только Россію стихійную, народную, а не культурную, не интеллигентскую. Почему?

Прежде всего потому, что Блокъ, по своей природѣ, обреченная Жертва, и, будучи самъ интеллигентомъ, не могъ не принести интеллигенцію въ жертву народу. А затѣмъ нужно признать, что и прежде, при выборѣ темъ, при описаніи природы (а Блокъ одинъ изъ лучшихъ пейзажистовъ слова) его всегда влекло къ стихійному, простому, дѣтскому, наивному. Ему ненавистна была мудрствующая толпа, которая кругомъ «протоптала тропы, осквернивъ цѣломудренный снѣгъ». Ему «понятны только молчаливые». Онъ выйдетъ «на праздникъ молчанія». Если-же онъ самъ былъ служителемъ слова, то потому что поэзія не только слово, но еще музыка. Ему дорого только музыкальное. Народъ, народная душа музыкальны. Интеллигенція, прогрессъ не музыкальны. Блокъ зло вышучиваетъ интеллигентовъ, которые въ Религіозно-философскомъ Обществѣ при электрическомъ свѣтѣ въ присутствіи свояченицъ въ приличныхъ кофточкахъ соборно сплетничаютъ о Христѣ. Этимъ русскимъ спорщикамъ онъ противопоставляетъ героевъ Горькаго, молчаливыхъ, себѣ на умъ съ усмѣшкой, сулящей неизвѣстное, относительно которыхъ «не знаешь, не двинеть-ли онъ кулакомъ въ зубы вмѣсто словеснаго возраженія». Кулакъ въ зубы музыкаленъ, словесное возраженіе антимузыкально. Но нельзя спорить

съ обреченной Жертвой. Еще за два года до Революціи Блокъ пророчествовалъ, что интеллигенція будетъ раздавлена народомъ. Говоря о гоголевской тройкѣ, онъ спрашивалъ: «а что если тройка летитъ прямо на насъ, и тьма, охватившая насъ; происходитъ оттого, что надъ нами уже повисла косматая грудь коренника и готовы опуститься тяжелыя копыта?»

Въ наступившей Революціи Блокъ видѣлъ исполненіе приговора. «Почему дырявятъ древній соборъ? Потому что сто лѣтъ здѣсь ожирѣвшій попъ, икаѣ, бралъ взятки и водкой торговалъ». — «Почему грабятъ въ любезныхъ сердцу барскихъ усадьбахъ? Потому что тамъ насиловали и пороли дѣвокъ: не у того барина, такъ у сосѣда». Большевикамъ Блокъ не сочувствовалъ. Онъ жалѣеть Горькаго, попавшаго въ тенета интеллигентскихъ противорѣчій и высокопарныхъ боевыхъ фразъ Луначарскаго. На большевиковъ онъ смотритъ такъ, какъ Данте смотрѣлъ на Цербера, хвостатаго Миноса и Вельзевула: обычная адская челядь. Блокъ не задавался вопросомъ, не сами-ли Миносы и Вельзевулы разбудили и; во всякомъ случаѣ, раздули народную мечь? По его мнѣнію, революцію дѣлали не они, а тѣ молчаливые съ загадочной усмѣшкой, тѣ двѣнадцать, шедшіе державнымъ шагомъ, изъ которыхъ одинъ мимоходомъ убилъ распутную Катку, т.е. дворянскую интеллигенцію. «Въ кружевномъ бѣльѣ ходила — Походи-ка, походи. Съ офицерами блудила — Поблуди-ка, поблуди». Жалѣть ее нечего. «Лежи ты, падаль, на снѣгу». Двѣнадцать державнымъ шагомъ идутъ дальше, кого-то преслѣдуютъ, въ кого-то стрѣляютъ. Оказывается, во Христа. Но Христось «для пули невредимъ» идетъ впереди нихъ — съ кровавымъ флагомъ, въ бѣломъ вѣнчикѣ изъ розъ. Спасается отъ нихъ или ведетъ ихъ? Понимай, какъ хочешь.

Смерть настигла Блока въ аду. Но прослѣдивъ весь путь его жизни, можно быть увѣреннымъ, что если-бы онъ выбрался изъ ада, онъ не остался-бы съ нами, а поднялся-бы въ свой рай, въ рай отреченія, созерцанія, туда, куда ушелъ Алеша Карамазовъ, Александръ Добролюбовъ, гдѣ въ мечтахъ жилъ Соловьевъ. Тутъ уже полное расхожденіе между Данте и Блоккомъ, между Западомъ и Востокомъ, между обожествленной личностью и обожествленнымъ отреченіемъ отъ личности.

Человѣческая трагедія Блока окончена, но трагедія русской интеллигентской личности кажется безысходной. Кто только не убѣждалъ насъ отречься отъ себя? Гоголь во имя монастыря — Россіи, Толстой — во имя простой жизни, Ба-

кунинъ — во имя революціи, Достоевскій — во имя святости, Соловьевъ — во имя Премудрости Божіей. И вотъ Блокъ — во имя стихійности. А герои Горькаго, съ усмѣшкой на устахъ и рассуждающимъ кулакомъ сами насъ отrekli. Если же въ послѣднее время придавленная русская личность начинала вопіять, то вопль ея вопль получался смѣшной или хулиганской площадной. «Мои произведенія-шедевры», кричалъ одинъ. «Я такъ хочу», вопіалъ другой. «Я-геній Иванъ Ивановичъ», надрывался третій. «Пытались-было» декаденты-индивидуалисты и богоискатели-найти устоя для личности, но имъ это не удалось.

Кто-же спасеть тебя, кто утвердить тебя въ твоемъ собственномъ сердцѣ и сознаніи, злополучная, обреченная русская личность?

Н. Минскій.

ЛИТЕРАТУРА ИРЛАНДСКАГО ВОЗРОЖДЕНІЯ.

Erin, o Erin! thus bright through the tears
Of a long night of bondage thy spirit appears.

(T. Moor).

I.

«Ирландія — великая нація, избранная судьбою повѣдать міру новое слово. Она должна поэтому имѣть свою литературу, совершенно оригинальную и совершенно особенную отъ творчества другихъ народовъ, въ особенности же — народа англійскаго. Въ литературѣ, какъ въ политикѣ, Ирландіи подобаетъ быть *шинъ-фейнъ*».

Таковы тезисы, выставляемые творцами ирландскаго литературнаго Возрожденія, начавшагося въ XX вѣкѣ. Критики эпохи Возрожденія пренебрежительно отворачиваются отъ такихъ типично-ирландскихъ писателей, какъ Свифтъ или Томасъ Муръ, потому что они слишкомъ были подъ англійскимъ вліяніемъ. Надо, конечно, фанатически любить само-бытность, чтобы оттолкнуть Свифта, автора жгучихъ памфлетовъ въ защиту Ирландіи («Письма Суконщика—или «Какъ улучшить положеніе народа въ Ирландіи»*) или Томаса Мура, автора чудесныхъ «Ирландскихъ мелодій», предсказавшаго родинѣ блестящую будущность:

Erin, o Erin! though long in the shade,
Thy star will shine out when the proudest shall fade.

(Эринъ, о Эринъ! Хотя звѣзда твоя была долго во мглѣ, она будетъ сіять, когда наиболѣе яркія звѣзды померкнутъ).

*)Свифтъ настоятельно рекомендуетъ лордамъ покупать ирландскихъ дѣтей... для ѣды.

Однимъ изъ проявленій Возрожденія служить, между прочимъ, крайне интересный національный Ирландскій театр, выдвинувшій цѣлую плеяду удивительно талантливыхъ писателей, какъ Вильямъ Бетлеръ Ийтсъ, Падрэйкъ Колемъ, а, въ особенности, Синджъ, или Сингъ, какъ произносятъ его соотечественники. «Наше движеніе представляетъ собою возвращеніе къ народу, — писалъ въ 1902 году Ийтсъ въ манифестѣ новой драмы. Драма изъ средняго и высшаго общества (т. е. драма, навѣянная англійскими образцами) можетъ подать только дурной примѣръ ирландскимъ крестьянамъ. Представленіе, которое доставитъ имъ наслажденіе, должно изображать или ихъ собственную жизнь, или тотъ міръ поэзіи, въ которомъ каждый можетъ узрѣть свой прообразъ, ибо только въ сферѣ вымысла человѣческая природа освобождается отъ стѣснительныхъ условій дѣйствительности». Въ манифестѣ Ийтсъ намѣтилъ сферу возрожденной ирландской драмы: жизнь народа и легенды о національныхъ богатыряхъ. «Въ народѣ лучше всего сохранилась та національная жизнь, о которой говорятъ греческія легенды», — утверждалъ Ийтсъ*).

Ирландія — страна, гдѣ все населеніе охотнѣе живетъ въ мірѣ призраковъ, чѣмъ дѣйствительности. За исключеніемъ трехъ-четырехъ большихъ городовъ, носящихъ болѣе или менѣе интернациональный характеръ, все остальное въ Ирландіи крайне «локально». Надо себѣ представить около сотни домовъ, вытянувшихся вдоль большой дороги. Таковъ ирландскій городъ. Самое большое зданіе въ городѣ — старый монастырь, затѣмъ — «универсальная лавка». Надъ мэріей развѣвается шинъ-фейнерскій флагъ. Въ маленькомъ городѣ столько кабаковъ, что трудно даже понять, какъ они существуютъ. Городъ кончается полуразрушеннымъ замкомъ или таинственной крутой башней, широкой у основанія и утончающейся къ вершинѣ. Эта таинственная башня, о времени сооруженія и о назначенія которой такъ упорно спорятъ мѣстные археологи, по всей вѣроятности, построена еще до Р. Х. и является памятникомъ фаллическаго культа. Населеніе городка оторвано отъ всего міра, но глубоко увѣрено, что весь міръ, затаивъ дыханіе, слѣдитъ за мѣстной жизнью, т. е. за борьбой партій. И когда въ одномъ изъ такихъ городковъ недавно происходили парламентскіе выборы, священникъ увѣрялъ въ мѣстной крошечной газеткѣ, что не только весь міръ, но и всѣ небожители заинтересованы исходомъ. За городкомъ начинается безконечное торфяное болото, на которомъ

*Ernest A. Boyd, «Ireland's Literary Renaissance», p. p. 313-314.

тамъ и сямъ, какъ сидящія птицы, видны одинокія тюрьмы. Горизонтъ закрытъ горами, обнаженными отъ лѣса во время многовѣковыхъ гражданскихъ войнъ. Ибо вся исторія Ирландіи, начиная отъ мифологическихъ временъ, на которыхъ любятъ останавливаться національные поэты, историки и драматурги, это — непрерывный разсказъ о взаимномъ истребленіи. Въ этихъ горахъ есть безчисленныя пещеры, въ которыхъ съ незапамятныхъ временъ да настоящаго момента укрываются всѣ, которыхъ «преслѣдуетъ законъ». У обитателей фермъ составилось въ теченіе вѣковъ такое представленіе: «Разъ человѣкъ спасается отъ закона, онъ герой, все равно, какое преступленіе числится за нимъ». На этомъ представленіи построена одна изъ самыхъ талантливыхъ пьесъ Синджа «The Playboy of the Western World», о которой дальше. Въ этихъ горахъ — безчисленное множество дикихъ ущелій. И когда дуетъ вѣтеръ съ Атлантическаго океана или съ Ирландскаго моря, ущелья наполняются такимъ гуломъ, гомономъ и воемъ, что испуганные крестьяне крестятся въ ужасъ. Даже лѣтомъ — по полямъ и по горамъ стелются клубы тумана. Осенью-же и зимою весь островъ окутанъ сѣдымъ облакомъ, въ которомъ каждый предметъ принимаетъ фантастическія и страшныя очертанія. Можно представить себѣ, какіе призраки вырисовываются тогда въ горахъ, стонущихъ отъ осенняго вѣтра! На всемъ земномъ шарѣ, даже въ Гаити, нѣтъ такого суевѣрнаго населенія, какъ эти обитатели торфяныхъ болотъ и горъ. Каждый ручей, каждая пещера, каждое ущелье имѣетъ своихъ призрачныхъ обитателей, то добрыхъ и ласковыхъ, то злыхъ и жестокихъ. Этихъ фей и духовъ видѣлъ не только каждый крестьянинъ, но и каждый обыватель маленькаго городка. Ни у одного народа нѣтъ столько разсказовъ про чудинокъ и нежить, какъ у ирландцевъ. Деревенское духовенство, вышедшее изъ народа, вѣритъ въ нежить, какъ и ихъ прихожане, но считаетъ фей нечистыми духами, проклятыми св. Патрикомъ. И какъ будто-бы этой мѣстной нежити еще мало! Пылкое воображеніе поэтовъ Возрожденія плодитъ ее еще больше. Одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ и талантливыхъ писателей Возрожденія, лордъ Денсени, кажется, совершенно неизвѣстный за предѣлами Ирландіи, посвятилъ все свое огромное дарованіе созданію новой мифологіи*). Если настоящее представляется населенію въ фан-

*) Таковы книги лорда Денсени «The Gods of Pagan» (1905 г.), «Time and the Gods» (1906), «The Sword of Welleran» (1908), «A Dreamer's Tales» (1910), «The Book of Wonder» (1912), «The Last Book of Wonder» (1916). Прямо удивительно, что такія прелестныя, фантастическія вещи ускользнули отъ вниманія переводчиковъ.

тастическомъ освѣщеніи, или значительная часть всего дѣйствительнаго для ирландца лежитъ за предѣлами четвертаго измѣренія, то можно себѣ представить, какъ ирландцы созерцаютъ далекое прошлое! Ирландскіе писатели охотнѣе всего работаютъ надъ драмами и историческими произведеніями. Туманъ, скрывающій дѣйствительность и мѣняющій ея очертанія, густыми клубами врывается въ ирландскую исторію; получается нѣчто изумительное. Ирландскіе историки принимаютъ всѣ легенды за неоспоримыя лѣтописи и всѣхъ богатырей этихъ легендъ — за историческихъ дѣятелей. Величайшій ирландскій историкъ Стэндишъ О, Грэдди, поэтому, доподлинно знаетъ, что первое вторженіе въ Ирландію подъ предводительствомъ Партолана произошло въ 2520 году отъ сотворенія міра, что потомъ, въ 2850 году отъ сотворенія міра, явились скиены, подъ предводительствомъ Немеда, а въ 3500 году, изъ той-же Скиеи прибыли «милезіанцы». Они строили великолѣпные города и дворцы съ золотыми дверями и бронзовыми перегородками. Развѣ объ этомъ не говорится въ старинномъ сборникѣ легендъ подъ названіемъ *Ta'in Bo Cualnge**)? Страбонъ, правда, описываетъ современныхъ ему ирландцевъ, какъ дикарей, брака не признающихъ и не брезгающихъ человѣчиной. Римскій историкъ Гай Юлій Солинъ, жившій въ третью вѣкъ нашей эры, описываетъ, какъ ирландцы послѣ боя пьютъ кровь враговъ изъ череповъ убитыхъ и мажутъ потомъ этой кровью. Все это, конечно, свидѣтельствуетъ не объ особенно высокой культурѣ; но ирландскіе историки, на основаніи легендъ, лучше знаютъ и рисуютъ необыкновенный расцвѣтъ культуры уже за 4 вѣка до Р. Хр. Легендарные герои, какъ Конибаръ, Куулинъ, Финъ, Фергусъ, а въ особенности прекрасная Дейрдра, выступаютъ постоянно въ ирландскихъ національныхъ драмахъ. Такимъ-же образомъ у насъ, на зарѣ новой, послѣ-Петровской, русской литературы русскіе драматурги выбирали сюжеты, какъ «Владиміръ и Ярополкъ», «Рославъ», «Вадимъ», «Семира», «Хоревъ», «Синавъ и Труворъ» и т. д. Современники Екатерины II бѣшено апплодировали, слыша отъ героя, идущаго на смертный бой, стихи въ родѣ слѣдующихъ:

«Напомни Россамъ, какъ я долгъ хранить умѣль;
 Что польза ихъ виной моихъ всѣхъ славныхъ дѣлъ.
 Блаженъ и всѣхъ желаній тѣмъ достигну,
 Коль смертію моею ихъ ревности подвигну
 Стремиться достигать безсмертія вѣнца.

*) Т. е. «Хроника красной королевы». Мифическій король былъ такъ заинтересованъ разсказами, что пожертвовалъ шкуру своей любимой красной королевы для записи этихъ разсказовъ.

Такимъ-же образомъ обитатели крошечнаго ирландскаго городка въ родѣ Трали, Атлона или Балимо яростно апплодируютъ, когда бродячій трагикъ, изображающій богатыря Куулина, такъ разгорячавшагося въ бою, что снѣгъ вокругъ него таялъ на тридцать шаговъ, произноситъ монологъ объ обязанности всѣхъ сражаться «съ завоевателями». У насъ всѣ Хоревы и Семиры были оставлены, когда театръ обратился къ дѣйствительности. Въ Ирландіи, когда началась эпоха Возрожденія, — драматурги обратились къ дѣйствительности, точнѣе, къ крестьянамъ, но легендарные богатыри тоже не были забыты.

Я скажу еще нѣсколько словъ о языкѣ, на которомъ пишутъ теперь ирландскіе авторы. Провозвѣстники шинъфейнизма, какъ откровеніе, возвѣстили давно уже опровергнутую въ наукѣ теорію Вильгельма Гумбольдта о языкѣ. Теорія эта, какъ извѣстно, сводится къ слѣдующему. Языкъ человѣка и его умственная жизнь — одно и тоже. Что находится въ умственной жизни человѣка, все выражается его языкомъ; чего нѣтъ въ его языкѣ, того нѣтъ въ его умственной жизни. Вся звуковая дѣятельность органовъ человѣческой рѣчи тождественна съ его мышленіемъ. Индивидуальность и языкъ народа совершенно совпадаютъ. Человѣкъ уже рождается способнымъ мыслить только посредствомъ того языка, который тождественъ съ его индивидуальностью. Онъ можетъ мыслить только на языкѣ своихъ родителей. Никакой другой языкъ не можетъ сдѣлаться выраженіемъ его умственной дѣятельности. Народъ, забывшій свой языкъ, не можетъ уже удовлетворительно выражать свои понятія. «Онъ теряетъ свою душу», какъ мистически выражали ту-же мысль Гумбольдта ирландскіе писатели.

Ирландцы когда-то говорили по-гельски. Теперь почти всѣ они говорятъ по-англійски. Гельскій языкъ сохранился среди ирландскихъ крестьянъ только самыхъ глухихъ графствъ. Отсюда, конечно, выводъ: «чтобы ирландскій народъ обрѣлъ снова душу и чтобы онъ могъ думать вполне по-своему, надо, чтобы всѣ начали говорить и писать на языкѣ древнихъ бардовъ». Не смотря, однако, на всѣ старанія націоналистовъ, гельскаго языка не удалось возродить. Совѣты графствъ сдѣлали этотъ языкъ обязательнымъ въ школахъ, и нѣкоторые писатели достигали, послѣ великихъ трудовъ, возможности писать на архаическомъ, страшно трудномъ языкѣ; но бѣда заключалась въ томъ, что некому было читать поэмы и драмы, написанныя по-гельски, и писатели эпохи Возрожденія вынуждены были возвратиться къ единственному языку,

понятному населенію, т. е. къ англійскому. Они выбрали только не тотъ литературный языкъ, на которомъ говорятъ и пишутъ въ Оксфордъ и Кембриджъ, а говоръ ирландскихъ крестьянъ въ западныхъ графствахъ. Ирландскіе писатели увѣряли, что англійскій языкъ, отъ примѣси газетныхъ оборотовъ, «изношенъ какъ старый сюртукъ».

Къ старымъ, роднымъ легендамъ совѣтовалъ ирландцамъ обратиться еще Муръ.

Let Erin remember the days of old,
Ere her faithless sons betray'd her;
When Malachi wore the collar of gold,
Which he won from her proud invader;
When her Kings, with standard of green unfurl'd
Led the Red Branch Knights to danger;
Ere the emerald gem of the western world
Was set in the crown of a stranger.

(Пусть Эринъ вспомнить старые дни, когда вѣроломные сыны еще не измѣнили ему; когда Малаки*) носили еще золотое ожерелье, отнятое ими у гордаго завоевателя; когда короли Эрина, предшествуемые развѣвающимся зеленымъ знаменемъ, вели рыцарей красной вѣтви**) на опасные подвиги; тѣ дни, когда драгоценный изумрудъ Запада (т. е. Зеленый Эринъ) не былъ еще въ чужой коронѣ).

II.

Итакъ, одинъ изъ наиболѣе выдающихся писателей эпохи ирландскаго Возрожденія — Иитсъ доказываетъ необходимость выведенія на сцену ирландскихъ героевъ легендарнаго періода. Затѣмъ, согласно требованію критики, національная драма должна обратиться къ жизни крестьянъ. «Наша жизнь — особая, чѣмъ жизнь остального міра, — говорятъ ирландскіе публицисты. — Лучшими выразителями національныхъ идеаловъ были наши народные герои (т. е. герои легендъ). Национальные идеалы лучше всего сохранились въ крестьянствѣ. И мнѣ припоминаются слова Аполлона Григорьева: «Наша жизнь — совсѣмъ иная жизнь, хотя не менѣе человѣческая,

*) Король одной изъ ирландскихъ провинцій, царствовавшій въ X вѣкѣ. Рѣчь идетъ объ ожерельѣ, отнятомъ у датчанъ, пытавшихся завоевать Ирландію.

**) Цикль героическихъ подвиговъ совершенъ, согласно ирландскимъ сагамъ, дружиной короля Коувора — *Куредѣ на крадобѣ рудѣ*, т. е. богатырями ордена Красной вѣтви.

шла и идетъ по инымъ законамъ, чѣмъ западная». И отсюда вытекала оцѣнка значенія народныхъ пьесъ Островскаго: «Одно художество только, силами ему данными, выводитъ образы, на которыхъ лежитъ яркое клеймо нашей народной особенноти въ томъ видѣ, какъ она уцѣлѣла; художеству-же будетъ, по всей вѣроятности, принадлежать и честь примиренія нашего настоящаго съ нашимъ прошедшимъ, проведеніе между тѣмъ и другимъ ясной для всѣхъ органической связи»*) Это «примиреніе настоящаго съ прошедшимъ и проведеніе между тѣмъ и другимъ ясной органической связи» дѣлаютъ современные ирландскіе драматурги, обращаясь исключительно въ своихъ произведеніяхъ къ героическому періоду исторіи и къ совершенной крестьянской жизни.

Крестьяне выводились въ литературахъ разныхъ народовъ и въ разные періоды по разному. Сперва поэты и драматурги изображали счастливыхъ пейзажъ, ведущихъ идиллическую жизнь на лонѣ природы съ овечками и барашками. Такая литература зарождается всюду, гдѣ культура достигаетъ такого развитія, что съ одной стороны есть немногіе, незнающіе что дѣлать съ своими богатствами, а съ другой — забытое, безсловесное человѣческое стадо. Буколическая литература процвѣтала въ Греціи а, въ особенности въ императорскомъ Римѣ. Она возродилась въ Западной Европѣ, какъ только она оправилась отъ десятилѣтняго варварства. Пышнымъ цвѣтомъ она зацвѣла во Франціи въ серединѣ XVIII вѣка. Тогда къ «крестьянскимъ» рассказамъ примѣшивался обыкновенно острый соусъ скабрзности. Примѣромъ могутъ служить романы Ретифъ де ла Бретоня и французская передѣлка пасторали Лонгуса «Дафнисъ и Хлоя». У насъ подражатели этой литературѣ сперва призывали Анакреона полюбоваться на російскихъ крестьянскихъ дѣвицъ, пляшущихъ «бычка», въ уборѣ изъ «золотыхъ лентъ» и «жемчуговъ драгихъ» подъ звуки свирѣли. Затѣмъ явились «оперы» изъ народной жизни, въ которыхъ выводились мужички въ шелковыхъ, красныхъ рубашкахъ и въ шляпахъ съ павлиньими перьями. Мужичекъ этотъ и голосомъ и ногами выражалъ, что онъ всѣмъ доволенъ. И сидѣвшіе въ ложахъ и партерѣ разряженные владѣльцы душъ, видя на сценѣ этого довольнаго мужичка, танцовавшаго отъ избытка счастья, приходили въ патріотической восторгъ:

Неужели молчать славянину,
Неужели жалѣть кулака,

*) А. Григорьевъ, «Развитіе идеи народности въ нашей литературѣ».

Какъ Бернарди затаяеть «Лучину»,
Какъ пойдетъ Петипа трепака?

Затѣмъ пришла новая манера изображенія крестьянъ. Очень талантливая французская писательница, являвшаяся тогда властительницей думъ, дала цѣлый рядъ романовъ изъ крестьянской жизни, «французскихъ георгикъ», по выраженію Жирардена: «François le Champss», «Mare au diable», «Petite Fadette» и «Maitres Sonneurs». И эти крестьянскіе романы сейчасъ-же нашли подражателей у насъ. Изображать, какъ Жоржъ Зандъ, наивную, простую, полную поэзіи жизнь крестьянъ у насъ, при наличности крѣпостного права, было невозможно. Вотъ почему сперва явились жалостливые рассказы, изъ которыхъ вытекало: «Крестьяне — такіе чудесные люди, но, смотрите, какъ они страдаютъ при наличности такого института, какъ крѣпостное право». Когда крѣпостное право отошло въ область исторіи, сдѣлалось, конечно, бесполезно ставить вопросъ о крестьянахъ такъ, какъ это дѣлали у насъ послѣдователи Жоржъ Занда. И вотъ на смѣну повѣствованій о несчастномъ Антонѣ Горемыкѣ явились романы, авторы которыхъ желали доказать, что крестьяне во всемъ лучше интеллигенціи, что именно они являются носителями настоящей правды, забытой остальными классами. Явилась беллетристика, въ которой выступали величавые Микулы Селяниновичи, Сократы, деревенскіе Лассали (напримѣръ «Хроника села Смурова» Вологодина). И когда наступила революція; когда въ городахъ и деревняхъ повторились страшныя сцены, о которыхъ говорятъ лѣтописцы 1606-1613г. г.*), —

*) Крестьяне громившіе все и всѣхъ, забирали что могли, — читаемъ мы у Авраама Палицына. «Идѣ же не пожгутъ домовъ, или не мощно вѣяти множества ради домовныхъ потребъ, то все колюще мелко и въ воду мешуще; входы же и затворы всякіе разсѣвающе, дабы никому же не житьельствовати...». Это описаніе погрома въ 1611, а не въ 1918 году. Вотъ еще описаніе, которое, будь оно не по-славянски, могло бы относиться къ XX вѣку. «Овѣхъ азъ бащенъ высокихъ градныхъ дому метаку; ивѣхъ же азъ бреговъ крутыхъ во глубину рѣки съ каменіемъ верзаху; ивѣхъ же... изъ самопаловъ растрѣляюще; ивѣхъ же голени наполю преломляху; и ивѣхъ же чадъ отъ соцу и отъ назуху матерню отторгающе, о землю, и о порогги, и о каменіе, и о углы разбиваху... Красивыхъ же жепъ и дѣвицъ на много блудъ отдаху, и въ таковомъ безмѣрномъ сверженіи нечисти умираху... Не бѣ бо мѣста сокрѣтїю... Не могуще бо благороднїи сынове арѣти рождшихъ ихъ ложеснѣ отъ лопа на лоно у блудныхъ беззаконниковъ претерзасмихъ, тажеже и братїя за сестры своихъ ради красоты и верущимаго дѣвства». Народъ такъ же мало щадилъ царицъ, какъ и честь женщины. «Святїя мѣстныя иконы и царскїя дѣ-

раздались скорбные или негодующіе голоса: «Гдѣ-же прекраснѣодушные крестьяне, про которыхъ говорили намъ беллетристы? Гдѣ «золотыя сердца»? Гдѣ «Микулы Селяниновичи»? Гдѣ «деревенскіе Лассали»?

Fratzenbilder nur und sieche Schatten
 Seh' ich auf dieser Erde.

И мы наблюдаемъ теперь ярую ненависть къ крестьянамъ не только въ стадѣ, такъ называемыхъ, зубровъ. Ненавистники и разочаровавшіеся забыли, что въ нашей литературѣ не всѣ беллетристы изображали крестьянъ, какъ дѣлали это Златовратскій и Вологдинъ. У насъ была цѣлая плеяда беллетристовъ, какъ Писемскій, Николай Успенскій, Рѣшетниковъ, Левитовъ, Слѣпцовъ, Глѣбъ Успенскій, Чеховъ, Бунинъ и др., изображавшихъ крестьянъ совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ Златовратскій и Вологдинъ. Н. Г. Чернышевскій рѣшительно сталъ на сторону раннихъ представителей этой плеяды. Тѣ, которые долго были рабами, не могутъ не сохранить всѣхъ свойствъ рабовъ, — доказывалъ знаменитый публицистъ*).

ри и начальныя святныя образы Божія... подстилающе подъ свертныя постели и на тѣхъ блудъ содѣвающа... нынѣ же святныя иконы колюще, и вариво и печиво строяще». (Сказаніе Авраама Палыцына. «Памятники древней русской письменности, относящіяся къ смутному времени». С. Петербургъ. 1909, стр. 514-516. Сборникъ этотъ составляетъ XIII-ый томъ Русской Исторической Библиотеки, изданный Имп. Археогр. Комиссіей.

*) Народъ являлся въ изображеніи нѣкоторыхъ беллетристовъ «въ видѣ Акакія Акакіевича, о которомъ можно только сожалѣть, который можетъ получать себѣ пользу только отъ нашего состраданія, — пронизировалъ Н. Г. Чернышевскій. — И вотъ писали о народѣ точно такъ, какъ написалъ Гоголь объ Акакіи Акакіевичѣ. Ни одного слова жестокаго или порицающаго. Всѣ недостатки прячутся, заглушевываются, замазываются. Налегается только на то, что онъ несчастенъ, несчастенъ, несчастенъ. Посмотрите, какъ онъ кротокъ и безотвѣтенъ, какъ безропотно переноситъ онъ обиды и страданія! Какъ онъ долженъ отказывать себѣ во всемъ, на что имѣетъ право человѣкъ! Какія у него скромныя желанія! Какія ничтожныя пособія были-бы достаточны, чтобы удовлетворить и осчастливить это рабитое существо, съ такимъ благоговѣніемъ смотрящее на насъ, столь готовое проникаться безпредѣльною признательностью къ намъ за малѣйшую помощь!.. Читайте повѣсти изъ народнаго быта г. Григоровича и г. Тургенева со всѣми ихъ подражателями — все это насквозь пропитано запахомъ «шинели Акакія Акакіевича». Прекрасно и благородно, — въ особенности благородно до чрезвычайности. Только какая-же польза изъ этого — народу?»

Н. Г. Чернышевскій, «Полное собраніе сочиненій», т. VIII, стр. 242.

Затѣмъ исторія литературы знаетъ еще одно отношеніе беллетристовъ къ крестьянамъ. Въ силу опредѣленной, предвзятой доктрины беллетристы изображаютъ крестьянъ такими жестокими, такими хитрыми мошенниками, какихъ и свѣтъ еще не видалъ. У крестьянъ есть только одна страсть: — страсть стяжанія, проявляющаяся, въ особенности, въ стремленіи добыть землю. Они представители «первоначальной стадіи накопленія капитала». Взглядъ этотъ зародился въ той самой странѣ, гдѣ появились крестьянскіе «Георгіки» Жоржъ Зандъ. Я напому читателямъ крестьянъ Золя (въ «La Terre») и Гюи де Мопассана. Изъ Франціи этотъ взглядъ перешелъ къ намъ, одновременно съ прибытіемъ изъ Германіи марксизма. «Консервативныхъ стяжателей» землепашцевъ начали противопоставлять революціоннымъ рабочимъ, надѣленнымъ всѣми тѣми добродѣтелями, которые Вологдинъ и Златовратскій нѣкогда усматривали у крестьянъ. Горькій противопоставлялъ доблестному вору Челкашу жадность и тупость крестьянъ.

Ирландское народничество прошло всѣ намѣченные фазисы, кромѣ послѣдняго. Реалистическое отношеніе къ дѣйствительности выдвинуло теперь талантливаго автора драмъ изъ крестьянской жизни Падрэйка Колума. Первая драма его «The Land» (Земля) построена на тягѣ молодого и сильнаго крестьянскаго поколѣнія въ Соединенные Штаты. «Отцы» боролись съ начала семидесятыхъ годовъ за землю. Они вынесли въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ такія конвульсивныя потрясенія, какъ «Земельная Лига». «Отцы», борясь за землю, жгли помѣщиковъ, стрѣляли въ нихъ изъ-за угла, калѣчили помѣщичій скотъ и шли за это въ тюрьму, на каторгу или на висѣлицу. И вотъ «отцы» получили землю. Теперь уже нѣтъ помѣщика, который могъ-бы выгнать фермера за невзносъ арендной платы. «Evictions», составлявшія когда-то предметъ страстныхъ дебатовъ въ парламентѣ, порождавшія не только жестокія преступленія, но также рядъ романовъ, драмъ и стихотвореній, — отошли въ область исторіи, какъ у насъ крѣпостное право. «Отцы» получили полностью тотъ призъ, изъ-за котораго шла борьба. Казалось-бы, имъ только и наслаждаться теперь; но «отцы» убѣждаются, что дѣти совершенно равнодушны къ клочку болота или луга, изъ-за котораго шла въ продолженіе десятилѣтій такая упорная борьба. «Дѣти» стремятся на просторъ, въ Соединенные Штаты, гдѣ возможенъ неизмѣримо болѣе широкій размахъ, чѣмъ въ тѣсной Ирландіи. На борьбѣ молодого Матта Косгара съ отцомъ построена драма «The Land». «Отцы» создали свой укладъ сельской жизни, противъ котораго бунтуютъ «дѣти». Въ драмѣ сталкиваются

одинаково сильныя воли старшаго и младшаго крестьянскихъ поколѣній. За драмой «The Land», поставленной въ 1905 году, послѣдовала другая, тоже изъ крестьянской жизни, «The Fiddler's House». Опять столкновение отцовъ съ дѣтьми и опять же оно обусловливается властью земли. Но только въ этой драмѣ «земль» подчинены дѣти. Отецъ-Конъ Хурикэнъ, по мнѣнію дочери Анны и всѣхъ сосѣдей, бродяга, лежебокъ, бѣгущій отъ «земли». Онъ — деревенскій скрипачъ и, повидимому, съ громаднымъ талантомъ. Когда Анну грызетъ «земельный голодъ», отецъ уходитъ со скрипкой въ горы, чтобы тамъ играть свои импровизаціи. «Земляные люди» питаютъ не только глубокое презрѣніе, но и недовѣріе къ человѣку, не чувствующему зова вспаханнаго поля. Конъ Хурикэнъ — одинъ изъ самыхъ привлекательныхъ типовъ въ современной ирландской литературѣ. Передъ нами одинъ изъ тѣхъ невѣдомыхъ поэтовъ, которые когда-то складывали удивительныя легенды и пѣсни, составляющія теперь справедливую гордость ирландцевъ. Третья крестьянская драма Падрѣйка Колума — «Thomas Muskerry» вышла въ 1910 году. Опять столкновения отцовъ съ дѣтьми, и снова молодое поколѣніе сильно страдаетъ отъ сравненія съ старымъ. Томасъ Мескери — богатый фермеръ, переселившійся въ городъ*). Семья изъ «крестьянской» становится «буржуазной». Изъ деревни она принесла съ собою только жадность къ деньгамъ и преклоненіе передъ ними. Семья обираетъ стараго Томаса Мескери и спокойно бросаетъ его на произволъ судьбы. Въ своихъ критическихъ опытахъ, вышедшихъ въ 1916 году, Падрѣйкъ Колумъ доказываетъ, что обязанность драматурга заключается не въ томъ, чтобы *разрѣшить* социальныя вопросы. Онъ не долженъ даже ихъ *ставить*. Роль драматурга — «создавать положенія», какъ выражается авторъ. «Характеръ дѣйствующаго лица, понимаемый, какъ психологическій синтезъ, является уже второй задачей драматурга». Ирландскіе критики, повидимому, вполне согласны съ этимъ спорнымъ тезисомъ. Они находятъ, что въ трехъ пьесахъ своихъ Падрѣйкъ Колумъ создалъ такія положенія, изъ которыхъ вытекаетъ драматизмъ современной крестьянской жизни въ Ирландіи.**)

*) Ирландскій «городъ», за очень немногими исключеніями, какъ помнить читатель, представляетъ собою деревню въ 1000-1200 жителей.

***) См., напримѣръ, «Ireland's Literary Renaissance», Бойда, стр. 342.

III.

Въ 1905 году выступаетъ въ Ирландіи драматическій писатель съ громаднымъ талантомъ, представляющій собою самую яркую звѣзду Возрожденія. Я говорю о Д. М. Синджѣ (или Сингѣ, какъ выговарываютъ ирландцы). Его пьесы или «крестьянскія», или «героическія». Въ этомъ отношеніи Синджъ слѣдуетъ тезису, выставленному Ийтсомъ и принятому, какъ аксіома, всѣми современными драматургами Возрожденія. Въ то-же время слово «тенденціозность» совершенно непримѣнимо къ Синджу. Драма, подобно музыкальной симфоніи, ничему не учитъ и ничего не доказываетъ, — говоритъ Синджъ въ предисловіи къ своей драмѣ «The Playboy of the Western World», о которой дальше. — Серьезность драмы зависитъ отъ количества пиши, которую она даетъ нашему воображенію. Эта пища очень трудно поддается опредѣленію, — прибавляетъ авторъ. Синджъ родился въ 1871 году и умеръ въ 1909 г. Ирландскіе современные писатели — большіе домосѣды. Никто изъ нихъ не выѣзжалъ за предѣлы острова. Почти никто изъ нихъ не знаетъ иностранныхъ языковъ. Съ иностранной литературой, поэтому, они почти незнакомы. Ихъ литературное образованіе, главнымъ образомъ, ограничивается изученіемъ гальскихъ лѣтописей, легендъ и пѣсень старинныхъ бардовъ. Старая гальская литература огромна и занимаетъ около 1250 листовъ убористой печати. Гдѣ тутъ ужъ думать о писателяхъ другой земли! Преодолевъ всю эту литературу, ирландскій писатель дѣйствительно укрѣпляется въ вѣрѣ, что родина его «шинъ-фейнъ», т. е. «сама по себѣ» и что она представляетъ собою центръ умственной жизни всей вселенной. Синджъ является исключеніемъ. Послѣ окончанія Дублинскаго университета, Синджъ «странствовалъ по всему свѣту», какъ выражаются ирландскіе критики, т. е. онъ жилъ довольно долго въ Германіи и во Франціи, выучился нѣмецкому и французскому языкамъ, да познакомился съ современной литературой на нихъ, въ особенности, съ Метерлинкомъ. Такимъ образомъ, Синджъ слѣлалъ поразительное для ирландскаго националиста открытіе: свѣтъ не только въ окошкѣ. Авторъ оставилъ шесть драмъ, изъ которыхъ двѣ переведены чуть-ли не на всѣ европейскіе языки. Познакомимся со всѣми этими произведеніями. Первая драма — «Родникъ Святыхъ» («The Well of the Saints») появилась въ 1905 году. Дѣйствіе происходитъ два вѣка тому назадъ. Босоногій святой паломникъ обходитъ Ирландію изъ церкви въ церковь. Онъ побывалъ на невѣдомомъ островѣ, гдѣ у чудеснаго родкина

покоится прахъ четырехъ святыхъ. Изъ родника паломникъ зачерпнулъ въ тыкву живую воду и съ нею прибылъ въ Ирландію. Дѣйствіе открывается на розстаняхъ у церкви, стоящей на окраинѣ одной изъ деревень графства Уикло, въ провинціи Ленстеръ. На розстаняхъ сидятъ слѣпые нищіе, Мартынь и Мэри, мужъ и жена. Они усѣлись такъ, чтобы ихъ видѣли всѣ крестьяне, идущіе на ярмарку. Слухъ слѣпцовъ такъ изощренъ, что они различаютъ тончайшіе звуки и узнаютъ по нимъ, что происходитъ въ нагрѣтой отъ лѣтняго солнца округѣ. Они могутъ сказать, что кузнецъ Тимми сердится у своего горна, что Молли Байрнъ слоняется безъ дѣла по дорогѣ и т. д. Отъ прохожихъ Мартынь и Мэри узнаютъ про святаго паломника, прибывшаго съ чудесной водой, чтобы исцѣлять слѣпыхъ. Нищіе сперва не вѣрятъ. Впрочемъ, зачѣмъ имъ зрѣніе! — Они знаютъ много чудесъ, про которыя зрячіе не имѣютъ представленія. Затѣмъ у слѣпцовъ есть права, которыхъ нѣтъ у имѣющихъ глаза: — право, напримѣръ, сидѣть у розстаней. Мало по малу у нищенки является желаніе прозрѣть, сопровождаемое благоговѣніемъ: къ ней подойдетъ настоящій святой. У Мартына тоже зарождается желаніе прозрѣть, чтобы увидѣть жену, которую представляетъ себѣ, какъ самую красивую женщину во всѣхъ западныхъ графствахъ. И святой исцѣляетъ слѣпыхъ. Мартынь восклицаетъ за сценой, что онъ видѣть стѣны церкви, — папоротникъ, растущій на нихъ, святаго и широкой просторъ неба. Онъ вбѣгаетъ почти обезумѣвшій отъ счастья. На мѣстѣ Мэри сидитъ, молодая, красивая дѣвушка Молли Байрнъ, которую Мартынь принимаетъ за свою жену. Молли молчитъ и дурачится, наконецъ смѣется, и Мартынь тогда узнаетъ, что это не его жена. Онъ бѣжитъ отъ одной красивой дѣвушки къ другой: не это-ли Мэри? Наконецъ онъ узнаетъ по голосу жену, тоже исцѣленную и выходящую изъ церкви. Некрасивые нищіе, съ грубыми, обвѣтренными лицами, со страхомъ смотрятъ другъ на друга. Слепцами каждый изъ нихъ представлялъ другого прекраснымъ, какъ героя старинныхъ легендъ. Въ дверяхъ церкви появляется святой.

— Дайте мнѣ ударить ее хорошенько и я буду доволенъ до конца жизни! — кричитъ Мартынь. Святой коритъ прозрѣвшихъ слѣпцовъ. Онъ совѣтуетъ каждому изъ нихъ созерцать не жалкій ликъ другого, но величіе Божье. Затѣмъ онъ уходитъ, ибо слышитъ, что глухая, да двое безумныхъ, да еще слѣпое дитя ждутъ исцѣленія.

Во второмъ дѣйствіи мы видимъ Мартына, работающаго въ кузницѣ у Тимми. Мартынь увѣренъ, что надрывается отъ

усердія, а между тѣмъ онъ получаетъ, меньше, чѣмъ когда былъ слѣпымъ нищимъ и сидѣлъ у розстаней. Мартынъ совершенно недоволенъ тѣмъ, что прозрѣлъ. Онъ находигь, что міръ отвратителенъ, а жена его — уродина. Когда онъ былъ слѣпъ, онъ представлялъ себѣ все, какъ самъ хотѣлъ. Тогда онъ весь міръ, и себя въ томъ числѣ, считалъ чудомъ. Мартынъ приходитъ къ заключенію, что, собственно говоря, видятъ что-нибудь только тѣ, которые раньше были слѣпыми. Мартынъ пытается сманить у кузнеца Тимми его возлюбленную Молли Байрнъ, такъ какъ, — мыслить нищій, — только онъ, прозрѣвшій, можетъ понять красоту дѣвушки, а ужъ ни въ коемъ случаѣ не парень, зрячій отъ рожденія, т. е. привыкшій ко всему уродливому. Сперва Молли забавляютъ ухаживанія Мартына. Его слова о прозрѣвшихъ слѣпцахъ, понимающихъ красоту, отчасти гипнотизируютъ ее. Затѣмъ Молли со смѣхомъ выводитъ Мартына на чистую воду передъ кузнецомъ Тимми и Мэри. Разъяренные супруги сперва обмѣниваются бранью, а потомъ готовы пустить въ ходъ кулаки. Вдругъ Мартынъ спрашиваетъ, отчего все такъ потемнѣло? Отчего онъ видитъ все неясно? Вмѣсто отвѣта, Мэри ударяетъ мужа мѣшкомъ по лицу и уходитъ. Тимми и Молли удаляются въ кузницу, а Мартынъ, поминая всѣхъ чертей ада, ошупью пробирается впередъ. Онъ снова ослѣпъ. Когда начинается третье дѣйствіе, Мартынъ и Мэри снова сидятъ у розстаней. Мэри тоже ослѣпла. На дворѣ ранняя весна. Слепцы улавливаютъ чуть слышные звуки, которыми наполненъ воздухъ, и угадываютъ по нимъ, что происходитъ въ ликующемъ мірѣ. Мартынъ приходитъ къ заключенію, что зрѣніе — «странная штука», созданная, чтобы разстроить человѣка. Слепцы уже не могутъ, какъ раньше, считать другъ друга прекрасными; но они утѣшаются другимъ. Волосы Мэри, отраженіе которыхъ она видѣла въ ручьѣ, скоро побѣлѣютъ совершенно, и тогда, съ сѣдыми космами, лицо ея «станетъ чуднымъ». Мартынъ долженъ отрастить себѣ длинную бороду, и когда она побѣлѣетъ, онъ тоже будетъ великолѣпнень... Скоро наступятъ очень теплые дни. Воздухъ насытится запахомъ сѣна и цвѣтовъ. Тогда будетъ такъ хорошо прислушиваться къ блеянію ягнятъ и къ хлоптанію куръ въ далекой деревнѣ! И вотъ до нихъ доносятся слабые звуки колокольчика. То снова приближается святой паломникъ. Нищіе забираются въ кусты живой изгороди. Опять прозрѣтъ? Нѣтъ! Зачѣмъ имъ тогда красивые сѣдые волосы, если прозрѣвшіе будутъ видѣть, какъ грязнятся ихъ кудри во время дождя?

Со святымъ приближаются Тимми и Молли, идущіе въ цер-

ковъ, чтобы вѣнчаться. Святой предлагаетъ снова исцѣлить Мартына и Молли. Они тогда будутъ зрячи до конца жизни.

— Ступайте своей дорогой, святой отецъ! — тоскливо кричить Мартынь. — Мы васъ совсѣмъ не звали.

— Я не говорю о покаяніи, — произноситъ святой. — Я не буду налагать на васъ постъ, ибо Господь, отнявъ у васъ вторично зрѣніе, уже далъ вамъ великій урокъ. У васъ поэтому нѣтъ основанія бояться меня. Станьте на колѣни и я возвращу вамъ зрѣніе.

Мартынь (астревожился еще больше). Мы не просимъ, чтобы намъ возвратили зрѣніе. Идите своей дорогой, святой отецъ! Поститесь, молитесь, дѣлайте все что хотите, но оставьте насъ здѣсь, у розстаней. Намъ хорошо тутъ. Мы не хотимъ видѣть!

Святой (обратился къ толпѣ). Сошелъ-ли онъ съ ума, что не хочетъ исцѣленія? Онъ не желаетъ жить какъ другіе, работать и любоваться на Божьи чудеса.

Мартынь. Тѣ чудеса, которыя я видѣлъ за короткое время, хватятъ мнѣ на всю жизнь.

Святой приходитъ къ заключенію, что съ такими глупцами не стоить и говорить. Мэри, однако, послѣ нѣкотораго колебанія, желаетъ прозрѣть. Тогда Мартынь заявляетъ, что, въ такомъ случаѣ, и онъ хочетъ исцѣленія. Онъ становится на колѣни, но какъ только святой приближается къ Мартыну и протягиваетъ тыкву съ живой водой, нищій выбиваетъ ее изъ рукъ. Тыква катится черезъ сцену, и живая вода разливается. Нищій разсуждаетъ, что если кузнецъ Тимми имѣетъ право работать, не покладая рукъ; если святой имѣетъ монополію поститься, молиться и говорить проповѣди, то никто также не долженъ препятствовать ему, Мартыну, быть слѣпымъ, слушать, какъ нѣжный вѣтерокъ весною шелеститъ клейкими листочками деревьевъ, наслаждаться солнцемъ и не видѣть сѣрыхъ дней, святыхъ паломниковъ да грязныхъ ногъ, топчущихъ нашъ міръ. Зрячіе не понимаютъ всего того, что творится вокругъ нихъ. Съ этимъ святой соглашается. Онъ благословляетъ слѣпую чету, рѣшившую удалиться въ «ожные города». Затѣмъ кузнецъ Томми, невѣста его Молли Байрънъ, святой и народъ уходятъ въ церковь. Вотъ все содержаніе пьесы.

Припоминаются горькія слова Гейне:

Sohn der Thorheit! träume immer,
 When dir's Herz im Busen schwillt;
 Doch im Leben suche nimmer
 Deines Traumes Ebenbild!

Не надо прозрѣнія! Миръ мечты неизмѣримо прекраснѣе того, который существуетъ въ дѣйствительности. Эта философія очень убѣдительна въ особенности въ ирландскихъ болотахъ, надъ которыми струятся сѣдые клубы тумана, скрывающіе дѣйствительность.

По сжатоу пересказу можетъ показаться, что пьеса Синджа представляетъ собою только символъ, какъ «Слѣпцы» Метерлинка, напр.; но это не такъ. Всѣ дѣйствующія лица очерчены сжато, но ярко, нѣсколькими словами. Характеры выступаютъ передъ нами отчетливо и выпукло. И, изображая ихъ, Синджъ реалистъ. Святой, наприимѣръ, очень хорошей праведникъ, но безъ того, что англичане называютъ sense of humour. Мэри Байрнъ — прекрасна, какъ играющій и сверкающій на солнцѣ ручеекъ, но ея натура — мелка также, какъ ручеекъ. Кузнецъ Тимми здоровякъ; у него доброе сердце; но онъ слѣпъ во многихъ отношеніяхъ въ сравненіи съ слѣпцомъ Мартыномъ. Характеры двухъ слѣпцовъ совершенно различны. Они и говорить по разному. Тутъ я долженъ сказать нѣсколько словъ вообще о языкѣ Синджа. Драматургъ выбралъ діалектъ ирландскихъ крестьянъ западныхъ графствъ провинціи Ленстера. Цѣлью автора было избавиться отъ «газетнаго жаргона», такъ какъ въ Англіи литературный языкъ совершенно оторвался отъ того языка, на которомъ говорить народъ. Говоръ нелитературный сталъ въ Англіи «подлымъ языкомъ». Англійскій языкъ обогащается постоянно тусклыми новыми словами и формулами, выкованными въ конторахъ, банкахъ, мастерскихъ и газетныхъ редакціяхъ; но этотъ языкъ не можетъ уже болѣе обогащаться живыми народными выраженіями, какъ русскій литературный языкъ у насъ (до большевиковъ, которые оподлили языкъ разными «слезами» и «совнаркомками») или англійскій языкъ во время Шекспира. Синджу дѣйствительно удалось придать діалекту, на которомъ онъ пишетъ, силу, живость и ритмичность. Этотъ діалектъ, по всей вѣроятности, крайне затруднитъ переводчиковъ. Переводчикъ долженъ очень хорошо знать свой родной языкъ, чтобы передать ритмъ языка Синджа.

IV.

За *Родникомъ Святымъ* послѣдовала въ томъ-же 1905 году пьеса «Въ мракѣ долины» (In the Shadow of the Glen). Она имѣла громадный успѣхъ; но вызвала въ то-же время яростную бурю въ шинъ-фейнерскихъ газетахъ. Какъ «народники», шинъ-фейнеры находили, что крестьянъ надо изображать

«лучезарно», «богоносцами», — согласно формуламъ, принятымъ во всѣхъ странахъ. Дѣйствующія лица пьесы «Во мракѣ долины» очень интересны, но, конечно, портреты ихъ не годятся для украшенія нравоучительныхъ дѣтскихъ книжекъ.

Дѣйствіе происходитъ въ томъ-же графствѣ Уикло, гдѣ Мартынъ и Мэри сидѣли у розстаней. Въ крайнемъ коттеджѣ деревни, спрятанной на днѣ длинной долины, лежитъ на постели подъ простыней мертвое тѣло. Умеръ старый хозяинъ. Молодая вдова его нервно ходитъ по комнатѣ, передвигаетъ затѣмъ-то мебель, зажигаетъ свѣчи и поминутно робко бросаетъ взглядъ на постель. Раздается стукъ въ двери. Молодая женщина хватается чулокъ съ деньгами, лежащій на столѣ, и послѣшно прячетъ въ карманъ. Затѣмъ она открываетъ двери. На дворѣ темная ночь и льетъ проливной дождь. Входитъ молодой бродяга, одинъ изъ тѣхъ tramps, которые никакъ не могутъ приспособиться къ цивилизаціи и къ трудовой жизни. Эти «tramps» представляютъ собою какъ-бы обломокъ другой, доисторической бродячей расы, не знавшей земледѣлія. Бродяга, стоя на порогѣ, косится на постель. Онъ не рѣшается послѣдовать приглашенію хозяйки и тронуть тѣло, дабы убѣдиться, что оно остыло. «Tramps», какъ всѣ дикари, боится мертвецовъ. Бродяга, однако, входитъ въ комнату и садится за столъ. Хозяйка даетъ ему стаканъ виски и трубку покойника. Темная ночь и холодный вѣтеръ, дующій со стороны горъ, давятъ молодыхъ людей. Молодая вдова говоритъ только о старикѣ, который былъ всегда холоденъ, днемъ и ночью, съ тѣхъ поръ, какъ Нора (такъ зовутъ вдову) знала его. Потомъ она говоритъ про Пэтча Даси. То былъ славный парень, ласковый съ нею; но ему разъ ночью пришлось выскочить изъ окна коттеджа въ одной сорочкѣ и бѣжать въ горы. Тамъ онъ умеръ, и его тѣло расклевали вороны. Теперь тутъ есть другой молодой человекъ, фермеръ. Онъ живетъ по сосѣдству. Нора должна пойти къ нему, чтобы онъ отправился въ деревню и возвратилъ тамъ о смерти старика. Когда дверь закрылась за Норой, бродяга усѣлся, чтобы починить свой сюртукъ. И вдругъ край простыни осторожно поднимается. Оттуда высовывается голова «мертвеца» Дэна Берка. Бродяга падаетъ въ страхѣ со стула и начинаетъ читать молитву, заклиная «покойника». И тутъ гдѣ-то далеко, въ темнотѣ раздается рѣзкій свистъ. Дэнь Беркъ, какъ Задигъ у Вольтера, желалъ только испытать жену. Онъ поднимается, — садится въ постели и яростно начинаетъ обличать Нору. Это не мужняя жена, а потаскуха. Успокоившійся бродяга предлагаетъ «покойнику» выпить водки. По просьбѣ Дэна Берка бродяга даетъ ему суковатую

палку, стоящую у шкафа. Когда снаружи раздается голос, покойникъ быстро прячется подъ простыню, забравъ съ собою палку. Вошли Нора и молодой пастухъ Майкель Дара. Они усаживаются пить чай. Нора говоритъ о славномъ парнѣ Пэгчѣ Дарси, убѣжавшимъ въ одной рубашкѣ въ горы и погибшемъ тамъ, о своей уединенной жизни. Всегда днемъ и ночью передъ нею суровый холодный старикъ. Когда она глядитъ изъ окна или съ порога дверей, то видитъ только туманъ, стелющийся по болоту, опять туманъ и опять болото. Она слышитъ только, какъ воетъ вѣтеръ въ обломанныхъ деревьяхъ, и какъ реветъ вздувшійся отъ дождей потокъ. О, она не будетъ жаловаться такъ, когда выйдетъ за молодого человѣка. И когда спустится туманъ, ихъ не будутъ давить мысли, отъ которыхъ обоемъ становится страшно. Молодой пастухъ Майкель Дара находитъ, что коттеджъ стоитъ очень уединенно, но они утѣшаются при мысли о деньгахъ, оставленныхъ старикомъ. Майкель вѣжно обнимаетъ Нору, когда та вынимаетъ деньги изъ чулка, складываетъ ихъ кучками и считаетъ. И вотъ Данъ Беркъ поднимается изъ подъ простыни. Онъ, очевидно, готовить какой-то сюрпризъ, но чихаетъ неожиданно. Майкель бросается къ дверямъ, но старикъ успѣваетъ заступить ему дорогу.

— Онъ живой или мертвый? — спрашиваетъ Нора у бродяги. Данъ Беркъ велитъ женѣ уходить и собирается прибить ее; за Нору заступается бродяга. Майкель успѣваетъ шмыгнуть въ двери, крикнувъ, что его ждутъ тамъ внизу, въ кабачкѣ. Нора запальчиво отвѣчаетъ старику и высказываетъ ему, какъ тяжела и безцвѣтна была ея жизнь. Молодой женщиной становится жаль себя, и она принимается плакать. И тогда выступаетъ бродяга, начинающій восхвалять привольную жизнь въ поляхъ и на большой дорогѣ. У первобытнаго человѣка, конечно, первая мысль о ѣдѣ. Бродяга и начинаетъ съ того, что умный и ловкій человѣкъ всегда найдетъ, чѣмъ перекусить.

Бродяга (стоитъ на порогѣ). — Идемъ со мною, хозяйка. Ты услышишь не одну только мою глупую болтовню.*) Ты узнаешь, какъ выкликаютъ цапли надъ глубокими озерами, какъ курлыкаютъ куропатки, какъ заливается ночью сова, и какъ въ погожий теплый день звенять жаворонки и поютъ дрозды. Отъ нихъ не услышишь безотрадныхъ напоминаній, что ты состаришься какъ юродивая Пегги Кавана, облысѣешь,

*) Синдржъ употребляетъ забытое крайне выразительное слово «blather».

какъ она и потеряешь блескъ глазъ. Они тебѣ споютъ славныя пѣсни. Не будетъ также перхать возлѣ тебя, какъ больная овца, старый хрычъ.

Нора.—Возможно, я сама буду перхать, какъ овца въ темныя холодныя ночи подѣ открытымъ небомъ; но ты, чужакъ, хорошо говоришь. И я пойду за тобой. (*Подходить къ дверямъ, затѣмъ оборачивается къ Дѣну*). Теперь ты очень доволенъ, что сострилъ такъ удачно, прикинувшись мертвымъ! Подумай, однако, о другомъ. Какъ можетъ женщина жить въ такомъ уединенномъ мѣстѣ, ни разу не перекинувшись словомъ съ прохожими? Подумай также, какова будетъ теперь твоя жизнь, когда некому присмотрѣть за тобою! Что за черная жизнь ждетъ тебя, Даниель Беркъ? Запомни мои слова: не пройдетъ много времени, и ты снова будешь лежать подѣ простыней, но уже настоящимъ образомъ. (*Уходитъ съ бродягой*).

Вѣроятно, на англійскомъ языкѣ нѣтъ другой одноактной пьесы такъ густо насыщенной драматизмомъ, если можно такъ выразиться. Уходъ Норы съ бродягой совершенно естественъ. Бродяга — самый смѣлый и «интересный» человекъ, котораго Нора видѣла, послѣ Пэтча Дарси, погибшаго въ горахъ и съѣденнаго воронами. Въ женщинѣ есть сильное томленіе по жизни, проходящей какъ-нибудь иначе, не въ одиночествѣ и не въ прислушиваніи къ вою вѣтра въ долинахъ.

Ирландскіе критики нашли, что Синджъ «оклеветалъ» ирландскую крестьянку, изобразивъ, какъ она уходитъ съ бродягой.

Черезъ годъ послѣ пьесы «Во мракѣ долины» Синджъ написалъ драму «Ѣдущіе къ морю» (*The Riders to the Sea*). Мѣсто дѣйствія теперь не графство Уикло, а островокъ изъ группы Аранскихъ острововъ. Такъ называется цѣль скаль, лежащихъ барьеромъ при входѣ въ заливъ Голуэй (Западная Ирландія). Синджъ прожилъ здѣсь цѣлый годъ среди рыбаковъ, которыхъ ежедневно ждетъ смерть. Результатомъ поѣздки явилась, между прочимъ, въ высшей степени интересная книга, выпущенная Синджемъ въ 1907 году «*The Aran Islands*».

Сцена представляетъ кухню въ рыбацкомъ коттеджѣ. На стѣнахъ висятъ сѣти и клеенчатые плащи. Къ стѣнѣ прислонены гладко выструганныя бѣлыя доски для гроба. Мать рыбаковъ лежитъ, сраженная горемъ. Сынъ, отправившійся на неводьбу нѣсколько дней назадъ — не вернулся. Молодая дѣвушка Кэтлинъ прядетъ. И вотъ входитъ другая молодая дѣвушка Нора съ узелкомъ подѣ шалью. Убѣдившись, что старухи нѣтъ, Нора развязываетъ узелокъ, въ которомъ — рубашка и одинъ чулокъ, снятые съ полуразложившагося

угопленника, выброшеннаго волнами на сѣверѣ острова. Принадлежать-ли вещи эти Майкелю, не возвратившемуся съ неводьбы? Если это вещи Майкеля, то священникъ наказалъ передать старухѣ, что, волею Божьей, ея сынъ покоронень прилично на сѣверѣ. Доски для гроба тогда не нужны. Если рубашка чужая, то не надо сообщать старухѣ: она будетъ оплакивать сына другой женщины. А вотъ уже девять дней, какъ она и безъ того плачетъ и убивается. Дѣвушки слышатъ, какъ старая Моурія ворочается въ постели и стонетъ. Кэтлинъ прячетъ узелокъ надъ каминомъ, тамъ гдѣ сложенъ торфъ для топлива. Въ кухнѣ появляется Моурія. Она садится у огня. Надо принести больше торфа, — говоритъ она дѣвушкамъ. Надо изготавить лепешки для Бартли, для единственнаго сына, оставшагося въ живыхъ. Онъ съ отливомъ плыветъ на ярмарку «на материкъ» (т. е. въ Ирландію), если только море у бѣлыхъ скаль не будетъ слишкомъ бурно и дастъ возможность спустить лодку. И вотъ поспѣшно входитъ сынъ старухи Бартли. Онъ дѣлаетъ приготавленія къ поѣздкѣ. Къ берегу моря онъ поѣдетъ верхомъ на рыжей кобылѣ. Сѣрый жеребенокъ можетъ бѣжать за маткой: на берегу сказали, что на континентѣ будетъ хорошая лошадиная ярмарка. Лодка «на континентъ» отправляется только разъ въ двѣ недѣли. Придется сильно грести, такъ какъ въ лодкѣ только одинъ человекъ. Бартли уходитъ противъ воли старухи, не желающей его отпустить. У нея уже столько сыновей погибло въ морѣ! Когда Бартли уходитъ, старуха плачетъ: она не благословила его. Дѣвушки посылаютъ старуху съ лепешкой для Бартли. Моурія можетъ захватить, если пойдетъ напрямки, Бартли у родника. Тамъ она передастъ и лепешку, и благословеніе. Какъ только старуха вышла, дѣвушки достали узелокъ.

Нора (Разсматриваетъ чулокъ, считаетъ петли и принимается плакать). Кэтлинъ, чулокъ зтотъ Майкеля. Господи, успокой душу его! И теперъ Бартли ушелъ въ море.

Кэтлинъ (Беретъ чулокъ). Чулокъ самый обыкновенный.

Нора. Онъ изъ третьей пары, которую я связала для Майкеля. Я вязала въ шестьдесятъ петель и спустила четыре.

Кэтлинъ. (Считаетъ петли). Да, тутъ пятьдесятъ шесть петель. *(Плачетъ).* Нора! Нора! Какъ страшно подумать, что тѣло его плыло на сѣверѣ и не было никого, чтобы оплакать его, кромѣ черныхъ вѣдьмъ, кружащихся надъ волнами!

Нора (Ломаетъ руки). И отъ главнаго рыбака, которому не было равнаго на веслахъ, остался только кусокъ старой рубахи да чулокъ!

Кэтлинъ (Прислушивается) Старуха, кажется, идетъ. Я слышу шаги по дорожкѣ.

Дѣвушки прячуть печальныя лохмотья утопленника. Входятъ Моурія съ лепешкой въ рукахъ. Старуха медленно опускается близъ очага. Она рассказываетъ дѣвушкамъ, что видѣла нѣто ужасное, когда стояла у родника, дожидаясь Бартли. Показались рыжая кобыла и сѣрый жеребенокъ. Старуха хотѣла благословить Бартли, но что-то сжало ей горло и она не могла произнести ни слова. Она взглянула сперва на Бартли, сидѣвшаго на рыжей кобылѣ, а потомъ на жеребенка. На лошенокѣ сидѣлъ Майкель, но въ такой красивой одеждѣ и въ новыхъ башмакахъ...

Сквозь полуоткрытыя двери доносится съ берега крикъ. Моурія продолжаетъ свои жалобы, не слыша ничего. Она вспоминаетъ своего мужа, и отца мужа, и шесть славныхъ сыновей. Всѣ они погибли въ морѣ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ нашли, а другіе исчезли безслѣдно. Наплакавшись, — Моурія умолкаетъ. Дверь открывается и одна за другой входятъ старухи. Онѣ крестятся на порогъ, затѣмъ входятъ и становятся на колѣни, покрывъ головы своими красными юбками.

Кэтлинъ. Майкель утонулъ. Успокой, Господи, его душу. Намъ прислали съ сѣвера часть его одежды. *(Передаетъ Моуріи рубашку и чулокъ. Нора смотритъ въ окно.)*

Нора. Тамъ люди несутъ что-то, съ чего струится вода. Я вижу слѣдъ, который она оставила на черныхъ камняхъ.

Кэтлинъ (Шепотомъ къ вошедшимъ старухамъ). То Бартли несутъ?

Одна изъ старухъ. Да, его. Пошли, Господи, миръ душѣ его. *(Входятъ двѣ молодыя женщины. Онѣ выдвинули столъ на середину. Затѣмъ мужчины вносятъ на доскѣ тѣло Бартли, покрытое обрывкомъ паруса, и кладутъ на столъ.)*

Кэтлинъ. Какъ онъ утонулъ?

Одна изъ женщинъ. Сѣрый лошенокъ сбиль его въ море. Тѣло выброшено прибоемъ на бѣлыя скалы.

Моурія раскладываетъ у тѣла лохмотья Майкеля и окропляетъ ихъ святой водой. Затѣмъ перевертываетъ на столѣ кубокъ, изъ котораго пилъ Бартли, и останавливается неподвижно у тѣла, положивъ руки на ноги его. Теперь всѣ семь сыновей ея вмѣстѣ. Старуха спокойна: «Никто не можетъ жить вѣчно и мы не должны роптать». Бартли будетъ имѣть великолѣпный гробъ изъ новыхъ досокъ и глубокую могилу.

Когда-бъ могли и слезы, и рыданье
 Умершаго опять вернуть для жизни,
 Ослѣпла-бы отъ слезъ и поблѣднѣла,
 И стала-бы подскѣжника бѣлѣе,
 Чтобъ только ожилъ, —

сказала-бы старая Моурія, знай она шекспировскую хронику «Король Генрихъ VI». Плакать надо, покуда нѣтъ еще увѣренности, что сынъ умеръ, — думаетъ старуха. — Когда-же смерть пришла, ее надо встрѣтить твердо и спокойно. Молодой мужчина созданъ, чтобы уплывать въ море съ каждымъ отливомъ; въ море, гдѣ постоянно ждетъ смерть, — разсуждаютъ рыбаки. — Старыя женщины созданы, чтобы тоскливо дожидаться на берегу возвращенія сыновей. Старуха горячо любила сына. «Пусть у васъ будутъ тысячи кобылъ и жеребятъ. Какая имъ дѣна въ сравненіи съ однимъ сыномъ?» — спрашиваетъ старуха. Но она знаетъ, что плакать оттого, что пришло единственно вѣрное, единственно-неминуемое — смерть, — нельзя.

Драма «The Riders to the Sea» широко признана за предѣлами Ирландіи. Она переведена почти на всѣ европейскіе языки и ставилась на сценахъ отъ Мельбурна до Буда-Пешта. Въ пьесѣ этой мы не имѣемъ такого чеканнаго произведенія, какъ въ драмѣ «In the Shadow of the Glen» (Въ мракѣ долины). Языкъ представляетъ собою, по прежнему, совершенство. Ритмъ его иной, чѣмъ въ пьесѣ «In the Shadow of the Glen» и, по выраженію одного критика, напоминаетъ о туманѣ, то окутывающемъ совершенно горы, то разносимомъ порывами морского вѣтра.*) «Ритмъ отрывистый, какъ будто вѣтеръ относитъ постоянно слова». Въ пьесѣ, если мы вчитаемся, имѣются несообразности, которыхъ совершенно не желаютъ замѣчать восторженные ирландскіе поклонники. Пьеса, напримеръ, продолжается полчаса. Мы должны повѣрить, что въ это короткое время Бартли успѣлъ доѣхать до берега моря, что его сбиль лошенокъ, что тѣло его выброшено прибоемъ, найдено и принесено въ коттеджъ. Между тѣмъ, когда Бартли отправляется въ путь, то говорить, что до берега ему придется ѣхать полчаса.

Но сколько такихъ несообразностей у великаго основателя *реалистической* школы русскаго романа, если вчитаться? Въ какое время года, напримеръ, ѣдетъ Чичиковъ къ Манилову? По пути къ деревнѣ Коробочки Чичикова захватываетъ

*) P. P. Howe, «T. M. Synge», London, 1912, p. 57.

дождь съ грозой. На другой день изъ окна Чичиковъ видитъ свинью, пожирающую арбузные корки. Комната кишитъ мухами. Значитъ дѣло происходитъ въ іюль или началъ августа. Коробочка говоритъ Чичикову: «Въ какое время васъ Богъ принесъ! Сумятица и *вьюга* такая». Значитъ дѣло происходитъ зимою. На обратномъ пути отъ Коробочки Чичиковъ видитъ зеленые хлѣба, освѣженные дождемъ. Значитъ дѣло происходитъ въ самое началъ лѣта. Черезъ дня два Чичиковъ идетъ въ *медвѣжьей шубѣ* въ присутственное мѣсто совершать купчую крѣпость и встрѣчается съ Малиновымъ тоже въ *медвѣжьей шубѣ*. Лѣтомъ въ Россіи въ шубахъ не ходятъ. Когда-же происходитъ дѣйствіе? Зимой-ли, въ началъ лѣта или въ августѣ?

Или вотъ другая наглядная несообразность. Сколько лѣтъ жилъ Тарасъ Бульба? Лѣтъ 200 судя по Гоголю. Мы знаемъ напримѣръ что Бульба былъ «порожденіемъ грубаго XV вѣка.» Послѣ казни Остапа Тарасъ Бульба появляется съ войсками Остраницы, который, какъ извѣстно, жилъ въ XVIII вѣкѣ. Такимъ образомъ дней живота Тарасу было 200 лѣтъ. Но это къ слову пришлось. Повидимому «наглядныя несообразности» не портятъ великихъ произведеній.

V.

Вотъ еще пьеса, при появленіи вызвавшая негодованіе крайнихъ націоналистовъ, обидѣвшихся «за народъ». Называется она «Забавникъ Запада» (The Playboy of the Western World)*) Теперь-же ирландскіе критики согласно признаютъ, что послѣ Шекспира никто не далъ въ одной пьесѣ столько характеровъ какъ Синджъ.

Дѣйствіе происходитъ въ приморской деревнѣ самой дикой части графства Мэйо. Въ придорожномъ «шибинѣ» (кабакъ) красивая полудикая дѣвушка Пегинь, дочь кабатчика, занята составленіемъ счетовъ. Въ кабакъ входитъ цѣлая партія парней: толстый Шонъ Кіо, женихъ Пегинь, затѣмъ Майкель Джемсъ Джимми Фаррель и др. Всѣ они собираются на ярмарку, гдѣ намѣрены «погулять». Пегинь въ бѣшенствѣ, что ей придется одной провести всю ночь въ домѣ, стоящемъ далеко отъ деревни. Она предлагаетъ своему жениху Шону

*) Когда ирландецъ говоритъ «западъ» или «сѣверъ» міра, то имѣетъ ввиду только расположеніе графствъ въ самой Ирландіи. Для него родной островъ совершенно отдѣльный и самодовлѣющий міръ. Страны, лежація гдѣ-то въ другихъ мірахъ, должны интелесоваться Ирландіей, но Эрину до нихъ нѣтъ дѣла.

остаться; но ему хочется видѣть ярмарку и кромѣ того онъ боится отца дѣвушки. Шонъ убѣгаетъ вслѣдъ за парнями. И когда Пегинъ хватаетъ его за полу куртки, онъ какъ библейскій Іосифъ, оставляетъ платье въ рукахъ дѣвушки. Скоро однако парни прибѣгаютъ обратно, блѣдные и испуганные: изъ придорожной канавы изъ подъ кустовъ вылѣзъ какой-то человекъ «стонущій какъ корова» и слѣдуетъ за ними. Дѣйствительно, дверь открывается и входитъ покрытый грязью парень. Онъ не похожъ однако на бродягу. Парень спрашиваетъ стаканъ водки и садится у огня. Дѣвушка и парни глядятъ на прохожаго со страхомъ и уваженіемъ: онъ прятался въ канавѣ, значитъ бѣжалъ отъ закона. А всякій спасающійся отъ ареста въ Ирландіи уже герой. Парень, котораго зовутъ Кристи Магонъ, мало гордится тѣмъ дѣломъ, за которое его ищутъ; но ему льститъ вниманіе дѣвушки, думающей что онъ совершилъ нѣчто «большое». Пегинъ спрашиваетъ Кристи о его «дѣлѣ» но когда парень отмалчивается — прерзительно высказываетъ предположеніе, что вѣроятно онъ ничего не совершилъ. При мысли, что это «притворщикъ», дѣвушка приходитъ въ ярость и замахивается на Кристи метлой.

Пегинъ. За тобою ничего нѣтъ! Если ты не убилъ, не сдѣлалъ ничего большого, не ограбилъ, не отливаль фальшивыхъ денегъ или другое въ этомъ родѣ, то зачѣмъ ты прибѣжалъ сюда? Ты ничего не сдѣлалъ.

Кристи. (Обидѣлся). Стыдно такъ обращаться съ бѣднымъ прохожимъ-сиротой, у котораго позади тюрьма, впереди висѣлица, а подъ ногами — зіяющій адъ.

Пегинъ. Ты только такъ говоришь. Ты ничего не сдѣлалъ. Такой смиренникъ, какъ ты, не перерѣжетъ горла даже визжащей свинѣ.

Кристи. (обидѣлся). Неправда.

Пегинъ. (Разсердилась). Кто? Я говорю неправду? Вотъ сейчасъ я тебя смажу по головѣ метлой.

Кристи. (Убѣгаетъ въ уголъ съ крикомъ испуга). Не бей меня. Я убилъ отца. Вотъ уже недѣля какъ это произошло.

Печинъ. (Съ глубокимъ изумленіемъ) Такъ ты убилъ отца?

Кристи. (Опустился на стулъ). Я сдѣлалъ это съ Божьей помощью! Пусть Пречистая заступится за его душу.

Филли. (Отступаетъ вмѣстѣ съ Джимми). Вотъ такъ удалецъ!

Джимми. Да славится имя Господне!

Майкель. (Съ большимъ уваженіемъ). За такое преступленіе вѣшаютъ, мой милый. Вѣроятно у тебя была основательная причина сдѣлать это.

Кристи Магонъ дѣлается героемъ. Видя, съ какимъ вниманіемъ и уваженіемъ слушаетъ его Пегинъ, Кристи рассказываетъ длинную исторію про то, какъ отецъ его мучилъ. За это онъ Кристи, зарубилъ потомъ своего тирана сѣчкой. Всѣ парни рѣшаютъ, что теперь можно имъ отправиться на ярмарку, такъ какъ у Пегинъ есть смѣлый защитникъ. Надобно-ли ей еще болѣе храбрый рыцарь чѣмъ человекъ убившій отца? Дѣвушка остается одна съ Кристи. Она заботливо ухаживаетъ за нимъ. Кристи ужасно гордъ, когда Пегинъ говоритъ ему: «барды, слагавшіе чудесныя пѣсни, были такіе-же какъ и онъ: «красивые горячіе парни, приходившіе въ бѣдственность, когда кровь бросалась имъ въ голову». Къ утру вѣсть про героя доходитъ до всѣхъ въ деревнѣ. Постоянно въ кабакъ являются мужчины и женщины, приносящіе Кристи пищу и платья. Сперва онъ застѣнчивъ и робокъ; но смѣлѣетъ когда замѣчаетъ, какой успѣхъ имѣетъ его рассказъ про убійство, которое парень повторяетъ съ новыми варіаціями. Пегинъ разъ или два набрасывается съ кулаками на парня, такъ какъ замѣчаетъ, что вниманіе дѣвушекъ очень интересуетъ Кристи. Народу набирается такъ много, что парень начинаетъ бояться за свою безопасность, но Пегинъ съ гордостью говоритъ ему, что въ ихъ деревнѣ нѣтъ доносчиковъ. Женихъ Пегинъ приноситъ «сиротѣ» свое новое платье и билетъ на проѣздъ въ Западные Штаты Сѣверной Америки. Кристи очень доволенъ новымъ платьемъ, но въ билетѣ покуда не видитъ надобности. Всѣ съ глубокимъ уваженіемъ смотрятъ на «сироту», который зарубилъ своего отца «до пояса штановъ». И вдругъ Кристи съ ужасомъ видитъ, какъ «убитый» заглядываетъ въ окно кабака и, шатаясь, идетъ дальше берегомъ. Кристи шепчетъ молитву, чтобы Господь Богъ послалъ большую волну и смылъ-бы стараго Магона со свѣта. Парень боится больше всего не кулаковъ отца, а того, что тотъ разомъ уничтожитъ всю славу Кристи, какъ перваго удалца на Западномъ берегу. А между тѣмъ слава Кристи растетъ. Когда начинается третье дѣйствіе, мы слышимъ про то, какъ Кристи отличился въ играхъ на берегу. Пегинъ торжественно вводитъ его въ кабакъ вмѣстѣ со всѣми призами, выигранными во время состязаній. Позади валитъ толпа поклонниковъ. Кристи сіяетъ, онъ вспотѣлъ отъ трудовъ и счастья и утираетъ лицо шалью Пегинъ. Онъ объяняется ей въ любви. Парень, дѣйствительно, поэтъ. Онъ говоритъ дѣвушкѣ, какъ будетъ цѣловать ея, когда они въ

лунную ночь будут гулять берегомъ Нейфина. «Я обниму тебя, крѣпко, крѣпко. Яприжму мои губы къ твоимъ. Я буду цѣловать ихъ и цѣловать, покуда почувствую жалость къ Господу Богу, который тамъ, высоко, сидитъ вотъ уже много вѣковъ одинокой на своемъ золотомъ тронѣ». И отецъ Пегинъ, пробующій раньше всѣхъ крѣпки-ли водка и пиво, которыми торгуетъ, — даетъ свое согласіе на бракъ дочери съ Кристи. Удалой парень представляетъ собою рѣдкій драгоценный камень, — говоритъ торжественно полупьяный старый Майкель (отецъ Пегинъ). Человѣкъ, разрубившій однимъ ударомъ отца до пояса штановъ, обладаетъ несомнѣнно храбростью десяти человѣкъ. Потому—да благословятъ васъ Господь Богъ, Пречистая Дѣва, и Св. Патрикъ. Плодитесь и множитесь.

Кристи и Пегинъ. Аминь, о Господи!

(Шумъ и суматоха за дверями. Вбѣгаетъ старый Магонъ, отецъ Кристи. За нимъ толпа. Старикъ набрасывается на Кристи, сбиваетъ его съ ногъ и начинаетъ колотить).

Пегинъ. *(Отводитъ руку старика).* Остановитесь! Кто вы?

Магонъ. Его отецъ, да проститъ мнѣ Господь.

Пегинъ (пятится). Онъ воскресъ изъ мертвыхъ.

Магонъ. А вы думали, что старато Магона можно прикончить, если хлопнуть его разъ сѣчкой! *(Снова бьетъ Кристи).*

Пегинъ. Такъ ты все налгалъ! Ты лежишь смирно и позволяешь, чтобы онъ тебя утюжилъ.

Кончилась «идилія» дѣвушки: ея герой оказался трусомъ.

Кончился также романъ Кристи, парня съ воображеніемъ поэта.

«The Playboy of the Western World» является для насъ, иностранцевъ, лучшимъ ключемъ для пониманія ирландцевъ: такъ какъ Синджъ рисовалъ только характеры, не задаваясь никакими тенденціями. Характеры очерчены сильно и увѣренно, нѣсколькими словами. Парень Джимми, напримѣръ, «ожиренъ и влюбленъ», ничего другого про него сказать нельзя, «Филли — тошъ и подозрительнъ». При чтеніи пьесы передъ нами возникаетъ такая-же яркая картина страны, какая вырисовывается послѣ нѣсколькихъ страницъ Донъ-Кихота. Комедія «The Tinker's Wedding» (Свадьба паяльщика), появившаяся въ 1907 году, переноситъ насъ на большую дорогу графства Уикло. Передъ нами бродяга Майкель Байрнъ, его подруга Сарра Кэйзи и мать Майкеля, старая пьяница Мэри. Сарръ хочется, чтобы Майкель прикрылъ вѣнцомъ ихъ вольный союзъ. Они сторговались уже съ деревенскимъ попомъ, который задесять шиллинговъ и за жбанъ, изготовля-

емый Майкелемъ, согласенъ закрыть глаза на формальности (отсутствіе бумагъ) и обвѣнчать пару. Но старая Мэри подсмотрѣла, куда Сарра прячетъ жбанъ, завернутый въ тряпку, вытащила его и пропила, а вмѣсто украденной вещи положила три бутылки. Священникъ, прежде чѣмъ начать вѣнчанье, развѣртываетъ тряпку и убѣждается, что кувшина нѣтъ. Попъ отказывается вѣнчать обманщиковъ, хотя онъ уже получилъ десять шиллинговъ. Все кончается большой потасовкой. Опять великолѣпно очерченные характеры. Священникъ, какъ будто, вышелъ изъ книги Раблэ. Бродяги вырисованы ярко, выпукло и жизнено. Юморъ пьесы великолѣпенъ. Шекспиръ, рисовавшій своего паяльщика Сляя (Интермедія къ комедіи «Усмиреніе своеправной»), не думалъ, конечно, сдѣлать его носителемъ какой-нибудь доктрины.

Замѣтя, что печаль вамъ кровь сгущаетъ,
А скука къ помѣшательству ведетъ,
Они*) совѣтуютъ игру послушать
И праздному веселью отдаваться,
Что бережетъ и продолжаетъ жизнь,—

объясняетъ слуга Сляю передъ началомъ представленія. И именно потому что Шекспиръ думалъ только о «живой жизни», получилась яркая, заразительная по веселію картина. То-же самое можно сказать о комедіи Синджа.

Шестая, послѣдняя по времени пьеса Синджа — историческая: «Deirdre of the Sorrow». Авторъ вывелъ любимую легендарную героиню ирландскихъ писателей, красавицу Дейрдру, изобразилъ горестную судьбу ея и гибель богатырей братьевъ Нанси. Этой пьесой авторъ отдалъ дань обычаю, требующему отъ ирландскихъ драматурговъ обработки національныхъ легендъ. Судьба Дейдрды вдохновляла, кажется, всѣхъ, безъ исключенія, поэтовъ и драматурговъ Возрожденія, но у Синджа мрачная легенда обработана оригинально, по новому.

Князь Ипполитъ Курагинъ произносилъ первыя слова, приходившія ему въ голову. Слова эти большей частью были невразумительны и совершенно не относились къ дѣлу, но изъ-за самоувѣренности, съ которой онъ говоритъ, никто не могъ понять, очень-ли умно или очень глупо то, что онъ сказалъ. Ипполитъ зналъ, что надо выпалить первыя слова,

*) Т. е. врачи.

пришедшія въ голову. Присутствующіе сами будутъ ломать голову, доискиваясь смысла. Нѣчто подобно происходитъ постоянно на нашихъ глазахъ въ современной литературѣ: «Ипполитъ» — поэтъ или беллетристъ — пишетъ даже не предложенія, а отдѣльныя слова, въ которыхъ нѣтъ никакого смысла. Но именно потому, что смысла нѣтъ никакого, критики стараются расшифровать «заумную рѣчь» вродѣ слѣдующихъ «стиховъ» изъ поэмы «Нерукотворный»:

Медленно
Жую сѣрья облака
И
Думаю
О погибающихъ братьяхъ
Мудрымъ,
Неунывающимъ лузомъ.

И результатомъ расшифровыванія бываетъ всегда мысль до такой степени глубокая и «заумная», что ее обыкновеннымъ умомъ и понять даже невозможно.

Ирландскіе писатели Возрожденія, отдѣлвшіеся уже отъ тенденціозности, т. е. отъ желанія «передать въ лицахъ» какую-нибудь доктрину («Мы всѣхъ лучше»), изображаютъ жизнь, какъ она есть. Живое произведеніе будетъ въ то-же время символическимъ, какъ это мы видимъ въ *Донъ-Кихотъ*. Талантъ усматриваетъ въ жизни то, чего не талантливые люди совершенно не замѣчаютъ. И въ этомъ достоинство произведеній наиболѣе выдающихся писателей ирландскаго Возрожденія.

Діонео.

Пути Россіи.

Статья третья.

I.

Великій Сѣверный материкъ — Евразія — выходитъ въ окружающій его со всѣхъ сторонъ океанъ глубокими выступами: на Сѣверо-Востокѣ — большимъ полуостровомъ, конечныя части котораго составляютъ полуострова Чукотскій и Камчатка, на Югѣ — полуостровами Индокитайскимъ, Индостаномъ и Аравійскимъ, на Западѣ — полуостровомъ Западно-Европейскимъ. Всѣ великія цивилизаціи — за исключеніемъ цивилизаціи египетской — родились и достигли своего расцвѣта на этомъ материкѣ. Цивилизаціи западныя — на полуостровѣ Западно-Европейскомъ, цивилизаціи восточныя — на остальномъ континентѣ. Борьба цивилизацій восточныхъ и западныхъ, Востока и Запада, есть борьба великаго Сѣвернаго континента съ его западнымъ полуостровомъ.

Западно-Европейскій полуостровъ точно купается въ окружающей его морской стихіи. Его «береговое кружево» удивительно тонко и узорчато. Поверхность исключительно разнообразна и расчленена. Климатъ здоровый, крѣпкій, возбуждающій энергію. Полуостровъ весь насыщенъ минеральными богатствами. Сочетаніе угля и желѣза создаетъ несравненныя условія для развитія промышленности. Населеніе дѣятельное, предприимчивое, влюбленное въ «миръ», напрягающее свою волю на формированіе «явленій». Западныя цивилизаціи — цивилизаціи *городскія*. Въ моментъ расцвѣта онѣ неизмѣнно становятся цивилизаціями торговыми и промышленными. Когда населеніе стужается, собственнаго хлѣба на полуостровѣ не хватаетъ. Его привозятъ, прежде

всего, съ континента, преимущественно, изъ степей южной Рос-
си. Такъ было во время расцвѣта цивилизаціи эллинской, рим-
ской, такъ происходить и теперь. Вслѣдъ за континентомъ къ при-
зову хлѣба и сырья привлекаются и другія части свѣта. Приро-
да, исторія и культура сдѣлали изъ Западно-Европейскаго полу-
острова міровую фабрику, міровую торговую и банкирскую кон-
тору.

На востокъ отъ Западно-Европейскаго полуострова, прибли-
зительно, по линіи, идущей отъ устья Нѣмана до устья Дуная, въ
глубь материка разпертывается великая Сѣверная равнина. На
всѣмъ земномъ шарѣ нѣтъ равной, или приближающейся къ ней
по необъятности. Она тянется на многія тысячи верстъ съ запада
на востокъ вплоть до рѣки Енисея и съ сѣвера на югъ отъ Бѣлаго
до Чернаго моря и отъ береговъ Ледовитаго океана до горъ Гин-
дукуша. «Исторія земли» была удивительно спокойной на этой ча-
сти земного шара. Съ самыхъ отдаленныхъ геологическихъ эпохъ
земная кора здѣсь почти не приходила въ движеніе. Море и ледни-
ки выгладили легкія шероховатости поверхности. Лишь по среди-
нѣ великой равнины проходитъ легкая складка земной коры —
Уральскій хребетъ. Фантазія исторіи, произвольно чертившая ли-
нію раздѣла между «Европой» и «Азіей», то по рѣкѣ Дону, то по
рѣкѣ Волгѣ и случайно задержавшаяся на Уральскомъ хребтѣ,
придала этому хребту характеръ какой-то таинственной значи-
тельности. На самомъ дѣлѣ географическое значеніе Уральского
хребта ничтожно. Средняя высота его незначительна. Великая
равнина тянется по обѣ стороны хребта, почти не замѣчая встрѣ-
тившагося препятствія, съ одинаковымъ климатомъ, одинаковыми
почвами, одинаковыми растительными зонами. И людскія волны
безъ труда переливались черезъ хребетъ. Если великія народныя
движенія проходили южнѣе Уральского хребта, черезъ «Каспій-
скія ворота», то это происходило отнюдь не потому, что Уральскій
хребетъ являлся препятствіемъ для народныхъ движеній, и они
вынуждены были обходить его. Это происходило потому, что въ те-
ченіе тысячелѣтій исторической жизни по сторонамъ Уральского
хребта не наблюдалось сгущенія населенія. Когда въ XVI в. рус-
ская колонизаціонная волна достигла Уральского хребта, она

безъ напряженія перекатилась черезъ него и разлилась по восточной половинѣ великой равнины. Великая Сѣверная равнина и географически, и исторически — единое цѣлое.

Великая Сѣверная равнина лежитъ на берегу Ледовитаго океана. Западные европейцы, — въ ту эпоху, когда Россія еще не была «открыта» — говорившіе о таинственной странѣ, лежащей на берегахъ Ледовитаго океана, были недалеки отъ истины. Лишь недоступность Ледовитаго океана для плаванія и торговыхъ сношеній заставляеть забывать, что береговая линія Сѣверной равнины и раскинувшася на ней русскаго государства далеко не такъ мала. Трагедія Россіи не только въ томъ, что это самая «континентальная» страна на свѣтѣ, что ея жизненные пункты отстоятъ на тысячу верстъ отъ морского берега. Трагедія Россіи въ томъ, что ея «береговое кружево» сковано льдами Ледовитаго океана, что великія русскія рѣки несутъ свои воды въ этотъ «мертвый» океанъ. Отъ восточнаго, тихоокеанскаго берега Россіи великая равнина отдѣлена тысячами верстъ суровой горной страны. Береговая линія Балтійскаго и Чернаго моря незначительна, и моря эти «замкнутыя». На всемъ земномъ шарѣ Россія самая обездоленная страна въ смыслѣ морскихъ торговыхъ путей. *)

Великая Сѣверная равнина слабо насыщена минеральными богатствами. Моря и ледники покрыли равнину слоями наносныхъ породъ. Первозданная порода рѣдко гдѣ выходитъ наружу. Лишь въ южной, европейской части равнины имѣются значительные запасы угля и желѣза. Минеральныя богатства Россіи сосредоточены въ горныхъ областяхъ восточной половины государства: на восточномъ склонѣ Урала, въ горахъ Алтая, въ горахъ Восточной Сибири. По вычисленіямъ изслѣдователей богатства эти велики. Но при этомъ надо принять во вниманіе, что богатства эти скрыты въ глубинахъ материка, что они тысячами верстъ отдѣлены отъ свободныхъ морскихъ путей; что запасы «жизненнаго нерва» современной промышленности — угля, — сравнительно съ размѣрами государства невелики и на 70-80 о/о

*) П. Савицкий. Континентъ-океанъ. Сборникъ «Исходъ къ Востоку». Софія 1921.

Nettner. Russland. 1921.

сосредоточены въ Сибири; *) что въ Россіи вѣтъ того удивительнаго сочетанія угля и желѣза, которое создало промышленный расцвѣтъ Западно-Европейскаго полуострова (Англіи и Германіи) и Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. И, если все, это принять во вниманіе, тогда станетъ ясно, что и въ промышленномъ отношеніи Россія поставлена далеко не въ благоприятныя условія. И понадобится громадное напряженіе энергій и исключительное стеченіе обстоятельствъ для того, чтобы русская промышленность могла, въ мировомъ состязаніи, съ успѣхомъ выдержать борьбу съ своими болѣе счастливыми соперниками.

Зато въ отношеніи лѣсныхъ богатствъ и почвенныхъ условій для сельско-хозяйственнаго промысла Россія не знаетъ соперниковъ на всемъ земномъ шарѣ. Лѣсныя богатства Россіи неисчислимы. Лѣсная область Россіи — величайшая въ мірѣ. Черезъ всю сѣверную половину великой равнины — за исключеніемъ крайне-сѣверной полосы тундры — и дальше на востокъ до Тихаго океана безконечной полосой идетъ прекрасный сѣверный лѣсъ. Несмотря на многолѣтнее хищническое истребленіе и сейчасъ лѣсная площадь Россіи занимаетъ, въ европейской ея части, 187 милл. гектаровъ и въ азиатской отъ 250 до 400 милл. гектаровъ. По вывозу лѣса Россія первая страна въ мірѣ. **) Когда ея лѣсное хозяйство будетъ организовано, національное богатство Россіи окажется огромнымъ. — Еще удивительнѣе природныя условія Россіи въ отношеніи сельско-хозяйственнаго промысла. Великая равнина — гладкая скатерть, точно посланная для земледѣльческой обработки. Черезъ южную половину великой равнины, отъ Карпатскихъ горъ и до рѣки Енисей, тянется безконечная полоса благодатнаго русскаго чернозема. Ширина полосы доходить до

*) Въ Россіи — занимающей 22 м. кв. к. и 1/6 часть суши — по подсчетамъ Лутугина 233,528 мил. тоннъ угля, по подсчетамъ 1920 г. 474,098 м. тоннъ. Изъ этого количества на Иркутскую губ. и Кузнецкій бассейнъ приходится, по первому подсчету 163,625 м. т., по второму подсчету 400,000 м. т. Въ Германіи — на 540 т. кв. к. — 423,356 м. т. Въ Англіи — на 314 т. кв. к. — 189,583 м. т. Въ С. А. Соед. Шт. — 3.838.657 м. т. Канадѣ — 1.234.296 м. т. Китаю — 995.587 м. т. См. докладъ о горной пром. общему съѣзду представителей русской пром. и торг. 17 мая 1921 г.

**) Въ 1913 г. Россія вывезла на 293 мил. марокъ и ввезла на 21,6. С. Шт. вывезли на 327 м., но зато ввезли на 156 мил.

1000 верст; ея площадь — 100 миллионов кв. десятинъ въ Европейской, 50 милл. десятинъ въ Азиатской Россіи. На всемъ земномъ шарѣ только азіатскій лёсъ по почвеннымъ богатствамъ, превосходить русскій черноземъ. *) Черносземныя почвы насыщены минеральными солями и содержатъ до 16 о/о органическихъ веществъ. Плодородіе чернозема изумительно. Когда черноземная почва не истощена была хищнической обработкой, она нерѣдко давала урожаи самъ-20, самъ-30. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, когда хищническое вынахиваніе прекратится и обработка земли будетъ поставлена разумно, урожаи снова поднимутся на большую высоту. Россія — величайшая житница міра. По количеству урожая она уступаетъ Соединеннымъ Штатамъ Сѣверной Америки. По количеству хлѣба, которое она вывозитъ въ другія страны, она идетъ далеко впередъ всѣхъ. **) Треть всего мірового вывоза падаетъ на Россію. Понтійскія степи въ древности кормили своимъ хлѣбомъ Аенны, Римъ и Византію. И въ настоящее время русскія степи кормятъ своимъ хлѣбомъ міровыя столицы Западно-Европейскаго полуострова. Природныя условія — безконечная равнина и черноземныя почвы — сдѣлали изъ Россіи земледѣльческую область, по протяженности и плодородію не превзойденную ни одной страной міра. Природа обоудила Россію морскими торговыми путями; недостаточно насытила минеральными богатствами; зато она дала Россіи неистощимыя сокровища земли и лѣса. По природнымъ условіямъ, Россія земледѣльская страна; Agrarstaat, по выраженію нѣмецкой науки. **)

Историческая наука 19-го вѣка придавала громадное значеніе «природѣ». Исторія и культура страны опредѣлялись ея природными условіями. Современная историческая наука далеко ушла отъ этихъ взглядовъ. Историческіе факты слишкомъ убѣдительно противорѣчатъ имъ. Плодородная долина Месопотамія, «опредѣ-

*) Менделѣевъ. Къ познанію Россіи. 1907.

**) Въ 1909-13 г. Россія въ среднемъ производила 75,402,7 тысячъ тоннъ; С. Шт. — 108,149,1 тысячъ тоннъ. Вывозила Россія — 10,664,7 тысячъ тоннъ. С. Шт. — 4,103,9 т. тоннъ.

***) K. Andrees. Geographie des Welthandels. B. I-IV. 1910-1921. Annuaire international de Statistique agricole 1917-18. Rome 1902. Adolf Schenke. Die Kornkammern der Erde. 1916.

лившая» величайшую культуру въ мірѣ, уже многіе вѣка представляетъ изъ себя гниющую пустыню. Маленькіе гористые острова — Японскіе — опредѣлявшіе въ теченіе вѣковъ удивительную земледѣльческую культуру Японіи, неожиданно становятся рамкой мощнаго промышленнаго государства. Историческая наука все больше возвращается къ философски-спокойному взгляду Гегеля: «Не надо одѣивать природу ни слишкомъ высоко, ни слишкомъ низко; конечно, мягкое небо Ювія много способствовало предести гомеровскихъ стиховъ, но, само по себѣ, оно не въ состояніи было создавать Гомеровъ; да оно ихъ и не всегда создавало; подъ турецкимъ владычествомъ пѣвцы не рождались.» *)

Въ Россіи историческія и культурныя условія направили ея экономическое развитіе по тѣмъ-же путямъ, которыя были указаны ея природными условіями. Русская исторія сыграла злую шутку съ научными теоріями экономическаго развитія. Экономическая наука — дитя западно-европейской цивилизаціи. Западно-европейская цивилизація для нея — цивилизація единственная, общечеловѣческая. Другія цивилизаціи, въ лучшемъ случаѣ, не «тиничны». **) Ступени хозяйственнаго развитія Западной Европы считаются ступенями всякаго хозяйственнаго развитія вообще. Экономическое развитіе начинается обязательно ступенью «охотничьяго», «натуральнаго», «замкнутаго», хозяйства; проходитъ далѣе ступень «денежнаго», «феодальнаго», «городскаго» хозяйства и кончается хозяйствомъ «торговымъ», «капиталистическимъ», «народнымъ», «міровымъ». Русская исторія — какъ и исторіи многіхъ другихъ неевропейскихъ странъ — ставитъ эту схему развитія съ ногъ на голову. Русская исторія — если не считать ея античнаго, дославянскаго періода — начинается періодомъ городскаго, торговаго хозяйства, широкаго международнаго обмена; затѣмъ, вмѣсто того, чтобы подыматься на высшія ступени хозяйственнаго развитія, она круто поворачиваетъ внизъ, проходитъ многовѣковый періодъ экономической реакціи, періодъ сельскаго, земледѣльческаго, почти натуральнаго хозяйства, и только въ послѣдніе два вѣка начинаетъ медленно приобщаться

*) Hegel. Philosophie der Geschichte. Werke. B. IX 1848.

**) П. Масловъ. Теорія развитія народнаго хозяйства. 1901.

къ торговой и промышленной дѣятельности и втягиваться въ международный обмѣнъ. Россія XIX в. экономически ближе къ Россіи X вѣка, чѣмъ въ Россіи вѣка XVI-го.

Случилось это такъ. Въ IV в. по Р. Хр. цивилизація Западно-Европейскаго полуострова была разрушена. Античная западно-европейская цивилизація была цивилизаціей городской, торговой и промышленной, основанной на широкомъ «міровомъ» обмѣнѣ. До XI в. западно-европейская цивилизація еле теплилась. вмѣстѣ съ нею еле теплилась городская, торговая и промышленная жизнь. Но въ тѣ самые вѣка, когда культурная и экономическая жизнь Западно-Европейскаго полуострова почти замерла, на континентѣ ярко разгорались старыя очаги восточной культуры. На этотъ періодъ приходится послѣдній расцвѣтъ старыѣхъ культуръ дальняго Востока — Китая и Индіи. Въ эти-же вѣка переживали періодъ большаго культурнаго и экономическаго подъема государства Влѣчнаго Востока — византійское и персидско-арабское.

Въ экономическомъ отношеніи культуры византійская и арабская, въ извѣстной степени подходят къ культурамъ западнымъ: въ моментъ расцвѣта ихъ городская, промышленная и торговая жизнь поднималась на большую высоту. До XII в. Византія была торговой столицей міра. Она обладала могущественнымъ торговымъ флотомъ, развитой промышленностью, держала въ своихъ рукахъ нити міровой торговли. Черезъ Арабское государство проходили всѣ важнѣйшіе пути великаго обмѣна между Востокомъ и Западомъ. Багдадъ былъ «сладочнымъ мѣстомъ тѣѣхъ путей міровой торговли, которые вели изъ Китая въ западный міръ, изъ Индіи въ Византію и дальше на сѣверъ и западъ Европы». *) Пульсъ міровой экономической жизни въ эти вѣка бился въ государствахъ арабскомъ и византійскомъ. **) — Достаточно взглянуть на карту, чтобы увидѣть, какія послѣдствія возникали отсюда для строящагося Кіевскаго государства. Русское государство оказывалось въ сферѣ вліянія центровъ міровой экономической жизни. Арабское государство вплотную подходило къ великой сѣверной

*) Гельмольтъ. Исторія человѣчества. т. III.

**) Huart. Geschichte der Araber. V. II 1915.
Филиппсонъ. Средиземье.

равнинъ: занимало Кавказскія земли, — Грузію, Арменію, Азербейджанъ — глубоко продвинулось по восточному берегу Каспійскаго моря. Черное море было моремъ византійскимъ. Культуры дѣйствуютъ заражающе не только въ области духовной жизни. Экономическое вліяніе сказывается часто еще сильнѣе. Подъ заражающимъ вліяніемъ экономической культуры Византіи и Арабскаго государства великая русская равнина начинаетъ быстро преобразоваться. На берегахъ Каспійскаго моря возникаетъ сильное торговое государство хазарское, по среднему теченію Волги государство болгарское, а на водномъ пути «изъ Варягъ въ Греки» великое государство Кіевское. Русская равнина не только сама вступаетъ въ дѣятельный торговый обмѣнъ съ Востокомъ и Западомъ; она является и центромъ торговыхъ путей между великимъ континентомъ и его Западнымъ полуостровомъ. Торговые пути шли по Дибру, соединяя море Черное съ моремъ Балтійскимъ, по Волгѣ, соединяя море Каспійское съ Балтійскимъ и Бѣлымъ (Віармія); Каспійское море было соединено съ морями Чернымъ и Азовскимъ. Изъ Кіева шелъ торговый путь въ Хазарію; изъ Кіева и Смоленска — пути на Западъ: Въ Польшу, Венгрію и Германію. Быть можетъ, единственный разъ за свою тысячелѣтнюю исторію Россія оказалась однимъ изъ центровъ мировыхъ торговыхъ путей. Результаты этого были удивительныя. На великой Сѣверной равнинѣ, географически обездоленной морскими торговыми путями, въ тѣ вѣка слабо заселенной и, въ хозяйственномъ отношеніи, нетронутой, въ IX-XII в. создается большое русское государство, по своей культурѣ, *городское и торговое*. Замѣчательно пространственное направленіе этого государства. Русскій черноземъ его не привлекаетъ къ себѣ. Длинной полосой оно вытягивается по рѣчнымъ путямъ, соединяющимъ торговья моря великой равнины — Черное и Балтійское. *) Пройдутъ многіе вѣка, прежде чѣмъ русское государство снова достигнетъ этихъ морей. И возможно: если-бы международное положеніе не измѣнилось, Россія сумѣла-бы преодолѣть географическія невыгоды своего положенія, успѣла-бы сбить сильное государство въ западной

*) *Довнаръ-Запольскій*. Исторія русскаго народнаго хозяйства. т. I. 1911.

части великой равнины по линии наименьшаго отдаленія отъ морскихъ береговъ, и тогда все экономическое, а вмѣстѣ съ нимъ и культурное развитіе Россіи пошло-бы иными путями.

Обстоятельства сложились иначе. Со 2-го тысячелѣтія до Р.-Хр. наступаетъ культурный закатъ континента — «Востока». Культуры Китая и Индіи достигли своей вершины и начинаютъ медленно замирать. Культуры арабская и византійская были совсѣмъ разрушены. Съ XI в. великое арабское государство постепенно разсыпается. Волны среднеазиатскаго варварства все болѣе и болѣе заливаютъ его. Надо помнить величіе арабскаго государства, чтобы понять трагедію его паденія и тѣ послѣдствія, которыя это имѣло для прилегающихъ странъ. «Только современность съ ея колоссальными средствами сообщенія опять сдѣлала, по крайней мѣрѣ внѣшнимъ образомъ, изъ европейскаго міра единое цѣлое, какое тогда представляло собою арабское мировое государство; только внѣшнимъ образомъ, потому что большое преимущество одного, понимаемаго повсюду, языка и письма ставитъ все-таки государство Аббасидовъ выше европейскаго культурнаго міра.»*) — Съ XII в. начинается культурный и экономическій упадокъ Византіи. Съ XIII в. (1204 г.), послѣ взятія Константинополя крестоносцами, ея экономическая роль кончена. Пульсъ мировой экономической жизни больше не бьется на континентѣ. — Зато со 2-го тысячелѣтія по Р.-Хр. начинается новый расцвѣтъ Западно-Европейскаго полуострова. Западная цивилизація точно снѣшить наверстать потерянное время. Она подымается какимъ-то буйнымъ ростомъ. И тотчасъ вмѣстѣ съ расцвѣтомъ культуры воскресаютъ города, оживаетъ торговля и промышленность. Въ XII в. вся торговля Средиземнаго моря переходитъ въ руки итальянскихъ городовъ. Въ XIII в. расцвѣтаетъ Сѣверная Ганза. Въ XIV в. городская, торговля и промышленная культура Запада переходитъ въ свою высшую форму — капиталистическую. Центръ мировой хозяйственной жизни перемѣщается на Западно-Европейскій полуостровъ. Пульсъ мировой хозяйственной жизни бьется здѣсь. Въ XV в. Европа выходитъ на океанскій просторъ. Съ тѣхъ поръ Западная Европа со ступени на ступень, поды-

*) Гельмольцъ. Исторія человѣчества. т. III.

мается все выше по пути экономического восхождения — до головокружительных высот современности.

Вмѣстѣ съ закатомъ континента, наступаетъ культурный и экономическій закатъ русскаго государства. Въ X в. начинается падать торговля съ Арабами. Въ концѣ X в. торговое хазарское государство было разрушено. Съ XII в. замираетъ торговля съ Византией. Сохраняется только торговля съ Западомъ черезъ Новгородъ. Россія перестаетъ быть ареной международныхъ торговыхъ путей. И вмѣстѣ съ этимъ вся культурная картина мѣняется. Экономическая жизнь гаснетъ. Города приходятъ въ упадокъ. Природныя условія страны вступаютъ въ свои права. Влестящая Киевская цивилизація стирается настолько основательно, что въ настоящее время науки съ величайшими трудностями удается возстановлять ея вѣшнія черты. Городская и торговая Россія умираетъ. Въ трудахъ и натугахъ складывается новая Россія — Россія сельская, лѣсная и пашенная. — Въ XIII в. произошло величайшее событіе во всей русской исторіи — Россія стала Монгольскимъ княжествомъ. Между Россіей и Западомъ на многія столѣтія опустилась завѣса. Культурная трагедія Россіи заключалась не въ томъ, что она оказалась слитой съ Востокомъ. Ея культурная трагедія заключалась въ томъ, что она слилась съ Востокомъ, *культурно разгромленнымъ*. И экономическая трагедія Россіи заключалась не въ томъ, что она сдѣлалась экономической провинціей Азіи. И въ предыдущій періодъ Россія экономически была гораздо ближе связана съ Азіей, чѣмъ съ Западной Европой. Но въ томъ періодѣ Азія — «передняя» — была въ экономическомъ расцвѣтѣ. И животворящее влччье этого расцвѣта распространялось и на Россію. Теперь Азія была экономической пустыней. И Россія была обвѣяна ея дыханіемъ. — И разрывъ съ Западомъ былъ трагиченъ не самъ по себѣ; не потому, что западная культура единая, общечеловѣческая. Разрывъ съ Западомъ былъ трагиченъ потому, что Западная Европа поднималась въ эту эпоху на громадную экономическую и культурную высоту. Россія разрывала съ Западно-Европейскимъ полуостровомъ тогда, когда на этотъ полуостровъ пережигался цевтръ мировой экономической

жизни. И это обрекало Россію на нищету и на экономическое безплодіе.

Московская Россія — «срединное» восточное государство. Оно отрѣзано отъ всѣхъ морей, отъ всѣхъ торговыхъ путей. Съ присоединеніемъ Новгорода въ ея распоряженіе поступили берега Ледовитаго океана... Единственный большой торговый городъ — Москва. Правительство насильственно стягивало сюда торговыхъ и ремесленныхъ людей со всего государства. *) На картѣ Московскаго государства точки городовъ еле замѣтны. Въ XVII в. городского населенія насчитывалось 2 ¼ о/о. И при этомъ большинство городскихъ жителей занималось земледѣльствомъ. Торговля влачила жалкое существованіе. Промышленность была въ зародышевомъ состояніи. Московская Россія жила лѣсомъ и пашней. Когда лѣсныя богатства истощались, старались распахать больше земли. И, расширяясь, Московское государство уже больше не стремилось къ морямъ, къ торговымъ путямъ. Оно наступало, чтобы оборониться отъ безпокойныхъ сосѣдей, шло впередъ за пушнымъ звѣремъ «мягкой рухлядью», неустанно занимало новыя нераспаханныя земли. Такъ, занимаясь пушнымъ промысломъ, оно передвинулось на многія тысячи верстъ на востокъ и въ серединѣ XVII в. вышло къ Тихому океану. *) А къ торговому Балтійскому морю оно пробилось только въ началѣ XVIII столѣтія; къ Черному — въ концѣ этого вѣка. Правда, на Западѣ — сильные сосѣди, а на Востокѣ — слабые. Но и принимая это во вниманіе, не остается сомнѣнія, что устремленіе Россіи: на Востокъ — къ лѣсу, на Югъ — къ чернозему. Историческіе пути Россіи — пути земледѣльческаго государства. Тѣ признаки торговаго и промышленнаго оживленія въ XVII в., которые иногда указываются въ экономической литературѣ, имѣютъ такое-же значеніе, какъ признаки распространенія западной культуры въ допетровское время. Эти признаки показательны, какъ симптомы назрѣвающей перемѣны. Сами по себѣ они картины нисколько не мѣняютъ. И въ XVIII в., несмотря на все правительственное стараніе, Россія

*) *Довнаръ-Запольскій*. Торговля и промышленность Москвы XVI и XVII в. в. 1910.

*) *Г. Вернадскій*. Противъ солнца. Русская Мысль. 1914, I.

остается чисто-земледѣльческимъ государствомъ. Промышленность и торговля имѣютъ служебное значеніе: для укрѣпленія правительственнаго аппарата, для усиленія государственныхъ финансовъ. Городское населеніе остается ничтожнымъ: въ началѣ столѣтія 3 о/о, въ концѣ столѣтія — 4,6/о всего населенія. Лишь въ XIX в., въ особенности во 2-ой половинѣ, «бродильный ферментъ» Запада начинаетъ дѣйствовать и въ экономической области. Капиталистическая культура Западно-Европейскаго полуострова, сосредоточенная въ предшествующее вѣка (XVI-XVIII) въ его западныхъ государствахъ — Испаніи, Франціи, Англіи, Голландіи — въ XIX в. пышно расцвѣтаетъ въ его восточной половинѣ, преимущественно, Германіи. Заражающему вліянію непосредственно соприкасающагося съ Россіей западнаго капитализма Россія и обязана, прежде всего своимъ экономическимъ возрожденіемъ. Въ началѣ XX в. промышленность и торговля въ Россіи занимаютъ уже самостоятельное мѣсто въ хозяйственной жизни страны. Промышленные и портовые города являются центрами экономической жизни. — Но и въ XX в. Россія остается типично выраженнымъ земледѣльческимъ государствомъ — *Aggra Staat*. Такъ она опредѣляется въ міровой экономической литературѣ. Такъ она расцвѣтается и въ міровой экономической политикѣ. Взгляды капиталистическихъ странъ на Россію, какъ на колониальную страну, объясняются не только хищническими вожделѣніями этихъ странъ и не только политической слабостью Россіи. Прежде всего они опредѣляются экономической структурой Россіи. Въ XX в. — въ предреволюціонный періодъ — города Россіи насчитывали только 15-17 о/о всего населенія (по послѣдней переписи 1897 г. — 13 о/о). 75 о/о населенія занималось земледѣльческимъ промысломъ. Въ міровой торговлѣ Россія принимала участіе въ 3,4 о/о — вдвое меньше крошечной Голландіи (6,8 о/о). 98 о/о русскаго вывоза падало на продукты питанія, сырые и полуобработанные матеріалы. *) И это не удивительно.

*) Въ 1911 г. на 1,591,4 мил. рублей всего вывоза приходилось на хлѣбъ 735,2 мил., на масло коровье — 70,9 мил., на яйца — 80,7 мил., на лѣсъ — 141,6 м., «Вывозъ животныхъ и готовыхъ изделий составлялъ 3,4% всего вывоза». *Объяснительная записка министра финансовъ къ проекту государственной росписи на 1913 годъ.*

Россия не могла в одно столетие или, строже говоря, в несколько десятилетий — ибо экономическое возрождение России начинается только во 2-ой половине XIX в. — продолжать тот путь экономического восхождения, который Западная Европа проходила в течение почти целого тысячелетия. И теперь — не смотря на сохранившийся земледельческий характер русского государства — разница между Россией начала XIX и начала XX в. больше велика, чем разница между Францией XX в. и Францией века XII-го. Тот многовековой молекулярный процесс социального переустройства, процесс напряженного экономического творчества и хозяйственного воспитания производительных классов, который — по мнению многих историков — составил главное содержание западно-европейской истории, Россия осталась чуждым и неизвестным. Россия знала только результаты этого процесса, видела только те удивительные экономические достижения, которыми Западная Европа покорила весь мир. И под заражающим влиянием западно-европейской экономической культуры, Россия стала строить здание современного капиталистического хозяйства на экономическом фундаменте земледельческой страны — в хозяйственном, как и в культурном, отношении, в течение многих веков почти неподвижной. Неудивительно, что, при первом социальном сотрясении, здание рушилось с адским шумом. Конечно, вина за это падает на «социальный опыт» большевистской власти. Но не надо преувеличивать ее силу. В странах старой капиталистической культуры «опыт» не дал бы таких головокружительно быстрых результатов. Разрушение русского городского хозяйства, — торгового и промышленного — в значительной мере объясняется социальной структурой России, ее слабым экономическим фундаментом, ее преимущественно, земледельческим характером. Исторические пути России — пути земледельческой страны. Ее многовековая связь с разгромленным Востоком, ее многовековой разрыв с цветущим Западом тяготят над ней. Преодолеть свое историческое прошлое России будет так же нелегко, как преодолеть трудности ее природных условий. В этом можно видеть трагедию России. Это можно оплакивать. Но не учесть этого в своих построениях было бы величайшей ошибкой.

Экономическая наука, въ своихъ построенияхъ хозяйственнаго развитія, высоко цѣнитъ значеніе природныхъ условій страны. За исключеніемъ крайнихъ, матеріалистическихъ теченій, она охотно считается и съ историческими условіями, въ которыхъ протекаетъ развитіе хозяйственной жизни. Но до послѣдняго времени экономическая наука совсѣмъ не ставила вопроса о томъ, какое вліяніе имѣютъ на хозяйственное развитіе различныя «культуры». Культура расцѣпывалась исключительно, какъ «культурность», образованность населенія — факторъ большого значенія въ экономическомъ прогрессѣ. Между тѣмъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что «хозяйство» есть только часть цѣлостной «культуры». И хозяйственное развитіе въ такой же мѣрѣ опредѣляется культурными условіями, какъ условіями природными и историческими. Схемы экономического развитія, принятыя въ наукѣ, являются снимками хозяйственнаго развитія *западно-европейской культуры*. Для современныхъ европейцевъ представляетъ научную аксіому положеніе: что на высшихъ ступеняхъ культурнаго и хозяйственнаго развитія, когда населеніе страны достигаетъ извѣстной густоты, земледѣліе перестаетъ играть преобладающую роль въ народномъ хозяйствѣ; что, при этомъ, ростъ земледѣльческаго населенія прекращается; что городское населеніе непрерывно растетъ и поглощаетъ большую часть населенія страны; что центръ хозяйственной жизни перемѣщается въ промышленность и торговлю. И это, несомнѣнно, является истиннымъ для странъ европейской культуры. Западно-европейская культура, по существу своему, — культура городская, торговая и промышленная. Какъ только населеніе достигаетъ извѣстной степени — сравнительно, небольшой — густоты, оно отливаетъ отъ земледѣлія, сосредотачивается въ городахъ, и все хозяйственное творчество народа выявляется, почти исключительно, въ торговлѣ и промышленности. И эта тенденція экономического развитія повторяется не только во всѣхъ странахъ Западно-Европейскаго полуострова, но и въ тѣхъ странахъ другихъ частей свѣта, гдѣ сосредоточилось западно-европейское населеніе и гдѣ западно-европейская культура одержала полную побѣду надъ мѣстными. Вотъ почему неудбдительной является обычная ссылка на

Соединенные Штаты Сѣверной Америки, какъ на возможный примѣръ быстрого экономическаго подъема, не подготовленнаго предыдущимъ историческимъ развитіемъ. Соединенные Штаты — колонія Западно-Европейскаго полуострова. «Американская» культура — культура западно-европейская. Западная Европа въ теченіе XIX вѣка выслала въ Соединенные Штаты 20 милліоновъ, въ хозяйственномъ отношеніи самаго отборнаго населенія. Вложила въ Соединенные Штаты многіе милліарды своего хозяйственнаго капитала. Нѣтъ ничего удивительнаго, что на благодатной почвѣ Соединенныхъ Штатовъ, съ ихъ неисчислимыми минеральными богатствами, съ исключительнымъ соединеніемъ угля и желѣза, западно-европейская хозяйственная культура дала пышные всходы. Несмотря на, относительно, слабую густоту населенія — 13,5 человекъ на квадр. кил. — и на то, что значительныя пространства страны еще совсѣмъ не заселены, города вобрали въ себя 46,3 о/о всего населенія, а промышленность и торговля поднялись на громадную высоту. По существу, Соединенные Штаты являются отдѣленіемъ «мировой западно-европейской фабрики», «мировой западно-европейской торговой и банкирской конторы». Правда «отдѣленіе» уже давно оторвалось отъ центра и грѣшитъ одолѣть его въ мировомъ состязаніи. Но, съ культурно-экономической точки зрѣнія, это нисколько не мѣняетъ дѣла. И другія страны, рсѣдѣло подчинившіяся западно-европейской культурѣ, идутъ тѣмъ же путемъ. Австралія — почти незаселенная страна. Она насчитываетъ 0,7 человекъ на квадр. километръ. И однако только 6 «я главныхъ городовъ вмѣщаютъ въ себя 38,05 о/о всего населенія. На 5 милл. населенія она насчитываетъ 2 города по 750.000 человекъ. Такое же положеніе и въ Новой-Зеландіи. На новой нетронутой почвѣ городской, торговый и промышленный характеръ западно-европейской экономической культуры выступаетъ съ какой-то подчеркнутой рѣзкостью. *)

Пути хозяйственнаго развитія культуръ Востока иные. Нѣкоторыя культуры Передняго Востока, прилегающія къ Средиземному морю, — Финикія, Карфагена, Сирія, Арабскаго государств-

*) *Воейковъ*. Распределеніе населенія на землѣ. 1911.

ва — до известной степени, приближались къ хозяйственному развитію западныхъ культуръ. Въ моментъ расцвѣта хозяйственная жизнь сосредотачивалась въ городахъ, и торговля подымалась на большую высоту. Иначе въ странахъ Дальняго Востока — Индіи, Китаѣ, Японіи. Хозяйственная культура Китая и Индіи безконечно старше культуры Западно-Европейскаго полуострова. За тысячу лѣтъ до Рождества Христова Китай представлялъ изъ себя цвѣтущій садъ. Вся страна была ирригана сложной сѣтью каналовъ — для сообщенія и орошенія. Китай и Индія — вмѣстѣ съ Западной Европой — самыя населенныя страны міра. Въ этихъ двухъ странахъ живетъ половина человѣчества — въ Китаѣ 440 милл., въ Индіи 315 милл. Въ некоторыхъ частяхъ Китая и Индіи населеніе болѣе густое, чѣмъ въ самыхъ населенныхъ странахъ Западной Европы. Въ районѣ дельты рѣкъ Ганга и Брахмапутры на квадрат. километрѣ живутъ 210 человѣкъ. Въ округѣ Дакка — 360; въ округѣ Nowrah — 515. Въ Китаѣ, въ районахъ, прилегающихъ къ устьямъ рѣкъ, насчитываютъ болѣе 200 человѣкъ на кв. вил (Въ Западной Европѣ: въ Бельгіи—259,1 на кв. кил., въ Англии—180,9, въ Германіи 125,3, во Франціи—74.)

Эта сгущенность населенія не является продуктомъ послѣдняго столѣтія, какъ въ Западной Европѣ. Съ незапамятныхъ временъ Китай и Индія — человѣческіе муравейники. *) Но, при этомъ, городская жизнь развита чрезвычайно слабо. Города насчитываютъ отъ 2 до 10 о/о всего населенія. И Китай и Индія — страны селъ и деревень. И что всего замѣчательнѣе: города сосредоточены совсѣмъ не въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ населеніе наиболѣе плотное. Паралелизмъ этихъ двухъ явленій, повсѣмѣнно повторяющійся во всѣхъ странахъ Западной Европы, совсѣмъ не приложимъ къ Востоку. Въ Индіи, Японіи, на о. Явъ городскіе округа — наимѣнѣе населенные. **) (Въ Индіи, въ провинціи Бенгалъ, гдѣ густота населенія равняется 190 чел. на кв. вил., процентъ живущихъ въ городахъ равняется 2,4; въ президентствѣ Бомбей—53 чел. на кв. кил. и 8,4 о/о городскихъ жителей. Въ Японіи, на о. С-

*) Brunhes et Vallaux. La Géographie de l'histoire. 1921.

**) Воейковъ. Распредѣленіе населенія на землѣ. 1911.

какъ — 174 чел. на кв. кил. и 6.5 о/о городскихъ жителей, на о. Ховандо — 9 ч. на кв. кил. и 28.2о/о гор. жит.)

Такое же расхожденіе съ хозяйственнымъ развитіемъ западно-европейской культуры и въ другихъ областяхъ. И Индія, и Китай (подлинный Китай, безъ Монголіи, Манчжуріи и Тибета) — океанскія страны. Индія — полуостровъ, омываемый своимъ «Индійскимъ» океаномъ. Китай лежитъ на берегахъ Тихаго океана. Береговая линія его очень протяженна и изрѣзана. Громадныя рѣки соединяютъ океанъ съ глубинами страны. Природныя и историческія условія толкали Индію и Китай — эти страны высшей духовной и хозяйственной культуры — къ напряженной торговой дѣятельности, къ господству надъ прилегающими морями. И однако они оказались совершенно бездарными въ этомъ отношеніи. Въ ихъ культурѣ было что-то, отталкивающее ихъ отъ моря, замыкающее ихъ въ себя. «Индія никогда не стремилась въ окружающій ее міръ». *) «Стремленія Китая всегда направлены были болѣе въ глубину Азіи, чѣмъ къ морю и къ дальнимъ берегамъ». **) Замѣчательно, что Японія, нѣкогда морская держава, по мѣрѣ поглощенія ея китайской культурой, все болѣе замыкалась въ себя, чтобы въ концѣ концовъ — окруженная моремъ — отрѣзать себя отъ всякихъ морскихъ сношеній. «Замкнутость по отношенію къ чужеземнымъ народамъ есть основное начало, которое проявлялось во всѣ времена и проложило себѣ путь черезъ всю Азію, приобретаая, такимъ образомъ, всемірно историческое значеніе, т. е. оно заставило Азію закрыть глаза на Тихій океанъ и перенесло въ политику (и въ хозяйственную жизнь. И. Б.) будійское погруженіе въ самого себя». ***) Таково вліяніе культуры на хозяйственное развитіе страны. «Культура» опредѣлила и промышленное развитіе Китая и Индіи. Индія, сравнительно, слабо насыщена минеральными богатствами. Зато, Китай — одна изъ самыхъ «насыщенныхъ» странъ въ мірѣ. Его запасы угля и желѣза неистощимы — не ниже запасовъ Западно-Европейскаго полуострова. Од-

*) *Вейле*. Историческое значеніе Индійскаго океана. Гельмольтъ т. II.

**) *Фр. Ратцель*. Народовѣдѣніе. т. II.

***) *Ратцель*. т. II.

нако и въ промышленномъ отношеніи Индія, и Китай бездарны. Добыча угля и металловъ всегда стояли чрезвычайно низко. «Нѣмецкое горное дѣло въ Гарцѣ и Рудныхъ горахъ, насколько оно выступаетъ въ свѣтъ исторіи, стояло выше китайскаго въ настоящее время». Религіозный страхъ передъ злыми духами земныхъ глубинъ удерживалъ китайцевъ отъ проникновенія въ земныя ядра и мѣшало развитію горнаго дѣла. Въ промышленномъ отношеніи Китай — дѣвственная страна. Китайская промышленность почти исключительно домашняя, связанная съ земледѣіемъ. Большой высоты достигли только художественные промыслы. Въ Индіи количество ремесленниковъ значительно; но это, преимущественно, деревенскіе ремесленники, работающіе для мѣстнаго населенія. — Зато, земледѣіе — хозяйственная стихія странъ Востока. И Китай, и Индія земледѣльческія, крестьянскія страны. Все хозяйственное творчество культуръ Востока было направлено въ земледѣіе. Весь хозяйственный пафосъ ушелъ сюда. И достиженія земледѣльческой культуры Востока изумительны. Въ сравненіи съ земледѣльческой культурой Китая, западно-европейская земледѣльческая культура — варварская и хищническая. Въ теченіе столѣтій она истощала почву, лишивъ ея слабой мѣрѣ возмѣщая ей ея богатства. Только въ XIX в. западно-европейская наука обратила вниманіе на земледѣіе и «открыла» способы восстанавливать плодородіе земли. Но эти способы примѣняются только въ немногихъ странахъ Западной Европы и въ нихъ, далеко, не равномерно. Въ новыхъ странахъ, приобщенныхъ къ европейской культурѣ — и въ томъ числѣ въ поднявшихся на такую высоту хозяйственнаго развитія Соединенныхъ Штатахъ — земледѣльческая культура приняла наиболѣе хищническія, истощающія почву формы. Усовершенствованныя орудія способствуютъ этому въ громадной степени, безжалостно выпаживая землю. Китай занимается земледѣіемъ многія тысячи лѣтъ, и плодородіе земли нисколько не уменьшилось, почвы нисколько не истощались. Степень культуры — степень обработки, полировки «природы». Въ этомъ смыслѣ китайское земледѣіе достигло высшихъ степеней культуры. Китаецъ работаетъ самыми примитивными орудіями — обычно киркой и лопатой. Но все его поле обработано, какъ садъ. Каждый клочекъ поля — продуктъ неустан-

наго труда, продукт напряженного культурнаго творчества. Каждая полоска тщательно взрыхлена, искусственно орошена, удобрена и, послѣ восхода посѣва, трижды выполота. Каждое зерно, до посѣва, искусственно выращено, отдѣльно посажено, отдѣльно удобрено. Примѣняется система плодосмѣна во времени и пространствѣ. Китайское земледѣліе не знаетъ ни залежи, ни пара, ни луговъ. Значеніе корнеплодовъ и бобовыхъ растений известно съ давнихъ временъ. Въ искусствѣ удобрения и орошенія китайцы идутъ далеко впереди европейцевъ. Въ нѣкоторыхъ округахъ рисовыя поля на зиму превращаются въ пруды, гдѣ искусственно разводится рыба. Надо читать подробныя описанія китайскаго земледѣлія, въ особенности, китайскихъ авторовъ для того, чтобы видѣть, на какой высотѣ находится китайская культура земледѣлія, и понять, сколько напряженного труда и культурнаго творчества вкладываютъ китайцы въ эту область хозяйства. *) И при этомъ надо принять во вниманіе, что Китай не знаетъ ни крупнаго землевладѣнія, ни крупнаго предпринимательскаго хозяйства. Земледѣльческое хозяйство ведется на маленькихъ участкахъ — 1-1 ½ гектара — трудомъ простыхъ крестьянъ. Зато земледѣльческій трудъ пользуется большимъ почетомъ. Согласно ученымъ, среди 9 профессій земледѣліе занимаетъ первое мѣсто. На общественной лѣстницѣ впереди земледѣльцевъ идутъ только чиновники и ученые. Первый земледѣлецъ — самъ императоръ. Каждую весну, въ торжественной церемоніи, носящей религиозный характеръ, императоръ проводитъ плугомъ первую борозду. Максима-большевистской власти: «кто не работаетъ, тотъ не ѣсть», имѣть свой прообразъ — примѣненный къ земледѣльческой культурѣ Китая — въ декретѣ императора Wen-ti: «человѣкъ, который не пашетъ, долженъ терпѣть голодъ». Правда, въ томъ же декретѣ сказано: «Народъ, который терпитъ нужду въ хлѣбѣ, и которымъ, тѣмъ не менѣе, можно было бы управлять — объ этомъ, съ древнихъ временъ и до нашихъ дней, не было слышно». Въ другихъ эдиктахъ императоровъ сказано: «Великіе интересы на-

*) Plath. «Die Landwirtschaft der Chinesen und Japanesen im vergleiche zu der europäischen». Sitzungsberichte der Academie zu Munchen. 1873 H. VI.

Keng tshi t'u. Ackerbau u. Seidengewinnung in China. 1913.

рода покоятся въ земледѣліи», «земледѣліе — основа государства». *) И, дѣйствительно, китайское государство, китайская религія покоятся на земледѣліи. Вся культура Китая, по существу, земледѣльческая.

«La civilisation chinoise est avanttout une civilisation agricole et la plus agricole qui soit au monde»**)

Таковы хозяйственные пути развитія культуръ Востока — Китая и Индіи. Въ нихъ есть черты, рѣзко отличающія ихъ отъ хозяйственныхъ путей культуръ Запада. Нѣтъ возможности объяснить эти отличія одними природными и историческими условіями. Въ великихъ культурахъ есть своя тайна, какъ въ великихъ личностяхъ. Культуры Запада, достигнувъ извѣстной высоты, неизмѣнно терли интересъ къ земледѣлію, уходили въ города, устремлялись къ безпокойной торговлѣ и промышленности. И покоряли весь міръ. Во всѣхъ культурахъ Запада вѣетъ духъ безпокойной устремленности. Въ культурахъ Китая и Индіи живетъ духъ сосредоточеннаго спокойствія. Когда населеніе ступается и хозяйственные нужды растутъ, оны еще больше уходятъ въ себя, отрѣзаютъ себя отъ безпокойныхъ торговыхъ путей и еще съ большей любовью и напряженностью отдаются земледѣлію. И создаютъ свой, замкнутый въ себѣ, міръ. Для европейцевъ высшая форма хозяйственной культуры — фабрика и промышленный городъ. Для китайцевъ — поле, обращенное въ садъ. Западная Европа снабжаетъ весь міръ произведеніями своей промышленности, но прокормить себя не можетъ. И со всѣхъ частей свѣта везетъ къ себѣ хлѣбъ. Китай и Индія населены не менѣе плотно, чѣмъ Западная Европа. И, однако, не только кормятъ все свое населеніе, но еще везутъ продукты земли въ Европу. — Экономическая наука установила свои неизмѣнные «законы» хозяйственнаго развитія. Ея оцѣнки безошибочны. Китай и Индія — страны хозяйственно «отсталыя», стоящія на низкой ступени хозяйственнаго развитія. Соединенные Штаты — съ ихъ «шпешечными фабриками» — самая передовая страна въ мірѣ.

Въ послѣднія десятилѣтія западно-европейская хозяйственная

*)Kung tschi t'u. Цит. сочиненіе.

**) I. Brunhes et Vallaux. La Géographie de l'histoire. 1921.

культура начинает проникать въ страны Востока. Въ земледѣльческое хозяйство Востока она ничего не вноситъ. Даже земледѣльческія орудія Запада оказываются непригодными на Востокъ. Но въ промышленности и торговлѣ хозяйственная культура Запада производитъ переворотъ. Ремесленные произведенія Востока не выдерживаютъ борьбы съ произведеніями фабрично-заводской промышленности. Европейскій капиталъ захватываетъ въ свои руки торговлю. И однако — хозяйственныя достиженія европейской культуры въ Китаѣ и Индіи, относительно, ничтожны. Во всякомъ случаѣ, они не идутъ въ сравненіе съ достиженіями въ странахъ новой культуры — Соединенныхъ Штатахъ, Канадѣ, Австраліи. Китай и Индія были открыты одновременно съ Америкой; и значительно раньше Австраліи. И тѣмъ не менѣе, старый хозяйственный строй Китая и Индіи почти не измѣнился, и, въ капиталистическомъ смыслѣ, Китай и Индія — первобытныя страны. Тогда какъ Америка уже обгоняетъ Европу. Обычныя объясненія — изолированность Китая, англійская экономическая политика въ Индіи — недостаточны. Основныя препятствія — культурныя. Городской хозяйственный строй, торговый и промышленный капитализмъ — не только «ступени» хозяйственнаго развитія. Прежде всего, это хозяйственныя формы культуры Запада. И тѣ трудности, которыя встрѣчаетъ западная культура при своемъ проникновеніи въ страны Востока, приходится преодолевать и хозяйственной культурѣ Запада. Правда, духовная сопротивляемость культуръ Востока гораздо значительнѣе сопротивляемости хозяйственной. Духовная культура Востока нисколько не пострадала отъ соприкосновенія съ Западомъ. Наоборотъ, подъ вліяніемъ Запада, она пробуждается къ новой жизни. Хозяйственная культура Востока оказалась менѣе устойчивой. Понемногу она приспособляется къ хозяйственнымъ формамъ Запада. Японія уже ушла далеко въ этомъ направленіи. Въ этой странѣ было что-то способствующее воспріятію чужихъ культуръ. Съ большой легкостью Японія приняла китайскую культуру и была пѣбликомъ поглощена ею. Теперь Японія легко перенимаетъ матеріальную культуру Запада; за что на нее съ презрѣніемъ смотрятъ ея старшіе по культурѣ сосѣди — Китайцы. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и Китай, и Индія продвинутся, болѣе или менѣе, въ томъ же направленіи. Но,

во всякомъ случаѣ, это движеніе будетъ медленнымъ и труднымъ. И въ лучшемъ случаѣ, результаты его будутъ компромисными. Чистыхъ формъ западнаго капитализма Востокъ никогда не достигнетъ. И есть много основанийъ предполагать, что Китай и Индія еще многіе годы — быть можетъ, вѣка — останутся, по преимуществу, странами земледѣлія — еще болѣе искуснаго, еще болѣе совершеннаго.

Вопросъ о «культурѣ» Россіи изслѣдованъ очень слабо. Когда указываютъ на русскую культурную отсталость, о Россіи презрительно говорятъ: «Азія». Когда хотятъ понять отличие Россіи отъ Западной Европы, говорятъ: «Россія — Европа, но только средне-вѣковая». *) Теченія, влюбленные въ «особость» русской культуры занимались, преимущественно, ея сравненіемъ съ культурами Запада и указаніемъ чертъ, ея отъ Запада отличающихъ. Русскому сознанію еще предстоитъ поставить, во всей его широтѣ, вопросъ о мѣстѣ Россіи среди великихъ культуръ міра и исчерпывающе отвѣтить на него. — Вопросъ о *хозяйственной культурѣ* Россіи изслѣдованъ еще менѣе. Строже говоря, онъ еще не поставленъ. Было бы большою неосторожностью, въ настоящее время, дѣлать какіе либо выводы о вліяніи русской «культуры» на хозяйственное развитіе страны; пытаться охарактеризовать хозяйственную «культуру» Россіи. Но *вопросы* о взаимоотношеніи «культуры» и «хозяйства» въ Россіи напрашиваются сами собой. И постановка ихъ законна. — Почему Россія, страна далеко не молодая, имѣющая за собою тысячелѣтнюю исторію, страна, раскинувшаяся на шестой части земной суши и создавшая мощное государство, до самаго послѣдняго времени оставалась страной, почти исключительно, земледѣльческой, страной сель и деревень? — Почему Россія, въ свой киевскій періодъ, стоявшая на рѣчныхъ и морскихъ путяхъ, въ послѣдующіе вѣка не тянулась къ морю, а уходила все глубже въ материкъ, въ лѣса и степи; и только въ XVIII в., когда западное «бродило» стало проникать въ Россію, она снова выбилась къ морскимъ берегамъ? — Почему Россія на многіе вѣка бросила города и торговлю и отрѣзала себя отъ сно-

*) Masaryk. Zur russischen Geschichts und Religionsphilosophie. B. I.

шенія съ другими народами; почему она ушла въ себя, замкнулась и обособилась отъ всего міра? — Почему, переливая черезъ Ураль, она не замѣтила его минеральныхъ богатствъ и не углубилась въ ихъ разработку? — Почему, съ тѣхъ поръ, какъ она обратилась къ Западу, — два вѣка — она такъ медленно и съ такимъ трудомъ движется по пути развитія торговли и промышленности? Почему ея сельское населеніе, въ нѣкоторыхъ областяхъ Европейской Россіи болѣе плотное, чѣмъ въ Западной Европѣ и Америкѣ, продолжаетъ неудержимо расти, а города вобрали только 1/7 часть населенія? — Почему наиболѣе населенными областями являются области земледѣльческія, а не промышленныя? *) Почему, открытая одновременно съ Америкой, она осталась бѣдной и отсталой страной, а Соединенные Штаты сдѣлались первой страной въ мірѣ? — Можно ли все это объяснить одними природными и историческими условіями? Не бросаются ли въ глаза черты сходства съ Востокомъ? Не оказала ли на все это нѣкотораго вліянія «культура» Россіи, въ теченіе многихъ вѣковъ отрѣзанная отъ Западу, слитая съ Востокомъ. Не является ли опредѣленіе «китайщина», такъ часто примѣняемое къ старой дореформенной Россіи, не простымъ «фигуральнымъ» выраженіемъ, а отраженіемъ нѣкоторой культурной общности Россіи со странами Востока? И, если вся культура Россіи, уже болѣе двухъ столѣтій обращенная къ Западу, носитъ въ себѣ неистребимую примѣсь Востока и остается культурой смѣшанной, не является ли «смѣшанной» и хозяйственная культура Россіи? И не этимъ ли объясняются нѣкоторыя таинственныя и непонятныя черты ея хозяйственнаго развитія? — Столько вопросовъ. Многимъ они могутъ показаться ненужными и лишними. Въ особенности, тѣмъ, кто не видятъ громаднаго переворота, совершающагося въ міровой наукѣ, громаднаго сдвига въ культурномъ міросозерцаніи человечества; и взоры которыхъ остаются прикованными къ маленькому полуострову великаго континента. Русское сознаніе не можетъ не

*) Въ Московско-промышл. районѣ въ 1907 г. на 1 кв. в. приходилось 34.3 человѣка; въ центрально-земледѣльческомъ 55.9 ч.; въ Восточно-малор. — 61.1.

ставить этихъ вопросовъ. И будетъ пытливо искать на нихъ отвѣты.

Русскія общественныя теченія вели долгіе споры о путяхъ хозяйственнаго развитія Россіи. Славянофилы и народники утверждали самобытность, «особость» хозяйственныхъ путей Россіи и всѣми силами старались оградить ихъ отъ вліянія Запада. Западники — «не вернувшіеся на родину» — и марксисты всей душой тянулись къ Западу и утверждали, что и хозяйственные пути Россіи ничѣмъ не отличаются отъ западныхъ. — Велики грѣхи обоихъ теченій. Славянофилы и народники праведно утверждали отличие путей Россіи отъ хозяйственныхъ путей Запада. Но не поняли, что Россія, хотя и медленно, но неудержимо идетъ къ хозяйственному сближенію съ Западомъ и что бесполезно и безумно удерживать ее отъ этого. Западники и марксисты праведно утверждали стремленіе Россіи къ Западу. Но не видѣли, что хозяйственные пути Россіи не были сходны съ путями Запада, что хозяйственное прошлое Россіи тяготѣетъ надъ нею, что въ хозяйственной культурѣ Россіи есть доля Востока; что, потому, и въ грядущихъ хозяйственныхъ судьбахъ Россіи неизмѣнно будутъ выявляться черты, Западу чуждыя и для него «новыя». И что бесполезно и безумно стараться эти черты стереть и вытравить. — Теперь споры смолкли. «Соціальный опытъ» большевистской власти принесъ неожиданное и удивительное рѣшеніе. Западная хозяйственная культура въ Россіи стерта. Города, промышленность и торговля разрушены. Россія снова стала исключительно земледѣльческой страной. Россія предстоитъ тяжелый и мучительный путь новаго хозяйственнаго восхожденія къ Западу.

И. Бунаковъ.

ВОСПОМИНАНІЯ О ГОЛОДНОМЪ 1891 ГОДЪ.

Уходя, мыслями отъ ужаса дѣйствительности въ далекое прошлое, испытываешь ощущеніе человѣка, очнушагося отъ только-что душившаго его кошмара. Всѣ предметы кажутся какими-то добрыми и уютными. Все на своемъ мѣстѣ: Добрый комодъ, добрый умывальникъ, доброе полотенце виситъ на стѣнѣ...

И такъ спокойно дѣлается на душѣ. Все на своемъ мѣстѣ...

И теперь, когда, отложивъ газету, въ которой читалъ о тысячахъ измученныхъ голодомъ людей, бредущихъ невѣдомо куда, къ индѣйскому царю, о вооруженныхъ заставахъ красноармейцевъ, высылаемыхъ Москвой противъ надвигающихся толпъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ объ открывающихся въ Москвѣ и Петербургѣ кафе и ресторанахъ для товарищей комиссаровъ и товарищей спекулянтовъ, и начинаешь по ассоціаціи вспоминать голодъ, въ борьбѣ съ которымъ принималъ участіе, «небывалый» голодъ 1891 года, то все, что тогда волновало, захватывало, возмущало, кажется какимъ-то тихимъ, маленькимъ и главное добрымъ, добрымъ....

Добрая русская общественность, доброе правительство, добрый голодъ, добрые ряды раскрытыхъ соломенныхъ крышъ, скорменныхъ скоту, и главное самъ я добрый, предобрый, полный самымъ возвышеннымъ чувствомъ и жертвенности юнаго «кающагося дворянина».

Бѣдствія были тогда другихъ масштабовъ, а мы были впечатлительнѣе и отзывчивѣе.

Теперь ко всему привыкли... Въ Петербургѣ умеръ отъ цынги величайшій изъ современныхъ русскихъ поэтовъ, въ Крыму разстрѣляно 30.000 человѣкъ. — Все это, конечно, волнуетъ, но какъ-то поверхностно скользятъ по нашимъ бронированнымъ душамъ.

Поскорбѣлъ о Блокѣ, ужаснулся цифръ разстрѣловъ (что теперь для насъ какіе-нибудь «семь повѣшенныхъ»!), вздохнулъ, и принялся читать о переговорахъ Ллойдъ-Джорджа съ Де-Валера и о новой тактикѣ Милокова. Намъ нужно въ телескопныя стекла смотрѣть на бѣдствія Россіи, чтобы затрепетали наши забронированныя души.

И вотъ миллионы голодаютъ, сотни тысячъ умираютъ отъ холеры и тифа, Россія превращается въ пустыню... Кажется, мы, чувствуемъ.... свое безсиліе. Въ безиліи отхожу отъ телескопа и смотрю въ обернутый бинокль на картинки далекаго прошлаго. Вижу эти маленькія картинки. Время сгладило въ нихъ все углы и шероховатости, исчезли слѣды страстей и эмоціи...

I.

ПЕТЕРБУРГЪ ОСЕНЬЮ 1891 ГОДА.

Неурожаи 1891 года постигъ приблизительно тотъ-же районъ, который охваченъ голодомъ и въ настоящее время. Больше всего пострадало Поволжье и губерніи черноземнаго центра.

Въ теченіе всего лѣта шли сессіи чрезвычайныхъ земскихъ собраний. Земства били тревогу по поводу наступающаго голода, исчисляли размѣръ потребныхъ для обѣиженія полей и продовольствія населенія суммъ и возбуждали передъ правительствомъ соответствующія ходатайства.

Въ Петербургскихъ канцеляріяхъ смотрѣли на дѣло совершенно иначе. Считали, что земцы въ значительной степени преувеливаютъ размѣры неурожая, и земскія ходатайства либо отвергались, либо удовлетворялись съ большою урѣзкой просимыхъ-суммъ.

Заволновалась печать. Въ газетахъ прогрессивнаго лагеря помѣщались корреспонденціи и статьи о грозящемъ Россіи голодѣ; правая пресса, прислушиваясь къ настроеніямъ канцелярій, наоборотъ, доказывала, что все обстоитъ благополучно.

Къ осени стали появляться опредѣленные свѣдѣнія о начавшемся голодѣ, о пухнувшихъ и умиравшихъ отъ голода людяхъ, распродававшемся за бездѣнокъ скотѣ. Пріѣзжіе изъ провинціи

привозили съ собой образцы «голоднаго» хлѣба черно-зеленаго цвѣта, приготовленнаго изъ смѣси муки, отрубей, лебеды, мякины и пр...

Правительство, однако, упорно отрицало наличность бѣдствія. Рассказывали, что Александръ III категорически заявилъ: «у меня нѣтъ голодающихъ, а есть только пострадавшіе отъ неурожая».

Голодъ перешелъ на нелегальное положеніе.

Цензура стала безпощадно вычеркивать изъ газетныхъ столбцовъ слова «голодъ», «голодные», «голодающіе», корреспонденціи, запрещенныя въ газетахъ, ходили по рукамъ, въ видѣ нелегальныхъ листовъ, частныя письма изъ голодающихъ губерній тщательно переписывались и распространялись. Словомъ создалась цѣлая «нелегальная литература» посвященная голоду...

Однако свѣдѣнія о голодѣ проникали и въ заграничную прессу, да и въ Россіи замалчивать его стало совершенно невозможнымъ. Правительству пришлось уступить.

За все царствованіе Александра III это была первая уступка общественному мнѣнію.

Размѣръ есудъ на продовольствіе былъ увеличенъ, Красный Крестъ объявилъ сборъ пожертвованій на голодающихъ и сталъ организовывать питательные отряды. Но частной инициативѣ дѣлались всяческія препоны. Частные сборы были запрещены, а если кто-нибудь изъ жителей деревни привлекалъ пожертвованія и организовывалъ помощь голодающимъ, онъ сразу подпадалъ подъ подозрѣніе въ неблагонадежности. Частныя столовыя закрывались и организаторы ихъ подвергались сплошь да рядомъ всевозможнымъ неприятностямъ, до арестовъ и высылковъ включительно.

И не смотря на это сборы шли, а добровольцы все въ большемъ и большемъ числѣ разъѣзжались по деревнямъ.

И пожертвованія притекали широкой волной именно къ этимъ добровольцамъ, ибо ни правительству, ни Красному Кресту жертвователи не довѣряли.

Началось какъ-бы стихійное движеніе «въ народъ»...

Въ концѣ концовъ правительству пришлось и съ этимъ примириться.

Въ Петербургѣ появились афиши спектаклей и концертовъ, на которыхъ жирными буквами печатались еще недавно запретные слова — «въ пользу голодающихъ», а въ провинціи перестали ставить препоны проявленію частной благотворительности.

Голодъ вышелъ изъ нелегальнаго положенія.

II.

НАСТРОЕНІЯ СТУДЕНЧЕСТВА.

Весной 1891 года я кончилъ естественный факультетъ С.Петербургскаго университета, а осенью поступилъ на первый курсъ юридическаго.

Пробывъ четыре года въ университетѣ и принимая участіе въ качествѣ групповаго представителя въ нелегальной кассѣ объединявшей тогда значительную часть лѣвого студенчества, хорошо былъ знакомъ съ его политическими настроеніями.

И вотъ теперь читая въ эмигрантской прессѣ статьи и резолюціи разныхъ русскихъ общественныхъ организацій, посвященныя вопросу о борьбѣ съ голодомъ, у меня невольно напрашиваются параллели.

И тогда, какъ и теперь, горячо обсуждался вопросъ, слѣдуетъ ли помогать голодающимъ. «Неурожай отъ Бога, а голодъ отъ Царя» — была крылатая фраза, которую владывали въ уста мужиковъ, едва-ли, впрочемъ, когда либо ее произносившія.

Эта фраза выражала въ вульгаризированной формѣ мнѣніе всего прогрессивнаго лагеря русской общественности. Что правительство является виновникомъ голода считалось аксіомой. Но изъ этой аксіомы дѣлались различные выводы.

Дѣлались выводы такъ — сказать «пораженческаго» характера, которые можно формулировать такъ:

«Всякая помощь голодающимъ является помощью правительству, съ которымъ мы боремся, а потому нужно все дѣло помощи оставить въ рукахъ правительства. Правительство не справится съ бѣдствіемъ, начнутся крестьянскіе беспорядки, голодные бунты... А дальше грезилась революція.

Это было крайнее мнѣніе, господствовавшее въ кругахъ профессиональныхъ революціонеровъ.

Революціонеры болѣе умѣренные, или точнѣе говоря, меньшіе революціонные оптимисты, считали, что кормить надо, но нужно вмѣстѣ съ тѣмъ использовать открывавшуюся возможность общенія съ народомъ для широкой пропаганды революціонныхъ идей.

Наконецъ третье мнѣніе, которое и я раздѣлялъ, считало, что къ голоду нельзя подходить съ точки зрѣнія его «использованія», что помогать голодающей деревнѣ нужно просто потому, что она голодаетъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ самому факту проявленія общественной инициативы въ помощи голодающимъ и противупоставленію общественной помощи, осуществляемой чистыми руками, помощи правительственной, связанной съ массой злоупотребленій мы придавали большое политическое значеніе.

Вопросъ о голодѣ волновалъ преимущественно лѣвое студенчество. Правое имъ совсѣмъ мало интересовалось. А, если отдѣльные студенты изъ правыхъ круговъ принимали участіе въ «голодномъ» движеніи, то исключительно по мотивамъ гуманитарнымъ, не осложняя своего отношенія къ голоду, какими-либо политическими соображеніями.

Словомъ былъ тотъ-же вѣеръ мнѣній, какъ и теперь, только вывернутый на изнанку: «Свергать, не кормя», «свергать, кормя», «кормить, свергая», «кормить, не свергая».

Споры о томъ, кормить или не кормить и, если кормить, то, исходя изъ какой политической позиціи, велись, конечно негласно, въ землячествахъ, въ кружкахъ кассы взаимопомощи, въ партійныхъ организаціяхъ и, конечно, никакого практическаго значенія не имѣли.

Открыто-же, явочнымъ порядкомъ, возникъ студенческій комитетъ, который организовалъ въ университетѣ сборъ пожертвованій въ пользу голодающихъ.

Министромъ народнаго просвѣщенія былъ тогда графъ Деляновъ и въ университетахъ велась ультра — реакціонная политика. Всѣ студенческія объединенія преслѣдовались. Закрыто было игравшее большую роль въ духовной жизни студентовъ научно-литературное общество, землячества были запрещены, уничтожены

была даже университетская читальня. Если въ университетѣ производились какіе-либо сборы, то путемъ тайнаго пусканія шапокъ на лекціяхъ. И вдругъ въ университетскомъ корридорѣ появился столикъ съ дежурными студентами отъ комитета помощи голодающимъ.

Это было зрѣлище невиданное.

Я и сейчасъ представляю себѣ этотъ столикъ и за нимъ красиваго стройнаго студента Д. В. Философова, принимавшаго горячее участіе въ сборахъ. Сборы направлялись преимущественно Л. Н. Толстому, открывшему рядъ столовыхъ въ Бузулукскомъ уѣздѣ Самарской губерніи и В. И. Вернадскому, въ Тамбовскую губернію.

III.

ВЪ ПУТИ.

Послѣ двухъ мѣсяцевъ работы по голоду въ Богородицкомъ земствѣ Тульской губерніи, мы съ товарищемъ, В. Д. Протопоповымъ воспользовались предложеніемъ Богородицкаго помѣщика, графа А. А. Бобринскаго, у котораго было другое имѣніе въ Николаевскомъ уѣздѣ Самарской губерніи, поѣхать туда и самостоятельно организовать тамъ помощь голодающимъ. Между Тулой и Сызранью мы сплошь ѣхали по голоднымъ мѣстамъ. Глядя изъ окна вагона, я тщетно старался ловить признаки происходившей тамъ трагедіи.

На станціяхъ обычная толкотня. Весело болтають, помахивая кнутами, подводчики, облѣпляютъ выходящихъ изъ вагоновъ пассажировъ и нещадно, перебивая другъ друга, торгуются съ ними; на карнизахъ станціонныхъ зданій сидятъ румяныя дѣвки и лущать сѣмечки; а въ буфетѣ перваго класса знакомыя фигуры въ поддевкахъ и дворянскихъ фуражкахъ «опрокидываютъ» рюмку за рюжкой, закусывая жирными пирогами съ сомнительнымъ содержимымъ...

Только изрѣдка оголенные строшила крышь, скормленныхъ скоту, въ пронесившихся мимо поезда занесенныхъ снѣгомъ де-

ревушкахъ свидѣтельствовали о томъ, что здѣсь не все обстоитъ благополучно.

И вотъ, наконецъ, я ѣду отъ Сызрани по Волгѣ не на парадѣ, конечно, т. к. стоитъ зима съ крѣпкими морозами, но на парѣ гусемъ запряженныхъ замухрычатыхъ, но быстрыхъ ямщицкихъ лошадей.

Тихій морозный вечеръ. На правомъ, нагорномъ берегу Волги мелькаютъ огоньки деревень, смѣняющіеся темносѣрыми шпалерами заиндевѣлыхъ лѣсовъ, на лѣвомъ — безконечная снѣжная пустыня, залитая серебромъ луннаго свѣта.

Въ этой пустынѣ я буду жить, тамъ гдѣ-то избы, залесенныя снѣгомъ, а въ этихъ избахъ несчастные люди, всѣми брошенные, голодные, умирающіе... Но вотъ изъ бѣлой пустыни стали выриваться темныя силуэты построекъ, запахло кизячнымъ дымомъ, послышался лѣнивый собачій лай. «Здѣсь ночевать будемъ», оборачивается ко мнѣ ямщикъ. Въѣзжаемъ въ село Духовницкое Николаевского уѣзда.

О бѣдствіяхъ Николаевского уѣзда особенно много писали въ газетахъ и я былъ крайне пораженъ увидѣвъ здѣсь вмѣсто кривыхъ и грязныхъ, кое-какъ покрытыхъ соломой избенокъ, къ которымъ такъ привнесъ мой глазъ во время разѣздовъ по Тульской губерніи, ровныя ряды просторныхъ деревянныхъ домовъ, съ тесовыми крышами, съ раскрашенными карнизами оконъ и рѣзными крылечками.

Неужели это страна голода?

Ямщикъ остановилъ лошадей около «въѣзжей избы» съ пучкомъ соломы, болтающемся подъ крышей (признакъ, означающій, что хозяева впускаютъ проѣзжающихъ), слѣзъ съ козелъ и заунывнымъ фальцетомъ заплѣлъ: «Го-осноди Исусе Христе, Сыне Божій, помилуй на-асъ». Потомъ постучалъ кнутовищемъ въ окно и крикнулъ: «Хозява, а хозява!»

Въ избѣ зажглась лампочка, а черезъ минуту заскрипѣли ворота и мы въѣхали въ обширный въѣзжій дворъ.

Вслѣдствіи мнѣ часто приходилось заѣзжать на ночлегъ въ незнакомыя деревни и всѣ возившіе меня ямщики прежде, чѣмъ

постучать въ окно въѣзжей избы неизмѣнно пѣли скороговоркой:
«Го-споди Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй на-асъ».

Нѣкоторые повторяли эту молитву трижды, но хоть одинъ разъ произнести ее было обязательно. Ночью безъ молитвы ни одинъ хозяинъ не впустилъ-бы васъ въ свою избу.

Съдой стариной старообрядческихъ скитовъ вѣдало отъ этого обычая.

Лежа на лавкѣ просторной, въ жарко нагрѣтой избѣ, я долго не могъ заснуть. Мысленно я все продолжалъ вглядываться въ безконечную даль сибирской пустыни, загадочной и жуткой. Что ждетъ меня тамъ?....

«Господи, Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ».....

На слѣдующій день, проѣхавъ уже не по Волгѣ, а по самарской степи шестьдесятъ верстъ, я наконецъ добрался до хутора Мордвиновки — имѣнія Бобринскихъ, гдѣ меня ожидалъ пріѣхавшій нѣсколько дней ранѣе мой товарищъ В. Д. Протопоповъ.

IV.

СИБИРСКАЯ СТОРОНА.

— Вы изъ Рассае?

Этотъ вопросъ ставилъ меня въ тупикъ. Какъ-будто Самарская губернія не Россія.

— А у васъ тутъ развѣ не Россія?

— По нашему здѣсь сибирская сторона, а Рассае за Волгой.

И дѣйствительно тутъ было все иначе, чѣмъ въ знакомой мнѣ средней и сѣверной Россіи. Безконечныя пространства волнистыхъ стеней, по которымъ можно было ѣхать 10-20 верстъ, не встрѣтивъ ни одного жилья. Вереницы верблюдовъ, проектирующихся на горизонтѣ, въ видѣ правильныхъ дѣпочекъ съ петельками и крючочками. Морозы въ 30-35 градусовъ, при которыхъ путешествіе въ 100-200 верстъ не представляется экстравагантнымъ.

Вѣсто грязныхъ деревенекъ съ покосившимися хатками, такъ похожими другъ на друга, громадныя села въ 800-700 дво-

ровъ съ хорошо построенными широкими избами въ центрѣ, гдѣ живутъ богатые хозяева, и съ маленькими землянками на окраинахъ, отведенныхъ для безземельной бѣдноты.

Вмѣсто помѣщичьихъ усадебъ со старыми липовыми аллеями и бѣлыми колоннами стіля ампиръ, громадные, воздвигнутые среди голой степи амбары, рядомъ съ которыми домикъ владѣльца или управляющаго хутора кажется какимъ-то жалкимъ приживальщиномъ. Эти амбары, видные за нѣсколько верстъ, являлись какъ-бы символомъ всего содержанія мѣстной жизни. Всѣ помыслы мѣстнаго населенія были направлены къ заполненію амбаровъ...

Огромныя пространства дѣлинныхъ и залежныхъ земель давали возможность земледѣльцамъ почти безпредѣльно расширять свои посѣвы, а плодородная почва въ дождливые годы родила пшеницу въ изобиліи. Зато, если наступала засуха, то все выгорало, и сѣмянь не собирали. Эта неустойчивость урожая съ постоянной смѣной урожайныхъ и неурожайныхъ годовъ придавала занятію земледѣліемъ характеръ азартной игры. Пшеничнымъ азартомъ были заражены всѣ: крестьяне, помѣщики, купцы, священники, врачи, учителя, акушерки.

Крупные и мелкіе игроки ежегодно ставили ставки на урожай. Кому везло, кому нѣтъ. Одни богатѣли и превращались въ нѣсколько лѣтъ въ крупныхъ посѣвщиковъ сначала арендованныхъ, а затѣмъ и собственныхъ земель, другіе изъ богатей въ одинъ годъ обращались въ нищихъ и снова вступали въ азартную игру, уменьшая ставку съ тысячи пудовъ до десяти.

Наиболѣе удачливые игроки скупали земли и, превратившись изъ Ивиновыхъ и Петровыхъ въ Иванычей и Петровичей, прекращали игру, становились собственниками пшеничной рулетки, собирая доходы со сдаваемыхъ въ аренду земель, весь рискъ игры перекладывая на арендаторовъ. Въ Николаевскомъ уѣздѣ было нѣсколько такихъ разжившихся на пшеничной игрѣ семей. И фамиліи у этихъ богатей были хлѣбныя — Аржановы, Пшеничные — мѣстные каннитферштаны.

Проѣзжая мимо типичнаго хутора съ его громадными амбарами и неизмѣннымъ верблюдомъ, флегматично ступающимъ по кру-

гу и вертящимъ огромное колесо «тигрия» (приспособленіе для черпанія воды изъ колодца), знаешь заранѣе, что на вопросъ — чей это хуторъ? — ямщикъ назоветъ одно изъ этихъ громкихъ именъ.

Надѣльные крестьяне, имѣвшіе большіе надѣлы (помѣщичья свыше 6 десятинъ, а государственные — свыше 15 на ревизскую душу) засѣивали свою землю и приарендовывали на сторонѣ столько, сколько могли запахать и засеять. Всѣ запасы зерна шли на расширеніе полевовъ.

Поэтому неурожайный годъ сразу уничтожалъ все ихъ благополучіе. Хозяйства, имѣвшія по три плуга лошадей (12 штукъ), въ одну зиму распродавали ихъ и весеннюю пахоту работали «супрягой» съ сосѣдями. И въ просторныхъ, красивыхъ избыхъ водворялась подлинная нужда.

Это несоотвѣтствіе внѣшняго вида богатыхъ деревень съ острой крестьянской нуждой производило особенно страшное, таргическое впечатлѣніе.

Страна легкой наживы и столь-же легкаго разворенія дѣйствительно не была похожа на знакомую мнѣ Россію, гдѣ крестьяне настолько сжились съ своей извѣчной нуждой, что даже не вѣрять въ возможность «справеднаго» пути обогащенія.

Россія была тамъ, за высокимъ берегомъ Волги, который съ каждаго пригорка бѣлой стеной былъ видѣнъ на разстояніи 50-60 верстъ и издали представлялся длинной цѣпью высокихъ горъ.

А здѣсь — «сибирская сторона», нѣчто среднее между Россіей и Америкой, страна, въ которой американская предприимчивость причудливо комбинировалась съ русской лѣнью, свободолобіе съ раболѣпствомъ, коммерческая оборотливость съ темными суетвѣртіями.

V.

ОРГАНИЗАЦІЯ ПОМОЩИ.

Въ Николаевскомъ у. «настоящаго» голода уже не было. До ноября, какъ мнѣ передавали, ѣли хлѣбъ изъ всякихъ суррогатовъ, а то и совсѣмъ ничего не ѣли по нѣскольку дней, пухли.... Теперь, въ январѣ, благодаря продовольственной ссудѣ, по пуду

на вѣдока, острота голода миновала. Крестьяне недоѣдали, но не голодали хронически. На почвѣ недоѣданія, развилась сильная эпидемія бряшного тифа, кое-гдѣ были случаи цынги, нѣкоторые отъ осенняго истощенія болѣли куриной слѣпотой. Все-же массовой голодовки не было. Страдали отъ недоѣданія въ особенности безлошадные крестьяне во-первыхъ, потому, что они не могли «продать» лошадей въ дополненіе къ казенному пайку, какъ это дѣлали крестьяне, имѣвшіе нѣсколькихъ лошадей, а во-вторыхъ, потому, что за доставку ссуды съ пристаней и со станцій желѣзныхъ дорогъ, на разстояніи 50-100-200 верстъ, они отсыпали часть полученной муки своимъ лошадинымъ односельчанамъ. А эти послѣдніе, пользуясь безвыходнымъ положеніемъ безлошадныхъ, налагали на нихъ весьма солидныя контрибуціи. При дальнихъ разстояніяхъ больше половины доставленной муки уходило на плату за провозъ.

Встрѣчались поэтому отдѣльные случаи настоящей голодовки. Первый такой случай мнѣ хорошо запомнился. Это было черезъ нѣсколько дней послѣ моего приѣзда. Я поѣхалъ въ сосѣднюю деревню открывать столовую. На улицѣ меня остановила группа мужиковъ.

— Вы изъ комитета будете?

Почему-то насъ съ товарищемъ крестьяне сразу прозвали этимъ важнымъ собирательнымъ словомъ, а каждого порознь называли «комитетчиками».

— У насъ тутъ человекъ помираетъ, неѣвши третій день. Можете, поможете чѣмъ, Ваша милость?

Я вытѣвъ изъ саней и просилъ меня провести къ «человѣку».

Изба его находилась въ центральной, «аристократической» части деревни, просторная изба съ широкимъ дворомъ и всѣми необходимыми надворными постройками. Но пусто было во дворѣ, на которомъ не копошилось никакой живности, и также пусто въ большой избѣ, имѣвшей какой-то нежилой видъ.

Въ полусумеркахъ наступавшаго вечера казалось, что никто здѣсь не живетъ.

— Трофимъ, а Трофимъ, кликнулъ одинъ изъ провозавшихъ меня мужиковъ.

Съ лавки поднялась тощая, тшедушная мужская фигура.

— Это, Трофимъ, комитетчикъ къ намъ прибылъ, насчетъ продовольствія.

— Вы меня извините, сказала Трофимъ слабымъ голосомъ, не вижу васъ. Слѣпнуть съ чего-то стала. Днемъ все вижу, а какъ солнышко зайдетъ, какъ туманомъ все застилаеть.

Онъ нацупалъ рукой мою шубу, подтянулся ко мнѣ и вдругъ упалъ на колѣни и молящимъ голосомъ заговорилъ:

— Ужъ не оставьте Вашей милостью. Вдовый я, двѣ дѣвочки на рукахъ....

На печкѣ подь грудой тряпья послышался шорохъ и показались двѣ бѣлобурыхъ головки на тонкихъ вытянутыхъ шейкахъ. Дѣвочки съ любопытствомъ разсматривали меня.

Я послалъ купить у богатаго сосѣда пшеной каши, хлѣба и черезъ полчаса съ удовольствіемъ смотрѣлъ, какъ отецъ съ двумя дѣвочками съ жадностью принялся за ѣду.

Черезъ нѣсколько дней они стали постоянными посѣтителями моей столовой.

Въ ближайшихъ деревняхъ мы устраивали столовыя и пекарни, при чемъ пекарей выбирали изъ числа нуждающихся, нанимая ихъ «отъ припека». Эта система полученія установленной нормы припека съ предоставленіемъ всѣхъ излишковъ въ пользу пекарей больше всего гарантировала отъ злоупотребленій, т. е. сами потребители зорко слѣдили за качествомъ хлѣба и не позволяли пекарямъ выгонять припекъ въ ущербъ качеству.

Впрочемъ дошли мы до этой системы не сразу, ибо, приступивъ къ дѣлу, не имѣли никакого представленія о существованіи припека. Пекаря насъ надували, сдавая на пудъ муки пудъ хлѣба, а мы умилялись надъ ихъ безкорыстіемъ, предполагая, что они работаютъ лишь за пищу, получаемую въ столовой.

Въ деревняхъ болѣе дальнихъ мы раздавали муку по спискамъ нуждающихся, которые сами составляли.

Трудное это было дѣло. Крестьяне неизмѣнно настаивали на раздѣленіи муки между всѣми, пропорціонально ревизскимъ душамъ. Это была явная несправедливость потому, что болѣе богатые многодушники получили-бы больше, чѣмъ бѣдные малоземельные кре-

стьяне. А кромѣ того, при такомъ дѣлѣжѣ, каждый получить-бы по какому-нибудь фунту. Необходимо было выдискывать болѣе нуждающихся, не смотря на явную обструкцію всего схода: И вотъ приходилось примѣнять разные приемы тайной развѣдки.

Помню, какъ въ одномъ селѣ мнѣ рекомендовали обратиться за справками о нуждающихся къ одному добросовѣстному и культурному крестьянину. Онъ, однако, отвѣтилъ мнѣ, что явно помочь мнѣ въ этомъ дѣлѣ не можетъ, такъ-какъ мужики его за это со свѣта сживутъ, но предложилъ тайное сотрудничество: Во время опроса на сходѣ онъ сѣлъ рядомъ со мной и, при произнесеніи именъ крестьянъ, не нуждающихся въ помощи, толкалъ меня подъ столъ колѣнкой. Крестьяне были въ полномъ смущеніи отъ моей проникательности и съ недоумѣніемъ поглядывали другъ на друга.

Муку получили такимъ образомъ тѣ, кому надлежало.

Дѣло, начатое съ небольшими средствами, благодаря притоку денегъ изъ Петербурга расширялось и районъ нашей работы постепенно увеличивался. Въ особенности разбогатѣли мы весной, когда получили большой транспортъ муки изъ Америки.

Понемногу мы стали однимъ изъ центровъ притяженія для стóличной молодежи, отправлявшейся на голодѣ. Начали мы работу вдвоемъ, а весной въ нашемъ районѣ работало уже болѣе десяти человекъ студентовъ и курсистокъ. Одни кормили, другіе ходили за тифозными больными. Всѣ они работали бодро, дружно и самоотверженно, особенно женщины, изъ которыхъ одна умерла, заразившись брюшнымъ тифомъ.

VI.

КВАКЕРЫ.

Первое время, однако, мы сильно нуждались въ средствахъ ибо нужды кругомъ было много. Прослышавъ о «комитетѣ» крестьяне окрестныхъ деревень къ намъ ежедневно присылали депутаціи съ вычурными писарскими прошеніями, въ которыхъ насъ просили о помощи. И всегда всѣмъ почти приходилось отказывать.

Понятно поэтому съ какой радостью мы прочли въ газетахъ, что въ Самару прѣехали англійскіе квакеры, которые раздаютъ

крупныя деньги на помощь голодающимъ. Сейчасъ-же собрались и поѣхали за двѣсти верстъ въ Самару, рѣшивъ, въ случаѣ надобности, гоняться за ними дальше. На наше счастье въ Самарѣ мы ихъ застали въ единственной тогда приличной гостинницѣ Батуева. Съ ними прѣѣхалъ извѣстный общественный дѣятель, графъ П. А. Гейденъ и два молодыхъ князя Долгоруковы, Петръ и Павелъ, которыхъ совершенно нельзя было отличить другъ отъ друга. До такой степени были похожи.

Черезъ графа Гейдана мы получили аудіенцію у квакеровъ въ ихъ номерѣ.

Къ этой аудіенціи мы обстоятельно готовились, предполагая, что квакеры, сдѣлавъ такое далекое путешествіе, будутъ насъ подробно спрашивать о положеніи деревни, о степени нужды, о формахъ нашей помощи, и надѣялись путемъ краснорѣчія моего товарища, В. Д. Протопопова, хорошо говорившаго по англійски, выманить у нихъ крупную сумму денегъ для нашихъ столовыхъ.

Въ условленный часъ мы были въ номерѣ у квакеровъ. Квакеры, одинъ маленькій и толстенькій, съ оладистой сѣдой бородой и большими добрыми голубыми глазами, другой помоложе, атлетическаго сложенія человекъ съ угрюмой фізіономіей краснаго цвѣта и густыми рыжими усами, молча пожали намъ руки и предложили сѣсть.

В. Д. Протопоповъ сталъ сконфуженно мямлить заранѣе приготовленную рѣчь, но сѣдой квакеръ остановилъ его добродушно улыбнувшись и произнесъ «Yes, very good». А затѣмъ полѣзъ въ карманъ за бумажникомъ, отсчиталъ пять тысячъ рублей и отдалъ ихъ намъ.

Послѣ этого оба квакера встали, пожали намъ руки и мы удалились.

Было нѣсколько обидно, что намъ удѣлили такъ мало вниманія, но пять тысячъ было больше того, что мы ожидали получить.

Въ концѣ концовъ, если квакерами не интересно, какъ будутъ израсходованы деньги, — это ихъ дѣло. Главное — деньги у насъ въ рукахъ и мы можемъ расширить районъ помощи.

Засунувъ деньги въ валенки, мы покотили назадъ въ Николаевскія степи.

VII.

ВЪ МІРЪ ЛЕГЕНДЪ.

Съ момента нашего появленія въ предѣлахъ Николаевскаго уѣзда народная молва стала сплетать вокругъ насъ цѣлый рядъ легендъ самаго причудливаго характера.

Большинство этихъ легендъ были свойства, для насъ радикальных петербургскихъ студентовъ, весьма неприятнаго. Мы хотѣли свою помощь, помощь общественную, противопоставить помощи правительственной, а насъ принимали либо за царскихъ приближенныхъ генераловъ, либо за великихъ князей, а моего товарища Протопопова упорно считали самымъ наслѣдникомъ. Въ ближайшихъ деревняхъ, путемъ болѣе близкаго знакомства съ крестьянами, постепенно намъ удалось разрушить эти легенды, но въ болѣе отдаленныхъ они такъ и прoderжались до самаго нашего стѣзѣзда.

Иногда фантазія крестьянъ работала и въ нѣсколько иномъ направленіи. Такъ о моемъ пріятелѣ, В. А. Гердѣ, пріѣхавшемъ позже насъ и вѣроятно кому-нибудь рассказавшемъ о своемъ англійскомъ происхожденіи, пошелъ упорный слухъ, что онъ сынъ «англичанки», которая прислала его смазывать русскій народъ въ свое подданство, ходили также темные слухи, что кто-то изъ насъ антихристъ, а остальные его слуги.

Самое простое объясненіе факта нашего появленія, — что одни люди пріѣхали помогать другимъ, попавшимъ въ тяжелую нужду, — представлялось крестьянамъ совершенно непонятнымъ. Какъ люди могли пріѣхать изъ далекаго Петербурга въ ихъ Самарскія степи, чтобы помогать тѣмъ кого они никогда въ глаза не видали — это было положительно выше ихъ пониманія.

И вотъ шли догадки одна другой фантастичнѣе.

Даже кучеръ Филиппъ, который возилъ насъ по деревнямъ и постоянно слушалъ наши разговоры, и тотъ долго не могъ понять кто мы такіе.

— Неужто-жь, В. А., отъ царя Вамъ никакого жалованья не полагається? — недоумчиво спрашивалъ онъ меня каждый разъ, что мы отправлялись съ нимъ въ круговую поѣздку. И, получивъ

отрицательный отвѣтъ, крутила головой и въ раздумьи продолжалъ: — Никакъ въ толкъ не могу взять, кабая-же вамъ охота здѣсь съ нашимъ братомъ мужикомъ возиться. Видите по деревьямъ, почувствуй кое-какъ, да и нища кабая у насъ. А безпокойства то сколько... Въ Питерѣ-то, поди, у Васъ и удобства всякія и харчи господскія...

Какъ-то разъ онъ вдругъ обернулся ко мнѣ и съ видомъ челобѣйка, который наконецъ что-то понялъ сказалъ: — ну, В. А., какъ въ Питеръ вернетесь ужъ Вамъ навѣрное отъ царя кабая награда выйдесть, медаль золотая, али еще что.

Я рѣшительно отвергъ это предположеніе, но видѣлъ ясно, что разубѣдить его нельзя.

Были всего два-три болѣе интеллигентныхъ крестьянина, съ которыми мы сдружились, о многомъ говорили откровенно и достигли полнаго взаимнаго пониманія.

А легенды росли и множились. Достаточно было В. Д. Протопопову проѣхать по уѣзду съ графомъ Бобринскимъ, чтобы о немъ распространялась такая легенда: «Пріѣхалъ къ намъ послѣдній. Одѣтъ въ полушубокъ, а какъ распахнетъ его, такъ вся грудь и засяжетъ, (это студенческой сюртукъ съ золотыми пуговицами). А съ нимъ Графъ Бобринъ.

— Бобринъ ему полушубокъ подаетъ».

Мѣстный земскій начальникъ мнѣ рассказывалъ, что однажды къ нему пріѣхалъ волостной старшина и торжественно вручилъ «донесеніе». Оно начиналось такъ: «... января 1891 года некая личность, именуемая себя Протопоповымъ, прибыла въ село Ивантѣевку и ночевала въ волостномъ правленіи». А дальше шель подробный протоколъ всего разговора этой «неизвестной личности» со старшиной. Прочтя донесеніе, земскій начальникъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на старшину, который въ большемъ волненіи сталъ таинственно докладывать: «позвольте по секрету доложить Вашему Высочаюблагородію: я старый солдатъ, въ гвардіи служилъ къ многихъ Высочайшихъ особъ видалъ. Главъ на нихъ приметался. Такъ вотъ я Вамъ скажу, что означенная личность никто иной, какъ Государь послѣдній цесаревичъ».

Впослѣдствіи самъ этотъ старшина признавался мнѣ, что

принялъ моего товарища за наследника: «Ужъ такое сходство у нихъ съ царской фамиліей, что и сказать нельзя».

Приведу еще нѣсколько удивительныхъ сценъ въ томъ-же родѣ.

Мы только что вернулись изъ далекой деревни. Пообѣдали и легли вздремнуть на сѣновалѣ. Проснулись отъ какого-то говора: на дворѣ. Слѣзаемъ по приставной лѣстницѣ заспанные, съ клоками сѣна въ волосахъ.

Посерединѣ двора стоитъ кучка крестьянъ. Одинъ изъ нихъ держитъ въ рукахъ какую-то бумагу.

При нашемъ появленіи всѣ падаютъ на колѣни.... Мы уже привыкли къ такому съ нами обращенію, отъ котораго вначалѣ совершенно терялись и которое пытались безуспѣшно искоренить убѣжденіями и гнѣвомъ.

Спокойно говоримъ обычное въ такихъ случаяхъ: «не икона и вставайте».

Встаютъ и молча подають бумагу, начинающуюся такимъ обращеніемъ: «Генералу Лейтенанту, Генералу Адъютанту и Кавалеру орденовъ». А далѣе слѣдуетъ изложеніе дѣла, заключающееся въ томъ, что по приговору земскаго начальника они должны подвергнуться недѣльному аресту при волости. Между тѣмъ они единственные работники въ семьяхъ и садиться въ страдную пору имъ никакъ нельзя, а потому они просятъ наши превосходительства, чтобы мы ихъ отъ ареста освободили или приказали-бы отложить арестъ до болѣе удобнаго для нихъ времени.

Съ этой бумагой они пришли къ намъ за тридцать верстъ пѣшкомъ.

Мы ихъ увѣряемъ, что въ генералахъ не состоимъ и ничѣмъ помочь имъ не можемъ.

Они, конечно, намъ не вѣрятъ и уходятъ въ степь покурить, лишній разъ убѣдившись, что нѣтъ справедливости на этомъ свѣтѣ.

Бду по пыльной дорогѣ въ плетеномъ тарантасикѣ. Навстрѣчу идутъ двѣ бабы. Издали машутъ руками — остановись, молъ. Филиппъ остановилъ лошадей. Подходятъ и бухъ въ ноги.

— Вставайте, не икона.

Встаютъ, подпираютъ щеки руками и начинаютъ жалобно причитать:

— Вдовы мы, миленькій, самъ понимаешь, какое наше вдовье дѣло. Всякій обидитъ. Вотъ и теперь такъ вышло. Прода на обмененіе въ волость привезли. Мужики все разобрали, а намъ, вдовамъ ничего не осталось. Говорятъ, на бабъ проса не полагается.... Ужъ яви Божескую милость, прикажи, чтобы намъ проща отпустили.

— Да вы къ земскому обратитесь.

— Были мы у земскаго, миленькій, ничего не выходитъ. Говоритъ — не мое дѣло. Уже вы то не обездолейте.

— Да я ничѣмъ тутъ помочь не могу.

— Какъ не можете, вы все можете.

Смотрятъ на меня хитрыми глазами и улыбаются.

— Откуда-же вы это взяли, что я все могу?

— Какъ-же не можете, все можете. Вають, царской крови будете....

И такъ имъ просто это представляется: Бдетъ царскій посланникъ по дорогѣ или тамъ великій князь какой. Помахали ручками, остановили, въ ножки поклонились, попросили о своихъ нуждахъ и сейчасъ-же приказъ царя-батюшки готовъ и всѣ нужды ихъ разрѣшены. Все элементарно, какъ въ старой сказкѣ....

Рано утромъ къ намъ на хуторъ пришла женщина изъ далекой деревни. Стоитъ въ сѣняхъ, ожидаетъ. Выходитъ къ ней жена приказчика.

— Что надо? За пособіемъ пришла?

— Нѣ, мнѣ пособія не нужно. Слава Богу своего хлѣба хватаетъ.

— Что-же тебѣ нужно?

Баба конфузится, прикрывается передникомъ и робко говорить:

- Посмотрѣть пришла на вашихъ-то.
- Что-же на нихъ смотрѣть? Люди, какъ люди.
- Да, люди... А вотъ бають, что они царской крови.
- Охота вамъ всякія басни слушать.
- А, коли не царской крови, то, бають, безпремѣнно антихристы...

Баба смотритъ, какое произвело впечатлѣніе высказанное ею предположеніе, а затѣмъ, меланхолично вздохнувъ, добавляетъ:

- И то сказать, милая, съ голоду-то и у антихриста поѣшь.

Хорошо весной ѣхать верхомъ по степи безъ дороги. Лошадь мягко ступаетъ по короткой зеленой травѣ, слугивая вылетающихъ изъ-подъ копытъ перепелокъ, жаворонковъ и чибиговъ, а, взобравшись на пригорокъ, ржетъ вдаль веселымъ весеннимъ ржаньемъ. Особенно хорошо, когда чувствуешь себя молодымъ, полнымъ силъ и съ разстилающеюся впереди жизнью, какъ разстилается передо мной эта безконечная пахучая степь. Я ѣду въ село Богородское, за сорокъ верстъ отъ нашей резиденціи. Наканунѣ направилъ туда обозъ съ американской мукой.

Въ Богородскомъ я еще не былъ ни разу. Оно было пока за предѣлами района нашей работы.

Село большое, дворовъ въ семьсотъ.

Во второй половинѣ дня въѣзжаю въ село.

— Гдѣ у васъ волостное правленіе?

— А вотъ тутъ, недалече, на площади, возлѣ церкви.

Привязываю лошадь къ коновязи и вхожу.

Черезъ пять минутъ является старшина. Торжественный, при знакѣ.

Вытягивается въ струнку передо мной и говоритъ запинаясь:

— Ваше.... Ваше.... Извините, не знаю, какъ величать васъ прикажете.

— Никакъ величать не нужно. Садитесь, будемъ чай пить.

Старшина неловко садится на кончикъ стула, пьетъ чай, но на мои вопросы отвѣчаетъ застѣнчиво и односложно, поминутно поглядывая въ окно.

Наконецъ онъ благодарить, кланяется и быстро выходитъ за дверь.

Съ площади раздается гулъ голосовъ. Я вижу, какъ со всѣхъ сторонъ огромнаго села на площадь стекаются крестьяне.

Снова входитъ старшина и торжественно провозглашаетъ: — Ваше Вел..... Ваше.... ство, народъ Васъ видѣть желаетъ. Скопфуженный выхожу на крыльцо.

Вся площадь зауржана народомъ. При моемъ появленіи снимаютъ шапки и всѣ становятся на колѣни.

Впереди всѣхъ на колѣняхъ стоитъ сѣдой старикъ и, держа въ одной рукѣ бумагу, другой бьетъ себя въ грудь и со слезами въ голосъ говоритъ:

Ваше Царское.... Ваше Царское Высочество, обижаютъ народъ, житья нѣтъ отъ земскаго начальства. Явите милость, разсудите наше дѣло...

Протягиваетъ мнѣ бумагу.

На этотъ разъ я до такой степени растерялся, что такъ и оставилъ ихъ стоять на колѣняхъ. Попробовалъ объяснить имъ, что я не царь, не наследникъ и не великій князь, что ничѣмъ помочь не могу. Наконецъ, не выдержавъ нелѣпости всей этой сцены, замахалъ руками и скрылся за дверью волостного правленія.

Не знаю, что дальше дѣлалось на площади.

На слѣдующій день я составлялъ списки нуждающихся и раздавалъ муку.

Крестьяне со мной не заговаривали о вчерашнемъ.

Но что они обо мнѣ думали?

VIII.

ПРОЩАНІЕ.

Новый урожай былъ превосходный, уборка шла безъ задержекъ. Съ новой уборкой кончилась и наша работа, и мы приступили къ ликвидаціи дѣлъ.

Незадолго до нашего отъѣзда къ крыльцу домика, въ которомъ мы жили, подкатила лихая тройка, весело звеня колокольчиками и бубенцами. — За Вами пріѣхалъ, входя въ комнату, сказалъ

знакомый старшина сосѣдней волости. Общество распорядилось безпремѣнно Вася доставить.

По тону, которымъ старшина передавалъ намъ это приглашеніе, сразу можно было догадаться, что намъ приготовлена какая-то озація.

Насъ привезли на церковную площадь села, густо покрытую толпой народа.

Собралось все населеніе, — мужчины, женщины и дѣти.

Посрединѣ площади былъ приготовленъ столыкъ для молебна и стоялъ священникъ, окруженный причтомъ.

Старшина провелъ насъ черезъ толпу и поставилъ впереди.

Выслушали тягучую рѣчь батюшки о нашихъ добродѣтеляхъ; отстояли молебенъ.

Послѣ молебна выступилъ впередъ старшина и, вынувъ изъ-за пазухи бумагу, сталъ читать адресъ отъ общества села Селезники.

Адресъ былъ составленъ витѣватымъ слогомъ съ удивительной комбинаціей канцелярскихъ и кровныхъ, полу-славянскихъ выраженій. Помню одно мѣсто, въ которомъ говорилось, что подвиговъ, подобныхъ нашему, въ прежнія времена «око не видѣ, ухо не слыша и на сердце челоуѣковъ не въздоша».

Старшина однако читалъ всѣ эти вычурныя и мало понятныя слова съ большимъ чувствомъ и въ концѣ концовъ отъ умиленія расплакался.

Волненіе старшины передалось толпѣ. Бабы стали всхлипать и утирать глаза фартуками. Долженъ сознаться, что и я почувствовалъ волненіе.

Адресъ кончался фразой: «я просимъ передать намъ великую благодарность Государю Императору».

Очевидно, насъ всетаки считали царскими посланцами, хотя полъ года мы систематически это отрицали... Послѣ торжества на площади насъ потащили въ какую-то избу, гдѣ были собраны всѣ должностныя лица нашей организаціи — пекаря, завѣдующій складомъ, сельская и волостная администрація, а также авторы адреса — сельскій писарь и слившийся отставной діаконъ, лучший стилистъ села.

Здѣсь насъ поили ужаснѣйшей сивухой, кормили пирогами и всякими ласковыми рѣчами...

Мы получили отъ разныхъ деревень цѣлый рядъ адресовъ. Особенно курьезенъ по своему содержанию былъ одинъ изъ нихъ, обращенный ко мнѣ и къ моему товарищу В. А. Герду. Его намъ поднесла деревня, въ которой В. А. Гердъ завѣдовалъ столовой, а медицинская помощь оказывалось фельдшерницей Е. Г. Питерской.

Тамъ буквально было сказано слѣдующее:

«Приносимъ нашу сердечную благодарность В. А. Оболенскому и В. А. Герду за то, что они отъ голодной смерти насъ спасали и отъ болѣзней нашихъ излечили *посредствомъ* сестры милосердія Питерской».

Безконечно самоотверженная Е. Г. Питерская всѣ силы, всю душу свою отдавала уходу за больными, и благодарили за это насъ...

Вотъ въ какомъ положеніи находился въ Самарскихъ степяхъ вопросъ о женскомъ равноправіи...

Одна деревня придумала иную форму выраженія намъ своихъ чувствъ; была составлена и отправлена въ какую-то маленькую московскую газету корреспонденція, въ которой воспѣвались наши подвиги. Копія корреспонденціи была привезена крестьянской депутаціей и вручена намъ.

Содержанія ея у меня изгладилось изъ памяти, помню только, что она была неимоვნю длинна и витѣвата. Запомнился лишь кусочекъ фразы о томъ, какъ мы работали «въ бурю и непогоду, не щадя живота своего». Вѣроятно эта «корреспонденція», въ которой славословіе покрывало содержание, благополучно добралось до корзины въ кабинетъ редактора.

IX.

ПОСЛѢ ГОЛОДА.

Осенью мы всѣ, «ходившіе въ народъ», снова собрались въ своихъ городскихъ центрахъ.

Въ Петербургѣ кому-то пришла мысль подвести итоги.

На Пескахъ было устроено тайное собраніе молодежи, рабо-

тавшей на голодѣ съ тѣмъ, чтобы обмѣняться впечатлѣніями о настроеніяхъ крестьянства.

Въ маленькую квартирку набилось множество народа, такъ—какъ приглашены были и гости, по преимуществу студенты и курьистки. Было нѣсколько и болѣе солидныхъ людей, и между ними В. Г. Короленко.

Большинство докладчиковъ категорически утверждало, что крестьяне настроены весьма революціонно, что имъ удавалось достичь съ ними полного взаимнаго пониманія и что идеи, ими проповѣдавшіяся, встрѣчали горячій откликъ въ крестьянскихъ сердцахъ.

Одинъ студентъ сообщилъ, что онъ велъ съ крестьянами систематическія бесѣды по государственному праву и что они отлично понимали превосходство конституціоннаго и республиканскаго образа правленія надъ самодержавіемъ.

Впечатлѣніе создавалось такое, что мы живемъ наканунѣ революціи.

Я былъ въ числѣ немногочисленныхъ скептиковъ.

Не отрицая, что съ отдѣльными крестьянами и намъ удавалось достичь взаимнаго пониманія, я утверждалъ, что масса крестьянства живетъ еще въ полной темнотѣ и ни какомъ сознательномъ революціонномъ движеніи говорить не приходится. Этотъ выводъ я иллюстрировалъ тѣми картинами, которыя и сейчасъ, черезъ тридцать лѣтъ, еще не изгладились изъ моей памяти.

Мой докладъ на большинство собравшихся произвелъ непріятное впечатлѣніе, а одна юная курьистка съ милымъ личиномъ и горящими глазами рѣзко мнѣ заявила: — Совершенно очевидно, что вы держали себя барамъ и не умѣли подойти къ народу...

Власти придерживающія держались однако нѣсколько иного мнѣнія о нашей дѣятельности. Пока мы работали въ Николаевскомъ уѣздѣ, намъ никто не мѣшалъ. Мы свободно развѣзжали по деревнямъ, собирали сходы, что было даже противузаконно, и ни разу не встрѣчались съ полицейскими властями. Но послѣ нашего отъѣзда къ намъ на хуторъ нагрянули жандармы съ обыскомъ, а затѣмъ начались допросы крестьянъ и даже кое-какіе аресты.

Зимой одинъ изъ моихъ пріятелей крестьянъ въ отвѣтъ на мое письмо, писалъ мнѣ слѣдующее: «Ну, Слава Богу, вы живы, а у насъ тутъ слухъ прошелъ, что Вася заковали въ кандалы и на черныхъ подводахъ отправили на казнь».

Итакъ мы снова попали въ сказку, но на нѣсколько иныхъ роляхъ... А, впрочемъ, можетъ-быть и на тѣхъ-же, въ качествѣ вельможъ или царскихъ родственниковъ, «оклеветанныхъ молвой» и ввавшихъ въ немилость...

Прошло пять лѣтъ. Весной 1896 года въ Петербургѣ происходили стачки рабочихъ.

Шли массовые аресты.

Въ одинъ прекрасный день и я получилъ приглашеніе явиться на Гороховую, въ охранное отдѣленіе. Я не былъ политически безгрѣшенъ, а потому не безъ нѣкотораго волненія сидѣлъ въ грязной маленькой ожидающей охранки, слушаая позвякиваніе шпоръ въ корридорѣ.

Наконецъ, меня пригласили къ «полковнику».

Полковникъ, любезно усадивъ меня передъ собой, вынулъ изъ стола бумагу и началъ допрѣсь.

Каково-же было мое удивленіе, когда я узналъ, что приглашенъ въ качествѣ свидѣтеля по дѣлу о голодѣ въ Самарской губерніи.

Полковникъ предъявить мнѣ «именъ невинныхъ цѣлые десятки» и о каждомъ спрашивалъ, знаю-ли я его и не слышалъ-ли такихъ-то и такихъ-то произнесенныхъ имъ пять лѣтъ тому назадъ крамольныхъ словъ.

Большинство именъ мнѣ были незнакомы, или, можетъ-быть, за пять лѣтъ я просто успѣлъ ихъ забыть. Во всякомъ случаѣ я съ легкимъ сердцемъ писалъ вполне чистосердечныя показанія.

Жандармъ видимо былъ недоволенъ тѣмъ, что ему приходится заниматься такими пустяками и, прощаясь со мной сказалъ: «Извините, что вы васъ вызвали по такому дѣлу, но ничего не подѣлаешь. Мы заканчиваемъ разныя старыя дѣла и форму соблюдать приходится».

Не на черной подводѣ, на простомъ извозчикѣ я вернулся домой...

Съ тѣхъ поръ прошло четверть вѣка. Революція, конституція, опять революція... Кадеты всѣ-ары, большевики...

И вотъ опять голодъ въ заволжскихъ степяхъ, не такой, какъ тогда, а гораздо худшій... И, когда я читаю въ газетахъ о томъ, какъ голодные крестьяне изъ знакомыхъ мнѣ Ивантѣевокъ, Мордвиновокъ, Богородскихъ потянулись по выжженной степи искать счастья къ какому-то ипдѣйскому царю, невольно задаю себѣ вопросъ: Неужели все то, что пережила Россія за эти тридцать лѣтъ, прошло для нихъ безслѣдно, неужели и до сихъ поръ они, эти темные люди, живутъ въ такомъ-же сказочномъ мірѣ, въ которомъ жили тогда? Или, можетъ быть, въ несчастьи хватаются за послѣдніе призраки отлетающихъ сказокъ?...

В. Оболенскій.

ПОГИБЕЛЬ.

С этимъ стихийнымъ бедствиемъ, которое обрушилось на Россію какъ исполинскій смерчъ или ураганъ, не под силу бороться стране, отдавшей всю мощь своего народа и все экономическіе ресурсы на алтарь социальной революціи.

(«Правда» № 27, Прага)

Что такое голодъ? И есть-ли въ Россіи то, что именуется этимъ ходовымъ словомъ? Нѣтъ-ли тутъ какого-нибудь недоразумѣнія? То-ли сказано слово, которое покрываетъ суть происходящихъ въ Россіи явленій?

Можно нагромоздить подобныхъ вопросовъ цѣлый рядъ. Но я вижу, что уже выше приведенные вызываютъ недоумѣніе, а можетъ быть и раздраженіе читателя. Чего тутъ мудрить и вопросы ставить, когда и такъ все ясно! Въ Россіи неслыханный урожай, обезумѣвшее населеніе бѣжитъ куда глаза глядятъ, усыпывая дороги трупами людей и скота, питаеяь надалью, корой, листвою, сусликами, саранчой, погибая отъ холеры и чумы. Тронулись миллионы, «пошли розно», покинувъ родныя жѣста, дорогія могилы и превращая путь своего голоднаго скитальчества въ одно сплошное кладбище... Какъ-же тутъ спрашивать, да мудрить: что такое голодъ, есть-ли въ Россіи голодъ?

Да простить, однако, мнѣ читатель мое утвержденіе: въ Россіи голода нѣтъ. Есть смерть, есть гибель, есть ужасъ, ужасъ безъ конца, есть страданія и муки, выразить и описать которыя бѣднѣ языкъ человѣческій, но нѣтъ того, что именовалось въ Россіи до сихъ поръ голодомъ.

Ибо голодъ — это благодаря нашей безрадостной исторіи вполне опредѣленное социально-экономическое явленіе, обладающее рядомъ стойкихъ признаковъ, отсутствіе которыхъ, или значительной ихъ части лишаетъ насъ права примѣнять въ томъ, или иномъ случаѣ этотъ терминъ. Ибо, повторяю, въ Россіи «голодъ» — это не слово просто въ ряду другихъ словъ нашей обыденной рѣчи, а социально-экономическій терминъ.

Первое условіе его примѣненія къ данному явленію — это локализациа послѣдняго въ пространствѣ и во времени. Для того, чтобы осенью 1921 года заговорить о голодѣ нужно, чтобы этотъ годъ существенно отличался отъ предыдущихъ годовъ, отличался такъ, чтобы была твердая увѣренность, что недоѣданіе или... неяденіе, влекущая за собою голодную смерть, цынгу, тифъ, холеру и т. п., относятся именно къ этому году, а не къ предыдущимъ и будущимъ.

Далѣе, въ Россіи для примѣненія термина «голодъ» требуется, чтобы голодали мужикъ, чтобы голодала деревня, а горожанинъ, городъ вообще не голодали, питаясь можетъ быть чуть хуже обыкновеннаго, но не такъ, чтобы по мужицкому по расейскому пухли-бы, ѣли-бы чортъ знаетъ какую гадость вмѣсто хлѣба и падали-бы замертво отъ истощенія.

Есть еще одно обязательное условіе для законнаго употребленія слова «голодъ». Требуется, чтобы мужикъ, всероссійскій Калистратъ дожидался урожая съ полосынъки, обязательно посѣянной и чтобы его, хотя и обманутыя, надежды имѣли хотя-бы такое простое основаніе, что полосынъка та какъ никакъ засѣяна.

Кромѣ всего этого, всякій хорошій русскій голодъ долженъ обязательно быть неожиданнымъ, обнаружиться «вдругъ», такъ, чтобы тяжесть предолѣнія его печальныхъ проявленій и послѣдствій имѣла-бы разумныя основанія въ томъ обстоятельстве, что вотъ хлѣбъ былъ, хлѣбъ продавали, покупали, вывозили, привозили, земля избыточествовала, крестьянинъ трудился, правительство брало съ него налоги, но вдругъ — именно «вдругъ» господня Урожай куда-то уѣхалъ и вмѣсто него, откуда ни возьмись, претъ на страну проходимецъ — Неурожай.

Вотъ все это называлось до сихъ поръ въ Россіи голодомъ.

Онъ имѣлъ въ Россіи слишкомъ прочную репутацію и слишкомъ ясныя черты, чтобы выдать за него то, что происходитъ сейчасъ въ Россіи.

Ни одной этой черты мы не найдемъ въ томъ чудовищѣ, которое теперь царствуетъ въ Россіи. Ни одного необходимаго признака! Голодъ 21 года ничѣмъ, кромѣ развѣ развѣрами, не отличается отъ голода 1920 г. и отъ голода 1922 г., а можетъ быть и голода 1923 года и дай Богъ, чтобы на этомъ дѣло закончилось. Голодаеть не мужикъ, не деревня, а *вся Россія*, причемъ въ неслыханномъ искаженіи всего того, что знала Россія до сихъ поръ, городъ началъ голодать куда раньше, чѣмъ мужикъ и не мужикъ случался Христа ради въ окно къ горожанину, а горожанинъ пускалъ послѣдніе штаны вѣдой, казавшейся ему святой шельмой изъ деревни.

Далѣе, Калистратъ дожидался урожая съ явно непосвященной полусыненьки, хотя правительство кнутѣмъ и внутовещемъ лупило его по чѣмъ попало: сѣй, кулакъ несчастный, спасай республику!

И такъ какъ онъ все-таки не сѣялъ, или сѣялъ жѣзъ-подъ палки и такъ какъ не было у него ни вавосу, ни орудіи, ни света, ни работниковъ, ни сѣмянъ хорошихъ, ни запасовъ, ни предовольственныхъ магазиновъ, и такъ какъ его обрали до нитки, скормили весь хлѣбъ арміи солдатъ и арміи чиновниковъ, и такъ какъ никакой купли, никакой продажи, никакого вывоза и никакого привоза не было, то голодъ явился не вдругъ, какъ полагается, а пріѣхалъ этотъ самый проходимецъ, какъ важный баринъ, котораго всѣ ждали, телеграммы отъ него получали. Такимъ образомъ и этотъ неотъемлемый признакъ голода отсутствуетъ.

И вотъ почему я и говорю: въ странѣ не голодъ, не тотъ голодъ, какой мы знаемъ по 70 и 90 годамъ, — въ странѣ смерть, разрушеніе, гибель. Не «голодъ въ Россіи», а Россія въ голодѣ. Она въ голодѣ такъ-же, какъ какъ она въ холодѣ, въ рубѣщакѣ, въ язвахъ, въ темнотѣ, въ темномъ подвалѣ и въ темномъ провалѣ коммунистической тюрьмы. И нѣтъ катастрофы и живо отъ начала до конца это слово, пристегнутое къ засухѣ 1921 г., а есть смерть. Смерть — не катастрофа. И не всякая катастрофа — смерть.

Въ Россіи нѣтъ голода — въ Россіи ужасъ всеобъемлющій, мать всѣхъ ужасовъ въ Россіи — большевизмъ. Голодъ не самостоятельное явленіе народно-хозяйственной жизни, голодъ только одна изъ змѣй, выходящихъ изъ головы Медузы Горгоны. Въ Россіи нѣтъ голода — въ Россіи ужасъ неизмѣримо иной — большевизмъ. Голодъ — только одна змѣя. А ихъ много, много — большихъ и меньшихъ.

Я думаю, мнѣ не нужно подробно доказывать, что тутъ не только споръ о словахъ. Здѣсь споръ о направленіи общественно-политической мысли. Большевикамъ до зарѣзу нужно двинуть страшную картину всероссійской гибели въ традиціонныя рамки исконныхъ Россійскихъ голодовокъ. Этотъ режимъ коммунистическаго рая такъ низко палъ въ своей практикѣ и въ своей идеологіи, что ему уже достаточно для своего оправданія убѣдить другихъ въ томъ, что въ Россіи «голодъ», всего только голодъ въ стилѣ и характерѣ голодовокъ эпохи самодержавія, что ничего рокового для режима въ этомъ нѣтъ, ибо вотъ и ваша хваленая буржуазная Россія, та, которую вы хотите вновь воздвигнуть, имѣла такіа-же голодовки. И если мы замѣчаемъ, что общественное сознаніе антибольшевистскаго лагеря воспринимаетъ нынѣшнюю гибель въ томъ-же стилѣ, то противъ этой вопиющей несправды и вреднѣйшей иллюзіи нельзя не протестовать со всей страстью, неволью рождающейся при видѣ гибели великой страны.

Нѣтъ, муки и страданія, выпадавшія на долю русскаго голодавшаго крестьянства при самодержавіи, — это недостижимый для большевиковъ идеалъ социально-экономическаго и чисто физическаго благополучія народныхъ массъ. И голодъ 91 г. это игрушка въ сравненіи съ т. н. «голодомъ» 1921-1922 г. г. Потому что тогда были голодающія деревни, но были и сытые города. Тогда были бѣдные, но были и богатые, были просыпшіе, но были и дающіе. Теперь равенство: всеобщая, прямая, равная и явная нищета при наличіи привилегированныхъ кучекъ, только подчеркивающихъ жизнью своею эту всеобщую гибель, но нисколько не умаляющихъ ее. Теперь вся Россія — одна гигантская попрошайка, стоящая у порога культурнаго міра съ протянутой рукой и съ торбой, исписанной серпомъ, для котораго нѣтъ жатвы, и молотомъ,

для котораго нѣтъ наковальни. И кругомъ Гурки, Гурки, коммунистическіе Гурки, передъ которыми Гурки дворянскіе — щенки и молокососы.

* * *

Нѣту силъ человѣческихъ, чтобы описать, собрать воедино — стоны родимой земли, терзаемой Медузой. Когда погружаешься въ этотъ океанъ скорби, то скоро цѣнешь и хочется бѣжать безъ оглядки отъ этихъ мучительныхъ кошмаровъ. Страшно глядѣть въ лицо Медузы. Невыносимо.

Нижеслѣдующія строки — только обрывки, только ключья все-россійской гибели...

* * *

«Литер. может научить, как надо голодать. Вѣдь бороться с голодом не значит получать продукты. Нужно сумѣть сохранить жизнь при минимальномъ потребленіи продуктов, умѣть выдержать неблагоприятныя условія и остаться цѣлымъ.»

(Калининъ. «Красн. Газ.» 4. VII).

«Деревица живетъ свѣтло и хорошо... Одѣта, обута... Повальное увлеченіе кролиководствомъ, козоводствомъ, свиноводствомъ и разведеніемъ домашней птицы. Кроличье мясо стало любимымъ блюдомъ».

Такъ писалъ большевистскій «Новый Міръ» въ серединѣ іюля, когда газетные столбцы всякой — и большевистской и небольшевистской прессы полны были описаній голоднаго россійскаго кошмара. 12 августа московскія «Извѣстія» помѣстили подробный отчетъ своего корреспондента, объѣзжавшаго Самарскую, Симбирскую губ., Татарскую республику и Чувашскую область. «Мы не встрѣтили, — сообщалъ онъ — ни одного случая смерти исключительно отъ голода». Этотъ господинъ видѣлъ только смерть отъ «внутреннихъ заболѣваній». «Есть массовые случаи смерти на почвѣ желудочныхъ заболѣваній, очевидно, — являющіеся слѣдствіемъ питанія суррогатами, — догадливо сообщали «Извѣстія». А на другой день 13 августа «Трудъ» писалъ о нѣмецкихъ поселе-

ниях на Волгѣ: «За послѣднее время умерло отъ голода свыше 4 тысячъ человекъ».

Впрочемъ смерть отъ желудочныхъ заболѣваній не единственная форма голодной смерти. «Крестьяне, преждевременно закрывая растопленные печи, умираютъ въ наполнившихся угаромъ хатахъ». Этотъ видъ самоубійства, знакомый намъ по трагическому финалу четы Лафаргъ и Золя въ рафинированномъ центрѣ европейской культуры, практикуется по словамъ бюллетеня всеросс. ком. «Помощь» въ... татарскихъ деревняхъ Петровскаго у. Саратовской губ.

Я пытался составить карту кушаній, потребляемыхъ въ русской деревнѣ, которая «живетъ свѣтло и хорошо, одѣта и обута». Кромѣ упомянутого выше «кроличьего мяса», ставшаго «любимымъ блюдомъ» крестьянъ, я нашелъ еще цѣлый рядъ другихъ блюдъ. Вотъ ихъ, думаю, не совсѣмъ полный списокъ.

Вегетарианскія блюда.

1) Лебеда.	14) Трава — несъѣдобная.
2) Желуди.	15) Трава — съѣдобная.
3) Конский щавель.	16) Цвѣты.
4) Мохъ.	17) Дикая морковка.
5) Мякина.	18) Лиственное сѣмя.
6) Опилки — березовыя.	19) Мельничная пыль.
7) Опилки — осиновыя.	20) Сусакъ (хлѣбный сорнякъ).
8) Липовая кора.	21) Дубовая кора.
9) Листья ежевики, смородины.	22) Липовый цвѣтъ.
10) Липовый листъ.	23) Солома съ крышъ.
11) Таволжаный цвѣтъ.	24) Неарѣлая рожь.
12) Корень лѣсного конопляника.	25) Неарѣлая пшеница.
13) Хрѣнная... мука.	26) Просо.
	27) Береста.

Мясныя блюда.

28) Суслики.	31) Кости молотыя.
29) Кошки.	32) Крысы.
30) Собаки.	33) Падалъ.

34) Грачи.	38) Раковины.
35) Шкуры (варенныя).	39) Черепахи.
36) Ремни.	40) Саранча.
37) Лягушки.	

Минеральныя блюда.

41) Глина.	44) Илъ.
42) Торфяной камень.	45) Мусоръ.
43) Грязь.	

Всѣ эти наименованія извлечены мною изъ различныхъ доносеній совѣтскихъ газетъ. Не нужно однако думать, что весь этотъ богатый ассортиментъ блюдъ добывается въ порядкѣ подножнаго корма. Ничего подобнаго! Я не знаю, по чемъ продается падалъ, мусоръ, грязь. Но вотъ рядъ найденныхъ мною цѣвъ на слѣдующіе продукты:

Лебеда	3750 р.	фунтъ (Сарат. губ.)
Желуди	300 р.	— —
Льсной конопляникъ	1500 р.	— (Самар. губ.)
Желудовая мука	3000 р.	— —
Илъ	350 р.	— —
Глина	50 р.	— —
Глина съ окисью желѣза	150 р.	— —

Нѣкоторыя блюда стали наиболѣе любимыми. Желуди и конскій щавель въ наибольшемъ почетѣ.

Изъ Бузулукскаго уѣзда сообщаютъ, что жители с. Жилинки ходятъ за желудами верста за 20-30. Составляются разныя комбинарованныя кушанья. «Если достануть хоть горсть муки, то добавляют къ ней равную шелуху, древесную кору, мохъ, опилки, мякину, желуди, лебеду и проч. («Бѣдота» 2-VII). Щавель парятъ и прессуютъ. «Въ Веневскомъ у. Тульской губ. (благополучной!) ѣдятъ хлѣбъ, 4/5 котораго березовые и осиновые опилки». «Изъ липовыхъ листьевъ пекутъ пироги. Мѣстами крестьяне потребляютъ вмѣсто хлѣба хрѣнь, корни котораго трутся, три раза обвариваются кипяткомъ, сушатся и изъ полученной массы пекутъся хлѣба. Получается очень бѣлое и пышное тѣсто. Конечно, о пита-

тельности его говорить не приходится» — меланхолически заключают «Известия» (23-VII). В той-же Самарской губернии идет... уничтожение сусликов. Уничтожение идет успешно, но суслики совершенно не сдаются в склады райпродкома, так как мясо и шкурка продаются крестьянами, причем из шкуры сусликов население умудряется дѣлать «холодное», которое употребляется в пищу. («Изв.» 23-VII). Такое-же «холодное» готовится в Маралахъ, Бузулукск. у., изъ прошлогоднихъ кожъ... Крестьяне Симбирскаго у. изобрѣли особый суррогатъ питанія подъ названіемъ «футруга», въ составъ которой входятъ *ботва, свекла и листья капуста*. Взаимнѣ муки приготавливается *суррогатъ дубовой коры или липового цѣпта, изъ чего пекутся лепешки каричневого и черного цѣпта*. («Изв.» № 175).

Неспѣлый колосъ ѣдятъ и въ другомъ концѣ Россіи, въ благополучной Смоленской губ., и Вяземская газета «Товарищъ» предупреждаетъ крестьянъ: «Не слѣдуетъ забывать, что рожь еще не готова и въ такомъ состояніи она теряетъ 2/3 нѣса. Такъ отъ голода не спастись». Газета не сообщаетъ иного средства спасенія отъ голода.

Тотъ самый господинъ, который не видѣлъ голодной смерти, а только смерть отъ желудочныхъ заболѣваній, удивляется, что съ мая, а въ некоторыхъ случаяхъ уже съ апрѣля мѣсяца населеніе стало питаться суррогатами, причемъ примѣсь составляла отъ 25 до 50 0/0, а въ иныхъ случаяхъ и всѣ 100 0/0. «Смѣсью хлѣба съ суррогатами питалось свыше 40 0/0 земледѣльческаго населенія». И такъ какъ наука въ Совѣщаніи процвѣтаетъ, то Самарскій отдѣлъ Здравоохраненія образовалъ особую комиссію по изученію суррогатнаго питанія.

Не дожидаясь итоговъ суррогатной науки населеніе преждевременно погибаетъ. «Потребленіе суррогатовъ вызываетъ массовыя желудочныя заболѣванія и голодныя смерти. Такъ, напримѣръ, въ Балашовскомъ уѣздѣ зарегистрировано 33.483 случая заболѣваній и 309 голодныхъ смертей, въ Ставропольскомъ — 358 голодныхъ смертей. Въ перспективѣ — полное разложеніе крестьянскаго хозяйства и физическое вымирание населенія». («Нов. Путь» 20-VIII). «Народъ сталъ страшень на видъ и ничего не дѣ-

лаеть. Люди голодные и больные и у нихъ не хватаетъ силъ, чтобы производить работу», — пишетъ въ «Бѣднотѣ» (№ 970) крестьянинъ Симбирской губ. Захаровъ. «Да и какъ работать, если я самъ, прѣхавъ въ отпускъ, питаюсь вареной травой? Также и другіе. Оттого нѣтъ ни у кого силы» — сообщаетъ красноармеецъ Черновъ изъ села Старые Челны Казанск. губ. «Народъ ходитъ какъ мертвый. Если не будетъ помощи никакой отъ государства, то село наше Поселки численностью въ 2.500 душъ будетъ обречено на смерть» — пишетъ въ № «Бѣдноты» отъ 2-VII крестьянинъ Саратовской губ. К. Маслоу. Изъ Саранскаго у. Пензенской губ. крестьянинъ Смуруговъ тамъ-же сообщаетъ, что населеніе недѣлями ничего кромѣ коневина не видитъ. «Люди совершенно ослабли. Нѣкоторые не могутъ пройти сажени 20, падаютъ какъ отъ вѣтра». Крестьянинъ той же Пензенской губ. М. Титовъ рассказываетъ: «Первое, что мнѣ представилось по прѣздѣ изъ Красной Арміи, это немощные, голодные крестьяне. Встрѣчаю знакомыхъ и не узнаю. Люди какъ тѣни». По совѣтской сводкѣ отъ 25-VII, въ нѣмецкой коммуны «жестокій голодъ начался уже зимой, были случаи голодной смерти. *Есть селенія съ населеніемъ въ 5.000, изъ коихъ 4.200 лежатъ опухшіе отъ голода.* Число смертей въ день въ селахъ достигаетъ 60 человекъ. Къ 10-му іюля изъ области въ 39.000 душъ умерло около пяти тысячъ». При вскрытіи труповъ въ желудкахъ находятъ одну траву.

«Бѣднота» указываетъ на то, что уже теперь тысячи людей не смогли-бы жевать хлѣбъ если-бы даже получили его, потому что отъ цынги они потеряли свои зубы. Вырвавшійся изъ Камышинна колонистъ, описывая въ «Свободѣ» (24-VIII) свои впечатлѣнія, замѣчаетъ: «Я думаю, что голодъ въ такой острой формѣ только въ Саратовской и Самарской губерніяхъ и думалъ, что когда попаду въ Область Войска Донскаго, можно все достать, но жестоко ошибся. Тамъ тотъ-же голодъ, тѣ же опухшіе отъ голода люди. Я никогда въ жизни не видалъ умирающихъ отъ голода людей. Теперь я ихъ увидѣлъ сотни, тысячи; споро у нихъ начинаютъ пухнуть ноги и руки, потомъ шея и щеки, люди голодающіе теряютъ рассудокъ, когда получаютъ пищу, ѣдятъ жадно и не знаютъ мѣры, и ѣдятъ до смерти».

Корреспондентъ « Chicago Tribune » Ллойдъ Гибонъ передаетъ подробности, отъ которыхъ волосы дыбомъ встаютъ. «Крестьяне ежедневно умираютъ тысячами. Мнѣ случалось видѣть, какъ они медленно угасали въ своихъ разваливающихся избахъ, или падали въ сожженныхъ поляхъ, гдѣ они искали какихъ-нибудь корней или зеренъ. По пристанямъ Волги я видѣлъ, какъ они ползли съ береговъ и жалостно махали проходящимъ пароходамъ, прося помощи, или же умоляли взять на бортъ и увести отъ этихъ страшныхъ песчаныхъ береговъ, покрытыхъ свѣжими крестами. Мы нагоняли дѣлше караваны, устало тянувшіеся по дорогѣ и сопровождаемые вороньемъ, ждущимъ добычи».

«Не могу забыть одной татарской деревни вблизи устья Камы, д. Епанчино, пишетъ корреспондентъ «Извѣстій»: на кладбищѣ много свѣжихъ могилъ, копаютъ нѣсколько новыхъ, и въ домахъ почти повсемѣстно больные и нѣсколько мертвецовъ...» На почвѣ голода развиваются болѣзни: отеки, цынга, случаи гододной смерти. Такъ, по даннымъ медицинскихъ участковъ, въ Елабужскомъ кантонѣ по одному участку зарегистрировано 77 случаевъ отековъ на почвѣ голода, 33 случая цынги; въ Чистопольскомъ кантонѣ по пяти участкамъ: отековъ — 4.232, цынги — 357, случаевъ гододной смерти — 111 (Иав.» 17-VIII).

Нужно-ли говорить о томъ, что всѣ эти цифровыя показанія охватываютъ ничтожную часть дѣйствительнаго числа «желудочныхъ заболѣваній» и случаевъ голододной смерти.

Впрочемъ и этотъ терминъ «голододная смерть» потерялъ въ Россіи свои точныя границы. Тамъ, гдѣ гибель и смерть принимаютъ тысячи обликовъ, становятся рядовымъ, массовымъ и будничнымъ явленіемъ, тамъ, гдѣ смерть васъ подстерегаетъ на каждомъ шагу, а голодъ удѣлъ 99 изъ 100 — тамъ что такое «голододная смерть?» «Вѣдь бороться съ голодомъ не значитъ получать продукты» — говорилъ Калининъ. Вѣдь голодъ въ Совдеціи не болѣзнь, а законъ бытія.

Мы создадимъ на землѣ
цвѣтущій садъ.

Троцкий.

Холеру называютъ спутникомъ голода. Этимъ ее лишаютъ самостоятельнаго значенія. Но это въ Россіи невѣрно. Холера имѣетъ самостоятельное бытіе. Она не спутникъ голода; а спутникъ большевизма, какъ и самъ голодъ спутникъ большевизма. Они брать и сестра отъ однихъ и тѣхъ-же родителей.

О холерѣ мы такъ-же имѣемъ рядъ казенныхъ цифръ. Цифры эти того-же качества, что всѣ совѣтскія цифры, относящіяся къ году: волюно и неволюно преуменьшенныя. Всего съ начала этого года по конецъ августа было зарегистрировано 112.582 заболѣванія. Наркомадравъ отмѣчаетъ, что «во многихъ районахъ холера носитъ ясно выраженный городской характеръ», и въ этомъ замѣчаніи кроется жестокой приговоръ всей пресловутой совѣтской статистикѣ. Ибо совершенно очевидно, что «ясно выраженный городской характеръ» носитъ не холера, а сама статистика и регистрація, только въ городахъ улавливающая случаи заболѣваній и смертей. Когда данныя этой хромающей на обѣ ноги регистраціи попадаютъ въ «статистику», здѣсь начинаютъ составлять таблицы и приходять къ глубокомысленнымъ выводамъ о городскомъ характерѣ эпидеміи, совершенно упуская изъ виду, что данныя о деревнѣ просто нѣтъ.

Во всякомъ случаѣ, эти 112 тыс. случаевъ свидѣтельствуютъ о томъ, что холера захватила и города и здѣсь свирѣпствуетъ во всю. Даже такой сугубо совѣтскій человѣкъ, какъ знаменитый чекистъ Лацисъ, приводя въ № 147 «Извѣстій» цифровыя данныя по г. Астрахани, замѣчаетъ: «это официально зарегистрировано, а сколько умираетъ такъ, въ заболѣкахъ?» «Такъ» и не въ заболѣкахъ только, а на широкихъ и людныхъ дорогахъ умираютъ несмѣтныя толпы, и вся эта статистика — одно сплошное издѣвательство надъ жизнью и надъ... смертью. Холерой поражена вся Россія — отъ Одессы до Архангельска, отъ Тифлиса до Вятки, отъ Витебска до Екатеринбурга и даже до Ташкента. Всюду по всѣмъ воднымъ линіямъ и ж.-д. путямъ разбросаны гнѣзда и очаги гибели и нѣтъ холеры въ зараженныхъ районахъ только тамъ,

гдѣ стоятъ заколоченныя деревни съ остатками безпомощныхъ стариковъ и старухъ, умирающихъ «такъ» отъ голода и «желудочныхъ заболѣваній».

Но они умные, они опытные и гениальные провидцы.

«Еще съ февраля мѣсяца мы предупреждали о вѣроятности развитія холеры у насъ, намѣтили планъ предупредительныхъ мѣръ, призывали энергично и послѣдовательно проводить ихъ, не ожидая, пока пожаръ разгорится, а предупреждая его. Весною мы провозгласили «недѣлю водоснабженія» и «очистки», давши детальнѣйшія инструкции о проведеніи ихъ.

Что же мы имѣемъ теперь?

Холера уже разразилась крупной эпидеміей. Ростовъ, Поволжье, Воронежъ, Орель пылаютъ, отдѣльные очаги разгораются въ самыхъ разнообразныхъ мѣстностяхъ республики. Санитарное состояніе страны самое тревожное; грязь въ городахъ такова, что даже въ засуху имѣющіе галоши обыватели ходятъ по улицамъ въ галошахъ; канализація, водоснабженіе разрушены. А главное, массовое передвиженіе населенія, какъ бы по алому плану, разноситъ заразу изъ одного очага въ другой на тысячи и десятки тысячъ верстъ. Голодающее населеніе Поволжья двинулось на югъ, сѣя по пути заразу и смерть. Въ Поволжьѣ встаютъ картины голода и холеры 91-92 г.г., а кто пережилъ эти годы (не говоря уже о тѣхъ, кто принималъ участіе въ борьбѣ), у того и сейчасъ кровь леденѣетъ въ жилахъ при одномъ воспоминаніи».

«Извѣстія», 5/VII

И послѣ того, какъ они такъ все гениально предвидѣли, они въ самый разгаръ эпидеміи съ дѣланной наивностью опытнаго пройдохи пишутъ: «Причинами вспышки холерной эпидеміи являются *необычайно раннее и жаркое лѣто, способствующее всегда усилению холеры, массовое движеніе населенія изъ голодныхъ районовъ, въ частности съ Волги и наконецъ, демобилизація армій.*» («Извѣст. 29/VII) «Отмѣчено, — глубокомысленно сообщаетъ Наркомздравъ, — что пути сообщенія — хорошій проводникъ заразы».

Что же дѣлать? Какъ спастись отъ урагана?

«Теперь уже нельзя скрывать, что холера проникла во всѣ углы Россіи, она вся ею заражена и *помочь мы уже не можемъ — поздно*, ибо, главнымъ образомъ, санитарныя условія ниже всякой критики. Канализація нѣтъ даже въ столицахъ, все поломяно, испорчено». — Такъ пишетъ центральный органъ правительства. «Все поломяно, испорчено». Вся Россія поломяна и

испорчена. И мечутся безумцы среди развалинъ и суматошными, «ударными» тѣлодвиженіями борются съ эпидеміей.

Сѣмашко — хранитель здоровья россійскаго, холерно чекистуетъ: «Требовать отъ каждаго пассажира удостовѣренія о противохолерной прививкѣ». Отъ каждаго! — «хотя бы ѣдущаго на крышѣ или на буферѣ», — выкрикиваетъ онъ. Это ли не буйное упомѣшательство? Съ крышъ и буферовъ ж. д. вагоновъ людей будутъ снимать, не потому что у нихъ билетовъ нѣтъ, а удостовѣренія о вакцинаціи. А загнѣтъ плакаты. Плакаты — это другая форма россійскаго безумія. «Не пейте сырой воды», дѣлайте прививку». «Плакаты эти — нищеть хранитель россійскаго здоровья — должны настолько пестрить въ глазахъ, чтобы во снѣ снились каждому обывателю». Ѣдущіе на буферахъ, на крышахъ голодные, обезумѣвшіе люди будутъ на станціяхъ чинно сходить, прививаться, пить кипяченую воду и чинно же возвращаться на крыши и буфера, загнипнотизированные и очарованные плакатными призывами: «не пейте сырой воды».

«Мы давно это знаемъ, — замѣчаетъ Ладисъ, — все-же многіе пассажиры пьютъ сырую воду и какъ не пить, — жара, на солнцѣ 40 градусова, а питаться приходится одной почти сушеной рыбой».

Эти плакаты исходятъ изъ предположенія, что сырой то воды сколько угодно. Но вѣдь и это зачастую ложь. «Водопроводъ почти бездѣйствуетъ — сообщаетъ самарскій «Коммунистъ». Издаются приказы о чистотѣ города, о санитарномъ состояніи рынковъ и площадей, выставленіи кадокъ съ кипяченой водой и проч., но все это только на бумагахъ, отъзвонилъ по обязанности, т. е. напечатать приказъ, и довольно — но дѣла то, настоящаго живого дѣла такъ и не видно».

Президіумъ московскаго совѣта призываетъ гражданъ «къ самодѣятельности въ борьбѣ за воду». Для каждаго гражданина города Москвы, по словамъ совѣтской печати, установлена норма не болѣе 5 ведеръ въ сутки въ среднемъ за мѣсяцъ для канализационныхъ владѣній и не болѣе 3 ведеръ для неканализационныхъ владѣній. Граждане... «хищнически расходующіе воду, будутъ

привлекаться къ народному суду по обвиненію въ хищеніи народнаго достоянія».

Прививайте себѣ антихолерную сыворотку и употребляйте не болѣе 3-хъ ведеръ воды въ сутки — вотъ предѣлы борьбы съ холерой. Видно вакцины въ Россіи много, нѣтъ только другаго лекарственнаго вещества: H_2O , т. е. воды.

И много, много грязи и мусора. Изъ Москвы надлежало удалить 944,916 возовъ мусора и 990,445 бочекъ нечистотъ. Но ихъ вывести нельзя. Можно будетъ вывести, если пришлютъ автомобили. Откуда? «Изъ заграницы». Въ Петербургѣ предстояло вывести 800.000 возовъ мусора и 900.000 бочекъ нечистотъ. Съ 20 по 27 августа состоялась «недѣля очистки и ремонта». Заданіе не выполнили и «недѣлю» продлили до 20 Сентября. Такъ обстоятъ дѣло въ столицахъ. А въ провинціи надо думать положеніе еще хуже. Про Астрахань Лаписъ пишетъ: «городъ представляетъ собою помойную, мусорную яму. Не мудрено: семь лѣтъ не чистился. Почти всѣ улицы завалены мусоромъ. Въ низменныхъ частяхъ города выступаетъ подпочвенная вода и образуются вонючія зазеленѣвшія лужи. Близъ пристаней виднѣются остатки уборныхъ мѣсть, теперь почти открытыхъ и отравляющихъ береговую улицу. А тамъ же рядомъ размѣстились уличные торговцы рыбой, леденцами. Мухи роями носятся, перелетая съ мусора на товаръ, съ товара на мусоръ. А изголодавшійся пассажиръ покупаетъ все, что ему преподнесутъ. Мы обращаемся къ члену чрезвычайной комиссіи по борьбѣ съ холерной эпидеміей съ вопросомъ: неужто нельзя хоть улицу въ приличный видъ привести? — Нѣтъ, — говоритъ онъ, — не удастся. Ну, а мусоръ то сжечь можно? — Проволали: долго горитъ, мокрый. — Ну, а закопать въ землю на дворахъ? — Да это, пожалуй, можно».

Про Саратовъ сообщаютъ: «въ послѣдніе мѣсяцы стояли небывалыя жары, городъ, не чистившійся въ теченіе трехъ лѣтъ, оказался обреченнымъ на гибель, вслѣдствіе ужаснаго зловонія отъ растаявшихъ нечистотъ, лившихся рассадникомъ страшнаго эпидеміи».

Самара не въ лучшемъ положеніи. «Холерная эпидемія въ Самарѣ дѣлаетъ одно завсѣваніе за другимъ. Дыханіемъ смерти

вѣтъ на улицахъ. Горячій знойный вѣтеръ, перемѣшанный съ пылью отъ высохшихъ на улицахъ и дворахъ навозныхъ кучъ, забирается въ ротъ, легкія и глаза, («Коммунистъ»).

Но развѣ все это отъ «голода»? Большевиамъ окончательно доканалъ русскіе города, находившіеся и безъ того въ ужасномъ состояніи. И «Правда» слѣдующимъ образомъ рисуетъ положеніе городовъ въ Совденіи (2-VII)

«За время империалистической и особенно за время гражданской войны хозяйство нашихъ городовъ непрерывно клонится къ упадку. По причинамъ усилившихся пожаровъ, несвоевременнаго ремонта зданій, недостаточныхъ санитарныхъ наблюденій, сокращеніе жилой площади по городамъ имѣетъ еще и до сихъ поръ все возрастающую тенденцію. Городскіе водопроводы начинаютъ все меньше и меньше справляться съ своими задачами; въ однихъ случаяхъ выключаются изъ снабженія водой цѣлыя сѣти, въ другихъ — вода подается только въ опредѣленные немногіе часы и въ очень многихъ случаяхъ половина поднятой въ резервуары воды погибаетъ по пути, уходя въ землю изъ неисправныхъ трубопроводовъ. Электрическія станціи, ассенизаціонные обвалы, пожарныя команды и прочія части городского хозяйства точно также находятся въ весьма незавидномъ состояніи. Отъ многихъ городовъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, останутся лишь развалины. Примѣрно, если въ Козловѣ, Тамбовской губ. и въ дальнѣйшемъ будутъ выбывать такъ изъ строя зданія, какъ они выбывали до сего времени, то черезъ три — четыре года тамъ не останется ни одного дома въ центрѣ, а вѣдь въ такомъ положеніи находится не одинъ только Козловъ».

Тамъ, гдѣ люди добываютъ воду съ такимъ же трудомъ какъ наши первобытные предки добывали огонь, — тамъ низкимъ надѣвательствомъ надъ народомъ является эта претензія совѣтскихъ Поприщяныхъ на то, чтобы по ночамъ обывателю снились плакаты, плакаты, плакаты.

Нельзя ли дать населенію чегонибудь посущественнѣе? Нельзя ли дать ему самое простое лекарственное средство? Съмашко тутъ какъ тутъ дастъ отвѣтъ («Иавѣстія» № 147).

«Лѣкарственный голодъ достигъ небывалой остроты — вмѣсто предполагавшихся къ ввозу 400.000 пудовъ медикаментовъ (сокращено по плану до 41.000 пуд.) до сихъ поръ ввезено всего 15000 пудовъ. Въ отношеніи отдѣльныхъ лѣкарственныхъ средствъ это сокращеніе траги-комично: ввозъ хинина въ 1913 г. равнялся 4000 пудамъ, а Наркомздравомъ получено около

180 пудовъ; юда ввозилось 5100 пудовъ, получено около 150 пудовъ и. т. д.

Веселый человекъ г. Сѣмашко. Для него дѣкарственный голодъ не только трагиченъ, но и комиченъ. Въ порядкѣ этого комизма онъ сообщаетъ французскому делегату комитерна г. Моризе, что во всей сибирской Россіи имѣется всего 150 кило хинина. (См. «Вол. Рос.» 23/VIII). Народъ по заслугамъ обезсмертилъ имя этого веселаго господина, назвавъ вощь, распространительницу тифа, «сѣмашкой». «У меня сѣмашки развелись» — такъ и говорятъ въ Россіи.

Сѣмашко можетъ быть и спасъ бы Россію отъ эпидеміи, но ему мѣшаютъ другія вѣдомства. Его жалобу стоить выслушать.

«Что у насъ созданъ тревожный холерный фронтъ — это всѣмъ извѣстно; что этотъ фронтъ дѣлается съ каждой недѣлей гроанѣе, что холера начинаетъ всныкивать въ самыхъ разнообразныхъ мѣстахъ, это извѣстно тѣмъ, кто интересуется движеніемъ эпидеміи. Но вотъ что не извѣстно многимъ: что на этомъ фронтѣ, прежде чѣмъ дойти до «неприятеля» — холерной запятой, приходится изранить руки и ноги о свои же колючія проволоки. Передо мною слѣдующій документъ: заявка Наркомадрана на ассигновку зам. завѣдующаго институтомъ вакцинъ и сыворотокъ проф. Любарскому двухъ милл. рублей на покупку опытныхъ животныхъ для питомника института. Кажется ясно? Кажется неоспоримо? Но это ясно непосвященному. На самомъ дѣлѣ мы получили запретительный грифъ контроля: въ виду непредставленія свѣдѣній у кого, гдѣ, въ какомъ количествѣ, по какой цѣнѣ закупаются животные; основаніи на покупку (!); отказа отъ совѣтскихъ учреждений въ отпускѣ животныхъ и разрѣшенія на покупку на вольномъ рынкѣ — отказать. Поднялась бѣготня по «совѣтскимъ учреждениямъ». Наконецъ, было перерекано установлено, что «главморсвинки» не существуютъ; нѣтъ также «главкролика» и «центро-крысы». Наркомземъ далъ визу: «за неизмѣнимъ отказать». Грозный контроль успокоился и согласился. Вы думаете, что этимъ кончилось? Вы не знаете совѣтской конституціи и практики: у насъ существуетъ теперь 2-ой государственный контроль — Наркомфинъ. Получилась виза завѣдующаго отдѣломъ Наркомфина: «Необходимо дать свѣдѣнія о томъ, гдѣ, по какой цѣнѣ будутъ куплены животные, и если не черезъ Наркомземъ, то почему; сколько на покупку животныхъ уже истрачено». Но вѣдь всѣ эти свѣдѣнія уже представлены контролю и лежатъ у него. Я знаю одно: отсутствіе прививокъ сведетъ въ могилу не одинъ десятокъ тысячъ людей, знаю также твердо, что при такихъ условіяхъ вести борьбу съ холерой невозможно»...

Если «самъ» Сѣмашко не можетъ добиться толку, то легко понять, что выпадаетъ на долю простыхъ смертныхъ, когда имъ приходится обращаться за лѣкарствомъ къ коммунистической власти. У насъ подъ руками имѣется разсказъ одной русской женщины, возымѣвшей желаніе получить лѣкарство для дизентерійнаго больного. (См. «Русь» 30/VIII). Докторъ прописалъ больному касторку, порошки съ висмутомъ, саломомъ опиумомъ, висмутъ для каизмы и сухую чернику. Обойдя 8 аптекъ и продѣлавъ 15-16 верстъ, она достала только 5 гр. висмута. Пришлось купить «на вольномъ рынкѣ», часть достала «по знакомству въ Кремлѣ». Больному, однако, стало хуже и врачъ прописалъ спѣшное всприскиваніе антидифтерійной сыворотки. Сначала несчастная женщина пошла въ бактериологическій институтъ. Здѣсь ей сказали, что нужно имѣть разрѣшеніе изъ особаго отдѣла комиссаріата Здравоохраненія. День пропалъ. На другой комиссаріатъ здравоохраненія послалъ ее въ «Здравотдѣлъ». Но такъ какъ у нея началось сильное сердцебіеніе, то ее сначала отпавляли кофе, а затѣмъ сжалились и дали какую то бумажку. Два съ половиной часа она ходила съ бумажкой по разнымъ комнатамъ, расписывалась въ журналахъ. Наконецъ ее послали на Петровку №1 въ комнату 28-ю. Въ 28 комнатѣ послѣ долгихъ разговоръ съ озлобленными совѣтскими барышнями («мы всѣ теперь злы, какъ собаки») ее послали въ комнату 37-ю. Здѣсь долго смотрѣли ея бумажку, и послали въ комнату № 40. Отсюда ее послали въ сосѣднюю комнату къ секретаришѣ. Здѣсь ей сказали, что уже поздно, что надо придти въ другой разъ. Но просительница убѣдила барышню, что откладывать опасно. Больной можетъ умереть. Послѣ этого она побывала еще разъ въ 38 комнатѣ, въ 28, еще разъ въ 38-ой и еще разъ въ 28-ой. Всюду расписывалась, всюду ставили печати, поимѣтки. Заносили въ журналъ. Но въ 28-ой комнатѣ уже окончательно было поздно. На другой день она опять пришла въ 28 комнату. Въ этотъ день она побывала у четырехъ чиновниковъ, 4 раза расписывалась и получила 2 квитанціи. Отсюда она пошла на складъ въ переулокъ на Ильинку. Тамъ она расписалась на трехъ квитанціяхъ и черезъ 1/2 часа получила сыворотку. На это дѣло ушло 4 дня, изъ нихъ одинъ день палъ на торжество Коминтерна, когда всѣ учрежденія внезапно, безъ предупрежденія закрылись.

«Сыворотокъ всякихъ сколько угодно—заканчиваетъ она свой рассказъ, но рѣдко у кого хватаетъ терпѣнія продѣлать всю процедуру. При мнѣ одинъ человекъ пріѣхалъ за противохолерной сывороткой для Саратова, гдѣ сильная эпидемія холеры. Онъ ходилъ цѣлую недѣлю и когда наконецъ пришелъ на складъ, то тамъ ему сказали, что у него бумаги не въ порядкѣ, и чтобы онъ шелъ опять на Повровку. Онъ потерялъ терпѣніе и рѣшилъ вызвать вмѣсто себя еще кого-нибудь. А Саратовъ останется еще недѣлю 3 безъ сыворотки».

Изъ этого письма мы узнаемъ, что на вольномъ рынкѣ лѣкарства, правда по адскимъ цѣнамъ, найти можно. «Извѣстія» недоумѣваютъ:

«Прежде всего рождается вопросъ, почему въ совѣтскихъ аптекахъ лѣкарствъ нѣтъ, а на рынкѣ они имѣются. И, повидимому, отвѣтъ долженъ быть тотъ же, почему на рынкѣ есть все, что нельзя приобрести по карточкамъ въ совѣтскихъ магазинахъ.

А если такъ, то, какъ ни вѣроятна отповѣдь со стороны Наркомздрава, все же приходится спросить: почему нельзя сейчасъ, въ періодъ остраго тяжелаго лѣкарственнаго голода, сдать аптеки, хотя бы, въ аренду кооперации фармацевтовъ?

На это можно возразить, что это разбило бы всю политику Наркомздрава и, между прочимъ, бесплатную лѣкарственную помощь населенію, что это сильно удорожило бы медикаменты, вернуло бы насъ къ старому и т. д.

Пусть такъ. Но если не закрывать глаза на дѣйствительность, то мы должны признать, что въ аптекахъ нашихъ пусто, а на рынкѣ лѣкарства есть».

(«Извѣстія» 28/VII)

Что же остается дѣлать больному гражданину Р. С. Ф. С. Р. если у него нѣтъ денегъ на лѣкарства? Идти въ больницу? Но вотъ какое описаніе совѣтской больницы мы находимъ въ «Neue Züricher Zeitung» печатающей выдержки изъ письма одной студентки, искавшей своего знакомаго въ холерномъ баракѣ. (Воспроизводимъ это письмо съ сокращеніями по «Гол. Россіи» отъ 6/VIII).

«Я отправилась въ лежаціе за городомъ баракы съ цѣлью посѣтить нашего друга. Когда я приблизилась къ баракамъ, то услышала какіе-то стоны и крики, среди которыхъ можно было разобрать и отдѣльныя слова. Оказалось, что больные, мучимые жаждой, вслѣдствіе невѣ-

ройной жары, просили воды. Едва только я вступила въ баракъ, какъ невольно почувствовала себя охваченной атмосферой смерти. У входныхъ дверей я увидѣла грузовикъ, къ платформѣ котораго были прикрѣплены деревянные ящики. Двое здоровыхъ мужчинъ бросали въ этотъ ящикъ, какъ полѣнья дровъ, трупы умершихъ.

«Когда я обратилась къ администраціи больницы за справкой, гдѣ находится нашъ другъ, то мнѣ очень рѣзко отвѣтили:

— У насъ едва хватаетъ времени, чтобы отдѣлать умершихъ отъ живыхъ и у насъ нѣтъ свободныхъ часовъ, чтобы заниматься регистраціей именъ поступающихъ къ намъ холерныхъ.

«Вонь, которая охватила меня при входѣ въ баракъ, была совершенно невыносима. Нужно было огромное присутствие духа, чтобы не убѣжать. Весь полъ во всѣхъ баракахъ, не исключая и корридоровъ, былъ покрытъ человеческими тѣлами. Нѣкоторые корчились въ судорогахъ, но большинство лежало спокойно, блѣдные, со впавшими глазами, и съ трудомъ можно было отличить живыхъ отъ рядомъ лежавшихъ труповъ. Несчастные больные не получаютъ даже самой примитивной помощи. На 200 больныхъ полагается одинъ санитаръ и онъ едва успѣваетъ принести воды для питья. Больные получаютъ, въ качествѣ питанія, только черный ржаной хлѣбъ. Горячей пищи имъ не даютъ, такъ какъ нѣтъ никакого топлива. Посуды никакой тоже нѣтъ.

«Врачъ, который стоитъ во главѣ этихъ барановъ, рассказывалъ мнѣ, что и медицинская помощь прекратилась совершенно, такъ какъ уже болѣе мѣсяца никакихъ медикаментовъ не получается. Вливать физиологическій растворъ больнымъ нѣтъ возможности, такъ какъ аппаратъ для инъекцій сломанъ и иглы тоже нѣтъ.

«Такъ какъ Н. въ баракахъ я не нашла, то я обратилась въ городскую больницу и здѣсь я увидѣла ту же картину. Нашего друга я нашла въ темномъ углу въ корридорѣ, корчившагося въ судорогахъ. Я пыталась безрезультатно оказать ему помощь; ежеминутно вносили новыхъ больныхъ. Больничныи персоналъ обращался съ больными очень грубо и ничего отъ него добиться нельзя было».

Таково это совѣтское сѣмашество, дающее самому Сѣмашко поводъ заявить: «знаю твердо, что при такихъ условіяхъ вести борьбу съ холерой невозможно».

Ну, а народъ русскій — онъ что дѣлаетъ? Умираетъ... Безропотно... Глухо...

«На гелѣгахъ лежать больные или дѣти и дряхлые старики. Какой болѣзнию страдаютъ не знаютъ сами.

— Крючить въ животѣ, — отвѣчаютъ на вопросы, а иногда равнодушно добавятъ:

— Або холера, або тифъ...

Въ одномъ изъ табуровъ вечеромъ я засталъ *редкое явление въ теперешней российской деревнѣ*: мѣстный врачъ пытался по своей инициативѣ подать медицинскую помощь больнымъ и переходилъ въ сопровожденіи молчаливой толпы отъ телѣги къ телѣгѣ. Я нагналъ его какъ разъ, когда онъ осматривалъ старуху, больную «голодной испанкой» (которая оказалась тифомъ).

— Брось, батюшка! — говорилъ ему стоявшій подлѣ мужикъ, — чего напрасно себя мучаешь. Все едино, не сейчасъ, такъ завтра къ солнышку помретъ. Иди лучше къ другимъ, кого облегчить можешь...

Докторъ постоялъ, посмотрѣлъ еще разъ на этого живого мертвеца и отошелъ дальше.

Когда докторъ закончилъ свой осмотръ, я обратился къ нему съ рядомъ вопросовъ.

— Что вы хотите отъ меня? Много ли больныхъ? Я насчиталъ не менѣе 10 холерныхъ случаевъ. Они умрутъ и ихъ выбросятъ на дорогѣ въ канаву, прикрывъ землей и травой. Тифозныхъ я не считалъ, — ихъ очень много. Они, конечно, тоже умрутъ. Помочь мы здѣсь ничѣмъ не можемъ. Медицинскихъ средствъ никакихъ, объ уходѣ говорить нечего, а остановить этотъ идвигающійся источникъ заразы нѣтъ возможности!...

Докторъ махнулъ безнадежно рукой и запагалъ цѣлиной по полю къ виднѣвшемуся верстахъ въ двухъ селу.

Эта сценка записана рукою совѣтскаго публициста.

Въ «Извѣстіяхъ» отъ 11-7 напечатано нѣсколько замѣтокъ, посвященныхъ отношенію населенія въ борьбѣ съ холерной эпидеміей. Вырисовывается слѣдующая картина: «Въ глухихъ мѣстахъ противохолерныя прививки совершенно не дрімфяются, т. е. населеніе, благодаря темнотѣ и невѣжеству, уклоняется отъ нихъ. Въ частности въ Ельцѣ пущенъ слухъ, что отъ прививокъ умираетъ 25 о/о. Тамъ же говорятъ, что большевиками изданъ законъ: «морить холерныхъ больныхъ», причемъ съ вопросомъ объ этомъ обращаются даже нѣкоторые члены санитарныхъ троекъ. («Соха и Молотъ» отъ 7 апр.).

А вотъ что пишетъ врачъ изъ эпидемическаго отряда села

Васильевского, Большевской волости, Ливенскаго уѣзда: «Среди гражданъ села распространяются слухи, что холеры нѣтъ, — есть голодъ, недоѣданіе, оттого и хвораютъ. Больныхъ скрываютъ, тайно хоронятъ. Крестьяне убѣждены, что больныхъ въ баракахъ морятъ. Въ медицину не вѣрятъ. На глазахъ врачей происходитъ разгулъ мракобѣсія. Обыватели сами, безъ доктора, прописываютъ рецепты избавленія отъ страшнаго бича человечества. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (напр., въ Урицкой волости) женщины по ночамъ опахиваютъ селенія и творятъ какія то дьявольскія заклинанія, прыгаютъ нагія черезъ костры въ полной увѣренности, что холера не посмѣетъ перейти между. А крестьяне с. Васильевского собираются, подобно древнимъ язычникамъ, поютъ пѣсни и, встрѣтивъ прохожаго, спрашиваютъ съ нимъ, какъ съ виновникомъ заразы». Крестьяне того же села Васильевского вынесли слѣдующій приговоръ: «Какъ видно, эпидемія въ нашемъ обществѣ укрощена, а поэтому, если къ намъ будутъ поступать эпидемическіе отряды и больные, то наше село будетъ страдать эпидеміей еще больше. А потому постановляемъ: больныхъ эпидеміей не принимать, медицинскій персоналъ пусть разѣдется».

И поклоняясь вѣдмѣ, чертямъ и темнымъ порожденіямъ своей бѣдной души и потрясеннаго сознанія, гибнущая Русь молится еще Богу, устраиваетъ крестные ходы и молебны и молитвенно-тихий рабско-безропотный стонъ стелется по выжженнымъ равнинамъ несчастной земли...

— «Мы создадимъ на землѣ цвѣтущій садъ» — говорилъ Троицкій.

— «Або холера, або тифъ» — отвѣчаетъ ему курскій мужикъ.

* * *

— Куда ѣдете?

— Серавно.

«Извѣстія» 8.VIII.

Русь тронулась. Русь заболѣла изнурительной, смертоносной болѣзью скитальчества. Какъ въ прежнія темныя времена російской исторіи, «народъ пошелъ розно». Похоже на то, что вновь начинается исторія Россіи. Народъ потерялъ все. Ничто: ни земля, ни домъ, ни родныя могилки, ни агонія близкихъ, ползающихъ

въ послѣднихъ мукахъ на грязной землѣ, ни привычный трудъ, ни привычная колокольная—ничто не удержитъ народъ, заболѣвшій страшнымъ недугомъ. Ничто не радуеть, не связываетъ, ничего нѣтъ — смерть одна. Но «сервно» гдѣ помиралъ. 4 года владычества тирановъ убили въ народѣ элементарную основу культуры: инстинктъ осѣдлости. Нѣтъ, не начинается русская исторія, а какъ будто кончается.

Сколько ихъ поднялось, все потерявшихъ, все бросающихъ голыхъ людей на голомъ мѣстѣ? Здѣсь опять начинается совѣтско-статистическая вакханалія. Упоминали совѣтскія газеты цифру въ 6 милліоновъ человекъ. Зарубежная печать воспроизвела эту цифру. Тогда пришелъ Литвиновъ и пришелъ Чичеринъ и стали лгать. Въ Ригѣ Литвиновъ заявилъ сотруднику большевистской газеты.

«Появившіяся въ заграничной печати свѣдѣнія, будто-бы милліоны жителей покидаютъ пораженную голодомъ мѣстности и движутся въ различныхъ направленіяхъ — неправильны: не больше 100.000 человекъ оставили свои деревни. Притомъ эти переселенцы отнюдь не являются постоянными жителями этихъ губерній, а представляютъ бѣженцевъ изъ прифронтальной полосы которые нынѣ, благодаря наступившему голоду, стремятся возвратиться на свою родину.

Плохое состояніе урожая въ постигнутыхъ засухой губерніяхъ, говоритъ Литвиновъ, дѣйствительно вызвало панику, но въ настоящее время совѣтское правительство взяло въ свои руки контроль надъ движеніемъ переселенцевъ и направляетъ ихъ въ губерніи, гдѣ имъ обезпечена работа и хлѣбъ».

Здѣсь все ложь. Бѣгутъ не только бѣженцы великой войны на родину, на западъ. Бѣгутъ коренные волжане и бѣгутъ по даннымъ центрозема (см. «Эк. Жизнь» 30-VI) «большой частью на востокъ — въ Киркрай, Сибирь, Туркестанъ, менѣе значительная часть на юго-западъ». «Совѣтскій Югъ» отъ 16/VIII подчеркиваетъ, что изъ Ставропольск. губ. бѣгутъ «преимущественно хозяйственно-вѣрніе крестьяне главнымъ образомъ на Терекъ и Кубань». Это не фронтные бѣженцы великой войны. Ложь будто совѣтское правительство взяло «контроль надъ движеніемъ переселенцевъ». Мы увидимъ ниже, что здѣсь царствуетъ кошмарный хаосъ и дикая анархія.

Это все постыдные попытки обмануть Европу, которую, впрочем, ни въ чемъ обмануть нельзя. Надо ясно это запомнить всѣмъ, которые «вдругъ» открыли голодъ въ 21 году. Какъ голодъ, такъ и массовое анархическое скитальчество треплютъ русскій народъ по меньшей мѣрѣ уже три года. Изъ того, что только на третьемъ году большевики догадались устроить изъ всего этого ужаса грандіозный международно-дипломатическій, гуманитарно-кредитный и колониально-грабительскій гешефтъ, не слѣдуетъ выводить будто лѣто и осень 1921 г. чѣмънибудь принципиально отличаются отъ всѣхъ прошлыхъ лѣтъ большевистскаго владычества. Это все змѣи Медузы-Горгоны и родились онѣ вмѣстѣ съ «диктатурой пролетариата».

Мы находимъ достаточно убѣдительно подтвержденіе этому въ той же совѣтской прессѣ. Въ ном. «Экономической Жизни» отъ 27-VII нѣкто Т. С. Дѣльниковъ ставитъ проблему ярко и просто.

«Голодное переселеніе, какъ чисто зоологическое бѣгство голодныхъ людей куда попало, лишь бы спасти отъ гибели, началось у насъ уже въ 1918 г., а къ 1920 г. оно дало около 600 тыс. душъ переселенцевъ. Изъ нихъ помощью государства воспользовалась только одна треть, остальные пропали самотекомъ.

«Въ этомъ году оно началось во многихъ мѣстахъ еще до посѣва. Къ маю мѣсяцу до 40 о/о нѣмцевъ-колонистовъ изъ подъ Саратова уже разбрѣлись «куда глаза глядятъ». Въ среднемъ изъ 25 милліоновъ душъ голодающихъ до зимы сдвинется съ мѣста едва-ли менѣе 10 милліоновъ, а вмѣстѣ съ живыми послѣдствіями контръ-колонизаціями *это составитъ до 20 о/о всего населенія РСФСР. и Украины или около 1/8 части чисто земледѣльческаго населенія.*

Это не безстыдно живые 100000 г. Литвинова, а что то около 20 милліоновъ населенія!

Но что такое упомянутая выше контръколонизація? Это еще что за напасть російская?

«Въ настоящее время», пишетъ «Экономическая Жизнь» (16 іюля № 154), «на всѣхъ безъ исключенія многоземельныхъ окраинахъ бывшей Россійской имперіи наблюдается уродливое явленіе контръ-колонизаціи.

Эта контръ-колонизація выражается въ стремленіи

коренных жителей окраинных автономных республик подвергнуть быстрому и насильственному выселению всёх или часть мѣстных переселенцев и казаковъ, кого на новыя мѣста въ предѣлахъ данной республики, кого за эти предѣлы назадъ въ Европейскую Россію или куда угодно.

Въ Туркестанѣ контръ-колонизація уже вылилась въ цѣлую систему ударныхъ практическихъ мѣръ мѣстной власти. Десятки тысячъ прежнихъ земледѣльческихъ хозяйствъ уже согнаны съ мѣсть и разорены или висятъ на волоскѣ отъ разоренія, какъ «кулаки» и «колонизаторы».

Туркестанскія власти это называютъ выразительно: «ударнымъ землеустройствомъ».

Сотни тысячъ другихъ «колонизаторовъ», которыхъ «ударное землеустройство» пока еще не коснулось, при одномъ слухѣ о немъ начинаютъ чувствовать, что не сегодня-завтра у нихъ земля можетъ уйти изъ подъ ногъ, а потому естественно задумываются о добровольномъ выселеніи куда-нибудь, не дожидаясь принудительнаго.

Это явленіе можно назвать деколонизаціей. Она вполне назрѣла и фактически проявляется въ Туркестанѣ, Киргизіи и Башкиріи.

Совершенно аналогичное явленіе имѣетъ мѣсто въ Грузіи и Азербейджанѣ.

Самостоятельность Украины и націонализація тамъ помѣщичьихъ земель подсказываютъ украинскимъ переселенцамъ Сибири, Зауралья, Нижнего Поволжья и отчасти черноземельныхъ полосъ надежду хорошо устроиться дома. Въ одной только Самарской губерніи «тяга на родину» охватила весной этого года свыше 250 тыс. душъ. Неурожай усиливаетъ эту тягу еще болѣе, и можно ожидать, что общій размахъ этого движенія захватитъ по крайней мѣрѣ миллионъ душъ обоого пола.

Наконецъ, въ менѣе значительныхъ размѣрахъ приходится считаться съ процессомъ реэмиграціи въ международномъ масштабѣ. Такъ, эстонскіе переселенцы въ Вологодской губерніи уже цѣликомъ эмигрировали на родину.

Въ общемъ, въ связи съ неурожаемъ контръ-колонизація, деколонизація и реэмиграція содвинуты съ мѣста не менѣе $1\frac{1}{2}$ — 2 миллионъ земледѣльцевъ».

Вотъ она бродячая Русь! Но вѣдь и это не все: колонизація регулируемая, бѣгство анархическое, контръ-колонизація, деколонизація и реэмиграція осложняются и пересѣкаются еще другими, самыми разнообразными людскими потоками. По Россіи кромѣ всёхъ этихъ толпъ бродячьихъ и бѣгутъ еще другія. Двигаются назадъ и впередъ десятки тысячъ мѣшечниковъ. Шатаются безпутно, неорганизованно тысячи демобилизуемыхъ красноармейцевъ. Возвращаются въ города, бѣжавшіе оттуда въ деревни рабочие.

Бѣгутъ тысячи рабочихъ съ Донецкаго бассейна. Мечутся въ поискахъ хлѣба, десятки тысячъ рабочихъ останавливающихся предприятий. Тянутся скорбными путями страдальчества 80.000 крестьянъ Тамбовской губ., выселяемыхъ на Мурманъ, Уралъ и Аральское море за «бандитизмъ». («Воля Рос.» № 264). Гонятъ лошадей и кочегаровъ всякаго рода делегациі побѣжавшихъ въ Сибирь, на Украину добывать хлѣбъ за товары. Тучами вьются, перелетая съ мѣста на мѣсто, всякаго рода чиновники, инструктора, спесцы, и вообще охочіе до катанія совбуры, мелкіе, средніе и крупныя, содержимыя на казенный счетъ, жулики. И наконецъ Троцкій проталкиваетъ изъ голодныхъ мѣстъ въ менѣе голодныя сотни тысячъ своей арміи. Все это превращаетъ Россію въ адскую кашу, страшный и погибельный водоворотъ, все это крушитъ транспортъ, саранчей вьется по городамъ и селамъ, образуя кипящій котель нищеты, голода, эпидемій, хищничества, грабежа, всякаго рвачества, насилій, убійствъ, подымая со дна души человѣческой всѣ низшіе и животныя инстинкты, обростаѣя корою грязи, паразитами, неимовѣрной рванью, дичая отъ дикихъ условій неудержимо впадающей въ варварство страны.

Что же дѣлаетъ совѣтское правительство, которое по словамъ Литвинова «взяло въ свои руки»? Оно ничего и не можетъ сдѣлать. Они это знаютъ.

«Если имѣть въ виду, пишетъ «Эк. Ж.» въ № 154, что сравнительно хорошо налаженный аппаратъ переселенческаго вѣдомства при Столыпинѣ за одинъ годъ могъ перебросить максимумъ 800 тысячъ душъ прямыхъ и около 200 тысячъ обратныхъ переселенцевъ, то практически при теперешнихъ силахъ и средствахъ переброска и устройство отъ полтора до двухъ миллионovъ душъ уже сама по себѣ должна представить колоссальныя трудности и неизбежно должна быть рассчитана на 3 — 4 года.

Въ дѣйствительности въ переселенческомъ дѣлѣ у насъ сейчасъ нѣтъ и н и к а к о г о аппарата. Система органовъ бывшаго переселенческаго вѣдомства за четыре съ половиною года революціи разрушена. Фактически у переселенческаго дѣла нѣтъ ни головы, ни руки, ни ноги.

Въ подходѣ къ голодному переселенію мы можемъ обнаружить очень много агитаторской рѣшительности, но зато очень мало дѣловаго, здраваго смысла.

И чѣмъ выше при этомъ полетъ нашей ни чѣмъ не сдерживаемой фантазіи, тѣмъ болѣе жестокъ будетъ урокъ

жизни, которая неуклонно требует къ себѣ исключительно трезваго и вдумчиваго отношенія, а не очаровательныхъ вымысловъ».

Но какъ разъ этими вымыслами и занимаются вершители народныхъ судебъ. Въ Туркестанѣ, откуда точно гной выжимаютъ русское населеніе, стремятся протолкнуть 300.000 голодныхъ крестьянъ, хотя членъ туркестанской полномочной комиссіи ВЦѣва подчеркиваетъ что «Туркестанъ можетъ принять лишь крайне ограниченное число переселенцевъ. Широкіе планы оросительныхъ сооруженій въ условіяхъ полной хозяйственной разрухи Туркестана—утопія» («Нов. М.» № 174). Появляются просто оголтелые фактасты. Одинъ изъ нихъ Бѣляковъ сообщаетъ, что ему удалось найти въ Сибири не больше и не меньше, какъ 150 милліоновъ десятинъ каштановаго чернозема. «Извѣстія» печатаютъ этотъ бредъ: «Если мы сегодня-же начнемъ переброску туда по пяти эшелоновъ, т. е. по 10.000 человекъ въ день, то къ октябрю мы перебросимъ до 1 милліона крестьянъ. Ни машинъ, ни домашняго скарба брать имъ съ собой не надо — въ Сибири все есть. Нужно только перебросить хотя бы *тысячу тракторовъ*. Такая переброска увеличитъ засѣвъ *въ будущемъ году* на 5-6 милліоновъ десятинъ и, слѣдовательно, дастъ 500-600 милліоновъ пудовъ»...

«Хотя бы тысячу тракторовъ». Это пишутъ и это печатаетъ правительственный органъ той страны, гдѣ завѣдующій развѣдомъ на одной изъ важнѣйшихъ магистралей пишетъ начальнику кубанскаго отдѣленія службы движенія: «Предупреждаю всѣ безъ исключенія поѣзда, что стрѣлки и семафоры у меня на развѣздѣ не горятъ въ виду... неимѣнія спичекъ». («Гудокъ»). Спичекъ нѣтъ, а эти безумцы кидаются тысячами тракторовъ!

И поразительно: въ тѣхъ же «Извѣстіяхъ», гдѣ печатаются эти буйныя утопіи, рѣшительно заявляется.

«Для переселенія большихъ группъ голодныхъ людей въ настоящихъ условіяхъ нѣтъ ни достаточнаго техническаго аппарата, ни средствъ. За послѣдніе 6-7 лѣтъ милліоны бѣженцевъ перекидываются съ мѣста на мѣсто, и кромѣ горя, несчастій и новыхъ бѣдствій ничего иного не получается.

Всѣ даже такъ назыв. «плановыя переброски» несутъ зачастую за собой лишь новые заносы эпидемій и новое ослабленіе уже истощеннаго организма переселяемыхъ массъ. *Достаточно и того стихійнаго движенія голодныхъ, которое уже есть.* Надо его быстрѣе урегулировать и обезпечить его санитарную безопасность».

Фактически крахъ, анархія, безтолочъ и вавилонское столпотвореніе уже поразили все переселенческое «плановое» движеніе.

«Волна голодающихъ бѣженцевъ заняла линію жел. дороги Слобода Покровская — Уральскъ и линію отъ Самары до Златоуста. Голодные толпы громятъ жел.-дорожныя станціи и подвергаютъ насилію жел.-дорожныхъ служащихъ, требуя подвижнаго состава для отправки ихъ въ Сибирь и Семипалатинскъ. Бѣженцы расположились таборомъ по линіи жел. дорогъ, останавливая поѣзда, высаживаютъ пассажировъ и, занявъ составъ, заставляютъ отравить ихъ въ назначенные ими пункты. Мѣстные крестьяне и жел.-дорожн. служащіе бѣгутъ отъ голодныхъ ордъ какъ отъ чумы. Трупы не погребаются и гниютъ у полотна жел. дороги, распространяя заразу».

Отправленные въ Сибирь эшелоны забили всѣ узловыя станціи и расположились подъ открытымъ небомъ, т. е. сибирскій ревкомъ отказался принять голодающихъ. Пошли строжайшія телеграммы и чѣмъ это дѣло кончилось неизвѣстно. Планъ, Великій Планъ, типическая форма совѣтскаго безумія, рухнулъ. Тѣ же «Извѣстія» сообщали, что въ поискахъ хлѣба, нарушая всякіе запреты, движутся большія массы городского и крестьянскаго населенія, застревая на узловыхъ желѣзно-дорожныхъ и пароходныхъ станціяхъ. Одновременно въ тѣхъ-же голодныхъ губерніяхъ, и также *вопреки всякимъ планамъ и расчетамъ*, выброшено было большое количество бѣженцевъ.

Въ началѣ іюня татары восточной части Казанской губ. захватили Камскій водный путь и часть Сибирской магистрала. Сотни и тысячи двигались эшелонами, бросая свои вагоны и захватывая другіе, покрывая какъ саранча станціи и пристани. Гу-

бердские эвакуационные отѣлы едва ихъ регистрировали, стара-лись только протолкнуть ихъ дальше.

Великій Плавь превращается въ жалкую пародію на органи-зованность. «Извѣстія» отъ 4-VIII указываютъ, что голодныхъ по-волжанъ

«можно встрѣтить и в портахъ Каспія (Петровск, Дер-бент), какими-то нелегальными невѣдомыми путями туда пробравшихся, задержанных и скопляющихся все в боль-шем и большем числѣ. Всѣ эти бѣженцы от голода мрут от холеры, дают ихъ буфера, умирают от истощенія. Им никто никакой помощи не оказывает, это, мол — «неорга-низованный элемент». Зато они представляют очень бла-годарный матеріал для всяких взяточников и проходим-цев и, вѣдомственных и невѣдомственных.

Между тѣмъ, каждая молодая республика (Украина, Азербейджанъ, Грузія и Туркестан) считает своим дол-гом защищать свою территорію от переселенцев. И как бы ни хлопотали о переброскѣ голодающих туда, как бы ни был велик голод, — ни один человекъ не будет там при-нят без дипломатических переговоров и нажимовъ.

Великій Плавь гибнетъ отъ множества причинъ. Одна изъ нихъ и можетъ быть наиболее трагическая — отказъ мѣстнаго населенія впустить голодныхъ.

На ст. Тихорѣцкой на Сѣв. Кавказѣ скопилось болѣе 30 ты-сячь голодающихъ изъ волжскихъ губерній, отправленныхъ на Кавказъ по распоряженію изъ Москвы. Переселенцы, которыхъ бѣстное станичное населеніе встрѣвило съ оружіемъ въ рукахъ, жили въ районѣ станціи въ невѣроятныхъ условіяхъ, подъ откры-тымъ небомъ.

Объ ожесточенныхъ схваткахъ между мѣстными крестьянами и бѣженцами сообщали и изъ Екатеринославской губ. Звѣри-ная свалка произошла въ Екатеринбургской губ.

Екатеринбургскіе крестьяне, сами голодающіе, выставили свои собственные заградительные отряды для недопущенія даль-нѣйшаго движенія голодныхъ. Но такъ какъ огромное движеніе уговорами сдержать было трудно, въ ходъ были пущены колья камни, а затѣмъ и оружіе. Съ обѣихъ сторонъ ежедневно были убиты и ранены. Въ концѣ концовъ, оборонявшимся отъ нацлы-ва удалось прогнать голодныхъ съ границы Екатеринбургской губ. Случайно обнаруженныхъ въ Екатеринбургской губ. «чужихъ» крестьяне безжалостно убивали.

Другой потокъ голодныхъ ворвался 20 юля въ Тамбовъ и буквально затопилъ городъ. Обезумѣвшіе отъ голода люди смяли заставы красноармейцевъ, разсыпались по городу и начали громить магазины и склады. Лошади коннаго отряда, пожарной команды и извозчицы были зарѣзаны и съѣдены. Все, что не могло быть съѣдено на мѣстѣ, — унесено, и когда передовая часть толпы вышла изъ города и двинулась дальше, смѣннвшіе ихъ бѣженцы уже ничего не нашли.

Приблизительно такой же разгромъ произошелъ въ Казани. Заградительные отряды были сметены голодными въ Кирсановѣ, Кузнецкѣ и Балашовѣ. И уже когда все это было извѣстно «Правда» говорила объ этомъ въ стилѣ предположенія.

«Переселеніе можетъ стать источникомъ тяжелыхъ, даже кровавыхъ междоусобицъ. Появленіе голодныхъ волжанъ въ Сибирской деревнѣ не сдѣлаетъ ихъ сытыми. 20 миллионное населеніе въ наше время не можетъ просто умирать отъ голода, какъ въ старое время. Возможны дикіе эцессы. Крестьяне, сорванные съ мѣстъ, становятся бандитами. Можетъ создаться обстановка, въ которой не вездѣ будетъ физически возможно оказывать помощь. («Правда» 5/VIII).

Это уже наступило. 20 миллионное населеніе умираетъ такъ какъ умираютъ отъ мора животныя. Трупы недѣлями валяются необранными. Въ темныхъ впадинахъ товарныхъ вагоновъ копошатся въ грязи здоровые, умирающіе и тутъ же трупы. Констатируются случаи пожиранія людей собаками. Совѣтскіе бытописатели рѣсуютъ сцены тихаго умопомѣшательства голодающихъ бѣженцевъ. Бросаютъ до дорогъ мужей, женъ, дѣтей. Бросаются подъ поѣзда. Выстраиваются рядами на дорогахъ и мертвыми безразличными голсами выводятъ: « — По-дай-те-ми-ло-стынь-ку-Хрис-та-ра-ди». Не получивъ ничего, кромѣ ругательствъ, рассыпаются по мелкимъ кражамъ, снимаютъ рѣдкій неспѣлый колосъ, высасываютъ тряпки, въ которыхъ была пища... Располагаются лагеремъ на кладбищахъ и на могилахъ умираютъ. Заползаютъ въ погреба, на чердаки, въ сарай, подъ навѣсъ и здѣсь жители попутныхъ городовъ находятъ трупы несчастныхъ, стремившихся умереть не на людяхъ. Протѣжающіе чиновники находятъ села,

изъ которыхъ убѣжали и собаки. На дверяхъ висятъ замки. Все заколочено. Нѣкоторыя деревни разворочены, хаты разрушены, точно обстрѣливалась деревня тяжелой артиллеріей. Въ городахъ толпы бѣженцевъ роятся въ мусорѣ. Собаки робко стоятъ вдали, ничего не понимая. Среди бѣженскихъ толпъ мародеры, скупищники — за 2-3 пуда хлѣбнаго суррогата спускаютъ корову, лошадь. Въ городахъ люди боятся открыто ѣсть на виду у бѣженцевъ. Закрываютъ днемъ ставни. Бываютъ случаи, что врываются и все пожираютъ. По дорогамъ, вслѣдствіе неслышанной жары, пересохла ручьи и колодцы. Пьютъ болотныя, застойныя воды. Появились стаи бѣшеныхъ собакъ. Укушенныхъ здоровые загоняютъ въ избу и подпаливаютъ. Больные, цыготные заживо разлагаются, ползаютъ на землѣ распухшіе.

Такъ вотъ оно литвиновское организованное переселеніе. Что будетъ съ этими милліонами людей, съ тѣми, которые выживутъ? Какой матеріалъ для мирнаго творчества дадутъ люди, все потерявшіе, все бросающіе, которымъ «серавно», люди прошедшіе черезъ огонь многолѣтнихъ войнъ и черезъ душевный развалъ бродяжничества, скитальчества? Что дадутъ Россіи люди, потерявшіе не только условія нормальной жизни, но и представленіе, память о нихъ?

Нѣтъ, говорятъ — наше будущее въ дѣтяхъ...

«Дѣтвора играла в поѣзд...
Когда я спросилъ: «куда вы,
дѣти, ѣдете», — веселые голоса
отвѣтили: «в Самару, за хлѣбом!»

(Луначарскій).

Не надо разсуждать... Давайте погрузимся въ факты, въ разсказы о малыхъ сихъ. Будемъ слушать ихъ, обѣщавшихъ намъ устроить на землѣ цвѣтущій садъ. Цвѣтики дѣтскіе, лютики, колокольчики, фіалки, ландыши, гвоздички полевыя, подсиѣжники, маргаритки — они тутъ, тутъ... Собирайте букеты, вяжите вѣнки...

На перекресткѣ дороги стоитъ наполненная всякимъ мужичьимъ скарбомъ распряженная телѣга, а около нея валяется свѣже-палая гнѣдая лошадь. На возу лежитъ пла-

СТ. ИВАНОВИЧЪ

стом без движенія старая бабка, рядом с ней лѣтъ 13-14, с испитым, точно восковымъ лицомъ и ввалившимися глазами Танька, а около нихъ на колѣняхъ всматривается в даль 15-лѣтній Ванька.

— Ванька, а Ванька! — слабымъ голосомъ тянетъ Танька.

— Чего?!

— Не видать?!

— Не видать...

Наступила пауза.

— Ванька! Очень ѣсть хотца?

— А ты думаешь мнѣ не хотца?! Погоди, тятка с мамкой прійдетъ...

Танька смолнула и только безпокойно вертѣла головой и облизывала сухія потрескавшіяся губы. Слово что то вспомнив, она повернулась къ бабкѣ и уставилась на нее испуганными глазами:

— Бабка! А бабка!

— Не трожь бабку, может, она спит, — оборвалъ Ванька Таньку.

— Я боюсь, вдруг она с голоду то того...

— Чего тово-то?

— Какъ дѣдко — померла!

— На, вот, померла?! С чего ей помереть-то? — смотритъ Ванька на бабку, — ишь дышетъ...

— Ванька, — начинаетъ опять плаксиво Танька, а вдруг тятка с мамкой не придутъ?...

— На, вот-те не придутъ? Куда же они дѣнутца-то?

— А может они утянулись къ индѣйскому царю?

— Пѣшкомъ то?! Нешто къ индѣйскому царю ближній свѣтъ?! В недѣлю не дайдешь!

— А индѣйскій-то царь нашихъ накормитъ?!

— Знамо накормит, ежели наши въ его вѣру перейдутъ.

— А наши перейдутъ?

— Знамо, перейдутъ. Потому имъ: либо с голоду дохни, либо переходи, да къ ему в вѣру легко переходить — онъ православный.

Оба, погруженные в болѣзненные, голодные мечты-грезы свои, смолкають. Тихо.

Бабка, лежавшая без движенія, открываетъ глаза и поворачиваетъ голову:

— Водицы бы, испить, — шелеститъ она засохшими губами.

— Бабка! очнулась. Я думала, ты померла, — говоритъ Танька. — Бабка! Гдѣдко то у насъ сдохъ.

— Сдохъ?! Значит, теперь и намъ помереть... Водицы бы... али пожевать чего...

— Потерпи, бабка, сейчасъ либо тятка или мамка прйдутъ, и онъ снова всматривается в даль. — Идутъ! — вскрикиваетъ онъ, — идутъ мамка и тятка.

— Тятка! ѣсть принесъ? — спрашиваетъ Ванька.

— Тятка, ѣсть принесъ? — порывается подняться Танька.

— Поди сама принеси... Кругомъ-то никого, — пустыня. Кто-то хлѣба не дастъ, когда ни у кого не то что лебеды,

— куриного помета не найдешь... По дорогѣ шел, землю рыль — коренья то в землѣ, и тѣ посохли...

Въ этотъ моментъ лежавшая безъ движенія бабка приподнялась на локтѣ, обвела всѣхъ безсмысленнымъ взглядомъ и, трясъ головой и выкрикивая, начала:

— Гляди-ко! Гляди-ко! Пирогѣ идутъ в шапкахъ... кланяются... кланяются... Здравствуйте, пироги в сапожкахъ, здравствуйте...

— Бабка! Бабка! — уставившись в одну точку, забормотала Танька, — рожь колосится. С мельницы у дяди Тита мука с водой бѣжит...

Мужик долго сидѣлъ молча.

И вдругъ явственно услышалъ бодрый голосъ Вани:

— Тятка! Мамка! Бабка! Танька! Скорѣ вставайте, к намъ послы отъ индѣйскаго царя!

Онъ быстро вылѣзъ из-подъ телѣги. Всѣ уже не спали, а веселые и бодрые, полные надеждъ, смотрѣли вдаль. Отъ края неба прямо на нихъ катился свѣтъ, и в немъ ясно обоначались двѣ фигуры. Мужикъ даже глаза протер, онъ узналъ своего земляка, мужчину дядю Прохора и двоюроднаго брата, фабричнаго Митрія Сергѣевича.

— Дядя Прохор! Митрій Сергѣевич! Какъ же вы к индѣйскому царю в послы попали?! Вы ровно в большевикахъ состояли?!

— Мы пришли к тебѣ помочь! — заговорили тѣ оба в раз.

Тутъ услышалъ мужикъ громкій трубный звукъ и посыпалась к нему помощь. Схватилъ мужикъ хлѣба, разломилъ, смотритъ, а это пирогъ с грибами, хотѣлъ дать Ванѣ поѣсть, а у того ужъ ватрушка с вареньемъ, оглянулся на бабу, а та ужъ горшокъ с кашей получила, бабѣ два ведра достались: одно с молокомъ, одно с киселемъ.

— Какъ же это так? — сказалъ онъ громко и проснулся.

Надъ голодной пустыней медленно всходило солнце. Мужикъ вылѣзъ из-подъ телѣги. Поднялся. Голова у него кружилась. Онъ еле стоялъ на ногахъ.

— Приснится же это! Эхъ, кабы... Жена! А жена!... Да никакъ она! С нами крестная сила! Никакъ померла! Бабка! Бабка! И она?! Танька! Ванька!

Ванька приподнял голову.

— Чего, тятка?!

— Не шевелится! — онъ напрасно теребилъ бездыханную бабу, Таньку и бабу. — Что же это будетъ то?! Не дотянуи до утра то?! Какъ же это?! — Онъ озирался кругомъ, словно ничего не замѣчая. — Люди добрые! Какъ же это? И Гнѣдно, и Танька, и бабка! Люди добрые, да имъ бы вчера только по кусочку, по маленькому?!

И, обнявъ еле держащагося на ногахъ Ванюшку, онъ пошелъ по пыльной дорогѣ по направлению къ городу, уже не соображая того, что на телѣгѣ остались дорогіе ему трупы..

Безопасное солнце стояло уже высоко, когда ѣхавшіе в городъ подобрали лежавшихъ у дороги безъ чувствъ мужика и Ванюшку.

Это беллетристика? Тако вотъ вамъ «быль», рассказанная нѣкой Наталіей Кочевой въ Московскомъ «Трудѣ» отъ 10/VIII.

...Я ее встрѣтила на Каланчевской площади. Въ сильно поношенномъ платьѣ съ пестрыми заплатами она стояла у забора Казанскаго вокзала и невольно обращала вниманіе прохожихъ жуткимъ взглядомъ скорбныхъ, ввалившихся глазъ...

— Милая, быть можетъ, я чѣмъ нибудь буду полезна, — горе у Васъ, да?

Взяла ее за руку.

Крупныя, частыя слезы побѣжали изъ глазъ, и капли жгли мою руку. Она плакала молча.

— Работы нуду, — наконецъ, проговорила она, — пріѣхала съ Волги, изъ-подъ Самары...

— Знаю, знаю! Голодь у васъ страшный...

— Да, ѣдимъ траву, жедуи, — усмѣхнулась она горько, — ко я сбѣжала не поэтому. Сестра, совсѣмъ еще дѣвочка... только 13 лѣтъ минуло... не выдержала и въ городъ стала ходить, «на пристань». Она всю семью кормила; ни мать, ни я не знали, говорила работу нашла... деньги и хлѣбъ приносила, а мы... мы ѣли...

— Ну, успокойтесь, не плачьте, пойдемте ко мнѣ... отдохните... а тамъ и работу найдемъ... и будетъ хорошо... Ну, не плачьте...

— Да вѣдь она-то... повѣсилась... Мы хлѣбъ ѣли, ея хлѣбъ, — а она его собой зарабатывала... Кровью за него платила...

И плакала тихо дѣвушка съ Волги, я утѣшала ее...

Но развѣ могла я словами вернуть ей сестру?...

Обитательница с.Стригой Саратовск. губ. пишетъ въ письмѣ своему брату.

«Не хочется умирать голодной смертью. Сестра Поля съ Васяткой чахнуть, сохнуть. Сердце мое обливается кровью, глядя на ихъ мученія. Какое нравственное мученіе! Должна, обязана помочь и не могу, не имѣю средствъ. Васятка (11 лѣтъ) уже не ходить, лежитъ, стонетъ. Какъ воскъ бѣлый, губы синія, глаза ввалились. Страшно... Моя Оленька еще держится. Поля и Васятка умрутъ. Умру и я съ Олей. Вопросъ только во времени. Они

раньше, мы позже. Не могу, не могу глядѣть на Васятку. Онъ просить хлѣба, а его нѣтъ». («Св.» 25/VIII).

А вотъ еще «беллетристика», принадлежащая перу увѣровавшаго въ большивизмъ А. Серафимовича.

«Въ Симбирскѣ на ступеняхъ Нарообраза три человѣчка — одному 6, другому — 7, третьему — 8 лѣтъ. Оборванные, съ почернѣлыми ногами, безъ шапокъ, въ дыры тѣло съвязать. Сидятъ молча и долго.

— Вы чего, ребята?

Молчать.

— Ну, чего-жь молчите?

Молчать.

— Откуда вы?

Молчать. У маленькаго по щекамъ разрисовываютъ грязь слезы.

— Отецъ, мать есть?..

И у тѣхъ стали наливаться глаза..

— Ну, что-жь молчите?.. Этъ вы!..

Подымутъ головы, посмотреть, и опять молчать, дескать, не понимаемъ.

Родители наказали не говорить, будто не русскіе, чтобъ обратно не возвратить...

А сзади, прячась за углы, подъѣзды, выступы, крадется шагахъ въ 50 костлявая, патлатая, съ почернѣлымъ лицомъ и полонившимися ногами, все время наблюдавшая женщина, не спуская воспаленно-жадныхъ глазъ съ идущихъ.

Исхудалая, облѣзлая волчица..

Нѣтъ, — мать!

О томъ, какъ кормить дѣтей — вотъ:

Пробовали устроить въ деревняхъ дѣтскіе дома, но сейчасъ же облила кругомъ подлая нечисть, стала очень хорошо кушать, а дѣти голодали. И неудивительно — трудно теперь быть честными около ѣды».

Это взрослымъ трудно быть честнымъ около ѣды. А Серафимовичъ это знаетъ. А дѣтямъ какъ быть около ѣды? «Трудъ»

№ 129 на это отвѣчаетъ: «Дѣтская преступность изо дня въ день въ Поволжьи растетъ. Никакія мѣры воздѣйствія не способны пресѣчь этой преступности. «Убейте меня, но воровать все равно буду, ѣсть хочется», твердятъ нечаянные преступники. «Хлѣба дайте, хлѣба» — вопятъ они».

«Голодные дѣти, пишутъ въ «Бѣдиотѣ» нѣкій красноармеецъ, бродятъ подь окнами. Не просятъ уже «Христа ради», а прямо ревуть со слезами: «Дай ѣсть!»

Намъ, однако, надо выслушать главнаго пѣстуна россійской дѣтвоты — великолѣпнаго Дуначарскаго. Онъ писатъ, въ особенности со слезинкой, мастеръ. Притомъ онъ самый т. с. «общественный» человѣкъ изъ совѣтскихъ душителей общественности. Былъ какъ таковой онъ былъ допущенъ на столбцы органа задумшеннаго Всероссійскаго Комитета Помощи голодающимъ «Помощь». Здѣсь редакция написала очень лестное для него предисловіе къ его статьѣ. Его стоить прочесть.

«Каждая изъ борющихся партій, каждое изъ борющихся направленій считаетъ, что за подъемомъ, за поворотомъ, то будущее, которое онъ строитъ, котораго онъ жаждетъ. Но каждый знаетъ, что это будущее дѣтей народа, вотъ тѣхъ самыхъ дѣтей, которыя сейчасъ насъ окружаютъ; вотъ тѣхъ самыхъ, которыя сейчасъ плачутъ, которыя сейчасъ умираютъ, вотъ тѣхъ самыхъ, которыя окружаютъ побѣда, и, какъ маленькіе звѣренуши, подхватываютъ норки отъ огурцовъ, падающія изъ оконъ вагоновъ, дерутся изъ за нихъ, которыя разрываютъ мусорныя кучи въ поискахъ пици. Вотъ эти самыя, всѣми повинутыя человѣческія щенки, эта часть — отнюдь не незамѣтная часть будущаго поколѣнія, ради котораго мы живемъ, страдаемъ и боремся. Здѣсь общность интересовъ наглядна».

Эта общность интересовъ проявилась очень скоро. Издатели и редактора «Помощи», опубликовавшіе статью Дуначарскаго, оказались въ тюрьмѣ, а Дуначарскій, видимо, рѣшилъ, что онъ обойдется безъ тѣхъ, съ кѣмъ у него явобы имѣется «общность интересовъ». Дуначарскій самъ устроитъ «всѣми покинутыхъ человѣческихъ щенковъ». Какъ?

Отвѣтъ даетъ намъ тотъ же блистательный комиссаръ.

«Въ Саратовѣ, на берегу Волги, пишетъ Дуначарскій, подь лодками и вообще какъ кто устроился, имѣется ное поселеніе, постоянно растушее — нѣсколько тысячъ

абсолютно безпризорныхъ дѣтей. Никто объ нихъ не заботится, никто ихъ не кормитъ. Они живутъ нищенствомъ, проституціей и воровствомъ. Можно только смотрѣть отчаянными глазами на этихъ дѣтей, т. е. *дѣть ихъ все равно некуда*. До 30 человѣкъ совсѣмъ маленькихъ бездомныхъ дѣтей, подкидышей всякаго рода, приливаетъ къ дѣтскимъ учрежденіямъ ежедневно. Кромѣ того милиція приводитъ ихъ отовсюду, въ общемъ человѣкъ пятьдесятъ въ день.

И вѣдь матери и отцы быть можетъ безумно любятъ своихъ дѣтей. Попадаетъ такой ребенокъ въ нашъ дѣтскій домъ, но въ этихъ дѣтскихъ домахъ, *гдѣ никогда не кормили дѣтей до-сыта*, теперь постоянно урѣзываютъ паекъ, доведя его до абсолютно голодной нормы, т. е. до такой, на которой *выжить можно только чудомъ*.

Въ Самарѣ есть такой дѣтскій городокъ, куда въ концѣ концовъ посылаютъ всѣхъ найденныхъ дѣтей. «Нельзя же оставлять ихъ умирать на улицѣ» — вотъ скромный мотивъ Завѣдующаго Отдѣломъ Народнаго Образованія. *Это только и значить — убрать съ улицы, чтобы не на глазахъ умирали*. Смертность въ этомъ городѣ отчаянно велика. *И такъ всюду*. Говорятъ, что есть случаи, когда мордовское населеніе дѣтей своихъ просто топить въ Волгѣ и опять не по жестокости, а потому что не вмѣщаетъ больше сердце голоднаго писка и зрѣлища медленной, мучительной смерти маленькихъ существъ..

Общее количество дѣтей въ пораженныхъ голодомъ мѣстностяхъ доходить до шести съ пол. миллионъ (по переписи 1917 г.). Наркомпросъ борется за самое существованіе будущаго поколѣнія, борется все болѣе и болѣе изнемогая, *все болѣе безнадежно*, и въ атмосферѣ голода эта борьба приобретаетъ уже совсѣмъ роковой, кошмарный характеръ.

Итакъ положеніе обрисовано ясно: совѣтскія учрежденія для дѣтей — это мѣсто, куда можно зайти... умереть, чтобы не умереть на улицѣ. Выжить въ нихъ *«можно только чудомъ»*. Борьба Наркомпроса *«безнадежна»*. Зданій нѣтъ, хлѣба нѣтъ, денегъ нѣтъ.

Нужно однако помнить, что это значить «денегъ нѣтъ». Когда въ какомъ-либо государствѣ не хватаетъ денегъ на содержаніе учрежденія, то это значить, что исчерпаны бюджеты, отсутствуютъ ассигновки и т. д. Когда въ Россіи заявляютъ, что «денегъ нѣтъ», то это значить всего только то, что не успѣли на фабрикахъ денегъ выработать нужныхъ количества этого продукта. Итакъ по Луначарскому выходитъ, что десятки и сотни тысячъ дѣтей гибнутъ въ Россіи только потому, что плохо налажено производство денежныхъ этикетокъ, или «бронезнаковъ», такъ называетъ въ Совде-

ли забронированныя за тѣмъ или инымъ учрежденіемъ стоны денежной бумаги.

Но что съ того, что деньги будутъ? У многихъ изъ нынѣ голодающихъ мужиковъ несомнѣнно имѣются запасы бумажно-денежнаго тряпья. Но вѣдь купить нечего. А кромѣ того? Серафимовичъ намъ уже объяснилъ, что вокругъ дѣтскихъ домовъ заводится «подлая нечисть», которая жретъ дѣтскіе пайки, оставляя дѣтей умирать. Вѣдь сказано-же: «трудно теперь быть честнымъ около ѣды»...

Какъ жаль, что этотъ афоризмъ неизвѣстенъ тѣмъ западно-европейскимъ вольнымъ маклерамъ большевикамъ, которые приглашаютъ послать въ Россію продовольствіе для распредѣленія его большевиками. Эта саранча объѣдаетъ дѣтей,—какъ-же она объѣдаетъ взрослыхъ?

Луначарскій считаетъ, что въ помощи нуждается 6 ½ миллионъ дѣтей. Но и это ложь и фальшь. Будто неизвѣстно, что дѣти голодаютъ во всей Россіи, а не только въ т. п. «пораженныхъ голодомъ районахъ», давно уже голодаютъ въ городахъ и какъ разъ въ тѣхъ самыхъ учрежденіяхъ, гдѣ всегда выжить можно было «чуждомъ».

Если есть основанія думать, что голодомъ охвачено до 50 миллионъ населенія, т. е. я хочу сказать голодомъ 1921 г., то число нуждающихся дѣтей должно быть опредѣлено въ 10 миллионъ, по крайней мѣрѣ. Изъ этихъ десяти миллионъ часть погибнетъ. А другая пойдетъ по стезѣ воровства, проституціи, нищенства. Третья превратится въ калѣкъ, инвалидовъ, рахитиковъ, туберкулезныхъ. Четвертая умственно и морально одичаетъ въ атмосферѣ звѣринаго быта, порожденнаго голодухой.

Совѣтская власть бессильна что-нибудь сдѣлать, если-бы даже меньше думала о своемъ спасеніи, а больше о спасеніи народа. То, что она сейчасъ дѣлаетъ въ этомъ отношеніи, — это безуміе и ужасъ. Главная надежда возложена на переброску дѣтей. И ихъ уже «перебрасываютъ». И здравоохранитель Сѣмашко, который самъ настаивалъ на переброскѣ дѣтей, подчеркиваетъ, что «теперешніе порядки на желѣзныхъ дорогахъ представляютъ для дѣтей смертельную опасность». Иными словами: на дорогахъ дѣти бу-

дуть массами умирать от голода, а позже и от холода, а, главное, от эпидемий. Тот-же Съмашко на заседании 5 августа общегосударственного комитета по словам большевистского «Нового Мира» «нарисовал тяжелую картину состояния санитарно-питательных эвакуационных средств. Нѣтъ достаточного количества дѣтских питательных пунктов и больницъ. Врачей мало. Дѣтская смертность все усиливается. Для больницъ необходимо не менѣе 100 тысячъ комплектовъ бѣлья, совсѣмъ нѣтъ дѣтскаго бѣлья и обуви, нѣтъ инвентаря для врачебныхъ пунктовъ, острый недостатокъ въ медикаментахъ».

На заседании 10 августа Центральной Комиссiи помощи при ВЦИКѣ былъ заслушанъ докладъ «комиссiи по улучшенiю жизни дѣтей». По словамъ большевистскаго «Нов. Пути».

Изъ доклада явствуеъ, что помощь дѣтямъ голодающихъ районовъ выразилась въ слѣдующемъ: 1) оборудовано и отправлено два питательныхъ поѣзда; 2) выдѣлено значительное количество мануфактуры для дѣтей голодающихъ районовъ; 3) выдѣлена также значительная часть дѣтскихъ ботинокъ изъ 200.000 паръ, предоставленныхъ нар. ком. просвѣщенiя и 4) приступлено къ эвакуацiи 20.000 дѣтей.

«Два питательныхъ поѣзда». «Значительное количество мануфактуры» (сколько?) и «Значительная часть дѣтскихъ ботинокъ» (сколько?) — вотъ и вся помощь! Между тѣмъ только въ Татарской республикѣ 70.000 тысячъ дѣтей обречены на вымиранiе. Къ первому сентября здѣсь должны были изъ-за недостатка продовольствiя закрыться всѣ дѣтскiя учрежденiя съ 25-ью тысячами дѣтей. Кроме того, съ 1-го сентября должно было прекратиться снабженiе 200.000 дѣтей по дѣтскимъ карточкамъ. А Съмашко въ № 155 «Извѣстiй» пишетъ: «прежде всего дѣтское питанiе, во-вторыхъ, массовое переселенiе дѣтей и, въ третьихъ, умноженiе въ нѣсколько десятковъ разъ сѣти дѣтскихъ учреждений».

Пусто-суетъ и блудословiе! Дѣтскому питанiю противостоитъ снятiе съ дѣтскихъ карточекъ 200000 дѣтей, массовому переселенiю — два санитарныхъ поѣзда и «смертельная опасность», а умноженiю въ нѣсколько десятковъ разъ сѣти дѣтскихъ учреждений — массовое ихъ закрытiе.

Все переселеніе дѣтей — блажь и преступная авантюра. Туркестану предложили принять 25000 дѣтей, — онъ согласился принять только 10000 и то по 2 тыс. въ мѣсяць. Въ Бѣлоруссію предполагается угнать 40000 дѣтей. Часть изъ нихъ сюда притгнали, но они здѣсь умираютъ отъ голода, главнымъ образомъ, вслѣдствіе жестокаго отношенія къ нимъ мѣстнаго населенія, перенесшаго свою ненависть къ совѣтской власти на несчастныхъ дѣтей. Въ Петербургѣ готовится рядъ домовъ для пріема голодающихъ дѣтей Поволжья и... закрывается изъ-за продовольственныхъ затрудненій рядъ больницъ и въ томъ числѣ большая, благоустроенная въ свое время Выборгская дѣтская больница. Назначенныя къ отправкѣ дѣти не отправляются вслѣдствіе гомерическаго хаоса на желѣзныхъ дорогахъ. Постановлено было отправить въ Нижній 5000 дѣтей — городскія власти принимаютъ только 500.

Неспособные хоть сколько-нибудь задержать бурный процессъ вымиранія дѣтей, властители придумываютъ такую мѣру, какъ мобилизацію учащихся среднихъ учебныхъ заведеній на борьбу съ голодомъ. И этихъ — дѣтей и юношей хотятъ втянуть въ свистопляску, происходящую вокругъ йды, около которой трудно оставаться честнымъ.

А затѣмъ пишутъ воззванія:

«Крестьянки въ волостяхъ, подумайте, не можете-ли себѣ взять на зимніе мѣсяцы дѣтей изъ голодающихъ губерній. Матери съ полнымъ довѣріемъ отдадутъ ихъ, чтобы вы спасли ребятъ до лучшихъ временъ. Или быть можетъ найдется теплый уголь для ребенка сироты, чтобы выросъ у васъ крѣпкій и честный работникъ».

(«Маховикъ» 13/VII).

«Матери отдадутъ»....

Точно среди хаоса, поднявшаго 20 миллионновъ человекъ, известно, гдѣ мать и гдѣ отецъ. Вѣдь образовались арміи коммунистическихъ сиротъ, дѣтей, потерявшихъ родителей живыхъ или мертвыхъ. Вся система коммунизма съ его борьбой противъ «буржуазной семьи» привела къ тому, что образовались огромные кадры «ничьихъ» дѣтей, «человѣческихъ щенковъ», какъ образно выразился Луначарскій. Довели до того, что дѣти съ легкостью бросаютъ родителей, а родители дѣтей. Убѣгаютъ обезумѣвшіе роди-

тели, чтобы не видѣть голодной смерти своихъ дѣтей. Зарегистрированы случаи, когда женщины бросались съ дѣтьми подъ поѣзда, бросались въ Волгу. Корреспондентъ «Chicago Tribune» видѣлъ сотни подобранныхъ дѣтей, круглыя сутки проводящихъ въ постели, или скученными на полу подъ одеялами, чтобы охранить все тепло, еще вырабатываемое ихъ хилыми тѣльцами.

И вотъ онъ апогеевъ дѣтскаго пощеченія коммунизма: на пыльной знойной дорогѣ лежитъ съ раскрытой драблѣю грудью женщина. Она умерла отъ голода. А дитя сидитъ на ней — мертвой — и сосеть, жуеть грудь...

Луначарскій въ Москвѣ и Питерѣ въявномъ вертится вобругъ Айседоры Дунканъ, а Дунканъ ему рассказываетъ, что въ дѣтствѣ, когда она и сестричка были голодны и не было хлѣба, — мать имъ играла Бетховена и Шумана...

Скажите — всѣ эти кошмары, всѣ эти ужасы, всѣ эти преступления — все это «голодь» или погибель земли русской? Можно-ли втиснуть огромное, многоголовое, всестороннее національное бѣдствіе въ традиціонныя рамки традиціоннаго русскаго голода? Можно-ли, нужно-ли политически, дальновидно-ли, «не дѣлая политики»; сводить національную катастрофу къ недостатку продовольствія?

Гибель городовъ, сель, безуміе и хаосъ многомилліоннаго скитальчества, крушеніе элементарныхъ основъ человѣческаго, не культурнаго, а біологическаго существованія, одичаніе человѣческихъ толпъ, — это все «голодь»? Азартная игра нѣсколькихъ тысячъ захватчиковъ жизнью милліоновъ людей — это «голодь»?

Когда русскій народъ пойметъ, почувствуетъ и ужаснется передъ истинной о томъ, что это не «голодь», а большевизмъ, — не изолированныя бѣдствія — сегодня одно, завтра другое, что это змѣи Медузы-Горгоны, и нельзя вырвать ихъ по-одиночкѣ, тогда — если онъ будетъ еще живъ — онъ сорветъ ей голову.

Ст. Ивановичъ.

КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ.

ПИСЬМО ИЗЪ РОССИИ. *)

Когда пишутъ изъ Россіи о Россіи, то либо жалуются, либо проклинаятъ, иногда — то и другое вмѣстѣ; но это скучно и бесполезно. Я не буду ни ругаться, ни плакать, чего себѣ въ добродѣтель не ставлю. Подчасъ завидуешь тѣмъ, кто еще сохранилъ способность хорошо, въ сердцахъ выругаться, — жива еще, значить, душа въ чловѣкѣ. Въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ и ругаются то плохо, безсильно и нудно, и не жалуются, а скулятъ. Тутъ завидовать нечему, лучше помолчать.

Ничего новаго рассказать вамъ не могу. О Россіи вы навѣрно знаете больше, чѣмъ мы. Вы читаете свои газеты и совѣтскія, а мы только совѣтскія. Значить, мы знаемъ, что ничего не знаемъ. Могу поделиться только настроеніями своими.

Нѣкоторые считаютъ меня

Редація даетъ мѣсто настоящему „Письму изъ Россіи“, оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, соответствуютъ ли проникающее письмо пессимизмъ и бездѣйственность положенію вещей въ Россіи или они подсказаны индивидуальнымъ настроеніемъ автора.

(Ред.)

оптимистомъ. Это невѣрно. Мнѣ кажется, напротивъ, что мой оптимизмъ основанъ на глубочайшемъ, до конца доведенномъ пессимизмѣ. Другіе, какъ пассажиры на маленькой заолустной станціи, думаютъ, что поѣздъ, хотя и запоздалъ безобразно, все же придетъ, и они ждутъ его съ нетерпѣніемъ и тоской, бранить людей и Бога и ежеминутно смотрятъ на часы, слоняясь безъ дѣла. Я думаю, что поѣздъ не придетъ. Я думаю, что поѣздъ уже ушелъ, и другого не будетъ. Я не жду и не вглядываюсь туда, въ направленіи къ западу и не смотрю на часы безъ дѣла и безъ смысла. Поѣздъ не придетъ; и мы на поѣздъ не уѣдемъ. Останемся мы навѣки тутъ, на этой проклятой станціи? Не знаю. Вѣрю, что нѣтъ, и уныніа нѣтъ въ душѣ моей. Можетъ быть пѣшкомъ доберемся, на нарачкахъ уполземъ, на аэропланѣ улетимъ. А можетъ быть и помремъ. Не знаю. Но при такомъ богатствѣ возможностей не вижу основанія для преждевременной по самому себѣ паникидѣ.

Это аллегорія. Но вотъ факты: при встрѣчѣ знакомые не спрашиваютъ теперь другъ друга, тайственно и тоскливо: «ну, когда?» И не назначаютъ сроковъ — осенью, весной, черезъ три мѣсяца. Это вышло изъ моды. Можетъ быть это и плохо, и радоваться тутъ нечему. Но люди не стали отъ того ни больше, ни меньше активны. Они потеряли одну изъ иллюзій, — еще одну изъ иллюзій, можетъ быть, самую главную. И, пожалуй, это не плохо. Освобожденіе отъ иллюзій это иногда первый шагъ къ простой, но реальной дѣятельности. Пока человѣкъ закутанъ въ иллюзіи, онъ не можетъ сдѣлать ни шагу впередъ. И съ какой неохотой люди расстаются съ этими своими иллюзіями. Такъ трудно взглянуть прямо въ глаза дѣйствительности и принять ее такъ, какъ она есть. Прежде утѣшали себя самообманомъ и, словно мухъ, разводили слухи, они замѣняли намъ ту лживую хронику, которой и вы утѣшаете себя за рубежомъ, и еще недавно никого не смущало то, что эти слухи систематически проваливались. На другой день возникали новые, и сколько ужъ разъ Ленинъ отказывался отъ власти, а Троцкий былъ арестованъ, а возстанія охватывали чуть-ли не всю Россію. Теперь слуховъ стало значительно меньше; ихъ почти совсѣмъ нѣтъ, хотя, въ сущности, поводовъ для возникновенія слуховъ сколько угодно.

И отмѣтить надо справедливости ради: мертвая полоса слуховъ какъ будто миновала, и самыя послѣдніе дни гуляютъ снова новенькія сенсаціи — о передачѣ Питера и стоверстной полосы англичанамъ, о мобилизаціи для войны съ Польшей, о переговорахъ совнаркома съ патриархомъ Тихономъ. Кто знаетъ, можетъ быть, и не все тутъ враки. Загадочна и непонятна внезапная мобилизація коммунистовъ, переведенныхъ на казарменное положеніе.

Нѣтъ иллюзій, нѣтъ тоскливаго выжиданія, меньше стало слуховъ, — что же, прочіебѣ стала власть и появилась вѣра въ нее? И да, и нѣтъ. Простого и односложнаго отвѣта не дашь на этотъ вопросъ. Для прежней простоты, — вѣрнѣе, упрощенности вообще нѣтъ мѣста. Есть многообразіе, сложность, и нѣтъ еще ни синтеза, ни формулы. Это неприятно, но это такъ. Вода закипаетъ, но еще не закипѣла. Чайникъ чиркаетъ, трещитъ, но пара нѣтъ. Занипитъ-ли, когда? Не знаю.

Въ странѣ происходитъ не возрожденіе и не вырожденіе; идетъ перерожденіе тнаней. Это процессъ повсемѣстный, всеобщій. Онъ захватилъ власть и общество, городъ и деревню. Однимъ онъ несетъ смерть, другимъ расцвѣтъ и жизнь; для одного — это склерозъ, для другого — возмужаніе. Какъ подведете вы ихъ подъ одну формулу?

Власть стоитъ прочно. Такъ прочно можетъ простоять сто-

лѣтіе трехногій стуль, если на него никто не сядетъ. Не знаю, выдержала ли бы теперь власть серьезное сопротивленіе. Можетъ быть и нѣтъ. Но такого серьезнаго сопротивленія нѣтъ въ странѣ и нѣтъ внѣ страны. Война можетъ все сразу измѣнить; однако въ уравненіе со многими неизвѣстными она введетъ еще нѣсколько неизвѣстныхъ. Предназначать будущее могутъ при такихъ условіяхъ либо гениі, либо дураки. Я не могу быть гениемъ и не хочу быть дуракомъ. Теорія намъ измѣняла столько разъ, что мы перестали ей поклоняться. Мы опираемся на нее какъ на палку, но она не жезлъ чудесный, предъ которымъ раскрываются горы. Остается здравый смыслъ и собственный житейскій опытъ, онъ противъ экспериментовъ и авантюръ. Мы видѣли дюжину переворотовъ и потеряли счетъ атаманамъ. Даже въ лучшемъ случаѣ это гомеопатія въ политикѣ и революціи; въ худшемъ — это знахарство самаго сквернаго свойства.

Если подходить къ власти съ критеріями 1918 года, то надо признать: она стоитъ прочно. Можетъ быть, она стоитъ только на одной ногѣ; можетъ быть она повалилась бы отъ слабого толчка, отъ бурнаго порыва вѣтра; можетъ быть, она не устояла бы противъ отважнаго мальчишки. Можетъ быть, она только колоссъ на глиняныхъ ногахъ. Можетъ быть, даже вѣроятно это такъ;

даже навѣрно это такъ. Но что толку въ этомъ? Никто ее не толкаетъ, — это главное. Нѣтъ никакого вѣтра, мертвый штиль въ политикѣ, абсолютная пустота кругомъ. При такихъ условіяхъ глиняныя ноги не хуже каменныхъ; они хорошо служатъ свою службу.

Ленинъ писалъ еще въ 1917 году: если царизмъ управлять страной при помощи нѣсколькихъ десятковъ тысячъ помѣщиковъ, неужели мы не сможемъ управлять при помощи нѣсколькихъ сотъ тысячъ членовъ партіи? Ленинъ былъ правъ въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ. Проблема управления рѣшена, и если бы только въ этомъ было дѣло, можно было-бы признать побѣду совѣтской власти. Коммунисты управляютъ страшой, управляютъ не хуже, чѣмъ правительства многихъ странъ на востокѣ и даже нѣкоторыхъ на западѣ. Полиція многочисленна, надежна и достаточно хорошо организована, чтобы пресѣкать всякое недовольство. Всѣ взяты на учетъ, всѣ — подъ гласнымъ и негласнымъ надзоромъ, всѣ запуганы, забиты, приведены къ одному знаменателю. Чувство личнаго достоинства вытравлено до конца; во всякомъ случаѣ, оно исчезаетъ безъ остатка при всякомъ столкновеніи съ властью. Можетъ быть, и не такъ аппаратъ хорошъ, какъ народъ сталъ для аппарата хорошимъ. Для табуна дикихъ лошадей нужны десятки загонщиковъ;

стадо барановъ гонить предъ собой одна дѣвчоина.

Власть свободно и легко управляетъ страной. И мы видимъ теперь, какъ легко управлять страной, охваченной усталостью, апатіей, взаимнымъ недоверіемъ, глубокимъ разочарованіемъ въ людяхъ, въ партіяхъ, въ вождяхъ. Всѣ недовольны, всѣ озлоблены, но и всѣ пассивны. Со стороны кажется, что недовольства накопилось такъ много, что вотъ-вотъ произойдетъ варывъ, похнетъ котель, и все разлетится въ куски. Но это не такъ. Кипитъ и сдержанно шумитъ російское обывательское море, но не сгущается паръ, а стелется туманомъ, и нѣтъ въ немъ упругости, и нѣтъ творческой силы.

Конечно, не только терроромъ объясняется эта пассивность обывателя, эта полная и ужасная прострація; рабочіе не испытываютъ на себѣ террора въ такой степени, какъ прочіе граждане. Пусть очень слабая, — все же нѣкоторая возможность оппозиціи предъ ними есть. Съ ними даже заигрываютъ по временамъ. Съ ними все-таки считаются. У нихъ хватаютъ рѣшимости устраивать забастовки, «волынки», прямой или скрытый саботажъ. Терроръ не мѣшаетъ имъ отстаивать свои очень скромныя экономическія требованія. Отъ «диктатуры пролетаріата», за пользованіе фирмой, имъ выпадаютъ жалкія крохи. И вотъ здѣсь то и сказывается въ пол-

ной мѣрѣ кризисъ политической мысли, душевное оскудѣніе народа. Рабочіе готовы пострадать за пару селедокъ, они не желаютъ страдать за свободу печати. За паршивую обувь они отдадутъ любой политической лозунгъ. Они стали реалистами и прагматиками на російскій манеръ, какъ практичны англійскіе рабочіе на европейскій манеръ. Я ихъ и не сужу. Селедки стали слишкомъ серъезной рыбой, и проблема обуви не уступить любой міровой проблемѣ. Но нечего всю вину взваливать на чрезвычайку, на терроръ. Въ городахъ терроръ принялъ теперь болѣе мягкія формы. Но пассивность и прострація отъ того не меньше; даже, напротивъ, она выросла за послѣдніе годы. Власть могла бы даже нѣсколько разоружиться безъ особаго ущерба для себя. Она преувеличиваетъ опасность, ей грозящую. Какъ и всякая деспотическая власть, она чрезмѣрно подоарительна, запугана, недоверчива и переоцѣниваетъ силы противниковъ. Она не по заслугамъ преслѣдуетъ меньшевиковъ и безъ нужды вооружаетъ противъ себя безпартійныхъ. Конечно, въ этомъ сказывается сознаніе внутренней слабости и вѣчной неувѣренности и тревоги. Но есть въ этомъ и профессиональный интересъ. Заговоры создаютъ полицію, но и полиція создаетъ заговоры.

Повторяю, если бы проблема власти сводилась къ проблемѣ управления, эта проблема была

бы, пусть и на время, рѣшена. И совѣтская печать имѣла бы право писать: враги побѣждены, на очереди возрожденіе страны, социализмъ, коммунизмъ.

Однако управленіе есть лишь часть сложнаго социально-политическаго процесса, очень важная часть, все-же только часть, даже не половина. И если взять не совѣтскихъ только служащихъ, и не только городскихъ жителей, а всю страну, подавляющее ея крестьянское большинство, девяносто процентовъ населенія, то въ обиходѣ каждаго изъ жителей, въ его повседневной жизни власть окажется лишь незначительнымъ элементомъ, съ ничтожнымъ удѣльнымъ вѣсомъ. Власть не больше, чѣмъ заноза, — конечно, досадная, неприятная, зудящая, мѣшающая спокойно жить, работать, но въ представленіи крестьянина это только заноза. Какъ и два года назадъ, правительство обладаетъ полнотою власти надъ живую личностью гражданина; оно безвластно въ его хозяйствѣ, въ его бытовомъ укладѣ. Деревня живетъ какъ жила; городъ отчасти начинаетъ жить какъ деревня. Онъ торгуется, а торговля выводитъ изъ заколдованнаго круга подчиненія власти. Онъ крадетъ, и это тоже даетъ ему независимость.

Власть окружена стихіей наживы, шкурничества, борьбы за существованіе полуголодныхъ и голодныхъ людей, не имѣющихъ возможности раз-

бираться въ средствахъ. Эту стихію клеймятъ совѣтскія газеты, съ нею борются специальные органы надзора, пресѣченія и уловленія, ее презрительно называютъ «мелко-буржуазной», но ее вѣрнѣе назвать общероссійской, единой классовой, потому что вся Россія, во всѣхъ ея разрѣзахъ, во всѣхъ социальныхъ группировкахъ превратилась въ эту стихію, и съ экономической стороны не социалистическая революція охватила Россію, а залила ее потокомъ единоличнаго стяжательства, индивидуальной, собственнической борьбы за крохи, за объѣдки, за куски. Всякое начало коллективности, общности растворяется въ этой жалкой стихіи, и коммунистическія слова звучатъ жалкой пародіей, безсильнымъ лепетомъ.

Коммунисты жалуются: мелкобуржуазная стихія захлестываетъ насъ. Захлестываетъ! Давно захлестнула, и изъ волнъ бушующихъ едва-едва маячатъ верхушки исполкомовъ и совнаркомовъ, гдѣ спасаются испытанные столпники коммунизма. Они видятъ, знаютъ, что со всѣми своими наркомками, главками и центрами, со всей красной арміей и полиціей они плывутъ по теченію, плывутъ все дальше и дальше, не имѣя ни силъ, ни возможности зацѣпиться, удержаться, и новые повороты въ экономической политикѣ это только отмѣченныя вѣхи уже пройденнаго пути. Стихія увлекаетъ и чѣмъ даль-

ше, тѣмъ скорѣе этотъ бѣгъ по теченію.

Но хуже всего для власти, что это не только вѣтшія стихія, не только «мы» и «вы», коммунистическіе «мы» и буржуазные «вы». Стихія давно проникла внутрь, залила партію и съ низовъ и съ верховъ ея. Чѣмъ больше проникала партія внутрь страны и народа, чѣмъ болѣе мелкіе, развѣтвленные корни пускала она, охватывая всѣхъ, доходя до послѣдняго человѣка, тѣмъ больше чудовищный аппаратъ власти превращался въ аппаратъ для проведенія буржуазной стихіи, буржуазныхъ чувствъ и настроеній, внутрь, вглубь партіи. Страна «совѣтизируется», появляются новые и новые слои, пристраивающіеся къ власти, паразитирующіе на власти, связанные съ ней лично, родственно, психологически. Коммунизмъ тутъ не при чемъ, онъ — фирма, выѣска, формула. Главное — власть, и эта власть по происхожденію близка народу, она демократична по психологіи. Невыносимо деспотична, но все же — не изъ дворянъ и не изъ купцовъ всѣ эти исполкомщины и комиссары, а изъ мужиковъ и фабричныхъ, и путь къ власти, прежде начисто заказанный, теперь открытъ для всякаго человѣка изъ народа, если только ловокъ, предприимчивъ и беззапѣчивъ этотъ человѣкъ. Власть манять. Она развращаетъ, но и привлекаетъ. Она создаетъ ореолъ вокругъ

себя. И молодежь изъ маленькихъ городковъ, изъ деревень тянется инстинктивно къ власти, подчасъ идеализируя ее, прощая ей всѣ грѣхи за тотъ блескъ, за неограниченную мощь, которыми власть окружена. Револьверъ въ кобурѣ, галифе и сапоги обладаютъ чарующей силой; противъ нея трудно устоять. Красные командиры изъ крестьянскихъ дѣтей пользуются успѣхомъ на провинціальныхъ вечеринкахъ, не меньшимъ, чѣмъ юнкера, кавалеристы, гусары на балахъ минувшаго времени. «Краскомъ» не коммунистъ; но красная армія вывела его изъ деревенскихъ парней въ благородные люди; красной арміи онъ обязанъ своимъ положеніемъ, своей властью. Палочка маршала лежитъ подинно въ ранцѣ cadaго красноармейца, нѣтъ привилегій сословія, открыты двери для свѣжей энергіи, для душевной цѣльности классовъ, еще не тронутыхъ культурой Европы эпохи упадка; и пусть это наиболѣе дикая армія въ Европѣ, — это и наиболѣе демократическая армія, съ генералами изъ вахмистровъ, съ генеральнымъ штабомъ изъ писарей и унтеровъ, съ энергичными, талантливыми людьми во главѣ. Какъ же не дорожить имъ своей красной арміей, не создавать культъ новаго милитаризма, хотя и такого по формѣ, но точно такого же по сути, какъ милитаризмъ любой страны, съ культомъ національной славы, съ жертвен-

ностью подвига, военно-товарищеской солидарностью, съ дисциплиной и воспитательной суровостью.

Черезъ армію, черезъ бюрократію, черезъ совѣты и милицію, черезъ партійныхъ и безпартійныхъ, черезъ всю эту густую сѣть прямыхъ агентовъ, посредниковъ и пособниковъ, вѣрныхъ членовъ и сочувствующихъ переначивается въ партію мелкобуржуазная стихія. Агитотдѣлы и политпросвѣты борются съ ней, какъ красныя и бѣлыя тѣльца, фагоциты и лейкоциты борются въ крови. Но организмъ партіи уже зараженъ, и борьба съ заразой безнадежна. Какъ ни старается изолировать себя партія отъ населенія, запираясь въ Кремль, превращаясь въ секту, въ касту, она не можетъ окончательно отгородиться. Ленинъ не видитъ постороннихъ, онъ только среди своихъ. Но тысячи и десятки тысячъ низшихъ агентовъ не видятъ своихъ, — развѣ на казенныхъ партійныхъ собраніяхъ, гдѣ скуна и пустота, — они всегда только среди постороннихъ. Они ѣдятъ изъ общаго съ ними котла, вмѣстѣ торгуютъ, вмѣстѣ воруютъ. Одна тысяча проходитъ политическую школу на специальныхъ курсахъ, гдѣ лектора отменно благонадежны. Сотни тысячъ проходятъ школу на рынкахъ, на желѣзныхъ дорогахъ, въ заградительныхъ отрядахъ, въ учрежденіяхъ, гдѣ фабрикуются мандаты съ печатями, и тутъ на стѣнахъ

всюду: «пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!», а въ душѣ всюду: «рви!»

Коммунистическая партія перерождается. Процессъ этотъ глубокъ, неотвратимъ. Кузовъ корабля обросъ ракушками, и грузно движется этотъ корабль подъ краснымъ флагомъ среди мелко-буржуазной стихіи и вмѣстѣ съ этой стихіей. И хотя по прежнему капитанъ держитъ курсъ на социалистическую революцію, но она гдѣ-то далеко-далеко, нѣчто вродѣ той Индіи, къ которой стремился Колумбъ и по пути къ которой паткнулся на Америку. Коммунисты такъ ежедневно открываютъ буржуазныя Америки по дорогѣ къ коммунистической Индіи.

Перерожденіе выражается въ усталости, простраціи, нигилизмѣ верховъ, въ ихъ циническомъ скептицизмѣ. Повороты не проходятъ безслѣдно для психологіи правящихъ. Все блѣднѣе звучатъ прежніе призывы. Инерція все больше заступаетъ мѣсто инициативы. Коммунисты чистой воды еще сохраняютъ власть и поддерживаютъ ее мѣрами внутрипартійной диктатуры, запретомъ оппозиціонной критики, генеральными «чистками», исключеніями и т. д. Авторитетъ именъ еще очень силенъ, еще нѣтъ никого, кто рѣшился бы посягнуть на звѣздную палату Совнаркома. Но все больше сплачивается и растетъ слой тѣхъ, для кого коммунизмъ есть въ сущности доктринерство, блажь старыхъ вождей,

только формула и лозунгъ, а главное есть власть, закрѣпленіе позицій, отвоеванныхъ въ гражданской войнѣ новой буржуазіей. Растутъ тенденціи къ формальному закрѣпленію той власти въ политикѣ, которой крестьяне уже добились въ экономикѣ. Примазавшихся больше, чѣмъ помазанныхъ. Между ними уже теперь идетъ борьба за власть, отчетливая въ провинціи, гдѣ все проще, примитивнѣе; завуалирован-

ная на верхахъ. Когда эта борьба развернется, она вовлечетъ и другіе слои населенія.

Однако, этотъ процессъ кристаллизации только въ самомъ началѣ. Онъ можетъ развернуться съ огромной быстротой, если найдеть формулу, вождя, благоприятныя условія. Можетъ и затянуться въ заѣдающей всѣхъ пространці.

X.

Москва, іюнь 1921 г.

ПО ПЕРЕПИСИ.

*Изъ Записокъ совѣтскаго статистика. *)*

Въ Д... я прибылъ подъ вечеръ. Дѣлать было нечего. Со скуки забрелъ на почту и т. к. согласно специальному мандату, имѣлъ право бесплатнаго пользованія телеграфомъ, то сталъ сочинять длинную телеграмму-отчетъ о томъ, что мною сдѣлано было по дѣламъ переписи. Главное содержаніе телеграммы сводилось къ тому, что весь переписной персоналъ настойчиво требуетъ причитающаго ему «согласно положенія» о переписи продовольствія, что безъ продовольствія перепись провалится. «Переписчики — писалъ я — психологически дезорганизованы неуверенностью въ томъ заплата получить ли...» — тутъ я задумался:

хорошо-ли загружать телеграфъ словами «въ», «ли» и т. п.? При этомъ я еще отдѣльными словами отмѣчалъ: «заплата», «двое-точіе», «точка». Хорошо-ли такъ злоупотреблять своимъ правомъ телеграфной корреспонденціи? Но тутъ я вспомнилъ, какъ изъ за экономіи въ словахъ заѣдающей однимъ переписнымъ отдѣломъ начисто отмѣнили перепись, потому что получилъ телеграмму такого содержанія: «воззваніе переписи отмѣнить». Нужно было отмѣнить показавшееся крамольнымъ воззваніе, въ которомъ просили населеніе о «довѣріи», а онъ обрадовался и отмѣнилъ перепись.

Послѣ этого перо мое пошло по бумагѣ вольно и легко. Было тутъ сколько угодно «въ», «къ»,

*) См. «Совр. Зап.» № 6.

«съ», «и», «запятая», были и такія слова, какъ «самоустрояющіеся» и т. д. Когда я кончилъ телеграмму и подаль ее барышнѣ, барышня точно предвкушая огромное наслажденіе, вмѣсто того, чтобы считать слова, стала читать текстъ длинной депеши. По тому, какъ она удобно устлалась на стулѣ, спустила ниже лампочку, отодвинула ненужныя бумаги можно было подумать, что она сейчасъ получила для чтенія «Ключи счастья» Вербицкой и собирается умереть отъ восхищенія. Я глядѣлъ на ея оживленное лицо, слѣдившее за ходомъ моей телеграфической беллетристики, думалъ о сѣрыхъ дняхъ ея сѣрой совѣтской службы, гдѣ ея маленькая головка и голодное сердечко ничѣмъ инымъ, какъ безмѣрно длинными депешами пробажающихъ Хлестановыхъ питаться не могутъ.

Дойдя до словъ — «психологически дезорганизованы», она не безъ видимаго удовольствія прочла ихъ вслухъ, а затѣмъ еще разъ уже въ видѣ вопроса: «психо-ло-ги-чес-ки дезорганизованы — не такъ-ли товарищ?»

— Совершенно вѣрно, — товарищ! — поддерживалъ я ея труды по изученію россійской словесности.

Я ушелъ, оставивъ блѣдную въ кудряшкахъ совѣтскую барышню въ явно психологически дезорганизованномъ состояніи...

На улицѣ возлѣ милиціи стояли милиціонеры, барышни въ платочкахъ, лугали съ мячки и оживленно о чемъ-то болтали. Была въ воздухѣ какая-то благодатная тишь, спустилась вечерняя прохлада, блѣдный ликъ луны среди наступающихъ сумерекъ глядѣлъ на милицѣйское управленіе съ величайшимъ изумленіемъ, точно за три года существованія совѣтской власти онъ впервые увидѣлъ эту новую вывѣску на старомъ зданіи.

На узенькомъ, выложенномъ краснымъ кирпичемъ тротуарѣ было очень чисто, такъ чисто, что невольно вспоминались старыя полицейскіе участки въ маленькихъ грязныхъ городкахъ юга, въ которыхъ, какъ и нынѣ, часто бывало только возлѣ «полиціи». Какъ и въ тѣ времена лиловый воздухъ прорѣзали черныя искры мчавшихся куда-то ласточекъ и проплывали мягкія струи липоваго аромата.

Милицѣйскій, откинувъ ногу, билъ себя нагайкой по ляжкѣ, барышня въ платочкѣ, потупившись, глядѣла на его ядренный, артистически вычищенный ваксой сапогъ, который, видимо, доставлялъ большое удовольствіе своей крѣпостью, чистотой и, должно быть, и происхожденіемъ, не только ей, но и его нынѣшнему владѣльцу.

Было хорошо. Было хорошо жить и дышать и не думать о томъ, что вотъ я завтра соберу

переписчиковъ, чтобы «подтолкнуть», а они, не зная — какъ въ я: изъ «тѣхъ» или своей брать, будутъ скорбно и униженно жаловаться на то, что никакого продовольствія имъ не даютъ, что приходится драть сапоги во время обхода дворовъ, что наисходъ нарандаши и новыхъ не даютъ и т. д. и т. д. И жалуюсь на все, вплоть до собакъ, недружелюбно встрѣчающихъ переписчиковъ, они будутъ думать о томъ, что я сейчасъ-же напишу «въ центръ» и центръ сейчасъ-же все это пошлетъ...

Отъ этихъ, вдругъ овладѣвшихъ мною тоскливыхъ размышлений я отвлекся видомъ двухъ арестованныхъ мужичинъ, которыхъ вели четыре вооруженныхъ человека. Арестованные похожи были больше на мужиковъ. Шли они съ тупой покорностью, не оглядываясь по сторонамъ. Видъ у нихъ былъ такой, точно сейчасъ ихъ сняли съ работы, сказали имъ — «пойдемъ», и они пошли, насколько не думая куда, зачѣмъ и когда вернутся. Ни одному изъ нихъ, видимо, не пришла въ голову простая мысль сказать: «занятъ, вишь, работаю». До того ихъ движеніе по улицѣ было тоскливо обыденнымъ, бездумнымъ, безстрастнымъ. И показалось мнѣ въ тотъ моментъ, что такъ вотъ по святой Руси ходятъ взадъ и впередъ крестьяне, мѣщане, мастеровые, рабочие, — ходить, неправдой горимые, не зная куда и зачѣмъ и что ничего «страшнаго» въ этомъ скитальчествѣ нѣтъ, а что это

у насъ въ Россіи древній промыселъ, побочное занятіе: когда кирпичъ кладесть, дубину тешеть, станокъ вертеть, товарь складываетъ, сѣно косить, а когда въ арестантахъ ходить. И все едино, и нѣтъ начала, и нѣтъ конца, и въ этой сѣрой извѣчной маелѣ — рожденіе, трудъ и смерть — равно невольная дань, сошедшему съ безстрастныхъ небесъ, приговору.

Всѣ прохожіе робко, не очень замѣтно, смотрѣли на эту процессію, смотрѣли такъ, чтобы не видѣли другіе, на что они собственно смотреть. Этотъ робкій, пугливый взглядъ на арестантскую процессію я слишкомъ хорошо зналъ по наблюденіямъ всѣхъ лѣтъ большевистскаго владычества. И какъ всегда, ни одинъ человекъ не рѣшился спросить другого: откуда ихъ ведутъ, куда, кто они такіе, за что ихъ взяли? Ибо и тотъ, кто рѣшился-бы спросить, и тотъ, кто рѣшился-бы отвѣтить, не знали-бы какъ заговорить такъ, чтобы сразу видно было, что имъ самимъ, собственно говоря, никакого дѣла до этого нѣтъ, т. к. они благонамѣренные граждане социалистической республики, всецѣло занятые «безпартийными» заботами о ея процвѣтаніи.

Пока цѣль — не суйся. А тамъ дойдетъ очередь, — узнаешь куда, зачѣмъ и откуда.

Процессія прошла. Милиционеръ все продолжалъ кокетничать своимъ сапогомъ. Я направился къ нему, чтобы спросить, гдѣ живетъ помощникъ

начальника милиціи Еловскій, къ которому у меня было рекомендательное письмо главнымъ образомъ насчетъ табуку для меня и для всей нашей статистики.

— Еловскій? почему-то странно улыбулся милиционеръ. — Василесандровичъ? — Розенталь! кликнулъ онъ сидѣвшаго у окна за столомъ писаря, — тутъ Еловскаго спрашиваютъ.

Меня начала тревожить эта перепланировка милиционера съ писаремъ. Почему бы не сказать сразу, гдѣ живетъ Еловскій? Причемъ здѣсь Розенталь? Я въ душѣ хотѣлъ бѣжать, проклиная себя за глупую попытку сближенія съ полиціей, но надо было выдержать фасонъ и, придавъ себѣ независимо-свободный видъ «своего» человѣка, я направился черезъ дверь къ Розенталю.

При свѣтѣ лампочки я сразу почувствовалъ, что отъ Розентали, явно изможденнаго муками неудачника-экстерна юноши, никакого худа не будетъ. Онъ при моемъ приближеніи почему-то привсталъ и сказалъ: — Извиняюсь, товарищъ. Еловскій здѣсь ужъ не живетъ. Онъ перепровожденъ въ... свое ч. н.

— Молодецъ! — сказалъ я притворно, хотя думалъ въ это время совсѣмъ о другомъ: а вдругъ и въ... своемъ ч. н. онъ ужъ тоже не живетъ, «перепровожденный» на тотъ свѣтъ?

Розенталь еще болѣе притворно осклабился, отчего его тонкія, худыя щеки показались

мнѣ двумя тряпочками протянутой отъ скулъ къ челюсти темной резины.

— Э, — кубы...

Что это значило, я понялъ при выходѣ, когда въ сѣняхъ я замѣтилъ огромное количество кубовъ для самогонки, загадочно темнѣвшихъ нѣсколькими рядами отъ пола до потолка съ поворотомъ въ пространство между потолкомъ и верхомъ широчайшей кафельной печи.

Эти кубы, которые мнѣ встрѣчались въ пути нѣсколько разъ, путешествующіе подъ охраной изъ деревень въ ближайшій городокъ, должно быть и привели къ тому, что Еловскій перемѣнилъ одну казенную квартиру на другую. Всѣ всюду знали, что за неособенно высокой натуральной налогъ кубы можно было доставать тамъ, куда ихъ то и дѣло съ милицейской помпой забирали.

Очутившись на улицѣ, я первымъ долгомъ принялъ мѣры къ тому, чтобы сплавить куда-нибудь записку къ Еловскому. Озираясь пугливо, но такъ, чтобы не видно было, озираюсь ли я, я опустилъ записку въ такое мѣсто, какое мнѣ показалось достаточно надежнымъ.

Но что-же дѣлать дальше! Весь вечеръ еще впереди, тоска на сердцѣ ужасная, на улицахъ два человѣка изъ пяти кажутся чекистами... И все скверно: и небо скверное, и вѣтеръ вмѣсто липоваго аромата доносить съ базара вонь гниющихъ отбросовъ, и на ночлегъ

идти не вмоготу, и ни съ кѣмъ нелая перебраться парой человѣческихъ словъ — прямыхъ, доврчивыхъ, простыхъ.

Занявшись чтеніемъ заборной литературы, я нашелъ объявленіе о дѣтскомъ спектаклѣ, устраиваемомъ мѣстнымъ «пролеткультомъ». Сюда я и направился въ поискахъ развлеченія.

* * *

Довольно большой, затхлый и сырой сарай былъ полонъ дѣтьми въ перемежку со взрослыми. Было много и красноармейцевъ, чиновъ «Вохры» и вообще всякаго начальственнаго люда.

Заиграла музыка. Это былъ кошмаръ. Я подумалъ, что подь такую музыку хорошо было бы разстрѣливать въ ч. к. Тамъ для этого пускаютъ моторъ грузовика, а дѣтъ каждый инструментъ былъ грузовикомъ, прыгающимъ при томъ по-адски ухабистой дорогѣ. Сарай, кромѣ того, обладалъ изумительной акустикой. Стоило тромбону одинъ разъ ревкнуть: ахъ! какъ сарай заливался неистовымъ лаемъ. Стоило барабану разъ бахнуть: ба-амъ! какъ сарай изображалъ въ звукахъ ту сцену изъ оперы «Самсонъ и Далила», гдѣ рушится храмъ съ филистимлянами. Стоило тарелкамъ разъ зазвенѣть: даинь! какъ сарай радостно открывался крушеніемъ оптоваго склада посуды.

Я замѣтилъ на дѣтяхъ, что они сразу пришли подь влияніемъ этой музыки въ сильно

возбужденное состояніе. Когда музыка смолкла, закончившись всесвѣтлымъ крушеніемъ, дѣти вскочили со своихъ мѣстъ, перебѣгая изъ ряда въ рядъ, затѣвая драки изъ-за стула. На балконѣ, куда вслѣдствіе высокихъ цѣнъ, собралась вся дѣтская голь, гражданская война изъ-за мѣстъ приняла особенно грандіозные размѣры.

Въ это время на сцену вышла какой-то распорядитель и сталъ кричать и грубо выговаривать взрослымъ, что они мѣшаютъ дѣтямъ. «Дѣтямъ первое мѣсто!» Закончилъ онъ свою рѣчь самодвольной сентенціей и тутъ-то я хотѣлъ уловить специфически пролеткультовое во всемъ этомъ кошмарѣ. Но эта сентенція имѣла неожиданный результатъ. Услышавъ, что дѣтямъ — первое мѣсто, галерка поняла это буквально и съ криками «ура» лавина дѣтишекъ молодымъ галопомъ бросилась внизъ и ринулась по сараю на первыя мѣста. Имъ удалось шумомъ, гамомъ и толкотней поднять съ мѣста около десятка красноармейцевъ, сшибить рядъ совѣтскихъ дамъ и барышень. Стоявшій на сценѣ совѣтскій Фребель, замѣтивъ неожиданный результатъ своей сентенціи, сталъ улыбаться дурачной улыбкой растерянности и, наконецъ, махнувъ рукой скрылся. Дѣти при папашахъ и мамашахъ были явно побѣждены дѣтьми, папашамъ и мамашамъ которыхъ было не подь силу купить билетъ и для себя и для своихъ дѣтей. Не

безъ злорадства я наблюдалъ эту побѣду пролетаріата надъ буржуазіей, одержанную вопреки видамъ и намѣреніямъ пролетарской власти.

Кое какъ воцарился порядокъ. Началось настоящее представленіе. На сцену опять вышелъ Фребель и произнесъ рѣчь о дѣтяхъ, III интернаціональ, культурѣ, красной арміи, Ленинѣ, Деникинѣ, пролеткультѣ вообще и Д-скомъ пролеткультѣ въ особенности. Когда онъ говорилъ, сидѣвшій за піанино молодой человѣкъ, стриженный ежикомъ, въ необыкновенномъ волненіи слѣдилъ за его жестикуляціею, растопыривъ въ готовности руки и пальцы надъ клавиатурой, чтобы, не теряя ни мгновенія, сразу-же увѣнчать концемъ пролетарской рѣчи началомъ пролетарскаго гимна. Признаться, мнѣ передалось его волненіе, до того напряженно-терроризованной была вся его фигура. Разъ пять мнѣ казалось, что вотъ... надо начинать; мнѣ страшно становилось, что если онъ прозѣваетъ или, упаси Боже, начнетъ раньше времени — его укутутъ въ чекъ. Моментами казалось, что и Фребель потому, собственно говоря, не кончаетъ, что не увѣренъ, хорошо-ли нацѣлился, чтобы во время выстрѣлить, стриженный ежикомъ таперъ.

Ребятишки тоже весьма напряженно слѣдили за Фребелемъ, нетерпѣливо ожидая, когда-же можно будетъ закричать «ура», захлопать ладоша-

ми и вообще пошумѣть. Одинъ разъ, когда Фребель, сдѣлавши шагъ впередъ, заявилъ, что «надъ міромъ зарѣтетъ красное знамя III интернаціонала» и замолчалъ на мгновеніе, доведшее насъ, т. е. меня и тапера почти до обморока, ребята рѣшили, что теперь самый разъ дать волю своему восторгу. Я ужаснулся: я видѣлъ, что онъ не кончилъ, а таперъ вотъ вотъ спуститъ до времени курокъ.

Кончилось дѣло благополучно. Ораторъ посмотрѣлъ сначала на тапера, а затѣмъ на публику такимъ свирѣпымъ взглядомъ, что всѣ поняли неумѣстность своихъ преждевременныхъ восторговъ. Скоро онъ и совсѣмъ кончилъ. Таперъ во время ударилъ со всей силой накопившагося въ его бѣдной душѣ страха по клавишамъ. Вышло однако неудачно, т. к. дѣти опять закричали «ура», сарай-же любилъ трамбонъ, барабанъ и тарелки и не любилъ піанино, благодаря чему звуки «третьяго интернаціонала» терялись среди шума галдѣвшихъ ребятъ и встававшей публики.

Во все время исполненія интернаціонала Фребель стоялъ такъ, какъ стоитъ бригадный генераль при исполненіи «Боже царя храни». А затѣмъ, когда музыка кончилась Фребель ушелъ и сади за нимъ, какъ аккомпаниаторъ за концертной пѣвицей, почтительно и жеманно попледалъ и таперъ.

Послѣ этого была поставлена при участіи дѣтей пьеска. Была тутъ сиротка, злой дядя, доб-

рая тетьа и еше болѣе добрая няня. Дѣти играли съ увлеченіемъ, и мальчикъ, игравшій алого дядю, каждый разъ, когда употреблялъ не то слово, какое значится по роли, поправлялся: «виновать», а одинъ разъ сказалъ даже «извиняюсь», послѣ чего произносилъ надлежащее слово. Затѣмъ мальчики и дѣвочки, начиная 6 и кончая 17 лѣтними исполнили все, что они умѣли на пианино, на скрипкѣ, читали, пѣли. Это было скорѣе всего публичный экзаменъ, но было мило. Одно меня только поразило: всѣ исполнители были дѣтскими мѣстными какъ додушенными, такъ и недодушенными буржуевъ. Дѣти показывали то, что имъ давалось буржуазнымъ прошлымъ и настоящимъ ихъ родителей. Дѣтей нищеты здѣсь не было.

Спектакль кончился поздно. Подходялъ тотъ часъ, послѣ котораго запрещено было показываться на улицѣ. Съ огромнымъ облегченіемъ всѣ узнали, что конецъ, т. е. вновь тромбонъ зарывался: авъ, авъ, авъ...

Но тутъ на сцену поднялся какой-то господинъ во френчѣ, украшенный въ разныхъ направленіяхъ ремнями съ кобурой на бодрѣ, сдѣлать знакъ немедленно умолкнушей, точно внезапно захохотавшей, музыкѣ и завылъ:

— Граждане! Вниманіе и спокойствіе! Прошу соблюдать тишину. Въ сараѣ воцарилось мрачное, гробовое молчаніе. — По постановле-

нію чрезвычайной комиссіи по борьбѣ (слѣдовать полный титулъ чека) у всѣхъ собравшихся будетъ произведена провѣрка документовъ. Сначала выйдутъ военные. Затѣмъ дѣти, затѣмъ женщины, затѣмъ всѣ остальные. Прошу не волноваться и соблюдать порядокъ...

Сказалъ и сопелъ, видимо довольный гектаннымъ распредѣленіемъ очереди выхода, при которой дѣти должны были выходить отдѣльно отъ родителей. Случилось однако такъ, что почти всѣ дѣти остались. Дѣти при родителяхъ крѣпко прижались къ нимъ, а дѣти безъ родителей въ большинствѣ остались, любопытствуя, какъ это чека будетъ провѣрять.

Въ сараѣ началось ужасное волненіе. Въ эти минуты провѣрокъ обладатель самаго крѣпкаго и добротнаго документа, но не коммунистъ, чувствуетъ себя несчастнымъ зайцемъ, которому нужно доказать, что онъ не верблюдъ. Дѣти не хотѣли выходить безъ матерей, матери не хотѣли выходить безъ мужей. «Гдѣ Мусенька, гдѣ Мусенька» истерически кричала какая-то женщина, крѣпко держа за руку дѣвочку. Отдѣленный отъ жены нѣсколькими людьми, мужъ, державшій за руку мальчика, сталъ сердито кричать:

— Ну, чего, кричишь, ну? — держишь Мусеньку и кричишь.. Ну, давай свой документъ.

— Такъ я вѣдь Ваню, Ваню ишу, ну что ты? — отвѣтила она плаксивымъ голосомъ.

Ваня, услышавъ свое имя и плачущій голосъ мамы, не удержался и заплакалъ уже во всю:

— Мама, мамочка...

Около часа длилась провѣрка... Отецъ, державшій Ваню, демонстративно... спалъ на стулѣ. Возлѣ него сидѣла жена съ Мусей. «Я не буду толкаться! — рѣшительно заявилъ онъ и закинулъ назадъ голову. Покорная, смятая сидѣла жена. Я вышелъ тоже въ числѣ послѣднихъ.

Было на улицѣ безлюдно, тихо. Далеко заливались псы. Луна перестала изумляться и глядѣла внизъ, все понимавшая и все простившая. Благополучно дошелъ до ночлега безъ инцидентовъ, хотя часъ уже былъ незаконный. Было на душѣ чадко, гадко. Долго не могъ заснуть. Зарывался въ грязную подушку и бессильно проклиналъ...

Какое-то нестерпимое чувство усталости овладѣло всѣмъ тѣломъ. Закрывалъ глаза и тотчасъ-же вмѣсто сна налетали кошмары. Телеграфистка жаловалась Еловскому: «я психологически такъ дезорганизована»... Еловскій наливалъ въ рюмку зеленая капли и отвѣчалъ ей: «это очень помогаетъ». Но вдругъ въ комнату влетѣлъ Розенталь и сталъ кричать: «это ядъ, это ядъ, не пейте!» Тогда Еловскій схватилъ самогонный кубъ и сталъ туда уминать Розенталя. Розенталь исчезъ. Но скоро просунулъ черезъ дно ноги и вотъ кубъ

побѣжалъ на человѣческихъ ногахъ по длинной дорогѣ. Я сталъ кричать: Розенталь, Розенталь! — вы запачкаете мои сапоги! Но кубъ меня не слушалъ и бѣжалъ дальше. Мои сапоги покрывались ужасной грязью. Меня охватило невыносимое отчаяніе. Я сталъ плакать, жаловаться кому-то на постигшее меня несчастье. И вдругъ я замѣтилъ, что кубъ бѣжитъ босякомъ. Я рванулся, чтобы догнать злоумышленника и... очнулся.

Сердце безумно колотилось въ груди. Страшно стало засыпать. Мучительно было не спать. Тихо, только губами выводилъ медленно по слогамъ: про-кля-ты, прокля-ты... про-кля-ты...

* * *

Утромъ, разбитый душевно и физически, я собралъ переписной персоналъ, чтобы спросить, не требуется-ли какихъ разъясненій къ полученнымъ печатнымъ инструкціямъ о заполненіи переписныхъ бланковъ. Никаныхъ поясненій никому не нужно было. Все всѣмъ было ясно. Съ перваго-же момента разговоръ перешелъ на удовольствіе, обувь, «прозодежду»; карандаши, папки для бумагъ, перья и т. п. Мнѣ прямо въ носъ совали обгрызки карандашей, которыми дѣйствительно невозможно было писать, требовали отъ меня переписныхъ ножей, т. е. карандаши были дрянные и крошились при самомъ легкомъ нажимѣ.

Учитель переписчикъ всталъ со скамьи, поставилъ на нее ногу и сталъ демонстрировать передо мною свою обувь: невѣроятно изодранный сапогъ, перевязанный въ разныхъ направленияхъ веревочкой. Завѣдующій переписнымъ отдѣломъ сталъ укорять владѣльца этого сапога.

— Что-же вы хотите отъ товарища инструктора? Онъ не интендантъ!

Тутъ заговорили сразу всѣ. Послышались голоса: мы не можемъ такъ работать. Пусть телеграфируетъ въ центръ. Мы не обязаны — мы мобилизованные!

Послѣднее восклицаніе меня поразило больше всего. Они не считали себя обязанными какъ разъ потому, что ихъ мобилизовали. Это замѣчаніе опрокидывало всю организацію переписи, построенную всецѣло на принудительной мобилизаціи персонала. Впрочемъ оно опрокидывало и всю совѣтскую систему въ цѣломъ.

Я ничего не могъ возразить. Опять я опуталъ локъ своего положенія. Ну что сказать голоднымъ, оборваннымъ, измученнымъ людямъ? Что я могу имъ сказать отъ имени

совѣтской власти? Самымъ «государственнымъ» образомъ поведенія съ моей стороны было-бы отправить того, что сказалъ: «мы не обязаны». въ чека. Но это былъ не первый и не послѣдній случай, когда я оказывался совершенно чуждымъ государственныхъ идей.

Я сталъ въ отвѣтъ что-то бормотать, ссылаясь на то, что въ другихъ мѣстахъ переписчики тоже ничего не получили, что мы сами, т. е. уѣздное статистическое бюро, ничего не получаемъ (до сихъ поръ не могу понять, зачѣмъ я совралъ, — кое-что мы получали), и что въ концѣ концовъ я совершенно безсиленъ имъ помочь.

Съ тѣмъ и ушелъ, обѣщавъ протелеграфировать въ центръ. Ушелъ, ни слова не посвятивши «инструкціи», съ отвратительнымъ осадкомъ на душѣ.

Скорѣе вонъ изъ этого гнуснаго, грязнаго городка, навсквозь прогнившаго провинціальной совѣтчиной! Скорѣй въ поле, на дорогу подъ ласковое небо, льющее благодатные потоки свѣта, тепла и воздуха...

В. Н. Талинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ДВА ПОЛЮСА РУССКОЙ МУЗЫКИ.

Можно было-бы сказать — два полюса русскаго искусства, а не одной только музыки.

Дѣйствительно, мнѣ кажется, что въ лицѣ Скрябина и Стравинскаго мы имѣемъ передъ собою представителей

двухъ различныхъ тенденцій русскаго искусства, тенденцій основныхъ и полярно-противоположныхъ, проявляющихся, и въ музыкѣ, и въ литературѣ, и въ живописи. Періодами борьба между ними затихала, и взаимное напряженіе ихъ ослабѣвало; являлись художники средняго типа, въ коихъ эти тенденціи болѣе или менѣе гармонично сочетались, чтобы, затѣмъ, вновь раздѣлиться и возстать одна на другую. То одна, то другая побѣждали въ тѣхъ или иныхъ областяхъ искусства... И вотъ, нынѣ, въ сферѣ музыки, онѣ столкнулись и обострились до предѣла, воплотившись въ двухъ композиторахъ громадной, хотя и неравной, быть можетъ, творческой мощи. Но, конечно, не въ томъ вовсе дѣло, кто изъ нихъ двоихъ выше въ чисто музыкальномъ отношеніи чей именно звуковой даръ непосредственнѣе, сильнѣе, ярче; подобнаго рода сужденія и оцѣнки насъ здѣсь вовсе не интересуютъ: они, эти художники, одинаково «репрезентативны», скажемъ, пользуясь терминомъ Эмерсона. Въ дѣятельности каждаго изъ нихъ отразился съ совершенной почти чистотою — поскольку вообще такая исключительность возможна въ человеческихъ предѣлахъ — одинъ определенный подходъ къ искусству, одно жизнеощущеніе и одно міросозерцаніе.

Сопоставленіе Скрябина со Стравинскимъ, сравненіе ихъ съ этой именно точки зрѣнія представляется мнѣ поэтому чрезвычайно интереснымъ.

Здѣсь, на кошкетномъ, яркомъ примѣрѣ мы имѣемъ возможность коснуться нѣкоторыхъ общехудожественныхъ и культурныхъ, проблемъ.

II.

Скрябинъ всецѣло погруженъ былъ въ стихію жизни. Искусство для него — служило жизни; оно было средствомъ повысить ея напряженіе, увеличить мощь ея, усилить блескъ; оно являлось средствомъ углубленія и осложненія жизни. «Искусство — дивное вино, повторялъ онъ часто, божественный напитокъ... Отъ этой жизни къ иной жизни — черезъ искусство».

Въ его глазахъ произведеніе искусства являлось своеобразнымъ резервуаромъ творческой энергіи, дающимъ возможность дѣйствовать на жизнь, индивидуальную и коллективную, на всю дѣятельность; съ помощью искусства мы эту дѣятельность и въ ней самихъ себя, реально измѣняемъ, преобразуемъ. Художникъ и всѣ тѣ, кто созерцаемъ участвуютъ въ его творческой дѣятельности — живутъ по новому, возносятся живанъ на инья, высшія ступени бытія. Въ этомъ обогащеніи жизни — вся цѣль искусства, а вовсе не въ томъ,

чтобы создавать цѣнные въ себѣ, вѣчныя произведенія.

Мы здѣсь узнаемъ романтической подходъ къ искусству, романтическую философію искусства. Скрябинъ, дѣйствительно, типичный романтикъ; въ немъ романтический духъ выразился съ наибольшей остротой и силой.

Слово «романтикъ» я беру, конечно, въ самомъ широкомъ смыслѣ: для романтика, для Новалиса, напр., къ которому Скрябинъ внутренно былъ такъ близокъ, цѣнна жизнь, какъ творчество; жизнь, т. е. творческая дѣятельность есть наивысшая, точнѣе — единственная подлинная цѣнность, значеніемъ и смысломъ одабряющая всѣ остальные. Продукты жизни, продукты творчества, созданія человѣческихъ рукъ — соборы, поэмы, картины, симфоніи, пѣсни, сами по себѣ — ничто: они лишь ступени, по которымъ восходитъ человѣкъ къ новымъ вершинамъ творчества. И въ этомъ восхожденіи, свободномъ, радостномъ — все. Творенія — только стимулы къ новымъ творческимъ подвигамъ, послѣдняя цѣль которыхъ — полное, безостаточное преображеніе всей природы, человѣка, животныхъ, косной якобы матеріи.

Объ этомъ мечтаетъ Новалисъ въ своемъ «Генрихъ фонъ Офтердингенъ». Этого хочетъ и Скрябинъ, который, кстати сказать, имѣлъ о Новалисѣ лишь очень смутное предста-

вленіе, со словъ, если не ошибаюсь, Вячеслава Иванова.

Съ этимъ жизнеощущеніемъ, съ этимъ созерцаніемъ міра подлѣ аспектомъ творчества, въ себѣ самомъ содержащемъ и законъ свой, и цѣль, и смыслъ, связано было у Скрябина эволюціонное пониманіе искусства: «вѣчныхъ» произведеній искусства, конечно, нѣтъ вовсе; созданія человѣка умираютъ точно также какъ и творецъ ихъ; сами по себѣ вѣдь, какъ таковыя, они ничто и роль ихъ кончается съ того момента, какъ дѣйствіе ихъ произведено, какъ съ помощью ихъ человѣкъ поднялся на высшую ступень, послѣ того какъ свѣтлое опьяненіе, ими принесенное, дало бытіе новымъ созданіямъ, которымъ въ будущемъ суждено также погибнуть.

И для собственныхъ твореній Скрябинъ исключенія никакого не дѣлалъ: ихъ тлѣнность онъ утверждалъ рѣшительно. Лишь послѣдній свой замыселъ — «Мистерію» — онъ выдѣлялъ, въ томъ имѣя смыслъ, что послѣ нея искусства уже не будетъ; она закончить, заключить исторію, осуществить послѣдній, высочайшій подъемъ человѣчества, въ радостномъ пламени котораго сгоритъ міръ.

Это исканіе конца, завершенности характерно для Скрябина какъ для романтика: романтизмъ вѣдь мыслить всегда бытіе завершеннымъ. Безконечность потенциальная,

безконечность ряда, та безконечность, которую Гегель звалъ «дурной» — унасааетъ его; онъ ея не принимаетъ, ибо мыслить бытіе замкнутымъ въ себѣ, и рядъ для него обращается въ кругъ; это—система, «актуальная» безконечность, но выраженію Георга Кантора. Наступить мигъ, который все объемлетъ, все объяснить, все завершить, въ которомъ истинный смыслъ свой, полноцѣнность свою обрѣтутъ внезапно всѣ предвидущіе моменты бытія: пусть это будетъ экстазъ, блаженная смерть, золотой вѣкъ, тысячелѣтнее царство, страшный судъ—исторія въ той или иной формѣ завершится, ибо абсолютное имманентно бытію.

Конечно, сказанное объ искусствѣ приложимо ко всѣмъ областямъ человѣческой дѣятельности. Вся культура для романтика Скрябина цѣнна лишь какъ продуктъ творчества, съ одной стороны, какъ возбудитель новаго творчества, съ другой. Наука, право, мораль цѣнны постолько, поскольку они способствуютъ расцвѣту творческой активности. Сами по себѣ — они прозрачны, и величайшая опасность для человѣчества есть поэтому «культурный фетишизмъ», т. е. обоготвореніе культурныхъ цѣнностей, преклоненіе передъ культурными благами какъ передъ цѣнностями въ себѣ, закрѣпленіе ихъ какъ вѣчныхъ, нерушимыхъ, строеніе культуры этажъ

за этажемъ на неизблемыхъ основаніяхъ, заранѣе, слѣдовательно, опредѣливъ характеръ и направленіе этого строительства.

Романтизмъ и гениальный, наиболѣе цѣльный его представитель, Скрябинъ мыслить такимъ образомъ культуру пластичной, какъ процессъ выдумки, изобрѣтенія, вся прелесть котораго въ его свободѣ. Отсюда — революціонность Скрябина и глубокая его враждебность къ современному западу.

Онъ любилъ и цѣнилъ западную культуру, но ужасался застылости, закованности ея формъ, грубѣйшему фетишизму ея, выразившемуся, между прочимъ, въ машинизмѣ, въ превращеніи человѣческой личности въ слугу машины, въ средство, въ аппаратъ для добыванія и выработки благъ, все равно какихъ, духовныхъ или матеріальныхъ; здѣсь разницы въ его глазахъ не было: человѣка на западѣ сковываютъ продукты его-же собственной дѣятельности. Значить-ли это, что нужно уничтожить культуру? Отнюдь нѣтъ! Но вернуть нужно ей ея текучесть, признать относительно ея цѣнности, утвердить первенство человѣка творца.

По музыкальному языку своему Скрябинъ чистый западникъ, наиболѣе, быть можетъ «анациональный» изъ русскихъ художниковъ звука. Во всемъ музыкальномъ творествѣ Скрябина нельзя отмѣтить ника-

нихъ слѣдовъ вліяній русской народной пѣсни или русскихъ плясовыхъ ритмовъ. Лишь одинъ разъ, въ началѣ, онъ какъ будто вспоминаетъ о русскихъ національных мотивахъ, да и то воспринятыхъ сквозь призму Чайковского (тема анданте фортепьяннаго концерта). Чужды онъ былъ вовсе вліяній Глинки и кучкистовъ, чужды онъ казался и ихъ идеологій. Шопенъ, Листъ и Вагнеръ — вотъ кто были его учителями и руководителями. Но этотъ западникъ, столь чувствительный къ прелестямъ европейской жизни, вѣрить, все-же въ особую миссію Россіи, ждетъ отъ нея чуда, знаетъ, что до конца любитъ его и понимаютъ только въ Россіи, утверждаетъ враждебность своего, революціоннаго по существу искусства западной застылой самоувѣренности, «западному накаливанію культурныхъ благъ», всей тяжестью своею и всей роскошью, сковавшихъ европейца.

Этотъ западникъ является въ сущности въ Европѣ глашатаемъ русскаго искусства, носителемъ типично русской идеи.

Дѣйствительно, скрябинскій романтизмъ, утверждающій приматъ свободнаго творчества, подчиняющій искусство жизни воплощаетъ одно изъ двухъ основныхъ теченій русской художественной мысли, то, которое породило въ сферѣ музыки Мусоргскаго, въ

сферѣ живописи — Передвижниковъ—Ге и др., въ области литературы таня, напр. разнообразныя явленія какъ Левъ Толстой и публицисты шестидесятихъ годовъ.

Что объединяетъ ихъ всѣхъ? Утвержденіе *дѣйственности* искусства. Признаніе за нимъ реальной силы, усмотрѣніе эстетической цѣнности предмета въ его способности возбудить кѣдѣйствію. Пусть этотъ критерій у однихъ носитъ моральный характеръ, пусть у другихъ онъ будетъ религіознымъ, социальнымъ, экономическимъ даже, — сейчасъ это вовсе не важно. Фактъ тотъ, что для нихъ всѣхъ, точно также какъ и для Скрябины, гдѣ тенденція эта предъ нами обнажилась, значеніе искусства опредѣляется жизнью, тѣмъ актомъ, который породилъ его и тѣмъ, который въ немъ укорененъ. Для нихъ всѣхъ, точно также какъ и для древнихъ иконописцевъ, эстетическое созерцаніе не есть любованіе, но оно обязываетъ къ дѣйствію, къ подвигу. Бездѣятельное искусство, бесплодное, не способное подвинуть насъ къ дѣйствію, безсильное воздѣйствовать въ томъ или иномъ направленіи на міръ — оказывается въ этомъ воспріятіи лишеннымъ эстетической значимости.

Конечно, черта эта ея особой рѣзкостью сказывается въ русской литературѣ, которая вся почти живетъ этой вѣрой въ дѣйственную мощь словеснаго искусства, моральную

религиозную, социальную. У Скрыбина слово приобретает уже мистическое, магическое значение: но этотъ «орфейзмъ» — (Мифъ объ Орфеѣ онъ толковалъ какъ воспоминаніе объ историческомъ фактѣ) лишь степенно отличается отъ утилитаризма шестидесятниковъ, отъ морализма Толстого, Искусство въ этой концепціи есть путь къ спасенію, къ преображенію, своеобразное дѣланіе.

Какъ глубоко укоренено это сознаніе въ русскихъ художникахъ слова, показываетъ, между прочимъ, исторія символизма въ Россіи; воспринятое отъ Франціи какъ вполне определенное поэтическое ученіе, какъ теорія извѣстной литературной и только литературной школы, это ученіе въ твореніяхъ русскихъ символистовъ (исключая Валерія Брюсова, оставшагося чистымъ художникомъ) обратилось въ своеобразную мистическую доктрину, обросло моралью, религіей, философией; слово стало орудіемъ дѣйствія, поэты превратились въ мага, въ пророка.

Стремясь расширить предѣлы искусства, пытаясь слить его съ религіей, мечтая о спасеніи міра красотой, Скрыбинъ лишь осуществлялъ устремленія многихъ изъ лучшихъ русскихъ поэтовъ, музыкантовъ, живописцевъ.

Романтикъ, онъ работалъ, однако, надъ своимъ проявленіемъ какъ истинный классикъ; онъ любилъ художест-

венную форму, съ увлеченіемъ надъ нею трудился, ничего не оставлялъ недоделаннымъ, былъ строгимъ пуристомъ въ технику, всякую приближительность, случайность ненавидѣлъ. Онъ былъ всегда вѣрнымъ жрецомъ Аполлона, но въ храмъ его онъ входилъ и жертвы приносилъ ему лишь затѣмъ, чтобы, изъ храма выйдя болѣе мудрымъ и сильнымъ, дѣйствовать въ мірѣ и овладѣть человѣкомъ и природой.

III.

И.С. Стравинскій, какъ вѣрно замѣчаетъ его критикъ Ансэрмэ, приноситъ съ собою новое воспріятіе, новое ощущеніе искусства; правильнѣе будетъ сказать — не «новое», но воскрешающее старое, давно забытое въ чистомъ своемъ видѣ, классическое. Игорь Стравинскій — классикъ.

Для многихъ подобное определеніе прозвучитъ парадоксомъ: «классикъ» — это Моцартъ, Гайднъ. Что можетъ имѣть съ классицизмомъ общаго авторъ «Петрушки», «Весны священной», ниспровергатель всѣхъ законовъ въ царствѣ звука, буйный революціонеръ?... Но въ томъ именно и дѣло, что Стравинскій вовсе не революціонеръ и ничего не ниспровергаетъ. Оговариваюсъ: въ области звука — онъ геніальный новаторъ, открыватель неизвѣданныхъ еще путей; но характеръ его творчества — типично классическій,

во многом напоминающей искусство великих классиков XVIII в., германских и итальянских.

Музыка для него, совершенно также как и для них, существует сама по себе; она отдельная, самостоятельная область бытия. Он не видит в ней средства выражения, языка чувств, эмоций, настроений, отражения ощущений. Музыка его лишена лирики; для многих, следовательно она лишена самой музыки, того, что составляет сердцевину, сущность ее. Генетически — это, по всей вероятности так: музыка, действительно, родилась из лирического пения, но вопрос о происхождении известного явления нельзя смешивать с вопросом о сущности этого явления.

Французский музыкант Комбарье определяет музыку как искусство мыслить звуками; мне кажется, слово «мыслить» получает здесь чрезвычайно широкое и неясное, таким образом, значение. Я предложил бы поэтому сказать: музыка есть искусство действовать в звуках. Музыка есть особый род, особый модус деятельности, характеристикой которого является отсутствие пространственных признаков: если я начинаю действовать в чистом времени, и, обратно, сочинять, или слушать музыку — не что иное как пребывание в чистом

времени, действие в живой длительности. Эти определения надлежало бы, конечно, значительно развить и обосновать, но для нашей здесь цели они вполне достаточны.

Съ этой точки зрения искусство Стравинского — чистая музыка. В нем, быть может, мало чувства, оно недостаточно выразительно в психологическом отношении; но таковы его свойства, которые могут не нравиться многим, тем именно, которые хотят, чтобы музыка имъ что нибудь «говорила». Въ действительности, музыка Стравинского говоритъ имъ о многомъ, но не о личномъ его, субъективномъ, не о чувствахъ автора, мысляхъ, желаніяхъ. Она значительна, не въ психологическомъ, однако, смыслѣ, но, если можно такъ выразиться, въ «космологическомъ». Я сказалъ бы, что въ музыкѣ Стравинского поетъ не онъ самъ, но самыя вещи — сквозь и черезъ него. Можно подумать, что творческій процессъ въ Стравинскомъ состоитъ въ своеобразномъ самоотреченіи, въ какомъ то самоопустошеніи: вещи сами въ немъ обращаются въ музыкальныя системы, становятся текучими, выходятъ изъ пространства, приобретаютъ чисто временное бытіе и поютъ о себѣ. Стравинского самого нѣтъ въ «Петрушкѣ», въ «Исторіи солдата», въ «Веснѣ священной».

При этомъ, въ противоположность Скрябину, который въ

своемъ субъективизмѣ «скрибинизировать» весь космосъ, расширять лишь предѣлы своей личности, но не быть въ въ состояніи ихъ покинуть, Стравинскій не очеловѣчиваетъ природы, міра вещей, которые въ его музыкѣ продолжаютъ жить своей собственной жизнью. Жизнь эта регулируется въ искусствѣ Стравинскаго исключительно музыкальными законами, одинъ звукъ обрастаетъ другимъ, одна фраза порождаетъ другую, развивается, варьируется, сочетается съ другими по опредѣленнымъ звуковымъ нормамъ, столь же своеобразнымъ, столь же чуждымъ законамъ психическаго бытія какъ и логическія нормы.

Творенія подобнаго художника не выдаютъ себя за дѣйствія, за магическіе акты, за конденсаторы психической энергии, способные повысить напряженіе жизненнаго тона и возбудить къ творческому подвигу. Они суть звуковыя сгустки, музыкальныя системы, обладающія автономнымъ бытіемъ, собственнымъ значеніемъ. Они — продукты творческой энергии, послѣдняя цѣль труда художника, который, закончивъ свою работу, довольный своимъ созданіемъ, не ищетъ уже болѣе ничего за его предѣлами, наслаждаясь, любясь имъ.

Здѣсь, твореніе доминируетъ надъ творчествомъ, обращающимся въ средство, въ путь. Таковъ именно классическій подходъ къ искусству,

таково классическое жизненное. Твореніе — все; художникъ — мастеровой.

Типичнымъ художникомъ классикомъ былъ Флорберъ, для котораго жизнь являлась лишь матеріаломъ искусства, для котораго жизнь была синонимомъ не игры, какъ для романтика Скрябина, но труда, осмысленнаго художественнымъ созданіемъ, имъ выкованнымъ. Для Скрябина — человѣкъ всегда былъ значительнѣе его искусства, его твореній: гибель второй части «Мертвыхъ душъ» большая потеря, конечно, для искусства, говорилъ Скрябинъ, но жизненная драма Гоголя, пережитое имъ значительнѣе и полнокрѣпнѣе какаго бы то ни было шедевра, я за осложненіе и углубленіе своей внутренней жизни Гоголь не заплатилъ чрезмѣрной цѣной.

Не знаю, конечно, что сказалъ бы по этому поводу Стравинскій, но искусство его ясно говоритъ намъ о томъ, что передъ нами большой художникъ ремесленникъ; съ благодарностью, съ любовью взирающій на свой созданія, все стремленіе котораго въ томъ, чтобы сработать, написать хорошую вещь, нѣчто такое, чѣмъ останется, чѣмъ будутъ любоваться. Подобными мастерами и были Моцартъ, Гайднъ, Скарлатти и ихъ предшественники. Такимъ отчасти былъ и Бетховенъ; но съ Бетховена именно явился новый типъ художника-учителя жизни, мыслителя, пророка. Затѣмъ пришелъ

Листъ, артистъ, въ современномъ смыслѣ этого слова, т. е. человѣкъ, искусствомъ пронаходящій жизнь, въ искусствѣ ищущій стимуловъ къ жизни, пытающійся «жить» свои творческія мечты.

Искусство Стравинскаго отвѣчаетъ нынѣ запросамъ Запада; въ соответствіи полномъ оно находится со структурой, со всѣмъ характеромъ западной жизни.

По музыкальному языку своему Стравинскій—русскій, болѣе русскій чѣмъ кто-бы то ни былъ изъ его предшественниковъ и учителей, начиная съ Глинки и кончая Римскимъ-Корсаковымъ. Онъ, какъ будто, еще почвеннѣе ихъ, и нѣкоторыя изъ его «Прибаутки» напр., Русью пахнутъ, Русью сермяжной, открывеннѣе еще чѣмъ пѣсни Мусоргскаго. Онъ глубоко зачерпнулъ въ русскомъ фольклорѣ и вынесъ оттуда не только отдѣльныя мелодіи, отдѣльныя гармоническія обороты и ритмическія рисунки, какъ то дѣлали его предшественники, Глинки и кучкисты, но самыя законы строенія этой народной музыкальной рѣчи, ея синтаксисъ. И все-же, несмотря на это, онъ въ западной Европѣ—у себя; онъ Западомъ принять и понять лучше гораздо, чѣмъ выученикъ Шопена, Листа, Вагнера — Скрябинъ.

Причина тому — пропитанность искусства Стравинскаго классицизмомъ, подчиненіе въ его творчествѣ человѣка, че-

ловѣческой активности, всей жизни — созданію его собственныхъ рукъ, «вещность», однимъ словомъ, этого искусства, соответствующая вѣчному характеру современной западной культуры. Петрушка, Весна Пульчинелла — это именно чудесно сдѣланныя, драгоценныя вещи, алмазы, которыми можно любоваться, которые стоятъ внѣ жизни и живы собственнымъ, непреодолимымъ бытіемъ.

Здѣсь нѣтъ катастрофизма, и революціонный духъ въ этой музыкѣ вовсе отсутствуетъ. Здѣсь нѣтъ исканія, завершенности, стремленія къ замыкающему весь процессъ концу. Классическое мышленіе знаетъ лишь безконечность потенциальную, безконечность ряда; за однимъ шадевромъ — другой, за оперой — симфонія, балетъ, квартетъ, соната, еще и еще... Конца не можетъ быть: художникъ творить и трудится, возводитъ надъ жизнью дивныя созданія свои, предметъ всеобщаго любованья; созерцаніе ихъ — отдыхъ, перерывъ дѣятельности, слѣдовательно, — роскошь и, въ концѣ концовъ, развлеченіе.

Великолѣпное искусство Стравинскаго есть именно искусство эпохи человѣка-рабочаго, производителя благъ матеріальныхъ и духовныхъ, эпохи культурнаго фетишизма; въ лицѣ этого гениальнаго русскаго современнаго Западъ обрѣлъ своего художника.

Я указывалъ уже на связь

Стравинскаго съ европейскими музыкальными классиками XVIII вѣка, которыхъ онъ значительно превосходитъ въ законченности, цѣльности, послѣдовательности. Мгновеніями жизнь еще вторгается въ ихъ искусство и творенія ихъ — имѣю въ виду религиозную музыку, въ особенности — обращены одной стороной своей къ жизни, стремятся претворить ее, зовуть къ дѣятельности. У Стравинскаго же — связь окончательно порвалась, искусство его питается жизнью, но соки свои назадъ не возвращаетъ ей и не изливаетъ ихъ въ общій жизненный потокъ.

Подобное же точно отношеніе мы усматриваемъ между Стравинскимъ и русскими художниками классическаго типа, какъ Глинна, Римскій-Корсаковъ, какъ Пушкинъ и нашъ современникъ — Брюсовъ, какъ большинство художниковъ «Міра искусства» и теоретикъ этой группы А. Бенуа. Во всѣхъ нихъ классическія тенденціи хотя и превалируютъ надъ романтическими, но все же находятся съ ними въ тѣсномъ сочетаніи: Глинна близокъ по духу къ Моцарту, котораго онъ такъ любилъ; его оперы — прекрасныя, замкнутыя въ себя созданія, спо-

собныя лишь доставить чисто эстетическое наслажденіе. И все-же, въ «Жизни за Царя» заключено извѣстное моральное намѣреніе и слышится призывъ къ дѣлу. «Градъ Китежъ», опытъ русской музыкальной мистеріи, создававшійся подъ вліяніемъ «Парсифаля», свидѣтельствуегь опредѣленно о стремленіи Римскаго-Корсакова выйти хотя бы разъ за предѣлы чистаго искусства и эстетическаго любованія.

Но Стравинскій, подобно Скрябину, не знаетъ колебаній, сомнѣній и компромиссовъ на своемъ пути. Онъ послѣдовательнѣе всѣхъ, безъ всякихъ усилій, съ полной искренностью работаетъ надъ звукомъ, какъ архитекторъ — надъ каменными глыбами, какъ ювелиръ надъ золотомъ и драгоценными каменьями. И творчество его получаетъ свое признаніе, разивается естественно, вполне органично, представляется своеобразнымъ, необходимымъ даже въ той западной Европѣ, гдѣ культурное творчество стремится къ окончательной кристаллизаци, гдѣ, какъ будто, всевластно царствуетъ вещь, гдѣ жизнь пытается осмыслить количествомъ произведенныхъ благъ.

Б. Шлецеръ.

СЮАРЭСЪ.

Андрэ Сюарэсъ собралъ въ своемъ «Портретъ Просперо» книгу, какой не бывало въ тысячетомныхъ библиотекахъ шекспировѣдовъ. Собралъ, ибо этотъ волшебный лабиринтъ строился съ разныхъ концовъ и въ разное время. «Трагическій поэтъ» сложился почти весь въ дни неизмѣримо далекаго, между 1903 и 1907 годами, и вотъ, завершёнъ лишь сегодня. Книга пышная, извилистая и вѣтвистая, какъ чаша Арденскаго лѣса, съ тяжелыми пассажами тѣни и изверженіями свѣта. Критическія сужденія, приобретающія разительность черезъ параллели нечаянныя и небывалыя, перемежаются здѣсь съ лирическимъ напѣвомъ, гдѣ изливается собственное исповѣданіе Сюарэса. То онъ цитируетъ по англійскому оригиналу, но вотъ ужъ онъ самъ воплотился въ одного изъ героевъ Шекспира и импровизируетъ его устами. Есть главы просто составленныя, подобранныя изъ цитатъ, почти безъ толкованія. Лепетъ Шекспировыхъ любовницъ, слова завѣтныя выпущены словно голуби изъ клѣтки. Они сами долетятъ до читателя, сядутъ ему на плечо или на открытую ладонь... Афоризмы, «портреты» какъ называла критика эпохи Лабрюэра синтетическія характеристики людей замѣчательныхъ... Опять какъ сто лѣтъ тому назадъ въ бое-

вомъ памфлетѣ Стендаля традиціонная параллель Расина и Шекспира. Но номенклатурой главъ, разбуженныхъ отъ долгой спячки въ «Исторіяхъ литературы» темъ не исчерпаны и даже не затронуты очарованія этой книги.

Очарованіе это въ поглощающемъ, повышенномъ, восторженно-печальномъ чувствѣ жизни. Каждая строчка бьетъ алой кровью, образъ поэта осянетъ порфирой героизма; губительная прелесть Шекспировыхъ героинь, особо же Клеопатры, царицей въ этой диковинной и жаркой книгѣ, томить и пытается насъ какъ близость живой любовницы, желанной и недосягаемой. «Женщины и дѣвушки Шекспира», начертанныя Гейне, лишь блѣдныя романтическія виньетки передъ лицомъ этихъ страницъ.

Такова эта книга, пронизанная молніями мысли и страсти, для тѣхъ, кто отъ ея пламени зажжется; для многихъ же, навѣрное, лишь дымъ и пепель, тѣнь отъ тѣни.

Что возьметъ отъ нея хладнокровный, искушенный въ шекспировской контроверзѣ читатель? Въ ней вѣдь въ сущности и Шекспира нѣтъ, а есть его идеальное подобіе, «воображаемый портретъ», платоническая о немъ идея. Недаромъ самого имени Шекспира нѣтъ въ двойномъ заголовкѣ книги. Вся же сила и пол-

нота ея въ томъ, что Сюарэсъ дерзнулъ пройти мимо всего огромнаго, громоздкаго, сбивчиваго знанія нашего о Шекспирѣ, мимо Вавилонской башни книгъ, и приобщиться къ трагическому поэту съ полной наивностью, черезъ геній англійскаго языка. У цѣлага ряда главъ и отрывковъ книги англійскіе заголовки. Самая неожиданная изъ французскихъ книгъ! Отталкиваніе Шекспира французскимъ чувствомъ традиціонно, несмотря на выпады Стендаля, на хаотическую книгу Гюго, гдѣ онъ лишь обнажилъ пропасть между собой и Шекспиромъ, несмотря на популяризацию Мезьера. Какъ выразитель въ туль Вольтеръ, польвка бывшійся надъ Шекспиромъ, пытанійся вобрать его, переварить, но то и дѣло извергавшій его обратно съ хулой и пѣной на устахъ и, наконецъ, отрешившійся отъ этого навоеденія навсегда. Я какъ-то прослѣдилъ всѣ стадіи этого единоборства человѣка съ тѣнью. Еще примѣръ, не столь давняя книга историка литературы отнюдь небезызвѣстнаго, Жоржа Пелисье, имѣвшаго мужество съ поднятымъ забраломъ выступить противъ «Шекспировскаго предразсудка». Онъ подытожилъ и рационализировалъ глухое, но упорное сопротивление французской публики, галльскаго недовѣрчиваго ума напору шекспировской стихіи. Но откуда у гуманѣйшей

изъ культуръ, гдѣ человѣкъ поистинѣ «мѣрило всего» — по эллинскому реченію, — это неприятие Шекспира? Французская гуманность нормативна, вся въ равновѣсіи и мѣрѣ, гармоничная игра душевныхъ силъ. Въ Шекспирѣ же человѣчность явлена въ ея чрезвычайности, въ ея самосожженіи на кострѣ страстей и мечтаній.

И нужна сильная рука, чтобъ поднять французскую мысль на дыбы Шекспирова пофоса. Это дано было Сюарэсу въ его пылкой новизнѣ; въ чемъ-же суть и крѣпость этой новизны, — объ этомъ мы заключимъ отъ взгляда на его творчество въ цѣломъ.

2.

Въ развитіи всякой органической жизни все подвижно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, все слитно: одно явленіе вырастаетъ изъ другого. Таковъ, конечно, и жизненный процессъ французской литературы; подъ многообразіемъ таится прочная послѣдовательность; звенья не разсыпаются: они спаяны. Такъ символизмъ выросъ на почвѣ, воздѣланной натурализмомъ: здѣсь заложены корни его призрачнаго цвѣтѣнія. Такъ разложеніе символизма, склонившагося къ ущербу, образовало плодородные пласты, въ которыхъ зародилось новое движеніе. Этотъ-то напоръ новой стихіи идей и чувствованій, пульсированіе обновленной крови ощущался за по-

слѣдніе передъ войной годы совершенно явственно. Однако волнуемая и обнадеживающая повизна не отложила еще тогда въ пластически четких формахъ и формулахъ, не уяснена и вывѣрена его сегодня.

У молодой французской литературы нѣтъ еще стройно очерченной идеологии и эстетики. Она представляется еще разъединенной, расщепленной, распяленной. Никогда еще не было, быть можетъ, такого множества лозунговъ и группировокъ; но за этой дифференціаціей уже чувствуется тяготѣніе къ внушительному единству. Это-то тяготѣніе и объединили, повидимому, еще въ первые годы нашего вѣна, художниковъ столь разнообразнаго склада вокругъ единого дѣла: тѣхъ «Двухнедѣльныхъ тетрадей», въ провинціальномъ, хоть и почти вовсе изъ суетнаго взора сокрытомъ, значеніи которыхъ, приходится нынѣ то и дѣло убѣждаться. Къ кругу «Cahiers de la quinzaine» принадлежали на ряду съ Ромэномъ Ролланомъ, Пьеромъ Миллемъ, братьями Таро, Пьеромъ Гампомъ также и Андрѣ Сюарэсъ. И его, какъ прочихъ, привлекло въ журналъ Шарля Пегги предпочтеніе творческаго подвига легкому и быстрому успѣху. Послѣ закаляющаго искуса въ этомъ суровомъ литературномъ скитѣ Сюарэсъ продолжаетъ свою дѣятельность преимуще-

ственно въ журналѣ «Nouvelle Revue Française», постепенно выдвинувшемся на кауру войны на постъ «Офиціоза» молодыхъ, какимъ былъ въ теченіи двухъ десятилѣтій «Mercure de France». Сюарэсъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, кому теперь нѣсколько за сорокъ лѣтъ (объ этомъ заключаю изъ хронологіи его писанія) значить, онъ восходитъ къ своему зениту, зрѣлый вполнѣ, но обращенный еще къ будущему.

3.

Было бы чрезвычайно трудно, да и праздно свести побужденія, движущія его мыслью, къ четкимъ идеологическимъ схемамъ. Сюарэсъ чуждается суетности (такъ выражается онъ самъ) отвлеченныхъ опредѣленій; книги его — камни зданія, не имѣющаго еще имени; богъ, которому это зданіе служить храмомъ — еще невѣдомъ: вѣриже, онъ лишень каноническаго облика; духъ еще не окаменѣлъ въ мраморѣ.

Если же выразить хотя бы въ обнаженныхъ и недостаточныхъ словахъ существо его исповѣданія, — онъ видитъ законъ искусства и жизни въ полнотѣ творческаго переживанія. Онъ провозглашаетъ безплодіе отвлеченнаго интеллекта, тщету пониманія и торжество чувства. Извилинамъ самодвольной мысли онъ противопоставляетъ прямое пламя страсти. Тайна бытія открыта

для насъ лишь въ тѣ мгновения! — когда мы причащаемся чего въ любви или ненависти. Въ стихійной силѣ «сопереживания», въ безостаточной полнотѣ волевого устремленія — смыслъ жизни и путь къ ея уразумѣнью.

«Онъ никогда не входилъ въ соборъ; — такъ говоритъ Андра Сьюарсъ о своемъ вымышленномъ двойникѣ Каэрдалѣ*) — безъ того, чтобы принять участие въ обѣднѣ. Онъ ни разу не помыслилъ о политикѣ, не содрогнувшись отъ мысли, что не ему принадлежитъ царство. Онъ всегда былъ раздвоенъ между страстями героевъ и призваніемъ святыхъ. Вотъ почему онъ былъ художникомъ. Ему представлялось, что благородная жизнь должна посвятить себя творчеству и завершиться святостью».

Изъ жажды любви и воли къ власти слагается героическое искусство Сьюарса-Каэрдаля; въ подобныхъ лозунгахъ изливало новое французское поколѣніе избытокъ невоплотившихся силъ въ дни, когда возможная война лишь маячила впереди, грозная, но почти желанная.

Оправдана ли столь возвышенная, столь торжественная концепція творчества собст-

*) Подъ именемъ Каэрдаля, напоминающемъ своимъ звучаніемъ древнія роцарскія легенды Бретаніи, вѣль Сьюарсъ въ летопись текущей науки въ упомянутой мною «Nouvelle Revue Française».

веннымъ вкладомъ писателя? Мы рѣшаемся отвѣтить утвердительно. Книги Сьюарса носятъ печать необычайнаго.

Онъ не романистъ и вообще не повѣствователь. Написанное имъ всего болѣе приближается къ ставшей уже традиціонной формѣ «essai», восходящей къ Монтэню и утвержденной Эмерсономъ. Но между тѣмъ, какъ преемственный типъ «essai» представляетъ — по существу самаго формальнаго опредѣленія своего — дальнѣйшее развитіе афоризма, очерки и замѣты Сьюарса подобнаго логическаго, силлогистическаго, стержня лишены. Они созданы средствами чисто акустическаго и ритмическаго внушенія, ритма и эпитета и объединены общностью настроенія: то портреты людей, городовъ, зданія и предметовъ, красочныя и углубленныя страстностью «видѣнія», облики дѣйствительности.

Не вѣрится пороку, чтобы изъ французскаго словаря, дивнаго но труднаго инструмента, на которомъ играло столько поколѣній мастеровъ рѣчи, отъ Шатобріана до Маллармэ можно было бы извлечь такое обиліе новыхъ звучностей и неиспытанныхъ еще внушеній. Богатство и новизна «дикціи» Сьюарса чрезвычайны. Въ этомъ то и заключена тайна всякаго творческаго стиля: въ нахожденія новыхъ отношеній между старыми словами. Бываютъ прилагательныя, отъ сосѣдства

которыхъ самое невзрачное, самое истертое въ обращеніи существительное начинаетъ сверкать какъ самоцвѣтъ; бывають эллипсисы; нарочитыя опущенія, въ построеніи обыденной фразы, подобныя «пролетамъ въ вѣчность». Даръ словеснаго творчества въ высшей степени свойствененъ Сюарэсу. Его метафоры умножаютъ конкретность, осязаемость и плотность образовъ и власть раскрываютъ ихъ самоволю, ихъ иносказательную значимость. Слова, столь вещественныя, что кажется возможнымъ чуть ли не взвѣсить ихъ въ рукѣ, въ то же время пронизаны молніей духа.

Но что за «безплодныя усиленія любви» — говорить на своемъ языкѣ о стилѣ иноязычнаго писателя; нельзя привести примѣра, произвольно не извративъ его транспонировкою. Здѣсь голословное утвержденіе, пожалуй, наиболѣе достаточный методъ.

Въ чередѣ сборниковъ, гдѣ цѣлый рядъ эпизодическихъ и яркихъ твореній объединенъ подъ заглавіемъ «О жизни» и «Идеи и прозрѣнія» (последняя книга содержитъ интересный цикл афористическихъ «размышленій о декадансѣ»), наиболѣе замѣчательнымъ представляется мнѣ «Путешествіе кондотьера». Внушаемая этимъ заглавіемъ мысль объ историческомъ романѣ не подтверждается. Миссія кондотьера — мирная. Онъ — завоеватель красоты, кресто-

носець истиннаго художества и дѣйственной жизни. Имя его — Каардамъ.

Очерки путешествія по Италіи? Тема, ставшая запретной для всѣхъ посредственныхъ наблюдателей, для всѣхъ «мыслителей изъ вторыхъ рукъ». Съ каждымъ памятникомъ искусства, съ каждой знаменитой «ведутой», съ именами городовъ, художниковъ и властителей связанъ цѣлый сонмъ готовыхъ ассоціацій. Казалось бы, каждое впечатлѣніе, которое можетъ даровать намъ Италія, не менѣе отшлифовано и вытерто комментаріями ученыхъ и лирикомъ поэтовъ, чѣмъ черный камень мусульманской Каабы — устами вѣрующихъ. Одно лишь перечисленіе наиболѣе именитыхъ изъ этихъ ученыхъ и поэтовъ заняло бы не одинъ столбецъ. Самый уединенный и независимый литературный паломникъ не можетъ сдѣлать шага въ этой странѣ, не ступивъ нечаянно на чужой слѣдъ. Лишь истинный кондотьеръ не страшится этой опасности.

«Самое важное въ путешествіи это — самъ путешественникъ», такъ аргументируетъ Сюарэсъ. Вѣдь способность видѣть — не общее достояніе. «Видѣніе» есть завоеваніе жизни. Прекрасное путешествіе есть произведеніе искусства: творчество. И на этотъ разъ Сюарэсу удастся оправдать свою теорію — ея осуществленіемъ.

Разнообразіе начертанныхъ

имъ «Образовъ Италіи» словно уклоняется отъ характеристичности: въ каждомъ случаѣ распорядокъ впечатлѣній, строй рѣчи и выборъ красокъ видоизмѣняется; предметъ опредѣляется стиль.

Въ обстановкѣ Базеля, первой вѣхи на пути кондотьера, Базеля — «крѣпкой головы и теплаго чрева», города «химического и гучнаго, набожнаго и плотскаго», ему рисуется образъ Гольбейна. Изъ этой обстановки, углубленной музейными впечатлѣніями возникаетъ портретъ базельскаго мастера — съ грандіозной пластической и психологической силой.

Сюарсъ физиономистъ по призванію, физиономистъ въ старомъ, лафатеровскомъ смыслѣ: черты лица для него — пламенные письма души. Но онъ остается физиономистомъ не въ однихъ лишь портретахъ людей, будь то Гольбейнъ, Ибсенъ или бронзовый Коллеоне, но и въ изображеніи городовъ и ландшафтовъ. Каждый изъ возсозданныхъ имъ городовъ, будь то Миланъ, городъ-вокзалъ, или Мантуя, городъ-трупъ, или черная Верона, имѣетъ особое «выраженіе лица», суетливое или преступное, меланхолическое или плотоядное. Какія изъ этихъ страницъ предпочесть: «Храмъ шутовъ», этотъ леденящій гротескъ, живописующій миланское Кампо-Санто, или — навѣянный зрѣлищемъ утраченного свою пѣвучую душу — строки, рисующія красоту

скрипки, инструмента, въ которомъ все прекрасно, форма и цвѣтъ, и все полно жизни? Что запомнилось ярче: вчерашняя стачка въ Мантуѣ, «мужицкое» лицо кондотьера Гаттамелаты или «розовое облако» палатцо Дожей?

Не умѣю сказать. Каждое изъ этихъ видѣній напоено жизнью, вмѣстѣ конкретною и призрачною. Я ограничился неполнымъ перечисленіемъ отдѣльныхъ главъ изъ путешествія Каэрдали; онъ, разумѣется, не поддается бѣглой транскрипціи или сокращенію для общаго пользованія. Настоящія творенія словеснаго мастерства трудно уцербить, отколотъ отъ нихъ яркіе осколки удается не всегда: они тверды, какъ литая сталь.

Въ главѣ о «Сендалѣ въ Ломбардіи» Сюарсъ толкуетъ о жаждѣ нашей разглядѣть сквозь обликъ современной Италіи Италію Стендала, которая остается для насъ болѣе достоверной, чѣмъ очевидная дѣйствительность. Мнѣ мнится, что будущій сантиментальный путешественникъ будетъ, быть можетъ, отыскивать съ подобнымъ же волненіемъ на пути своемъ слѣды гордой поступи Кондотьера!

4.

Привлекаетъ ли насъ или нѣтъ у Сюарса это его исповѣданіе героизма и трагической жизни, въ одну изъ часовъ его культа мы послѣдуемъ за нимъ съ благоговѣніемъ.

Я разумѣю его книгу о Достоевскомъ, вошедшую впослѣдствіи въ трилогію, гдѣ образъ русскаго писателя сопоставленъ съ монументальными портретами Паскаля*) и Генриха Ибсена.

Одна изъ особенностей новаго литературнаго движенія во Франціи — возрастающее воздѣйствіе Россіи. Мы давно уже ощутили, что наша аморфная эмоціональность нуждается въ дополненіи латинской ясностью: въ этомъ одинъ изъ стимуловъ западничества. Нынѣ же французскій интеллектъ, прозрачный и граненный, какъ алмазъ, ищетъ обновленія въ ирраціональной стихіи «русской глубины», въ «родимомъ хаосѣ» нашемъ. Ромэнъ Ролланъ, столь чуждый Сюарэсу по критическому и назидательному складу своей мысли, но дѣлящій съ нимъ поклоненіе героямъ и возвышающему страданію, избралъ себя путеводителемъ по русской душѣ Льва Толстого, для Сюарэса же эта душа воплощена въ Достоевскомъ. Конечно, о русской литературѣ заговорили во Франціи не впервые. Флоберъ и Гонкуры обез-

печили широкую извѣстность творчеству Тургенева, четверть вѣка тому назадъ Вогюэ «открылъ» для французовъ Толстого и остальныхъ русскихъ романистовъ; открытіе это завѣдомо повліяло на судьбы европейскаго психологическаго романа. Вліяніе же «великихъ русскихъ» не въ эстетическомъ, а въ философскомъ планѣ намѣчается лишь въ наши дни.

Я могу лишь перечислить мотивы, затронутые въ статьѣ Сюарэса, но не исчерпать ихъ; здѣсь, какъ и всюду живая плоть слова неотдѣлима у него отъ мысли. Первая глава посвящена «житію» героя и исповѣдника. Сюарэсъ возсоздаетъ его сумрачную молодость, раннее мученичество, длительную нужду и тяжкую болѣзнь, «безобразное бытіе», которое чудесно освѣщается, «если разсматривать внѣшнюю жизнь Достоевскаго какъ орудіе его жизни внутренней»; другія главы воспроизводятъ «лики» писателя съ обычной у Сюарэса изощренной и патетической выпуклостью лѣпки, толкуютъ существо его творческаго метода, опредѣляютъ его мѣсто среди «вѣчныхъ спутниковъ» человечества («Достоевскій — искупленный Ницше») съ исключительной зоркостью и большою мощью синтеза.

Синтезъ этотъ разрастается въ грандіозное обобщеніе, ибо въ Достоевскомъ Сюарэсъ усматриваетъ живой символъ Россіи «Такъ въ Достоевскомъ совершается откровеніе цѣлаго

*) Можно сказать, что патетическая гѣня Паскаля, великаго мыслителя поправшаго во имя Христова гордыню мысли, сопутствуетъ Сюарэсу, какъ вдохновляющее навожденіе, за «Посвѣщеніемъ Паскаля», — вошедшимъ въ «трилогію» иносекскимъ произведеніемъ — послѣдоваль, спустя десятилѣтіе, воображаемый «діалогъ съ Паскалемъ».

міра, — опредѣляетъ Сюарэсъ значительность поставленной проблемы — кановъ онъ, такова Россія. Было необходимо, чтобы онъ былъ приговоренъ къ смерти и пошелъ на каторгу вмѣстѣ съ нею. Достоевскій создалъ для насъ Россію мистическую, Россію жестокою и христіанскую, народъ, огмѣченный призываніемъ посредника между Европой и Азіей, который вноситъ въ тоску западнаго Заката пламень и божественную душу Востока»...

Это пріятіе Россіи какъ «запаса для будущаго», какъ послѣдняго «прибѣжища для челоуѣчества», столь многозначительную и, быть можетъ, роковую для насъ концепцію «народа-богоносца», Сюарэсъ стремится уберечь и передъ нерадостнымъ лицомъ русской дѣйствительности (NB — послѣднія мысли о Россіи принадлежатъ Октябрю). Залогомъ этой правды служить ему Достоевскій. Ничто, ни политическій гнетъ, ни режимъ вѣлочночестива, ни репрессіи, ни погромы, ни пьянство не заставятъ его извѣрнуться въ той Россіи, которую воплощаетъ Достоевскій. Не можетъ этого быть, чтобы народъ этотъ не сохранилъ дивной нравственной свободы среди политическаго рабства, чтобы онъ (иногда способный на все, подобно жестокимъ дѣтямъ, иногда же бесильный въ покорности своей), не былъ единственнымъ народомъ Европы, который имѣетъ еще Бога.

Каковы бы ни были мрачныя стороны русскаго бытія, «Россія живетъ не для денегъ, не для ненависти, не для коммерческаго баланса, не для постыднаго торжества насилія. Россія живетъ, чтобы вернуть челоуѣчеству религиозное сознание: не смотря на все, въ ней бьется сердце братское для всѣхъ людей»...

Раздвигая такъ широко грани своего пониманія, Сюарэсъ, — и мы особенно цѣнимъ его за — это, подошелъ къ образу Достоевскаго съ почти невиданной у западнаго писателя интимностью. Европейская критика и публицистика нерѣдко рисуетъ себѣ русскую душу какъ единую глыбу, безъ граней и отгѣнковъ: Сюарэсъ сумѣлъ «увидѣть» Достоевскаго въ самыхъ затаенныхъ, мистическихъ или «подпольныхъ» чертахъ его облика, бытового обихода и поведенія. Онъ сумѣлъ отличить въ немъ писателя «петербургскаго» отъ писателя «московскаго», какъ онъ опредѣляетъ Толстого и Тургенева. Онъ не остался на поверхности проблемы. Для насъ же дороже всего въ этой особенной книгѣ заключенный въ ней лозунгъ духовнаго братства: «глубина русскаго чувства и мощь французскаго ума — таковы два крыла для полета къ новому познанію».

Танімъ рисовался обликъ кондотьера Наэрдальа до того дня, когда его, какъ и все, что было крѣпкаго и кореннаго въ литературѣ французской,

захлестнула, оторвала, унесла на буйный просторъ событий война.

5.

«Комментаріями «Полибья» назвалъ академикъ Рейнакъ свою лѣтопись войны, избравъ своимъ «патрономъ» достовѣрнѣйшаго изъ безпристрастныхъ историковъ. «Комментаріи о войнѣ съ бошами», начертанные Сюаресомъ, не притязаютъ на непогрѣшимость. Эти пять книгъ — сплошная инвектива, полная необузданной страстности. Онѣ насыщены образами и разворачиваются ритмически, какъ поэмы.

Военное возбужденіе захватило французскаго мастера словно болѣзнь. Высокая ясность сознания поколеблена въ немъ напоромъ неслыханныхъ событий. Струна, напряженная до крайности, звучитъ высоко и пронзительно. Подъ наводненіемъ германской угрозы писатель изящный и возвышенный, «кондотьеръ красоты», вопіетъ къ небу объятый пророческимъ — и припадочнымъ паевсомъ, ибо нельзя безъ боли принудить великодушное сердце запада къ спасительной, необходимой ненависти. Нужно напрячь всю силу мышцъ, чтобы согнуть для рокового выстрѣла дукъ Улисса, давно забытый, какъ ненужный трофей.

Умножить въ «сладчайшей Франціи», челоуѣчной и разумной, этотъ духъ ненависти и силы, спасти ее отъ смертельнаго укуса прививкой яда —

въ этомъ задача «Комментаріевъ» Сюареса. Я не стану воспроизводить здѣсь діалектической части этихъ книгъ; то вариантъ привычной аргументаціи о «войнѣ противъ войны». Въ свое военя я цитировалъ широко эти напряженные и пылкія страницы на столбцахъ газетнаго фельетона; сегодня самая проблема маячитъ далеко позади во вспѣнномъ фарватерѣ міровой исторіи.

Но нельзя обойти и забыть заключительной части книги: «Такова война». Она построена какъ поэма въ прозѣ. Она написана языкомъ апокалиптическимъ; врагъ принимаетъ въ ней образъ мѣвическаго чудовища («Кротъ-Бошія есть звѣрь изъ бѣдны. На лицѣ его — пишу его имя»); экзальтація поэта мѣстами граничитъ здѣсь съ бредомъ. Въ обращеніи къ Ницше, безпримѣрномъ построю и по существу, голосъ Сюареса надрывается въ пароксизмъ:

«А ты, песь Ницше, ты настоящій пастухъ крота... Ты кусаешь его, но онъ любитъ твой зубъ. Ты валялъ для него эмаль во Франціи, но грубая кость его происходитъ изъ твердой нѣмецкой челюсти... Ахъ ты, песь Ницше, ты проповѣдуешь прозорливость звѣрю и стиль — лаю...

...Антихристъ сталъ христомъ звѣря. Ахъ, песь! Ты умерь, питаемый съ ложечки больничной сидѣлкой, хрюкая въ углу, какъ паршивый звѣрь,

и, навѣрное, тебя, задушили среди твоихъ изверженій. Да будетъ такъ со всей расой. Такова война!»

Не кажется ли здѣсь, что собственный разумъ Сюареса, начертавшаго эту отвратительную фантазмагорію смерти Нядше, колеблется на грани безумія.

Что дѣлать, c'est la guerre!

6.

Въ монографіяхъ о Шарль Пегі и о Сервантесѣ (1915-16) мы введены послѣ этихъ эксцессовъ слова, гдѣ великодушнѣйшій писатель явилъ себя одержимымъ войной, основательнымъ, въ умѣренный поясъ болѣе гармоничныхъ вдохновеній. Прикосновеніе къ этимъ героическимъ тѣнямъ возвращаетъ ему, неуцербленной и ясной, всю его человѣчность. «Пегі» Сюареса «нерукотворный памятникъ», воздвигнутый павшему вождю: каждая глава книги — барельефъ на высокомъ цоколѣ. Здѣсь мы опять признаемъ замѣчательнаго «вателя масоѣ», дѣящаго жизнь изъ слова.

Подобно этой памятникѣ о «Карлейлѣ Франціи» (чтобъ говорить вплотную о Пегі надобно было бы объяснить русскому читателю самого писателя этого, въ Россіи безвѣстнаго), «Сервантесъ» Сюареса — книга борьбы и пропаганды, книга, написанная «на случай».

Синтетическій портретъ Донъ-Кихота служить прологомъ. Донъ-Кихота, чьи глаза точно

«твозди Креста на лицѣ паяца». — «И кто знаетъ, не есть ли Донъ-Кихотъ Крестъ верхомъ на конѣ, божественный и осмѣянный?»

Но откуда черпаетъ рыцарь на своей клячѣ-химерѣ подобное превосходство духовное? Откуда, если Донъ-Кихотъ не есть самъ великій Сервантесъ подъ латами, странствующаго рыцаря?

«Приди же, однорукий боецъ праведной войны. Приди, солдатъ Лепанта, потерявшій руку въ бою за Иисуса противъ варваровъ и турокъ. Приди ты, что быть вознагражденъ за свой гений и свое служеніе неблагодарностью королей, ничтою въ домѣ, всѣми дрягми семейной жизни и всѣми низостями зависти, ненависти и молчанія, обычнаго оружія писателей. Люди пера донесли на тебя Св. Инквизиціи».

Отъ имени изнемогающей Франціи Сюаресъ взываетъ къ духу Испаніи, великой Испаніи Сервантеса. «Но быть можетъ она существуетъ всего лишь въ нашемъ воображеніи? Въ такомъ случаѣ, тѣмъ лучше для насъ и тѣмъ хуже для нея. Если испанцы болѣе не сыновья Донъ-Кихота, что намъ за дѣло до нея?»

Глава «Испанія» отводитъ это подозрѣніе: изъ широко развернутой панорамы страны естественно возникаетъ образъ Сааведры и его героя-двойника. «Донъ-Кихотъ есть бредъ справедливости, ибо все — бредъ въ чувствѣ абсолютномъ... Онъ

судья; онъ вѣдаетъ право; онъ провозглашаетъ его. И онъ творитъ его: онъ дѣйствуетъ». Кто онъ? Шутовская тѣнь божества въ душѣ человѣка.

«Донъ-Кихотъ ведетъ наши рати», торжествуетъ Сюарэсъ. Это онъ несется, опустивъ копье противъ вѣтряныхъ мельницъ науки и варварства, бросая вызовъ всѣмъ великанамъ. Франція любитъ его и не усумнится въ немъ. Они оба свободны какъ никто на свѣтѣ. Достаточно ли разсмотрѣли ту безумную любовь къ свободѣ, что одушевляетъ Донъ-Кихота.

«Ваше имя свобода, принцесса Дульцинея»... Тобосо находится во Франціи. Это страна межъ Дюнкеркомъ и Мюлузой. Безъ сомнѣнія Донъ-Кихотъ скитается въ тѣхъ краяхъ. «Вотъ я. Вы видите, говорить онъ, — что Испанія съ Вами».

Какъ музыкальная реприза возвращается хвала «Гомеру чести, солдату Сервантесу». Сюарэсъ рисуетъ разочарованія его тяжелой жизни, его пессимизмъ, изъ котораго возникаетъ лучезарное упованіе. Критикъ предпочитаетъ вторую часть романа. Здѣсь созданіе побѣдило создателя. Онъ бытъ можетъ началъ съ того, что потѣшался надъ своимъ героемъ. Отнынѣ онъ увѣровалъ въ него. «Въ Донъ-Кихотѣ не различили святого. Комическій герой этотъ — чудо огромной святости».

Насъ не можетъ удивить это заключеніе. Каждому изъ насъ

памятна тургеневская параллель Гамлета и Донъ-Кихота. Но западный читатель привыкъ принимать героическую эпопею Сервантеса за комедію о чудахъ, захлебнувшемся фантастикой рыцарскихъ романовъ. Откуда проникновенность русскаго постиженія Рыцаря Печального образа?

«Внутренняя близость русскихъ и испанцевъ, — словно намѣренно отвѣчаетъ Сюарэсъ на вопросъ этотъ, — принадлежитъ къ числу самыхъ своеобразныхъ совпаденій». Онъ тутъ же отклоняетъ вѣроятное обвиненіе въ притянутости этого сопоставленія. Порука его правотѣ: литературы обѣихъ странъ.

«Для нихъ обща прямота подхода, пламенное видѣніе дѣйствительности, нѣкоторая почти оскорбительная правдивость. Тонкость чувствованій служить къ ней поправкой въ Россіи, а въ Испаніи изящество ума и возвышенность благородныхъ нравовъ»...

И далѣе: «при столь очевидныхъ противорѣчійхъ, я не знаю ничего столь родственнаго испанскимъ интермедіямъ, проказникамъ и чудакамъ Испаніи, какъ чудесные шуты, кородивые, бывшіе люди и отщепенцы русскаго искусства».

Только Гоголь, Щедринъ и Достоевскій смогли возродить для насъ образцы Рохаса, Кеведо и Сервантеса. Естественно, что именно Франція, повліявшая на духовную жизнь обѣихъ странъ, является связующимъ

звеномъ между Испаніей и Россіей».

Я не спроста подчеркиваю эту постоянную оглядку Сюараса на Россію и цитирую ради этого широко. Иногда эта оглядка и вовсе бессознательна. Толкуя въ своемъ «Трагическомъ поэтѣ» Шекспира какъ нельта, онъ объясняетъ: «ало для бретонца всегда порядна внутренняго... Преступленіе для него

несчастье. Преступникъ — несчастный». Не переносить ли насъ это единое слово въ глубину и святыню русской народдой души? Слово это русское. Оно означаетъ, что въ Сюарасѣ, «безумномъ другѣ Шенспира», въ его «исповѣдяхъ горячаго сердца», бьется сердце братское для каждаго изъ насъ.

Гддрей Левинсонъ.

На Родинѣ.

(Тихая Смерть)

I. Чѣмъ русскіе люди живы? — «Индивидуальное добываніе пищи». — Отъ золотого вѣна къ каменному. — II. Проклятiе прошлаго. — Факторы голода: естественные и произвольные. — «Реальный нажимъ» и размѣры голода. — III. Всероссійскій Общественный Комитетъ. — Двѣ стороны. — «Реалисты-Общественники». — Дѣло «государственное и общественно обязательное». — Общественность зарубежная. — «Россія превыше всего! Народъ прежде всего!» — Капитуляція или трамплинъ? — Ленинъ, Зиновьевъ, Дзержинскій. — Тройной просчетъ. — Ликвидация внутрироссійской помощи. — IV. Помощь, какъ международная проблема. — Голодъ и новыя перспективы во внѣшней политикѣ большевиковъ. — «Коминтернъ» и «Коминдѣлъ». — Голодъ и интересы Европы, Азіи, Америки. — Помощь людямъ, но не учреждениямъ! Хлѣбъ голоднымъ, но не кредиты власти!

I.

Горячее солнце обожгло землю, спалило русскія нивы, засушило, испелелило людскія души. На новую скорбь и муку обреченъ народъ. Однимъ соблазномъ меньше: взамѣнъ невѣрной героической борьбы — тихая, вѣрная смерть отъ голода.

Въ «самой свободной республикѣ въ мірѣ» водворился безпощаднѣйшій изъ царей. Онъ захватилъ двѣнадцать хлѣбороднѣйшихъ губерній. Занялъ территорію въ четыре раза большую, чѣмъ площадь Франціи. Подчинилъ себѣ населеніе въ 35 миллионъ душъ. Превратилъ эти души въ двуногія существа — bipedes, утратившія обликъ человѣчeskій, — даже внѣшними чертами переставшія походить на homo sapiens.

Веддахи на островѣ Цейлонѣ, стоящіе на грани челоѣкообразныхъ существъ, питаются червями. Люди въ Россіи теперь питаются саранчей... Глодаютъ листья, древесину, кору,

корми. Дѣлають лепешки изъ глины, изъ опилокъ. Они опасаются, что къ осени всѣ листья будутъ съѣдены». Ловятъ сусликовъ, ѣдятъ ихъ со шкурой и внутренностями, лишь опаливъ шкуру. «О, это счастье, поймать суслика!».. Въ городахъ питаются «падалью», конскими копытами», «выкапываютъ туши изъ скотскихъ кладбищъ». Измученные и обезсиленные, «не будучи въ состояніи не только ходить, но даже сидѣть, дѣти и взрослые просто ложатся на тротуаръ и зываютъ о помощи. Такъ, на нѣкоторыхъ улицахъ, гдѣ движеніе больше, дѣти лежатъ одинъ за другимъ на разстояніи 3-5 сажень». «Я видѣлъ дѣвочку, — ей шесть лѣтъ. Но она старушка: сморщенное лицо съ кулачекъ, бездонные глаза, дика, какъ звѣреньшъ».

Это картины Самарской, Уфимской, Казанской губерній. Ихъ рисуетъ не воспаленное воображеніе самихъ пострадавшихъ, голодающихъ; не измышленіе подпольныхъ враговъ совѣтскаго строя. Ихъ рисуютъ наблюдатели со стороны, полуофициальные агенты кооперативно-продовольственного съѣзда Самарской губерніи, губернскаго продовольственнаго совѣщанія въ Уфѣ и другіе корреспонденты дозволеннаго къ печати органа Всероссійскаго Общественнаго Комитета Голодающимъ «Помощь» № 1 отъ 16 августа.

Свидѣтельства иностранцевъ, продолжающихъ возвращаться изъ Россіи, дополняютъ эти картины. «Ва Саратовѣ я видѣлъ 11 человекъ, большею частью дѣтей, которые умерли въ одну ночь отъ голода. Тѣла ихъ были распухшія. Они подползли подъ кусты и умерли тамъ отъ истощенія. Я видѣлъ матерей, бросавшихъ своихъ дѣтей въ рѣку для того, чтобы не дать имъ умереть съ голоду». Это удостовѣряетъ мистеръ Клеркъ въ «Times»'ѣ. Другой очевидецъ — американецъ передаетъ: «Женщины отъ голода не въ силахъ стоять на ногахъ и подползаютъ, какъ животныя, умоляя дать имъ поѣсть. Многія распухли отъ голода. Если дотронуться до ихъ щеки, вздутость отпадаетъ и втягивается, какъ резина на лопнувшемъ мячикѣ».

Даже коммунистическая печать въ Россіи только изрѣдка пытается ослабить впечатлѣніе, приписывая своимъ врагамъ намѣреніе «раздуть» свѣдѣнія, идущія изъ голодныхъ мѣстъ, «чтобы на этомъ что-либо выгадать. Тутъ и тысячи людей, падающихъ замертво на улицахъ поволжскихъ городовъ и 10 милліоновъ переселенцевъ и пр.» (см. «Гудокъ» № 381). Въ большей своей части такого рода опроверженія характерны скорѣе для заграничной коммунистической печати. Въ Россіи даже официальные органы власти и печати не скрываютъ характера дѣйствія. Совѣтское радіо отъ 25 іюля даетъ «сводку»

предметовъ питанія. Въ Саратовской губерніи — «крестьянство питается суррогатами корней, особымъ видомъ глины, смолотыми костями животныхъ». Въ коммуны нѣмцевъ поволжанъ — «населеніе толпами выходитъ на луга, вырывая остатки травъ и этимъ питаясь. Съѣдались крысы, суслики, даже падалъ». Въ Уфимской губерніи — «какъ сельское, такъ и фабрично-заводское населеніе питается травой, корешками. Тамъ, гдѣ хлѣбъ уродился, его не молотятъ, а ѣдятъ вмѣстѣ съ колосьями». Въ Вятской губ. — «населеніе употребляетъ въ пищу липовую древесину». Въ южныхъ прикамскихъ мѣстностяхъ — «употребляютъ конскій щавель, желуди, льняные жмыхи, даже особеннаго сорта глину», на которую спросъ такъ великъ, что «цѣна поднялась до 40 тысячъ рублей за пудъ» («Извѣстія» № 181). «Когда-то въ хлѣбные годы въ Поволжѣ было много возни съ сусликами, мѣшали они, вредили... Теперь въ этихъ степяхъ легче устрицу найти чѣмъ суслика, — всѣхъ переѣли». Начали ѣсть дерево. Берутъ сукъ — дубовый «помоложе» и мелко-на-мелко крошатъ его топоромъ. Получается нѣчто вродѣ опилокъ. Эти опилки ставятъ «въ духъ», потомъ ихъ мельчатъ въ ступѣ въ порошокъ, и готова «мука». («Извѣстія» № 201 и 202).

Корреспондирующій въ центральный органъ коммунистической партіи «Правда» № 160 «Человѣкъ, питающійся лебедой», даетъ подробное описаніе выпечки лебеды въ Самарской губерніи: «берутъ липовый листъ конскій щавель, накрошиваютъ, величиной съ вошь, и вывариваютъ. Потомъ, какъ закипитъ, выжимаютъ воду и кладутъ опять въ кипятокъ; послѣ поддержать въ рѣшетѣ, высушатъ, натолкнутъ и подбавятъ третью часть муки. Хлѣбъ получается зеленымъ, а идешь до вѣтра тоже зеленымъ. А больше, такъ какъ муки ни у кого нѣтъ, мы прибавляемъ конскаго щавеля. Только вотъ плохо, онъ хоть и ничего на вкусъ, но человѣкъ скоро пухнетъ и помираетъ, а въ животѣ черви заводятся».

Быть можетъ, скоро найдутъ — откроютъ или изобрѣтутъ — болѣе совершенные приемы изготовленія питательныхъ суррогатовъ. Быть можетъ, въ частности, с у с а к у — новому хлѣбному корню, который вырабатывается сейчасъ, по словамъ «Извѣстій» № 184 (отъ 21.VIII), въ лабораторіи совѣтскаго университета въ Самарѣ, — и удастся избавить населеніе хотя-бы отъ нѣкоторыхъ послѣдствій употребленія лебеды и конскаго щавеля... Быть можетъ. Какъ фактъ остается, однако, то, что населеніе юговосточной Россіи — русскіе, нѣмцы, татары, башкиры и иные жители этой полосы уже очутились въ положеніи, близко напоминающемъ уровень культуры первобытнаго человѣка или современнаго бушмена.

«Человѣку съ самаго начала пришлось обратиться къ растительной пищѣ, и повсюду, гдѣ можно было добыть древесные плоды, ягоды, корни, — онъ пользовался прежде всего ими. Въ случаѣ нужды онъ потреблялъ и мелкихъ животныхъ, которыхъ могъ пожирать въ сыромъ видѣ: моллюсковъ, червей, жучковъ, саранчу, муравьевъ и т. п.» «Каждый и каждая уничтожаетъ въ сыромъ видѣ все, что можно поймать руками или вырвать ногтями изъ земли, какъ то: низшихъ животныхъ, корни, плоды. Они то скопляются въ небольшія кучи или болѣе значительныя стада, то расходятся въ зависимости отъ обильности пастбищъ или мѣстъ для охоты»...

Кто не знаетъ этого бюхеровскаго описанія «Возникновенія народнаго хозяйства»? Но кто могъ предположить, что «музыка будущаго», за которую выдаетъ себя коммунизмъ, такъ удивительно совпадаетъ съ пещернымъ бытомъ отдаленнѣйшихъ нашихъ предковъ? Кто могъ думать, что народное хозяйство въ Россіи XX вѣка, въ «золотомъ вѣкѣ», можетъ опуститься на уровень индивидуальнаго добыванія пищи; что о жизни населенія наблюдатели со стороны стануть писать: «нигдѣ и никогда, даже въ Африкѣ, я не видалъ людей, которые стояли бы на такой низкой ступени культуры. Они напомнили мнѣ людей каменнаго вѣка».. (корреспонденція маіора Блейка въ «Daily News»).

Не сразу создалось такое положеніе. Не внезапно надвинулось бѣдствіе. Облака стягивались уже давно. На глазахъ у всѣхъ сгущались зловѣщія тучи. Въ насыщенной бурей атмосферѣ зоркій глазъ поэта проникалъ тьму вѣковъ и находилъ тамъ образы, сближающіе прошлое Россіи съ ея грядущимъ.

«...И години болѣе кровавой
 Не видала русская земля

 Голодь былъ, какого не видали,
 Хлѣбъ пекли изъ кала и мезги,
 Землю ѣли, бабы продавали
 Съ человѣчнымъ мясомъ пироги».

Предошущенія поэта разсудочно утверждали изслѣдователи, съ числомъ и мѣрою подходившіе къ явленію. К. Р. Качоровскій почти съ математической точностью «предсказалъ» не только фактъ предстоящаго голода, но и его размѣры. «Передъ нами не продолженіе или обостреніе голоданія нѣсколькихъ милліоновъ населенія, въ городахъ, а острый голодь обезсиленныхъ большевизмомъ десятковъ милліоновъ крестьянства», — писалъ онъ еще въ ноябрѣ прошлаго года.

Приступая къ составленію «внутреннихъ обзорѣній» годъ тому назадъ, мы предупреждали читателей: «Увы, не столько жизнь придется обзорѣвать теперь въ Россіи, сколько смерть, процессы быстрого и медленнаго умиранія... Населеніе Россіи убываетъ сейчасъ въ большемъ количествѣ и быстрѣе, чѣмъ въ какой-либо иной странѣ (даже во время міровой войны). Оно явно и стремительно идетъ къ своему уничтоженію. Еслибы установить знаменатель этой прогрессивно возрастающей убыли, можно было-бы математически вычислить время, когда дѣйствующая въ Россіи власть (вмѣстѣ съ населеніемъ) ликвидируется, такъ сказать, естественнымъ порядкомъ». По примѣрному расчету профессора Анцыферова, даже допуская, что «темпы ускоренія убыли населенія» будутъ ниже «нормы»: не 26 на тысячу, а всего 20, — черезъ пять лѣтъ Россія вымерла-бы наполовину, а черезъ 17 лѣтъ она насчитывала-бы только сотни тысячъ выжившихъ... Теперешній темпъ вымиранія Россіи значительно сокращаетъ сроки, установленные годъ тому назадъ. Корреспондентъ «Chicago Tribune» Гиббонсъ въ телеграммѣ изъ Самары исчисляетъ въ 40 миллионѣвъ число голодающихъ, — изъ нихъ 15 миллионѣвъ тяжело страдающихъ: — «минимумъ миллионъ людей обреченъ на медленную смерть, несмотря ни на какія мѣропріятія». Въ расчетъ Райана, представителя Американскаго Краснаго Креста въ Прибалтикѣ, — этотъ минимумъ повышается до двухъ миллионѣвъ, «несмотря ни на какую міровую помощь»...

Темная, жуткая ночь опустилась надъ Россіей. Вымираютъ уже не только опредѣленные разряды людей, возрастные и социальныя. Вымираютъ безъ различія возраста и положенія. Не только городская интеллигенція и бывшіе зажиточные слои, но и трудящіеся. Не только крестьяне потребляющихъ губерній, а и производящихъ, — кормившихъ въ былое время своими продуктами себя, Россію и часть Европы. И худшее далеко еще не пройдено. Наоборотъ. «Голодъ только начинается. Если въ сентябрѣ выяснится, что яровые хлѣба дадутъ сбора меньше средняго урожая, то въ декабрѣ голодъ приметъ угрожающіе размѣры», — не то утѣшаетъ, не то угрожаетъ одинъ изъ бывшихъ продовольственныхъ комиссаровъ («Извѣстія отъ 12.VI). Конечно, нынѣшніе яровые дадутъ сбора меньше прошлогоднихъ. И, конечно, въ декабрѣ голодъ приметъ еще худшія, еще болѣе неистовыя формы, и въ февралѣ будетъ еще хуже, чѣмъ въ декабрѣ!..

Не надо быть Кассандрой, чтобы это предвидѣть. Достаточно для этого помнить, какъ дошла Россія до нынѣшняго

своего положенія. Климатическія бѣды, постигшія юговосточную полосу Европейской Россіи, лишь усугубили, ускорили и обострили тотъ процессъ вымирания русскаго народа, который не съ нынѣшняго засушливаго лѣта начался и не съ удачнымъ сборомъ яровыхъ можетъ и кончиться.

Уже четыре года бредетъ Россія по долине смерти и скорби. Чѣмъ дальше продвигается она, тѣмъ все больше убываютъ ея силы, угасаетъ духъ, увядаетъ плоть. Одна за другой утрачиваются возможности скорого возвращенія къ жизни, къ свѣту, къ свободѣ и къ... хлѣбу, не въ порядкѣ индивидуальнаго его добыванія, а въ порядкѣ организованнаго народнаго хозяйства.

II.

Уже въ первый годъ большевистскаго владычества, за вычетомъ привилегированныхъ слоевъ, все прочее городское населеніе недоѣдало. Въ послѣдующіе годы недоѣданіе въ городахъ становилось все острѣе. Усиливалось соотвѣтственно и бѣгство изъ города въ деревню. Стали уходить изъ города не только былая буржуазія и интеллигенція. Потянулись и фабрично-заводскіе рабочіе.

По даннымъ демографически-профессиональной переписи 28 августа 1920 г. населеніе 40 губернскихъ городовъ съ 1917 г. по 1920 г. убыло на 37,8%; т. е. больше чѣмъ на треть. При этомъ въ Петроградѣ — на 71,8% (съ 2,5 миллионъ до 705 тысячъ); въ Москвѣ — на 45%. Изъ негубернскихъ городовъ въ Коломнѣ за это же время населеніе уменьшилось на 51,5%, т. е. больше чѣмъ на половину; въ Орѣхово-Зуевѣ на 52,4%; въ Луганскѣ — даже на 82,4%, т. е. больше, чѣмъ на четыре пятыхъ... Въ общемъ населеніе 90 губернскихъ и негубернскихъ городовъ съ 1917 по 1920-ый годъ убыло на 39,2%, въ абсолютныхъ цифрахъ — на 3,1 миллионъ («Красная газета» № 260 за 1920 г.)

Убыль фабрично-заводскаго населенія въ Петроградѣ, по даннымъ Центральнаго Комитета Профессиональных Союзовъ Совѣтской Россіи, за это же время протекала въ такихъ размѣрахъ: съ 331.101 въ началѣ 18-го года численность рабочихъ упала до 132.036 къ началу 19-го года; до 88.087 — къ началу 20 г. (и 80.606 къ началу 21-го). Въ Москвѣ — съ 147.424 на 1-ое августа 1918 г. до 105.210 къ 1 июня 1919 г. и 87.363 къ 1 июня 1920 г. («Экономическая жизнь» № 242 за 1920 г.).

По компетентной справкѣ составителей доклада Экономическаго Отдѣла Россійскаго Финансово-Промышленно-Торго-

ваго Союза о «Состояніи и движеніи населенія въ Совѣтской Россіи» (стр. 9).

«Въ современности искать какихъ бы то ни было аналогій процессу опустѣнія городовъ совѣтской Россіи не приходится. Но и въ историческомъ прошломъ такія аналогіи найти не легко: ни наполеоновскія войны, конечно, ни даже тридцатилѣтняя война съ ея огромными опустошеніями, не знали ничего, что могло бы пойти въ сравненіе съ интересующимъ насъ процессомъ, какъ по социальному его значенію, такъ и по разбѣрамъ. Нѣчто общее съ нимъ — по социальному удѣльному вѣсу — имѣютъ, быть можетъ, тѣ, хотя и отличающіяся отъ него по смыслу и направленію перегруппировки населенія между городомъ и деревней, которыя имѣли мѣсто въ періодъ упадка Римской имперіи; но и то онѣ были растянуты на несравненно большій промежутокъ времени».

Съ дезурбанизацией Россіи останавливалась промышленность, прогрессивно ухудшался транспортъ. Не получая никакихъ издѣлій отъ города, деревня начала его бойкотировать: уменьшать и отказывать въ продовольствіи. Лишенное даже гвоздей и колесъ, не то что сельско-хозяйственныхъ машинъ, крестьянское хозяйство все быстрѣе приходило въ упадокъ. Въ результатъ вольнаго и невольнаго сокращенія и ухудшенія посѣвовъ третій годъ пребыванія большевиковъ у власти вызвалъ огромный недоборъ хлѣбовъ. А коммунистическій городъ доводилъ все до болѣе высокихъ степеней совершенства и напряженія свою экзекуціонную систему изыятія излишковъ. Деревня остро ощутила коммунистическое иго. 1920-й годъ впервые показалъ, что при коммунистическомъ хозяйничаніи деревня не только обречена на хроническое лишеніе предметовъ первой необходимости городского производства, но и далеко не обеспечена продуктами насущнаго питанія. Раньше голодъ прогрессивно увеличивался въ городахъ. Съ прошлаго года голодъ появился и въ деревнѣ. Въ десяти губерніяхъ крестьянство стало недѣдать, а потомъ и голодать.

Ухудшеніе обозначилось къ декабрю прошлаго года. Въ началѣ текущаго — произошло еще болѣе рѣзкое ухудшеніе. Продовольственные заготовки стремительно падали. Энергія «продотрядовъ» уже не давала прежнихъ результатовъ. Не будучи въ силахъ повысить заготовки, власть стала уменьшать пайки. Были сняты съ фронтовыхъ и тыловыхъ красноармейскихъ пайковъ служащіе военнаго вѣдомства (декретъ 14 января); были отмѣнены установленныя самимъ-же «Совнаркомомъ» и Центральной Комиссіей по снабженію рабочихъ повышенныя продовольственныя нормы для рабочихъ (декретъ

8 февраля). Этими палліативами не удалось, конечно, «облегчить» положенія. И съ шумомъ и трескомъ, ломая старыя свои скрижали, очередной коммунистическій съѣздъ въ день кронштадтскаго возстанія возвѣстилъ новую эру — политику примиренія съ крестьянствомъ. Ленинъ произнесъ *mea culpa* — «той формы отношеній, которой крестьянство не хочетъ, — не будетъ», и признано было за благо «облегчить бремя крестьянскаго сословія». Эпоха великихъ реформъ рабоче-крестьянскаго правительства опредѣляется прежде всего измѣненіемъ порядка снабженія населенія.

Власть началась съ того, что освободила себя отъ излишняго бремени. Всѣ тѣ слои населенія, въ благополучіи и преданности коихъ власть не была ближайшимъ образомъ заинтересована, были сняты съ государственнаго снабженія. Имъ предоставлялось самоснабжаться въ порядкѣ индивидуальнаго добыванія пищи... Власть сохраняла за собой заботы о продовольствіи наиболѣе крупныхъ городовъ, служилыхъ людей и арміи. Другой стороной реформы явилось освобожденіе «крестьянскаго сословія» отъ разверстки. Разверстку смѣнилъ «продналогъ». Опала круговая отвѣтственность за поставку, и понижалось, почти вдвое, количество, подлежащее поставкѣ. 423 милл. пудовъ, полагавшихся по разверсткѣ, были замѣнены 240 милл. пудовъ «продналога». Эта скидка имѣла только видимость льготы, потому что размѣръ намѣченнаго ко взысканію налога совпадалъ съ фактически взысканнымъ за 1920-1921 г. по разверсткѣ. Власть ничего не теряла. Крестьянство ничего не выигрывало отъ такого облегченія его тягла. Положеніе нисколько не улучшалось. Наоборотъ. Новая заготовительная кампанія, во всякомъ случаѣ, не можетъ нѣ дать меньшихъ результатовъ, чѣмъ далъ прежній годъ. Ибо «платежеспособность» сельско-хозяйственнаго населенія подорвана въ корнѣ. Достаточно того факта, что общая посѣвная площадь въ этомъ году, по сравненію съ прошлымъ, сократилась, по вычисленію С. О. Загорскаго, больше чѣмъ въ два раза. (см. «Famine en Russie», P. 5. — Изд. «Comité Executif de la Conférence des Membres de la Constituante de Russie». — Paris. — 1921). А урожайность, по официальной сводкѣ, только въ одной мѣстности и въ отношеніи только къ одной гречихѣ дала результатъ выше средняго. Во всѣхъ, безъ исключенія, остальныхъ случаяхъ расцѣнка по пятибальной системѣ отмѣчаетъ «неудовлетворительно». (См. «Извѣстія» № 429 отъ 5.VI. и «Экономич. Жизнь» № 101, 134 и 149 за 1921 г.).

Районы	Озимые		Яровые					Травы	Зал. дуга
	рожь	пш.н.	пш.н.	греч.	прос.	ячм.	овесъ		
Нечерномем.	2,4	—	2,1	1,8	2,0	2,2	2,2	2,1	1,7
Черномем.	1,5	1,7	1,8	1,7	1,5	1,7	1,8	2,0	1,4
Украина	2,8	2,1	2,0	2,6	2,0	1,8	2,6	2,6	2,1
Крым	1,2	1,9	2,0	—	1,8	1,4	1,9	—	1,7
Юго-Востокъ	1,8	1,4	2,2	3,2	1,8	2,1	2,2	—	2,0
Вся Россія съ Украиной	2,1	1,2	6'1	2,2	1,7	1,9	2,1	2,2	1,7
Вся Россія безъ Украины	1,5	1,5	1,9	1,8	1,8	2,0	1,9	2,1	1,6

И когда «Правда» № 179 пишетъ:

«Ближайше три мѣсяца будутъ рѣшающими. Покажемся мы внизъ, будемъ ли безнадежно топтаться на мѣстѣ или, наконецъ, двинемся впередъ, — все зависитъ отъ успѣха начатой продовольственной кампаніи. Соберемъ продналогъ, будемъ бороться дальше, — значитъ, есть надежда на побѣду; не соберемъ, — забьется въ агоніи весь хозяйственный организмъ страны».

— она при всемъ своемъ официальномъ оптимизмѣ обнаруживаетъ, что сознание близости конца и ей нечуждо. Точно также, когда мы слышимъ Милютину, доказывающаго «Петровскому», что

«въ настоящее время продовольственное положеніе Россіи предопредѣляетъ собой не только экономическое существованіе совѣтской республики, но политическія ея перспективы. Сборъ продналога является первоочередной задачей... Продналогъ нужно собрать въ 100%. Никакой поспѣхи въ этомъ отношеніи нельзя проявлять» («Красная Газета» отъ 18.УІІІ),

— мы видимъ, что совѣтская власть отдаетъ себѣ правильный отчетъ въ своихъ «перспективахъ»... Она только ошибается въ томъ, что при какихъ-то условіяхъ ей можетъ удастся собрать «100% продналога». Никакая «безопасность»; никакое нагроможденіе «комитетовъ бѣднѣйшихъ крестьянъ» (для опредѣленія ставокъ «продналога») на спеціальные «трибуналы» (для разсмотрѣнія дѣлъ по неправильному и несвоевременному поступленію «продналога»); никакіе «добровольцы» изъ голодающихъ крестьянъ; никакіе отряды изъ бывшихъ жандармовъ и урядниковъ, нынѣ официально допущенныхъ къ службѣ

совѣтамъ, не дадутъ власти тѣхъ «100%», отъ которыхъ зависитъ ея дальнѣйшее существованіе!.. Ибо — «голодь была, какго не видали».. Если въ 1891-ый голодный годъ урожай не былъ ниже 27 пуд. съ десятины въ среднемъ для всей Россіи, то теперь онъ едва достигаетъ 7-10 пуд. Если въ прежніе голодные годы — (ср. идилическія картины «добраго» 1891-го голоднаго года, данныя выше въ «Воспоминаніяхъ» В. А. Оболенскаго) — кормились прошлыми запасами и сосѣдными избытками, — то теперь, какъ правило, нѣтъ ни запасовъ, ни избытковъ. То-же, что въ качествѣ исключенія осталось, — едва хватаетъ для прокормленія болѣе необходимыхъ для власти воинскихъ и бюрократическихъ частей. Проклятiе прошлаго тяготѣетъ надъ большевиками: ихъ предъущая политика предопредѣлила нынѣшнюю катастрофу; та-же политика обрекаетъ на провалъ всѣ ея попытки смягчить наступившее бѣдствіе.

Какъ всѣ авантюристы и неудачники коммунисты, конечно, ищутъ причинъ неудачи не въ себѣ, а во внѣ. Враги внутренніе и внѣшніе — извѣчный трафаретъ для оправданія собственныхъ ошибокъ власти. Свообразіе коммунистическаго творчества сказалось только въ лишенномъ смысла наименованіи этихъ враговъ «соціалпредателями» и «бѣлогвардейцами». Когда-же пройсками враговъ явно невозможно объяснить неудачи, — тогда подъ всѣми широтами и долготами привлекаютъ къ отвѣту стихійныя силы природы. Въ крушеніи своей хозяйственной политики большевики обвиняютъ весь міръ, всѣ партіи, народы, страны, все историческое прошлое — капиталистическій строй, войну, блокаду, царизмъ, Антанту, Польшу, бандитовъ, Петлюру, Врангеля, Антонова, Нуланса, Милюкова, Чернова, Мартова, — словомъ, всѣхъ, всѣхъ, всѣхъ, но только не себя и свой режимъ. Когда-же ни капитализма, ни Антанты, ни вмѣстѣ, ни порознь оказывается недостаточно для удовлетворительнаго объясненія, — на помощь привлекаются силы природы земля, солнце, почва и атмосферическіе осадки. Всѣ начала и концы въ объясненіи голода въ Совѣтской Россіи сводятся къ *з а с у х ѣ*.

Не надо, однако, быть агрономомъ, чтобы утверждать прямую зависимость между системой хозяйства и предупрежденіемъ засухи, между обработкой почвы, учитывающей необходимость запаса влаги, и возможными послѣдствіями бездождья. Большевицкая политика — причина того, что — изъ-за недостатка инвентаря — вспашка производилась недостаточно глубоко и далеко не всегда своевременно. Большевицкая политика отвѣтственна за то, что безвлажная почва оказалась беззащитной тамъ, гдѣ выпало недостаточно осадковъ, а тамъ,

гдѣ было достаточно осадковъ, оказалась недостаточной площадь посѣва; то-же, что было посѣяно, не могло дать высокой урожайности изъ-за негодныхъ сѣмянъ, недостаточнаго ихъ количества, отсутствія удобреній и т. д.

«Правильный расчетъ крестьянина этихъ мѣстностей (Поволжья), подверженныхъ столь ужаснымъ засухамъ, — имѣть хлѣбъ на прокормъ и засѣвъ не менѣе какъ на два, а то и на три года, — нарушенъ безпощаднымъ нашимъ временемъ и результаты налицо: голодъ, болѣзни, бѣгство населенія.

Вѣковымъ опытомъ земледѣльца нельзя безнаказанно пренебрегать, ибо этотъ опытъ основанъ не на бумажныхъ, кабинетныхъ соображеніяхъ, а на самой дѣйствительной суровой жизни, за науку которой заплачено кровью, потомъ и тысячами поколѣній». («Красная Газета» № 164 отъ 10.УІІІ).

Эта сентенція принадлежитъ Влад. Бонч.-Бруевичу, одному изъ тѣхъ, кто особенно рьяно пренебрегалъ опытомъ, кровью, потомъ и тысячами жизней въ первые годы большевистскаго хозяйничанія. Если откинуть типичный для большевизма, бессодержательный кивокъ на «безпощадное наше время», — даже среди Бончъ-Бруевичей оказываются такіе, которые не думаютъ, что между системой коммунистическаго хозяйства и бѣдствіемъ, обрушившемся сейчасъ на Россію, нѣтъ ничего общаго: голодъ отъ неурожая, неурожай — отъ засухи, а засуха — отъ Бога...

Сентенція Бончъ-Бруевича содержитъ указаніе и на непосредственную причину голодовки, — на отсутствіе всякихъ запасовъ для прокорма и засѣва. Не то, что на три или два года, но иногда и на два-три мѣсяца не оставалось запасовъ послѣ того, какъ совѣтская власть объявила новый, продовольственный фронтъ и приступила къ реализаціи урожая въ порядкѣ боевого задания. Докладывая на прошлогодней третьей сессіи В. Ц. И. К. о продовольственномъ положеніи, завѣдующій продовольственными операціями Брюхановъ предупредалъ:

«помимо агитаціонныхъ, пропагандистскихъ и организаціонныхъ мѣръ, мы совершенно опредѣленно вынуждены будемъ въ цѣломъ рядѣ губерній въ борьбѣ съ кулачествомъ вступить на путь примѣненія военной силы. И совѣтъ народныхъ комиссаровъ въ этомъ отношеніи принялъ цѣлый рядъ рѣшеній, въ результатѣ которыхъ мы значительно должны будемъ увеличить кадры военныхъ силъ, предназначенныхъ для продовольственной работы». («Экономич. Жизнь» № 215 за 1920 г.).

Были мобилизованы партійные коммунисты. Созданы т ы - с я ч и «продотрядовъ». На однѣ Самаркандскую и Сыр-Дарьинскую области было «брошено до трехъ тысячъ продотрядовъ», — съ удовлетвореніемъ отмѣчала «Экономическая Жизнь» № 209. Созданы были «чрезвычайныя тройки». И «продработа» закипѣла. Объ ея характерѣ въ общихъ чертахъ рассказала въ послѣдствіи товарищъ председателя всероссійской Ч. К. Лацисъ, посланный въ прошломъ году за хлѣбомъ въ пострадавшіе отъ недорода Камышинскій и Вольскій уѣзды Саратовской губерніи.

«Просо погибло отъ засухи совершенно. Мѣстами остались нескошенныя поля, такъ какъ косить не стоило труда. На нихъ пасли скотину... Это нанесло чувствительный ударъ всѣмъ хозяйствамъ, и они завопили о предстоящемъ голодѣ... Сельскіе совѣты стали выносить рѣшенія о невыполнимости разверстокъ и не только не помогли продовольственнымъ агентамъ, но не давали даже имъ работать... Мѣстные работники не испугались этой картины... Было ясно, что безъ реального нажима деревня не намѣрена подѣлиться кускомъ хлѣба». («Правда» отъ 2. XI. 1920 г.).

И «реальный нажимъ» былъ произведенъ. Крестьяне «вопили», но ссыпали... И въ результатъ, хотя по даннымъ совѣтской-же статистики пострадавшій отъ недорода районъ н у ж д а л с я во в в о з ѣ двухъ съ половиной милліоновъ пудовъ, разверстка-же требовала вывоза изъ него полмилліона пудовъ, — ретивый палачъ сумѣлъ уже къ концу октября выколотить изъ «вопившихъ» крестьянъ два съ половиной милліоновъ пудовъ!.. Онъ отлично сознавалъ, что дѣлаетъ. Его отчетъ о командировкѣ предвидитъ: «деревня будетъ мѣстами оставлена на голодномъ пайкѣ, мѣстами къ лѣту придется, пожалуй, даже подкормить и въ лучшемъ случаѣ дать сѣмена для обсмѣненія полей».

Возможно-ли послѣ этого добросовѣстно отрицать прямую зависимость между прошлогоднымъ набѣгомъ Лациса и нынѣшнимъ обостреніемъ голода въ Камышинскомъ и Вольскомъ уѣздахъ?!. Можно установить своего рода закономерность между успѣхами «разверстки» въ прошломъ году и размѣрами голода въ текущемъ. Эту связь между двумя явлениями — политическимъ и натуральнымъ — отмѣчаютъ почти всѣ корреспонденціи «Изъ голодныхъ мѣстъ», помѣщенные въ № 1 «Помощи».

«Особенно ужасно положеніе въ трехъ волостяхъ (Мелекесскаго у., Самарской губ.); отошедшихъ отъ Казанской губерніи. Онѣ выполнили въ прошломъ году двѣ раз-

верстки: и за Казанскую, и за Самарскую. Население этихъ трехъ волостей съ ранней весны живетъ въ страшной нуждѣ, все съѣдено, питаются листьями и зернами, выбираемыми изъ помета животныхъ».

«Почему такъ остро разразилась бѣда, — спрашиваетъ другой корреспондентъ изъ Сызрани. — Потому что у населенія не осталось никакихъ запасовъ и остатковъ на черный день. Разверстка прошлаго года была выполнена въ 120 %, а мѣстами — 150%. Населеніе осталось ни съ чѣмъ».

Кооперативно-продовольственный съѣздъ Самарской губерніи въ іюнѣ с. г. отмѣчаетъ: — «Самарская губернія несетъ на себѣ послѣдствія двухлѣтняго неурожая, между тѣмъ въ минувшемъ году на губернію была возложена совершенно непосильная разверстка, выполненная не только полностью, но и съ значительнымъ излишкомъ, чѣмъ интересы мѣстнаго населенія были принесены въ жертву государственнымъ интересамъ».

Указанія на эту прямую связь проникаютъ и въ официальныя органы печати. Такъ, корреспондентъ изъ Казани пишетъ въ «Извѣстіяхъ» № 153 отъ 15 іюля с. г.:

«Въ истекшіе 1920-1921 г.г. Татареспублика (татарская республика. — М.В.) оказалась одной изъ самыхъ исправныхъ на продовольственномъ фронтѣ... Хлѣбо-фуражная разверстка была выполнена уже къ 20 декабря 1920 года въ количествѣ 10.130.706 п. или 101%... Это блестящее выполнение заданій Наркомпрода оказало немалую услугу Р. С. Ф. С. Р. Цѣной такихъ же блестящихъ выполнений и въ другихъ губерніяхъ, несмотря на неурожайный годъ, мы спасли рабочіе центры нашей республики отъ голода и вымиранія. Однако, неоспоримымъ надо признать то, что для Татареспублики это блестящее выполнение общегосударственнаго плана разверстки оказалось не подъ силу».

За послѣдніе мѣсяцы, надо думать, населеніе не одной только «Татареспублики» приведено къ сознанію того, что между его интересами и интересами «Р. С. Ф. С. Р.» нѣтъ ничего общаго; больше того, — что «заданіе Наркомпрода» непримиримо съ благополучіемъ и даже съ простымъ существованіемъ населенія; что выполнение всякаго совѣтскаго «плана» несетъ населенію прямую вредъ; словомъ, — что совѣтская власть и народъ — враги. Дорого платитъ народъ за свою выучку: — «кровью, потомъ и тысячью поколѣній». Медленно усваиваетъ онъ мудрость жизни. Но разъ усвоенному — онъ остается вѣренъ твердо. Онъ можетъ не обрѣсти въ себѣ достаточной силы для активнаго наступленія, но для пассивнаго сопротивления особенной энергии и не требуется.

III.

Бѣдствіе этого года было такъ громко, ужасы такъ безмѣрны, что они поразили воображеніе всѣхъ, даже большевиковъ; по крайней мѣрѣ, въ самый первый моментъ. Не въ правительственныхъ или совѣтскихъ учрежденіяхъ было фиксировано бѣдствіе. «Совнаркомъ» и В. Ц. И. К. придерживались традиціонныхъ версій казенныхъ оптимистовъ. О голодѣ впервые заговорили въ кругахъ уцѣлѣвшей отъ большевистскаго террора общественности. Въ частныхъ бесѣдахъ, другъ съ другомъ, съ совѣтскими спѣцами; въ докладныхъ запискахъ тѣмъ, кому вѣдать о томъ надлежало; въ личныхъ ходатайствахъ объ аудіенціи у Ленина; въ сношеніяхъ съ маклеромъ и посредникомъ Горькимъ, общественные дѣятели въ Москвѣ еще со второй половины мая, сначала шепотомъ, а потомъ все громче и настойчивѣе, стали обращать вниманіе на идущую грозу.

Эти одиночные голоса остались неслышны. Они встрѣчали глухую стѣну и разбивались о недоувѣріе и легкомысленную самоуувѣренность власти. Мѣсяць спустя, на съѣздѣ агрономовъ и дѣятелей по опытному дѣлу и на собраніи московскаго общества сельскаго хозяйства индивидуальному частному почину была придана форма коллективнаго призыва. Но долженъ былъ истечь еще мѣсяць прежде, чѣмъ избранной 22 іюня общественной делегации дана была возможность довести до свѣдѣнія власти о «страшномъ положеніи Поволжья и другихъ пораженныхъ неурожаемъ мѣстностей». Фактъ «тягчайшаго, стихійнаго бѣдствія», наконецъ, дошелъ до сознания правителей. Они формально признали, что «справиться съ этимъ новымъ бѣдствіемъ можетъ лишь объединенная, согласованная и напряженнѣйшая работа всѣхъ силъ народа».

Это положеніе, вошедшее въ официальный декретъ объ образованіи Россійскаго Комитета Помощи Голодающимъ («Извѣстія» отъ 23 . VII.), создало почву для того, чтобы «впервые за послѣдніе четыре года» могли встрѣтиться «представители власти и общественные работники, чтобы по взаимному согласенію приступить къ общественно-государственному дѣлу»... Н. М. Кишкинъ, выступившій при открытіи Всероссійскаго Комитета съ особой декларацией «отъ имени инициативной группы», подчеркнул наличность д в у х ъ сторонъ — «власти и общественныхъ работниковъ», «давшихъ взаимное обязательство всю работу по спасенію голод-

ныхъ поставить подъ знакъ Краснаго Креста». Декларация отмѣчала, что предстоящее дѣло не политическое и не просто благотворительное, а «государственно и общественно обязательное»; что самая «работа, лишенная всякаго элемента политической борьбы, должна происходить открыто, гласно, подъ знакомъ широкаго общественнаго контроля и сочувствія».

Такова была основа соглашенія. Обѣ стороны пошли на него не безъ сомнѣній.

О сомнѣніяхъ «общественныхъ работниковъ», вошедшихъ въ Комитетъ, упоминаетъ уже декларация Н. М. Кишкина:

«Мы начинаемъ необъятное по своимъ размѣрамъ и, быть можетъ, непосильное для насъ при настоящихъ условіяхъ дѣло. Но пусть каждый оставитъ эти сомнѣнія позади. Впереди трудный путь и идти по нему нужно твердо, рѣшительно, съ вѣрой въ Россію и въ творческую силу ея народа».

Еще опредѣленнѣе о томъ говорятъ статьи въ органѣ Всероссийскаго Комитета «Помощь». Приведя рядъ доводовъ — патріотическихъ, народолюбческихъ, моральныхъ, — авторъ статьи «Vivos voco» заключаетъ:

«Мы знаемъ, на нашемъ пути будутъ трудности неизбежныя, подчасъ почти непреодолимыя, будутъ и трудности ненужныя... Общественныя силы шли въ лихія години къ народу, не задумываясь и оставаясь самими собою. Не могутъ, не смѣютъ онѣ не поступить точно также и теперь, нисколько не отказываясь отъ своего духовнаго и моральнаго лица».

Оставимъ же сомнѣнія! И пойдемъ на борьбу съ народной бѣднотой тѣмъ рѣшительнѣе, чѣмъ труднѣе и сложнѣе стоящая предъ нами задача».

Е. Д. Кускова, призывая «Подъ Красный Крестъ», предвѣдла:

«Быть можетъ, будутъ свалены этимъ вихремъ тѣ, кто осмѣлился поднять краснокрестный флагъ надъ своей работой къ спасенію голодныхъ людей. Не надо смущаться. Надо мужественно встрѣтить всѣ препятствія и вездѣ, гдѣ только можно, пропагандировать мысль о вѣнополитической помощи тѣмъ, кого поразилъ стихія, кто лежитъ раненый бичемъ голода, чье хозяйство грозитъ исчезнуть на многіе и многіе годы».

Въ борьбѣ за эту идею могутъ погибнуть отдѣльные ея носители. Но сама идея будетъ свѣтить человечеству какъ маякъ и во время войны, и во время самыхъ грозныхъ революцій. Смыслъ этой идеи — спасеніе человѣка, какъ единственной и величайшей цѣнности исторіи».

Еще болѣе серьезны были колебанія и недовѣрчивость тѣхъ, кто, по тѣмъ или другимъ основаніямъ, остался

за порогомъ Комитета. Среди нихъ были такіе, которыхъ не пустили. Но были и такіе, которые сами не пошли. Этихъ послѣднихъ, очевидно, имѣть въ виду редакторъ «Помощи» Мих. Осоргинъ, — говоря о «позволяющихъ себѣ роскошь скептицизма тамъ, гдѣ чувство простого человѣческаго состраданія призвано побѣждать резонерство».

Сейчасъ, въ свѣтъ позднѣйшихъ событій, если судить по ближайшему результату, быть можетъ, умѣстнѣе было-бы говорить не о «резонерствѣ скептиковъ», а о правотѣ прозорливцевъ, оказавшихся пророками въ своемъ отечествѣ. Однако, и сейчасъ, даже послѣ полного «торжества» пессимистовъ, нельзя все-таки упрощенно изображать былыхъ «оптимистовъ» въ качествѣ наивныхъ мечтателей, упорно не желавшихъ видѣть того, что видѣли всѣ, и изъ «чувства простого человѣческаго состраданія» — изъ любви къ ближнему — якобы оказавшихся отъ любви къ дальнему — отъ вѣрности прежнимъ принципамъ. Нѣтъ, «оптимисты» ни отъ чего не отреклись, никакихъ знаменъ не свернули; они тоже думали не о томъ, чтобы себя беречь, а о томъ, какъ бы душу сооживить, — исполнить свой долгъ предъ народомъ и человѣкомъ. Они открыто заявили: «Мы, инициаторы Всероссийскаго Общественнаго Комитета помощи голодающимъ, — люди разныхъ социальныхъ и политическихъ вѣрованій, и всѣ мы остались вѣрными своимъ старымъ знаменамъ и идеаламъ, за которые мы разными методами боролись... Изъ различныхъ социальныхъ и политическихъ лагерей, на которые мы раздѣляемся, насъ столкнуло воедино одно совнаніе, одно настроеніе. *Прежде чѣмъ спорить о формахъ общественнаго и государственнаго устройства, которыя каждый изъ насъ желалъ-бы для Россіи, нужно, чтобы Россія существовала, нужно сохранить ея живыя силы, носителей ея народнаго труда, созидателей ея народнаго благосостоянія, ея народной мощи.*» («Помощь» № 1. — *Курсивъ нашъ* — М. В.)

Порывъ, внушенный этимъ настроеніемъ и мыслью, былъ настолько стихіенъ, — что онъ не остановился у границъ Россіи. Онъ захватилъ самые разнообразныя социальные и политическіе круги въ Совѣтской Россіи — отъ «реалистовъ-общественниковъ» до патріарха Тихона. Онъ одинаково захватилъ, за малыми исключеніями, почти и всѣ круги зарубежной русской общественности. «Пораженцы» новой формации не блистаютъ мужествомъ настолько, чтобы открыто и послѣдовательно и моръ, и чуму, и холеру разсматривать какъ полезныхъ агентовъ и союзниковъ въ борьбѣ съ большевистскимъ строемъ. Сбиваясь и противорѣча сами себѣ, они предпочитали прямымъ отвѣтамъ на проклятые вопросы

обвиненія противниковъ и нападки на Общественный Комитетъ за его «соглашательство» съ большевиками.

Подписанное ген. Врангелемъ, Алексинскимъ и прочими магистратами воззваніе Русскаго Совѣта «Къ народамъ всего міра» идетъ настолько далеко, что, не видя «никакой реальной гарантіи для правильнаго распредѣленія запасовъ и засѣва полей» въ «обращеніи большевиковъ къ бывшимъ русскимъ общественнымъ дѣятелямъ, какъ-бы почтенны ни были ихъ имена», — высказываетъ даже опасеніе, что «устраненіе большевистской власти только въ мѣстностяхъ, пораженныхъ недородомъ, или не будетъ проведено на дѣлѣ или, что еще хуже, вызоветъ лишь вяшій хаосъ». Брандъ и въ Константинополь хочетъ сохранить вѣрность своему лозунгу: «все или ничего». Ему по прежнему сильнѣе всего претягъ частичныя мѣропріятія, и, пока не произошло полного и повсемѣстнаго устраненія большевиковъ, онъ предпочитаетъ сохранить единую и нераздѣльную власть за ними и въ мѣстностяхъ, пораженныхъ голодомъ!..

Тотъ-же максималистскій мотивъ звучитъ и въ бурцевскомъ «Общемъ Дѣлѣ»: Соотвѣтственно — и его отношеніе къ флагу Краснаго Креста:

«общественныхъ полубольшевистскихъ комитетовъ русскихъ, гдѣ Кишкины «ходатайствуютъ» о милостивомъ разрѣшеніи Каменевыми «обществу» работать съ «правительствомъ», съ обязательствомъ скрывать отъ народа причины голода и укрывать его виновниковъ»... («О. Д.» № 411.)

«Для избавленія Россіи отъ голода и прочихъ бѣдствій не только армія ген. Врангеля, но и меркуловское правительство и даже савинковскій союзъ неизмѣримо больше значитъ, чѣмъ всѣ Кишкины и Прокоповичи, чѣмъ всѣ московскіе и заграничныя «комитеты помощи» изъ русскихъ дѣятелей».

«Этотъ комитетъ имѣетъ своей задачей сборъ и приобрѣтеніе необходимыхъ голодающимъ средствъ, какъ въ Россіи, такъ и главнымъ образомъ за границей (разрядка моя. — М.В.) Онъ можетъ рассчитывать на сочувствіе и поддержку такихъ круговъ, которые не откликнулись бы на призывъ коммунистовъ. Самымъ фактомъ своего созданія и своей работы онъ будетъ свидѣтельствовать, что только доподлинныя враги русскихъ трудящихся массъ могутъ отказаться отъ работы на помощь голодающимъ подъ руководствомъ совѣтской власти». («Извѣстія» № 160)

Такъ въ «Общемъ Дѣлѣ» № 382, вскрывалъ между прочими, и С. Ольденбургъ немощь членовъ Общественнаго Комитета, въ томъ числѣ и своего отца-академика, вошедшаго въ его составъ...

За этими немногочисленными исключениями можно сказать в с я русская общественность за-границей принципиально одинаково отнеслась къ дѣлу помощи голодающимъ. Не говоря о социалистическихъ и демократическихъ группировкахъ и органахъ печати, — профессионально-классовый торгово-промышленный союзъ, умѣренно-либеральный «Руль» и даже опредѣленно правый, такъ называемый, Национальный Совѣтъ, — по разнымъ основаніямъ, съ различіями въ частностяхъ и степеняхъ, одинаково исходили изъ того, что «Россія превыше всего. Народъ — прежде всего!» (по удачному выраженію «Воли Россіи»). Только при такомъ настроеніи и могло случиться, что за однимъ и тѣмъ Комитетскимъ столомъ, напримеръ, въ Берлинѣ могли очутиться рядомъ руководители т. н. Национальнаго Комитета и совѣтскіе служащіе, В. Д. Набоковъ и коммунистка Третлеръ, членъ русско-нѣмецкаго монархическаго клуба Ф. В. Шлиппе и лѣвый эс-эрь А. Шрейдеръ...

И даже послѣ того, какъ большевистская власть признала простымъ клочкомъ бумаги подписанныя ею обязательства и ликвидировала Общественный Комитетъ въ Москвѣ, — тѣ элементы русской общественности, которые оказались за роднымъ рубежомъ, внѣ досягаемости коммунистическихъ чекистовъ, — остались вѣрны своей исходной точкѣ зрѣнія. Не говоря о радикальныхъ группировкахъ, даже т. н. Национальный Совѣтъ, несмотря на участіе въ немъ такихъ фигуръ, какъ Гучковъ, Гурко, Бурцевъ, — отмѣтивъ «существенныя препятствія на пути осуществленія помощи», все-же нашелъ въ себѣ рѣшимость заявить, что Совѣтъ «тѣмъ не менѣе попрежнему стоитъ на томъ, что все культурное человѣчество должно придти на помощь десяткамъ милліоновъ умирающихъ съ голоду русскихъ людей, и что не заказаны всѣ пути доставки продовольствія и медикаментовъ, съ гарантіей правильнаго ихъ распредѣленія, безъ оказанія денежной поддержки московскому совѣту комиссаровъ».

* * *

Если были сомнѣнія у «общественныхъ работниковъ», — ихъ было меньше и у противной стороны.

Въ первый моментъ, когда было фиксировано бѣдствіе, его характеръ и размѣры, власть ощутила тревогу. Это была, конечно, не патріотическая тревога. Тревога была эгоцентрическая, — близкая къ паникѣ. Слишкомъ ощутительна для всякаго въ Россіи — для командующихъ такъ-же, какъ и для повинующихся, — что власть и подчиненіе при коммунистическомъ строѣ опредѣляются количествомъ и качествомъ

пайковъ, вошедшихъ въ общую систему управленія какъ необходимый элементъ большевистской кары и награды. И когда загорѣлась и стала трескаться почва хлѣбороднаго Поволжья, властители не могли не почувать, что горитъ и у нихъ подъ ногами. Испугавшись какъ-бы «социалистической островъ» не погибъ до того, какъ его коснутся живительныя волны міровой революціи, большевики рѣшились... капитулировать, по мнѣнію однихъ, — использовать общественность въ качествѣ трамплина для очереднаго прыжка, — по мнѣнію другихъ.

Между обоими этими «мнѣніями» врядъ-ли существуетъ непримиримое противорѣчіе. Капитулирующіе вѣдь всегда надѣются на реваншъ, рассчитываютъ «se reculer pour mieux sauter». А использующіе невѣсомыя и мнимыя величины — въ данномъ случаѣ: обращенную въ политическое небытіе общественность — едва-ли дѣлаютъ это отъ избытка силъ, а не по нуждѣ. И каковы-бы ни были внутренніе ея мотивы, новѣ власть признала свое безсиліе въ борьбѣ противъ голода одними своими средствами; она оказалась вынуждена объявить *Burgfrieden* и создать «объединенный, всенациональный, лишенный классового признака, лишенный политики вообще» фронтъ, — по выраженію совѣтскаго офиціоза въ Берлинѣ. За послѣдніе четыре года такое «использованіе» случилось впервые. Оно имѣло признаки капитуляціи.

Конечно, не гуманными соображеніями руководилась власть когда она становилась на непривичный для нея путь. Переимѣна курса диктовалась тревожнымъ положеніемъ власти и жгучей необходимостью достигнуть неотложной задачи. О томъ спеціальному интересѣ, который представлялъ Комитетъ для власти, съ полной откровенностью писалъ его предсѣдатель Каменевъ на слѣдующій же день послѣ открытія Комитета.

Такъ оцѣнивали Комитетъ его коммунистическіе благожелатели. Далекое, однако, не всѣ коммунисты отнеслись благодушно къ новой «затѣѣ Ильича». Не всѣ коммунисты соглашались видѣть въ Комитетѣ хотя-бы условную полезность. Борьба теченій и вліяній, большевистскихъ группъ и группочекъ, началась еще до созданія Комитета. Она съ самага-же начала опредѣлила его личный составъ. Въ Комитетъ были допущены рабоче-крестьянскою властью б. царскіе министры, но ни рабочіе, ни крестьяне, ни болѣе лѣвые социалисты. Съ открытіемъ Комитета борьба не только не прекратилась, а обострилась. И послѣ двухнедѣльнаго его существованія понадобилось новое офиціальное разъясненіе о томъ, что нѣтъ ничего «страннаго» въ созданіи Комитета «съ участіемъ отнюдь не коммунистиче-

скихъ элементовъ». Дававшій разъясненіе предсѣдатель Комитета и въ то-же время предсѣдатель Московскаго Совѣта успокаивалъ взволнованныхъ товарищей, разсѣивая ихъ «колебанія, сомнѣнія и разные пересуды» доводами, сильно отклонявшимися отъ дѣйствительности, но за то убѣдительными для большевистской аудиторіи.

«...Прямой отказъ отъ постановки какихъ бы то ни было политическихъ условий для своего сотрудничества, съ готовностью работать подъ руководствомъ совѣтской власти, — есть уже само по себѣ прямой вызовъ, заграничному охвосту бѣлыхъ организацій русской буржуазіи.

...Нѣтъ никакого сомнѣнія, что голодъ, какъ и всякое явленіе, охватывающее миллионы людей, вызвалъ передвижку общественныхъ силъ. Мы можемъ, однако, смѣло сказать, что эта передвижка совершилась въ пользу совѣтской власти и что расчеты на «хлѣбную интервенцію» потерпѣть крушеніе такъ же, какъ расчеты на интервенцію военную. Потерпѣть крушеніе, между прочимъ, и потому, что совѣтская Россія въ трудный моментъ оказалась достаточно сильной и достаточно зоркой, чтобы не оттолкунуть предложенія, исходящаго изъ рядовъ разбитой въ открытомъ бою буржуазіи». (Петроградская «Правда» № 163 отъ 5.VIII.)

Если приложить этотъ критерій Каменева къ послѣдующимъ дѣламъ совѣтской власти, она, въ концѣ концовъ, оказалась ни «достаточно сильной», ни «достаточно зоркой». Этому можно-бы было только радоваться, если-бы за слабость и незоркость власти платилась-бы она сама, а не голодающіе...

Во внутренней борьбѣ коммунистовъ — за и противъ Комитета — сталкивались не только мнѣнія, но и различные интересы и самолюбія, личные и вѣдомственные. «Коминтернь» (коммунистическій интернаціональ), созданный какъ «средство для вѣшняго употребленія», съ естественной враждой и ревностью относился къ Комитету, который, по заданію, долженъ былъ «свою работу построить главнымъ образомъ на за-границу». И въ то время, когда органы «Совнаркома» еще не возражали противъ заграничной поѣздки делегатовъ Комитета, «Коминтернь» черезъ своихъ агентовъ уже готовилъ для нихъ за границей свою встрѣчу. Онъ предписывалъ «особо секретно» «Оперативному отдѣлу» своего «Бюро Западно-Европейскаго секретаріата пропаганды», за подписью Катаньяна, между прочимъ, слѣдующее:

«учреждать самыя точныя наблюденія за личнымъ составомъ миссій и группъ, а также за всѣми тѣми общественными организаціями и эмигрантскими группами, съ которыми указанные лица будутъ входить въ общеніе.

Организація внутренняго наблюденія обязательна.

Надлежитъ вести самый подробный дневникъ каждому изъ прикомандированныхъ людей. Сводки дневниковъ ежедневно не позже 10 вечера должны быть направлены съ особымъ курьеромъ до перваго пункта, откуда возможна радио-передача или прямой проводъ.

Для установленія внѣшняго наблюденія надлежитъ обратиться за содѣйствіемъ къ мѣстнымъ организаціямъ или же въ частныя детективныя бюро».

Главное расхожденіе было, однако, не между «Совнаркомомъ» и «Комитетомъ», а между Кремлемъ и Лубянкой. Ч.-К. на Лубянкѣ въ политическихъ тонкостяхъ не разбиралась. Она цѣнить и вѣрить только въ свои методы. «Такое новшество, какъ «общественный комитетъ» кажется ей опаснымъ... Говорятъ, что опубликованіе сообщенія о «заговорѣ» направлено, главнымъ образомъ, противъ кадетовъ: пусть-де не забываются! Это отмѣчалось еще 28 іюля московскимъ корреспондентомъ «Соціалистическаго Вѣстника» № 14/15. Чтобы проводить свою политику, Кремль долженъ былъ откупиться отъ Лубянки: и онъ заплатилъ чужими головами... Кремль и Лубянка метали жребій. Когда участь Комитета въ Москвѣ была рѣшена, — петроградскіе палачи получили свои «пуды мяса». Шестдесятъ одна жертва — въ ихъ числѣ Лазаревскій, Тихвинскій, Гумилевъ — должны были искупить коллективный грѣхъ русской общественности — преданность народу и готовность безкорыстнаго ему служенія...

Подпустивъ общественность къ помощи голодающимъ, власть утверждала, что она это дѣлаетъ не отъ слабости, а отъ силы. По ея представленію, эта «концессія», какъ и всѣ другія, принципиально ни въ чемъ не мѣняла общаго положенія: общественность кормить, народъ безмолвствуетъ, а власть по прежнему бдитъ. При такой конценціи власть явно переоцѣнивала свои силы, недооцѣнивала и силу противника. Она полагала, что та общественность, которая случайно уцѣлѣла отъ истребленія и вымиранія, не рѣшится на противодѣйствіе видамъ власти. Власть не учла стойкости «общественныхъ работниковъ», того, что ихъ можно погубить en masse, но соблазнить или добиться сдачи можно лишь у одиночекъ, въ качествѣ исключенія. По выраженію «Правды» № 200, — когда обнаружилось, что Комитетъ имѣетъ наглость не подчиняться рѣшенію верховнаго органа власти, онъ былъ ликвидированъ».

Власть просчиталась и въ другомъ. Она переоцѣнила силу отталкиванія международнаго капитала отъ коммунистической Москвы. Она недооцѣнила значеніе элементарной филантропіи въ жизни современныхъ культурныхъ народовъ,

которые благотворительствуютъ, не задаваясь никакими посторонними цѣлями и относясь совершенно безразлично къ политическимъ убѣжденіямъ тифозныхъ, холерныхъ и голодныхъ.

Когда Гардингъ оказался менѣе щепетильнымъ, чѣмъ о немъ думалъ Радекъ, оправдывавшій допущеніе «такъ называемыхъ общественныхъ элементовъ» тѣмъ, что «это удовлетворяетъ потребности буржуазныхъ правительствъ» и можетъ «понравиться г. Ллойд-Джорджу и г. Гардингу»; когда Хуверъ предоставилъ Брауну наединѣ договариваться съ Литвиновымъ; когда международныя краснокрестныя организации проявили сами громадную отзывчивость къ русскому горю; и когда къ тому же многострадальная русская общественность не согласилась повторить за Йовомъ: Богъ далъ, Богъ возьмъ, — да благословлено имя его, а стала проявлять «наглость» отстаивать какія-то свои права и независимость; словомъ, когда власть сообразила, что она трижды просчиталась, — общественность окончательно была скинута со счетовъ большевиковъ. Судьба Комитета была рѣшена. Неопредѣленными оставались лишь срокъ, обстановка и предлогъ для ликвидаціи.

Конфликтъ возникъ по вопросу о поѣздкѣ избранныхъ делегатовъ за границу. Съ одинаковымъ успѣхомъ конфликтъ могъ возникнуть и по другому поводу, хотя бы въ связи съ проектомъ присяги на «вѣрность» совѣтскому правительству всѣхъ некоммунистическихъ членовъ Комитета!.. Поѣздка была рѣшена въ первые же дни существованія Комитета. Она была санкціонирована властью. Однако, придя къ соглашенію съ Хуверомъ, власть нашла, что «немедленный отъѣздъ делегации не вызывается необходимостью». День подписанія Чичеринымъ соглашения съ Нансеномъ — 27-ое февраля — былъ днемъ ликвидаціи Общественнаго Комитета: собравшіеся на засѣданіе члены Комитета были арестованы агентами Ч. К.

Судьба, постигшая членовъ Общественнаго Комитета, далеко не неожиданна. Ее не трудно было предвидѣть. Центр. организац. Бюро партіи с.-р. въ своемъ воззваніи «Къ демократіи Европы и Америки» еще 18 іюля указывало: «совѣтская власть не сможетъ, не посмѣетъ дать просторъ общественной инициативѣ, ибо это предполагаетъ, какъ непремѣнное условіе, гарантію минимума гражданскихъ свободъ; а режимъ, держущійся исключительно на подавленіи всякихъ свободъ, естественно, не можетъ отказаться ни ради чего отъ такого метода, ибо это было бы для него чревато большими политическими опасностями». Отчетливо представляли себѣ свою судьбу и судьбу Комитета и сами его участники. Тѣмъ не

менѣе, когда разгонъ Комитета произошелъ въ дѣйствительности, онъ «произвелъ на Москву ошеломляющее впечатлѣніе. Можно смѣло сказать, что даже массовые разстрѣлы, которые Москва уже переживала, не ударили по ней такъ сильно, какъ ликвидація Комитета и арестъ его членовъ». Это отмѣчаетъ не другъ Комитета, а, скорѣе, его недругъ, изъ тѣхъ, у кого «съ самого начала къ Комитету Помощи установилось скептическое отношеніе, а затѣмъ даже и прямо ироническое!» (См. «Письмо изъ Москвы» отъ 1 сентября. — «Воля Россіи» № 305).

Роспускъ Общественнаго Комитета причинилъ непоправимое зло дѣлу помощи голодающимъ. Внутри-россійская помощь русской общественности «заказана.» Общественность въ Россіи лишена возможности соприкоснуться съ умирающимъ тихой смертью народомъ, облегчить его страданія, утѣшить его скорбь. Чтобы имѣть право утѣреть слезы страждущей Россіи, надо быть благотворителемъ изъ иностранцевъ.

Проблема помощи голодающей Россіи становится всецѣло и исключительно проблемой международной.

IV.

Четыре года большевистскаго владычествованія исчерпали силы русскаго народа, его матеріальную культуру и запасы. Народъ дошелъ до сумы и попрошайничества. Онъ растерялъ свою честь, вѣру въ себя, въ возможность подняться собственными средствами. Въ социалистическомъ отечествѣ, которое въ идеѣ и по историческому заданью должно стать царствомъ труда и творческой энергіи, — «никто не говоритъ о работѣ; всѣ говорятъ о ѣдѣ». («Правда» 5. VIII). Положеніе безвыходно. Одна надежда — «утянуться къ индѣйскому царю», какъ мечтаютъ русскіе Тильтиль и Митиль — Ванька съ Танькой съ голодныхъ мѣсть.

«— А индѣйскій-то царь нашихъ накормитъ?!

— Знамо накормитъ, ежели наши въ его вѣру перейдутъ.

— А наши перейдутъ?

— Знамо перейдутъ. Потому имъ: либо съ голоду дохни, либо переходи»... («Правда» % 179).

«Собственными ресурсами Россія изъ бѣды не можетъ выйти», — констатируетъ Центральный Комитетъ рос. социаль-демократіи. («Соціал. Вѣстн.» № 14/15). «Своими силами Россія съ голодомъ не справится», — удостовѣряетъ Центральное Организационное Бюро партіи социалистовъ-революціонеровъ. Въ признаніи этого факта сходятся всѣ единодушно.

Только въ этомъ, кажется, и сходятся «наши» и «ваши»: интервенціонисты съ анти-интервенціонистами и анти-интервенціонисты между собой...

Изякли не только силы у народа. Исчерпана до конца и выдумка у власти. Всѣ слова сказаны и либо уже взяты обратно, либо снова и вновь повторяются уже рѣшительно безъ всякаго смысла и убѣдительности. Ленинъ снова увѣряетъ, что спасетъ «электрофикація» («Правда» № 190). Троцкій по прежнему пугаетъ французской интервенціей (рѣчь въ московскомъ совѣтѣ 30-го августа.) Одни только Бѣляковы безмятежно выдумываютъ то плановое переселеніе голодающихъ, то усовершенствованную систему ирригаціи, то особо питательную «рыбную муку». Очевидно, что и практическія мѣропріятія новаго времени — казенная продажа спиртныхъ напитковъ, не свыше 14° крѣпости; или принципъ платности за аренду предпріятія, за промыселъ, помѣщеніе, проѣздъ, провозъ и т. д.; или взиманіе сборовъ въ пользу голодающихъ увеселительныхъ заведеній и скачекъ; — тоже не могутъ ни считаться продуктомъ коммунистическаго творчества, ни открытъ новыя перспективы.

Новыя перспективы въ связи съ народнымъ бѣдствіемъ, открылись для большевиковъ въ области внѣшней политики. Отзвѣчивость Европы и Америки они рѣшили направить не на спасеніе русскаго народа, а на спасеніе совѣтской власти, — придать гуманитарной помощи политическое назначеніе. Энергія совѣтскихъ агентовъ сосредоточилась на томъ, чтобы добиться помощи не людямъ, а учрежденіямъ; не народу, а системѣ; не Россіи, а существующей въ ней власти коммунистовъ-террористовъ. Отъ помощи продуктами къ восстановленію транспорта; отъ натуральной ссуды къ кредитной; отъ товарныхъ сдѣлокъ къ валютному займу; отъ матеріальной заинтересованности въ фактическомъ существованіи совѣтской власти къ ея формальному признанію; — такъ намѣчались естественные этапы внѣшнеполитическаго заданія. Обѣ совѣтскія фирмы — «Коминтернъ» и «Совнаркомъ» — стали работать въ одномъ и томъ же направленіи, примѣняя каждая свои обычные методы.

Въ открытомъ радіо-воззваніи «Коминтернъ» обратился къ «великой пролетарской семьѣ» съ разоблаченіемъ козней международныхъ филантропическихъ организацій. Онъ приглашалъ «коммунистическія партіи, красные синдикаты и революціонные кооперативы» «заставить буржуазныя правительства понять, что пролетаріи всего міра не останутся пассивными зрителями капиталистическаго покушенія противъ совѣтской Россіи», не дадутъ «напасть на совѣтскую

Россію подѣ маской благотворительности» и, главное, «не позволять поставить никакихъ условій для оказанія помощи». Въ томъ же строѣ идей секретное предписаніе, исходившее изъ Москвы отъ имени Бюро Западно-Европейскаго секретариата пропаганды (№ 56732-173), рекомендовало агитацію въ пользу помощи голодающимъ въ Россіи связать съ пропагандой революціи на мѣстахъ.

Редакторъ «Извѣстій» пояснилъ (16. VII), что обращеніе за помощью заграничнаго пролетаріата должно преслѣдовать не столько матеріальныя, сколько «моральныя», агитаціонно-революціонныя результаты. Соотвѣтственно съ этимъ сытому Стеклову ничего не стоило рекомендовать голодающимъ не обращаться къ «заправиламъ Амстердама, отъ которыхъ честныя рабочіе не только не примутъ никакой помощи, но съ которыми они и разговаривать не стануть». О томъ же, чего можно ждать реально отъ коммунистическихъ пролетаріевъ за границей, — даетъ представленіе отчетъ о засѣданіи соотвѣтствующаго «Комитета рабочей помощи», происходившемъ въ Берлинѣ 12-13 сентября. По предложенію германскаго коммуниста Гоффмана, рѣшено было «произвести подсчетъ наличныхъ суммъ въ разныхъ странахъ». Отчетъ въ «Новомъ Мірѣ» № 192 скромно отмѣчаетъ: «Въ виду неполноты цифровыхъ данныхъ и колебаній курса, итогъ окончательный не подведенъ». О размѣрахъ же неокончательнаго итога можно судить по тому, что, по удостовѣренію секретаря Комитета небезызвѣстнаго Мюнценберга, снаряженіе даже одного лазарета «не является выполнимымъ»...

Серьезное значеніе своимъ воззваніямъ, предписаніямъ или «работѣ на мѣстахъ» давно уже пересталъ придавать и самъ «Коминтернъ».

Реальная политика дѣлается въ «Коминдѣлѣ», въ комисариатѣ иностранныхъ дѣлъ. Руководитель внѣшнихъ торговыхъ сношеній совѣтской власти Красинъ повѣдалъ недавно о томъ, какъ обдѣлывали порученное имъ дѣло агенты «Коминдѣла»:

«Мы всѣми силами — докладывалъ Красинъ 5 сентября активнымъ коммунистамъ Петрограда — стремились заинтересовать англійскій дѣловой міръ. Когда уклонялось добросовѣстное купечество, мы обращались къ полупекулятивнымъ элементамъ. Съ пушечнымъ заводомъ Армстронга мы заключили соглашеніе о ремонтѣ 1500 паровозовъ. Армстронгъ подвигивалъ своихъ рабочихъ, тѣ давили на Ллойдъ-Джорджа, указывая, что русскіе заказы сократятъ число безработныхъ. Англійская буржуазія испугалась конкуренціи Германіи, и договоръ былъ подписанъ.

Заинтересовывая отдѣльныя группы, вызывая зависть, сталкивая лбами отдѣльныя фірмы, мы уменьшили сею

потери при реализація золота. На дняхъ будетъ подписанъ договоръ съ Норвегіей, въ ближайшемъ будущемъ съ Италіей. Наше представительство въ Лондонѣ организовало Карскую экспедицію, закупило все, что стояло въ спискахъ товаровъ нужныхъ сибирскому ревкому. Начальникомъ экспедиціи былъ приглашенъ помощникъ Нансена по полярному путешествію Свердрупъ.

...Въ настоящее время мы очень недалеко отъ большого денежнаго займа, и этотъ большой заемъ дастъ намъ нинто иной, какъ Франція, которая только этимъ путемъ исправить свои ошибки по отношенію къ Совѣтской Россіи». («Красная Газета»).

Теперь соглашеніе съ Норвегіей уже подписано. Договоръ призналъ, что «официальное представительство Р. С. Ф. С. Р. должно быть разсматриваемо, какъ единственное представительство російскаго государства» (п. 4 ст. 1). Опираясь на это соглашеніе, совѣтская дипломатія, подъ угрозой разрыва, вымогаетъ аналогичнаго рода соглашеніе у Швеціи. Она уже добилась заключенія нѣсколькихъ частныхъ кредитныхъ сдѣлокъ на пятилѣтній срокъ въ Швеціи и Англии. «Заинтересовывая отдѣльныя группы, вызывая зависть, сталкывая лбами и, главное, поступаясь Россіей во имя сохраненія своей власти, совѣтская дипломатія настойчиво «давить» и «подвинчиваетъ» на Западъ и на Востокъ. Она вступаетъ въ соглашеніе съ Японіей на основѣ признанія за Японіей особыхъ экономическихъ правъ въ Сибири и распространенія финансовой и торговой сферы ея вліянія до Читы. Она заманиваетъ Францію перспективой «жирныхъ кусковъ» («les gros morceaux»), которые не то уйдутъ въ Англию. «Пусть французское правительство измѣнитъ свое отношеніе къ намъ, и мы съ открытыми объятіями (à bras ouverts) примемъ всѣхъ французскихъ купцовъ или промышленниковъ, которые предложатъ намъ серьезныя дѣла», — гласитъ чичеринское «посланіе» въ «L'Humanité» 15. VIII.

Мы не знаемъ, какъ далеко пойдутъ большевики, чтобы воздѣйствовать на Францію, «оставшую на гонкахъ міровой буржуазіи», и убѣдить ее «взять хорошій финишъ и опередить своихъ хитрыхъ и коварныхъ союзниковъ» — «признать совѣтскую власть не только де факто, какъ это сдѣлала Англія, но и де юре» («Красная Газета» 6. IX). Но, если вопросъ о признаніи совѣтской власти даже со стороны Франціи стоитъ и падаетъ въ зависимости отъ признанія большевиками царскихъ займовъ, — то воистину судьбы своего международнаго признанія совѣтская власть держитъ всецѣло въ своихъ собственныхъ рукахъ. Признаніе старыхъ долговъ для ближайшаго времени, конечно, практическаго значенія не можетъ

имѣть. О завтрашнемъ же днѣ большевики никогда не имѣли ни времени, ни охоты думать: хорошо продержаться, хотя бы сегодня! А что касается «принципа» — аннулированія иностраннаго долга, — то долго ли Чичерину сдѣлать новое заявленіе: «ce n'est pas nous qui avons changé, mais le milieu qui nous environne» — не мы измѣнились, измѣнились внѣшнія условія!..

Голодь въ Россіи послужилъ для большевиковъ новымъ стимуломъ къ тому, чтобы «заинтересовать дѣловой міръ» въ своей судьбѣ. И для тѣхъ, кто уже давно ищетъ только повода и предлога, чтобы отступить отъ прежнихъ позицій непримиримости къ совѣтской власти, — что можетъ быть благовиднѣе — кредита совѣтской власти для помощи голодающимъ? Большевики эту психологию учли, какъ учили и объективное положеніе Европы. Передъ своимъ послѣднимъ отъѣздомъ изъ Москвы въ Берлинъ Красинъ сообщилъ совѣтской печати: «Хуверъ по телеграфу предложилъ мнѣ закупить продовольственные продукты въ Америкѣ, дабы создать прецедентъ оплаты сдѣлокъ въ Америкѣ совѣтскимъ золотомъ». Нельзя быть увѣреннымъ въ томъ, что Красинъ точно передалъ предложеніе Хувера. Но что слова Троцкаго въ рѣчи въ московскомъ совѣтѣ, послѣ разгона Общественнаго Комитета, — «Помощь голодающимъ въ силу міроваго кризиса является вопросомъ о переломѣ отношеній съ Россіей, о восстановленіи съ ней экономическихъ отношеній», — имѣютъ серьезныя подъ собой основанія, въ этомъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній. Троцкаго и Красина интересуетъ, конечно, не закупка продовольственныхъ продуктовъ для помощи голодающимъ, а будущее совѣтской власти. Но то же зачастую начинаетъ больше интересоватъ и иностранцевъ, подходящихъ къ проблемѣ помощи голодающимъ не съ точки зрѣнія непосредственнаго человѣколюбія къ страдающимъ, а съ точки зрѣнія своихъ національныхъ интересовъ или экономическаго восстановленія Европы. Заинтересованность въ судьбѣ совѣтской власти начинаетъ вытѣснять интересъ къ судьбѣ голодающихъ.

«Съ точки зрѣнія благополучія британскаго народа совершенно очевидно, что если Россія не будетъ ограждена отъ голода и, тѣмъ самымъ, сдѣлается невозможнымъ восстановленіе Европы, — значительная часть британскаго народа была бы обречена на бѣдность». И какъ практической выводъ къ тому, чтобы получить возможность вывозить предметы британской (и германской) промышленности, — что сократить число безработныхъ, — и вывозить изъ Россіи продукты

продовольствія, — что освободить Европу отъ гнета американскаго валютнаго курса, — рекомендуется открытіе совѣтской Россіи самыхъ широкихъ кредитовъ. И это рекомендуютъ уже не англійскіе дипломаты или негодіанты, — наоборотъ, англійская дипломатія уже начинаетъ мѣнять свое отношеніе къ совѣтской власти, а извѣстные благотворитель и ученый — предсѣдатель Комитета Помощи голодающимъ въ Австріи. — лордъ Пармуръ и сэръ Георгъ Пейчъ. (См. ихъ письмо въ «Times» 25. VIII).

Въ такой обстановкѣ не могло не получить широкаго международнаго резонанса соглашеніе, заключенное Чичеринымъ съ д-ромъ Нансеномъ 27 августа, въ которомъ говорилось:

«русское правительство, полагая, что финансовая помощь необходима для избѣжанія катастрофы, которая не только ввергла бы въ ужасныя бѣдствія большое число русскихъ людей, но имѣла бы длительное вліяніе на экономическую жизнь Европы, проситъ д-ра Нансена, тотчасъ возбудить отъ его имени ходатайство передъ европейскими правительствами о кредитѣ для Россіи въ 10 миллионвъ фунтовъ, — сумму недостаточную для разрѣшенія вопроса во всей его величинѣ, но которая позволила бы принять немедленныя мѣры для облегченія теперешняго бѣдствія»

Чичеринъ зналъ, что дѣлалъ, подписывая это соглашеніе. «Заинтересовать» черезъ Нансена, такъ называемую, Смѣшанную Комиссію краснокрестныхъ организацій, избравшей Нансена своимъ уполномоченнымъ; «столкнуть лбами» эту комиссію съ Комиссіей помощи, созданную при Верховномъ Совѣтѣ, «надавить» и «подвинуть»... Это было ясно. Но понималъ ли д-ръ Нансенъ уготованную ему роль? Понималъ ли онъ, что въ той тяжбѣ, которую онъ ведетъ, выиграть можетъ только совѣтская власть, но отнюдь не Россія? Предвидѣлъ ли онъ что его самого стануть «сталкивать лбами» съ Нулансомъ, а хуверовская организація будетъ взята тѣмъ подъ большее подозрѣніе, чѣмъ ближе къ реализаціи будутъ «Нансовхозы» или «Совнанкомы»?.. Лѣвые коммунисты (вѣроятно, Лубянка и «Коминтернъ») уже подняли кампанію противъ договора съ Хуверомъ, считая самостоятельность американцевъ «унизительнымъ для совѣтской власти вмѣшательствомъ въ ея внутреннія дѣла».

Можно не останавливаться на мотивахъ, руководившихъ отважнымъ мореплавателемъ, когда онъ соглашался съ большевиками. Можно не заподозривать ни его «національной» близости къ норвежской политикѣ, взявшей опредѣленно курсъ на совѣты (для Россіи); ни его личной близости къ

начальнику Карской экспедиціи Свердрупу, везущему нынѣ товары сибирскому «ревкому». Но что этотъ «истинный другъ совѣтской власти», какъ его, вѣроятно, безъ достаточныхъ основаній, спѣшитъ аттестовать Стеклова, — можетъ быть, и самъ не замѣтилъ, какъ, — но все-таки сдѣлался радѣтелемъ и предстателемъ за большевистскіе интересы, посредникомъ и маклеромъ по изысканію для совѣтской власти нужныхъ кредитовъ, — это фактъ объективный и непреложный, чреватый послѣдствіями и для Россіи, и для Европы.

Въ дѣлѣ помощи голодающимъ въ Россіи въ рядѣ пунктовъ интересы нѣкоторыхъ капиталистическихъ круговъ Европы сходятся съ интересами коммунистовъ въ Россіи. Въ этомъ громадный соблазнъ для Европы. Въ этомъ же величайшая угроза будущему Россіи.

Международную помощь голодающей Россіи могутъ оказать разъ. Нельзя рассчитывать на повторную помощь. Сдержанъ Россію было бы не подѣ силу и всему міру. Поэтому борьба съ нынѣшнимъ голодомъ въ Россіи неизбежно приводитъ и Россію, и Европу къ вопросу объ устраненіи *причинъ* голода, т. е. объ условіяхъ восстановленія русскаго народнаго хозяйства, или судьбѣ большевистской власти...

Большевизмъ въ Россіи прожилъ до тла; растратилъ не только свое достояніе, но и чужое; скомпрометтировалъ не только себя, но и социализмъ, революцію, рабочій классъ, демократію, самую Россію... Огнѣмъ онъ можетъ существовать только при активной поддержкѣ извнѣ и прежде всего — только при финансовой помощи иностранныхъ державъ. Здѣсь, въ вопросѣ о кредитахъ подѣ фиктивный бланкъ «голодающіе въ Россіи» и за скрѣпой совѣтскаго правительства, предполагающей тѣмъ самымъ его признаніе російской государственной властью, — завязанъ узелъ ближайшаго будущаго Россіи.

Конечно для тѣхъ, кто ратуетъ за международное признаніе совѣтской власти, — для нихъ здѣсь нѣтъ ни «узла», ни «проблемы». Съ своей точки зрѣнія «Соціалистическій Вѣстникъ» послѣдователенъ. Это не даетъ ему, однако, никакого права говорить о вымогательствѣ «свободы» при помощи куска хлѣба, протянутаго иза за границы», («С. В.» № 14/15) по адресу тѣхъ, кто защищаетъ необходимость самой напряженной помощи голодающимъ и въ то же время отрицаетъ возможность предоставленія валютныхъ кредитовъ «Совнаркому».

Мы призываемъ помогать людямъ, — но не совѣтскимъ учрежденіямъ! Народу, — но не коммунистической строю! Россіи, — но не большевистской власти! При полной готовно-

сти къ любой работѣ на почвѣ гуманитарной и краснокрестной; мы не можемъ и не хотимъ «отказаться отъ своего духовнаго и моральнаго лица».

Эта позиція не нова. Она традиціонна для русской общественности и демократіи, революціонной и неревoluціонной. Эту позицію открыто и легально заняли «общественные работники» во Всероссійскомъ Комитетѣ. Ее ровно тридцать лѣтъ тому назадъ нелегально защищаль революціонеръ и народолюбецъ Степнякъ-Кравчинскій.

«Голодь не исполнить должности муссорщика Россіи, — писалъ Степнякъ въ декабрѣ 1891 г. въ «Free Russia». Сами русскіе, если въ нихъ еще осталось нѣкоторое мужество, должны возстать, объединиться и заставить правительство уступить... Мы не можемъ призывать лишь къ одной помощи голодающимъ. Мы должны также призывать къ борьбѣ. Помощь бѣдствующимъ во что бы то ни стало! Но помощь для страны, помощь отъ кошмарной системы, которая есть причина теперешняго бѣдствія и которая повторить его еще и еще разъ, если только ей позволять продолжать свое существованіе!»

Эти слова были написаны въ «добрый» голодный годъ, въ эпоху Александра III. Ихъ призывный и вѣщій смыслъ сохраняетъ свою полную силу и въ нынѣшнюю злую годину при торжествующей коммунистической власти.

Маркъ Вишнякъ.

КРИТИКА И БИБЛОГРАФІЯ.

Г. К. Гинсъ. — СИБИРЬ, СОЮЗНИКИ И КОЛЧАКЪ, томъ II.

Въ библиографическомъ разборѣ перваго тома книги Гинса (см. Совр. Записки № 6) мы давали уже характеристику общей физиономіи творчества его, указывая на то, что передъ нами не историческое изслѣдованіе, а плохо переработанный и перегруженный мелочами матеріалъ, сильно окрашенный къ тому-же симпатіями и антипатіями авторъ. Въ введеніи по второму тому г. Гинсъ подтверждаетъ эту характеристику, отказываясь отъ роли историка и заявляя, что онъ смотритъ на свой трудъ «какъ на связанный дневникъ, какъ на запасы впечатлѣній человѣка», но, который пишется «не для того, чтобы кого либо оправдать или тѣмъ болѣе кого-либо очернить, а только для того чтобы помочь болѣе объективнымъ судьямъ уяснить себѣ ходъ событій».

Второй томъ значительно интереснѣе перваго и, если исключить совершенно ненужныя экскурсіи автора въ такія области, какъ, на примѣръ, описанія горнозаводской промышленности и др., то получится довольно содержательный разсказъ о сибирскихъ событіяхъ. Конечно, это далеко не исторія Сибири 1919-20, ибо г. Гинсъ по своему положенію какъ управляющій дѣлами, а потомъ и министръ, прикрѣпленный къ канцеляріи, черпалъ свои наблюденія въ весьма ойграниченномъ пространствѣ.

Начинаетъ г. Гинсъ свой второй томъ съ описанія новаго строя, воцарившагося на разрушенномъ зданіи Директоріи 18 ноября 1918 г. Новый строй въ его разсказѣ съ первыхъ же дней оказался весьма непрочнымъ. Не оказалось на лицо того, о чемъ устами бывшаго министра Ключникова, Буурцева и др. прокричали на весь міръ: ни единенія силъ, ни твердой власти. Даже больше новая власть оказалась окруженной враждебными силами и, если были у нея дни успѣховъ, то только благодаря случайнымъ обстоятельствамъ.

Главный и наиболѣе сильный врагъ по свидѣтельству автора — это эсеры. Какъ и въ первомъ томѣ, Гинсъ не щадитъ словъ по

ихъ адресу и совершенно забываетъ свое обѣщаніе не писать для того, чтобы «тѣмъ болѣе кого-либо очернить». То же случается съ авторомъ всякій разъ, когда онъ касается роли чеховъ. По адресу эсеровъ Гинсъ не стѣсняется въ разныхъ обвиненіяхъ вплоть до денежных хищеній, то-же самое и по поводу чеховъ. Такъ, напримѣръ, ихъ отказъ въ признаніи Колчака и демонстративный уходъ съ фронта послѣ сверженія Директоріи онъ объясняетъ тѣмъ что «не желавшимъ воевать чехамъ переворотъ 18 ноября открылъ возможность прикрыть истинныя причины уклоненія отъ военныхъ дѣйствій политическими мотивами». Позднѣйшую роль чеховъ въ качествѣ охранителей желѣзнодорожнаго сообщенія Гинсъ сводитъ къ хищеніямъ русскаго имущества и, наконецъ, не задумывается бросить не менѣе тяжкое обвиненіе въ «предательствѣ», каковое выразилось въ томъ, что въ моментъ когда отступала армія Колчака, чехи искусственно преградили ей путь, отказавъ въ пропускѣ по желѣзной дорогѣ и отдали ее на уничтоженіе большевикамъ.

Характерно, что несмотря на такое отношеніе къ эсерамъ и чехамъ, авторъ не перестаетъ скорбѣть объ ихъ отрицательномъ отношеніи къ власти, которая, третируя ихъ также какъ онъ, а при удобныхъ случаяхъ и истребляла физически. Какой-то наивностью звучатъ его lamentаціи о томъ, что эсеры («эсеровская братія» какъ онъ выражается) «вмѣсто содѣйствія адмиралу, противодействуютъ его успѣхамъ». И тутъ-же рассказываетъ исторію, которая въ свое время надѣлала много шума. Это звѣрское убійство выхваченныхъ изъ тюрьмы социалистовъ въ декабрѣ 1919 г. Нельзя не отмѣтить одного пункта въ этомъ разсказѣ г. Гинса. По его свидѣтельству, «демократія Сибири отнесла гибель этихъ политическихъ дѣятелей главнымъ образомъ на счетъ министра юстиціи С. Старынкевича», который, во первыхъ «не заявилъ протеста противъ распоряженія ген. Иванова-Рѣпова о преданіи полковому суду», а затѣмъ «замедлилъ съ освобожденіемъ и не сумѣлъ принять мѣръ къ ихъ охранѣ».

Но воротимся къ хроникѣ событій. Еще не прошло мѣсяца существованія новой власти, а уже завелась «язва беспорядочности и произвола», которая «росла и давала себя знать, заражая политическую атмосферу». Власть окружили тѣ, которые ее и создали, т. е. правые элементы, и въ результатѣ г. Гинсъ долженъ признаться, что «нечего грѣха гаять: крайняя правая, гдѣ много общаго въ пріемахъ и методахъ съ большевизмомъ, стала прояслять свою негосударственную психологию и разрушать работу возрожденія и умиротворенія страны». Къ этимъ людямъ фактически перешла вся власть и адм. Колчакъ имѣлъ дѣло съ ними, игнорируя министерствъ и вообще гражданскую власть съ ея проектами разныхъ реформъ и пожеланій.

Военная власть править всѣмъ, внося всюду произволь и жестокость, населеніе ропщеть и бунтуетъ, союзники, по обыкновенію, ведутъ неопредѣленную политику, а совѣтъ министровъ занимается внутренними интригами: «Старынкевичъ воюетъ съ Михайловымъ, стараясь его всячески ущемить, воен. мин. Степановъ пикируется съ мин. вн. дѣлъ Гаттенбергеромъ, а предс. совѣта мин. (Вологодскій) чувствуетъ себя безпомощнымъ и не знаетъ, какъ ему быть». Такова картина обновленного строя.

Положеніе спасаютъ на время успѣхи на фронтѣ. Отвоевывается Уралъ, войска докатываются почти до Казани. Военныя успѣхи окрыляютъ надежду правыхъ. Разгулъ произвола въ тылу и, особенно, на фронтѣ достигаетъ апогея. Всякія обѣщанія о реформахъ въ духѣ демократизма забыты.

Но быстро проходитъ періодъ успѣховъ: дезорганизация въ тылу, безучастное, а часто и враждебное настроеніе населенія дѣлаютъ свое дѣло. Начинается отступленіе, сначала медленное, а затѣмъ въ полномъ безпорядкѣ. Наступаетъ неумолимая катастрофа. Власть мечется безпомощно и ищетъ, какъ полагается, спасеніе въ призывахъ къ населенію, которое уже не довѣряетъ ей. Обновляютъ кабинетъ министровъ, удаляя наиболѣе одиозныя фигуры, даже о созывѣ всесибирскаго народнаго собранія заговариваютъ. Верховный правитель Колчакъ идетъ сначала неохотно на этотъ путь. По описанію автора «онъ кричалъ, стучалъ кулакомъ швырялъ всѣ предметы» и пр., но потомъ сдался. Впрочемъ уступки были имъ сдѣланы не коренного характера: «законы вѣтаны срунда, твердилъ онъ, не въ нихъ дѣло; если начнемъ побѣждать, сразу и повсюду приобрѣтемъ опору».

Кстати, о фигурѣ покойнаго Колчака. Авторъ посвящаетъ много страницъ характеристикѣ адмирала какъ правителя, командующаго войсками и общій выводъ его таковъ. «Приходится сказать, что не было у насъ верховнаго правителя». «Адмиралъ былъ политически наивнымъ человекомъ, неудачнымъ политикомъ и полководцемъ». «Онъ чувствовалъ себя безпомощнымъ въ сухопутныхъ операціяхъ гражданской войны». «Особенно занимали его «протоколы сионскихъ мудрецовъ», ими онъ прямо зачитывался; нѣсколько разъ онъ возвращался къ нимъ въ общихъ бесѣдахъ, и голова его была полна антимассонскихъ настроеній». Позднѣе, въ трагическую минуту, когда войска отступили уже къ Иркутску и совѣтъ министровъ, спасая власть, проектировалъ созданіе «Земскаго совѣщанія», адмиралъ отказалъ въ этомъ, такъ какъ въ составъ этого органа должны были входить три еврея. И съ устъ Гинса срывается невольная фраза: «Какую отвѣтственность взяли на себя люди, которые въ ночь на 18 ноября 1918 г. рѣшили выдвинуть адмирала на мѣсто Директоріи!»

Событія нарастали быстро. Не видя ни откуда помощи, стали просить ее у иностранцевъ, не останавливаясь передъ условіями. Мин. Гойеру и Третьякову «поручено было войти въ переговоры съ японскимъ посломъ относительно тѣхъ экономическихъ выгодъ, которыя могли-бы быть предоставлены Японіи на Дальнемъ Востока, въ случаѣ ея помощи правительству». Начались разговоры о перемѣнѣ ориентаціи. Но все было безплодно. Катастрофа уже началась; пришлось сдать Омскъ и бѣжать на Востокъ. Войска отступали въ ужасныхъ условіяхъ, безъ желѣзной дороги, страдая отъ морозовъ и голода.

Въ Иркутскѣ наступила агонія.

Сдѣлана была еще попытка. Во главѣ бѣжавшаго правительства всталъ Пенелеевъ, который «горѣлъ желаніемъ демократизировать курсъ правительства, подчинить себѣ военныя власти а впослѣдствіи добиться выѣзда верховнаго правителя изъ Сибири». Даже эсеровъ привлечь въ правительство хотѣлъ. Но въ это время уже создался въ Иркутскѣ такъ называемый «политическій центръ» изъ лѣвыхъ элементовъ, который захватилъ власть, пользуясь поддержкой союзниковъ. Колчакъ изъявилъ согласіе на предложеніе совѣта министровъ отречься въ пользу Деникина и отдать себя подъ охрану союзниковъ. По прибытію въ Иркутскъ онъ и Пенелеевъ были переданы повстанческимъ властямъ.

Такъ кончилась эпоха сибирской диктатуры.

Смѣнившая ее власть иркутскаго «политическаго центра» продержалась нѣсколько дней и была легко ликвидирована большевиками, и Сибирь погрузилась въ мракъ совѣтскаго хаоса.

Подводя итоги своимъ очеркамъ, министръ Гинесъ меланхолически замѣчаетъ: «сила новыхъ движеній и будущихъ русскихъ правительствъ будетъ измѣряться исключительно степенью близости ихъ къ народу, степени участія самого народа въ отправленіи власти». «Эпоха Колчака и Деникина были кризисомъ въ нововой болѣзни русскаго народа».

Надо надѣяться, что эта болѣзнь изжита и не вернется.

А. Аргуновъ.

Г. В. Плехановъ. — «ГОДЪ НА РОДИНѢ». Полное собраніе статей и рѣчей 1917-1918 г., въ двухъ томахъ. Изд. I. Povolozky, Paris 1921 г.

Г. В. Плехановъ — фигура слишкомъ значительная въ исторіи русской культуры послѣднихъ десятилѣтій, чтобы можно было пренебречь любой строчкой блестящаго писателя, глубокаго мыслителя и страстнаго борца за идеалы эмансипирующагося человечества.

Со смертью Г. В. Плеханова, можно смѣло сказать, кончилась героическая полоса въ исторіи русской общественной мысли, начавшаяся неистовствомъ Бѣлинскаго и черезъ неистовство Герцена и Михайловскаго дошедшая и пона остановившаяся на неистовствѣ Плеханова. При жизни Г. В. Плеханова его неоднократно обвиняли въ страстномъ, черезъ край бьющемъ полемизмѣ, мѣшавшемъ иногда людямъ, даже раздѣлявшимъ его основныя соціально-политическія и философскія предпосылки, стать въ ряды борцовъ подъ однимъ съ нимъ знаменемъ. Подъ этими знаменами было не тепло, а жарко... Обжигались не только противники, обжигались и друзья. Теперь, когда все это уже — увы прошлое — теперь легко распознать во всемъ этомъ нашу національную черту: наше *неистовство общественно-литературнаго служенія*. Намъ не дана была условіями нашего культурнаго и общественно-политическаго развитія эта благодать спокойнаго-размѣреннаго идеологическаго творчества, знакомая даже самымъ крайнимъ теченіямъ въ Западнѣй Европѣ. Въ Г. Плехановѣ же соединились въ одинъ огневдышащій потокъ двѣ бурныя струи: полемическая традиція марксизма и неистовство героической полосы русской общественной мысли, начавшееся Бѣлинскимъ.

И вотъ послѣ 37 лѣтъ изгнанія борецъ, углубившійся въ исторію Россіи, въ исторію искусства, пріѣзжаетъ физически немощный на родину и вновь вспыхиваетъ священнымъ огнемъ общественнополитическаго неистовства. И нѣтъ никому пощады: ни «своимъ», ни «чужимъ», ни врагамъ. Замѣчательно, что первая же рѣчь, произнесенная черезъ два дня послѣ пріѣзда въ Россію, человѣкомъ больнымъ и усталымъ отъ тяжелой дороги, дышетъ все тѣмъ же безстрашіемъ, неистовствомъ по отношенію къ чужимъ и своимъ. Въ тотъ моментъ «свои» были во власти диммервальдизма. Говорить тогда въ народной аудиторіи о необходимости рѣшительной борьбы съ нѣмцами, тѣмъ болѣе о «побѣдѣ» было признакомъ весьма дурнаго тона и крайне «нетактичнымъ». Я былъ тогда среди его слушателей и знаю достовѣрно съ какимъ двойнымъ чувствомъ уваженія къ учителю и рѣшительнаго отрицанія его ученія слушали его руководящіе элементы совѣта депутатовъ. И что же? Плехановъ никого не пожалѣлъ. «Свои» сидѣли на иголкахъ, потому что огромное чувство радости отъ соприсношенія съ родной освобожденной землей, вмѣстѣ съ исключительными ораторскими дарованіями Плеханова покоряли толпу, которую учили «противъ войны» и которая охотно эти лозунги усталости и пораженія впитывала. И этой массѣ въ такой моментъ, среди такъ настроенныхъ «своихъ» онъ говорить о томъ, что «соціалъ-патріотомъ» быть хорошо и онъ поэтому таковымъ является...

Неистовые люди одиноки... Но неистовые люди не боятся одиночества. Или вѣрнѣе такъ: неистовые люди не боятся одиночества и поэтому они одиноки. Плехановъ выпилъ всю горькую чашу этого положенія. На родинѣ не нашлось для него мѣста въ ряду командующихъ силъ русской революціи. Рядомъ съ нимъ было неудобно и очень... опасно.

Въ маленькой, слабой технически и слабой, за исключеніемъ самого Плеханова, литературно газетѣ «Единство» онъ отмежевалъ себѣ мѣсто, гдѣ началъ свою работу борьбы съ кривопутьями русской революціи... «Единство» мало читалось. И одинъ «единственный» въ своемъ «Единствѣ» онъ сжигалъ послѣдніе остатки своихъ, подхлотившихъ къ концу силъ въ борьбѣ за революцію демократическую, за Россію національно независимую, за социализмъ научный и реалистическій.

Два тома, изданныхъ друзьями покойнаго содержать его многогя рѣчи и статьи изъ «Единства». Прочитывая ихъ теперь, внѣ давленія алобы дня, по настоящему начинаешь чувствовать неистовую правду многихъ высказываній Плеханова. Видишь, конечно, и ошибки другихъ. Не въ этомъ дѣло. И не съ точки зрѣнія суда надъ ошибками однихъ или другихъ интересны эти два тома. Эпилогъ мартовской революціи, развалины Россіи гораздо поучительнѣе самыхъ неистовыхъ истинъ и самыхъ неистовыхъ заблужденій. Цѣнность этихъ случайныхъ замѣтокъ, иногда полемическихъ отписокъ, а иногда серьезно разработанныхъ темъ состоятъ въ томъ, что на нихъ вы можете прослѣдить годъ въ исторіи русской революціи, освѣщенный яркимъ умомъ и яркимъ перомъ исключительнаго по внутреннему напряженію таланта. Какъ газетнаго работника, откликающагося почти изо дня въ день на трагическія событія современности Плеханова можно видѣть только въ рецензируемой книгѣ. И поразительно, какъ онъ здѣсь равенъ самому себѣ. Въ маленькой газетѣ среди тѣсныхъ столбцовъ Плехановъ не размѣнялъ себя, а только по иному выявилъ. Для исторіи и теоріи газетнаго стиля эти два тома являются неоцѣнимымъ вкладомъ. Первое, что можно извлечь изъ нихъ — это огромное чувство *свободы*, владѣющее перомъ автора. Въ маленькой статейкѣ Плеханову — *не тѣсно*. Онъ ни о чемъ не говоритъ мимоходомъ. И каждая фраза, каждое слово сказаны и написаны такъ, точно дальше другія слова и фразы здѣсь уже побывали и побратались съ тѣснымъ единствѣмъ. Плехановъ не боится экскурсіи въ любую область духа и знанія, онъ охотно сыплетъ цвѣтами своего энциклопедизма, — то, что насъ поражаетъ въ крупныхъ работахъ нашихъ «неистовыхъ», въ толстыхъ журналахъ и книгахъ.

Раціонализмъ — вторая черта газетныхъ писаній Плеханова. Блескъ, энциклопедическая искрометность Плеханова подчи-

нены всегда страшной системѣ простыхъ ясныхъ силлогизмовъ. Они иногда раздражаютъ своей элементарной конструкціей, своей непреодолимой если можно такъ выразиться... направленностью. Для того, чтобы убѣжать отъ вывода, который вамъ почему-либо не правится надо вернуться назадъ. Вернувшись къ началу для того, чтобы отвергнуть конецъ вы находите положеніе столь простое и элементарное, что отбросить его никакъ невозможно. Элементарность силлогизма начинаетъ казаться ловушкой, плѣномъ...

Рационализмъ въ газетной статьѣ — это во всякомъ случаѣ замѣчательное и рѣдко встрѣчающееся явленіе публицистической прозы.

И третье: безстрашіе передъ инако мыслящими. Взять быка за рога, ударить по самому большому мѣсту — въ этомъ Плехановъ рѣдкій мастеръ. Во многихъ случаяхъ можетъ казаться, что Плехановъ какъ бы нарочно затрагиваетъ самые острые моменты спора. Передъ трагическіи закончившимся наступленіемъ русской арміи Плехановъ пишетъ объ этомъ со смѣлостью и рѣшительностью, приводившия, я это помню, въ недоумѣніе очень многихъ близкихъ къ его убѣжденіямъ оборонцевъ. Плехановъ явно «портилъ» дипломатію многихъ дѣятелей революціи, придерживавшихся тѣхъ же взглядовъ, что и онъ, но предпочитавшихъ глубокомысленно молчать.

Теперь мы видимъ цѣну этого молчанія, Но тогда, надо это признать, положеніе часто было таковымъ, что многія идеи отбрасывались не вслѣдствіе ихъ внутренней несостоятельности, а потому, что ихъ высказываль... Плехановъ. Они становились «плехановскими», т.е. компрометирующими...

Такъ ровнымъ образомъ Плехановъ становился пугаломъ для многихъ изъ «малыхъ сихъ» и не только «малыхъ».

Два тома статей Плеханова — это трагическая повѣсть одиночества большого человѣка, мыслителя и писателя. Это лебединая пѣсня умирающаго борца, который бросилъ свои научные труды, чтобы жить и работать среди родного народа и которому суждено было страдать и умереть въ финской деревушкѣ...

Изданіе снабжено біографическимъ очеркомъ, не могущимъ удовлетворить потребности въ синтетической характеристикѣ Г. В. Плеханова. Эта задача ждетъ еще своихъ исполнителей. Изъ предисловія мы узнаемъ, что авторъ біографіи пользовался «неизданными еще воспоминаніями Р. М. Плехановой». Нечего говорить какое огромное значеніе для знакомства съ обликомъ Г. Плеханова имѣло бы изданіе этихъ воспоминаній.

Ст. Ивановичъ.

Ив. Наживинъ. — «ЗАПИСКИ О РЕВОЛЮЦИИ». Кн-во «Русь», Вѣна 1921 г.

Какъ только читатель зайдетъ обложку, онъ прочтетъ слѣдующее въ траурной рамкѣ посвященіе: «Памяти павшихъ подъ трехцвѣтнымъ знаменемъ за нашу старую Россію, — Великую, Единую, Недѣлимую...» И такъ какъ Ив. Наживинъ все сдѣлалъ, чтобы заслужить дурную славу человѣка реакціи, монархиста и злостнаго врага новой, чаемой Россіи, то боюсь, что его книгу многіе не станутъ читать...

Противъ этого я хочу рѣшительно возразить. Книга Ив. Наживина — человѣческій документъ большого психологическаго и культурно историческаго значенія. Это книга — стоны, горькій плачь, налитое желчью раздраженіе талантливаго обывателя противъ революціи. Она оказалась для него, какъ и для многихъ другихъ, только проклятой нечѣстностью, грандіознымъ... неудобствомъ, безобразнымъ озорствомъ и хулиганствомъ, направленнымъ противъ него. Противъ него, противъ его жены, противъ его дѣтей, противъ его домика и маленькаго хозяйства въ Булановѣ, противъ его старика отца, противъ его заработка и его тихихъ литературныхъ трудовъ. Все полетѣло къ черту вверхъ тормашками. И болѣли дѣти, горячо любимыя, и безмѣрно страдала жена, и стало невозможнымъ что-либо печатать и стало шумно, неуютно, тревожно, голодно и обезцвѣтилась тихая, хорошая, трудовая жизнь. И появилось много глупыхъ и много дерзкихъ и много преступныхъ и много крикливыхъ людей и тормозили и тревожили и покою не давали и лѣзли и сапогами стучали и ничего понять нельзя было. И нельзя было куда убѣжать и даже... громко выругаться. Что хотѣла революція отъ Ив. Наживина — толстовца, религіознаго анархиста, мягкаго тихаго человѣка, мастера рассказывать, хорошаго хозяина, отца, мужа, писателя и издателя? Что ей было дѣлать въ Булановѣ, гдѣ царствовалъ миръ, гдѣ писатель Иванъ Наживинъ былъ свой — хороший, уважаемый, почтенный и добрый со-сѣдь, толковый совѣтникъ, говорившій съ мужиками, какъ свой братъ-мужикъ, большая голова, смекалистая во всякихъ дѣлахъ?

Непонятно! Дико, глупо... И сколько кругомъ всякихъ нахаловъ и сколько... евреевъ! Нѣтъ, почему, скажите, такъ много евреевъ? Мало всего прочаго, такъ еще евреи... Дышать невозможно.

Когда пришли большевики стало еще хуже.

«За собаку простую потребовали 25 руб., за охотничью — 50 руб., а за комнатныхъ болонокъ и шавокъ по 100 руб., такъ какъ держутъ ихъ только буржуи. И сотни семей, и безъ того

раззоренныхъ должны были своими руками убивать своихъ ни въ чемъ неповинныхъ любимцевъ... Голодъ росъ не по днямъ, а по часамъ. При скромномъ столѣ нашемъ намъ не хватало уже ста рублей въ день, объ обновленіи гардероба нечего было и думать. Мучились съ дровами, съ молокомъ, маѣломъ... Обувь за деньги почти нельзя было купить и я вымѣнялъ своего Франкотта на пару ботинокъ и они оказались никуда негодными черезъ двѣ недѣли. Добывать необходимыя средства становилось все труднѣе и труднѣе... И часто купивъ муку, голодные убѣждались съ отчаяніемъ, что это не мука, а какая-то гадость, поддѣлка, а сахаръ, не сахаръ, а кусочки старой штунатурки).

Книга Ив. Наживина, глубоко автобиографическая, вся дышетъ этимъ трагическимъ сознаніемъ революціоннаго неужога, тяжести, колкости, мучительности...

Для психологій контръ-революціи, для изученія душевныхъ пружиныхъ, толкающихъ лѣваго, гуманнаго, здравомыслящаго человѣка въ объятія реакціи «Записки» Ив. Наживина трудъ рѣдкой силы и наглядности. Въ этомъ отношеніи, несмотря на весь ея субъективизмъ, вѣрнѣе благодаря ему — книга Наживина имѣетъ глубоко объективный характеръ. Я скажу, что книга Наживина — искренняя книга. Онъ не поддѣлывается подъ революцію... Когда ему стало неудобно, а ему стало неудобно съ перваго же дня — онъ разозлился и злость свою не скрывалъ, а бросалъ въ лицо всѣмъ. И не понимая революціи онъ такъ и говорилъ, что не понимаетъ, а разъ онъ не понимаетъ, то все это чепуха, мерзость, дрянь, подлость... И когда онъ увидѣлъ, что въ предпосылкахъ этой революціи имѣются и его писателя, Наживина, толстовца, анархиста, русскаго прогрессивнаго интеллекта предпосылки, то онъ, махнувъ квачъ въ деготь, взялъ и разъ... разъ — замазавъ все свое прошлое.

А затѣмъ, когда онъ оказался руковымъ образомъ въ бѣломъ лагерѣ, и увидѣлъ, что тутъ воръ на ворѣ, взяточникъ на взяточникѣ, пьяница на пьяницѣ, фанфаронъ на фанфаронѣ, лоботрясъ на лоботрясѣ, то въ книгѣ своей такъ и написалъ: воры, взяточники, пьяницы, фанфароны, лоботрясы, шваль, мерзавцы и убійцы.

Страницы посвященныя добровольческой арміи — сплошная жуть. Посвящая свою книгу «старой» монархической Россіи, авторъ здѣсь не разъ роняетъ замѣчанія, свидѣтельствующія о томъ, что ему иногда приходили въ голову совершенно правильныя соображенія объ источникахъ той гнили, которая погубила бѣлое движеніе. Этого источника — «старая» Россія, помѣщичья, бурбонская и самодержавная.

Не ищите, однако, въ книгѣ Ив. Наживина объясненій, разсужденій, логики и политики. Все это на диво безпомощно, без-

дарно, да и литературно вяло. Надо все это отбросить. Въ его «Запискахъ» сила быта, сила личныхъ переживаній, сила злости, потревоженности обывательской божьей коровки, отчаявшейся въ возможности вновь зажечь прежней жизнью. А эти божьи коровки — огромная социальная сила. Съ ней надо считаться, ее нужно преодолѣть. Во всякомъ общественномъ движеніи — она играетъ огромную роль инертнаго бревна, запнувшись о которое, революція ломаетъ себѣ голову. Эта сила предъявить счетъ за всѣ разбитые горшки, за смерть любимыхъ малютокъ, за пристрѣленную лягавую, за картонную подошву, за разрушенную усадьбу, за недострѣянныхъ по винѣ революціи вальдшнеповъ, за кусочекъ сахара, который оказался кусочкомъ старой штукатурки, за разбитый чайный сервизъ — за все, за все. И когда за все это уплатить невозможно будетъ, когда пришедшій на смѣну анархіи режимъ права будетъ изъ силъ выбиваться, чтобы заткнуть глотки этимъ «переждавшимъ» и «пережившимъ», тогда они вмѣсто подробнаго счета составятъ короткій: Самодержавіе, Православіе, Народность...

Надо его поближе узнать, приглядѣться къ нему — бунтующему обывателю революціи.

Книга Ив. Наживина незамѣняемое въ этомъ дѣлѣ руководство.

Ст. И.

«ЗНАМЯ», ВРЕМЕННОЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ПОЛИТИКИ.

Подъ редакціей А. Шрейдера, Берлинъ. 1921 г. №№ 1 и 2.

Не безъ нѣкотораго волненія и тревожнаго ожиданія раскрываешь эти небольшія книжки съ именами Андрея Бѣлаго, Александра Блока, Константина Эрберга, Леонида Сабанѣева..., людей съ «того берега», и въ прямомъ, и въ переносномъ смыслѣ слова. Къ нимъ, дѣйствительно, продолжающимъ работать, мыслить, творить въ томъ мірѣ, который мы добровольно или вынуждено покинули, ко всѣмъ имъ сейчасъ испытываешь сложное чувство, въ коемъ, и жалость острая, и удивленіе, и ожиданіе, и, моментами — зависть: эти необычныя, хотя и безмѣрно тяжелыя условія жизни не оплодотворяютъ-ли по новому сердца ихъ и умы? они чувствуютъ, они мыслятъ, вѣроятно, иначе чѣмъ мы; не видятъ-ли они нѣчто другое чѣмъ мы? Не свободнѣе-ли, не безстрашнѣе-ли стали они? Нѣтъ сомнѣнія, что западная культурная среда налагаетъ на насъ крѣпкія путы, держать насъ въ шорахъ традиціями своими, и привычками надъ нами властвуетъ; одичавъ, обдѣивъ, не стали-ли они богаче внутреннимъ опытомъ?

Конечно, судить по нѣсколькимъ статьямъ о дѣйствительномъ характерѣ и направленіи работы мысли этихъ людей — невозможно, тѣмъ болѣе, что свободное высказываніе своихъ мнѣній и взглядовъ въ совѣтской Россіи сопряжено бываетъ, мы знаемъ, съ большимъ рискомъ. И все-же, мнѣ кажется, тонъ этихъ статей, настроеніе ихъ — чрезвычайно показательны.

Въ сущности тема всѣхъ ихъ статей одна: революція. Одно настроеніе пронизываетъ эти статьи: я бы назвалъ его «катастрофизмомъ». Отмѣчены онѣ одной общей чертой — потерей чувства дѣйствительныхъ соотношеній и пропорцій, истинной перспективы, правильныхъ масштабовъ.

И въ «Крушеніи гуманизма» Ал. Блока, и въ статьѣ Андрея Бѣлаго — «Прыжокъ въ царство свободы» и «Учитель Сознанія (Левъ Толстой)», въ замѣткѣ Л. Сабанѣва — «Революціонеръ въ Музыкѣ» и въ докладѣ К. Эрберга — «О догматахъ и ересьхъ въ искусствѣ» — таится или трепетно бьется это чувство кризиса, чувство гибели, провала стараго міра, ощущеніе уходящей изъ подъ ногъ почвы, разверзающейся пропасти и ожиданія, предчувствія зарожденія иного міра, новаго цвѣтенія бытія. Мысль ихъ заворожена революціей. Всѣ вещи, какъ будто, они мыслятъ въ категоріяхъ катастрофы, кризиса, бури. Всѣ вещи для нихъ сдвинулись съ мѣста, сорвались съ устоевъ, разрушаются. Живо это сознаніе и среди насъ, на западѣ, но, конечно, не въ столь рѣзко обостренной, до наивности почти упрощенной формѣ.

Здѣсь есть, дѣйствительно, нѣкоторая наивность, нѣкоторый, позволю я себѣ сказать — «провинциализмъ», обусловленные именно изолированностью этихъ людей, оторванностью ихъ отъ всечеловѣческаго цѣлага, отъ Европы.

Война дала намъ ясно почувствовать все громадное значеніе международнаго духовнаго общенія; пониженіе уровня мысли во всѣхъ странахъ въ теченіе войны, всеобщій упадокъ творчества зависѣли во многомъ отъ того состоянія духовнаго одиночества, въ которомъ очутились всѣ народы, и мы, русскіе, въ томъ числѣ. Медленно, постепенно, съ большимъ трудомъ, но связи эти во всемъ мірѣ уже устанавливаются, развиваются. Въ мірового цѣлага остается, однако, еще Россія. Но вѣдь признать необходимо, что время отдѣльныхъ, самостоятельныхъ изолированныхъ культуръ окончательно миновало: лишь въ всечеловѣческомъ организмѣ возможна теперь жизнь и творчество отдѣльныхъ народовъ. Много грѣховъ нынѣ насчитываются за старой Европой, съ которой такъ свисходительно небрежно или презрительно обращаются авторы «Знамени», но все-же, дѣлу объединенія челоуѣчества она положила начало, печатью универсализма ея творчество отмѣчено. Уходя отъ западной Европы, отор-

ванность отъ нея, изолированность, добровольные, или вынужденные, сознательные или бессознательные, все равно, по необходимости приводятъ къ провинциализму, т. е. къ чрезмѣрному преклоненію передъ своимъ, мѣстнымъ — уѣзднымъ или національнымъ, безразлично, — къ потерѣ всякихъ масштабовъ, къ забвенію законовъ перспективы. Всякая отбѣнка, произведенная съ своего угла, пусть зтоя «уголь» будетъ вся кипящая въ революціонномъ процессѣ Россіи, онажется отбѣченной провинциализмомъ. Этой переоцѣнкой своего, мѣстнаго, національнаго страдаютъ всѣ почти статьи находящихся въ Россіи авторовъ «Знамени».

Чѣмъ, какъ не подобной «островной» психологіей, можно объяснить весьма незначительную саму по себѣ, но чрезвычайно характерную статью К. Эрберга: «О догматахъ и ересяхъ въ искусствѣ»? Доказывать сейчасъ значеніе кубизма и футуризма, ваццать ихъ противъ нападковъ «мѣшанъ» и т. д. возможно и интересно, быть можетъ, въ Москвѣ, но здѣсь это никому не нужно и звучитъ даже комично. Та зачарованность революціей, о которой я уже говорилъ, это своеобразное созерцаніе всѣхъ вещей исключительно подъ аспектомъ революціи раскрываются въ статьѣ К. Эрберга особенно ярко: «Я думаю, что только одна мѣра къ искусству и приложима — мѣра большей или меньшей его революціонности, живущей въ протестующемъ духѣ человѣческомъ, — въ той творческой энергіи, которой озарено бываетъ всякое подлинное произведеніе искусства». Дальше авторъ цитируетъ сочувственно бутаду Гогэна: «Въ искусствѣ бываютъ только революціонеры или плагиаторы». И критикъ предсказываетъ: «наступаетъ время новыхъ ересей и новыхъ идеологическихъ бунтовъ. И такъ будетъ всегда. Ибо революціоннымъ, бунтовскимъ началомъ живо искусство». Нѣтъ нужды, что вся исторія искусства, которую К. Эрбергъ знаетъ, конечно, не хуже меня, противорѣчитъ этому категорическому утвержденію. Авторъ заигнотизированъ «бунтомъ». Онъ ничего другого невидитъ. Очевидно, свои шоры надѣваетъ на умы и революціонная среда. Интересно знать, что осталось бы отъ искусства египетскаго, эллинскаго и эллинистическаго, — готическаго, ранняго и поздняго ренессанса, отъ искусства XVIII в., если бы мы приложили къ нимъ мѣру большей или меньшей революціонности, изобрѣтенную К. Эрбергомъ? Здѣсь именно — своеобразный интеллектуальный дальтонизмъ или, точнѣе, потери чувства расстояній, реальныхъ отношеній и пропорцій: то, что представляется значительнымъ, монументальнымъ съ высоты собственной вышины, въ предѣлахъ видимаго горизонта, пріобрѣтаетъ мгновенно размѣры «планетарные».

Такого же рода «деформацію» реальности, подобнаго же

рода фетишистское преклонение передъ «Революціей», передъ «Бунтомъ», какъ таковыми — я вижу и въ небольшой статьѣ Л. Сабанѣва: «Революционеръ въ музыкѣ», посвященной Скрябину. Новаго о Скрябинѣ мы здѣсь не находимъ ничего, кромѣ своеобразнаго объясненія того факта, что Скрябинъ мыслилъ социализмъ какъ моментъ исключительно матеріальнаго, экономическаго устройства міра, какъ моментъ преклоненія передъ самоцѣльностью высшихъ атрибутовъ жизни и наибольшаго погруженія человечества въ матерію, за каковымъ послѣдуетъ выходъ за предѣлы матеріальной сферы и устремленіе къ экстазу какъ къ послѣдней цѣли. Въ той, сравнительно, низкой оцѣнкѣ социализма виноваты, оказывается, Плехановъ, и черезъ него — Марксъ. «Социализмъ оный (Скрябинъ) вкусилъ изъ рукъ Плеханова, съ которымъ былъ долгое время въ дружеской связи. Нарочито матеріалистической, марксистской отгѣнокъ, придававшійся имъ социализму, дѣлается отъ этого понятнымъ: онъ отъ Плеханова, явившагося въ роли ментора». Итакъ, если-бы Скрябинъ вмѣсто Маркса и Плеханова прочелъ Лаврова или Ленина, то онъ сталъ бы социалистомъ? Въ томъ позволительно усомниться.

Статья заканчивается бодрымъ аккордомъ: «Человѣчество, дѣйствительно, черезъ чистилище погруженія въ матеріальность — идетъ къ возрожденію въ міръ новой красоты и цѣлеположности искусства, становящагося конечной цѣлью существованія индивидуума и коллектива». Что это — революціонно-мистическое общее мѣсто? Реторическій эффектъ? Слѣпота? Или сознательное, героическое упорство?

Объ небольшія статьи Андрея Бѣлаго — «Прыжокъ въ Царство свободы» и «Учитель Сознанія (Левъ Толстой)» чрезвычайно показательны для этого гениальнаго художника и подлиннаго мистика, которому, въ сущности, вовсе чужды логической ходъ мысли. Его влечетъ къ дискурсивному вышленію; онъ любитъ скрывать себя крѣпкой логической броней, носить маску холоднаго, трезваго, научно-дисциплинированнаго ума; здѣсь, быть можетъ, онъ находитъ спасеніе отъ собственнаго хаоса. Но это именно — маска. Какъ во всѣхъ почти чисто философскихъ работахъ Андрея Бѣлаго, здѣсь ощущается напряженное усиліе писателя, искусственность, стѣснительность для его творчества этой формы, плохо скроенной, ежеминутно расплывающейся. Отсюда — постоянныя повторенія, отсутствіе органическаго развитія мысли, но механическое сплѣненіе обрывковъ ея.

Сколько подлиннаго творчества, поэтическаго, словеснаго, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, какая чудесная свобода въ поэмѣ его «Первое свиданіе», напечатанной въ томъ-же «Зна-

мени» (№ 2). Стилъ ея, однако, немного пестрый, то нѣсколько жеманно-изысканный, то, моментами, по легкой граціи и естественности своей, будящій воспоминанія о Пушкинѣ (Онѣгинѣ). Здѣсь, въ остро очерченныхъ, иногда конкретныхъ до жути образахъ, фантастическихъ и бытовыхъ, реальныхъ, одновременно, оживаетъ «интеллигентская» Москва конца 90-хъ и начала 900-хъ годовъ: философы, музыканты, писатели; проносятся видѣнія дѣтства и юности, то сентиментальныя, то ироническія. Нѣжно; любовно вглядывается Андрей Бѣлый въ это милое прошлое, но, какъ всегда, онъ прозрѣваетъ за пестрой и свѣтлой его тканью какое-то иное бытіе, смутное, ночное; оно загадочно темнѣетъ сквозь пелену событій, фактовъ, лицъ и страннымъ трепетомъ пронизываетъ рѣчь поэта; здѣсь; дѣйствительно, въ этомъ касаніи мірамъ инымъ, источникъ его словотворчества.

Докладъ Александръ Блока «Крушеніе Гуманизма» страдаетъ той склонностью къ схематизаціи дѣйствительности, къ стройнымъ, но малообоснованнымъ, произвольнымъ построеніямъ, которой отмѣчены всѣ почти статьи великаго поэта. И все-же, здѣсь ощущается, что, несмотря на схемы сври и формулы, А. Блокъ нѣчто подсматриваетъ или точнѣе — подслушаетъ въ совершающихся событіяхъ.

Статья основана на противопоставленіи культуры какъ движенія, творчества (музыки, слѣдовательно, ибо музыка есть непрестанное творчество, порожденіе) — цивилизаціи, какъ зафиксированію, кристаллизаціи этого процесса въ вѣщахъ. «Понятіемъ гуманизма привыкли мы обозначать... то мощное движеніе, которое на исходѣ среднихъ вѣковъ охватило сначала Италію, а потомъ всю Европу и лозунгомъ котораго былъ человѣкъ — свободная человѣческая личность. Такимъ образомъ, основной и изначальный признакъ гуманизма — индивидуализмъ... Движеніе, исходной точкой и конечной цѣлью котораго была человѣческая личность могло расти и развиваться до тѣхъ поръ, пока личность была главнымъ двигателемъ европейской культуры... Естественно, однако, что когда на аренѣ европейской исторіи появилась новая движущая сила — личность, а масса — наступилъ кризисъ гуманизма... Разразился онъ наканунѣ XIX в.». И послѣднимъ великимъ гуманистомъ послѣднимъ «изъ стаи вѣрныхъ духу музыки» былъ Шиллеръ. Гуманистическая культура замираетъ; XIX в. есть эпоха безмузыкальной гуманистической цивилизаціи, и величайшіе творцы этой эпохи находятся въ разладѣ со своимъ временемъ, они одиноки, непоняты, гонимы, потому что они носители «культуры и музыки будущаго». Такъ называемые цивилизованные люди «занемогли и потеряли культурную цѣльность»...

Въ такія времена безсознательными хранителями культуры оказываются болѣе свѣжія варварскія массы».

«Великое движеніе, бывшее факторомъ міровой культуры, развилось на множество малыхъ движеній, ставшихъ факторами европейской цивилизаціи», теряющей черты культуры, приобретающей характеръ разрозненности, лишающейсѣ духа цѣльности, музыкальной спаянности. «Стихийный и грозовой характеръ столѣтія почувствовали европейскіе художники — тѣ посетители музыки, которые жестоко преслѣдовались въ свое время. .. На протяженіи всей исторіи XIX в. мы можемъ наблюдать рядъ гоненій, воздвигаемыхъ цивилизаціей противъ носителей духа культуры, и рядъ попытокъ приспособленія цивилизаціи къ этому духу, ей враждебному». Въ свѣтѣ этихъ идей исторія XIX в. есть исторія «борьбы духа гуманной цивилизаціи съ духомъ музыки»...

Хранителемъ духа музыки и новыхъ возможностей, являются народъ, варварскія массы. «Цивилизація умираетъ, зарождается новое движеніе, растущее изъ той же музыкальной стихіи и это движеніе отличается уже новыми чертами... Культура будущаго копилась... въ синтетическихъ усиліяхъ революцій, въ этихъ упругихъ ритмахъ, въ музыкальныхъ потягиваніяхъ, волевыхъ напорахъ, приливахъ и отливахъ». Музыка эта «разрушительна для тѣхъ завоеваній цивилизаціи, которыя казались неизбѣжными; она противоположна привычнымъ для насъ мелодіямъ объ «истинѣ, добрѣ и красотѣ»: она прямо враждебна тому, что видѣно въ насъ воспитаніемъ и образованіемъ гуманной Европы прошлаго столѣтія». И авторъ заключаетъ пророчествомъ: «Исходъ борьбы рѣшенъ... Уже намѣчается новая роль личности... цѣль движенія не этический, не политическій, не гуманный человекъ, а *человѣкъ-артистъ*; онъ только будетъ способенъ жадно жить и дѣйствовать въ открывшейся эпохѣ вихрей и бурь, въ которую неудержимо устремилось человѣчество».

Конечно, подобная философія исторіи, подобное міроощущеніе могли родиться лишь въ современной Россіи. Но, повторяю, несмотря на упрощенность Блокскихъ формулъ, на бездоказательность его утвержденій на произвольность его обобщеній, — живетъ здѣсь предчувствіе какой-то истины, хотя и выраженной косноязычно.

Но гладко вполне и легко продолжаетъ рассказывать о своемъ «духовномъ максимализмѣ» Ивановъ-Разумникъ, на котормъ-его «скифство» нынѣ сидитъ уже точно ловко сшитый мундиръ. Онъ — «скифъ», онъ — маститый «бездникъ» по должности своей, такъ сказать; но когда Ивановъ-Разумникъ твердитъ неустанно о своемъ скифствѣ, я не могу не вспомнить того героя

французской оперетки, который гордо заявлялъ: «мы, средне-вѣковые рыцари...» «Духовный максимализмъ» самъ по себѣ — ничто, пустая форма, которая должна быть опредѣлена содержаніемъ своимъ; «духовный максимализмъ» можетъ расцвѣсть на всѣхъ путяхъ, на всѣхъ тропинкахъ творчества, но все-же нужно куда-то идти, и что-то дѣлать опредѣленное, конкретное; Ивановъ-Разумникъ хочетъ быть скифомъ *in se*, «бездникомъ» *an und fur sich*. При этомъ полное довольство собою. Но что такое довольный скифъ какъ не мѣщанинъ?

Отвратительное впечатлѣніе производитъ его замѣтка «Изысканный жираффъ» объ Н. Н. Гумилевѣ, надъ которымъ Ивановъ-Разумникъ издѣвается за его вѣрность принципу «чистаго искусства». Нѣсколько недѣль послѣ выхода этой замѣтки Гумилевъ («вѣрный рыцарь и палладинъ чистаго искусства» («ироническое» выраженіе Иванова-Разумника), оказался, какъ извѣстно, въ спискѣ разстрѣлянныхъ большевистской властью....

Б. Шлецеръ.

Ивановъ-Разумникъ стоитъ на грани литературы: изъ чужихъ художественныхъ произведеній онъ извлекаетъ свою политику Сотоварищи Иванова-Разумника по «Знамени» наоборотъ — свою политику хотятъ другимъ выдать за литературу... Для этого они печатаютъ свои «произведенія» рядомъ и вперемежку съ поэмой Андрея Бѣлаго или очеркомъ А. Блока. Расчетъ простой: можетъ быть, читатель, интересующійся Блокомъ и Бѣлымъ, неожиданно заинтересуется и ихъ сосѣдями: А. Шрейдеромъ или О. Чижиковымъ... Такимъ полуконтрабанднымъ порядкомъ лѣвые эсеры пропускаютъ во «Временникѣ литературы и политики» свои политическіе взгляды.

Тѣ, для кого лѣво эс-эровскіе взгляды не новинка, не найдутъ въ «Знамени» почти ничего новаго. Они отмѣтятъ лишь полное отсутствіе элементарнаго чувства мѣры и застѣнчивости у редактора всего «Временника» Александра Шрейдера. А. Шрейдеръ теперь въ «тезисахъ» воспѣваетъ «Систему Совѣтовъ» въ тѣхъ же словахъ и выраженіяхъ, которыми онъ запамятилъ дань предмету своего увлеченія еще годъ тому назадъ, въ особой книжкѣ. Эти «Тезисы» — ни къ чему: — они скучное повтореніе стараго. Но гораздо болѣе никчемны — тѣ наброски изъ конспектовъ и случайныя выписки изъ Евангелія, Толстого, Достоевскаго, Новгородцева, Бергсона, Гершензона, Герцена, Лаврова и Маха, которыя собралъ А. Шрейдеръ подъ пышными заголовками «Догма ненависти и философія гнѣва», «Иллюзія и дѣйствительность». Онъ выдаетъ эти выписки за «отрывки» своей

будущей вниги о... «философии народничества». Бѣдная философія! Бѣдное народничество! И еще болѣе бѣдный авторъ!.. Эти «отрывки» могли появиться въ печати, конечно, только по той игрѣ прихотливаго случая, при которой влюбленный въ свои произведенія авторъ и беззаастѣнчивый по отношенію къ читателю редакторъ совпали въ одномъ лицѣ. Когда своя рука владыка, — нехорошо: въ политикѣ такъ же, какъ и въ литературѣ!..

Если отъ главнаго политическаго «идеолога» перейти къ поддержанію того, что онъ и его сотоварищи пишутъ во «Временникѣ», — мы найдемъ традиціонное для лѣвыхъ эс-эровъ преувеличеніе своей политической роли въ прошломъ, авто-рекламу и нарочитое подчеркиваніе по всякому поводу, но безъ достаточныхъ основаній, своей «самости». Поскольку можно говорить о тенденціи въ развитіи лѣво-эс-эровской идеологии она все опредѣленнѣе вырисовывается въ сторону уклона къ анархизму. И лѣвые эс-эры сами этого не скрываютъ. Устами нѣкоего О. Чижикова, они отгораживаются лишь отъ «наивныхъ анархо-коммунистовъ»; за подлинный же «анархо-коммунистическій строй» они, оказывается, всегда «боролись и будутъ бороться» («Знамя» № 1).

Для характеристики новѣйшей фазы отношеній лѣвыхъ эс-эровъ къ большевикамъ небезынтересно привести слѣдующія иллюстраціи.

«Ленина можно преодолѣть, — Керенскихъ же нужно и можно лишь побѣдить; съ большевиками возможна мирная, творческая, но глубинная (?) и всесторонняя борьба внутри совѣтовъ, тогда какъ съ мѣщанскимъ социализмомъ возможна и другая борьба — борьба съ оружіемъ въ рукахъ... «Мы съ нею (большевицкой властью), — говоря разное, — говоримъ на одномъ языкѣ, мы способны понять друг друга, насъ раздѣляетъ — быть можетъ, очень остро — временное, насъ соединяетъ общая почва, общій языкъ».

Такъ пишутъ на стр. 1 и 3-й. А въ концѣ того же № 1 «Знамени», на стр. 42 корреспондентъ изъ Москвы даетъ конкретное описаніе не того «общаго языка», который лѣвые эс-эры ищутъ съ большевиками, а того, который большевики находятъ для общенія съ лѣвыми эс-эрами.

«Въ отвѣтъ на официальный запросъ партія л.-с.-р. о судьбѣ арестованныхъ товарищей (въ тюрьмѣ: Камковъ, Трутовскій, Каховская, Самохваловъ, Богачевъ и пр.) Ц.К.Р.К.П. сообщилъ, что выпускаетъ ихъ сейчасъ не будутъ... Больше всего угнетаетъ насъ то обстоятельство, что состояніе здоровья М.А. Спиридоновой все хуже и хуже. Она содержится въ лазаретѣ В.Ч.К... Послѣ тифа она вотъ уже много, много недѣль лежитъ въ полу-

бессознательномъ состояніи. Она не узнаетъ товарищей, почти не говоритъ, умираетъ — умираетъ медленной мучительной смертью. При ней также мучительно живетъ А. Измайловичъ — вся посѣдѣвшая, ставшая старухой. Такъ какъ окна комнаты выходятъ на улицу, то они не открываются, а обѣихъ узницъ на прогулку не выводить... О состояніи Маріи Александровны необходимо сообщить всѣмъ коммунистамъ и лѣвымъ социалистамъ Западной Европы. Намъ очень тяжело, что «Европа» вновь, какъ въ 1906 году, должна заступаться за Марію Александровну, но это, очевидно, неизбежно, какъ ни тяжело, что страданія ея, къ ея большому горю, могутъ использовать силы враждебныя революціи»...

Гдѣ ужъ тутъ надѣяться на заступничество «Европы», когда ближайшіе соратники М. А. Спиридоновой, сядя въ центрѣ этой самой «Европы», въ Берлинѣ и въ Вѣнскомъ Интернаціоналѣ, сами «заступаются» не за нее, а за ея палачей, «философски» обосновывая общность своего съ ними «языка» и «почвы»!..

Лѣво-эс-эровскіе Терситы, славословящіе ту самую «власть совѣтовъ», въ тискахъ которой бьются — «умираютъ медленной мучительной смертью» — лѣво-эс-эровскіе Патроклы, — въ этомъ есть нѣчто отъ Немезиды!

М. В.

Генрихъ Штребель. — ГЕРМАНСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ, ЕЯ НЕСЧАСТІЕ И ЕЯ СПАСЕНІЕ. Пер. съ нѣмецкаго, изд. «Воли Россіи».

Русскій читатель съ особымъ чувствомъ въ душѣ развернетъ и прочтетъ книгу о «Германской революціи». Мы сами — современники, свидѣтели или участники грандіозной революціи въ нашей собственной странѣ. Наше поколѣніе навсегда отравлено горечью несбывшихся надеждъ, сознаніемъ отвѣтственности за слабость и ошибки, въ той или иной мѣрѣ приведшія Россію къ ужасной катастрофѣ. И къ перепитіямъ исторической драмы другого народа насъ влечетъ не только общечеловѣчскій интересъ, но и невольное желаніе найти, путемъ сравненія, отвѣтъ на мучительный вопросъ, въ чемъ же причина крушенія начальной, положительной фазы и а щ е й, русской революціи.

Г. Штребель — не историкъ. Активный участникъ описываемой имъ революціи, онъ въ изложеніе и оцѣнку фактовъ вкладываетъ весь субъективизмъ и темпераментъ политическаго борца. На книгѣ, которую авторъ пишетъ въ разгаръ еще не завершившихся событій — она обнимаетъ періодъ отъ начала революціи

до мая 1920 г., — лежит отпечаток партійной предвзятости; это ей не мѣшает, впрочемъ, быть во многихъ отношеніяхъ интересной и поучительной.

Штребель по убѣжденіямъ своимъ принадлежитъ къ правому крылу т. н. «независимой» соц. демократіи*). Независимцы занимали все время промежуточное положеніе между двумя крайними флангами нѣмецкаго рабочаго движенія, правыми соц. дем. и спартаковцами, съ оружіемъ въ рукахъ оспаривавшими другъ у друга идейную гегемонію въ революціи. Внутренняя противорѣчивость такой «соглашательской» позиціи между фанатиками идеи диктатуры и защитниками началъ демократіи обрекала независимцевъ въ процессѣ революціи на жалкое топтаніе на мѣстѣ или безславное пособничество коммунистамъ. Та же печать бесплоднаго эклектизма лежитъ и на политическомъ мышленіи такихъ теоретиковъ независимыхъ, какъ Штребель.

Возьмемъ, напр., его взглядъ въ кардинальномъ вопросѣ, — о роли и значеніи въ революціи Учредительнаго Собранія. Теоретически Штребель, подобно Каутскому, признаетъ, что путь къ социализму можетъ лежать только черезъ всестороннее осуществленіе демократіи. Тѣмъ не менѣе, это не мѣшаетъ ему въ имѣвшей колоссальное значеніе и ожесточенной политической борьбѣ за тотъ или иной срокъ созыва Учр. Собранія занять двусмысленную позицію, въ хвостѣ у сторонниковъ диктатуры пролетаріата. Правда, у него не хватаетъ рѣшимости цѣликомъ присоединиться къ провозглашенному «Союзомъ Спартака» лозунгу «борьба всѣми средствами противъ созыва и дѣятельности Учр. Собранія» во имя передачи «всей власти совѣтамъ». Онъ останавливается на полудорогѣ: Учр. Собраніе должно быть острочено. Временная диктатура пролетаріата должна предварительно «заложить прочныя основы длительного пролетарскаго господства», «обезпечить начало социализаціи»; и лишь дальнѣйшее развитіе должно быть передано въ руки демократически избраннаго Учр. Собранія. Да и то Учр. Собраніе допускается лишь условно: созывъ его возможенъ только въ томъ случаѣ и тогда, когда «сознаніе народа на столбъ прояснится, что нечего будетъ опасаться въ результатѣ выборовъ возвращенія реакціоннаго режима»...

Къ счастью для Германіи, здравый смыслъ и государственный инстинктъ народныхъ массъ оказался выше этой реакціонной демагогіи. Съѣздъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ (15 дек.

*) Въ послѣднее время Штребель, повидимому, значительно «поправѣлъ»; такъ, на послѣднемъ Герлицкомъ съѣздѣ онъ выступалъ уже въ качествѣ члена германской соц.-дем. партіи большинства.

1918 г.) «и слышать не хотѣлъ о совѣтской власти», какъ съ комическимъ отчаяніемъ констатируетъ Штребель; «правые социалистическіе вожди и слѣпо слѣдовавшій за ними пролетарскія массы оказались не на высотѣ выпавшей на ихъ долю исторической задачи»; съѣздъ подавляющимъ большинствомъ голосовъ (400 противъ 50) принялъ «роковое» рѣшеніе назначить скорѣйшій созывъ Учр. Собранія. 19-го января 1919 г., т. е. черезъ два съ половиною мѣсяца послѣ начала революціи были уже произведены выборы въ Учр. Собраніе, которому 4-го февраля Ц.К. совѣтовъ и передалъ свои государственныя полномочія.

Штребель считаетъ германскую революцію неудавшейся, «и с с ч а с т о й», несуществившей открывавшіяся передъ нею социальныя возможности. Причину этого несчастья онъ видитъ въ междуусобной войнѣ внутри германскаго рабочаго класса. Сурово и безоговорочно дѣлаетъ онъ отвѣтственными за нее правыхъ социалистовъ, — болѣе мягко и снисходительно винить спартаковцевъ.

На нашъ, русскій масштабъ «несчастье» германской революціи весьма относительно. Германскій народъ съ честью вышелъ изъ опасностей и искушеній великаго революціоннаго кризиса, подъ тяжестью которыхъ сломился народъ русскій. Разгромленный въ войнѣ, истощенный матеріально и духовно, скованный цѣпями зловѣщаго Версальскаго договора, германскій народъ съумѣлъ все же на развалинахъ милитарной имперіи, отразивъ покушенія монархистовъ справа и спартаковцевъ слѣва, создать наиболѣе передовую демократію въ Европѣ, съ огромными достижениями и еще болѣе широкими дальнѣйшими перспективами въ области социальной реформы.

Мыслимо ли было, какъ это полагаетъ Штребель, немедленное осуществленіе еще болѣе глубокихъ социальныхъ преобразованій, въ видѣ социализаціи главныхъ отраслей промышленности? И только ли отъ наличности формальнаго соглашенія между пролетарскими партіями зависѣло оно?

Приводимыя въ книгѣ Штребеля данныя достаточно убѣдительно свидѣтельствуютъ противъ его же собственныхъ утвержденій.

Экономически врядъ ли моментъ наибольшей хозяйственной разрухи можетъ быть признанъ благоприятнымъ для радикальной социализаціи промышленности, и политически — ее пришлось бы проводить противъ настроенія и воли большинства народа. И потому, столь горячо пропагандируемое Штребелемъ «соглашеніе» социалистовъ съ коммунистами на этой утопической при данныхъ условіяхъ программѣ явилось бы только источникомъ величайшихъ несчастій для Германіи; преисде

всего и наиболѣе жестоко отъ него пострадалъ бы, разумѣется, рабочій классъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ какой мѣрѣ приходъ въ ноябрѣ 1918 г. къ власти пролетаріата былъ естественнымъ послѣдствіемъ созрѣвшихъ внутри капиталистическаго строя новыхъ общественныхъ отношеній? Явился ли внѣшній, «совѣтскій» обликъ германскаго революціоннаго переворота адекватной формой для его внутренняго соціального содержанія?

Многочисленные свидѣтельства самого Штребеля не оставляютъ сомнѣній въ исторически сл у ч а й н о м ъ характерѣ факта перехода власти въ руки рабочаго класса.

«Германская революція, утверждаетъ Штребель, — не была сознательнымъ возстаніемъ большинства народа противъ стараго политическаго и соціального строя; она явилась лишь послѣдствіемъ военнаго пораженія». Военное пораженіе предшествовало взрыву революціи, а не было обусловлено ею, какъ позже пытались представить дѣло нѣмецкіе генералы. Капитуляція Болгаріи, просьба о сепаратномъ мирѣ Австріи, разгромъ германской арміи на западномъ фронтѣ заставили верховное командованіе еще 24 сентября заявить о безнадёжности положенія, требующаго немедленнаго перемирія, — и лишь 3 ноября разразилось возстаніе моряковъ и солдатъ въ Кильѣ, подавшее сигналъ къ революціи во всей Германіи.

Характерны подробности этого историческаго событія. Не смотря на просьбу о перемирії, морское командованіе въ концѣ октября приняло совершенно безумное рѣшеніе — дать англичанамъ послѣдній, рѣшительный морской бой. «Предполагалось, что флотъ выйдетъ у Гельголанда подъ прикрытіемъ сплошной стѣны подводныхъ лодокъ, съ цѣлью вызвать въ море англичанъ и дать подводнымъ лодкамъ случай напасть на нихъ... 80.000 человѣческихъ жизней должны были быть принесены въ жертву для того, чтобы окружить ореоломъ красоты гибель военнаго флота!»

Выходъ въ море былъ назначенъ на 28 октября, но послѣдовалъ отказъ матросовъ въ повиновеніи, а затѣмъ и всеобщее возстаніе флотскаго экипажа, избраннаго 4-го ноября первый со вѣтъ солдатскихъ депутатовъ въ Германіи.

Начатое солдатами возстаніе, было единодушно поддержано всѣмъ народомъ. Всеобщее негодованіе противъ политической системы, доведшей Германію до катастрофы, неизбѣжно должно было поставить на очередь радикальную демократизацію ея строя. Но ни въ субъективномъ сознаніи массъ, ни по объективнымъ возможностямъ революція не носила характера социали-

стического переворота. Она явилась не въ результатѣ «сознательной борьбы рабочаго класса, его революціоннаго порыва»; болѣе того, настроеніе въ странѣ было таково, что чисто «пролетарское возстаніе не имѣло бы никакихъ шансовъ на успѣхъ». И если, тѣмъ не менѣе, въ моментъ національной катастрофы, народъ вручилъ власть социалистической партіи, то это потому, что уже въ теченіе десятилѣтій онъ привыкъ въ ней видѣть наиболѣе крупную и крѣпко организованную партію, борющуюся за радикальныя демократическія реформы; что она, кромѣ того, наименѣе была скомпрометирована преступной военной политикой.

Для рабочей партіи создалось парадоксальное и деликатное положеніе; она пришла къ власти не въ результатѣ послѣдовательнаго, органическаго развитія общественныхъ отношеній, дѣлавшаго необходимымъ и неизбежнымъ социалистическое переустройство, а въ силу случая и но сложившейся исторической обстановки; ей выпала на долю миссія по преимуществу общенациональнаго, а не классоваго характера, въ государствѣ, еще сохраняющемъ свою бюрократическую структуру. И какъ ни справедливы отдѣльныя нападки Штребеля на правыхъ соц. дем. за ихъ нереволуціонность, за податливость передъ реакціонными кругами, за чрезмѣрную жестокость при подавленіи спартаковскихъ возстаній, необходимо отдать должное выдержкѣ, самообладанію и твердости, проявленнымъ вождями соц. демократіи въ дни выпавшихъ на долю германскаго народа испытаній. И если изъ нихъ Германія не только вышла незахлестнутой, подобно Россіи, хаосомъ гражданской войны, но и сумѣла укрѣпить основы демократическаго строя и энергично приступить къ восстановленію своего хозяйства, — историческая заслуга въ этомъ принадлежитъ той части рабочаго класса, которая боролась подъ руководствомъ соц. дем. большинства.

При всей своей ненависти къ шейдемановцамъ, Штребель не можетъ не признать, что за ними въ ихъ борьбѣ со спартаковцами стояло подавляющее большинство народа. «Становясь потерекъ рѣшительной революціонной политикѣ, говоритъ онъ, — правые соц. дем. имѣли на своей сторонѣ не только буржуазію, офицерство, чиновничество, но и огромное большинство солдатъ и социалистическаго пролетаріата». Неизмѣнно рѣшенія съѣздовъ совѣтовъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, фабрично-заводскихъ комитетовъ и профессиональныхъ союзовъ, а также вотумъ всенародныхъ выборовъ подтверждали довѣріе правымъ социалистамъ. Изъ рабочей же среды вышелъ и самый безпощадный врагъ

спартаковцевъ, военный министр Носке. Когда германскіе большевики, повторяя опытъ своихъ русскихъ учителей, за двѣ недѣли до выборовъ въ Учр. Собраніе подняли въ Берлинѣ возстаніе, противъ нихъ съ оружіемъ въ рукахъ выступилъ пяти-тысячный добровольческій отрядъ, сформированный рабочими профессиональными союзами; а на выборахъ, происходившихъ непосредственно послѣ подавленія мятежа, за правыхъ соц. дем. было подано одинадцать съ половиною миллионъ голосовъ изъ 30 мил. голосовавшихъ.

Но дѣло было не только въ неприемлемости для большинства народа и даже для большинства рабочаго класса крайнихъ программъ спартаковцевъ и независимцевъ. Главный источникъ моральной силы правыхъ социалистовъ былъ въ томъ, что они защищали принципъ демократіи, права большинства, противъ угрозы насильственной диктатуры меньшинства. Это придавало ихъ борьбѣ со спратаковцами значеніе и характеръ борьбы партій въ узкомъ смыслѣ слова, а само защитъ всего народа, стоявшаго за соц. дем. партіей, противъ покушеній со стороны узурпаторовъ.

Какой же смыслъ при этихъ условіяхъ могло имѣть столь горячо рекомендуемое Штребелемъ «соглашательство»? И возможно ли вообще, теоретически или практически, какой либо компромиссъ, нѣчто среднее между принципомъ народовластія и насиліемъ меньшинства? Въ случаѣ рокового столкновенія ихъ, мыслима лишь побѣда одного и пораженіе другого. «Несчастьемъ», германской революціи были попытки — справа и слѣва — разжечь гражданскую войну, — ея «спасеніе» — въ охранѣ и использованіи отыгравшихся передъ германскимъ народомъ широкихъ демократическихъ путей для дальнѣйшаго политическаго и социальнаго прогресса.

И тѣмъ не менѣе, даже не соглашаясь съ освѣщеніемъ и выводами Штребеля, можно лишь горячо рекомендовать его книгу вниманію русскаго читателя. Въ ней онъ найдетъ, впервые на русскомъ языкѣ, живое и образное изложеніе событій германской революціи 1918-1920 г.г. Германская исторія этихъ лѣтъ необычайно богата аналогіями съ событіями русской революціи; сходство внѣшней ситуации наряду съ глубокимъ различіемъ въ конечныхъ результатахъ дѣлаетъ ее особенно для насъ поучительной.

Читателю трудно отдѣлаться отъ горькихъ сопоставленій, говорящихъ не въ пользу дѣйствовавшихъ въ 1917 г. партій. Но надо быть и справедливымъ: вожди германской революціи были въ гораздо болѣе легкомъ положеніи, чѣмъ дѣятели рус-

ской. Объя революція — порожденіе войны, ставшей непосильной и ненавистой для народа. Но, въ то время, какъ для германской революціи война была уже съ самаго начала позади, — русская революціонная власть погибла отъ неразрѣшимого противорѣчія, какъ заставить продолжать воевать народъ, сдѣлавшій революцію именно для того, чтобы избавиться отъ войны. Не менѣе важенъ и второй моментъ: наличие въ германской революціи такого фактора, какъ организованный, сплоченный многолѣтней дисциплиной рабочій классъ, политически воспитанный въ принципахъ демократіи и готовый активно защищать ихъ. У дѣятелей мартовской революціи 1917 г. не могло быть такой твердой опоры въ народныхъ массахъ. Тонкій слой социалистической интеллигенціи лишь по видимости возглавлялъ малосознательную стихію, измѣчивую и вѣчно колеблющуюся, каждую минуту готовую предать своихъ вождей. Не въ этомъ ли первичный источникъ того печальнаго отсутствія послѣдовательности и стойкости, которое роковою печатью отмѣчаетъ дѣятельность русскихъ революціонныхъ партій въ 1917 г.?

В. Р.

ЖАРЬ-ПТИЦА» № 1. — «Exposition de l'art russe à Paris en 1921». Edition «L'Art Russe» Alexandre Rogan. Paris 1921.

Съ удовлетвореніемъ встрѣтитъ читатель первый номеръ «Жарь-Птицы», счастливое начало сновременнаго и обдуманнаго усилія. Уже сейчасъ можно утверждать, что здѣсь осуществленъ типъ популярнаго журнала, подобныхъ которому нѣтъ на Западѣ, не бывало и у насъ въ Россіи.

Сдѣлать доступными для читателя рядового, ищущаго отдохновенія, забавы, забвенія въ пестрой тетрадь общедоступнаго журнала самыя вывѣранныя, самыя дѣйствительныя достиженія русскаго искусства, заставить его воспринять *мастера* столь же легко и охотно, какъ привыкъ онъ воспринимать пошлое и вялое рукодѣлье: это заданіе разрѣшено въ большой степени.

Мы знали до сихъ поръ либо спеціальныя художественныя журналы възскательнаго меньшинства или же банальнѣйшіе еженедѣльники для всѣхъ за рѣдными исключеніями льстившіе своими «картинками» вкусу тротуара къ «изящному».

Иное дѣло новая эта «Птица»: то *занимательное чтеніе* и вмѣстѣ *литература*, праздникъ для самого наивнаго, неискушеннаго глаза и при этомъ неслучайный подборъ вѣснихъ художественныхъ документовъ — и все это на основѣ книжной техники близкой къ совершенству.

Понимаю, конечно, что самая эта нарядность, эта звонкость красокъ можетъ вызвать въ эти дни огромной скорби возражен-

нія порядка душевнаго, хотѣлось бы инымъ лишь суроваго траура; надобно, однако, предпочесть памяти безъ дѣла это свидѣтельство русской инициативы, русской бодрости, русской вѣрности культурному дѣланію среди «тоски панихидной» самаго тяжкаго изъ изгнаній.

Пусть журналъ съ рѣшительностью отгораживается отъ *общественнаго* павоса и неизбѣжной партійной междуусобицы, обращаясь ко всемъ русскимъ за рубежомъ; общественно значителенъ онъ по тому одному, что *насыщенъ Россіей*.

Нельзя по содержанію перваго номера заключать о строеніи и программѣ дѣла лишь начатаго, номеръ этотъ по самой природѣ своей пробный. Среди избытка иллюстраціоннаго матеріала — циклы Судейкина, Рериха, вещи Григорьева, Луномскаго, Сорина, фотографическіе документы (балетъ Фокина, Качаловъ), украшенія Сомова, Чехонина; обложка — акварель Чехонина выполнена технически неподобно новымъ способомъ. Среди критическаго и освѣдомительнаго матеріала статьи гр. Алексѣя Толстаго о Судейкинѣ, С. Маковского, Луномскаго, А. Чернаго, моя. Стихи Бальмонта, В. Сирина, А. Чернаго. Проза Чирикова и рассказъ Тэффи непритязательный, но чудесный въ своей живописной и сердечной простотѣ. Повторяю, это лишь номенклатура, ибо обобщать хотѣлось бы сужденія лишь передъ цѣлой стопкой номеровъ.

Какъ извѣстно «Птица» лишь звено въ цѣломъ рядѣ предпріятій, осуществляемыхъ издательствомъ «Русское Искусство». Другимъ образцомъ дѣятельности издательства служитъ французская книга о «русскомъ искусствѣ въ Парижѣ въ 1921 году», составленная Луномскимъ; поводъ и матеріалъ для нея дала состоявшаяся въ іюнѣ-іюль выставка группы «Мира Искусства»; она содержитъ рядъ сужденій о русскомъ искусствѣ французскихъ авторитетовъ (сужденія эти, по части мало интересны для насъ русскихъ, подсказаны любезнымъ диллетантизмомъ безъ особыхъ знаній или блеска интуитивнаго постиженія) и по одной превосходной цвѣтной репродукціи съ произведеній каждаго изъ 18, кажется, участниковъ выставки, отъ Бакста до Стеллецкаго. Путемъ использованія фотозатцовъ, заставокъ, титульнаго листа, заимствованныхъ изъ *Сувре* Егора Нарбута, нынѣ покойнаго мастера графики, редактору удалось создать изъ альбома, напечатаннаго въ Парижѣ, весьма характерную *современную русскую книгу*, что дѣлаетъ это эпизодическое изданіе особо привлекательнымъ.

Андрей Левинсонъ.

Шарль Андлеръ. — МОЛОДОСТЬ НИЦШЕ. (Charles Andler. — La jeunesse de Nietzsche. Editions Bossard, Paris).

Мнѣ пришлось уже отмѣтить въ предыдущей книгѣ «Современныхъ Записокъ» появленіе перваго тома обширной работы Андлера, посвященнаго «Предшественникамъ Ницше». Второй томъ, «Молодость Ницше», обладаетъ тѣми-же достоинствами: громадная эрудиція, разнообразный, частью новый фактическій матеріалъ, богатый, хотя и нѣсколько пестрый, перегруженный даже образами языкъ, и, что особенно цѣнно, — нѣжная, восторженная любовь къ личности гениальнаго философа и къ его мысли. Но любовь не всегда зряча, и самый подходъ Андлера къ творцу Заратустры представляется мнѣ, по прежнему, въ корнѣ ошибочнымъ.

Конечно, если считать, что Ницше принадлежитъ уже прошлому, что бунтъ его изжитъ, что мышленія его можно безъ труда свести къ нѣсколькимъ основнымъ идеямъ — сверхчеловѣкъ и пр., которыя не выдерживаютъ научной критики, тогда конечно, то или иное толкованіе ницшеанства, то или иное пониманіе личности философа — все это не представляется столь важнымъ въ данный моментъ, когда жизнь настойчиво требуетъ отъ насъ какихъ-то дѣйствій и заставляетъ насъ рѣшать практическія проблемы; тогда Ницше поступаетъ въ исключительное вѣдѣніе историковъ-философовъ, и жизнь его, и творчество становятся предметомъ изученія специалистовъ. Но книга Андлера, и въ этомъ, мнѣ кажется, ея особенное значеніе, построена на иномъ совершенно пониманіи своего предмета, на утвержденіи, скажь-бы я -- «злободневности» Ницше. Для Андлера ясна современность Ницше, значительность и дѣйствительность его мысли именно для нашей эпохи, и въ критической, и въ положительной своей части. Проблемы Ницше особенно остро ощущаются сейчасъ; это именно наши проблемы; сомнѣніями его продолжаемъ болѣть и мы, личная его драма — стала нашей. Болѣе даже того: лишь теперь Ницше можетъ быть нами понятъ и воспринятъ до конца, когда событія послѣднихъ лѣтъ воздвигли на нашемъ пути во всемъ ихъ объемѣ тѣ самые вопросы, которыми терзался и онъ, о которыхъ мы знали, конечно, приданая имъ, однако, до сего времени, почти исключительно теоретическое значеніе. Все это была — захватывающая, потрясающая даже, но все-же литература. Переоцѣнка всѣхъ цѣнностей! — литература. Для Ницше, конечно, то было жизненное дѣло; рѣшеніе должно было быть найдено здѣсь и сейчасъ. Ницше погибъ въ общіяихъ сфинкса, а нынѣ въ новомъ, коллоссальномъ образѣ сфинкса сталъ и на нашемъ пути: индивидуальная трагедія об-

ратилась въ трагедію міровую; нужно рѣшить, нужно сдѣлать, найти какой-то путь или погибнуть.

Непосредственнымъ учителемъ нашимъ Ницше долженъ стать и въ умѣннн быть безопащнымъ къ себѣ. Наше время въ этомъ нуждается больше всего; здѣсь Ницше — незамѣнимъ. Онъ лучший профессоръ искренности передъ самимъ собою и безпокойства, которое не хочетъ быть обманутымъ и убаюканнымъ многочисленными успокоительными средствами современной культуры. Такъ пріятно и легко было бы укрыться за какой-нибудь ложью отъ навалившейся на насъ чуждой, непонятной страшной дѣйствительности и спрятаться за ширмами словъ, теорій, идеаловъ. Въ этомъ страшная опасность, ибо такимъ образомъ мы обманемъ лишь самихъ же себя и, въ лучшемъ случаѣ, если избѣжимъ гибели — окажемся бессильными. Суровая безопащность Ницше дѣлаетъ его намъ особенно дорогимъ. Въ немъ не было лжи. Имѣю, конечно, въ виду не Ницше перваго періода, профессора классической филологіи, автора Рожденія Трагедіи, но Ницше, источеннаго болѣзнью, прошедшаго школу французскихъ моралистовъ, автора «Человѣческаго слишкомъ Человѣческаго», «Утренней Зари» и др.

Если понять какъ слѣдуетъ эту специфическую честность, безопащность Ницшевскаго генія, суровость по отношенію къ друзьямъ и къ себѣ, совершенно непріемлемымъ представляется стремленіе Андлера обратить Ницше въ какого-то нео-идеалиста, нео-платоника, все дѣло котораго состояло въ томъ, чтобы разрушивъ старья, подыскать новья, «разумныя» основанія жизни и творческой, культурной дѣятельности. Что къ этому именно свелись какъ будто попытки Ницше, изъ бунтаря, нигилиста, революціонера обратившагося, въ концѣ концовъ, въ законодателя и реформатора, — съ этимъ приходится согласиться: одни идеалы, одиѣ нормы онъ въ конечномъ результатѣ замѣнилъ другими. Не въ этомъ реформаторствѣ однако пафосъ Ницше, но въ прозрѣннн изначальной трагичности бытія; онъ понималъ, ощущалъ всегда въ глубинѣ иллюзорный характеръ всѣхъ возвышенныхъ имъ новыхъ нормъ, формулъ, идеаловъ, зналъ, что это — лишь игра, нужная, необходимая даже, быть можетъ, для земного строительства, и хотѣлъ сдѣлать эту игру сознательной. Если видѣть въ «переоцѣнкѣ цѣнностей» (по такова именно позиція Андлера) перестановку терминовъ добро-зло, истина-ложь и др., попытку новаго законодательства, то истинный смыслъ героическаго пессимизма или трагическаго оптимизма Ницше совершенно потерявъ.

Превосходны въ книгѣ Андлера страницы посвященныя семейной, а позднѣе школьной обстановкѣ, въ которой воспиты-

вался Ницше; мѣтны и даже блестящи характеристики его ближайшихъ друзей и профессоровъ, въ особенности Ритчля. Но наибольшее значеніе (ибо здѣсь много дѣйствительно новаго) представляютъ главы, описывающія — дружбу, а затѣмъ ссору Ницше и Вагнера. Ихъ сближеніе, тайная, а позднѣе — явная борьба между ними, роль, которую здѣсь сыграла Козима Вагнеръ, платоническій романъ между нею и Ницше, попытки Ницше, сначала, побѣдить Вагнера въ сердцѣ Козимы, а затѣмъ — оторвать Вагнера отъ Козимы, спасти его отъ тлетворнаго, по мнѣнію Ницше, вліяніе Козимы, всё сложныя перипетіи этихъ отношеній изложены Андлеромъ проникновенно и безпристрастно. Здѣсь не было, конечно, ни правыхъ ни виноватыхъ, что бы ни говорили друзья той и другой стороны: и Ницше, и Вагнеръ хотѣли главенствовать; каждый изъ нихъ мечталъ подчинить себѣ другого и использовать въ своихъ дѣляхъ. Разочарованіе наступило одновременно съ обѣихъ сторонъ, когда оказалось, что Ницше отказывается быть только глашатаемъ Вагнеризма, а Вагнеръ не хочетъ, да и не можетъ осуществить мечты молодого Ницше о возрожденіи эллинской культуры. Для моралиста здѣсь собранъ интереснѣйшій, хотя и скорбный, матеріалъ: вновь убѣждаешься, что и величайшимъ гениямъ не чуждо ничто человѣческое, даже самое мелкое и пошлое.

В. Ш.

Содержаніе вышедших книжек журнала „СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ“.

КНИГА I.

Отъ редакціи. — Гр. Алексѣй Н. Толстой: *Хожденіе по мукамъ*. (Романъ). Главы XI—XIII. — К. Бальмонтъ: *Изъ ночи*. (Стихотвореніе). — Софья Федорченко: *Сказки*. — Марина Цветаева: Стихотворенія. — К. Бальмонтъ: *Мысли о творчествѣ*. — Н. Крандлевская: Стихотвореніе. — Амари: Стихотвореніе. — В. Зензиновъ: *Русское Устье*. (Изъ дневника ссыльнаго). — Л. Шестовъ: *Откровенія смерти*. (Послѣднія произведенія Л. Н. Толстого). — Тихонъ Полнеръ: *О Толстомъ*. (Ключки воспоминаній). — Николай Авксентьевъ: *Patriotica*. — С. Загорскій: *Соціально-экономическая реакція въ Советской Россіи*. — Э. Ленскій: *Положеніе русской коопераціи*. — В. Рудневъ: *Лига націй и международное рабочее законодательство*. — С. А. Корфъ: *Федерализмъ и централизація въ современной Америкѣ*. — М. В. Вишнякъ: *На родинѣ*. — КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ. Проф. бар. Б. Э. Нольде: *Лига народовъ и международный судъ*. — С. П. Тюринъ: *Socialism*. — М. Цетлинъ: *Анри Барбюсъ*. — А. Койранскій: *Театръ въ Англіи*. — ПРИЛОЖЕНІЕ. Гр. Алексѣй Н. Толстой: *Хожденіе по мукамъ*. (Романъ). Гл. I—X.

КНИГА II.

Гр. Алексѣй Н. Толстой: *Хожденіе по мукамъ*. (Романъ). Гл. XIV—XVI. — К. Бальмонтъ: *Змѣй*. (Стихотвореніе). — В. Зензиновъ: *Русское Устье*. (Изъ дневника ссыльнаго). (Окончаніе). — Н. Крандлевская: Стихотвореніе. — Л. Шестовъ: *Откровенія смерти*. (Окончаніе). — Г. Ловцкій: *Музыка и диалектика*. (О творчествѣ А. Н. Скрябина). — И. И. Бунаковъ: *Пути Россіи*. — А. М. Михельсонъ: *Америка противъ Англіи*. — А. Сѣверовъ: *Кризисъ международного социализма*. — М. В. Вишнякъ: *На родинѣ*. — Н. Авксентьевъ: *Сложеніе силъ*. КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ. Проф. М. И. Ростовцевъ: *Поминки*. — С. Поляковъ-Литовцевъ: *Объ искусствѣ благословляющемъ*. — А. Н. Мандельштамъ: *Постоянный международный судъ и начало равенства государствъ*. — П. Н. Апостоль: *Вопросы денежнаго обращенія на Брюссельской финансовой конференціи*. — С. Загорскій: *Экономическія проблемы мира*.

КНИГА III.

Гр. Алексѣй Н. Толстой: *Хожденіе по мукамъ*. (Романъ). Гл. XVII—XXIII. — М. А. Алдановъ: *Святая Елена, маленькій островъ*. (Отрывокъ изъ неизданной книги). — Сергій Маковскій: *Скле*. (Стихотвореніе). — Софья Федорченко: *Сказки и пѣсни буковинскія*. — И. Рѣпинъ: *О графѣ Львѣ Николаевичѣ Толстомъ*. (Личныя впечатлѣнія и воспоминанія). — С. Карцевскій: *Объ эстетикѣ Достоевскаго*. — Л. Шестовъ: *Тысяча и одна ночь*. —

Проф. М. Ростовцевъ: *Происхождение Киевской Руси*. — А. С. Орловъ: *Измѣненія цѣны и условій жизни трудящихся классовъ съ начала войны*. — С. А. Корфъ: *Возможна-ли въ Россіи федерація*. — В. Гефдингъ: *Трехлѣтніе итоги*. (Очеркъ совѣтскаго хозяйства). — В. М.: *Замѣтки о Закавказьѣ*. — М. В. Вишнякъ: *На родинѣ*. — А. Сѣверовъ: *Внутри-классовая борьба*. — Н. Д. Авксентьевъ: *Итоги*. — КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ. М. Слономъ: *Поэтъ человечности*. — Б. Шлецеръ: *Музыкальное возрожденіе Франціи и русское вліяніе*. — Проф. С. Метальниковъ: *Проблема туберкулеза*. — М. Цетлинъ: *Истинно народныя поэты и ихъ комментаторы*. — А. Койранскій: *По поводу салона независимыхъ*. — КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ. Б. Шлецеръ: *Романъ Ролланъ, «Кларамбо»*. — В. Р.: F. Zitelmann, «Russland im Friedensvertrage von Versailles». — В. Р.: Dr. Jean Loris-Melicof, «La Revolution Russe et les nouvelles Republiques transcaucasiennes. (Bolchevisme et anti-bolchevisme)». — М. В. Вишнякъ: Проф. Н. Устряловъ, «Въ борьбѣ за Россію». — П. Н. Апостоль: Francis Delaisi, «Le Pétrole». — С. Загорскій: «The Russian Economist», journal of the Russian Economic Association in London.

КНИГА IV.

Гр. Аленскій Н. Толстой: *Хожденіе по мукамъ*. (Романъ). Гл. XXIII-XXVII. — М. А. Алдановъ: *Святая Елена, маленькій островъ*. (Отрывокъ изъ неизданной книги). — МАКСИМИЛИАНЪ ВОЛОШИНСКІЙ: Стихотворенія. — КАТЕРИНА БРЕШКОВСКАЯ: *Три анархиста*: П. А. Кропоткинъ, Мосье и Луиза Мишель. — Проф. М. Ростовцевъ: *Международныя отношенія и международное право въ древнемъ мірѣ*. — С. Загорскій: «Открытие Россіи». — Бар. Б. Э. Нольде: *Германская Имперія*. — А. Михельсонъ: *Міровая борьба за нефть*. И. Бунakovъ: *Пути Россіи*. А. Сѣверовъ: *Вънскій интернаціональ*. — М. А. Вишнякъ: *На родинѣ*. КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ. К. Бальмонтъ: *Мысли о творчествѣ*. — В. Ладьяженскій: *Церковь и государство въ совѣтской Россіи*. — Б. Шлецеръ: *Жизнь слова* (Полю Клодель). — Проф. С. Метальниковъ: *Роль и значеніе оплодотворенія въ живой природѣ*. — КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ. М. А.: А. И. Герценъ, «Былое и Думь». — В. Шлецеръ: *Кн. Н. С. Трубецкой*, «Европа и человѣчество». — В. Р.: Roger F r a n c e q, «Le Travail au pouvoir». — Маркъ Вишнякъ: *И. Штейнбергъ*, «Отъ февраля по октябрь 1917 г.» *Б. Камковъ*, «Органическій недугъ» и *А. И. Шрейдеръ*, «Федеративная Совѣтская Республика». — А. О.: S i m o n Z a g o r s k y, «La république des soviets». — С. П. Тюринъ: *Материалы по статистикѣ труда*. (Пода ред. Завѣд. Отд. Стат. С. Г. Струмилина. Изданіе Народн. Комиссаріата Труда, Москва, 1920). — М. Ц.: *Русская Книга* (Ежем. кр.-библ. журн. подъ ред. проф. А. С. Яценко). — Г. Л.: M. F e i t e l b e r g «Dan Papiergeldwesen im Raete Russland». — П. Апостоль: «The Russian Economist», journal of the Russian Economic Association in London. №121, 9 2

КНИГА V.

Гр. Алексѣй Н. Толстой: *Хожденіе по мукамъ*. (Романъ). Гл. XXVIII-XXXIV. — Георгій Гревеншиковъ: *Чураевы*. (Романъ). Часть I. Гл. I-IV. — С. Р. Минцловъ: *За мертвыми душами*. — К. Бальмонтъ: *Встрѣча*. (Стихотвореніе). — Максимилянъ Волошинъ: 1. *Иезекіиль*. 2. *Пресуществленіе*. (Стихотворенія). — Л. Шестовъ: *О корняхъ вещей*. — М. А. Алдановъ: *Два этюда*: 1. *Эрихъ Людендорфъ*. 2. *Жоржъ Клемансо*. Ст. Ивановичъ: *Царство социальной иллюзіи*. — К. Качоровскій: *Крестьянство и интеллигенція*. — Дюнео: *Броженіе въ Индіи*. — М. В. Вишнякъ: *На родинѣ*. — КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ. — М. Цетлиивъ: *О новомъ романѣ Мерезковскаго*. — Л. Сотовъ: *Бессарабія и Россія (Письмо изъ Бессарабіи)*. — Л. Немановъ: *Азербейджанъ и Россія*. — М. Л. Гошиллеръ: *Кризисъ французскаго рабочаго движенія*. — В. Брейтвейтъ: *Три декрета*. — В. Рудневъ: *Демократизація промышленности*. — КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ. — А. Аргуновъ: *К. Н. Соколовъ, Правленіе генерала Деникина*. — Б. Шлецеръ: *Сергей Булгаковъ, На пиру боговъ*. — Равиндранатъ Тагоръ, *Домъ и Миръ*. — Б. Ш.: Ж. Рови (Старшій), *Факелы и плашки*. — М. Вишнякъ: *Архивъ Русской Революціи, издаваемый I. В. Гессеномъ*. — С. Карцевскій: *Юрій Никольскій, Тургеневъ и Достоевскій*.

КНИГА VI.

Гр. Алексѣй Н. Толстой: *Хожденіе по мукамъ*. (Романъ). Гл. XXXV-XXXVIII. — Георгій Гревеншиковъ: *Чураевы*. (Романъ). Часть I. Гл. V-VI. Часть II. Гл. I-II. — С. Р. Минцловъ: *За мертвыми душами*. (Продолженіе). — Марина Цветаева: *Стихотворенія*. — Кн. В. Оболенскій: *М. Е. Салтыковъ въ своей семьѣ*. — Г. Ловицкій: *Н. А. Римскій-Корсаковъ*. (Источники его творчества). — Ст. Ивановичъ: *Сумерки русской социальной демократіи*. — Проф. М. Ростовцевъ: *Идея прогресса и ея историческое обоснованіе*. — А. С. Орловъ: *Экономическій кризисъ въ Англіи и его послѣдствія*. — М. В. Вишнякъ: *На родинѣ*. — В. В. Рудневъ: *Къ вопросу о судьбахъ русской промышленности*. — КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ. — В. И. Таливъ: *По переписи*. — Н. Минский: *Единственный святочъ*. — Л. Немановъ: *Тригедія Армении*. — Б. Шлецеръ: *Зеркальное творчество (Марсель Прустъ)*. — С. Загорскій: *Проблемы новаго міра*. — А. Левинсонъ: *Свое и чужое. «Миръ Искусства». Два художника*. — КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ. — М. А.: Д-ръ Г. А. Зивъ, *Троцкій*. (По личнымъ воспоминаніямъ). — А. Аргуновъ: *Г. К. Гинсъ: «Сибирь, Союзники и Колчакъ»; Лидія Крестовская: «Изъ исторіи волонтерскаго движенія во Франціи»*. — М. В.: *Karl Kaütsky: «Georgien. Eine socialdemokratische Bauernrepublik»*. — Прив.-доц. С. Карцевскій: *Alexandre Pouchkine, «Boris Godounof» (traduit du russe par Marc Seménoff); «Revue des études slaves» (tome I-er, fasc. 1 et 2, Paris 1921)*. — Б. Шлецеръ: *Шарль Андерсъ, «Предшественники Ницше»*.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

„РУССКАЯ ЗЕМЛЯ“

5ter, Rue du Dôme, ВЪ ПАРИЖЪ

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ:

- К. Д. БАЛЬМОНТЪ. — „Даръ Землѣ“, сборникъ новыхъ стихотворений . . . 7 фр. 50 с.
И. А. БУНИНЪ. — „Господинъ изъ Санъ-Франциско“ и другіе рассказы . . . 12 фр.
А. И. КУПРИНЪ. — „Судамнѣ“ и другіе рассказы . . . 12 —
Гр. А. Н. ТОЛСТОЙ. — „Навожденіе“ и другіе рассказы . . . 12 —
ИВ. ШМЕЛЕВЪ. — „Неупиваемая Чаша“, повѣсть. 7 фр. 50 с.
И. А. БУНИНЪ. — „Деревня“. „Суходолъ“. . . 12 фр.
Д. С. МЕРЕЖКОВСКІЙ. — „14 Декабря“, романъ . . . 15 —
БОРИСЪ ЗАЙЦЕВЪ. — „Путники“ и другіе рассказы . . . 12 —
З. Н. ГИППИУСЪ. — Сборникъ избран. разск. . . 12 —
А. И. КУПРИНЪ. — „Гамбринусъ“ и другіе рассказы . . . 12 —
Гр. А. Н. ТОЛСТОЙ. — „Хромой баринъ“, романъ . . . 10 —
Н. А. ТЭФФИ. — „Тихая заводь“ и другіе рассказы . . . 12 —
В. А. МАКЛАКОВЪ. — „Толстой и Большевиизмъ“. 2 фр. 50 с.

Печатаются:

И. С. ТУРГЕНЕВЪ. — «Письма къ г-жѣ Виардо». Первое полное собраніе. 2 тома. И. А. БУНИНЪ. — «Чаша жизни». И. А. БУНИНЪ. — «Храмъ солнца». А. И. КУПРИНЪ. — «Гранатовый браслетъ». Гр. А. Н. ТОЛСТО . — «Земныя сокровища». ИВАНЪ НАЖИВИНЪ. — Новые рассказы.

Имѣются на складѣ:

«РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ», подъ редакціей ак. И. А. Бунина: Т. I. Фонвизинъ—Капнистъ—Грибоѣдовъ; цѣна: 8 фр. «РУССКІМЪ ДѢТЯМЪ», народныя сказки, пѣсни, шутки. Рисунки кн. Шервашидзе; цѣна: 3 фр. 75 с. КОТЪ-МУРЛЫКА. — «Папа-Пряникъ», сказка. Рисунки г-жи Щербачевой; цѣна: 3 фр. 75 с. ПРОФ. В. Ф. ТОТОМІАНЦЪ. — «Исторія экономическихъ и социальныхъ учений»; цѣна: 10 фр. ДОНЕО. — «Первый Устой»; цѣна: 11 фр. СОЛОМОНЪ РЕЙНАКЪ. — «Орфей». (Всеобщая исторія религій); цѣна: 12 фр. ПЕТРЪ АЛЕКСАНДРОВЪ. — «Сонъ»; цѣна: 2 фр. «СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ» (ежемесячный журнал), №№ 1, 2, 3, 4, 5 и 6; цѣна по 10 фр. каждый.

Изданія „РУССКОЙ ЗЕМЛИ“ продаются во всѣхъ русскихъ книжныхъ магазинахъ Европы и ВЪ ПАРИЖЪ:

Въ книжныхъ магазинахъ:

- Я. ПОВОЛОЦКАГО, 13, rue Bonaparte (VIe).
Л. РОДШТЕЙНА, 17, rue Cujas (Ve).
„ЗЕЛЕННОЙ ПАЛОЧКИ“, 31, rue Richelieu.

Въ редакціяхъ газетъ:

- „ПОСЛѢДНИХЪ НОВОСТЕЙ“,
5, place du Palais-Bourbon;
„ОБЩАГО ДѢЛА“, 142, rue Montmartre.
Въ „ТНÉ KITTY“, 390, rue St-Honoré.

По первому письменному требованію („ROUSSKAIA ZEMLIA“, 5ter, rue du Dôme, Paris, XVIe), книги высылаются наложеннымъ платежомъ въ провинцію и доставляются на домъ въ Парижѣ.

**ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественныхъ Наук
Академии Наук СССР**

Русское Издательство и Книжный Магазинъ

J. POVOLOZKY & Cie, ÉDITEURS

13, Rue Volaparte, PARIS (VIe) — Tel.: Gobelins 53-62

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ:

	Фр.
Б. Соколовъ. — На поворотѣ	5.—
Дионео. — Англія	5.—
Заблудовская. — Франція	5.—
Д-ръ Бортиновскій. — Какъ сохранить свое здоровье	3.75
Ив. Наживинъ. — Осени поздней цвѣты запоздалые	2.00
К. Д. Бальмонтъ. — Свѣтлый часъ. (Стихи).	2.00
Б. А. Лааревскій. — Птицы ночныя и др. разск.	2.00
Сем. Юшкевичъ. — Вышла изъ круга. (Повѣсть) 2 выпуска	5.00
Г. Д. Гребенчиковъ. — Въ нѣкоторомъ царствѣ. (Очерки)	0.00
А. Островскій. — Роза (Драма)	0.00
Г. В. Плехановъ. — Годъ на родинѣ. Полное собраніе статей и рѣчей 1917-1918 г. 2 тома	40.00
Л. А. Крестовская. — Русск. волонт. во Франціи	7.50
А. Блокъ. — Двѣнадцать. Сноны	10, 30 и 40
Дѣти дѣтямъ. — Сборники разсказовъ, написанныхъ и иллюстр. дѣтьми. Два выпуска.	2.50 и 3.00
Русскія сказки, иллюстрирован. дѣтьми, выписки по	1.25, 1.75 и 2.50
«Родное». — Сборникъ стихотв. для русскихъ дѣтей, состав. Л. А. Коварской.	4.50

Иллюстрированная библиотека французскихъ писателей:

	Фр.
Буржисе. — Преступленіе	5.—
Жиль. — Романъ котика	5.—
Мериме. — Графиня Диана	5.—
Мирбо. — Аббатъ Жюль	5.—
Преву. — Около любви	5.—
Ришпанъ. — Тина	5.—
Родъ. — Мишель Тесье	5.—
Золя. — Избранные разск.	5.—

ПЕЧАТАЮТСЯ:

- А. И. Деникинъ. — Очерки русской смуты.
Т. I. Крушеніе власти и арміи.
А. Волскій. — Записки монархиста . . .

Художественныя изданія на французскомъ языкѣ

N. Gontcharova et Lario- nov. — L'art décoratif théâtral et moderne (Al- bum)	200 frs. et 75.—
A. Blok. — Les douze (poème)	25.—
A. Gleizes. — Du cubisme et des moyens de le com- prendre	6.—
I. Roche. — Demi-Cercle (Album)	25.—
G. Lukomski. — Le Musée de Kiev	200.
Marie de la Hire. — Francis Picabia	100.—
V. Parnak. — Motdynamo	20.—

Русскіе классики

Полныя собранія сочиненій Боборыкина, Вересаева, Гаршина, Гарина, Гоголя, Гончарова, Данилевскаго, Достоевскаго, Жуковскаго, Загоскина, Кольцова, Короленко, Куприна, Лермонтова, Лѣскова, Мамина-Сибиряка, Никитина, Мея, Писемскаго, Помяловскаго, Пушкина, Станюковича, А. К. Толстого, Тургенева, Успенскаго, Фета, Чехова и др.

Учебники

по всемъ предметамъ среднихъ и начальныхъ школъ; по счетоводству, механикѣ, воздухоплаванию, шофферному дѣлу, сельскому хозяйству.

Принимается подписка на всѣ періодическія изданія. На складѣ имѣются крымскія и кавказскія газеты конца прошлаго года.

Книги по русскимъ вопросамъ на французскомъ и др. языкахъ. Медицинскія книги. Научно-популярныя. Энциклопедическіе словари (Павленкова, Граната, Брокгауза). Календари.

Выдаются справки и принимаются заказы на русскія и иностранныя книги. Принимаются порученія по печатанію книгъ. Книжнымъ магазинамъ, общественнымъ учреждениямъ и военнопленнымъ — скидка. Каталоги бесплатно.